

ЖАННИ

ОДАРИ

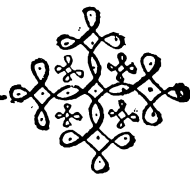
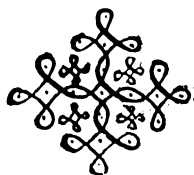

Gianni Rodari

ДЖАННИ РОДАРИ

СКАЗКИ

СТИХИ

ЛЕНИЗДАТ • 1980

Р00
84.34

Составитель
И. Г. КОНСТАНТИНОВА

Художник
АЛЛА КОРОЛЬ

Р $\frac{70603 \ 4830200000-153}{M171(03)-80}$ 191-80

© Лениздат, 1980
(состав, послесловие, оформление)

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА

Эта книга включает большую часть моих историй, написанных для детей в течение пятнадцати лет. Вы скажете, что этого мало. За 15 лет, если бы я писал каждый день только одну страницу, можно было бы уже иметь примерно 5500 страниц. Значит, я написал намного меньше, чем мог. И все же я не считаю себя большим лентяем!

Дело в том, что в эти годы я еще работал как журналист и делал много других вещей. Например, я писал статьи для газет и журналов, занимался школьными проблемами, играл со своей дочкой, слушал музыку, ходил гулять, думал. А думать — это тоже полезное дело. Может быть, даже самое полезное из всех других. По-моему, каждый человек должен полчаса в день думать. Это можно делать всюду — сидя за столом, гуляя в лесу, в одиночестве или в компании.

Я стал писателем почти случайно. Мне хотелось быть скрипачом, и я несколько лет учился играть на скрипке. Но с 1943 года больше не прикасаюсь к ней. Скрипка так и лежит у меня с тех пор. Я все время соби-

раюсь добавить струны, которых не хватает, поправить сломанный гриф, купить новый смычок вместо старого, совсем растрепавшегося, и снова начать упражнения с первой позиции. Может быть, я это когда-нибудь сделаю, но пока у меня нет времени. Мне хотелось бы ещё быть художником. Правда, в школе у меня всегда были плохие отметки по рисованию, и всё же водить карандашом и писать маслом я всегда очень любил. К сожалению, в школе нас заставляли делать такие нудные вещи, что они могли вывести из терпения даже корову. Словом, как все ребята, я мечтал очень о многом, но многого потом не сделал, а сделал то, о чём меньше всего думал.

Однако, сам того не подозревая, я долго готовился к своей писательской деятельности. Например, я стал школьным учителем. Не думаю, что я был очень хорошим учителем: я был слишком молод, и мои мысли витали очень далеко от школьных парт. Возможно, я был весёлым учителем. Я рассказывал ребятам разные смешные истории — истории без всякого смысла, и чем абсурднее они были, тем больше дети смеялись. Это уже кое-что значило. В школах, которые я знаю, по-моему, мало смеются. Много, что можно было бы выучить смеясь, учат со слезами — горькими и бесполезными.

Но не будем отвлекаться. Так или иначе, я должен рассказать вам об этой книге. Я надеюсь, что она будет весёлой, как игрушка. Кстати, вот ещё одно занятие, которому я хотел бы себя посвятить: делать игрушки. Мне всегда хотелось, чтобы игрушки были

неожиданными, с выдумкой, чтобы они годились каждому. Такие игрушки долго живут и никогда не надоедают. Не умея работать ни с деревом, ни с металлом, я попытался делать игрушки из слов. Игрушки, по моему, так же важны, как книги: если бы это было не так, ребята не любили бы их. А раз они их любят, значит, игрушки учат их чему-то такому, чему иначе научиться нельзя.

Я хотел бы, чтобы игрушки служили и взрослым, и маленьким, чтобы в них можно было играть всей семьёй, всем классом, вместе с учителем. Я хотел бы, чтобы и мои книги были такими же. И эта — тоже. Она должна помочь родителям сблизиться со своими детьми, чтобы с нею можно было бы вместе посмеяться, поспорить. Я доволен, когда какой-нибудь мальчик охотно слушает мои истории. Ещё больше радуюсь я, когда эта история вызывает у него желание говорить, высказывать своё мнение, задавать взрослым вопросы, требовать, чтобы они отвечали.

Моя книга выходит в Советском Союзе. Я очень доволен этим, потому что советские ребята — отличные читатели. Я встречал много советских ребят в библиотеках, в школах, во Дворцах пионеров, в Домах культуры — повсюду, где бывал. А теперь я вам скажу, где я бывал: в Москве, Ленинграде, Риге, Алма-Ате, Симферополе, Артеке, Ялте, Севастополе, Краснодаре, Нальчике. В Артеке я познакомился с ребятами с Крайнего Севера и Дальнего Востока. Все они были великолепные пожиратели книг. Как это здорово знать, что книга, какая бы она

ни была — толстая или тонкая, — печатается. не для того, чтобы лежать где-то в пыли на витрине или в шкафу, а для того, чтобы её с отличным аппетитом проглотили, съели, переварили сотни тысяч ребят.

Поэтому благодарю всех тех, кто подготовил эту книгу, и тех, кто, так сказать, будет её есть. Надеюсь, что она придётся вам по вкусу.

Приятного аппетита!

Дж а н н и Р о д а р и

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

о котором Чиполлоне отдал ногу принцу Лимону

Чиполлино был сыном Чиполлоне. И было у него **семь братьев**: Чиполлетто, Чиполлотто, Чиполлочча, Чиполлучча и так далее — самые подходящие имена для честной луковой семьи. Люди они были хорошие, надо прямо сказать, да только не везло им в жизни. Что ж поделаешь: где лук, там и слёзы.

Чиполлоне, его жена и сыновья жили в деревянной лачуге чуть побольше ящичка для огородной рассады. Если богачам случалось попадать в эти места, они недовольно морщили носы, ворчали: «Фу, как несет луком!» — и приказывали кучеру ехать быстрее.

Однажды бедную окраину собрался посетить сам правитель страны, принц Лимон. Придворные ужасно беспокоились, не ударит ли луковый запах в нос его высочеству:

— Что скажет принц, когда почувствует этот запах бедности?

— Можно опрыскать бедняков духами! — предложил Старший Камергер.

На окраину немедленно отправили дюжину солдат-Лимончиков, чтобы надушить тех, от кого пахнет луком. На этот раз солдаты оставили в казармах свои сабли и пушки и взвалили на плечи огромные бидоны с опрыскивателями. В бидонах были: цветочный одеколон, фиалковая эссенция и даже самая лучшая розовая вода.

Командир приказал Чиполлоне, его сыновьям и всей родне выйти из домишек. Солдаты построили их в ряды и хорошенько опрыскивали с головы до ног

одеколоном. От этого душистого дождя у Чиполлино с непривычки сделался сильнейший насморк. Он стал громко чихать и не расслышал, как издали донёлся протяжный звук трубы.

Это на окраину прибыл сам правитель со свитой Лимонов, Лимонишек и Лимончиков. Принц Лимон был одет во всё жёлтое с ног до головы, а на жёлтой шапочке у него побрякивал золотой колокольчик. У придворных Лимонов колокольчики были серебряные, а у солдат-Лимончиков — бронзовые. Все эти колокольчики звенели не переставая, так что получалась великолепная музыка. Послушать её сбегалась вся улица. Народ решил, что пришёл бродячий оркестр.

Чиполлоне и Чиполлино оказались в первом ряду. Им обоим досталось немало толчков и пинков от тех, кто напирал сзади. Наконец бедный старик Чиполлоне не выдержал и закричал:

— Назад! Осади назад!..

Принц Лимон насторожился. Это что такое?

Он подошел к Чиполлоне, величаво переступая своими короткими, кривыми ножками, и строго посмотрел на старика:

— Чего это ты кричишь «назад»? Мои верноподданные так жаждут увидеть меня, что рвутся вперед, а тебе это не нравится, да?

— Ваше высочество, — прошептал на ухо принцу Старший Камергер, — мне кажется, что этот человек — опасный мятежник. Его нужно взять под особое наблюдение.

Тотчас же один из солдат-Лимончиков направил на Чиполлоне подзорную трубу, которою пользовались для наблюдения за возмутителями спокойствия. У каждого Лимончика была такая труба.

Чиполлоне позеленел от страха.

— Ваше высочество, — пробормотал он, — да ведь они меня затолкают!

— И прекрасно сделают, — прогремел принц Лимон. — Так тебе и надо!

Тут Старший Камергер обратился к толпе с речью.

— Возлюбленные наши подданные, — сказал он, — его высочество благодарит вас за выражение преданности и за усердные пинки, которыми вы потчуете друг друга. Толкайтесь посильнее, напирайте вовсю!

— Но ведь они и вас самих, чего доброго, с ног сшибут,— попытался возразить Чиполлино.

Но сейчас же другой Лимончик направил на мальчика подворную трубу, и Чиполлино счёл за лучшее скрыться в толпе.

Сначала задние ряды напирали на передние не слишком сильно. Но Старший Камергер так свирепо поглядывал на нерадивых, что в конце концов толпа заволожалась, как вода в кадushке. Не выдержав напора, старый Чиполлоне завертелся кубарем и печально наступил на ногу самому принцу Лимону.

Его высочество, на ногах у которого были изрядные мозоли, сразу увидел все звезды небесные без помощи придворного астронома. Десять солдат Лимончиков кинулись со всех сторон на несчастного Чиполлоне и надели на него наручники.

— Чиполлино, Чиполлино, сынок! — звал, растерянно оглядываясь по сторонам, бедный старик, когда его уводили солдаты.

Чиполлино в эту минуту находился очень далеко от места происшествия и ничего не подозревал, но все-таки, сновавшие вокруг, уже всё знали, и, как бывает в подобных случаях, знали даже больше того, что было на самом деле.

— Хорошо, что его вовремя схватили, — говорили досужные болтуны. — Вы только подумайте, он хотел заколоть его высочество кинжалом!

— Ничего подобного: у злодея пулемёт в кармане!

— Пулемёт? В кармане? Да этого быть не может!

— А разве вы не слышите стрельбы!

На самом деле это была вовсе не стрельба, а треск праздничного фейерверка, устроенного в честь принца Лимона. Но толпа так перепугалась, что шарахнулась во все стороны от солдат-Лимончиков.

Чиполлино хотел было крикнуть всем этим людям, что в кармане у его отца не пулемёт, а только небольшой окурок сигары, но, подумав, решил, что болтунов всё равно не переспоришь, и благоразумно промолчал.

Бедный Чиполлино! Ему вдруг показалось, что он стал плохо видеть,— это потому, что у него на глаза навернулась большущая слезища.

— Назад, глупая! — прикрикнул на нее Чиполлино и стиснул зубы, чтобы не зареветь.

Слеза испугалась, попятилась и больше уже не показывалась.

Короче говоря, старого Чиполлоне приговорили к тюремному заключению не только на всю жизнь, но и на много-много лет после смерти, потому что при тюрьмах принца Лимона были и кладбища.

Чиполлино добился свидания со стариком и крепко обнял его:

— Бедный ты мой отец! Тебя засадили в каталажку, как преступника, вместе с ворами и бандитами!

— Что ты, что ты, сынок,— ласково перебил его отец,— да ведь в тюрьме полным-полно честных людей!

— А за что же они сидят? Что плохого они сделали?

— Ровно ничего, сынок. Вот за это-то их и засадили. Принцу Лимону порядочные люди не по нутру.

Чиполлино призадумался.

— Значит, попасть в тюрьму — это большая честь? — спросил он.

— Выходит, что так. Тюрьмы построены для тех, кто ворует и убивает, но у принца Лимона всё наоборот: вору и убийце у него во дворце, а в тюрьме сидят честные граждане.

— Я тоже хочу быть честным гражданином,— заявил Чиполлино,— но только в тюрьму попадать не желаю. Потерпи немного, я вернусь сюда и всех вас освобожу!

— Не слишком ли ты на себя надеешься? — улыбнулся старик. — Это дело нелёгкое!

— А вот увидишь. Я своего добьюсь.

Тут явился какой-то Лимонишка из стражи и объявил, что свидание окончено.

— Чиполлино, — сказал на прощанье отец, — теперь ты уже большой и можешь сам о себе подумать. () твоей маме и братишках позаботится дядя Чиполла, а ты отправляйся странствовать по белу свету, поучись уму-разуму.

— Как же мне учиться? Книжек у меня нет, да и купить их не на что.

— Не беда, жизнь научит. Только гляди в оба — старайся видеть насквозь всяких плутов и мошенников, особенно тех, которые имеют власть.

— А потом? Что мне потом делать?

— Сам поймёшь, когда придёт время.

— Ну пошёл, пошёл, — прикрикнул Лимонишка, — довольно болтать! А ты, оборвыш, держись подалее отсюда, ежели не хочешь сам попасть за решётку.

Чиполлино ответил бы Лимонишке насмешливой песенкой, да подумал, что не стоит попадать за решётку, пока не успеешь как следует взяться за дело.

Он крепко поцеловал отца и убежал.

На следующий день он поручил свою мать и семерых братьев заботам доброго дяди Чиполлы, которому повезло в жизни чуть-чуть больше, чем остальным родственникам, — он служил где-то привратником.

Попрощавшись с дядей, матерью и братьями, Чиполлино завязал свои вещи в узелок и, нацепив его на палку, пустился в путь.

Он пошёл куда глаза глядят и, должно быть, выбрал верную дорогу.

Через несколько часов добрался он до маленькой деревушки — такой маленькой, что никто даже не потрудился написать её название на столбе или на первом доме. Да и дом-то этот был, собственно говоря, не дом, а какая-то крохотная конурка, которая годилась разве что для таксы. У окошечка сидел старик с рыжеватой бородкой; он грустно поглядывал на улицу и, казалось, был чем-то озабочен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как Чиполлино заставил кавалера Помидора заплакать в первый раз

— Дяденька,— спросил Чиполлино,— что это вам взбрело в голову забраться в этот ящик? Хотел бы я знать, как вы из него вылезете!

— О, это довольно легко! — отвечал старичок. — Вот войти гораздо труднее. Я бы с удовольствием пригласил вас к себе, мальчик, и даже угостил бы стаканчиком холодного пива, но здесь вдвоём не поместишься. Да, правду сказать, у меня и пива-то нет.

— Ничего,— сказал Чиполлино,— я пить не хочу... Так это, значит, ваш дом?

— Да,— отвечал старик, которого звали кум Тыква.— Домик, правда, тесноват, но, когда нет ветра, тут неплохо.

Надо сказать, что кум Тыква только накануне этого дня закончил постройку своего дома. Чуть ли не с самого детства мечтал он о том, что у него будет когда-нибудь собственный домик, и каждый год покупал по одному кирпичу для будущей постройки.

Но только, к сожалению, кум Тыква не знал арифметики и должен был время от времени просить сапожника, мастера Виноградинку, посчитать за него кирпичи.

— Посмотри,— говорил мастер Виноградинка, почёсывая затылок шилом.— Шестью семь — сорок два... девять долой... Словом, всего у тебя семнадцать кирпичей.

— А как ты думаешь, хватит этого на дом?

— Я бы сказал, что нет.

— Как же быть?

— Это уж твоё дело. Не хватает на дом — сложи из кирпичей скамеечку.

— Да на что же мне скамеечка! Скамеечек и без того в парке много, а когда они заняты, я и постоять могу.

Мастер Виноградинка молча почёсывал шилом сначала за правым ухом, потом за левым и уходил в свою мастерскую.

А кум Тыква думал-думал и в конце концов решил работать побольше, а есть поменьше. Так он и сделал.

Теперь ему удавалось покупать по три, по четыре кирпича в год.

Он стал худым, как спичка, зато груда кирпичей росла.

Народ говорил: «Посмотрите-ка на кума Тыкву! Можно подумать, что он вытаскивает кирпичи из собственного брюха. Каждый раз, как у него прибавляется кирпичик, сам он худеет на килограмм».

Так шёл год за годом. Наконец наступил день, когда кум Тыква почувствовал, что становится стар и не может больше работать. Он снова пошёл к мастеру Виноградинке и сказал ему:

— Будь так добр, посчитай мои кирпичи.

Мастер Виноградинка, захватив с собой шило, вышел на мастерской, посмотрел на груду кирпичей и начал:

— Тыквы семь — сорок два... девять долой... Словом, всего у тебя теперь сто восемнадцать штук.

— Хватит на дом?

— По-моему, нет.

— Как же быть?

— Не знаю, право, что тебе сказать... Построй курятник.

— Да у меня ни одной курицы нет!

— Ну так посели в курятнике кошку. Знаешь, кошка — зверь полезный. Она мышей ловит.

— Это-то верно, но ведь кошки у меня тоже нет, а правду сказать, и мыши ещё не завелись. Не с чего, да и негде...

— Чего же ты от меня хочешь? — засопел мастер Виноградинка, ожесточённо почёсывая затылок шилом. — Сто восемнадцать — это сто восемнадцать, ни больше, ни меньше. Так ведь?

— Тебе виднее — ты арифметике учился.

Кум Тыква вздохнул разок-другой, но, видя, что от его вздохов кирпичей не прибавляется, решил без лишних слов начать постройку.

«Я сложу из кирпичей совсем-совсем маленький домик, — думал он, работая. — Мне ведь дворца не нужно, я и сам невелик. А если кирпичей не хватит, пушу в ход бумагу».

Кум Тыква работал медленно и осторожно, боясь слишком быстро израсходовать все свои драгоценные кирпичи. Он клал их один на другой так бережно,

будто они были стеклянные. Он-то хорошо знал, чего стоит каждый кирпичик!

— Вот это,— приговаривал он, взяв один из кирпичей и поглаживая его, словно котёнка,— это тот самый кирпич, что я раздобыл десять лет тому назад к рождеству. Я купил его на те деньги, что припас на курицу к празднику. Ну, курятиной я полакомлюсь потом, когда кончу свою постройку, а пока обойдусь и без неё.

Над каждым кирпичом он выпускал глубокий-преглубокий вздох. И всё же, когда кирпичи кончились, у него осталось в запасе ещё очень много вздохов, а домик вышел крошечный, как голубятня.

«Кабы я был голубем,— думал бедный Тыква,— мне было бы здесь очень, очень уютно!»

И вот домик был совсем готов. Кум Тыква попытался было в него войти, но угодил коленом в потолок и чуть не обрушил всё сооружение.

«Стар я становлюсь и неуклюж. Надо быть поосторожнее!»

Он встал на колени перед входом и, вздыхая, вполз внутрь на четвереньках. Но тут обнаружились новые затруднения: нельзя встать без того, чтобы не пробить головой крышу; нельзя растянуться на полу, потому что пол слишком короток, а повернуться на бок невозможно из-за тесноты. Но главное, как быть с ногами? Если ты залез в домик, то надо втянуть внутрь и ноги, а то они, чего доброго, промокнут под дождем.

«Вижу,— подумал кум Тыква,— что мне остаётся только жить в этом доме сидя».

Так он и сделал. Он уселся на пол, осторожно переводя дух, и на лице его, оказавшемся в окошечке, было выражение самого мрачного отчаяния.

— Ну, как ты себя чувствуешь, сосед? — полюбопытствовал мастер Виноградинка, высунувшись из окна своей мастерской.

— Спасибо, недурно!..— со вздохом ответил кум Тыква.

— А тебе не узко в плечах?

— Нет, нет. Ведь я строил дом как раз по своей мерке.

Мастер Виноградинка почесал, как всегда, шилом ватылок и пробормотал что-то невнятное. А между тем со всех сторон собирался народ, чтобы поглазеть на

домик кума Тыквы. Примчалась и целая орава мальчишек. Самый маленький вспрыгнул на крышу домика и стал приплясывать, распевая:

Как у Тыквы-старика
В кухне правая рука,
В опальне левая рука,
Если ноги
На пороге,
Нос — в окошке чердака!

— Осторожней, мальчишки! — взмолился кум Тык-ва. — Одак вы мне дом обрушите — он ведь ещё такой молоденький, новенький, ему и двух дней нет!

Чтобы задобрить ребят, кум Тыква вытащил из кармана горсть красных и зелёных леденцов, которые завалялись у него уж и не знаю с каких времён, и расдал их мальчикам. Те с радостным визгом схватили леденцы и сейчас же передрались между собой, деля добычу.

С этого дня кум Тыква, как только у него заводилось несколько сольдо, покупал конфеты и клал их на подоконник для ребят, словно хлебные крошки для воробьёв. Так они и подружились.

Иной раз Тыква разрешал мальчикам по очереди плескать в домик, а сам зорко поглядывал снаружи, как бы они не наделали беды.

Вот обо всём этом кум Тыква и рассказал юному Чиполлино как раз в ту минуту, когда на краю деревни показалось густое облако пыли.

Тотчас же, словно по команде, все окна, двери и порога стали со стуком и скрипом закрываться. Жена мастера Виноградинки тоже поспешила запереть свою калитку. Народ попрятался по домам, словно перед бурей. Даже куры, кошки и собаки — и те кинулись искать себе надёжное убежище.

Чиполлино ещё не успел расспросить, что такое здесь творится, как облако пыли с треском и грохотом прокатилось по деревне и остановилось у самого домика кума Тыквы.

В середине облака оказалась карета, которую тянула четвёрка лошадей. Собственно говоря, это были не совсем лошади, а скорее огурцы, потому что в стране,

о которой идёт речь, все люди и животные были сродни каким-нибудь овощам или фруктам.

Из кареты, пыхтя и отдуваясь, вылез толстяк, одетый во всё зелёное. Его красные, пухлые, надутые щеки, казалось, вот-вот лопнут, как перезрелый помидор.

Это и был кавалер Помидор, управитель и эконом богатых помещиц — графинь Вишен. Чиполлино сразу понял, что от этой особы нельзя ждать ничего хорошего, если все удирают при первом же её появлении, и сам счёл за лучшее держаться в сторонке.

Сначала кавалер Помидор не делал никому ничего дурного. Он только смотрел на кума Тыкву. Смотрел долго и пристально, зловеще покачивая головой и не говоря ни слова.

А бедный кум Тыква рад был в эту минуту провалиться сквозь землю вместе со своим крошечным домиком. Пот ручьями струился у него со лба и попадал в рот, но кум Тыква не осмеливался даже поднять руку, чтобы вытереть лицо, и покорно глотал эти солёные и горькие капли.

Наконец он закрыл глаза и стал думать так: «Никакого синьора Помидора тут больше нет. Я сижу в своём домике и плыву, как моряк в лодочке, по Тихому океану. Вокруг вода — синяя-синяя, спокойная спокойная... Как мягко она колышет мою лодочку!..»

Конечно, никакого моря вокруг не было и в помине, но домик кума Тыквы и в самом деле покачивался то вправо, то влево.

Это происходило оттого, что кавалер Помидор ухватился за край крыши обеими руками и стал

трясти домик изо всех сил. Крыша ходила ходуном, и аккуратно уложенная черепица разлеталась во все стороны.

Кум Тыква поневоле открыл глаза, когда синьор Помидор издал такое грозное рычание, что двери и окна в соседних домах закрылись ещё плотнее, а тот, кто запер дверь только на один оборот ключа, поспешил повернуть ключ в замочной скважине ещё разок или два.

— Влодей! — кричал синьор Помидор. — Разбойник! Вор! Мятежник! Бунтовщик! Ты построил этот дворец на земле, которая принадлежит графиням Вишням, и собираешься провести остаток своих дней здесь, нарушая священные права двух бедных синьоров — вдов и круглых сирот. Вот я те-

перь умоляю твою милость, — умолился кум Тыква, — уверь меня, что у меня было разрешение на постройку домика! Мне его дал когда-то сам синьор граф Вишня!

— Граф Вишня умер тридцать лет тому назад, — мир его праху! — а теперь земля принадлежит двум благополучно здравствующим графиням. Поэтому убирайся отсюда вон без всяких разговоров! Остальное тебе разъяснит адвокат... Эй, Горошек, где вы тут? Живо!

Синьор Зелёный Горошек, деревенский адвокат, очевидно, был наготове, потому что немедленно выскочил откуда-то, словно горошинка из стручка. Каждый раз, когда Помидор являлся в деревню, он звал этого расторопного малого, чтобы тот подтвердил его распоряжения подходящими статьями закона.

— Я здесь, ваша милость, к вашим услугам... — пролепетал синьор Горошек, низко кланяясь и зеленея от страха.

Он был такой маленький и юркий, что его поклонил никто и не заметил. Боясь показаться недостаточно вежливым, синьор Горошек подпрыгнул повыше и задыгал ногами в воздухе.

— Эй, как вас там, скажите-ка этому бездельнику Тыкве, что, по законам королевства, он должен немедленно убираться отсюда прочь. И объявите всем идешним жителям, что графини Вишни намерены посадить в эту конуру самую злую собаку, для того что-

бы стеречь графские владения от мальчишек, которые с некоторого времени стали вести себя крайне непочтительно.

— Да, да, действительно непочтительно... то есть...— бормотал Горошек, ещё пуще зеленея от страха.— То есть недействительно почтительно!

— Что там — «действительно» или «недействительно»? Адвокат вы или нет?

— О да, ваша милость, специалист по гражданскому, уголовному, а также и каноническому праву. Окончил университет в Саламанке. С дипломом и званием...

— Ну, ежели с дипломом и званием, так, стало быть, вы подтвердите, что я прав. А затем можете убраться восвояси.

— Да, да, синьор кавалер, как вам будет угодно!..— И синьор адвокат, не заставляя себя просить дважды, ускользнул прочь быстро и незаметно, как мышиный хвост.

— Ну что, ты слышал, что сказал адвокат?— спросил Помидор кума Тыкву.

— Да ведь он ровно ничего не сказал! — слышался чей-то голос.

— Как? Ты осмеливаешься ещё спорить со мною, несчастный?

— Ваша милость, я и рта не открывал...— пролепетал кум Тыква.

— А кто же, если не ты? — И кавалер Помидор с угрожающим видом осмотрелся вокруг.

— Мошенник! Плут! — снова слышался тот же голос.

— Кто это говорит? Кто? Наверно, этот старый мятежник, мастер Виноградинка! — решил кавалер Помидор. Он подошел к мастерской сапожника и, ударив дубинкой в дверь, прорычал: — Я прекрасно знаю, мастер Виноградинка, что в вашей мастерской зачастую произносятся дерзкие, мятежные речи против меня и благородных графинь Вишен! Вы не питаете никакого почтения к этим престарелым знатым синьорам — вдовам и круглым сиротам. Но погодите: придёт и ваш черёд. Посмотрим, кто будет смеяться последним!

— Ещё раньше придёт твой черёд, синьор Помидор! Ох, лопнешь ты скоро, непременно лопнешь!

Слова эти произнёс не кто иной, как Чиполлино. Висунув руки в карманы, он так спокойно и уверенно подошёл к грозному кавалеру Помидору, что тому и в голову не пришло, что правду в глаза осмелился ему высказать этот жалкий мальчуган, этот маленький бродяга.

— А ты откуда взялся? Почему не на работе?

— Я ещё не работаю,— ответил Чиполлино.— Я пока только учусь.

— А что ты изучаешь? Где твои книги?

— Я изучаю мошенников, ваша милость. Как раз сейчас передо мной стоит один из них, и я ни за что не упущу случая изучить его как следует.

— Ах, ты изучаешь мошенников? Это любопытно. Впрочем, в этой деревке все мошенники. Если ты нашёл некоего Помаки-на мне его.

— С удовольствием, ваша милость,— ответил Чиполлино, лукаво подмигнув.

Тут он поглубже засунул руку в левый карман и вытащил оттуда маленькое зеркальце, которым он обычно пускал солнечных зайчиков. Подойдя совсем близко к синьору Помидору, Чиполлино повертел зеркальцем перед самым его носом:

— Вот он, этот мошенник, ваша милость. Если вам угодно, посмотрите-ка на него хорошенько. Узнаёте?

Кавалер Помидор не удержался от искушения и одним глазом посмотрел в зеркальце. Неизвестно, что он надеялся там увидеть, но, конечно, увидел только свою собственную красную, как огонь, физиономию со двумя маленькими глазками и широким ртом, похожим на прорезь копилки.

Тут-то синьор Помидор наконец понял, что Чиполлино попросту издевается над ним. Ну и взбесился же он! Весь побагровев, он вцепился обеими руками Чиполлино в волосы.

— Ой-ой-ой! — закричал Чиполлино, не теряя присущей ему весёлости.— Ах, как силен этот мошенник, которого вы увидели в моём зеркальце! Уверю вас, он один стоит целой шайки разбойников!

— Я покажу тебе, плут!..— заорал кавалер Помидор и так сильно дёрнул Чиполлино за волосы, что одна прядь осталась у него в руках.

Но тут случилось то, что и должно было случиться. Вырвав у Чиполлино прядь луковых волос, грозный

кавалер Помидор вдруг почувствовал едкую горечь в глазах и в носу. Он чихнул разок-другой, а потом слёзы брызнули у него из глаз, как фонтан. Даже как два фонтана. Струйки, ручьи, реки слёз текли по обшвам его щёкам так обильно, что залили всю улыцу, словно по ней прошёлся дворник со шлангом.

«Этого ещё со мной никогда не бывало!» — думал перепуганный синьор Помидор.

И в самом деле, он был такой бессердечный и жестокий человек (если только можно назвать помидора человеком), что никогда не плакал, а так как он был к тому же богат, ему ни разу в жизни не приходилось самому чистить лук. То, что с ним произошло, так напугало его, что он вскочил в карету, хлестнул лошадей и умчался прочь. Однако, удирая, обернулся и прокричал:

— Эй, Тыква, смотри же, я тебя предупредил!.. А ты, подлый мальчишка, оборванец, дорого заплатишь мне за эти слёзы!

Чиполлино покатывался со смеху, а кум Тыква только утирал пот со лба.

Двери и окна начали понемножку открываться во всех домах, кроме дома, в котором жил синьор Горошек. Мастер Виноградинка распахнул настежь свою калитку и выскочил на улицу, ожесточённо почёсывая затылок шилом.

— Клянусь всей дратвой в мире,— воскликнул он,— наконец-то нашёлся парнишка, который заставил плакать кавалера Помидора... Откуда ты взялся, мальчик?

И Чиполлино рассказал мастеру Виноградинке и его соседям свою историю, которую вы уже знаете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой рассказывается о профессоре Груше,
о Луке Порее и о Тысяченожках*

С этого дня Чиполлино начал работать в мастерской Виноградинки и скоро достиг больших успехов в сапожном деле: натирал воском дратву, подбивал подметки, ставил набойки, снимал мерку с ног заказчиков и при этом не переставал шутить.

Мастер Виноградинка был доволен им, и дела у них шли отлично не только потому, что они усердно работали, но и потому, что многие заходили в мастерскую, чтобы посмотреть на смелого мальчишку, который заставил плакать самого кавалера Помидора.

За короткое время Чиполлино приобрёл много новых знакомых.

Первым пришёл профессор Груша, учитель музыки, со скрипкой под мышкой. За ним влетело целое облако мух и ос, потому что скрипка профессора Груши была сделана из половинки ароматной, сочной груши, а мухи, как известно, большие охотницы до всего сладкого.

Очень часто, когда профессор Груша давал концерт, слушатели кричали ему из зала:

— Профессор, обратите внимание — на вашей скрипке сидит большая муха! Вы из-за неё фальшите!

Тут профессор прерывал игру и гонялся за мухой до тех пор, пока ему не удавалось прихлопнуть её смычком.

А иногда в его скрипку залезал червяк и проделывал в ней длинные извилистые коридоры. Инструмент от этого портился, и профессору приходилось обзаводиться новым, чтобы играть как следует, а не фальшить.

Вслед за профессором Грушей явился огородник Лук Порей. У него был густой чуб, спадающий на лоб, и длинные-предлинные усы.

— Из-за этих усов, — жаловался Лук Порей Чиполлино, — у меня немало неприятностей. Когда моя жена собирается сушить бельё, она сажает меня на балкон, привязывает мои усы за кончики к двум гвоздям и вешает на них свои простыни, рубашки и чулки. А я должен сидеть на солнце до тех пор, пока бельё не высохнет. Вот ви-

дишь, какие у меня следы на усах!

Действительно, на усах Лука Порея виднелись следы от деревянных защипок.

Однажды в мастерскую пришло семейство Тысяченожек: отец и двое сыновей — Тысяченожка и Тысячелапка. Сыновья ни одной минуты не могли спокойно постоять на месте.

— Они у вас всегда такие непоседы? — спросил Чиполлино.

— Что вы! — вздохнул Тысяченожка-отец. — Сейчас-то они ещё спокойны, как ангелы, а вот вы бы посмотрели, что с ними делается, когда моя жена их купает! Пока она моет им переднюю сотню ног, они успевают загрязнить задние; вымоет задние — глядь, а передние снова чернее чёрного. Она возится с ними без конца и каждый раз изводит целый ящик мыла.

Мастер Виноградинка почесал затылок и спросил:

— Ну что, снимать с ваших малышей мерку?

— Да что вы, бог с вами, разве я могу заказать столько башмаков! Мне пришлось бы работать всю жизнь, чтобы заплатить за тысячу пар ботинок.

— Верно, — согласился мастер Виноградинка. — Да у меня для них кожи в мастерской не наберётся.

— Ну так вы посмотрите, какие из ботинок больше всего износились. Сменим хотя бы несколько пар.

Пока мастер Виноградинка и Чиполлино осматривали у ребят подмётки и набойки, Тысяченожка и Тысячелапка из всех сил старались стоять спокойно, но что у них не очень-то выходило.

— Ну вот,— сказал сапожник,— этому мальцу нужно переменить первые две пары и ещё трёхсотую пару.

— Нет, трёхсотая пока ещё годится,— торопливо возразил отец Тысяченожка.— Подбейте ему только каблуки.

— А другому мальчугану надо сменить десять башмаков подряд на правой стороне.

— Сколько я им твержу, чтобы они не шаркали ногами! Да разве эти ребята умеют ходить? Они скачут, приплясывают, прыгают на одной ноге. И что же получается в конце концов: все правые башмаки стоптались раньше левых. Вот как туго приходится нам, тысяченожкам!

Мастер Виноградинка только рукой махнул:

— Эх, все дети одинаковы! Две у них ноги или тысяча — это, в сущности, всё равно. Они способны изорвать тысячу пар ботинок на одной-единственной ноге.

Наконец семья Тысяченожек засеменила прочь. Тысяченожка и Тысячелапка умчались, как на колёсах. Папа Тысяченожка не умел так быстро передвигаться,— он немного прихрамывал. Совсем чуть-чуть, всего только на сто восемнадцать ног.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

О том, как Чиполлино одурачил пса Мастино, которому очень хотелось пить

А что же стало с домиком кума Тыквы? В один далеко не прекрасный день кавалер Помидор снова прикатил в своей карете, в которую были запряжены четыре огурца, но на этот раз его сопровождала дюжина Лимончиков. Без долгих разговоров кума Тыкву выгнали из домика, а вместо него поселили там здорового сторожевого пса по имени Мастино.

-- Вот вам!— заявил Помидор, угрожающе поглядывая вокруг.— Теперь все ваши мальчишки

научатся уважать меня, а прежде всего — тот пришлый оборванец, которого мастер Виноградинка взял к себе в дом.

— Правильно! Правильно! — глухо пролаял Мастино.

— Что же касается старого дурака Тыквы, — продолжал синьор Помидор, — то это научит его повиноваться моим приказаниям. А если ему очень хочется иметь крышу над головой, то для него всегда найдётся уютное, удобное местечко в тюрьме. Там на всех хватит места.

— Правильно! Правильно! — снова подтвердил Мастино.

Мастер Виноградинка и Чиполлино, стоя на пороге мастерской, видели и слышали всё, что происходит, но не могли ничем помочь старику.

Кум Тыква печально сидел на тумбе и щипал себя за бороду. Каждый раз при этом у него в руке оставался клочок волос. В конце концов он решил бросить это занятие, чтобы не остаться совсем без бороды, и начал тихонько вздыхать — ведь вы помните, что у кума Тыквы был большой запас вздохов!

Наконец синьор Помидор влез в свою карету. Мастино сделал стойку и отдал хозяину честь хвостом.

— Смотри сторожи хорошенько! — приказал ему кавалер на прощанье, хлестнул по огурцам, и карета умчалась в облаке пыли.

Был чудесный, жаркий летний день. После отъезда хозяина Мастино немножко погулял перед домиком взад и вперёд, высунув от жары язык и обмахиваясь хвостом, как веером. Но это не помогало. Мастино изнемог от жажды и решил, что ему не повредил бы добрый стаканчик холодного пива. Он огляделся по сторонам, высматривая какого-нибудь мальчишку, чтобы по-

слать его за пивом в ближайший трактир, но на улице, как назло, никого не было. Правда, в сапожной мастерской перед открытой дверью сидел Чиполлино и усердно вошил дратву, но от него шёл такой горький луковый запах, что Мастино не решился позвать его.

Однако Чиполлино сам увидел, что пёс изнывает от жары.

«Будь я не Чиполлино, если не сыграю с ним шутку!» — подумал он.

А зной становился всё сильнее, потому что солнце поднималось всё выше. Бедному Мастино так хотелось пить!

«Чего это я наелся сегодня утром? — припоминал он. — Может быть, мой суп пересолили? Во рту горит, а язык тяжёлый, будто на него налипло фунтов двадцать замазки».

Тут Чиполлино выглянул из двери.

— Эй! Эй! — окликнул его Мастино слабым голосом.

— Вы ко мне обращаетесь, синьор?

— К вам, к вам, юноша! Сбегайте и принесите мне, пожалуйста, холодного лимонаду.

— Ах, я бы с великой радостью сбегал, синьор Мастино, но, видите ли, мой хозяин только что дал мне починить этот ботинок, так что я никак не могу отлучиться. Очень жалею.

И Чиполлино без лишних слов вернулся к себе в мастерскую.

— Лентяй! Невежа! — буркнул пёс, проклиная цепь, которая мешала ему самому забежать в трактир.

Через некоторое время Чиполлино показался снова.

— Синьорино, — проскулил пёс, — может быть, вы принесёте мне хоть стакан простой воды?

— Да я бы с большим удовольствием, — отозвался Чиполлино, — но только сейчас мой хозяин приказал мне починить каблуки на туфлях синьора священника.

По правде сказать, Чиполлино от души жалел бедного пса, который томился от жажды, но ему было очень не по душе то ремесло, которым занимался Мастино, а кроме того, ему хотелось еще разок проучить синьора Помидора.

К трём часам дня солнце стало припекать так, что даже камни на улице вспотели. Мастино чуть ли не взбесился от жары и жажды. Наконец Чиполлино поднялся со своей скамеечки, налил в бутылку воды и подсыпал туда белого порошка, который жена мастера Виноградинки принимала на ночь от бессонницы.

Заткнув пальцем горлышко бутылки и поднеся её к губам, он сделал вид, что пьёт.

— Ах,— сказал он, поглаживая себя по животу,— какая чудесная, холодная, свежая вода!

У Мастино потекли слюнки, так что ему на минутку стало даже легче.

— Синьор Чиполлино,— сказал он,— а эта вода чистая?

— Ещё бы! Она прозрачнее слезы!

— А в ней нет микробов?

— Помилуйте! Эту воду очистили и процедили два знаменитых профессора. Микробы они оставили себе, а воду дали мне за то, что я починил им туфли.

И Чиполлино снова поднёс бутылку ко рту, притворяясь, будто пьёт.

— Синьор Чиполлино,— спросил удивлённый Мастино,— как это у вас получается, что бутылка всё время остаётся полной?

— Дело в том,— ответил Чиполлино,— что эта бутылка — подарок моего покойного дедушки. Она волшебная и никогда не бывает пустой.

— А вы мне не позволите отхлебнуть немного — хоть глоточек? Один глоточек!

— Глоточек? Да пейте сколько хотите! — ответил Чиполлино.— Я же сказал вам, что моя бутылка никогда не пустеет!

Можете себе представить, как обрадовался Мастино. Он без конца благодарил доброго синьора Чиполлино, лизал ему ноги и вилял перед ним хвостом. Даже со своими хозяйками — графинями Вишнями — он никогда не бывал так обходителен.

Чиполлино охотно протянул Мастино бутылку. Пёс схватил её и с жадностью осушил до дна одним глотком. Посмотрев на пустую бутылку, он удивился:

— Как, уже всё? А вы же мне сказали, что бутылка...

Не успел он договорить это слово, как свалился и заснул.

Чиполлино снял с него цепь, взвалил пса на плечи и понёс к замку, где жили графини Вишни и кавалер Помидор. Обернувшись назад, он увидел, что кум Тыква уже вновь завладел своим домиком. Лицо старика, высунувшего из окошечка растрёпанную рыжую бородку, выражало неописуемую радость.

«Бедный пёс! — думал Чиполлино, идя к замку. — Ты уж прости меня, пожалуйста, но я должен был сделать это. Неизвестно только, как ты отблагодаришь меня за свежую воду, когда проснёшься!»

Ворота замка были открыты. Чиполлино положил собаку на траву в парке, ласково погладил её и сказал:

— Передай от меня привет кавалеру Помидору. И обоим графиням тоже.

Мастино отвотил блаженным ворчаньем. Ему снилось, будто он купается в горном озере, в приятной, прохладной воде. Плавая, он пьёт вволю и сам постепенно превращается в воду: у него сделался водяной хвост, водяные уши и четыре лапы, лёгкие и длинные, как струи фонтана.

— Спи спокойно! — добавил Чиполлино и пошёл обратно в деревню.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кум Черника вешает над дверью колокольчик для воров

Возвратившись в деревню, Чиполлино увидел, что у домика Тыквы собралось много народу. Люди тревожно, вполголоса спорили между собой. Видно было, что они не на шутку напуганы.

— Что-то ещё выкинет кавалер Помидор? — спрашивал профессор Груша печально и озабоченно.

— Я думаю, что эта история плохо кончится. Как ни верти, они здесь хозяева — вот они и делают что хотят, — говорила кума Тыквочка.

Жена Лука Пороя сразу же согласилась с ней и, ухватив мужа за усы, как за вожжи, крикнула:

— А ну-ка, заворачивай домой, пока не случилось чего похуже!

Даже мастер Виноградинка в тревоге покачивал головой:

— Кавалер Помидор остался в дураках уже два раза. Он непременно захочет отомстить!

Не беспокоился только кум Тыква. У него опять нашлись в кармане леденцы, и он угощал ими всех присутствующих, чтобы отпраздновать радостное событие.

Чиполлино взял одну конфетку, пососал её в раздумье и сказал:

— Я тоже думаю, что Помидор так легко не сдастся.

— Но тогда...— испуганно вздохнул кум Тыква.

Счастливая улыбка сразу сошла с его лица, будто солнце скрылось за тучей.

— Я думаю, нам остаётся одно — спрятать домик.

— Как это так — спрятать?

— Да очень просто. Если б это был дворец, нам бы, конечно, спрятать его не удалось. Но ведь домик такой маленький, что его можно увезти на тележке тряпичника.

Фасолинка, сын тряпичника, сбегал домой и тотчас же вернулся с тележкой.

— Вы хотите погрузить домик на тележку? — озабоченно спросил кум Тыква.

Он боялся, как бы его драгоценный домик не рассыпался на куски.

— Не беспокойся, ничего с твоим домиком не случится! — засмеялся Чиполлино.

— А куда мы его повезём? — снова спросил кум Тыква.

— Можно пока затащить его ко мне в погреб,— предложил мастер Виноградинка,— а там посмотрим.

— А если синьор Помидор как-нибудь об этом узнает?

Тут все разом посмотрели на адвоката Горошка, который словно ненароком проходил мимо, делая вид, будто это вовсе не он.

Адвокат покраснел и стал клясться и божиться:

— От меня кавалер Помидор никогда ничего не узнает. Я не доносчик, я честный адвокат!

— В погребе домик отсыреет и может рассыпаться,— робко возразил кум Тыква.— Почему бы не спрятать его в лесу?

— А кто за ним там присмотрит? — спросил Чиполлино.

— В лесу живёт мой знакомый, кум Черника, — сказал профессор Груша. — Можно поручить домик ему. А там видно будет.

На том и порешили.

В несколько минут домик был погружен на тележку. Кум Тыква со вздохом попрощался с ним и отправился к своей внучке, куме Тыквочке, отдохнуть после всех пережитых волнений.

А Чиполлино, Фасолинка и Груша повезли домик в лес. Везти его было нетрудно: он весил не больше, чем птичья клетка.

Кум Черника проживал в прошлогодней каштановой скорлупе, толстой, с шипами. Это была очень тесная квартира, но кум Черника удобно устроился в ней со всем своим имуществом, которое состояло из одной половинки ножниц, заржавленной бритвы, иголки с ниткой и корочки сыра.

Когда кум Черника услышал, о чём его просят, он сначала страшно встревожился:

— Жить в таком большом доме? Нет, я на это никогда не соглашусь. Это невозможно! Что я буду делать один в огромном и пустом дворце? Мне хорошо и в моей каштановой скорлупке. Знаете пословицу: в своём доме и стены помогают.

Однако, когда кум Черника узнал, что нужно оказать услугу куму Тыкве, он сразу согласился:

— Я всегда сочувствовал старику. Однажды я предупредил его, что к нему за шиворот заползла гусеница. Ведь я этим, можно сказать, спас его от гибели!

Домик поставили у подножия большого дуба. Чиполлино, Фасолинка и Груша помогли куму Чернике перенести в новую квартиру все его богатства и распрощались, но обещали скоро вернуться с хорошими вестями.

Оставшись один, кум Черника не на шутку обеспокоился: а вдруг к нему нагрянут воры!

«Теперь, когда у меня такой большой дом, — думал он, — меня, конечно, попытаются обокрасть. Кто знает, может быть, меня убьют во сне, вообразив, что у меня спрятаны невеста какие сокровища!»

Он подумал-подумал и решил повесить над дверью колокольчик, а под ним записку, на которой было выведено печатными буквами:

«Покорнейшая просьба к синьорам вора́м позвонить в этот колокольчик. Их сейчас же впустят, и они своими глазами убедятся, что здесь красть нечего».

Написав записку, он успокоился и после заката солнца мирно улёгся спать.

В полночь его разбудил звонок.

— Кто там? — спросил кум Черника, выглянув в окно.

— Воры! — ответил грубый голос.

— Иду, иду! Подождите, пожалуйста, я только

халат накину,— сказал кум Черника, вставая.

Он надел халат, отпер дверь и пригласил воров осмотреть весь дом. Воры оказались двумя здоровенными, высокими парнями с черными бородами. Они по очереди, осторожно, чтобы не набить шишку, всунули головы в домик и очень скоро удостоверились, что тут действительно нечем поживиться.

— Видите, синьоры? Убедились? — радовался кум Черника, потирая руки.

— Хм, да... — пробурчали разочарованные воры.

— Поверьте, мне очень неприятно отпускать вас с пустыми руками,— продолжал Черника.— Не могу ли я чем-нибудь услужить вам? Хотите побриться? У меня здесь есть бритва — правда, старенькая: это наследство моего прадедушки. Но мне кажется, что она ещё кое-как бреет.

Воры согласились. Они с грехом пополам побрились ржавой бритвой и ушли, несколько раз поблагодарив хозяина. В общем, они оказались славными ребятами.

Кто знает, отчего им пришлось заняться таким плохим ремеслом!

Кум Черника вновь улёгся в постель и заснул.

В два часа ночи его разбудил второй звонок. Пришли ещё двое воров.

— Войдите! — сказал кум Черника. — Но, разумеется, поодиночке, чтобы дом не обрушился.

У этих воров бород не было, но у одного из них не оказалось и пуговиц на куртке. Ни единой пуговицы! Кум Черника подарил ему иголку с ниткой и посоветовал повнимательнее смотреть под ноги во время прогулок.

— Знаете, на дороге всегда валяется очень много пуговиц, — объяснил он вору.

Эти вору тоже ушли по своим делам.

Словом, каждую ночь кума Чернику будили вору, которые звонили в колокольчик, заглядывали в домик и уходили, хоть и без добычи, но очень довольные знакомством с этим добрым и вежливым маленьким хозяином.

Итак, домик кума Тыквы был, как видите, в хороших руках. Давайте пока расстанемся с ним и посмотрим, что происходит в других местах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как много хлопот и неприятностей доставили графиням их родственники — барон Апельсин и герцог Мандарин

Теперь нам нужно заглянуть в замок графинь Бишен, которые, как вы уже, вероятно, поняли, были владелицами всей деревни, её домов, земель и даже церкви с колокольней.

В тот день, когда Чиполлино увёз в лес домик кума Тыквы, в замке царило необычное оживление: к хозяйкам приехали родственники.

Родственников было двое — барон Апельсин и герцог Мандарин. Барон Апельсин был двоюродным братом покойного мужа синьоры графини Старшей. А герцог Мандарин приходился двоюродным братом покойному мужу графини Младшей. У барона Апельсина был необыкновенно толстый живот. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, потому что он только и делал, что ел, давая челюстям отдых всего лишь на часок-другой во время сна.

Когда барон Апельсин был ещё молод, он спал с вечера до утра, чтобы успеть переварить всё, что съел

за день. Но потом он сказал себе: «Спать — это только время терять: ведь когда я сплю, я не могу есть!»

Поэтому он решил питаться и ночью, оставив для пищеварения часа два в сутки. Чтобы утолить голод барона Апельсина, из его многочисленных владений, раскинувшихся по всей области, к нему ежедневно направлялись обозы с самой разнообразной снедью.

Бедные крестьяне уж и не знали, чего бы ему ещё послать. Он пожирал яйца, кур, свиней, коз, коров, кроликов, фрукты, овощи, хлеб, сухари, пироги... Двое слуг запикивали ему в рот всё, что привозилось. Когда они устали, их сменяли двое других.

В конце концов крестьяне послали сказать ему, что у них больше не осталось ничего съестного. Весь скот съеден, все плоды с деревьев обобраны.

— Ну так пришлите мне деревья! — приказал барон.

Крестьяне послали ему деревья, и он сожрал их, обмакивая листья и корни в оливковое масло и посыпая солью.

Когда наконец все садовые деревья были уничтожены, барон начал продавать свои земли и на вырученные деньги покупать еду. Продав все поместья, он написал письмо синьоре графине Старшей и напросился к ней в гости.

По правде сказать, синьора графиня Младшая была не очень-то довольна:

— Барон проест всё наше состояние. Он проглотит наш замок, точно блюдо макарон!

Синьора графиня Старшая заплакала:

— Ты не хочешь принимать моих родственников. Ах, ты никогда не любила моего толстого, бедного барона!

— Хорошо,— сказала графиня Младшая,— зови своего барона. Но тогда я приглашу герцога Мандарина, двоюродного брата моего бедного покойного мужа.

— Сделай одолжение! — презрительно ответила графиня Старшая. — Уж этот-то ест меньше, чем цыплёнок. У твоего бедного мужа — мир его праху! — родственники такие маленькие и тощие, что их и от земли не видно. А у моего бедного покойного мужа — мир его праху! — родственники все как на подбор: высокие, толстые, видные.

И в самом деле, барон Апельсин был очень видной особью — он даже за версту казался целой горой. Пришлось сразу же нанять для него слугу, который возил бы его живот, — сам барон уже не в состоянии был таскать своё внушительное брюхо.

Помидор послал за тряпичником Фасолью, чтоб тот доставил в замок свою тележку. Но Фасоль не нашёл тележки, — ведь, как вы знаете, её взял его сынишка Фасолинка. Поэтому он прикатил тачку вроде той, в какой каменщики возят извёстку.

Синьор Помидор помог барону Апельсину уложить в тачку его толстое брюхо и крикнул:

— Ну, пошёл!

Фасоль изо всех сил налёг на ручки старой, распатанной тачки, но не сдвинул её и на сантиметр: барон только что очень сытно позавтракал.

Позвали ещё двух слуг. С их помощью барону удалось наконец совершить небольшую прогулку по аллеям парка. При этом колесо тачки то и дело насакивало на самые большие и острые камни. Эти толчки так отдавались в животе у бедного барона, что он обливался холодным потом.

— Будьте поосторожнее, тут булыжник! — кричал он.

Фасоль и слуги стали заботливо объезжать все камни на дороге. Но из-за этого тачка угодила в яму.

— Эй, вы, ротозей, ради самого неба, объезжайте ямы! — взмолился барон.

Однако, несмотря на толчки и ушибы, он не прерывал своего излюбленного занятия и по пути старательно обгладывал жареного индюка, приготовленного синьорой графиней Старшей ему на закуску.

Герцог Мандарин тоже причинял хозяйкам и слугам немало хлопот. Служанка синьоры графини Младшей, бедная Земляничка, с утра до вечера гладила Мандарину рубашки. Когда же она приносила выглаженное бельё, герцог делал недовольную гримасу, фыркал, всхлипывал, а потом залезал на шкаф и кричал на весь дом:

— Помогите, умираю!

Синьора графиня Младшая прибежала сломя голову:

— Милый Мандарино, что с тобой?

— Ах, у вас так плохо погладили мои рубашки, что мне остаётся только умереть! Видно, я никому, никому на свете больше не нужен!

Чтобы уговорить его остаться в живых, синьора графиня Младшая дарила Мандарину одну за другой шёлковые рубашки своего покойного мужа.

Герцог осторожно слезал со шкафа и начинал примерять рубашки.

Через некоторое время из его комнаты опять слышались крики:

— О небо, я умираю!

Синьора графиня Младшая снова мчалась к нему, хватаясь за сердце:

— Мой дорогой Мандарино, что случилось?

Герцог кричал с верхушки зеркала:

— О, я потерял самую лучшую запонку от воротничка и не хочу больше жить на свете! Это такая тяжёлая утрата!

Чтобы утихомирить герцога, графиня Младшая в конце концов подарила ему все запонки своего покойного мужа, а запонки эти были из золота, серебра и драгоценных камней.

Словом, не успело закатиться солнце, как у синьоры графини Младшей не осталось больше никаких драгоценностей, а герцог Мандарин набрал полные чемоданы подарков и самодовольно потирал руки.

Непомерная жадность обоих родственников не на шутку беспокоила и огорчала графинь, и они срывали

гнев на своём племяннике, бедном Вишенке, у которого не было ни отца ни матери.

— Дармоед! — кричала на него синьора графиня Старшая. — Сейчас же иди решать задачи!

— Да я уже все решил...

— Решай другие! — сурово приказывала синьора графиня Младшая.

Вишенка послушно отправлялся решать другие задачи. Каждый день он решал столько задач, что исписывал несколько тетрадей, и за неделю у него накапливалась их целая гора.

В день приезда родственников графини то и дело накидывались на Вишенку:

— Что ты тут вертишься, лентяй?

— Я только хотел немножко погулять по парку...

— В парке гуляет барон Апельсин, — там не место таким бездельникам, как ты. Сейчас же убирайся учить уроки!

— Да ведь я их уже выучил...

— Учи завтрашние!

Послушный Вишенка учил завтрашние уроки. Каждый день он учил столько уроков, что давно уже

вызубрил на память все свои учебники и прочёл все книги из библиотеки замка. Но когда графини видели в руках у Вишенки книгу, они сердились ещё больше:

— Сейчас же положи книгу на место, озорник! Ты её порвёшь!

— Но как же мне учить уроки без книг?

— Учи наизусть!

Вишенка уходил в свою комнату и учился, учился, учился — уже без книг, разумеется. От непрерывного ученья у него начинала болеть голова, и тогда графини снова кричали на него:

— Ты вечно болеешь, потому что слишком много думаешь. Перестань думать — меньше будет расходов на лекарства.

Словом, что бы ни делал Вишенка, графини были им недовольны.

Вишенка не знал, как и ступить, чтоб не получить новой взбучки, и чувствовал себя ужасно несчастным.

Во всем замке у него был только один друг — служанка Земляничка. Она жалела этого бледного маленького мальчика в очках, которого никто не любил. Земляничка была ласкова с Вишенкой и по вечерам, когда он ложился спать, тайком приносила ему кусочек чего-нибудь вкусного.

Но в этот вечер всё вкусное съел за обедом барон Апельсин.

Герцогу Мандарину тоже хотелось сладкого. Он бросил на пол салфетку, взобрался на буфет и завопил:

— Держите меня, а не то я брошусь вниз!

Однако на этот раз вопли ему не помогли: барон преспокойно доел сладкое, не обращая никакого внимания на Мандарина.

Синьора графиня Младшая стала перед буфетом на колени и со слезами на глазах умоляла своего дорогого родственника не умирать во цвете лет. Конечно, нужно было бы пообещать ему какой-нибудь подарок, чтобы он согласился слезть, но у графини уже ничего не осталось.

В конце концов герцог Мандарин понял, что пожить ему больше нечем, и после долгих уговоров решил спуститься вниз с помощью кавалера Помидора, который от волнения и натуги был весь в поту.

В эту минуту синьору Помидору и принесли весть о таинственном исчезновении домика кума Тыквы.

Кавалер не стал долго думать: он немедленно послал жалобу принцу Лимону и попросил его отрядить в деревню десятка два Лимончиков-полицейских.

Лимончики прибыли на следующий день и сразу же навели в деревне порядок: обошли все дома и арестовали тех, кто попался им под руку.

Одним из первых был арестован мастер Виноградинка. Сапожник захватил с собой шило, чтобы почесывать на досуге затылок, и ворча последовал за полицейскими. Но Лимончики отобрали у него шило.

— Ты не имеешь права брать с собой в тюрьму оружие! — сказали они мастеру Виноградинке.

— А чем же мне чесать затылок?

— Когда захочешь почесаться, скажи кому-нибудь из начальства. Уж мы тебе почешем голову!

И Лимончик пощекотал сапожнику затылок своей острой саблей.

Арестовали и профессора Грушу. Тот попросил разрешения захватить с собой скрипку и свечку.

— А зачем тебе свечка?

— Жена говорит, что в подземелье замка очень темно, а мне надо разучить новые ноты.

Словом, были арестованы все жители деревни. Остались на свободе только синьор Горошек, потому

что он был адвокат, и Лук Порей, потому что его попросту не нашли.

А Лук Порей вовсе и не прятался: он преспокойно сидел у себя на балконе. Усы его были натянуты вместо верёвок, и на них сушилось бельё. Увидев простыни, рубашки и чулки, Лимончики прошли мимо, не намотив хозяина, завешанного бельём.

Кум Тыква шёл за Лимончиками, по своему обыкновению глубоко вздыхая.

— Чего это ты так часто вздыхаешь? — сурово спросил его офицер.

— Как же мне не вздыхать! Весь век свой я работал и только вздохи копил. Каждый день по вздоху...

Сейчас у меня их набралось несколько тысяч. Нужно же их как-нибудь в дело пустить!

Из женщин арестовали только одну куму Тыквочку, а так как идти в тюрьму она отказалась, полицейские сшибли её с ног и докатили до самых ворот замка. Ведь она была такая кругленькая!

Но как ни хитры были Лимончики, им не удалось арестовать Чиполлино, хоть всё это время он сидел на заборе вместе с одной девочкой, которую звали Редиской, и задорно поглядывал на полицейских.

Проходя мимо, Лимончики даже спросили у него и Редиски, не видели ли они где-нибудь поблизости опасного мятежника по имени Чиполлино.

— Видели, видели! — закричали в ответ оба. — Он только что залез под треуголку вашему офицеру!

И, хохоча во всё горло, ребята удрали прочь.

В тот же день Чиполлино и Редиска отправились к замку на разведку. Чиполлино решил во что бы то ни стало освободить пленников, и Редиска, разумеется, обещала помогать ему во всём.

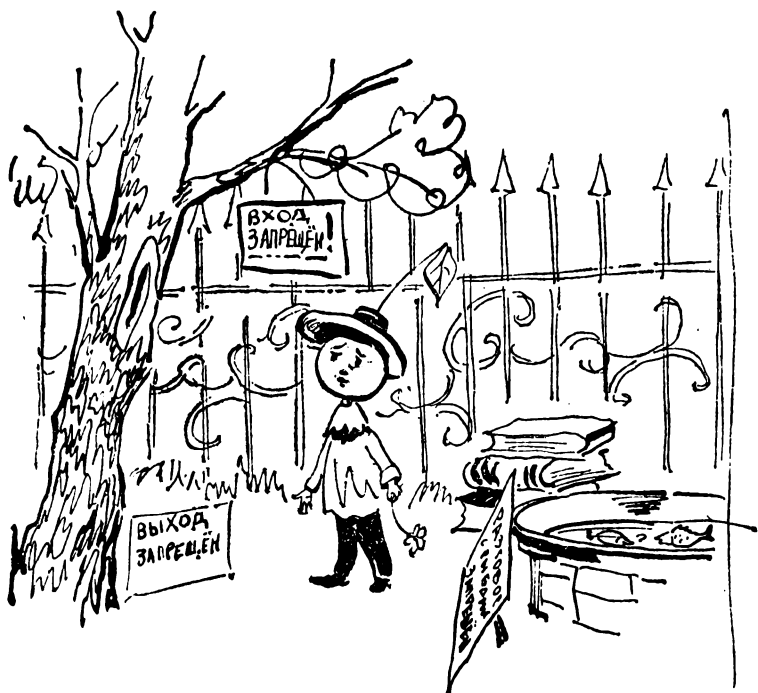
ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой Вишенка не обращает внимания
на объявления синьора Петрушки*

Замок графинь Вишен стоял на вершине холма. Его окружал огромный парк. У ворот парка висело объявление, на одной стороне которого было написано: «Вход воспрещён», а на другой: «Выход воспрещён».

Лицевая сторона объявления была предназначена для деревенских ребят, чтоб отбить у них охоту перелезть через железную ограду. А другая — оборотная — сторона была предостережением для Вишенки, чтоб ему не вздумалось как-нибудь выйти из парка и отправиться в деревню к ребятам.

Вишенка гулял по парку один-одинёшенек. Он осторожно ходил по ровным дорожкам, всё время думая о том, как бы не наступить ненароком на клумбу и не растоптать грядки. Его наставник, синьор Петрушка, развесил по всему парку объявления, в которых было указано, что Вишенке разрешается и что ему запрещается.

Так, у бассейна с золотыми рыбками висела надпись:

«Запрещается Вишенке окунать руки в воду!»

Было тут и другое объявление:

«Запрещается разговаривать с рыбами!»

В самой середине цветущей клумбы красовалась надпись:

«Запрещается трогать цветы! Нарушитель будет оставлен без сладкого».

Было здесь даже такое предостережение:

«Тот, кто помнёт траву, должен будет написать две тысячи раз слова: „Я — неблаговоспитанный мальчик“».

Все эти надписи придумал синьор Петрушка, домашний учитель и воспитатель Вишенки.

Мальчик попросил как-то у своих высокородных тёток разрешения ходить в деревенскую школу вместе с теми ребятами, которые так весело пробегали мимо

замка, размахивая ранцами, словно флагами. Но синьора графиня Старшая пришла в ужас:

— Как может граф Вишня сидеть на одной парте с каким-нибудь простым крестьянином! Это немислимо!

Синьора графиня Младшая подтвердила:

— Вишни никогда не сидели на жёсткой школьной скамье! Этого не было и никогда не будет!

В конце концов Вишенке наняли домашнего учителя, синьора Петрушку, который обладал удивительным свойством высказывать неизвестно откуда и всегда некстати. Например, если Вишенка, готовя уроки, обратит внимание на муху, которая забралась в чернильницу, чтобы тоже поучиться писать, — сейчас же, откуда ни возмись, появится синьор Петрушка. Он развернёт свой огромный платок с красными и синими клетками, громко высморкается и начнёт отчитывать бедного Вишенку:

— Несдобровать тем мальчикам, которые отрываются от своих занятий и смотрят на мух! С этого начнутся все несчастья. За одной мухой — другая, за ней — третья, четвёртая, пятая... Потом эти мальчишки пялят глаза на пауков, кошек, на всех прочих животных и, конечно, забывают готовить уроки. Но ведь тот, кто не учит уроков, не может стать благонравным мальчиком. Неблагонравному мальчику не бывать благонадёжным человеком. А неблагонадёжные люди рано или поздно попадают в тюрьму. Итак, Вишенка, если ты не хочешь окончить свои дни в тюрьме, не смотри больше на мух!

А если Вишенка возьмёт после уроков альбом, чтобы порисовать немножко, — глядь, синьор Петрушка опять тут как тут. Он медленно разворачивает клетчатый платок и снова заводит своё:

— Несдобровать тем мальчикам, которые теряют время на бумагомарание! Кем они станут, когда вырастут? В лучшем случае — маяярами, теми грязными, плохо одетыми бедняками, которые по целым дням малюют узоры на стенах, а потом попадают в тюрьму, как того и заслуживают! Вишенка, разве ты хочешь угодить в тюрьму? Подумай, Вишенка!

Боясь тюрьмы, Вишенка прямо не знал, за что ему приняться.

К счастью, иной раз синьору Петрушке случалось немного поспать или посидеть в своё удовольствие за бутылочкой виноградной водки. В эти редкие минуты Вишенка был свободен. Однако синьор Петрушка и тут ухитрялся напомнить Вишенке о себе: повсюду были развешаны его поучительные надписи. Это давало ему возможность подремать лишний часок. Отдыхая под тенистым деревом, он был уверен, что его воспитанник не теряет времени даром и, гуляя по парку, усваивает полезные наставления.

Но когда Вишенка проходил мимо этих объявлений, он обычно снимал очки. Таким образом, он не видел того, что было написано на дощечках, и мог спокойно думать о чём хотел.

Итак, Вишенка гулял по парку, предаваясь своим мыслям. Как вдруг он услышал, что кто-то зовёт его тоненьким голоском:

— Синьор Вишенка! Синьор Вишенка!

Вишенка обернулся и увидел за оградой мальчика примерно одних с ним лет, бедно одетого, с весёлым и смышлёным лицом. За мальчиком шла девочка лет десяти. Волосы у неё были заплетены в косичку, которая была похожа на хвостик редиски. Вишенка вежливо поклонился и сказал:

— Здравствуйте, синьоры! Я не имею чести знать вас, но в любом случае с вами будет мне весьма приятно.

— Так почему же вы не подойдёте поближе?

— К сожалению, не могу: тут у нас вывешено объявление о том, что мне запрещено разговаривать с детьми на деревни.

— Да мы и есть дети из деревни, а ведь вы с нами уже разговариваете!

— А, в таком случае я сейчас к вам подойду!

Вишенка был очень благовоспитанный и застенчивый мальчик, но в решительные минуты умел действовать смело, без оглядки. Он двинулся напрямик по траве, позабыв, что топтать её запрещается, и подошёл к самой решётке ограды.

— Меня зовут Редиска, — представилась девочка. — А вот это Чиполлино.

— Очень приятно, синьорина. Весьма рад, синьор Чиполлино. Я о вас уже слышал.

— От кого же это?

— От кавалера Помидора.

— Ну, так, наверно, он ничего хорошего обо мне не сказал.

— Конечно, нет. Но именно потому я и подумал, что вы, должно быть, замечательный мальчик. И вижу, что не ошибся.

Чиполлино улыбнулся:

— Ну и чудесно! Так почему же мы так церемонимся и говорим на «вы», словно старые придворные? Давай на «ты»!

Вишенка сразу вспомнил надпись на дверях кухни, которая гласила: «Никому не говорить „ты“!» Это объявление учитель вывесил после того, как застал однажды Вишенку и Земляничку за дружеской беседой. Тем не менее Вишенка решил нарушить теперь и это правило. Он весело ответил:

— Согласен. Будем на «ты».

Редиска была ужасно довольна:

— А что я тебе говорила, Чиполлино? Видишь, Вишенка очень славный мальчик!

— Благодарю вас, синьорина,— сказал Вишенка с поклоном. Но тут же, покраснев, добавил просто: — Спасибо, Редисочка!

Все трое весело засмеялись. Сначала Вишенка улыбался лишь уголком рта, не забывая наставлений синьора Петрушки, который не раз говорил, что благовоспитанным мальчикам смеяться вслух не подобает. Но потом, услышав, как громко хохочут Чиполлино и Редиска, он тоже начал смеяться от всего сердца.

Такого звонкого и весёлого хохота никогда ещё не слыхивали в замке. Обе благородные графини в эту минуту сидели на веранде и пили чай.

Синьора графиня Старшая услышала взрывы смеха и промолвила:

— Я слышу какой-то странный шум!

Синьора графиня Младшая кивнула головой:

— Я тоже слышу какие-то звуки. Должно быть, это дождь.

— Осмелюсь заметить вам, сестрица, что никакого дождя нет,— поучительно изрекла синьора графиня Старшая.

— Нет, так будет!— решительно возразила синьора графиня Младшая и посмотрела на небо, чтобы найти там подтверждение своим словам.

Однако небо было таким чистым, словно его подмели и обмыли пять минут назад. На нём не виднелось ни одного облачка.

— Я думаю, что это шумит фонтан,— снова начала синьора графиня Старшая.

— Наш фонтан не может шуметь. Вам же известно, что в нём нет воды.

— Очевидно, садовник его починил.

Помидор тоже услышал странный шум и взволновался.

«В подземелье замка,— подумал он,— сидит много арестованных. Надо быть настороже, а то как бы чего не вышло!»

Он решил обойти парк и вдруг позади замка, там, где проходила дорога на деревню, наткнулся на всех троих ребят, которые весело болтали между собой.

Если бы разверзлось небо и оттуда на землю посыпались ангелы, кавалер Помидор не был бы так поражён. Вишенка топчет траву! Вишенка по-приятельски беседует с двумя оборванцами!.. Да мало того: в одном из этих двух оборванцев синьор Помидор сразу же узнал мальчишку, который заставил его недавно проливать горькие слёзы!

Кавалер Помидор пришёл в бешенство. Лицо его так напылало, что если бы поблизости оказались пожарные, они бы немедленно подняли тревогу.

— Синьор граф! — завопил Помидор не своим голосом.

Вишенка обернулся, побледнел и прижался к решётке.

— Друзья мои,— прошептал он,— бегите, пока Помидор ещё далеко. Мне-то он ничего не посмеет сделать, а вам несдобровать! До свидания!

Чиполлино и Редиска помчались со всех ног, но долго ещё слышали за собой неистовые крики кавалера.

— На этот раз,— со вздохом сказала Редиска,— наш поход не удался!

Но Чиполлино только улыбнулся:

— А по-моему, сегодня очень удачный день. У нас появился новый друг, а это уже немало!

Оставшись один, этот новый друг, то есть Вишенка, ждал неминуемой головоломки, самого сурового возмездия от синьора Помидора, от синьора Петрушки, от синьоры графини Старшей, от синьоры графини Младшей, от барона Апельсина и герцога Мандарина.

Оба знатных родственника давно уже поняли, что всякий, кто изводит Вишенку, доставляет этим удовольствие его тёткам — графиням, и не упускали случая кольнуть беззащитного мальчика. К этому он давно уже привык.

Но на этот раз у Вишенки стоял комок в горле и он с трудом сдерживал слёзы. Его ничуть не пугали все эти крики, укоры, угрозы. Какое дело было ему до пронзительных визгов обеих графинь, до скучных нравоучений синьора Петрушки и беззубых насмешек герцога Мандарина! И всё-таки он чувствовал себя очень несчастным. В первый раз в жизни он нашёл друзей, впервые вдоволь наговорился и ~~пообщался~~ от всего сердца — и вот теперь он снова один... С той минуты, как Чиполлино и Редиска сбежали вниз с холма, они пропали для него навсегда. Увидит ли он их когда-нибудь? Чего бы только Вишенка не отдал, чтобы опять быть вместе с ребятами там, на свободе, где нет объявлений и запрещений, где можно бегать по траве и рвать цветы!

В первый раз в жизни Вишенка ощутил в сердце ту странную нестерпимую боль, которая называется страданием. Это было слишком много для него, и Вишенка почувствовал, что не может вынести такой муки. Он бросился на землю и отчаянно зарыдал.

Кавалер Помидор поднял его, сунул под мышку, словно узелок, и пошёл по аллее в замок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как прогнали из замка доктора Каштана

Вишенка проплакал целый вечер. Герцог Мандарин только и делал, что поддразнивал его.

— Наш юный граф весь изойдёт слезами, — говорил он. — От Вишенки разве только косточка останется!

У барона Апельсина, как это бывает у некоторых очень толстых людей, ещё сохранилось немного добро-

душия. Чтобы утешить Вишенку, он предложил ему кусочек своего торта. Правда, очень маленький кусочек, всего одну крошку. Но, принимая во внимание прожорливость барона, следует оценить его щедрость.

Зато обе графини не только не пытались утешить Вишенку, но даже издевались над его слезами.

— Наш племянник может заменить собой испорченный фонтан в парке! — говорила синьора графиня Старшая.

— Фонтан слёз! — смеялась синьора графиня Младшая.

— Завтра, — пригрозил Вишенке синьор Петрушка, — я заставлю тебя написать три тысячи раз: «Я не должен плакать за столом, ибо я мешаю пищеварению взрослых».

Когда наконец стало ясно, что Вишенка не собирается перестать плакать, его отправили в постель.

Земляничка пыталась, как умела, успокоить бедного мальчика, но ничто не помогало. Девушка так огорчилась, что и сама стала плакать вместе с ним.

— Сейчас же перестань реветь, негодная девчонка, — пригрозила графиня Старшая, — не то я тебя выгоню!

От горя Вишенка даже заболел. У него начался такой озноб, что под ним тряслась кровать, а от его кашля дрожали в окнах стёкла.

В бреду он всё время звал:

— Чиполлино! Чиполлино! Редиска! Редиска!

Синьор Помидор заявил, что ребёнок, видимо, заболел оттого, что его до смерти напугал опасный преступник, который бродит в окрестностях замка.

— Завтра же я прикажу его арестовать, — сказал он, чтобы успокоить больного.

— О нет, нет, пожалуйста, не надо! — всхлипывал Вишенка. — Арестуйте лучше меня, бросьте меня в самое тёмное и глубокое подземелье, но не трогайте Чиполлино. Чиполлино такой хороший мальчик, Чиполлино — мой единственный, мой настоящий друг!

Синьор Петрушка испуганно высморкался:

— Ребёнок бредит. Очень тяжёлый случай!..

Послали за самыми знаменитыми врачами.

Сначала пришёл доктор синьор Мухомор и прописал микстуру из сушёных мух. Но микстура ничуть не помогла. Тогда явился доктор Черёмуха и заявил, что

сушёные мухи очень опасны при заболеваниях такого рода и что гораздо полезнее было бы обернуть больного в простыню, пропитанную соком японской черёмухи.

Дюжину простынь перепачкали соком черёмухи, но Вишенке лучше не стало.

— По-моему, — предложил доктор Артишок, — нужно обложить его сырыми артишоками!

— С колючками? — испуганно спросила Земляничка.

— Обязательно, иначе лекарство не принесёт пользы.

Стали лечить Вишенку сырыми артишоками прямо с грядки: бедный мальчик кричал и подскакивал от уколов, словно с него сдирали кожу.

— Видите, видите? — говорил, потирая руки, доктор Артишок. — У юного графа сильная реакция. Продолжайте лечение!

— Всё это вздор и чепуха! — воскликнул известный профессор синьор Салато-Шпинато. — Какой это

осёл прописал артишоки? Попробуйте лечить его свежим салатом.

Земляничка потихоньку послала за доктором Каштаном, который жил в лесу под большим каштаном. Его называли доктором бедняков, потому что он прописывал больным очень мало лекарств и платил за лекарства из собственного кармана.

Когда доктор Каштан подошёл к воротам замка, слуги не хотели его впустить, потому что он прибыл не в карете, а пешком.

— Доктор без кареты — наверняка шарлатан и проходимец, — сказали слуги и собирались уже захлопнуть дверь перед носом у доктора, когда появился синьор Петрушка.

Петрушка, как вы помните, всегда выскакивал неизвестно откуда. Но на этот раз он подвернулся кстати и приказал впустить врача. Доктор Каштан внимательно осмотрел больного, велел показать язык, пощупал пульс, тихо задал Вишенке несколько вопросов, а потом вымыл руки и сказал очень печально и серьёзно:

Ничего не болят у больного:
Пульс в порядке, и сердце здорово,
Не больна у него селезёнка...
Одиночество губит ребёнка!

— На что вы намекаете? — грубо оборвал его Помидор.

— Я не намекаю, а говорю правду. Этот мальчик ничем не болен — у него просто меланхолия.

— Что это за болезнь? — спросила синьора графиня Старшая.

Она очень любила лечиться, и стоило ей услышать название какой-нибудь новой, неизвестной болезни, как она сейчас же находила её у себя. Ведь графиня была так богата, что расходы на докторов и лекарства её ничуть не пугали.

— Это не болезнь, синьора графиня, это тоска, печаль. Ребёнку нужна компания, нужны товарищи. Почему вы не пошлёте его играть с другими детьми?

Ох, лучше бы уж он не говорил этого! На бедного доктора со всех сторон посыпался град упрёков и оскорблений.

— Немедленно убирайтесь вон, — приказал синьор Помидор, — не то я велю слугам вытолкать вас в шею!

— Стыдитесь! — добавила синьора графиня Младшая. — Стыдитесь, что так гнусно злоупотребили нашим гостеприимством и доверчивостью! Вы обманом проникли в наш дом. Если б я только захотела, я могла бы подать на вас в суд за самовольное и насильственное вторжение в частные владения. Не правда ли, синьор адвокат?

И она повернулась к синьору Горошку, который всегда оказывался поблизости, когда требовалась его помощь.

— Разумеется, синьора графиня! Это тягчайшее уголовное преступление!

И адвокат сейчас же пометил в своей записной книжке: «За консультацию графиням Вишням по делу о насильственном вторжении доктора Каштана в частные владения — десять тысяч лир».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мышиный главнокомандующий вынужден дать сигнал к отступлению

Вы, конечно, хотите знать, что поделывают арестованные, то есть кум Тыква, профессор Груша, мастер Виноградинка, кума Тыквочка и другие жители деревни, которых кавалер Помидор приказал арестовать и бросить в подземелье замка.

К счастью, профессор Груша захватил с собой огарок свечи, зная, что в подземельях бывает очень темно и полным-полно мышей. Чтобы отогнать мышей, профессор начал играть на скрипке: мыши не любят серьёзной музыки. Услышав пронзительные звуки скрипки, они пустились наутёк, проклиная противный инструмент, голос которого так напоминал им кошачье мяуканье.

Однако в конце концов музыка вывела из себя не только мышей, но и мастера Виноградинку. Профессор Груша был особой меланхолического темперамента и всегда играл только грустные мелодии, от которых хотелось плакать. Поэтому все арестованные попросили скрипача прекратить игру.

Но едва только наступила тишина, мыши сейчас же пошли в атаку. Двигались они тремя колоннами.

Главкомандующий — генерал Мышь-Долгохвост руководил наступлением:

— Первая колонна заходит слева и прежде всего должна захватить свечку. Но горе тому, кто посмеет её съесть! Я — ваш генерал, и мне надлежит первому вонзить в неё зубы. Вторая колонна зайдёт справа и бросится на скрипку. Эта скрипка сделана из половинки сочной груши и, должно быть, превосходна на вкус. Третья колонна ударит в лоб и должна истребить врага.

Командиры колонн объяснили задачу рядовым мышам. Генерал Мышь-Долгохвост выехал в танке. Собственно говоря, это был не танк, а глиняный черепок, привязанный к хвостам десяти здоровенных мышей. Трубачи протрубили атаку, и в несколько минут битва была окончена.

Однако сожрать скрипку мышам не удалось, так как профессор поднял её высоко над головой. Но свеча исчезла, как будто её ветром сдуло, и наши друзья остались в темноте.

Исчезла и ещё одна вещь, но вы узнаете потом, какая именно.

Кум Тыква был безутешен:

— Ох, и всё это из-за меня!

— Почему из-за тебя? — буркнул мастер Виноградинка.

— Кабы я не вбил себе в голову, что мне нужно иметь свой домик, с нами не стряслась бы эта беда!

— Да успокойтесь, пожалуйста! — воскликнула кума Тыквочка. — Ведь не вы же посадили нас в тюрьму!

— Я уже старик, зачем мне дом?.. — продолжал сокрушаться кум Тыква. — Я мог бы ночевать под скамейкой в парке — там я бы никому не помешал. Друзья, пожалуйста, позовите тюремщиков и скажите им, что я подарю домик кавалеру Помидору и укажу место, где мы его спрятали.

— Ты не скажешь им ни одного словечка! — рассердился мастер Виноградинка.

Профессор Груша печально пощипал струны своей скрипки и прошептал:

— Если ты откроешь тюремщикам, где спрятан твой домик, ты впутаешь в это дело и кума Чернику и...

— Ш-ш-ш! — зашипела кума Тыквочка. — Не называйте имен: здесь и у стен есть уши!

Все притихли и стали испуганно озираться по сторонам, но без свечки было так темно, что они никак не могли увидеть, есть ли у стен уши!

А уши у стен и в самом деле были. Вернее, одно ухо: круглая дырка, от которой шла труба — нечто вроде секретного телефона, передававшего всё, что говорилось в подземелье, прямёхонько в комнату кавалера Помидора.

К счастью, в эту минуту синьор Помидор не подслушивал, потому что суетился у постели больного Вишенки.

В наступившей тишине снова слышались протяжные звуки трубы: мыши готовились повторить атаку. Они были полны решимости захватить скрипку профессора Груши.

Чтобы напугать их, профессор приготовился дать концерт: он приложил скрипку к подбородку, вдохновенно взмахнул смычком, и все затаили дыхание. Ожидание длилось довольно долго; в конце концов арестованные перевели дух, а инструмент так и не издал ни звука.

— Что, не получается? — осведомился мастер Виноградинка.

— Ах, мыши отъели у меня половину смычка! — воскликнул Груша со слезами в голосе.

Действительно, смычок был весь обглодан, так что от него осталось всего несколько сантиметров. Без смычка играть, конечно, нельзя было, а мыши уже перешли в наступление, испуская грозные, воинственные клики.

— Ох, и всё это из-за меня! — вздохнул кум Тыква.

— Перестань вздыхать и помоги нам, — сказал мастер Виноградинка. — Если уж ты так хорошо умеешь вздыхать и стонать, то, наверно, умеешь и мяукать!

— Мяукать? — обиделся кум Тыква. — Удивляюсь я тебе: кажется, серьёзный человек, а в такую минуту шутики шутишь!

Мастер Виноградинка не стал ему и отвечать, а так мастерски замыкал, что армия мышей остановилась.

— Мя-а-у! Мяу! — тянул сапожник.

— Мяу! Мяу! — жалобно вторил ему профессор, не переставая оплакивать бесславную гибель своего смычка.

— Клянусь памятью моего покойного деда, Мыша Третьего, короля всех погребов и кладовых, что они привели сюда кота! — воскликнул генерал Мышь-Долгохвост, разом затормозив свой танк.

— Гснерал, нас предали! — завопил один из командиров колонн, подбежав к нему. — Моя колонна столкнулась с целой дивизией чердачных котов и кошек, вооружённых до зубов!

На самом-то деле его войска не встретили ни одного кота — они только очень испугались. А у страха, как известно, глаза велики.

Генерал Мышь-Долгохвост потёр лапкой свой хвост. Когда он бывал озабочен, то всегда тёр лапкой хвост, и от частого трения эта часть его тела так пострадала, что мыши-солдаты втихомолку называли своего командира генералом Бесхвостым.

— Памятью моего покойного предка, Мыша-Долгохвоста Первого, императора всех амбаров, клянусь, что предатели поплатятся за своё коварство! А сейчас дайте сигнал к отступлению.

Командиры не заставили его повторять приказание. Трубы заиграли отбой, и вся армия немедленно

удалилась во главе с генералом Бесхвостым, который немилосердно нахлёстывал мышей, тащивших его танк.

Таким образом наши друзья мужественно отразили нападение противника.

Поздравляя друг друга с одержанной победой, они вдруг услышали, что кто-то зовёт тоненьким голоском:

— Кум Тыква! Кум Тыква!

— Это вы зовете меня, профессор?

— Нет,— сказал Груша,— не я.

— А мне послышалось, что меня кто-то кличет.

— Кума Тыквочка, а кума Тыквочка! — снова раздался тот же голосок.

Тыквочка обернулась к мастеру Виноградинке:

— Мастер Виноградинка, это вы так пицчите?

— Да что с тобой? Я вовсе не думаю пиццать! Я только почёсываю затылок, потому что у меня в голове так и зудит одна мысль.

— Кума Тыквочка, да отзовитесь же! — снова слышался голос.— Это я, Земляничка!

— Да где же ты?

— Я в комнате кавалера Помидора и говорю с вами по его секретному телефону. Вы слышите меня?

— Да, слышим.

— И я вас прекрасно слышу. Помидор скоро придёт сюда. Меня просили вам кое-что передать.

— Кто просил?

— Ваш приятель Чиполлино. Он говорит, чтобы вы не тревожились. Положитесь на него. Он уж постарается освободить вас из тюрьмы. Только не говорите синьору Помидору, где находится домик Тыквы. Не сдавайтесь! Чиполлино всё устроит.

— Мы ничего никому не скажем и будем ждать! — ответил за всех мастер Виноградинка.— Но передай Чиполлино, чтобы он поторопился, потому что нас тут осаждают мыши и мы не знаем, сколько времени продержимся. Не можешь ли ты как-нибудь доставить нам свечу и спички? У нас был огарок, но его съели мыши.

— Подождите немного, я сейчас вернусь.

— Конечно, подождём. Куда нам деваться!

Через некоторое время снова слышался голосок Землянички:

— Ловите, я бросаю свечку!

Послышался шорох, и что-то стукнуло кума Тыкву по носу.

— Тут, тут она!— радостно закричал старик.

В пакетике была целая сальная свечка и коробка спичек.

— Спасибо, Земляничка!— закричали все хором.

— До свидания, мне надо удирать: Помидор идёт! Действительно, в этот самый миг синьор Помидор вошёл в свою комнату. Увидев Земляничку, которая возилась около его секретного телефона, кавалер страшно обеспокоился:

— Ты что тут делаешь?

— Чищу вот эту ловушку.

— Какую ловушку?

— Вот эту... Разве это не мышеловка?

Помидор вздохнул с облегчением. «Слава богу,— подумал он,— служанка так глупа, что приняла мой секретный телефон за мышеловку!»

Он повеселел и даже подарил Земляничке бумажку от конфеты.

— Вот, держи,— сказал он великодушно,— можешь облизать эту бумажку. Она очень сладкая, год тому назад в неё была завёрнута карамелька с ромом.

Земляничка поклонилась и поблагодарила кавалера:

— За семь лет службы вы дарите мне уже третью бумажку от конфет, ваша милость.

— Вот видишь! — пропыхтел Помидор.— Значит, я добрый хозяин. Веди себя хорошо, и ты будешь довольна.

— Кто волен, тот и доволен,— ответила Земляничка пословицей и, ещё раз поклонившись, убежала по своим делам.

Кавалер Помидор потёр руки, думая про себя: «Вот теперь я посижу у моего секретного телефона и послушаю, о чем болтают арестованные. Узнаю, наверно, много интересных вещей. Может быть, мне даже удастся открыть, где они прячут этот проклятый домик».

Однако заключённые, которых вовремя предупредила Земляничка, услышали, что синьор Помидор подходит к слуховому отверстию, и, решив доставить ему

несколько «приятных» минут, принялись ругать его на все корки.

Помидора так и подмывало крикнуть: «Вот я вас!» — но в то же время ему не хотелось себя обнаружить. Поэтому, чтобы не слышать больше обидных слов, он счёл за лучшее улечься на покой. Перед сном он плотно заткнул тряпкой свой самодельный телефон, у которого вместо трубки была самая обыкновенная воронка, какую употребляют для розлива вина в бутылки.

А в подzemелье мастер Виноградинка зажжёт новую свечу. Все посмотрели наверх и, обнаружив в углу потолка дырку от секретного телефона, всласть посмеялись над синьором Помидором, который, должно быть, лопался от злости, подслушав разговоры заключённых.

Однако веселье длилось в тюрьме недолго. Мышь-разведчик, увидев в камере свет, разнюхала, как обстоят дела, и, не тратя времени даром, помчалась с докладом к генералу Бесхвостому.

— Ваше превосходительство, — отрапортовала она весело, — коты ушли, а у людей новая свечка!

— Что? Свечка?

У Бесхвостого потекли слюнки, и он облизал усы, ещё сохранявшие запах и вкус первого огарка.

— Трубите сбор! — приказал он в ту же минуту.

Когда войско было построено, генерал Долгохвост — то есть генерал Бесхвостый — произнёс пламенную речь:

— Храбрецы! Наше подземелье в опасности. Атакуйте врага и добудьте с бою сальную свечку. Съем её, конечно, я сам, но перед этим позволю каждому из вас по очереди облизать её. Вперёд, грызуны!

Мыши запищали от восторга, подняли хвосты и снова ринулись в бой.

Но на этот раз мастер Виноградинка предусмотрительно поставил свечку в маленькое углубление в стене, между двумя кирпичами, высоко от пола. Напрасно мыши пытались вскарабкаться по гладкой,

скользкой стенке — им так и не удалось добраться до свечи. Самые ловкие поглотили немножко скрипку профессора Груши. Но и этим смельчакам пришлось убраться восвояси, потому что генерал Бесхвостый, разъярённый неудачей, решил прибегнуть к строгости. Без долгих разговоров он выстроил своё войско в шеренгу и приказал казнить каждого десятого за трусость и мародерство.

В ту же ночь произошло неожиданное событие.

Чиполлино, Земляничка и Редиска встретились в саду у изгороди, чтобы обсудить положение, и обсуждали его с таким жаром, что ничего не замечали вокруг. Не заметили они и пса Мастино, который совершал в это время свой сторожевой обход. Пёс обнаружил ребят и накинулся на них как бешеный. С девчонками-то он связываться не стал, но зато сшиб с ног Чиполлино и, навалившись ему на грудь, лаял до тех пор, пока не явился синьор Помидор и не арестовал мальчика.

Можете себе представить, как был доволен кавалер!

— Чтобы доказать тебе моё особое расположение, — говорил он, издеваясь над Чиполлино, — я засажу тебя в особую, тёмную камеру. Простая тюрьма недостойна такого негодяя, как ты!

— Сделайте одолжение! — отвечал Чиполлино не смущаясь.

Да и мог ли он ответить иначе? Или, может быть, вы полагаете, что ему следовало заплакать и попросить пощады?

Нет, Чиполлино был из той честной луковой семьи, которая кого угодно может заставить плакать, а сама не заплачет ни при каких обстоятельствах!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Путешествие Чиполлино и Крота из одной тюрьмы в другую

Ночью Чиполлино проснулся. Ему почудилось, будто кто-то постучал в дверь. «Кто бы это мог быть? — подумал он. — Может быть, этот стук мне только приснился?»

Пока Чиполлино раздумывал, что же именно могло его разбудить, шум слышался снова. Это был какой-то глухой равномерный гул, словно кто-то неподдалёку работал киркой.

«Кто-то роет подземный ход», — решил Чиполлино, приложив ухо к той стене, откуда доносился шум.

Едва успел он прийти к такому выводу, как вдруг со стенки посыпалась земля, потом отвалился кирпич, и вслед за кирпичом кто-то впрыгнул в подземелье.

— Куда это, чёрт возьми, я попал? — раздался глухой голос.

— В мою камеру, — отвечал Чиполлино, — то есть в самое тёмное подземелье замка графинь Вишен. Извините, что в этой проклятой тьме я не могу рассмотреть вас и поздороваться с вами как следует.

— А вы кто такой? Извините, но я привык к темноте, а здесь для меня слишком светло. Я при свете ничего не вижу.

— Вот как? Значит, вы — Крот?

— Совершенно верно, — ответил Крот. — Я уж давно хотел прорыть ход в этом направлении, но никак не мог улучшить для этого свободную минутку. Ведь мои галереи тянутся на десятки километров под землёй. Их надо осматривать, ремонтировать, чистить. То и дело просачивается вода — из-за этого у меня постоянный насморк. А тут ещё эти несносные червяки, которые лезут куда попало и не умеют уважать чужой труд! Вот я и откладывал это дело с недели на неделю. Но сегодня утром я сказал себе: «Синьор Крот, если вы и в самом деле любознательны и хотите увидеть мир, то настало время прорыть новый коридор». Ну, я и пустился в путь...

Но тут Чиполлино прервал рассказ синьора Крота и счёл необходимым представиться ему:

— Меня зовут Чиполлино, что значит «луковка». Я пленник кавалера Помидора.

— Не утруждайте себя объяснениями, — сказал Крот. — Я вас сразу же узнал по запаху. Мне вас искренне жаль. Вы принуждены днём и ночью оставаться в таком чертовски светлом месте, а ведь это, должно быть, настоящая пытка!

— Я-то нахожу это место довольно-таки тёмным...

— Вы шутите! Но мне вас чрезвычайно жаль. Да, люди злы. Я так считаю: уж если вы хотите заклю-

чить кого-нибудь в темницу, так пусть это будет и в самом деле тёмное место, где глаза могут по-настоящему отдохнуть.

Чиполлино понял, что нет никакого смысла заводить спор по поводу света и тьмы с Кротом, который, привыкнув к мраку своих галерей, естественно, имел по этому вопросу совершенно особое мнение.

— Да, я должен признаться, что свет и мне очень досаждал, — притворно вздохнул Чиполлино.

— Вот видите! А что я вам говорил!

Крота очень растрогали слова Чиполлино.

— Если бы вы были поменьше... — начал он.

— Я? Да разве я большой? Уверяю вас, что я вполне пролезу в любую кротовую дырку, то есть норку.

— Может быть, может быть, юноша. Только сделайте милость, не называйте мои галереи норками или дырками. Так вот, может быть, мне удастся вывести вас отсюда.

— Я легко могу пролезть в ту галерею, которую вы только что выкопали, — сказал Чиполлино. — Только, пожалуйста, идите первым, потому что я боюсь заблудиться. Я слышал, что ваши галереи очень запутанные.

— Возможно, — ответил Крот. — Мне надоедает ходить всегда одной и той же дорогой. Хотите, выроем новый ход?

— А в какую сторону? — живо спросил Чиполлино.

— Да в какую хотите, — ответил Крот. — Только бы добраться до тёмного места и не угодить в такую же ослепительно светлую пещеру, как эта, будь она проклята!

Чиполлино сразу же подумал о темнице, в которой томилась Тыква, Виноградинка и прочие. Вот удивятся они, если он проберётся к ним подземным ходом!

— Я думаю, нужно рыть вправо, — предложил он Кроту.

— Вправо или влево — мне всё равно. Если вы так предпочитаете, пойдём направо.

И, недолго думая, Крот уткнулся головой в стенку и принялся так быстро рыть нору, что осыпал Чиполлино сырой землёй с головы до ног.

Мальчик поперхнулся и закашлялся на добрые четверть часа. Перестав наконец кашлять и чихать, он услышал голос Крота, который нетерпеливо звал его:

— Что же, молодой человек, идёте вы за мной или нет?

Чиполлино протиснулся в прорытую кротом галерею, которая оказалась достаточно широкой, чтобы он мог без особых усилий двигаться вперёд. Крот уже прорыл несколько метров, работая с молниеносной быстротой.

— Я здесь, я здесь, синьор Крот! — бормотал Чиполлино, отплёвываясь и заслоняясь руками от комьев земли, которые всё время летели ему в рот из-под лап Крота.

Однако, прежде чем пойти за Кротом, Чиполлино успел заделать дырку в стене свсей тюрьмы.

«Когда Помидор обнаружит мой побег,— подумал он,— пускай он не знает, в какую сторону я удрал».

— Как вы себя чувствуете? — спросил Крот, продолжая работать.

— Спасибо, великолепно,— отвечал Чиполлино.— Здесь такая непроглядная, беспросветная тьма!

— Я же вам говорил, что вы сразу почувствуете себя лучше! Хотите, остановимся на минуточку? Впрочем, я бы предпочёл продолжать путь, потому что немного тороплюсь. Но, может быть, с непривычки вам трудно так быстро передвигаться по моим галереям?

— Нет, нет, пойдём дальше! — ответил Чиполлино, рассчитывая, что при такой скорости они раньше доберутся до подземелья, где находятся его друзья.

— Прекрасно! — И Крот стал быстро пробираться вперёд.

Чиполлино с трудом поспевал за ним.

А через четверть часа после побега Чиполлино дверь его камеры открылась. В темницу, насвистывая весёлую песенку, вошёл синьор Помидор.

С каким злорадством предвкушал эту минуту храбрый кавалер! Когда он спускался в подземелье, ему казалось, что он стал легче по крайней мере килограммов на двадцать.

«Чиполлино в моих руках,— самодовольно думал он.— Я заставлю его во всём признаться, а потом повешу. Да, да, повешу! После этого я выпущу мастера

Виноградинку и остальных дурней — их-то мне бояться нечего. А вот и дверь камеры, где сидит мой арестант... Ах, как мне приятно думать об этом маленьком негодяе, который, должно быть, уже все слёзы выплакал за это время! Он, конечно, бросится к моим ногам и будет умолять о прощении. Я готов поклясться, что он будет лизать мне башмаки. Что же, я позволю ему поваляться у меня в ногах и даже подам ему некоторую надежду на спасение, а потом объявлю приговор: смерть через повешение!»

Однако когда кавалер Помидор отпер большим ключом дверь и зажёл карманный фонарик, то не нашёл и следа преступника. Камера была пуста, совершенно пуста!

Помидор не верил своим глазам. Тюремщики, стоявшие рядом с ним, увидели, что он покраснел, пожелтел, позеленел, посинел и, наконец, почернел от злости.

— Куда же этот мальчишка мог скрыться? Чиполлино, где ты, негодяй этакий, прячешься?

Вопрос был довольно праздный. В самом деле: куда бы мог спрятаться Чиполлино в тесной камере, где были только голые, гладкие стены, скамейка и кувшин с водой?

Кавалер Помидор заглянул под скамейку, посмотрел в кувшин с водой, на потолок, исследовал пол и стены сантиметр за сантиметром, но все было напрасно: плешник исчез, словно испарился.

— Кто выпустил его? — грозно спросил Помидор, повернувшись к Лимончикам.

— Не знаем, сеньор кавалер. Ведь ключ-то у вас, — осмелился заметить начальник стражи.

Помидор почесал затылок: действительно, ключ был у него.

Чтобы разгадать тайну, он решил сесть на скамейку. Сидя легче думать, чем стоя. Но и в сидячем положении он ничего не мог придумать.

Вдруг внезапный порыв ветра захлопнул дверь.

— Откройте, бездельники! — завизжал Помидор.

— Ваша милость, это невозможно. Вы слышали, как щёлкнул замок?

Кавалер Помидор попробовал открыть дверь ключом. Но замок был так устроен, что отпирался только снаружи.

В конце концов синьор Помидор убедился, что посадил самого себя в тюрьму, и едва не лопнул от бешенства.

Он опять почернел, посинел, позеленел, покраснел, пожелтел и стал грозить, что расстреляет немедленно всех тюремщиков, если они в два счёта не освободят его.

Короче говоря, для того чтобы открыть дверь, надо было взорвать её динамитом. Так и сделали. От сотрясения синьор Помидор полетел вверх тормашками, и его засыпало землёй с головы до ног. Лимончики кинулись откапывать кавалера и после долгих усилий вытащили его, облепленного грязью, словно картофелину из борозды. Потом его понесли наверх, отряхнули и стали осматривать, целы ли у него голова, нос, ноги, руки.

Голова у Помидора была цела, зато нос и в самом деле изрядно пострадал. Ссадину залепили пластырем,

и кавалер тотчас же улёгся в постель. Ему было стыдно показаться на глаза людям с этой нашлапкой на носу.

Чиполлино и Крот были уже очень далеко, когда услышали отголосок взрыва.

— Что бы это могло быть?.. — спросил мальчик.

— О, не беспокойтесь, — объяснил ему Крот, — это, наверно, военные манёвры! Принц Лимон считает себя великим полководцем и не успокоится до тех пор, пока не затеет какую-нибудь войну, хотя бы и не всамделишную.

Усердно роя подземный коридор, Крот не переставал расхваливать темноту и бранить свет, который он ненавидел от всей души.

— Однажды, — сказал он, — мне довелось взглянуть одним глазом на свечку... Клянусь, я убежал со всех ног, когда узнал, что это за штука!

— Ещё бы! — вздохнул Чиполлино. — Иные свечки горят очень ярко.

— Да нет, — ответил Крот, — эта свечка не горела! К счастью, она была потушена. Но что бы со мной было, если бы её зажгли!

Чиполлино удивился, как это может повредить зрению потушенная свеча, но в этот миг Крот внезапно остановился.

— Я слышу голоса! — сказал он.

Чиполлино насторожился: до него донёсся отдалённый говор, хотя он и не мог ещё различить отдельные голоса.

— Слышите? — сказал Крот. — Где человеческие голоса, там, конечно, и люди. А где люди, там и свет. Лучше пойдём в другую сторону!

Чиполлино снова прислушался и на этот раз отчётливо услышал знакомый голос мастера Виноградинки. Он только не мог разобрать, что именно сапожник говорит.

Мальчику захотелось закричать во всё горло, чтоб его услышали, узнали, но он тут же подумал: «Нет, пускай Крот пока ещё не знает, что это мои друзья. Сначала надо убедить его прорыть ход в подземелье — иначе он может заупрямиться и все мои планы рухнуть».

— Синьор Крот, — осторожно начал Чиполлино, — я слышал об одной очень-очень тёмной пещере, кото-

рая, по моим расчётам, должна находиться именно здесь, в этих местах.

— Темней, чем моя галерея? — спросил Крот с явным сомнением.

— Гораздо темнее! — решительно сказал Чиполлино. — Вероятно, люди, голоса которых мы с вами слышим, пришли в эту пещеру для того, чтобы дать отдых своим усталым глазам.

— Хм... — пробурчал Крот. — Тут что-то не так... Но, уж если вам очень хочется побывать в этой пещере, пусть будет по-вашему. На ваш страх и риск, разумеется!

— Пожалуйста, синьор Крот! Я буду вам чрезвычайно признателен! — попросил Чиполлино. — А вы познакомьтесь с новой пещерой. Век живи — век учись, не так ли?

— Ну ладно, — согласился Крот. — Но если у меня заболят глаза от слишком яркого света, вам же будет хуже!

Через несколько минут голоса прозвучали уже совсем близко.

Чиполлино ясно расслышал, как тяжело вздыхает кум Тыва:

— Ох, это я во всём виноват!.. Я... Ах, если бы пришёл Чиполлино и выручил нас из беды.

— Если я не ошибаюсь, — сказал Крот, — там называли ваше имя!

— Моё имя? — переспросил Чиполлино, будто бы ничего не понимая. — Не может быть! Я не слышу, о чём там говорят.

Но тут раздался голос мастера Виноградинки:

— Чиполлино дал слово, что придёт освободить нас, — значит, он непременно придёт. Я ничуть в этом не сомневаюсь.

Крот стоял на своём:

— Слышите? Про вас говорят, про вас! Нет, нет, не уверяйте меня, что вы не расслышали! Скажите лучше, с какими намерениями вы заставили меня прийти сюда?

— Синьор Крот, — признался Чиполлино, — может быть, и в самом деле было бы лучше, если бы я с самого начала сказал вам всю правду! Но позвольте мне хоть сейчас рассказать вам, в чём дело. Голоса, которые вы слышите, доносятся из темницы замка

графинь Вишен. Там томятся в неволе мои друзья, которых я обещал освободить.

— И вы решили сделать это с моей помощью?

— Вот именно. Синьор Крот, вы были настолько добры, что уже прорыли такой длинный коридор! Не согласитесь ли вы поработать ещё немножко, чтоб освободить моих друзей?

Крот подумал немного и сказал:

— Хорошо, я согласен. Мне, в сущности, всё равно, в каком направлении рыть землю. Так и быть, я вырою галерею и для ваших друзей.

Чиполлино с удовольствием расцеловал бы старого Крота, но всё лицо у мальчика было так залеплено землёй, что он и сам не знал, где у него, собственно говоря, рот.

— От всего сердца благодарю вас, синьор Крот! До самой смерти буду вам признателен!

— Ладно уж... — пробормотал растроганный Крот. — Не будем терять времени на болтовню и поскорее доберёмся до ваших друзей.

Он снова принялся за работу и через несколько секунд пробуравил стену подземелья. Однако, к несчастью, в тот самый миг, когда Крот пролез в камеру, мастер Виноградинка зажег спичку, чтобы посмотреть, который час.

Вспышка света произвела такое впечатление на бедного Крота, что он тут же попятился к выходу и пропал во мраке.

— До свидания, синьор Чиполлино! — прокричал он на прощанье. — Вы хороший паренёк, и я искренне хотел помочь вам. Но вы обязаны были предупредить меня, что нас встретят таким ослепительным светом. Вы не должны были обманывать меня на этот счёт!

Он удрал так быстро и стремительно, что своды только что прорытой галереи обрушились за ним, стены её осели и весь коридор засыпало землёй.

Вскоре Чиполлино перестал слышать голос Крота. Он печально попрощался с ним, пробормотав про себя: «До свидания, старый, добрый Крот! Мир тесен — может быть, мы ещё встретимся когда-нибудь и я попрошу прощения за то, что обманул вас!»

Расставшись таким образом со своим товарищем по путешествию, Чиполлино вытер, насколько это бы-

до возможно, лицо платком и вбежал к своим приятелям, весёлый и беспечный, словно пришёл на праздник.

— Добрый день, друзья мои! — закричал он звонким голосом, который прозвучал в подземелье, как труба.

Вообразите себе радость заключённых! Они бросились к Чиполлино в объятия и стали осыпать его поцелуями. В один миг очистили они его от всей грязи, которая на него надела. Кто обнимал его, кто дружески щипал, кто хлопал по плечу.

— Тише, тише, — уговаривал их Чиполлино, — вы меня на куски разорвёте!

Не сразу успокоились друзья. Но их радость перешла в отчаяние, когда Чиполлино рассказал им о своих злоключениях.

— Значит, и ты, брат, в плену, как мы? — спросил мастер Виноградинка.

— Выходит, что так! — ответил Чиполлино.

— Но ведь когда явится стража, она тебя найдёт?

— Ну, это необязательно, — сказал Чиполлино. — Я всегда могу забраться в скрипку профессора Груши. Ведь я, к счастью, невелик ростом.

— Ой, но кто же нас отсюда выведет! — прошептала кума Тыквочка.

— И всё это по моей вине! — тяжело вздохнул кум Тыква. — Всё из-за меня!..

Чиполлино хотел было приободрить приунывшую компанию, но все его усилия ни к чему не привели. Да и у самого у него, как говорится, на сердце кошки скребли в эту минуту.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*из которой видно, что кавалер Помидор
имеет обыкновение спать в чулках*

Разумеется, синьор Помидор скрыл от всех, что Чиполлино сбежал. Лимончикам, которые побывали с ним в подземелье, он велел помалкивать. Если же кто-нибудь спросит — отвечать, что преступника перевели в общую камеру. А чтобы никто не увидел наשלёпки у него на носу, кавалер не вставал с постели и никого

не принимал. Земляничка во все глаза следила за ним, но ей никак не удавалось узнать, где же прячет он ключи от подземелья. Наконец она решилась посоветоваться с Вишенкой, который, как вы знаете, всё ещё болел и безутешно плакал. Но едва только Земляничка рассказала ему, что произошло, Вишенка вытер слёзы и вскочил на ноги:

— Чиполлино в тюрьме? Он не должен оставаться в тюрьме ни одной минуты!.. Дай-ка мне поскорей мои очки.

— Что ты хочешь делать?

— Я освобожу его,— решительно заявил Вишенка.— Его и всех остальных!

— Но как же ты достанешь ключи у Помидора?

— Утащу. Ты только приготовь хороший шоколадный торт и подсыпь в него немного сонного порошка, который найдёшь у моих тёток. Синьор Помидор очень любит шоколад, и когда он заснёт, ты мне дай знать. А пока я побегу и поразведаю, как идут дела.

Земляничка не верила своим глазам: откуда взялась у хрупкого и нежного Вишенки такая смелость и решительность!

— Как он изменился! Батюшки мои, как он изменился! — шептала она.

То же самое сказали все, кто встретил Вишенку в этот день. Обо графини, синьор Петрушка и герцог Мандарин с удивлением смотрели на мальчика.

— Да он совсем выздоровел! — воскликнула графиня Старшая, увидев, как блестят у него глаза и горят щеки.

— Я же вам говорил, что он вовсе и не был болен! — заявил герцог. — Он попросту притворялся.

Графиня Младшая поспешила согласиться со своим капризным кузенком, а то бы он, чего доброго, опять взобрался на шкаф и пригрозил покончить с собой, если его не умилоstit каким-нибудь подношением.

Между тем Вишенка выведал у одного из Лимончиков, что Чиполлино бежал из тюрьмы. Это его очень порадовало. Однако он решил не успокаиваться до тех пор, пока не освободит остальных пленников.

— Друзья Чиполлино — и мои друзья! — сказал он и сейчас же приступил к делу.

Разговорившись с тюремщиками, он испытал у них, что синьор Помидор носит ключи от подземелья в особом кармашке, подшитом к изнанке чулка.

«Ну, дело плохо,— подумал Вишенка.— Ведь всем известно, что Помидор всегда ложится спать в чулках. Значит, нужно усыпить его до бесчувствия, чтобы можно было вытащить из чулка ключ, не разбудив кавалера».

И он попросил Земляничку подсыпать в торт двойную порцию сонного порошка.

Когда наступила ночь, служанка принесла кавалеру чудесный мармеладно-шоколадный торт. Синьор Помидор обрадовался и проглотил его в один присест.

— Тебе не придётся жаловаться на твоего хозяина,— обещал он ей.— Когда я поправлюсь, я непременно подарю тебе бумажку от шоколадки, которую я съел в прошлом году. Она очень ароматная и сладкая, эта бумажка!

Земляничка в знак благодарности низко поклонилась кавалеру, а когда она выпрямилась, Помидор уже храпел, как целый оркестр, состоящий из контрабасов и флейт.

Земляничка сбегала за Вишенкой. Держась за руки, они на цыпочках пустились в путь по коридорам замка, направляясь к спальне кавалера.

Они прошли мимо комнаты герцога Мандарина, который до поздней ночи упражнялся в прыжках. Для того чтобы совершать головокружительные прыжки, когда нужно выклянчить что-нибудь у синьоры графини Младшей, требовалась хорошая тренировка.

Посмотрев по очереди в замочную скважину, Земляничка и Вишенка увидели, что герцог, как ошалевшая кошка, прыгает со шкафа на люстру, со спинки кровати на зеркало и необыкновенно быстро карабкается вверх по портьерам. За короткое время он стал настоящим акробатом.

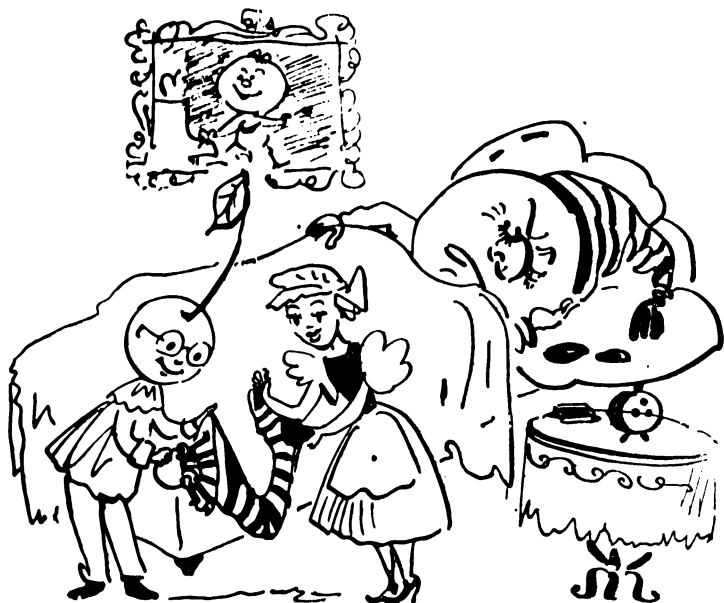
В комнате синьора Помидора было довольно светло: Земляничка предусмотрительно оставила ставни открытыми, так что в окно лился яркий свет луны.

Кавалер по-прежнему громко храпел. В эту минуту ему снилось, будто Земляничка принесла ему ещё один шоколадный торт величиной по крайней мере с велосипедное колесо.

Но только хотел он приняться за еду, как в комнату ворвался барон Апельсин и потребовал, чтобы синьор Помидор отдал ему добрую половину торта. Защищая свои права, кавалер вытащил шпагу. В конце концов барон отступил, нещадно нахлёстывая бедного тряпичника, который обливался потом под тяжестью тачки. Синьор Помидор снова принялся было за торт, но на смену барону Апельсину явился герцог Мандарин, который взобрался на верхушку очень высокого тополя и завопил: «Дайте, дайте мне половину торта — или я брошусь отсюда на землю вниз головой!»

Словом, сон Помидора был очень тревожен: знакомые и незнакомые люди хотели во что бы то ни стало отнять у него злосчастный торт, а потом и сам этот проклятый торт принёс кавалеру одно только горькое разочарование: из шоколадного он почему-то превратился вдруг в картонный. Синьор Помидор вонзил в него зубы, ничего не подозревая, и рот у него наполнился картоном — жёстким, клейким и безвкусным.

В то время как синьора Помидора одолевали эти тревожные сновидения, Земляничка осторожно сняла

с его ноги чулок, а Вишенка вытащил из чулка связку ключей.

— Дело сделано! — прошептал он Земляничке.

Девочка посмотрела на своего спящего хозяина:

— Ох, и обозлится же Помидор, когда проснётся и узнает, что с ним проделали!

— Бежим, пока он не проснулся!

— Да нет, этого опасаться нечего. Я насыпала столько сонного порошка, что его хватило бы по крайней мере на десять человек!

Они потихоньку вышли из комнаты, закрыли за собой дверь и бросились бежать вниз по лестнице, едва переводя дух.

Вдруг Вишенка остановился и прошептал:

— А стража?

В самом деле, об этом они не подумали.

Земляничка засунула палец в рот: это ей всегда помогало в трудные минуты. Пососёшь палец — и в голову тебе придёт дельная мысль.

— Придумала! — сказала она наконец. — Я зайду за угол дома и начну изо всех сил звать на помощь, будто на меня напали разбойники. А ты вызови тюремную стражу и пошли её ко мне на выручку. Ну, а как только останешься один, поверни вот этот ключ два раза, и дверь камеры откроется.

Так они и сделали. Обман удался на славу. Земляничка кричала «караул» так отчаянно, что, кажется, и деревья готовы были вырвать из земли свои корни, чтобы кинуться ей на помощь. Тюремщики переполошились и помчались на шум, как борзые за зверем.

— Скорее, скорее, ради самого бога! Там бандиты, бандиты! — кричал им вслед Вишенка.

Оставшись один, он сунул ключ в скважину, отпер тяжёлую дверь и проник в подземелье. Каково же было его удивление, когда среди заключённых он увидел своего приятеля Чиполлино!

— Ты здесь, Чиполлино! Так ты, значит, не бежал?

— Я тебе потом всё расскажу, Вишенка, а сейчас нам нельзя терять времени.

И правда, беглецам надо было торопиться.

— Сюда, сюда! — задыхаясь, говорил Вишенка, указывая друзьям на тропинку, которая вела прямо

в лес.— Не беспокойтесь, тюремщики вас не увидят: они побежали в противоположную сторону.

Куму Тыковочку, которая была слишком толста, чтобы бежать достаточно быстро, покатили по дорожке, как настоящую тыкву.

Чиполлино на минутку отстал от товарищей и горячо поблагодарил Вишенку, у которого глаза блестели от слёз.

— Ты молодец! — сказал ему Чиполлино.— Я не верил, что ты в самом деле болен, и не раз хотел пробраться к тебе, пока был на свободе.

— Беги, беги скорей, а то они тебя схватят!

— Ладно, бегу, но мы скоро с тобой опять увидимся. Обещаю тебе, что мы ещё доставим Помидору немало «приятных» минут!

В два прыжка догнал он своих приятелей и помог им катить вперёд куму Тыковочку. А Вишенка поспешил в замок, чтобы положить ключи на место, то есть в правый чулок синьора Помидора.

Но что же было в это время с тюремной стражей, которая побежала спасать Земляничку от бандитов?

Тюремщики застали Земляничку в слезах. До их прихода она разорвала на себе передник и расцарапала лицо, чтобы они поверили, будто на нее и в самом деле напали бандиты.

— В какую сторону они удрали? — спросили Лимончики, задыхаясь от быстрого бега.

— Вон туда! — отвечала Земляничка, указывая на дорогу, ведущую в деревню.

Тюремщики помчались по этой дороге. Два или три раза обежали они всю деревню и, не найдя никого на улице, в конце концов арестовали одного деревенского Кота, несмотря на его решительные протесты.

— Не понимаю! — мяукал Кот негодуя.— Кажется, мы живём в свободной стране, и вы не имели никакого права арестовать меня. Да, кроме того, вы явились в тот самый момент, когда мышь, которую я сторожу уже два часа подряд, наконец-таки решилась выйти из своей норки.

— В тюрьме вы найдёте сколько угодно мышей, — ответил начальник стражи.

Через полчаса Лимончики вернулись в замок. Можете себе представить, что с ними сделалось, когда они нашли тюрьму пустой!

Они поскорее заперли Кота в камеру, побросали сабли и ружья и разбежались кто куда, опасаясь гнева кавалера Помидора.

Кавалер проснулся утром и первым делом посмотрел в зеркало.

«Нос в порядке,— сказал он самому себе.— Можно снять пластырь и отправиться в подземелье допрашивать пленных».

По дороге он захватил с собой синьора Горошка, как знатока уголовных законов королевства, и синьора Петрушку, чтобы тот записывал показания арестованных.

Все трое с важным видом, какой подобает представителям закона, гуськом спустились в подземелье. Помидор вытащил из правого чулка ключи, открыл тяжёлую дверь, но с такой поспешностью отскочил назад, что сшиб с ног синьора Петрушку, который стоял у него за спиной. Из камеры неслись жалобные стоны. «Мяу! Мяу!» — пронзительно мяукал деревенский Кот, корчась от невыносимых страданий.

— Что вы тут делаете? — спросил синьор Помидор у Кота, всё ещё дрожа от испуга.

— Ах, у меня живот болит! — горько жаловался Кот. — Пожалуйста, отнесите меня в амбулаторию или, по крайней мере, пришлите ко мне доктора!

Оказалось, что Кот всю ночь охотился на мышей и так объелся, что изо рта у него торчало не менее двухсот мышинных хвостов.

Кавалер выпустил Кота на свободу и дал ему разрешение в любое время возвращаться в тюрьму для охоты за мышами. На прощанье он сказал Коту:

— Если вы будете так любезны и сохраните хвосты съеденных вами мышей, как вещественное доказательство вашей полезной деятельности, то администрация замка назначит вам небольшую пенсию, по столько-то за хвост.

После этого Помидор немедленно послал правителю королевства принцу Лимону телеграмму, в которой говорилось:

«В замке графинь Вишен беспорядки, соблаговолите командировать батальон Лимончиков. Желательно личное присутствие вашего высочества. Помидор».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Лук Порей был награждён и наказан

На следующее же утро принц Лимон вступил в деревню во главе сорока придворных Лимонов и целого батальона Лимончиков. Как вы уже знаете, при дворе принца Лимона все носили на шапочках колокольчики. Когда придворные и войска двигались по дороге, слышалась такая музыка, что коровы переставали жевать траву, полагая, что пригнали новое стадо.

Услышав звон, Лук Порей, который как раз в эту минуту расчёсывал усы перед зеркалом, прервал своё дело на середине и высунулся из окна. Тут-то его и заприметили. Лимончики ворвались к нему в дом, арестовали его и повели в тюрьму с одним усом, торчащим вверх, и другим, поникшим вниз.

— Позвольте мне, по крайней мере, причесать и левый ус! — просил Лук Порей у стражи, пока она вела его в тюрьму.

— Молчать! Не то мы отрежем тебе сначала левый, а потом и правый ус и таким образом избавим тебя от необходимости их причёсывать.

Лук Порей умолк, боясь потерять своё единственное достоинство.

Был арестован также и адвокат Горошек. Он долго вижал, отбивался и сыпал слова, как горох:

— Это ошибка! Я здешний адвокат и служу у кавалера Помидора. Это простое недоразумение! Немедленно выпустите меня на свободу!

Но всё было напрасно — словно об стенку горох.

Солдаты-Лимончики расположились в парке. Некоторое время они развлекались тем, что читали объявления синьора Петрушки, а затем, чтобы не скучать, стали топтать траву и цветы, удить золотых рыбок, стрелять в цель по стёклам оранжереи и придумывать другие забавы в том же роде.

Графини бегали от одного начальника к другому и рвали на себе волосы:

— Умоляем вас, синьоры, прикажите вашим людям утомониться! Они нам разорят весь парк!

Но начальники и слушать их не хотели.

— Нашим храбрецам, — заявили они, — нужны развлечения после военных подвигов. Вы должны

быть благодарны им за то, что они охраняют ваш покой.

Графини заикнулись было о том, что арест Лука Порей и синьора Горошка — не такой уж большой подвиг. Тогда офицер пригрозил:

— Прекрасно! В таком случае мы велим арестовать также и вас. За то они и получают жалованье, чтобы сажать в тюрьму всех недовольных!

Графиням осталось лишь убраться прочь и обратиться с жалобой к самому принцу Лимону. Принц расположился в замке со всеми своими сорока придворными, заняв, разумеется, самые лучшие комнаты и бесцеремонно вытеснив оттуда кавалера Помидора, барона, герцога, синьора Петрушку и даже самих графинь.

Барон Апельсин был очень озабочен.

— Вот увидите, — говорил он шёпотом, — эти Лимоны и Лимончики съедят у нас всю провизию, и мы умрём с голоду. Они пробудут здесь, пока в замке еще есть припасы, а потом уйдут, оставив нас на произвол судьбы. Ах, это такое несчастье! Это настоящая катастрофа!

Правитель велел привести Лука Порей и учинить ему допрос.

Синьор Петрушка, хорошенько высморкавшись в свой клетчатый платок, принялся записывать ответы подсудимого, а кавалер Помидор уселся рядом с правителем, чтобы подсказать ему на ухо, как вести допрос.

Дело в том, что принц Лимон, хоть и носил на голове золотой колокольчик, был не очень-то смышлен, а кроме того, отличался рассеянностью. Вот и теперь, едва пленника ввели в комнату, он воскликнул:

— Ах, какие у него великолепные усы! Клянусь, что во всех подвластных мне землях я никогда не видел таких красивых, длинных и хорошо расчёсанных усов!

Надо сказать, что Лук Порей только и делал в тюрьме, что приглаживал да расчёсывал свои усы.

— Благодарю вас, ваше высочество! — сказал он скромно и вежливо.

— Посему, — продолжал правитель, — мне угодно наградить его орденом Серебряного Уса. Сюда, мои Лимоны!

Придворные немедленно явились на зов.

— Принесите-ка мне корону кавалера ордена Серебряного Уса!

Принесли корону, которая представляла собою пышный ус, обвивающийся, как венок, вокруг головы. Разумеется, ус был сделан из чистого серебра.

Лук Порей растерялся: он думал, что его позвали на допрос, а оказывается, его решили удостоить такой высокой почести.

Почтительно склонился он перед правителем, и принц собственноручно надел ему на голову корону, обнял его и поцеловал в оба уса — сначала в правый, а потом в левый. Затем принц встал и собрался уходить, потому что был очень рассеян и полагал, что сделал своё дело.

Тогда кавалер Помидор наклонился и пробормотал ему на ухо:

— Ваше высочество, почтительнейше напоминаю вам, что вы пожаловали кавалерское звание отъявленному преступнику.

— С того момента, как я произвёл его в кавалеры, — спесиво ответил принц Лимон, — он более не преступник. Тем не менее давайте допросим его.

И, вернувшись к Луку Порей, принц спросил, известно ли ему, куда бежали пленные. Лук Порей сказал, что ничего не знает. Потом его спросили, знает ли он, где спрятан домик кума Тыквы, и Лук Порей снова ответил, что ему ничего не известно.

Синьор Помидор пришёл в ярость:

— Ваше высочество, этот человек лжёт! Я предлагаю подвергнуть его пытке и не отпускать до тех пор, пока он не откроет нам истину — всю истину и только истину!

— Прекрасно, прекрасно! — поддакнул принц Лимон, потирая руки.

Он уже совершенно забыл, что несколько минут назад наградил Луку Порей орденом, и обрадовался случаю подвергнуть человека пытке, потому что очень любил присутствовать при самых жестоких истязаниях.

— С какой же пытки мы начнём? — спросил палач, явившийся к принцу со всеми своими орудиями: вилами, топором, щипцами, а также с коробкой спичек.

Спички нужны были для того, чтобы разжечь костёр.

— Вырвите-ка у него усы! — приказал правитель. — Вероятно, он дорожит ими больше всего на свете.

Палач принялся тянуть Луку Порей за усы, но они были так прочны, так закалились от тяжести белья, что палач только понапрасну трудился и обливался потом: усы не отрывались, а Лук Порей не чувствовал ни малейшей боли.

В конце концов палач до того устал, что упал без памяти. Луку Порей отвели в потайную камеру и забыли о его существовании. Ему пришлось питаться сырыми мышами, и усы у него так отрасли, что стали завиваться тройными кольцами.

После Луку Порей вызвали на допрос синьора Горюшка. Адвокат бросился к ногам правителя и стал целовать их, униженно умоляя:

— Простите меня, ваше высочество, я невиновен!

— Плохо, очень плохо, синьор адвокат! Если бы вы были виновны, я бы вас сейчас же освободил. Но если вы ни в чём не виноваты, то ваше дело принимает весьма дурной оборот. Постойте, постойте... А вы можете сказать нам, куда бежали пленные?

— Нет, ваше высочество,— ответил синьор Горошек, весь дрожа: он и в самом деле этого не знал.

— Вот видите! — воскликнул принц Лимон.— Как же вас освободить, если вы ничего не знаете?

Синьор Горошек бросил умоляющий взгляд на синьора Помидора. Но кавалер притворился, будто очень занят своими мыслями, и устремил взор в потолок.

Синьор Горошек понял, что всё пропало. Но отчаяние его сменилось настоящим бешенством, когда он увидел, что хозяин и покровитель, которому он ревностно служил, так подло отступился от него.

— А можете ли вы, по крайней мере, сказать мне,— спросил принц Лимон,— где спрятан домик алодея Тыквы?

Адвокат знал это, потому что в своё время подслушал разговор Чиполлино с его односельчанами.

«Если я открою тайну,— подумал он,— то меня освободят. А что толку? Я вижу теперь, каковы мои бывшие друзья и покровители! Когда нужно было использовать мои знания и способности, чтобы обманывать других, они приглашали меня к обеду и к ужину, а теперь покинули в беде. Нет, я не хочу больше помогать им. Будь что будет, а от меня они ничего не узнают!»

И он громко заявил:

— Нет, принц, я ничего не знаю.

— Ты лжёшь! — завопил синьор Помидор.— Ты прекрасно знаешь, но не хочешь сказать!

Тут синьор Горошек дал волю своему гневу. Он привстал на цыпочки, чтобы казаться выше, бросил на Помидора негодующий взгляд и прокричал:

— Да, я знаю, я прекрасно знаю, где спрятан домик, но я никогда вам этого не скажу!

Принц Лимон нахмурился.

— Подумайте хорошенько! — сказал он.— Если вы не откроете тайны, я буду вынужден вас повесить.

У синьора Горошка затряслись коленки от страха. Он обхватил себя обеими руками за шею, будто стараясь избавиться от петли, но решение его было непоколебимо.

— Вешайте меня,— сказал он гордо.— Вешайте немедленно!

Проговорив эти слова, он весь побелел, хоть и был Зелёным Горошком, и упал как подкошенный на землю.

Синьор Петрушка записал в протокол: «Обвиняемый лишился чувств от стыда и угрызений совести».

Потом он снова высморкался в клетчатый платок и закрыл книгу. Допрос был окончен.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*О том, как синьор Горошек спас жизнь кавалеру,
сам того не желая*

Когда синьор Горошек пришёл в себя, кругом царил непроглядный мрак. Адвокат решил, что его уже повесили.

«Я умер,— подумал он,— и, конечно, нахожусь в аду. Меня удивляет только одно: почему здесь так мало огня? Собственно говоря, его здесь совсем нет. Очень странно: ад без адского пламени!»

В этот миг он услышал, как скрипит ключ в замке камеры. Горошек забился в угол, потому что бежать ему было некуда, и с испугом смотрел на открывающуюся дверь. Он ожидал, что увидит стражей-Лимончиков и палача.

Лимончики действительно явились, но вместе с ними пожаловал... Кто бы вы думали? Кавалер Помидор своей собственной персоной, связанный по рукам и ногам.

Синьор Горошек кинулся было на него со сжатыми кулаками, но потом опомнился: «Что же это я делаю? Ведь он такой же узник, как и я».

И хотя Горошек не испытывал никакого сочувствия к своему бывшему хозяину, он всё же вежливо спросил у кавалера:

— Так, значит, вас тоже арестовали?

— Арестовали?! Скажите лучше, что я приговорён к смерти. Меня повесят завтра на заре, сейчас же после вас. Вы, верно, и не знаете, что мы находимся в камере для висельников!

Адвокат не мог прийти в себя от изумления. Он знал, что ему грозит смертная казнь, но никак

не думал, что за компанию с ним повесят и кавалера.

— Принц Лимон,— продолжал синьор Помидор,— очень разгневался на то, что ему так и не удалось найти виновных. И знаете, что он в конце концов придумал? В присутствии графинь, гостей и слуг он обвинил меня в том, что я, кавалер Помидор,— главный зачинщик заговора. За это он и приговорил меня к повешению!

Синьор Горошек не знал, радоваться ли, что кавалера постигнет такая суровая кара, или пожалеть его. Наконец он сказал:

— Ну, если так, мужайтесь, кавалер. Умрём вместе.

— Плохое утешение! — заметил синьор Помидор.— Позвольте мне всё же извиниться перед вами за то, что при вашем допросе я не очень вами интересовался. Вы понимаете, в это время решалась и моя собственная участь.

— Ну, теперь это дело прошлое... Не будем больше говорить о том, что было,— любезно предложил синьор Горошек.— Мы товарищи по несчастью. Постараемся помочь друг другу.

— Я того же мнения,— согласился синьор Помидор, немножко приободрившись.— Очень рад, что вы нехлопамятны.

Он вытащил из кармана кусок торта и по-братски разделил его с адвокатом. Адвокат не верил своим глазам: он не ожидал от кавалера такой доброты и щедрости.

— К сожалению, это всё, что они мне оставили,— сказал синьор Помидор, печально качая головой.

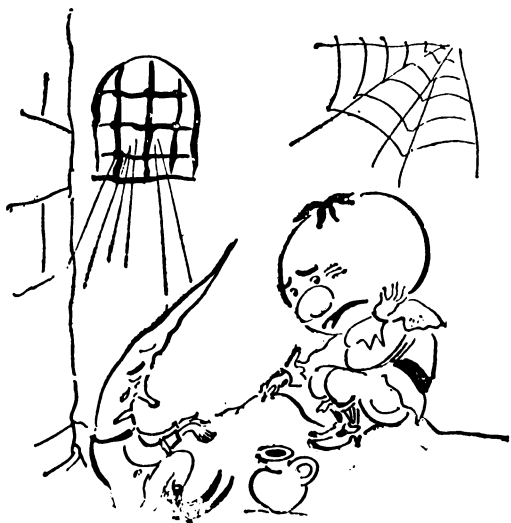
— Да, таков наш грешный мир! Ещё вчера вы были почти полновластным хозяином замка, а сегодня — только пленник.

Кавалер Помидор продолжал есть торт, ничего не отвечая.

— Вы знаете,— сказал он наконец,— мне отчасти даже нравится то, что проделал со мной этот проказник Чиполлино. Собственно говоря, он очень ловкий мальчишка, и все его проделки внушены ему добрым сердцем, желанием помочь беднякам.

— Пожалуй,— согласился синьор Горошек.

— Кто знает,— продолжал Помидор,— где нахо-

дятся они сейчас — эти люди, бежавшие из тюрьмы! Поверьте, я бы с удовольствием сделал для них что-нибудь хорошее.

— Да что же вы можете сделать для них в вашем положении?

— Ах, вы правы, сейчас я бессилен помочь им. Да кроме того, я даже не знаю, где они.

— Я тоже не знаю, — откровенно сказал синьор Горошек, польщённый любезным обхождением синьора Помидора. — Мне известно только, где спрятан домик кума Тыквы.

Услышав это, кавалер затаил дыхание.

«Помидор, — сказал он самому себе, — слушай внимательно, что скажет тебе этот дурень: может быть, у тебя ещё есть надежда на спасение!»

— Вы и в самом деле это знаете? — спросил он адвоката.

— Конечно, знаю, но никогда никому не скажу. Я не намерен больше вредить этим бедным людям.

— Такие чувства, несомненно, делают вам честь, синьор адвокат! Я бы тоже не выдал тайны: я не хотел бы, чтобы по моей вине на бедняков свалились какие-нибудь новые беды.

— Если так,— сказал синьор Горошек,— я рад пожать вам руку!

Синьор Помидор протянул ему руку, и синьор Горошек крепко пожал её. В конце концов адвокат так расчувствовался, что ему пришла охота поболтать по душам со своим товарищем по несчастью.

— Вы только подумайте,— сказал он таинственным шёпотом,— они спрятали домик в двух шагах от замка, а мы были так глупы, что нам это и в голову не пришло!

— Где же именно они его спрятали? — небрежно спросил синьор Помидор.

— Теперь-то я могу вам это сказать,— горько улыбнулся синьор Горошек.— Ведь завтра мы оба умрём и унесём нашу тайну в могилу.

— Ну конечно. Вы же прекрасно знаете, что нас казнят на заре и наш прах будет развеян по ветру!

Тут адвокат Горошек ещё ближе подсел к своему собеседнику и тихонько прошептал ему на ухо, что домик кума Тыквы находится в лесу, а присматривает за ним кум Черника.

Кавалер выслушал всё это, горячо обнял адвоката и воскликнул:

— Мой дорогой друг, я так благодарен вам за то, что вы сообщили мне это важное известие! Вы спасаете мне жизнь!

— Я спасаю вам жизнь? Вы шутите, что ли?

— Вовсе нет,— сказал Помидор, вскакивая.

Он бросился к двери и стал изо всех сил колотить в неё кулаками, пока ему не открыли Лимончики, сторожившие тюрьму.

— Ведите меня сию же минуту к его высочеству принцу Лимону! — приказал синьор Помидор своим обычным, не допускающим возражений тоном.— Я должен сделать ему одно очень важное сообщение.

Кавалера немедленно доставили в замок. Он рассказал принцу всё, что узнал от синьора Горошка, и добился прощения.

Принц Лимон был очень доволен и приказал своим Лимончикам на следующее утро — сейчас же после казни синьора Горошка — отправиться в лес и привезти оттуда домик кума Тыквы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой рассказывается, как синьор Горошек
взошёл на эшафот*

На деревенской площади воздвигли виселицу. Приговорённый должен был подняться на помост. В этом помосте под самой виселицей открывался люк, куда и предстояло провалиться синьору Горошку с петлёй на шее.

Когда за осуждённым пришли, чтобы вести его на площадь, синьор Горошек, как опытный адвокат, сделал всё, чтобы оттянуть время.

Ссылаясь на различные статьи закона, он потребовал, чтобы ему разрешили сначала побриться, потом он захотел вымыть голову, а затем обнаружилось, что у него слишком отросли ногти на руках и ногах и он желает перед казнью остричь их.

Палач, не желая терять времени, стал было спорить, но в конце концов уступил.

По старинному обычаю последнее желание приговорённого к смерти должно быть исполнено. Поэтому в тюрьму принесли кувшин с горячей водой, таз, ножницы и бритву.

Не торопясь адвокат Горошек принялся за свой предсмертный туалет.

Долго приводил он себя в порядок: брился, мылся и чуть ли не целых два часа стриг ногти. Однако рано или поздно ему пришлось всё-таки отправиться на место казни.

Когда он поднимался на помост, его охватил ужас. Тут только, на ступенях эшафота, он впервые ясно представил себе, что должен умереть.

Такой маленький, такой толстенький, такой зелёненький, с чисто вымытой головой и подстриженными ногтями, он всё-таки должен умереть!

Зловеще забили барабаны. Палач надел адвокату на шею петлю, сосчитал до тридцати, а затем нажал кнопку. Люк открылся, и синьор Горошек полетел во тьму с затянутой на шее петлей.

Перед этим он успел подумать: «На этот раз я, кажется, и в самом деле умер!»

Вдруг он услышал над собой глухой голос:

— Режьте, режьте скорей, синьор Чиполлино! Тут так светло, что я ровно ничего не вижу.

Кто-то разрезал верёвку, которая стягивала шею адвоката, и тот же голос заговорил снова:

— Дайте ему глоток нашего замечательного картофельного сока. Мы, кроты, никогда не расстаёмся с этим чудесным лекарством!

Что же произошло? Какой удивительный случай спас жизнь адвокату Горошку?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

объясняющая предшествующую главу

А случилось попросту вот что: Земляничка, которая знала всё, что делается в замке, сбегала в лес и рассказала Редиске об опасности, угрожающей синьору Горошку, а Редиска сейчас же сообщила об этом своему другу Чиполлино. Она нашла его неподалёку от домика кума Тыквы, в пещере, где он скрывался вместе с остальными беглецами.

Чиполлино внимательно выслушал её и, подумав немного, сказал:

— Спасибо, я знаю, что делать.

И он тут же убежал куда-то. Никто даже не успел спросить его, что же именно пришло ему в голову.

Кум Тыква промолвил с глухим вздохом:

— Ах, ежели Чиполлино говорит, что он придумал что-то, так будьте спокойны: он скоро всё уладит!

Однако Чиполлино очень долго бродил по полям и лугам, прежде чем нашёл то, что искал. Наконец он забрёл на луг, весь усеянный бугорками взрытой земли. Каждую минуту здесь возникал, словно гриб, новый бугорок: крот был за работой.

Чиполлино решил ждать. И вот, когда один из бугорков вспух чуть ли не под его ногами, он стал на колени и позвал:

— Синьор Крот! Синьор Крот! Это я, Чиполлино.

— А, это вы?— сухо ответил Крот.— Признаться, я только наполовину ослеп после нашей первой встречи. Очевидно, теперь вы намерены снова предложить мне какое-нибудь подземное путешествие, которое окончательно лишит меня зрения.

— Не говорите так, синьор Крот. Я никогда не забуду вашей услуги: благодаря вам я встретился

с моими друзьями. Нам удалось выйти на свободу, и мы нашли временное убежище в пещере неподалёку.

— Спасибо за сообщение, но это меня вовсе не интересует. До свидания!

— Синьор Крот! Синьор Крот!— закричал Чиполлино.— Выслушайте меня!

— Что ж, говорите, но только, пожалуйста, не воображайте, что я готов по-прежнему помогать вам в ваших делах.

— Дело касается не меня, а нашего деревенского адвоката, которого зовут Горошком. Его должны повесить завтра утром.

— И прекрасно сделают! — сердито ответил Крот.— Я бы с удовольствием помог затянуть на нём петлю. Терпеть не могу адвокатов, да и горошек мне не по вкусу.

Бедному Чиполлино пришлось немало потрудиться, чтобы переубедить упрямого Крота, но мальчик был уверен в том, что, несмотря на грубоватые повадки, у Крота золотое сердце и он никогда не откажется помочь правому делу.

Так и вышло — в конце концов Крот немного смягчился и сказал коротко и отрывисто:

— Довольно болтовни, синьор Чиполлино. У вас, как видно, язык без костей. Покажите-ка мне лучше, в какую сторону рыть.

— В направлении на северо-восток,— быстро ответил Чиполлино, чуть не подпрыгнув от радости.

В два счёта Крот прорыл широкую, длинную галерею прямо под эшафот. Здесь он и Чиполлино прита-

ились и стали ждать, что будет. Когда люк над ними наконец открылся и синьор Горошек полетел вниз с верёвкой на шее, Чиполлино мгновенно перерезал верёвку и дал адвокату глотнуть целебного картофельного сока, который синьор Крот всегда носил с собой. Вдобавок Чиполлино легонько похлопал адвоката по щекам. Картофельный сок и несколько пощёчин привели адвоката в чувство. Синьор Горошек открыл глаза, но он, как вы и сами понимаете, был так ошеломлён, что не поверил в своё спасение.

— О синьор Чиполлино! — воскликнул он. — Значит, вы тоже умерли, как и я? Какое счастье, что нам довелось встретиться с вами в раю!

— Очнись, адвокат! — вмешался Крот. — Здесь тебе не рай и не ад. Да и я не святой Пётр и не дьявол, а старый Крот и тороплюсь по своим делам. Поэтому давайте побыстрее выбираться отсюда, и постарайтесь пореже попадаться мне на дороге. Каждый раз, как я встречаю Чиполлино, у меня делается солнечный удар.

На самом деле под эпифотом царил полная тьма, но синьору Кроту и это подземелье показалось настолько светлым, что у него заболели глаза и голова.

В конце концов синьор Горошек уразумел, что благодаря Чиполлино и Кроту он избавился от смерти. Адвокат без конца благодарил своих спасителей. Сначала он обнимал их по очереди, потом захотел обнять обоих сразу, но это ему не удалось, потому что руки у него были слишком коротки.

Когда Горошек наконец успокоился, все трое отправились в путь по готовому подземному ходу. Дойдя до его конца, Крот вырыл ещё один коридор — до той пещеры, где скрывались мастер Виноградинка, кум Тыква, профессор Груша и прочие беглецы.

Адвоката и его избавителей встретили радостными криками. Все забыли, что ещё недавно синьор Горошек был их врагом.

Прощаясь со своими новыми друзьями, Крот не мог удержаться от слёз.

— Синьоры, — сказал он, — если бы у вас была хоть капля здравого смысла, вы поселились бы вместе со мной под землёй. Там нет ни виселиц, ни кав-

леров Помидоров, ни принцев Лимонов, ни его Лимончиков. Покой и темнота — вот что важнее всего на свете. Во всяком случае, если я вам понадоблюсь, бросьте в это отверстие записочку. Я время от времени буду наведываться сюда, чтобы узнать, как идут у вас дела. А пока — всего хорошего!

Друзья тепло простились со старым Кротом и едва успели обменяться с ним последними приветствиями, как синьор Горошек так хлопнул себя по лбу, что не удержался на ногах и полетел вверх тормашками:

— Ах я растяпа! Ах ротозей! Моя рассеянность меня в конце концов погубит!

— Вы что-нибудь забыли? — вежливо спросила кума Тыквочка, поднимая адвоката с земли и стряхивая пыль с его одежды.

Тут только синьор Горошек рассказал беглецам о своём разговоре с Помидором и о новом предательстве кавалера.

Свою речь он закончил словами:

— Синьоры, знайте, что в эту самую минуту, когда мы с вами здесь разговариваем, стража рыщет по всему лесу. Ей приказано разыскать ваш домик и доставить его к воротам замка.

Не говоря ни слова, Чиполлино бросился в чащу и в два прыжка очутился под дубом, у кума Черники. Но домика там уже не было...

Кум Черника, притаившись между корнями дуба, безутешно плакал:

— Ах, мой милый домик! Мой славный, уютный домик!

— Здесь побывали Лимончики? — спросил Чиполлино.

— Да, да, они всё унесли: и домик, и половинку ножниц, и бритву, и объявление, и даже ко-ло-кольчик!

Чиполлино почесал затылок. На этот раз ему потребовалось бы два шила, чтобы придумать что-нибудь, а у него не было ни одного. Он ласково потрепал кума Чернику по плечу и отвёл его в пещеру, к своим друзьям.

Никто не задал им ни одного вопроса. И без слов все поняли, что домик исчез и что это дело рук их заклятого врага — кавалера Помидора.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Приключения мистера Моркоу и собаки Держи-Хватай

Мистер Моркоу...

Минуточку: кто такой мистер Моркоу? Об этой особе у нас ещё разговора не было. Откуда же он взялся? Что ему нужно? Большой он или маленький, толстый или тощий?

Сейчас я вам всё объясню.

Убедившись, что беглецов и след простыл, принц Лимон велел прочесать все окрестности. Лимончики вооружились граблями и старательно прочесали поля и луга, леса и рощи, чтобы найти наших друзей. Солдаты работали день и ночь и нагребли целую кучу бумажек, хворосту и сухой змеиной кожи, но они не поймали даже тени Чиполлино и его друзей.

— Бездельники! — бушевал правитель. — Только грабли поломали, все зубья в лесу оставили. За это вам самим следовало бы все зубы выбить!

Солдаты дрожали и стучали зубами от страха. Несколько минут только и слышалось: «тук-тук-тук» — словно шёл град.

Один из придворных Лимонов посоветовал:

— Я полагаю, что следовало бы обратиться к специалисту по делам розыска.

— Это ещё что за птица?

— Попросту говоря, сыщик. Вот ежели, например, вы, ваше высочество, потеряли пуговицу, извольте обратиться в сыскное бюро, и сыщик найдёт её вам в два счёта. То же самое будет, если у вашего высочества пропадёт батальон солдат или убегут из-под стражи заключённые. Сыщику стоит только надеть специальные очки, и он мгновенно обнаружит то, что у вас пропало.

— Ну, если так, пошлите за сыщиком!

— Я знаю очень подходящего иностранного специалиста по этой части, — предложил придворный. — Его зовут мистер Моркоу.

Мистер Моркоу... Так вот кто он такой, мистер Моркоу! Пока он ещё не успел прибыть в замок, я расскажу вам, как он одет и какого цвета у него усы. Впрочем, про усы я ничего вам сказать не могу по той

простой причине, что у тощего рыжего мистера Моркоу усов нет. Зато у него есть собака-ищейка, которую зовут Держи-Хватай. Она помогает ему носить инструменты. Мистер Моркоу никогда не пускается в путь, не захватив с собой дюжины подозрных труб и биноклей, сотни компасов и десятка фотоаппаратов. Кроме того, он повсюду возит с собой микроскоп, сачок для бабочек и мешочек с солью.

— А для чего вам соль? — спросил у него правитель.

— С позволения вашего высочества, я насыпаю соли на хвост преследуемой дичи, а потом ловлю её этим прибором, похожим на огромный сачок для бабочек.

Принц Лимон вздохнул:

— Боюсь, что на этот раз соль вам не понадобится: насколько мне известно, у сбежавших заключённых хвостов не было...

— Случай очень серьёзный, — строго заметил мистер Моркоу. — Если у них нет хвостов, как же их поймать за хвост? Куда им насыпать соли? С позволения вашего высочества, вы вообще не должны были допускать бегства заключённых из тюрьмы. Или, по крайней мере, нужно было перед их побегом приладить им хвосты, чтобы моя собака могла их поймать.

— Я видел в кино, — снова вмешался тот вельможа, который посовето-

пал обратиться к сыщику,— что иногда беглецов ловят без помощи соли.

— Это устаревшая система,— возразил мистер Моркоу с презрительным видом.

— Факт, факт! О-очень, о-очень устаревшая система,— повторила собака.

У этой собаки была одна особенность: она часто повторяла слова своего хозяина, прибавляя к ним свои личные соображения, которые обычно сводились к словам: «о-очень, о-очень», «весьма, весьма» или «факт, факт».

— Впрочем, у меня есть ещё и другой способ ловли беглецов,— сказал мистер Моркоу.

— Факт, факт! У нас о-очень, о-очень много способов,— подтвердила собака, важно виляя хвостом.

— Можно пустить в ход перец вместо соли.

— Правильно, правильно! — с восторгом одобрил принц Лимон.— Насыпьте им перцу в глаза, и они сейчас же сдадутся, я в этом не сомневаюсь.

— Я тоже так думаю,— осторожно заметил кавалер Помидор.— Но прежде чем пустить в дело перец, вероятно, надо сначала найти беглецов. Не так ли?

— Это несколько труднее,— сказал мистер Моркоу,— но с помощью моих приборов я, пожалуй, попробую.

Мистер Моркоу был учёный сыщик, он ничего не делал без помощи своих инструментов. Даже отправляясь спать, он вооружался тремя компасами: одним, самым большим,— чтобы отыскать лестницу, другим, поменьше,— чтобы определить, где находится дверь спальни, и третьим, ещё меньше,— чтобы найти в спальне кровать.

Вишенка, словно невзначай, прошёлся по коридору, желая поглядеть на знаменитого сыщика и его собаку. Каково же было его удивление, когда он увидел, что мистер Моркоу и собака растянулись на полу, разглядывая лежащий перед ними компас!

— Простите, почтенные синьоры,— полюбопытствовал Вишенка,— я хотел бы узнать: что вы делаете, лёжа на полу? Может быть, вы пытаетесь найти на ковре следы беглецов и определить по компасу, в какую сторону они бежали?

— Нет, я просто ищу свою кровать, синьор. Найти кровать невооружённым глазом может каждый, но сы-

щик-специалист должен производить розыски научно, при помощи соответствующей техники. Как вам известно, намагниченная стрелка компаса всегда показывает на север. Это её свойство даёт мне возможность безошибочно найти местоположение моей кровати.

Однако, следуя указаниям своего компаса, сыщик неожиданно стукнулся головой о зеркало, а так как он был из породы твердолобых, то раздробил стекло на тысячу кусков. При этом больше всего пострадала его собака. Один из осколков отсек ей добрую половину хвоста, оставив только жалкий обрубок.

— Наши расчёты, очевидно, были ошибочны, — сказал мистер Моркоу.

— Факт, факт! О-очень, о-очень ошибочны, — согласилась собака, облизывая обрубок хвоста.

— Значит, — сказал сыщик, — надо поискать другую дорогу.

— Факт, факт! Надо поискать другую дорогу, — пролаяла собака. — Может быть, другие дороги не кончаются зеркалами.

Отложив в сторону компас, мистер Моркоу вооружился одной из своих мощных морских подзорных труб. Он приложил её к глазу и начал поворачивать налево и направо.

— Что вы видите, хозяин? — спросила собака.

— Вижу окно: оно закрыто, на нём красные занавески, и в каждой раме по четырнадцать разноцветных стёкол.

— Очень, очень важное открытие! — воскликнула собака. — Четырнадцать и четырнадцать будет двадцать восемь. Если мы пойдём в этом направлении, нам на голову посыплется по крайней мере пятьдесят шесть осколков, а что касается меня, то я уж и не знаю, что останется от моего хвоста!

Мистер Моркоу направил подзорную трубу в другую сторону.

— Что вы теперь видите, хозяин? — спросила собака озабоченно.

— Вижу какое-то металлическое сооружение. Очень интересная конструкция. Представь себе: три ножки, соединённые наверху металлическим кольцом, а на вершине сооружения — белая крыша, по-видимому эмалированная.

Собака была потрясена открытиями своего хозяина.

— Синьор,— сказала она,— если я не ошибаюсь, то до нас ещё никто нигде не находил эмалированных крыш. Не так ли?

— Да,— ответил мистер Моркоу не без гордости.— Настоящий сыщик может обнаружить необыкновенные вещи в самой обыкновенной обстановке.

Хозяин и собака ползком двинулись к металлическому сооружению с белой крышей. Преодолев расстояние в десять шагов, они приблизились к таинственной конструкции и подползли под неё так неловко, что эмалированная крыша опрокинулась.

Едва успели они опомниться и понять, что произошло, как их внезапно обдало холодным дождём.

Сыщик и собака застыли на месте, опасаясь новых неожиданностей. Они боялись пошевелиться, а между тем струйки холодной воды текли у мистера Моркоу по лицу, у его собаки — по морде и у обоих — по спине, животу и бокам.

— Я полагаю,— пробормотал недовольно мистер Моркоу,— что мы попросту опрокинули эмалированный таз, стоявший на умывальнике.

— Я думаю,— добавила собака,— что в этом тазу было о-очень, о-очень много воды для утреннего умывания.

Тут мистер Моркоу наконец встал и отряхнулся после неожиданного душа. Верная спутница последовала его примеру. После этого сыщик без труда нашел кровать, от которой находился в двух шагах, и торжественно проследовал к ней, продолжая изрекать глубокомысленные замечания вроде следующего:

— Что поделаешь! Наша профессия сопряжена с риском. Правда, нам на голову обрушились целые потоки холодной воды, но зато мы нашли то, что искали: кровать.

— Факт, факт! Много воды утекло!— со своей стороны заметила собака.

Ей в этот вечер как-то особенно не везло: мокрая, озябшая, с обрубленным хвостом, она уснула на полу, положив голову на влажные туфли своего хозяина.

Мистер Моркоу прохрапел всю ночь и проснулся с первыми лучами солнца.

— Держи-Хватай, за работу! — позвал он.

— Хозяин, я готова, — ответила собака, вскочив и усевшись на обрубок хвоста.

Умыться мистер Моркоу в это утро не мог, потому что пролил всю воду, предназначенную для умывания. Собака удовольствовалась тем, что вылизала себе усы, а потом лизнула в лицо и своего хозяина. Освежившись таким образом, они вышли в парк и принялись за розыски.

Знаменитый сыщик начал с того, что достал из сумки мешочек, в котором было девяносто крошечных бочонков с номерами, какие употребляются при игре в лото.

Он попросил собаку вытащить какой-нибудь номер. Собака сунула лапу в мешочек и вытянула номер семь.

— Значит, нам нужно отмерить семь шагов вправо, — решил мистер Моркоу.

Они отмерили семь шагов вправо и попали в крапиву.

У собаки словно огнём обожгло обрубок хвоста, а у мистера Моркоу так покраснел нос, что стал похож на стручок турецкого перца.

— Должно быть, у нас опять вышла ошибка, — предположил учёный сыщик.

— Факт, факт! — печально подтвердила собака.

— Попробуем другой номер.

— Попробуем! — согласилась собака.

На этот раз вышел двадцать восьмой номер, и мистер Моркоу решил, что нужно отойти на двадцать восемь шагов влево.

Отошли на двадцать восемь шагов влево и свалились в бассейн, где плавали золотые рыбки.

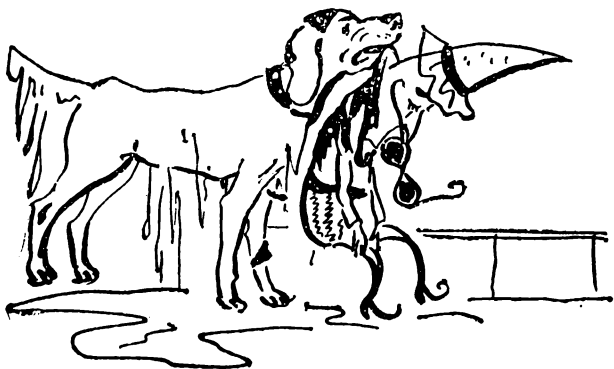
— Помогите! Тону! — завопил мистер Моркоу, барахтаясь в воде и пугая золотых рыбок.

Может быть, он и в самом деле утонул бы, но верная собака вовремя ухватила его зубами за воротник и выволокла на сушу.

Они уселись на краю бассейна. Один из них сушил одежду, другой — шерсть.

— Я сделал в бассейне очень важное открытие, — сказал мистер Моркоу, несколько не смущаясь.

— О-очень, о-очень важное! — поддакнула собака. — Мы с вами открыли, что вода о-очень, о-очень мокрая.

— Нет, не то. Я пришёл к выводу, что пленники, которых мы ищем, нырнули на дно этого бассейна, вырыли здесь подземный ход и таким образом ускользнули от своих преследователей.

Мистер Моркоу позвал кавалера Помидора и предложил ему выпустить воду из бассейна, а затем перекопать дно, чтобы найти подземный ход. Но синьор Помидор решительно отказался от этого предложения. Он заявил, что, по его личному мнению, беглецы выбрали более простой и лёгкий путь, и попросил мистера Моркоу направить свои розыски в другую сторону.

Знаменитый сыщик вздохнул, поник головой и сказал:

— Вот вам людская благодарность! Я тружусь в поте лица своего, принимаю одну холодную ванну за другой, а местные власти, вместо того чтобы помочь моей работе, чинят мне препятствия на каждом шагу.

К счастью, мимо бассейна, будто случайно, проходил в это время Вишенка. Сыщик остановил его и спросил, не знает ли он другого выхода из парка, кроме тайной подземной галереи, вырытой беглецами под бассейном с золотыми рыбками.

— Ну, конечно, знаю,— ответил Вишенка.— Это калитка.

Мистер Моркоу горячо поблагодарил мальчика и в сопровождении собаки, которая всё ещё фыркала и отряхивалась после холодной ванны, пошёл искать калитку по компасу, с которым никогда не расставался.

Вишенка последовал за ним, будто бы из пустого

любопытства. Когда же сыщик вышел наконец из парка и направился к лесу, мальчик вложил в рот два пальца и громко свистнул. Мистер Моркоу живо обернулся к нему:

— Кого это вы зовёте, молодой человек? Вероятно, мою собаку?

— Нет, нет, мистер Моркоу, я только дал знать одному знакомому воробью, что для него приготовлены на подоконнике хлебные крошки.

— У вас добрая душа, синьорино.— С этими словами мистер Моркоу поклонился Вишенке и пошёл своей дорогой.

Как вы легко можете догадаться, на свист Вишенки кто-то вскоре тоже ответил свистом, не таким громким, а слегка приглушённым. Вслед за этим на опушке леса, справа от сыщика, закачались ветви кустарника. Вишенка улыбнулся: его друзья были начеку — он вовремя предупредил их о появлении мистера Моркоу и его собаки.

Но и сыщик тоже заметил, как шевелятся кусты. Он бросился на землю и застыл. Собака последовала его примеру.

— Нас окружили! — прошептал сыщик, отплёвываясь от пыли, набившейся ему в нос и рот.

— Факт, факт! — протянула собака.— Нас окружили!

— Наша задача,— продолжал шёпотом мистер Моркоу,— становится с каждой минутой всё труднее и опаснее. Но мы должны во что бы то ни стало поймать беглецов.

— Поймать, поймать! — тихонько отозвалась собака.

Сыщик навёл на кусты свой горный бинокль и стал внимательно их осматривать.

— Кажется, в кустарнике больше никого нет,— сказал он.— Злодеи отступили.

— Какие злодеи? — спросила собака.

— Те, что скрывались в зарослях и шевелили там ветвями. Нам остаётся только пойти по их следам, а следы эти безусловно приведут нас в их притон.

Собака не переставала восхищаться догадливостью своего хозяина.

Тем временем люди, скрывавшиеся в кустах, и в самом деле отступали, довольно энергично пробираясь

сквозь заросли. Собственно говоря, никого не было видно, и только ветви кустарника ещё слегка колыхались в тех местах, где они прошли. Но мистер Моркоу теперь уже не сомневался, что в кустах прячутся беглецы, и твёрдо решил их выследить.

Через сотню метров тропинка привела сыщика и собаку в лес. Мистер Моркоу и Держи-Хватай прошли несколько шагов и остановились под тенью дуба, чтобы отдохнуть и оценить положение.

Сыщик вынул из кармана микроскоп и начал внимательно рассматривать пыль на дорожке.

— Никаких следов, хозяин? — с нетерпением спросила собака.

— Ни малейших.

В этот миг снова послышался продолжительный свист, а потом раздались приглушённые крики:

— О-го-го-го-го!

Мистер Моркоу и собака опять бросились на землю.

Крик повторился два или три раза. Вне всякого сомнения, таинственные люди подавали друг другу сигналы.

— Мы в опасности, — спокойно произнёс мистер Моркоу, доставая прибор, похожий на сачок для бабочек.

— Факт, факт! — как эхо откликнулась собака.

— Преступники отрезали нам путь к отступлению и начали обходный манёвр, чтобы напасть на нас сзади. Держи наготове перечницу. Как только они появятся, мы пустим им перец в глаза и накроем их сачком.

— План очень смелый, — пролаяла собака, — но я слышала, что у злодеев иногда бывают ружья... А что, если они, попав в плен, начнут стрелять?

— Проклятье! — сказал мистер Моркоу. — Признаться, об этом я не подумал.

В этот миг в нескольких шагах от сыщика и собаки, всё ещё простёртых на земле, раздался придушенный голос:

— Мистер Моркоу! Мистер Моркоу!

— Женский голос, — сказал сыщик, оглядываясь по сторонам.

— Сюда, мистер Моркоу! Ко мне! — продолжал звать тот же голос.

Собака осмелилась высказать своё предположение.

— По-моему, — пролаяла она, — тут происходит нечто очень загадочное. Женщине угрожает серьёзная опасность. Может быть, она находится в руках бандитов, которые хотят сделать её своей заложницей. Я думаю, нам нужно во что бы то ни стало освободить её.

— Мы не можем заниматься посторонними делами, — сказал мистер Моркоу, рассерженный неуместным вмешательством своего ретивого помощника. — Мы пришли сюда для того, чтобы задержать, арестовать, а не освободить кого-то. У нас точная и ясная цель. Мы не можем делать как раз противоположное тому, за что нам платят. Помните, что вас зовут Держи-Хватай, и делайте своё дело!

В эту минуту из-за кустов снова раздался жалобный, умоляющий крик:

— Мистер Моркоу! Да помогите же! Ради бога, помогите!

В этом голосе слышалось такое отчаяние, что знаменитый сыщик не устоял.

«Женщина просит моей помощи, — подумал он, — и я откажусь помочь ей? Сердца у меня нет, что ли?»

Он озабоченно ощупал левую сторону своей груди под жакетом и вздохнул с облегчением: сердце у него оказалось на месте и билось даже чаще, чем всегда.

Между тем голос постепенно удалялся на север. В той стороне, откуда он доносился, тревожно колыхались кусты, слышался шорох шагов и заглушенный шум борьбы.

Мистер Моркоу вскочил на ноги и в сопровождении собаки бросился бежать на север, не сводя глаз с компаса.

Вдруг сзади него послышался сдержанный смех.

Сыщик в гневе остановился и стал искать глазами неизвестную особу, которая позволила себе так дерзко смеяться за его спиной. Не найдя никого среди кустов, мистер Моркоу сверкнул глазами и закричал, весь дрожа от благородного негодования:

— Смейся, смейся, подлый преступник! Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!

«Преступник» снова фыркнул, а потом задохнулся от внезапного приступа кашля.

Дело в том, что Редиска сильно хлопнула его в эту минуту по спине, чтобы он перестал смеяться. Этот смешливый парнишка был не кто иной, как маленький Фасолинка, сын тряпичника Фасоли. Откашлявшись, он запихал себе платок в рот и продолжал смеяться в своё удовольствие, не нарушая тишины.

— Ты хочешь испортить всё, что нам удалось сделать! — сердито зашептала Редиска. — Сейчас же перестань фыркать!

— Да как же над ним не смеяться! — еле выговорил Фасолинка, сдерживая смех.

— Успеешь ещё посмеяться, — прошептала Редиска, — а пока пойдём и постараемся не терять сыщика из виду.

Мистер Моркоу и его собака по-прежнему бежали на север — в ту сторону, откуда доносился шорох удаляющихся шагов и шум борьбы. Они думали, что преследуют целую шайку злодеев, крадущихся через кустарник. А на самом деле они гнались за двумя ребятами — Картошечкой и Томатиком, которые делали вид, что дерутся друг с другом. Время от времени девочка останавливалась и тоненьким голоском кричала:

— Помогите! Помогите, синьор сыщик! Меня похитили бандиты! Умоляю вас, освободите меня!

Вы, вероятно, догадались, что у ребят, пробиравшихся через кустарник, была одна задача: отвлечь сыщика и его собаку как можно дальше от пещеры, в которой прятались Чиноллино и его друзья. Но это ещё было не всё, что ребята задумали.

В ту минуту, когда собака сыщика уже готовилась настичь убегающих и схватить одного из них за икры, с ней произошло нечто весьма странное.

— О небо, я лечу! Прощайте, дорогой хозяин! — только и успела она пролаять.

И она в самом деле стремительно взлетела вверх. Верёвочная петля подняла перепуганную собаку до самой макушки дуба и крепко притянула к толстому суку.

Когда сыщик, оставший от неё всего только на несколько шагов, вышел из-за куста, собаки и след простыл.

— Держи-Хватай! — позвал он. — Держи-Хватай! Никакого ответа.

— Наверно, подлая собака опять погналась за каким-нибудь зайцем. За десять лет я так и не мог отучить её от старой привычки!

Не слыша в ответ ни звука, он снова позвал:

— Держи-Хватай!

— Я здесь, хозяин! Здесь! — жалобно ответил ему придушенный голос откуда-то сверху.

Сыщик поднял голову и сквозь листья дуба увидел свою собаку где-то между верхних ветвей дерева.

— Что ты там делаешь? — строго спросил он. — Нечего сказать, нашла время лазить по деревьям! Ты что думаешь, мы с тобой в игрушки играем? Слезай немедленно! Бандиты не ждут. Если мы потеряем их след, кто же освободит пленницу?

— Хозяин, не сердитесь! Сейчас я вам всё объясню... — провизжала собака, тщетно пытаясь освободиться из западни.

— Нечего тут объяснять! — продолжал возмущённый мистер Моркоу. — Я и без твоего вранья прекрасно понимаю, что тебе не хочется преследовать бандитов и ты предпочитаешь гоняться за белками на ветвях деревьев. Только тебе это даром не пройдёт! Я, самый знаменитый в Европе и Америке сыщик,

не могу держать у себя на службе бездельницу, которая не пропустит ни одного дерева, не поддавшись искушению взобраться на него. Что и говорить, подходящее местечко для моего помощника!.. Прощай! Ты уволена.

— Хозяин, хозяин, дайте же мне хоть слово сказать!

— Говори что хочешь, но я не намерен тебя слушать. У меня есть дела поважнее. Я обязан выполнить свой долг, и ничто не остановит меня на этом пути. А ты гоняйся за белками, сколько твоей душе угодно. Желаю тебе найти более весёлую должность и менее строгого хозяина. А себе я подыщу помощника посерьёзнее. Ещё вчера я приглядел в парке славного пса по имени Мастино. Он как раз по мне: честный, скромный и достойный пёс. Ему-то небось никогда не придёт в голову охотиться за гусеницами на дубах... Итак, прощай, легкомысленная и неверная собака! Больше мы не увидимся.

Слыша такие оскорбления и упрёки, бедная собака залилась горькими слезами.

— Хозяин, хозяин, будьте осторожнее в пути, не то с вами случится то же, что и со мной!

— Брось эти глупые шутки, старая пустолайка! Я ещё никогда в жизни не лазил ни на какие деревья. И, уж конечно, не собираюсь следовать твоему примеру, забывая свои прямые обязанности...

Но в тот самый миг, когда мистер Моркоу произносил эту негодующую речь, он почувствовал, как что-то схватило его поперёк туловища с такой силой, что у него прервалось дыхание. Он услышал, как щёлкнула пружина, и почувствовал, что летит вверх, раздвигая листву того самого дуба, на верхушке которого находилась его собака. Когда этот короткий полёт был окончен, сыщик увидел перед собой её хвост. Так же, как и собака, мистер Моркоу был крепко притянут к стволу прочной верёвкой.

— Я же говорила, говорила вам! — жалобно повторяла собака, виляя обрубок хвоста. — А вы не захотели меня выслушать...

Мистер Моркоу делал необыкновенные усилия, чтобы сохранить своё достоинство в столь неудобной позе.

— Ты мне ничего, ровно ничего не сказала! —

процедил он сквозь зубы.— Твой долг был предупредить меня о ловушке, вместо того чтобы тратить время на пустую болтовню!

Собака прикусила язык, чтобы не ответить на несправедливый упрёк. Она отлично понимала душевное состояние своего хозяина и не желала вступать с ним в спор.

— Итак, мы в западне,— сказал задумчиво мистер Моркоу.— Теперь мы должны сообразить, как нам из неё выбраться.

— Это вам будет не так-то легко! — слышался тонкий голосок откуда-то снизу.

«Какой знакомый голос! — подумал мистер Моркоу.— Ах да, это она — пленница, которая звала меня на помощь!»

Он посмотрел вниз, ожидая увидеть страшных бандитов с ножами в зубах и среди них пленную принцессу, но вместо этого увидел компанию ребят, которые катались по земле от смеха.

Это были Редиска, Картошечка, Фасолинка и Томатик. Они хохотали, обнимались и плясали под ветвями дуба, напевая песенку, которую тут же придумали:

Ду-ду-ду! Ду-ду-ду!
Радость и веселье!
Две собаки на дубу
Рядышком висели...

— Синьоры,— сказал, нахмурив брови, знаменитый сыщик,— будьте добры объяснить, кто вы такие и чему вы радуетесь.

— Мы не синьоры,— ответил Фасолинка,— мы бандиты.

— А я — бедная пленница!

— Сейчас же помогите мне спуститься на землю, иначе я буду вынужден принять самые суровые меры. Слышите?

— Факт, факт! О-очень суровые меры,— пролаяла собака, яростно размахивая обрубок хвоста.

— Я думаю, вам вряд ли удастся принять суровые меры, пока вы будете оставаться в этом положении, — сказала Редиска.

— А уж мы постараемся, чтобы вы провисели как можно дольше, — добавил Томатик.

Мистер Моркоу замолчал, не зная, что ответить. Он понял, что дело принимает серьезный оборот.

— Положение ясное, но довольно безвыходное, — прошептал он своей собаке на ухо.

— Факт, факт! О-очень ясное, но совершенно безвыходное! — печально подтвердила собака.

— Мы в плену у банды ребят, — продолжал сыщик. — Какой позор для меня! К тому же, по-видимому, эти ребята сговорились с беглецами поймать нас в ловушку, чтобы мы потеряли их следы.

— Факт, факт! Сговорились! — подтвердила собака. — Я только удивляюсь, как ловко они подстроили эту западню!

Верная помощница сыщика удивилась бы, конечно, ещё больше, если бы знала, что западню устроил Вишенка собственными руками. Он прочёл много книг с приключениями и знал всяческие охотничьи уловки. Вот он и придумал, как поймать в ловушку сыщика, не прибегая на этот раз к помощи Чиполлино.

Как видите, затея ему великолепно удалась. Из-за куста украдкой поглядывал он теперь на двух попавших в западню хищников и был очень доволен своей выдумкой.

«Вот мы и вывели из строя на время двух опасных врагов», — подумал он и пошел домой, радостно потирая руки.

А Редиска и остальные ребята отправились в пещеру, чтобы рассказать обо всем Чиполлино. Но в пещере никого не нашли — она была пуста, пепел костра остыл. Очевидно, огонь не разводили уже по крайней мере два дня.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Чиполлино заводит дружбу с очень симпатичным Медведем

Вернемся, как говорится в книгах, немного назад — точнее, на два дня назад. Иначе нам не удастся узнать, что же случилось в пещере.

Кум Тыква и кум Черника никак не могли примириться с утратой домика. Они так привязались к этим ста восемнадцати кирпичам, что им казалось, будто они потеряли сто восемнадцать сыновей. Несчастье сблизило их, и они стали закадычными друзьями. В конце концов кум Тыква пообещал куму Чернике:

— Если только нам удастся освободить наш домик, мы будем жить в нём вместе!

Кум Черника даже прослезился при этих словах. Как видите, кум Тыква уж не говорил «мой» домик, а называл его «нашим» домиком. Так же стал его называть и кум Черника, хотя из-за этого домика он потерял свою драгоценную половинку ножниц, ржавую бритву, полученную в наследство от прадеда, и другие сокровища.

Один раз друзья чуть не поссорились, заспорив о том, кто же из них двоих больше любит домик. Кум Тыква считал, что кум Черника не может любить его так, как он:

— Я работал всю жизнь, чтобы его построить. Я собирал по кирпичику!

— Да, но вы в нём так мало жили, а я прожил почти целую неделю!

Однако такие споры быстро кончались. Наступал вечер, а вечером было гораздо важнее защищать пещеру от нападения волков, чем ссориться.

В этом лесу жили волки, медведи и другие дикие звери. Поэтому каждую ночь нужно было разводить вокруг пещеры большой костёр, чтобы держать зверей в отдалении. Конечно, существовала опасность, что огонь заметят и в замке. Но что же делать! Нельзя же отдавать себя на съедение волкам.

Волки подбирались очень близко к пещере и бросали жадные взгляды на круглую и толстенную куму Тыквочку. Должно быть, она казалась им особенно вкусной.

— Нечего на меня так смотреть! — кричала волкам кума Тыквочка. — Вы от меня никогда и полпальца не получите.

Волки были так голодны, что начинали жалобно выть.

— Кума Тыквочка, — говорили они, далеко обходя костёр, чтобы не обжечься, — ну дайте нам хоть палец! Что вам стоит? У вас ведь их десять на руках и

десять на ногах, а всего, значит, целых двадцать пальцев!

— Для диких зверей вы неплохо знаете арифметику,— отвечала кума Тыквочка,— но и это вам не поможет!

Волки немного ворчали, а потом убирались прочь. Чтобы утешиться, они растерзали всех зайцев в окрестностях.

Позже явился Медведь и тоже стал заглядываться на куму Тыквочку.

— Вы мне очень нравитесь, синьора Тыквочка! — сказал он.

— Вы мне тоже, синьор Медведь, но мне бы ещё больше понравился ваш окорок.

— Что такое вы говорите, синьора Тыквочка! А вот я с удовольствием съел бы вас целиком.

Чиполлино кинул в непрошеного гостя сырую картофелину:

— Попробуйте удовольствоваться вот этим!

— Я всегда ненавидел всё ваше семейство, Чиполлино,— ответил Медведь, разозлившись.— От вас только слёзы льются. Не понимаю, как это некоторые могут любить лук!

— Послушайте-ка, синьор Медведь,— предложил Чиполлино,— напрасно вы подстерегаете нас каждый вечер. Вы же прекрасно знаете, что это бесполезно: у нас в запасе так много спичек, а в лесу так много хвороста, что мы можем разводить каждую ночь костёр и держать вас подальше от нашего жилища. Чем быть врагами, не попытаться ли нам стать друьями?

— Видано ли когда-нибудь,— буркнул Медведь,— чтобы Медведь дружил с Чиполлино, с луковицей!

— А почему бы и нет? — возразил Чиполлино.— На этом свете вполне можно жить в мире. Для всех на земле есть место — и для медведей и для луковиц.

— Места-то хватает для всех, это верно. Но зачем же тогда люди ловят нас и сажают в клетку? Должен нам сказать, что мои отец и мать находятся в плену в зоологическом саду при дворце правителя.

— Значит, мы с вами товарищи по несчастью: мой отец тоже в плену у правителя.

Услышав, что отец Чиполлино находится в заключении, Медведь смягчился:

— И давно он там сидит?

— Уже много месяцев. Он приговорён к пожизненному заключению, но ему не выйти оттуда и после смерти, потому что при тюрьмах правителя имеются кладбища.

— Вот и моим родителям суждено просидеть в клетке всю жизнь. И, пожалуй, они тоже не выйдут из заключения после смерти, потому что будут похоронены в саду правителя...— Медведь глубоко вздохнул.— Что ж, если хотите,— предложил он,— будем и в самом деле друзьями. Собственно говоря, у нас нет никаких причин враждовать друг с другом. Мой прадед, знаменитый бурый Медведь, рассказывал, что он слышал от стариков, будто когда-то, в незапамятные времена, в лесу все жили в мире. Люди и медведи были друзьями, и никто не делал зла другому.

— Эти времена могут вернуться,— сказал Чиполлино.— Когда-нибудь мы все станем друзьями. Люди и медведи будут вежливо обращаться друг с другом и при встречах снимать шляпы.

Медведь, казалось, был в затруднении.

— Так, значит,— сказал он,— мне придется купить шляпу,— у меня ведь её нет.

Чиполлино засмеялся:

— Ну, это ведь только так говорится! Вы можете здороваться на свой лад — кланяться или приветливо махать лапой.

Медведь поклонился и помахал лапой.

Мастер Виноградинка так удивился этому, что схватил шило и почесал затылок.

— Никогда в жизни не видал я такого учтивого медведя! — произнёс он растерянно.

Синьор Горошек по своей адвокатской привычке отнёсся ко всему этому крайне недоверчиво.

— Я не очень-то полагаюсь на медвежью дружбу, — предостерег он. — Медведь умеет и притворяться. Это очень лукавое животное.

Но Чиполлино не согласился с адвокатом. Он сделал в костре проход и дал Медведю возможность добраться до пещеры, не опалив шкуры. Медведь ещё раз помахал лапой, а Чиполлино представил его всей компании как своего доброго знакомого.

Профессор Груша, который как раз к этому времени закончил починку своего инструмента, устроил в честь Медведя скрипичный концерт.

Медведь любезно согласился потанцевать ради своих новых друзей, и таким образом обитатели пещеры и лесной гость провели очень приятный вечер.

Когда Медведь наконец распростился с хозяевами, чтобы отправиться спать, Чиполлино вызвался проводить его немного.

Видите ли, Чиполлино не любил говорить о своих горестях, но на душе у него было тяжело. В этот вечер он снова вспомнил старика отца, томящегося в тюрьме, и ему захотелось поделиться своим горем с Медведем.

— Что-то поделявают сейчас наши родители! — сказал Чиполлино своему мохнатому спутнику, когда они вышли из пещеры.

— О моих родителях я кое-что слышал, — ответил Медведь. — Я никогда не был в городе, но мой приятель Зяблик часто приносит мне весточку об отце и матери. Он говорит, что они никогда глаз не смыкают: и днём и ночью мечтают о свободе. А я и не знаю толком, что такое свобода. Я бы предпочёл, чтобы они думали обо мне. Ведь я, в конце концов, их сын!

— Быть свободным — это значит не быть рабом своего хозяина, — ответил Чиполлино.

— Но правитель не такой уж плохой хозяин. Зяблик рассказывал мне, что отца и мать в клетке сытно кормят и они даже иногда развлекаются, глядя,

как люди ходят мимо их решётки. Правитель любезно посадил их в такое место, где по праздникам гуляет много народу. И всё-таки они очень хотят вернуться в лес. Только Зяблик говорит, что это невозможно, потому что клетка железная и решётка очень крепкая.

Чиполлино вздохнул в свою очередь:

— Да, выбраться из неволи не так-то легко! Когда я навестил моего отца в тюрьме, я очень внимательно осмотрел и ощупал стены. Сломать их или проделать в них дыру невозможно. Но, несмотря на это, я всё же обещал отцу освободить его и когда-нибудь сдержу своё слово.

— Ты, видно, храбрый паренёк, — сказал Медведь. — Я бы тоже хотел освободить своих родителей, но я не знаю дороги в город и боюсь заблудиться.

— Послушай-ка, — внезапно сказал Чиполлино, — у нас с тобой вся ночь впереди. Посади-ка меня к себе на плечо — и мы ещё до полуночи будем в городе.

— Что ты собираешься делать? — спросил Медведь дрожащим голосом.

— Пойдём навестить твоих родителей. Их легче увидеть, чем моего отца.

Медведь на заставил себя просить дважды: он слегка наклонился, Чиполлино живо вскарабкался к нему на спину, и они помчались в город. Чиполлино показывал дорогу.

— Направо! — командовал он Медведю. — Налево! Прямо! Опять налево!.. Ну вот мы и у ворот города. Зоологический сад вон в той стороне. Пойдём побыстрее, чтобы нас не заметили случайные прохожие. И постарайся не рычать.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тюлень, у которого был слишком длинный язык

В зоологическом саду царяла глубокая тишина.

Сторож спал в слоновнике, подложив под голову, как подушку, хобот Слона. Он спал очень крепко и не проснулся, когда Чиполлино с Медведем тихонько постучались в дверь слоновника.

Слон осторожно переложил голову сторожа на соломку, вытянул хобот и, не сходя с места, открыл дверь, пробормотав:

— Войдите.

Наши двое друзей вошли, озираясь.

— Добрый вечер, синьор Слон! — сказал Чиполлино. — Извините, пожалуйста, что мы потревожили вас в такой поздний час.

— О, ничего, ничего! — отвечал Слон. — Я ещё не спал. Я пытался отгадать, что может сниться моему сторожу. По снам можно узнать, хорош человек или дурен.

Слон был старым индийским философом, и ему всегда приходили в голову очень странные мысли.

— Мы просим вашей помощи, — продолжал Чиполлино, — потому что знаем, как вы мудры. Не можете ли вы посоветовать нам, каким образом освободить из плена родителей вот этого Медведя, моего друга?

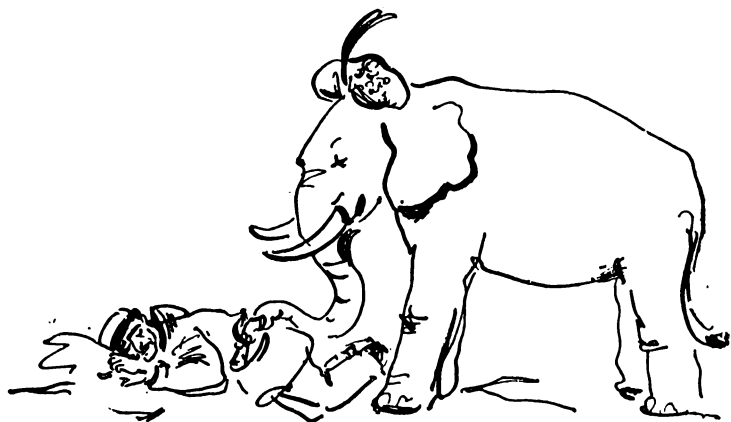
— Что ж, — задумчиво пробормотал старый Слон, — пожалуй, я и мог бы дать вам совет, но только к чему это? В лесу не лучше, чем в клетке, а в клетке не хуже, чем в лесу... Не знаю, прав я или нет, но мне кажется, что каждый должен оставаться на своём месте... Впрочем, если вы уж очень этого хотите, — добавил он неожиданно, — я могу вам сказать, что ключ от клетки с медведями находится в кармане у этого спящего человека, моего сторожа. Я попытаюсь вытащить ключ, не разбудив его. Сон у него крепкий. Надеюсь, он ничего не почувствует.

По правде сказать, Чиполлино и Медведь сильно сомневались в успехе этой сложной операции, однако Слон так ловко и осторожно действовал своим послушным и гибким орудием — хоботом, что сторож и в самом деле ровно ничего не почувствовал.

— Вот вам ключи, — сказал Слон, вытаскивая кончик хобота с ключами из кармана сторожа. — Только не забудьте, пожалуйста, принести мне их потом обратно.

— Будьте спокойны, — сказал Чиполлино, — и примите нашу искреннюю благодарность. А вы не хотели бы бежать вместе с нами?

— Если бы у меня когда-нибудь было намерение бежать, то я, разумеется, не стал бы ждать вашего прибытия и вашей помощи. Желаю успеха!

И, вновь положив голову сторожа на хобот, Слон стал нежно покачивать её, чтобы покрепче усыпить своего тюремщика и не дать ему проснуться раньше времени.

Чиполлино и Медведь выскользнули из слоновника и направились к той клетке, где жили медведи. Они старались ступать как можно тише, но не прошли и нескольких шагов, как их кто-то окликнул:

— Эй, эй, синьор!

— Ш-ш-ш...— испуганно прошептал Чиполлино.— Кто это меня зовёт?

— Ш-ш-ш...— повторил хриплый голос.— Кто это меня зовёт?

— Да не поднимай шума — сторож проснётся!

Голос подхватил:

— Не поднимай сторожа — шум проснётся!.. Ах я дуррак, дуррак!— добавил он тут же.— Я всё перепутал!

— Да это же Попугай! — прошептал Чиполлино Медведю.— Он повторяет всё, что слышит. Но так как он ничего не понимает из того, что слышит, то часто говорит всё наизусть. Впрочем, он добрый малый и никому не желает зла.

Медведь вежливо поклонился Попугаю и спросил его:

— Не скажете ли, синьор Попугай, где здесь клетка с медведями?

Попугай повторил:

— Не скажете ли, синьор Медведь, где здесь клетка с попугаями? Ах я дуррак, дуррак, я опять сбился!

Видя, что от Попугая толку не добьёшься, друзья тихонько пошли дальше. Из-за решётки их окликнула Обезьяна:

— Послушайте, синьоры, послушайте!..

— У нас нет времени, — ответил Медведь. — Мы очень спешим.

— Уделите мне только одну минутку: вот уже два дня, как я пытаюсь разгрызть орех, и мне это никак не удаётся. Помогите мне, пожалуйста!

— Подождите немного. На обратном пути мы вам поможем, — сказал Чиполлино.

— Эх, это вы только так говорите! — сказала Обезьяна, покачав головой. — Да ведь, впрочем, и я только так, для разговора. На что мне этот орех, да и все орехи в мире! Я бы хотела снова быть в моём родном лесу, прыгать с ветки на ветку и швырять кокосовые орехи прямо в голову какому-нибудь путешествующему бездельнику. Для чего ж тогда я расту кокосовые орехи, если в лесу нет обезьян, которые бы могли запустить орехом в чью-нибудь голову? Нет, я опрашиваю вас, для чего же нужны путешественники, если некому стучать их кокосовыми орехами по голове? Я уж и не помню, когда это я в последний раз попала орехом в бритую красную голову приезжего незнакомца... Так приятно было целиться в эту голую макушку! Я помню, как...

Но Чиполлино и Медведь были уже далеко и не слышали больше её болтовни.

— Обезьяны, — сказал Чиполлино Медведю, — очень легкомысленные и вздорные особы. Они начинают говорить об одном, потом о другом, и никогда нельзя сказать, чем кончится их болтовня. Однако я от души жалею эту бедняжку. Почему ей не спится? Думаешь, потому, что не может разгрызть орех? Нет, она не спит потому, что тоскует о своём далёком юге, о горячем солнце, о кокосовых пальмах и бананах.

Лев тоже не спал. Он посмотрел на проходящих уголком глаза, но даже не повернул головы, чтобы узнать, куда они идут. Это был благородный и гордый зверь, и его ничуть не интересовало, кто проходит мимо его решётки и по каким делам.

Наконец Чиполлино и Медведь добрались до медвежьей клетки.

Бедные старики сразу узнали своего мохнатого сына. Они протянули к нему лапы и стали целовать его сквозь решётку.

Пока они целовались, Чиполлино открыл дверь клетки и сказал:

— Да перестаньте же вы плакать! Клетка ваша открыта, и если вы этим не воспользуетесь, пока не проснётся сторож, не мечтайте больше о свободе!

Когда в конце концов оба пленника вышли из клетки, они бросились обнимать своего косолапого сына, от которого их больше не отделяли железные прутья решётки. Крупные слёзы текли по их мохнатым щекам.

Чиполлино был растроган до глубины души.

«Бедный мой отец! — думал он. — Я тоже буду без конца целовать тебя в тот день, когда мне удастся распахнуть двери твоей тюрьмы!»

— Пора, пора уходить! — сказал он медведям негромко, но внятно. — Нам нельзя медлить.

Но старики захотели сначала попрощаться с семьей белых медведей, живших около пруда, потом пожелали заглянуть к жирафу, который, однако, в это время крепко спал. Спали и другие животные, но весть об уходе медведей вскоре облетела все уголки зоологического сада и разбудила его обитателей. Медведей здесь очень любили. Впрочем, и у них нашлись враги. Так, например, их терпеть не мог Тюлень, который считал их ближайшими родичами белых медведей.

Узнав, что медведи убежали из клетки, Тюлень начал так громко реветь, что разбудил сторожа, всё ещё спавшего сладким сном.

— Что случилось? — спросил он у Слона, зевая.

— Право, не знаю... — задумчиво ответил старый мудрец. — Да и что может случиться? В мире больше не случается ничего нового, значит, ничего нового не произошло и сегодня ночью. Это только в кино каждые десять минут происходят какие-нибудь приключения.

— Может быть, ты и прав, — согласился сторож, — но всё-таки надо поглядеть.

Едва он вышел из слоновника, как наткнулся на беглецов.

— Караул! — закричал он. — На помощь!

Проснулись все его помощники и в несколько минут оцепили зоологический сад. Бегство стало невозможным.

Чиполлино и трое медведей бросились в пруд и притаились, высунув из воды только головы. К несчастью, они попали в тот самый пруд, где жил Тюлень.

— Хе-хе-хе-хе! — злорадно засмеялся кто-то за их спиной.

Это и был Тюлень собственной персоной.

— Надеюсь, синьоры позволят мне посмеяться немного, — сказал он. — У меня сегодня очень хорошее настроение.

— Синьор Тюлень, — попросил его Чиполлино, дрожа от холода, — я понимаю ваше веселье, но неужели вы находите возможным смеяться над нами в ту минуту, когда нас разыскивают?

— Вот это-то меня и радует! Я сейчас позову сторожа и попрошу его выудить вас из пруда. Ведь вы же не водоплавающие!

И Тюлень в самом деле направился к другому берегу звать сторожа и его помощников. Медведей мгновенно выудили, и не двух, а целых трёх. Это очень удивило сторожа. Но ещё больше он удивился, обнаружив среди медведей какое-то существо неизвестной породы, которое, однако, заговорило человеческим языком:

— Синьор сторож, как видите, это явное недоразумение. Я не медведь!

— Я и сам это вижу. Но что же ты делал в пруду?

— Я купался.

— Тогда я прежде всего тебя оштрафую, потому что в общественных местах купаться строго воспрещено.

— У меня нет при себе денег, но если вы будете так любезны...

— Я вовсе не любезен, и, пока не получу с тебя штрафа, ты посидишь у меня в клетке с обезьянами. Ты там проведёшь ночь, а утром мы посмотрим, что с тобой делать.

Обезьяна радушно встретила гостя и, не дав ему опомниться, принялась болтать так же бессвязно и путано, как и раньше.

— Я рассказывала вам, — говорила она, раскачиваясь на хвосте, — о путешественнике с красной и бритой головой. Если я говорю, что у него голова была красная и бритая, значит, так оно и было. Я никогда не вру, то есть вру только в случае крайней необходимости, разумеется. Однако, знаете, я люблю приврать. Да, да... У вранья какой-то особый, приятный вкус... Иной раз...

— Послушайте, — попросил её Чиполлино, — не могли бы вы отложить свои признания до завтрашнего утра? Мне очень хочется спать.

— Может быть, спеть вам колыбельную? — предложила Обезьяна. — Баюшки-баю...

— Нет, спасибо. Я и так засну.

— Прикрыть вас одеялом?

— Но ведь здесь нет одеял!

— Конечно, нет, — пробурчала Обезьяна. — Я это предложила из вежливости, но если вы хотите, чтобы я была невежливой, то пожалуйста!

Сказав это, обиженная Обезьяна повернулась к нему спиной и замолчала.

Чиполлино, конечно, воспользовался наступившей тишиной, чтобы немедленно заснуть. Напрасно Обезьяна ожидала, что Чиполлино попросит её обернуться. Не дождавшись его просьбы, она решила сменить гнев на милость и снова заговорить с ним.

Однако, повернувшись к мальчику, она увидела, что он крепко спит.

Ещё больше разобидевшись, Обезьяна ушла в угол, свернулась в клубочек и принялась наблюдать за спящим.

Чиполлино пробыл в обезьяньей клетке целых два дня. Дети, которых приводили в зоологический сад их мамы и няньки, смотрели на него с восхищением: они никогда ещё не видели обезьяны, одетой так же, как и они сами.

Только на третий день бедному Чиполлино, которого вконец извела соседка Обезьяна, удалось послать записочку Вишенке. Тот приехал в город с первым же поездом, заплатил за Чиполлино штраф и освободил его из плена.

Пересчитав деньги, сторож сердечно попрощался со своим пленником и даже попросил его почаще заглядывать в зоологический сад.

— Ладно, ладно! — ответил Чиполлино, торопясь на поезд.

По дороге он прежде всего справился у Вишенки о своих друзьях, оставшихся в пещере, и очень встревожился, узнав, что они бесследно исчезли.

— Не понимаю, — сказал он, пожимая плечами. — В этом убежище они были в полной безопасности. Что же заставило их покинуть пещеру?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Путешествие в весёлом поезде

Выйдя из зоологического сада, Чиполлино с Вишенкой сели в поезд.

Об этом поезде я вам ещё ничего не рассказывал. Это был удивительный поезд: он состоял только из одного вагона, и все места в нём были у окон, так что отовсюду были очень хорошо видны поля, леса, горы, станции и встречные поезда. Вы понимаете, как это важно для ребят, едущих в поезде! Сиди себе у окна и смотри сколько твоей душе угодно.

В поезде были устроены особые приспособления для толстых пассажиров: углубления с полками, на которые толстяки клали свои животы. Так им было очень удобно ехать, и они никому не мешали.

Когда Чиполлино с Вишенкой садились в поезд, они вдруг слышали голос тряпичника Фасоли:

— Смелее, смелее, синьор барон! Ещё одно усилие — и мы с вами будем в вагоне!

Оказалось, что в поезд садился барон Апельсин. Понятно, из-за толстого живота посадка была для него очень трудным делом. Бедный тряпичник никак не мог втолкнуть барона в вагон. К нему на помощь явились двое носильщиков, но и втроём им не удалось протиснуть пассажира в дверь вагона. В конце концов прибежал начальник станции и тоже упёрся обеими руками в спину барона. К несчастью, начальник станции совсем позабыл, что во рту у него свисток, и нечаянно свистнул.

Машинист решил, что это сигнал к отправлению, и повернул рычаг. Поезд тронулся.

— Стой, стой! — закричал начальник не своим голосом.

— Помогите! — завопил барон Апельсин, багровея от страха.

Однако ему повезло: когда поезд тронулся, произошёл такой сильный толчок, что барон выскочил наконец в вагон. Толстяк вздохнул с облегчением, положил свой живот на полку в углублении вагона и сейчас же развернул свёрток, в котором был целый жареный барашек.

Благодаря всей этой кутерьме Вишенка и Чиполлино проскользнули в вагон незамеченными.

Во время путешествия барон был слишком занят едой, чтобы обратить внимание на мальчиков. Правда, Фасоль сразу же заметил их, но Вишенка приложил палец к губам, призывая его к молчанию, и тряпичник знаками показал, что он всё понял и не раскроет рта. Но расстанемся пока с нашими двумя друзьями, которые удобно устроились в вагоне под самым носом у барона Апельсина, опьянённого ароматом жареного барашка, и посмотрим, что делается в других местах.

В те самые минуты, когда поезд проходил мимо знакомого нам леса, какой-то дровосек пришёл на помощь сыщику и его собаке и снял их с дуба, на котором они провисели почти два дня.

Сыщик и его собака размяли ноги и помчались продолжать свои поиски.

Проводив их удивлённым взглядом, дровосек принялся было рубить дуб, как вдруг перед ним появился целый взвод Лимончиков с офицером Лимоном во главе.

— Смирно! — скомандовал офицер. — Руки по швам!

Дровосек уронил топор и вытянул руки по швам.

— Не видел ли ты здесь собаку и её хозяина?

Дело в том, что в замке были очень обеспокоены таинственным исчезновением мистера Моркоу и его собаки и решили послать целый взвод полицейских на розыски. Дровосек, как и все бедняки, не очень-то доверял полиции. Человек и собака, которых он нашёл

привязанными к дубу, вели себя очень странно: едва он их освободил, они легли на землю, прислушались к отдалённым звукам и бросились бежать как сумасшедшие. Дровосеку они и в самом деле показались сумасшедшими. Ни за что в мире не хотел бы он выдать их полицейским, которые, очевидно, собирались арестовать тех, кого искали.

— Человек и собака только что были здесь и пошли вон туда,— сказал он, показывая в противоположную сторону.

— Вот и прекрасно! — воскликнул офицер Лимон.— Значит, мы сейчас их догоним... Смирно!

Дровосек снова вытянул руки по швам, а потом вытер со лба пот и стал рубить свой дуб, глядя вслед Лимону и Лимончикам, которые с каждым шагом удалялись от тех, кого искали.

Не прошло и четверти часа, как дровосек опять услышал быстрые шаги и перед ним появились запыхавшиеся и усталые мастер Виноградинка, кум Тыква, кум Черника, адвокат Горошек, скрипач Груша и кума Тыквочка. Они перевели дух и спросили, не видал ли дровосек паренька по имени Чиполлино.

— Я не знаю вашего Чиполлино,— сказал дровосек растерянно,— но здесь не было никакого паренька.

— Если Чиполлино забредёт сюда, передайте ему, пожалуйста, что мы его уже два дня ищем,— сказал мастер Виноградинка, который, по-видимому, был начальником экспедиции.

Вся эта компания умчалась так же поспешно, как и предыдущая.

Прошло около часа, и подрубленное дерево уже готово было повалиться на землю, когда из чащи вышли Чиполлино и Вишенка. Вишенка решил не возвращаться домой, пока не поможет Чиполлино найти пропавших друзей. Узнав, что одного из мальчиков зовут Чиполлино, дровосек в точности передал ему слова мастера Виноградинки. Тут только оба мальчика поняли, что беглецы покинули пещеру для того, чтобы искать пропавшего Чиполлино.

Так разъяснилась тайна их исчезновения.

Мальчики простились с дровосеком, и он опять остался один. Но до наступления вечера его ожидало ещё очень много встреч и приключений.

Сначала к нему явились Редиска и другие ребята, которые тоже искали Чиполлино, потом притащился не кто иной, как синьор Помидор в сопровождении синьора Петрушки. Они разыскивали Вишенку и были совершенно уверены, что его похитили беглецы, скрывающиеся в лесу.

Наконец, перед самым заходом солнца дровосек услышал целый оркестр колокольчиков. Сначала он подумал, что это возвращаются полицейские, которые

допрашивали его утром. Однако на этот раз в лес пожаловал сам принц Лимон собственной персоной.

Озабоченный тем, что его верная стража так долго не возвращается, он сам пустился в путь, ей навстречу. В одной карете с ним ехали графини Вишни. Польщённые тем, что им довелось сопровождать принца, они весело и непринуждённо болтали, будто ехали не по делу, а на охоту.

Дровосек попытался было спрятаться за деревьями: он знал, что бедняки не должны показываться на

глаза принцу, потому что это вредно для желудка и печени его высочества. Но один из придворных, старый, сморщенный Лимон, сидевший в карете справа от его высочества, заметил дровосека и окликнул его:

— Эй ты, оборванец!

— Что угодно вашей милости? — пролепетал дровосек.

— Не видел ли ты тут взвода полицейских?

Дровосек, как вы знаете, повидал за этот день не только взвод полицейских, но и много самого разнообразного народа. Однако, когда разговариваешь с принцем Лимоном, всегда лучше сказать, что ничего и никого не видел.

Так дровосек и ответил: знать, мол, ничего не знаю, ведать не ведаю. Если бы он сказал: «Да, я их видел», — ему бы, конечно, задали много других вопросов и, может быть, в конце концов ни за что ни про что засадили бы в тюрьму. А на нет, как говорится, и суда нет.

Принц и его свита направились в ту же сторону, что и взвод полицейских.

Вечер наступил быстро. Ради краткости и занимательности нашей истории скажем, что сразу настала темнота. В темноте приключения всегда интереснее — особенно в тех случаях, когда речь идёт о побегах, поисках, погоне.

А ведь в ту минуту, когда на лес спускается ночная тьма, все действующие лица нашей повести заняты именно поисками и погоней. Сыщик и его собака ищут беглецов: полицейские ищут сыщика; принц ищет полицейских; мастер Виноградинка и его друзья отправились на поиски Чиполлино; Чиполлино и Вишенка разыскивают мастера Виноградинку; Редиска ищет Чиполлино; кавалер Помидор и синьор Петрушка ищут Вишенку.

А под землёй — вы, наверно, об этом и не подумали — старый Крот ищет всех сразу. Накануне он наведёлся в пещеру, в которой жили пленники, и нашёл там записку: «Чиполлино исчез. Идём его разыскивать. Если что-нибудь узнаете, сообщите нам».

Как только Крот прочёл эти слова, он начал усердно рыть ходы во все стороны. Работая, он слышал, как по лесу над его головой всё время ходили люди поодиночке или целыми отрядами. Но все они пробегали так

быстро, что, вылезая на поверхность, Крот уже никого не находил. Одних только волков не слышно было в этот вечер. Волки думали, что на них идёт облава, и спрятались в самой глубине леса.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Герцог Мандарин и жёлтая бутылка

После того как графини с принцем уехали в карете, барон Апельсин и герцог Мандарин остались полными хозяевами замка. Кроме этих двух весьма почтенных особ, в комнатах не было ни души. Прислуга, конечно, в счёт не шла.

Герцог первый обнаружил, что все обитатели замка их потащили. По своему обыкновению, он вообразился на подоконник и стал угрожать, что бросится вниз и разобьётся вдребезги, если... Но некому было слушать его угрозы.

«Странно! — раздумывал герцог, приставив палец ко лбу. — Обе кузины должны были бы уж давно услышать мои крики и примчаться ко мне на помощь. Почему же никто не отзывается? Может быть, я недостаточно громко кричу?»

Герцог взвизгнул ещё несколько раз, а затем осторожно спустился с подоконника и пошёл к барону.

— Дорогой кузен... — сказал он, входя.

— М-м-м... — промычал барон, выплёвывая крылышко цыплёнка, которое стало ему поперёк горла.

— Знаете новость?

— Привезли кур в курятник? — спросил барон Апельсин, который только в этот день убедился, что истребил всех пернатых в замке и в деревне и теперь доедал последнего тощего цыплёнка.

— Да что там куры! — ответил герцог. — Мы остались одни, одни! Нас бросили... Замок покинут...

Барон встревожился:

— Так кто же приготовит нам ужин?

— Вы только и беспокоитесь что об ужине? А что, если бы нам с вами воспользоваться отсутствием наших дорогих хозяек и осмотреть погреб замка? Я слышал, что там много вин самых дорогих марок.

— Не может быть!— воскликнул барон.— За столом нам подают только дрянное вино, от которого у меня надолго остаётся изжога и отрыжка.

— Вот именно,— сказал герцог.— Нам-то они дают плохое вино, а у себя в погребе прячут хорошее. Его будут подавать на стол, когда вы уедете отсюда.

По правде сказать, герцогу не так уж важно было вино — ему хотелось на свободе обследовать подвалы, потому что он слышал, будто в одной из стен графини замуровали сокровища, доставшиеся им в наследство от старого графа Вишни.

— Если дела обстоят так, как вы говорите,— решил разгневанный барон,— то нам следует спуститься в погреб и удостовериться собственными глазами. Наши кузины совершают тяжкий грех, если они в самом деле прячут от нас хорошие вина. Нужно откупорить их винные бочки и спасти их души! По-моему, это наш долг.

— Однако же,— продолжал герцог, наклоняясь к уху барона,— лучше было бы отпустить на сегодня этого вашего... как его зовут? Фасоль, что ли? Пойдем в погреб без него. Я сам повезу вашу тачку.

Барон сейчас же согласился, и Фасоль получил отпуск на весь вечер.

Но почему же, спросите вы, герцог не пошёл в погреб один, если уж он хотел найти спрятанные там сокровища? Да потому, что, если бы их застали врасплох, он мог бы свалить всю вину на барона Апельсина. У него уже был заранее заготовлен ответ: «Мне пришлось сопровождать барона помимо моей воли. Он искал бутылку вина, чтобы утолить жажду». Всё это герцог хорошо обдумал, но спуститься в погреб оказалось нелёгким делом и для него и для барона. Барон тяжело переводил дух, а герцог обливался потом, толкая тачку, на которой лежал живот барона. Тачка оказалась тяжелёхонькой,— хорошо ещё, что везти её пришлось не вверх, а вниз и ступенек было не так уж много. О возвращении из погреба герцог пока не думал. «Как-нибудь выберусь»,— говорил он себе.

Под тяжестью живота барона тачка покатилась вниз по ступенькам с такой скоростью, что, если бы окованная медью дверь погреба была закрыта, герцог

и барон неминуемо расшиблись бы в лепёшку. Однако, к счастью для них, внутренняя дверь оказалась открытой. Узбекчаемые тачкой, герцог и барон так и слетели со ступенек и, не останавливаясь, помчались дальше по широкому коридору между двух рядов огромных бочек, на которых стояли тысячи бутылок с запылёнными ярлыками.

— Стойте, стойте! — кричал барон. — Посмотрите, сколько здесь этой божьей милости!

— Дальше, дальше! — отвечал герцог. — Там, впереди, вино ещё лучше.

Барон, видя, как проносятся мимо него целые армии бочек, целые батальоны бочонков, бочоночков, бутылок и фляжек, сокрушённо вздыхал.

— Прощайте, прощайте, бедняжки! — говорил он бутылкам, провожая их глазами. — Прощайте, не мне суждено откупорить вас!

В конце концов герцог почувствовал, что тачка катится всё медленнее и можно наконец остановиться. Как раз в этом самом месте, в левом ряду бочек, он увидел узкий проход, а в глубине прохода — маленькую дверцу.

Барон, удобно усевшись на земле, вытягивал руки то направо, то налево и, не тратя даром ни минуты, хватал по две, по три бутылки, вытаскивал пробки зубами, которые у него давно уже стали крепче железа от постоянного упражнения, и опрокидывал содержимое бутылок себе в рот. Он прерывал это занятие только для того, чтобы испустить вздох удовлетворения. Герцог дол-

го глядел на него, а потом махнул рукой и углубился в проход.

— Куда это вы идёте, любезный кузен? Почему бы и вам не воспользоваться этим божьим даром?

— Я ищу бутылку очень редкой марки. Кажется, я вижу её там, в глубине.

— Небо вознаградит вас за такую заботливость! — пробормотал барон в перерыве между глотками. — Вы напоили жаждущего и поэтому сами никогда не умрёте от жажды.

Но герцог не слышал его слов — он был очень озабочен.

У дверицы не оказалось ни задвижки, ни замка, ни скважины для ключа.

— Странно, — пробормотал сквозь зубы герцог. — Может быть, здесь есть какая-нибудь секретная пружина?

Он начал ощупывать дверцу сантиметр за сантиметром, ища секретный замок. Но сколько он ни щупал её, сколько ни нажимал на малейшие выступы, дверца оставалась запертой.

Тем временем барон, покончив с бутылками, стоявшими поблизости от него, в свою очередь пробрался в проход между бочками и очутился рядом с герцогом, который то царапал дверцу ногтями, то стучал по ней кулаком, всё более раздражаясь.

— Что вы делаете, дражайший кузен?

— Да вот хочу открыть эту дверцу. Мне кажется, что за ней находятся самые ценные вина. Вы останетесь довольны, если отведаете их.

— Стоит ли беспокоиться! — ответил захмелевший барон. — Лучше протяните-ка мне вон ту бутылку с жёлтой этикеткой. Это, наверно, китайское вино, а я его никогда не пробовал.

Герцог стал озираться по сторонам в поисках бутылки, на которую ему указал барон. Наконец он её увидел. Это была бутылка обычных размеров, в точности такая же, как и другие. Она отличалась от них только цветом своей наклейки. У всех остальных бутылок наклейки были красные, а у этой — жёлтая. Герцог, проклиная в душе ненасытность барона, рассеянно протянул руку, чтобы взять бутылку.

Странно! Бутылка словно приросла к полке. Герцог никак не мог сдвинуть её с места.

— Она как будто свинцом налита,— заметил он о удивлении и дернул за горлышко изо всех сил.

Но едва он оторвал бутылку от полки, как таинственная дверца стала медленно и бесшумно поворачиваться на петлях. Барон с изумлением смотрел на неё.

— Мой кузен! Дорогой кузен! — кричал он. — Это не бутылка — это ключ! Смотрите: вы открыли дверцу!

«Тан вот в чём был секрет этого замка, а я и не догадался», — укорял себя герцог.

Но не успел он подумать это, как дверца распахнулась настежь и на пороге появился мальчик, который вежливо поклонился герцогу и барону и воскликнул тоненьким, серебристым голосом:

— Добрый день, синьоры! Я очень благодарен вам за то, что вы оказали мне эту любезность. Я уже три часа тщетно пытаюсь открыть дверь. Как это вы догадались, что я приду именно отсюда?

— Вишенка! — в один голос закричали герцог и барон.

— Мой дорогой Вишенка... — прибавил барон, который от хмеля сделался очень добродушным и ласковым. — Дорогой Вишенка, иди ко мне, я тебя поцелую!

Герцог не выказал ни малейшего восторга.

«Что делает здесь этот маленький шалопаи?» — думал он с досадой. Но, не желая показать, что он недоволен встречей, сказал громно:

— Дорогой Вишенка, для нас большая радость предупреждать все твои желания!

Но Вишенка вдруг нахмурился и заговорил холодно и резко:

— Так как я не сообщал вам, что вернусь в замок через этот потайной ход, а в замке, кроме вас, никого сейчас нет, то я думаю, что вы проникли сюда не с добрыми намерениями. Говоря попросту, вы затеяли какую-то мошенническую сделку. Но об этом мы будем судить позже... А сейчас разрешите мне представить вам моих друзей.

И, посторонившись, Вишенка пропустил вперед одного за другим всех своих приятелей: Чиполлино, Редиску, мастера Виноградинку, кума Тыкву, адвоката и всех прочих.

— Да это же настоящее вторжение! — воскликнул ошеломлённый герцог.

Это и вправду было вторжение, и затеял его Вишенка. Бродя по лесу, Чиполлино и Вишенка в конце концов встретились со своими друзьями и вскоре узнали, что все их противники, за исключением герцога и барона, покинули замок. Вишенке было известно, где находится потайной ход, ведущий из леса в погреб, и он предложил спутникам захватить вражескую крепость.

Как вы видели, захват удался блестяще. Герцога заперли в его комнате, а сторожить его поручили тряпичнику Фасоли.

Барона же оставили в погребе, потому что ни у кого не было охоты тащить эту тяжёлую тушу вверх по лестнице.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Мистер Моркоу назначен иностранным военным советником

Когда наступил вечер и замок погрузился во тьму, кое-кто из друзей начал беспокоиться.

— Что мы будем делать дальше? — спрашивала кума Тыквочка. — Не можем же мы остаться здесь навсегда! Это ведь не наш дом. У нас — свои дома, свои заботы и своя работа.

— Да мы вовсе и не собираемся оставаться здесь. — ответил Чиполлино. — Мы вступим с врагами в переговоры и потребуем только свободы для всех нас. Когда мы будем совершенно уверены в том, что никому из нас не причинят зла, мы немедленно уйдём из замка.

— Но как же мы будем защищаться? — вмешался синьор Горошек. — Ведь оборона замка — довольно сложная военная операция. Нужно знать стратегию, тактику и баллистику.

— Что такое баллистика? — спросила кума Тыквочка. — Не пугайте нас, пожалуйста, непонятными словами, синьор адвокат.

— Я только хочу напомнить, — пояснил Горошек, краснея, — что среди нас нет ни одного генерала. А как воевать, если во главе армии нет генерала?

— Там, в лесу, сейчас находится по крайней мере сорок генералов, — сказал Чиполлино, — а всё-таки они не сумели поймать нас.

— Поживём — увидим, — буркнул Горошек и тяжело вздохнул.

Он не хотел больше спорить, но не верил, что можно выдержать долгую осаду без генерала, который знал бы стратегию, тактику и баллистику.

— У нас нет пушек, — робко вмешался кум Тыква.

— У нас нет пулемётов, — пробормотал Лук Порей.

— У нас нет ружей, — добавил мастер Виноградинка.

— У нас будет всё, что нужно, — сказал Чиполлино, — не беспокойтесь. А сейчас нам пора спать.

Все отправились на ночлег. На широкую кровать барона Апельсина легло семеро, и на ней ещё осталось место для восьмого. А кум Черника и кум Тыква ушли в свой домик, стоявший в парке.

Мастино, которого незадолго перед тем снова поселили в домике, принял их не очень-то дружелюбно. Но, к счастью, этот свирепый пёс всегда уважал закон: посмотрев на предъявленные документы, он вынужден был признать, что домик ему не принадлежит, и согласился уйти в свою старую конуру.

Кум Тыква поудобнее уселся в домике и высунулся в окошечко, а кум Черника улёгся у его ног.

— Какая чудная ночь, — говорил кум Черника, — какое ясное небо! Смотрите, что это там взлетает ввысь?.. Неужели ракеты?

Действительно, принц Лимон устроил в лесу фейерверк, чтобы развлечь графинь. Фейерверк у него был особенный. Он связывал своих солдат Лимончиков парно и стрелял ими из пушки вместо ракет. Ему казалось это очень забавным зрелищем.

В конце концов синьор Помидор подошёл к принцу и прошептал ему на ухо:

— Ваше высочество, простите меня, но этак вы истребите всю свою армию!

Только тогда принц велел прекратить развлечение, однако при этом сказал со вздохом:

— Ах, какая жалость!

— Ага, — сказал кум Тыква, выглядывая из окна, — фейерверк кончился.

Принц принялся считать уцелевших солдат, чтобы выяснить, можно ли продолжать погоню за беглецами. Оказалось, что для этой цели солдат ещё доста-

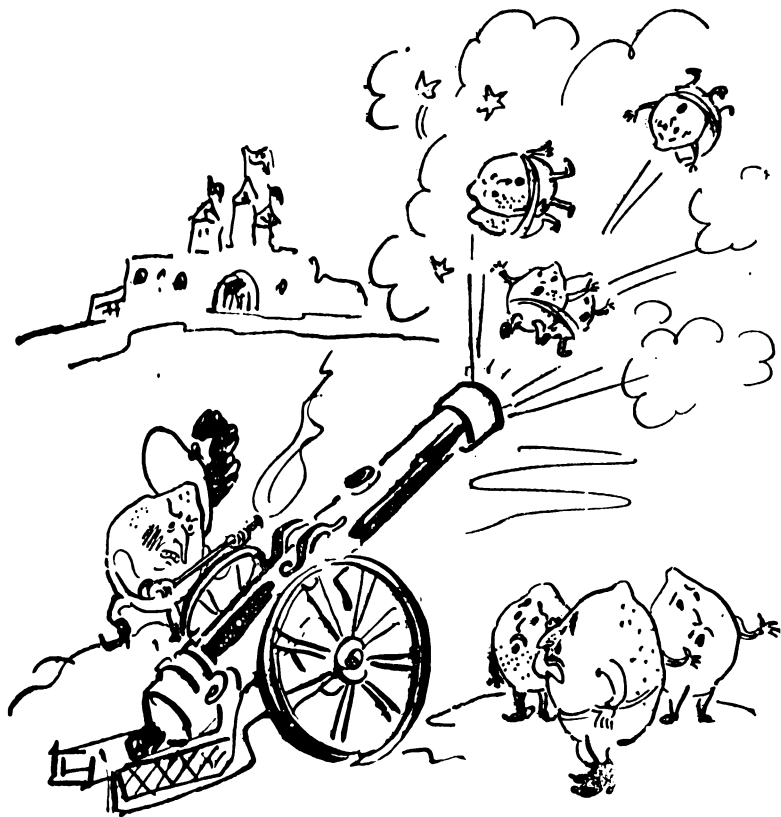
точно. Тем не менее погоню решено было отложить до утра.

А пока принц приказал раскинуть в лесу роскошную палатку для графинь. Их уложили на очень мягкую постель, но от волнения и любопытства они ещё долго не могли уснуть.

Около полуночи кавалер Помидор пошёл погулять по лесу, чтобы успокоить нервы. (Ах, да, я ведь не сказал вам, что от досады и злости у него после фейерверка начались судороги.)

«Какая глупость, — думал кавалер, — извести на ракеты столько здоровых солдат!»

Он поднялся на высокий холм, надеясь заprime-тить где-нибудь костёр, который беглецы разожгут на

привале. Но вместо этого, к своему удивлению, он увидел, что окна замка ярко освещены.

«Должно быть, барон и герцог развлекаются без нас в замке,— подумал он раздражённо.— Ладно же. Когда мы поймаем беглецов и покончим с Чиполлино, непременно нужно будет развязаться и с этими двумя darmоедами».

Он продолжал смотреть на замок, и злость его возрастала с каждой минутой.

«Бездельники,— думал он гневно.— Бандиты с большой дороги. Они разорят этих старых дур — графинь, а мне останутся только пустые бутылки да груды телячьих и цыплячьих костей!»

Постепенно во всех окнах замка свет погас, и только одно окно продолжало светиться.

— Скажите, пожалуйста, герцог Мандарин не может спать без света! — шипел синьор Помидор сквозь зубы.— Ему, изволите ли видеть, страшно оставаться в темноте. Но что же это он делает? Совсем из ума вышел! Он забавляется тем, что тушит и зажигает свет. В конце концов он испортит выключатель, устроит короткое замыкание, и замок сгорит. Брось! Брось сейчас же! Слышишь, что я тебе говорю?

Синьор Помидор и сам не заметил, что кричит во весь голос.

На мгновение он умолк и призадумался.

«А что, если это какие-нибудь тайные сигналы? — вдруг подумал он, обнаружив, что эта дурацкая забава настойчиво повторяется.— Сигналы? Но какие? С какой целью? К кому они обращены? Я бы дал золотой, чтобы узнать, что они означают. Три короткие вспышки... три длинные... снова три короткие. Темнота. А вот всё начинается снова: три короткие вспышки... три длинные... опять три короткие. Герцог, наверно, слушает радио и аккомпанирует музыке, выключая и зажигая свет. Держу пари, что это именно так. Вот чем развлекается, бездельник!»

Синьор Помидор вернулся в лагерь и, встретив одного из придворных, который казался ему человеком сведущим, спросил у него, не знает ли он сигнальной азбуки.

— Разумеется,— ответил Лимон.— Я доктор и профессор сигнализации и даже окончил специальный факультет.

— Ну, так не скажете ли вы мне, что значит вот такой сигнал? — И синьор Помидор сообщил профессору, какие сигналы подавал герцог из окошка замка.

— С... О... С... Да это же сигнал бедствия! Мольба о помощи!

«О помощи? — с тревогой подумал синьор Помидор. — Так, значит, это не игра! Герцог пытается известить нас о чём-то при помощи сигналов. Значит, он в опасности, если передаёт такой сигнал».

И, не раздумывая долго, кавалер поспешно направился к замку.

Войдя в парк, он посвистел, чтобы позвать к себе Мастино. Синьор Помидор ждал, что пёс выскочит из уютного домика, но с удивлением увидел, что Мастино, прижав уши, выполз из своей старой конуры.

— Что случилось? — спросил кавалер Помидор.

— Я уважаю закон, — с неудовольствием ответил пёс. — Законные владельцы предъявили мне бесспорные документы, и мне пришлось уступить им домик.

— Какие такие законные владельцы?

— Некий Тыква и некий Черника.

— А где они сейчас?

— Спят в своём домике. По крайней мере, я так предполагаю, хоть и не могу понять, как это можно спать в таком неудобном положении. Но, очевидно, в замке для них не хватило места.

— А кто же ночует в замке?

— О, много пришлого народу! Публика самого низкого разбора, как, например, сапожники, музыканты, редиски, луковицы и всякий прочий сброд.

— Значит, там и Чиполлино?

— Да, мне кажется, что одного из них именно так зовут. Насколько я мог понять, герцога очень оскорбило присутствие такой компании в замке: он заперся в своих комнатах и не показывался целый вечер.

«Значит, он в плену, — решил Помидор. — Час от часу не легче!»

— Что же касается барона Апельсина, — продолжал пёс, — то он тоже заперся, но не у себя в комнате, а почему-то в погребе. Вот уже несколько часов я только и слышу, как хлопают в погребе пробки.

— У, проклятый пьяница! — проворчал про себя синьор Помидор.

— Но я не могу понять, — сказал Мастино, — как это наш Вишенка, забыв о своём графском титуле, общается с людьми столь низкого происхождения!

Синьор Помидор сейчас же помчался в лес, разбудил принца и обеих графинь и рассказал им ужасные новости. Графини хотели было сейчас же вернуться в замок, но принц посоветовал им не торопиться.

— После наших вечерних развлечений, — сказал он, — у нас нет достаточного количества солдат для ночного штурма. Подождём рассвета. Это благоразумнее.

Он позвал синьора Петрушку, который был силён в арифметике, и велел ему снова подсчитать силы, оставшиеся в распоряжении его высочества.

Синьор Петрушка вооружился куском мела, а также грифельной доской и обошёл все палатки, отмечая крестиком каждого солдата и двойным крестиком каждого генерала. Оказалось, что у принца остаётся ещё восемнадцать Лимончиков-солдат и сорок Лимонов-генералов — всего пятьдесят восемь человек, если не считать синьора Помидора, синьора Петрушки, самого принца Лимона, двух графинь, сыщика, его собаки и нескольких лошадей.

Кавалер Помидор не видел толку в лошадях, но синьор Петрушка стал горячо доказывать, что при штурмах крепостей кавалерия бывает очень полезна, а иной раз даже необходима. Завязался долгий стратегический спор, и в конце концов принц Лимон, согласившись с доводами синьора Петрушки, поручил ему командование кавалерийским отрядом.

План сражения был разработан при участии мистера Моркоу, которого по этому случаю спешно возвели в ранг иностранного военного советника.

Военный советник сразу же приступил к исполнению своих обязанностей. Первым делом он посоветовал всем генералам и солдатам вымазать себе лица углем или сажей, чтобы напугать осаждённых. Принцу эта затея очень понравилась. Он приказал откупорить несколько бутылок вина и, выстроив своих генералов в ряд, принялся собственноручно раскрашивать им лица жжёной пробкой.

Генералы, удостоившись этой высокой чести, были очень польщены.

К восходу солнца у всех генералов и солдат почернели лица. Но принц этим не удовольствовался. У него осталось ещё много неизрасходованной жжёной пробки, и он потребовал, чтобы обе графини и синьор Помидор тоже вымазали себе лица сажей.

Графини не осмелились возражать принцу и подчинились его приказу со слезами на глазах.

Наступление началось ровно в семь часов утра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

*О том, как барон погубил двадцать генералов,
сам того не желая*

Первая часть стратегического плана состояла в следующем: собака сыщика, воспользовавшись естественной дружбой, связывающей её с графским псом Мастино, должна была уговорить его открыть ворота парка. Отсюда в парк должен был проникнуть кавалерийский эскадрон под командой синьора Петрушки.

Однако эта часть плана рухнула, потому что ворота парка вовсе не были заперты. Напротив, они оказались распахнутыми настежь. У ворот стоял навьюченный Мастино и отдавал честь хвостом.

Собака сыщика в испуге вернулась обратно и сообщила об этом странном обстоятельстве.

— Здесь-то и зарыта собака,— сказал мистер Моркоу, употребляя выражение, весьма распространённое у иностранных военных советников.

— Факт, факт! Именно здесь она зарыта! — подержала хозяина собака.

— Что за собака и где она зарыта? — спросил принц.

— Ваше высочество, тут дело не в собаке. Если мятежники оставили ворота открытыми, значит, тут приготовлена для нас ловушка.

— Тогда давайте войдём в парк через заднюю калитку,— предложил принц.

— Но и задняя калитка тоже открыта!

Генералы Лимонной армии серьёзно призадумались,— вернее, они не знали, что и думать. Самому же принцу эта война стала уже надоедать.

— Она что-то слишком долго длится,— пожаловался он кавалеру Помидору.— Такая затяжная и

трудная война! Если бы я предвидел это заранее, я бы её и не начинал.

Чтобы ускорить дело, принц решил принять личное участие в операциях. Он выстроил своих сорок генералов и скомандовал:

— Смир-р-но!

Сорок генералов так и застыли на месте.

— Вперед, мар-р-ш! Раз-два, раз-два...

Героический отряд вошёл в ворота парка и зашагал к замку, который, как вы знаете, находился на вершине небольшого холма. Подъем показался принцу утомительным. Он стал задыхаться, вспотел и решил вернуться обратно, передав командование Лимону первого класса.

— Продолжайте наступать, — сказал он, — а я иду разрабатывать план общего штурма. Благодаря моему личному вмешательству первая линия обороны уже взята. Вам же я поручаю захватить замок.

Лимон первого класса отдал принцу честь и принял командование. Пройдя пять метров, он объявил пятиминутный привал. Отсюда до замка оставалось всего лишь около ста шагов, и командующий уже готовился отдать приказ о последнем натиске, как вдруг послышался страшный грохот и с вершины холма навстречу генералам устремился какой-то снаряд поистине невиданных размеров. Все сорок генералов, не ожидая команды Лимона первого класса, разом повернулись спиной и ринулись вниз со всей поспешностью, на какую были способны. Однако они не могли сравняться в скорости с таинственным снарядом, который через несколько секунд обрушился на них, раздавил десятка два генералов, словно спелые сливы, а затем покатился дальше, за ворота. По пути он разметал кавалерию синьора Петрушки, готовившуюся к атаке, и опрокинул карету графинь Вишен.

Когда же наконец он остановился, все увидели, что это не магнитная мина и не бочка с динамитом, а попросту несчастный барон Апельсин.

— Дорогой кузен, это вы? — закричала графиня Старшая, вылезая из лежащей на боку кареты.

Графиня была вся в пыли, её растрёпанные волосы развевались по ветру, а лицо было густо вымазано сажей.

— Я не имею чести знать вас, синьора. Я никогда не бывал в Африке,— пробормотал барон.

— Да ведь это я, я, графиня Старшая!

— О небо, как же это вам пришлось в голову так измазаться?

— Это было сделано по стратегическим соображениям, барон... Но скажите лучше, как это вы обрушились на нас?

— Я прибыл к вам на помощь. Правда, немного странным способом, но у меня не было другого выхода. Я всю ночь выбирался из винного погреба, где меня заперли эти разбойники. Можете себе представить, мне пришлось прогрызть дверь погреба зубами!

— О да, вы способны прогрызть днища полдюжины бочек! — проворчал синьор Помидор, всё ещё дрожа от страха.

— Выбравшись из погреба, я просто покатился с горы и, кажется, по дороге раздавил целый отряд негров, который, вне всякого сомнения, шёл на помощь этим разбойникам, захватившим ваш замок.

Когда графиня Старшая объяснила кузену, что это были вовсе не негры, а сорок Лимонных генералов, бедный барон очень огорчился, но в глубине души всё-таки был горд своим весом и силой.

Принц Лимон в эту минуту принимал ванну у себя в палатке. Узнав о гибели своих передовых частей, он сначала подумал, что враг предпринял вылазку и неожиданной атакой рассеял его отряд. Когда же его вы-

сочеству доложили, что виновником несчастья был его союзник, полный самых благих намерений, принц пришёл в ярость.

— У меня нет никаких союзников — я веду свои войны сам за себя и сам по себе! — сказал он с негодованием. И, собрав оставшиеся войска — генералов, солдат и вспомогательный состав, общим счётом в тридцать человек, — он произнёс речь, которую заключил словами: — Спаси меня, боже, от друзей, а от врагов я уж как-нибудь сам избавлюсь!

Принц Лимон был, в сущности, прав. Друзья у принцев всегда бывают опаснее врагов, и принцам остаётся только находить утешение в старых, избитых и довольно нескладных пословицах.

Ровно через четверть часа принц Лимон пришёл в себя и приказал начать новую атаку. Десять человек бегом помчались вверх на холм, испуская дикие крики, чтобы напугать хотя бы детей и женщин, находившихся среди осаждённых.

Атакующих встретили очень любезно. Я бы сказал, даже слишком любезно. Чиполлино приспособил пожарные насосы к самым пузатым бочкам винного погреба. Когда Лимончики подошли на расстояние выстрела, Чиполлино приказал:

— Вином по врагу — пли!

(Он должен был бы командовать «Огоны!», но ведь в его распоряжении были только насосы — орудия для тушения огня, а не для разжигания его.)

Осаждающих окатили мощными потоками ароматной, опьяняющей красной жидкости. Вино заливало им глаза, попадало в рот, в нос и в уши. Лимончики неминуемо захлебнулись бы или опьянели бы до бесчувствия, если бы вовремя не отступили. Кто бегом, кто ползком, пустились они в обратный путь, преследуемые струями из насосов.

Когда они добрались до подножия холма, то, к великому возмущению обеих графинь, среди них не оказалось ни одного трезвого Лимончика.

Можете себе вообразить, как разгневался принц Лимон:

— Позор! Вас нужно отколотить палками. Разве можно пить красное вино натошак? Так порядочные люди не поступают. Видите, вот ещё десять человек вышло из строя!

И в самом деле, десять воинов из армии принца один за другим улеглись у ног его высочества и разом, как по команде, захрапели.

Положение становилось с каждой минутой всё тревожнее и опаснее.

Синьор Помидор рвал на себе волосы и умолял мистера Моркоу:

— Да посоветуйте же что-нибудь! Ведь вы же иностранный военный советник, чёрт вас побери!

А в замке, как вы сами понимаете, царило в это время ликование.

Добрая половина врагов была выведена из строя. Скоро, скоро белый флаг взвѣётся там, внизу, между двумя красными столбами ворот!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чиполлино знакомится с пауком-почтальоном

Нет, я не буду обманывать вас: не взошел белый флаг между столбами ворот. Вместо этого на поле боя прибыла целая дивизия Лимончиков, специально присланная из столицы, и нашим друзьям осталось либо сдаться, либо бежать.

Чиполлино попытался бежать через погреб, но подземный ход, который вёл в лес, был захвачен войсками принца.

Кто же открыл Лимончикам потайной ход, о существовании которого они и не подозревали? Этого я тоже от вас не скрою: предателем оказался синьор Горошек.

Когда дела у Чиполлино и его компании приняли дурной оборот, адвокат сразу же перешёл на сторону врагов, боясь, как бы его не повесили во второй раз.

Синьор Помидор так обрадовался, захватив Чиполлино, что отпустил всех остальных пленников по домам. Только Вишенку в наказание заперли на чердаке. А Чиполлино отправили в тюрьму в сопровождении целой роты Лимончиков и засадили в подземную камеру.

Два раза в день тюремщик Лимонишка приносил ему похлёбку из хлеба и воды в щербатой миске. Чиполлино съедал похлёбку не глядя, — во-первых, пото-

му, что был очень голоден, а во-вторых, потому, что в его камере никогда не было света.

Всё остальное время Чиполлино лежал на койке и думал: «Только бы увидеться с отцом! Или хоть, по крайней мере, дать ему знать, что я тоже тут, в одной с ним тюрьме».

Днем и ночью патруль Лимончиков ходил мимо двери камеры, громко стуча каблуками.

— Подбейте, по крайней мере, каблуки резиной! — кричал Чиполлино, которому эти шаги не давали спать.

Но тюремщики даже не оборачивались на его крик.

Через неделю за ним пришли.

— Куда вы меня ведёте? — спросил Чиполлино.

Он решил, что его тащат на виселицу. Но его всего-навсего вывели во двор на прогулку. Направляясь к дверям по длинному тюремному коридору, Чиполлино сердился на свои ноги, которые отвыкли ходить, на глаза, которые отвыкли от света и слезились.

Двор был круглым. Заключённые, одетые в одинаковую арестантскую одежду, с чёрными и белыми полосами, гуськом ходили один за другим по кругу.

Говорить было строжайше запрещено. В центре круга стоял Лимонишка и выбивал дробь на барабане:

— Раз-два, раз-два...

Чиполлино вступил в круг. Впереди него шагал старый арестант со сгорбленной спиной и седыми волосами. Время от времени он глухо кашлял, и его плечи судорожно вздрагивали.

«Бедный старик, — подумал Чиполлино. — Если бы он не был так стар, он был бы похож на моего отца!»

Пройдя ещё немного, старик так закашлялся, что принуждён был выйти из строя и прислониться к стене, чтобы не упасть. Чиполлино бросился к нему на помощь и тут только увидел его лицо, изборозждённое глубокими морщинами. Заключённый посмотрел на мальчика потухшими глазами и вдруг схватил его за плечи:

— Чиполлино, мой мальчик!

— Отец! Как же ты постарел!..

Отец и сын, плача, обнялись.

— Не плачь, милый, — бормотал старик. — Будь молодцом, Чиполлино!

— Я не плачу, отец. Мне только больно видеть тебя таким слабым и больным. А я-то обещал освободить тебя!

— Не горюй, придут и для нас счастливые денёчки!

В эту минуту Лимонишка, отбивавший дробь, сильно стукнул по своему барабану:

— Эй, вы, двое! Разве не видите, что вы мне сбили весь строй? Марш вперёд!

Старый Чиполлоне поспешно оторвался от сына и занял своё место в цепочке арестантов, шагавших по двору. Они ещё два ра-

за обошли двор, а затем в том же порядке двинулись обратно в коридор, ведущий в камеры.

— Я пришлю тебе весточку,— прошептал на прощание старый Чиполлоне.

— Но каким образом?

— Увидишь. Бодрись, Чиполлино!

— Будь здоров, отец!

Старик скрылся в своей камере. Камера Чиполлино была двумя этажами ниже, в подzemелье. Теперь, когда Чиполлино повидался наконец с отцом, камера уже не казалась ему такой тёмной. В конце концов, немножко света всё же проникало сюда через окошечко, выходившее в коридор. Однако света было так мало, что можно было видеть только слегка поблёскивавшие штыки Лимончиков, шагавших взад и вперёд по коридору.

На следующий день, когда Чиполлино, чтобы убить время, считал, сколько раз промелькнут за окошечком штыки часовых, он вдруг услышал, как его зовёт какой-то странный, едва уловимый голосок, идущий неизвестно откуда.

— Кто меня зовёт? — спросил он удивленно.

— Посмотри-ка на стенку.

— Смотрю во все глаза, но и стены-то не вижу.

— А я вот здесь, у окошечка.

— А, теперь вижу! Ты паук! Да что ты тут делаешь? Ведь здесь и мух-то нет.

— Я паук Хромоног. Моя паутина в камере верхнего этажа. Когда я хочу есть, то заглядываю в сети и всегда нахожу там что-нибудь съедобное.

Какой-то Лимонишка грубо стукнул в дверь:

— Эй, замолчи! С кем ты там разговариваешь?

— Я читал молитвы, которым меня научила моя мать, — ответил Чиполлино.

— Молись потише, — приказал тюремщик. — Ты нас с ноги сбиваешь!

Лимончики были такие тупицы, что при малейшем шуме не могли идти в ногу.

Паук Хромоног спустился пониже и прошептал своим тонким, как паутинка, голоском:

— Я принёс тебе письмецо от отца.

И действительно, он спустил опутанную паутиной записочку. Чиполлино схватил её и сейчас же прочёл. В записочке говорилось:

«Дорогой Чиполлино, я знаю все твои приключения. Не огорчайся, что дела твои идут хуже, чем ты ожидал. На твоём месте я вёл бы себя так же, как и ты. Конечно, сидеть в тюрьме очень неприятно, но я полагаю, что здесь ты многому научишься и у тебя будет время поразмыслить о том, что ты видел и пережил. Тот, кто принесёт тебе это письмо, — наш тюремный почтальон. Доверься ему во всём и пошли мне через него весточку. Горячо обнимаю тебя. Твой отец Чиполлоне».

— Прочёл до конца? — спросил Хромоног.

— Да, прочёл.

— Ладно. Теперь положи письмецо в рот, разжуй и проглоти. Стража не должна его видеть.

— Сделано, — сказал Чиполлино, разжёвывая записку.

— А пока, — сказал Хромоног, — до свиданья.

— Куда ты идёшь?

— Почту разносить.

Тут только Чиполлино разглядел, что у паука висит на шее сплетённая из паутинок сумка — вроде той, какую носят почтальоны. Сумка была полна записочек.

— Ты разносишь эти письма по камерам?

— Уже пять лет, как я этим занимаюсь: каждое утро обхожу камеры и собираю письма, а потом их разношу. Охрана ещё ни разу меня не поймала и не

нашла ни одной записочки. Таким образом заключённые могут поддерживать связь друг с другом, не боясь, что их письма перехватят.

— А откуда они берут бумагу?

— Они пишут вовсе не на бумаге, а на обрывках рубашек.

— Теперь я понимаю, почему у этой записочки был такой страшный вкус, — сказал Чиполлино.

— А чернила, — продолжал паук, — делаются из арестантской похлёбки с примесью толчёного кирпича.

— А кирпич откуда?

— Да ведь стены-то в тюрьме кирпичные!

— Понятно, — сказал Чиполлино. — Заходи, пожалуйста, завтра в мою камеру. Я тебе дам письмецо.

— Обязательно зайду, — обещал почтальон и отправился своим путём, чуть-чуть прихрамывая.

— Ты что, ушиб ногу? — спросил Чиполлино.

— Да нет, это ревматизм. Понимаешь ли, мне вредно жить в сырости. Я уже старик, мне бы нужно переселиться в деревню. Там у меня есть брат, который живёт на кукурузном поле. Каждое утро он раскидывает меж стеблей свою паутину и целый день наслаждается солнцем и чистым воздухом. Он много раз приглашал меня к себе, но ведь я не могу бросить свою работу. Когда берёшься за что-нибудь, так уж надо выполнять дело до конца. А кроме того, у меня свои счёты с принцем Лимоном. Его придворный лакей убил моего отца: прихлопнул бедного старика на кухне. Там на стенке до сих пор ещё осталось чуть заметное пятнышко. Иногда я захожу поглядеть на этот памятный мне след и говорю себе: «Когда-нибудь и принца Лимона прихлопнут, да так, что даже и следа не останется». Правильно я говорю?

— Никогда я ещё не видел такого благородного паука! — с восхищением сказал Чиполлино.

— Каждый делает что может, — скромно ответил маленький почтальон.

Прихрамывая, он добрался до окошка и пролез в коридор под самым носом у какого-то Лимонишки, который в эту минуту заглянул в «глазок», чтобы удостовериться, всё ли в порядке. Выбравшись из камеры, Хромоног спустился по паутинке и отправился дальше по своим делам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Чиполлино теряет всякую надежду

В тот же день Чиполлино оторвал клочок от своей рубашки и разделил его на несколько кусков.

«Вот и почтовая бумага,— подумал он с удовлетворением.— Теперь подождём, пока принесут чернила».

Когда Лимонишка принёс ему похлёбку на ужин, Чиполлино не стал её есть. Ложкой он наскрёб со стены немного кирпича, насыпал его в воду и хорошенько размешал, а затем черенком той же ложки написал несколько писем.

«Дорогой отец! — говорилось в первом письме.— Ты помнишь, что я тебе обещал. Так вот, эта минута приближается. Я всё хорошо обдумал. Целую тебя. Твой сын Чиполлино».

Во втором письме, адресованном Кроту, говорилось:

«Милый старый Крот, не думай, что я тебя забыл. В неволе мне делать нечего, и я всё время думаю о старых друзьях. Я думал, думал и придумал, что ты, наверно, можешь помочь мне и моему отцу. Я знаю, что это нелегко. Но если тебе удастся собрать сотню кротов, то общими усилиями вы преодолёте все трудности. Жду твоего скорого ответа, то есть жду тебя в своей камере. Итак, до свидания. Твой старый друг Чиполлино».

Постскрипtum: «Здесь у тебя глаза не заболят. В моём подземелье темнее, чем в чернильнице».

Третье письмо гласило:

«Дорогой Вишенка! Я о тебе ничего не знаю, но уверен, что ты не приуныл после нашей неудачи. Даю тебе слово, что скоро мы рассчитаемся с кавалером Помидором сполна. Здесь я подумал о многом, о чём не было времени думать на воле. Жду твоей помощи. Посылаю тебе письмо для Крота. Положи его в условленном месте. Скоро напишу ещё. Привет всем. Чиполлино».

Он запрятал письма под подушку, вылил оставшиеся чернила в ямку под кроватью, отдал пустую миску Лимонишке и лёг спать.

На следующее утро тот же почтальон принёс ему новое письмо от отца. Старый Чиполлоне писал, что он

будет очень рад весточкам сына, но советует ему расчётливо тратить свою рубашку.

Чиполлино оторвал почти половину рубашки, разостлал её на земле, окунул палец в чернила и начал писать.

— Что ты делаешь! — остановил его почтальон. — Если ты будешь тратить на каждое письмо такой большой лист, то через неделю тебе не на чем будет писать.

— Не беспокойся, — ответил Чиполлино, — через неделю меня уже здесь не будет!

— Сынок, боюсь, что ты заблуждаешься!

— Возможно. Но вместо того чтобы делать мне замечания, не можешь ли ты протянуть мне руку помощи?

— Все восемь моих ног в твоём распоряжении. Что ты задумал?

— Я хочу нарисовать подробный план тюрьмы, точно отметить на нём все этажи, наружную стену, двор и прочее.

— Ну, это нетрудно: я знаю в тюрьме каждый квадратный сантиметр.

С помощью паука Хромонога Чиполлино начертил план тюрьмы и крестиком отметил двор.

— Почему ты здесь поставил крестик? — спросил паук.

— Это я тебе объясню в другой раз, — ответил Чиполлино уклончиво. — А пока я дам тебе три письма: одно из них — к отцу, а вот эти два письма и план надо отнести моему другу.

— За тюремные ворота?

— Да. Молодому графу Вишенке.

— А далеко он живёт?

— В графском замке, на холме.

— Ах, я знаю, где это! Мой двоюродный брат служит на чердаке в этом замке. Он много раз приглашал меня к себе, но у меня всё не было свободного времени. А говорят, что там очень красиво. Что ж, я, пожалуй, отправлюсь туда, но кто же будет разносить за меня почту?

— На дорогу туда и обратно у тебя уйдёт только два дня, хоть ты и хромаешь на одну ногу. Я полагаю, что два дня можно обойтись и без писем.

— Я бы не стал отлучаться и на один день,— сказал усердный почтальон,— но если эти письма надо доставить срочно...

— Очень срочно! — перебил его Чиполлино.— Речь идет о чрезвычайно важном деле, от которого зависит освобождение заключённых.

— Всех заключённых?

— Да, всех,— сказал Чиполлино.

— В таком случае я отправляюсь в путь, как только разнесу сегодняшнюю почту.

— Мой дорогой друг, я не знаю, как и отблагодарить тебя!

— Я делаю это не ради благодарности,— ответил хромой почтальон.— Если тюрьма опустеет, я смогу наконец поселиться в деревне.

Он положил письма в сумку, надел её на шею и, хромая, отправился к окошечку.

— До свидания,— прошептал Чиполлино, провожая взглядом почтальона, который на этот раз вскарабкался на потолок для большей безопасности.— Счастливого пути!

С того мгновения, как паук исчез за окошком, Чиполлино стал считать часы и минуты. Время тянулось очень медленно: час, два, три, четыре...

Когда миновали сутки, Чиполлино подумал: «Сейчас он уже где-то поблизости от замка. Только найдёт ли он дорогу? Ну конечно, найдёт. В окрестностях замка много пауков, и если они узнают, что он приходится двоюродным братом известному пауку с графского чердака, может быть, кто-нибудь его и проведёт». И Чиполлино представил себе, как маленький, старый, седой паучок, прихрамывая, карабкается на чердак, как он узнаёт у своего двоюродного брата, где комната Вишенки, а потом спускается вниз по стене к постели мальчика и, тихонько разбудив его, передаёт письма.

Чиполлино места себе не находил. С часу на час, с минуты на минуту ожидал он возвращения почтальона. Но прошёл второй, третий день, а Хромоног всё ещё не показывался. Заключённые были очень встревожены отсутствием писем. Перед уходом почтальон никому из них не сообщил о своём тайном поручении, а сказал, что берёт на два дня отпуск. Почему же он не возвращается? Уж не решил ли он навсегда покинуть тюрьму и отправиться в деревню, о чём так давно мечтал? Заключённые не знали, что и подумать. Но больше всех беспокоился Чиполлино.

На четвёртый день арестантов вывели на прогулку. Чиполлино стал искать глазами отца, но его на дворе не было, и никто не мог сказать, что с ним. Обойдя несколько раз тюремный двор, Чиполлино вернулся в свою камеру и в отчаянии бросился на койку. Он почти утратил всякую надежду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Приключения паука Хромонога и паука Семь-с-половиной

Что же случилось с пауком-почтальоном?

Сейчас я вам всё расскажу.

Выйдя из тюрьмы, он пошёл по улице, держась поближе к тротуару, чтобы его не раздавили телеги, коляски и кареты. Но тут он чуть было не угодил под

колесо велосипеда и был бы раздавлен, если б не успел отскочить в сторону.

«Батюшки мои! — подумал он испуганно. — Моё путешествие чуть не кончилось прежде, чем началось».

К счастью, он увидел неподалёку открытый люк и спустился в сточную трубу. Едва он туда залез, кто-то окликнул его по имени. Паук оглянулся и увидел своего дальнего родственника. Родственник этот жил раньше на кухне графского замка. Звали его Семь-с-половиной, потому что у него было семь с половиной ног: половину восьмой ноги он потерял из-за несчастного случая — после неудачного столкновения с половой щёткой.

Хромоног вежливо поздоровался со старым знакомым, и Семь-с-половиной пошёл с ним рядом, болтая о том о сём, а больше всего — о том, как он потерял половину восьмой ноги.

Семь-с-половиной то и дело останавливался, чтобы рассказать поподробнее о своей роковой встрече со злополучной щёткой, но Хромоног тащил его дальше, не поддаваясь искушению поболтать по душам со своим спутником.

— Куда же ты так спешишь? — спросил наконец Семь-с-половиной.

— К двоюродному брату, — уклончиво ответил Хромоног.

В тюрьме он научился хранить тайны и поэтому умолчал о том, что несёт письма от Чиполлино к Вишенке и Кроту.

— К двоюродному брату? — переспросил Семь-с-половиной. — К тому, что живёт в замке? Он меня давно зовёт пожить недельку у него на чердаке. Так знаешь что, я пойду с тобой вместе — сейчас у меня нет никаких срочных дел.

Хромоног не знал, радоваться ли ему компании или нет. Но потом он решил, что вдвоём идти веселее, да к тому же этот неожиданный спутник может оказать ему помощь, если с ним случится какая-нибудь беда.

— Что ж, пойдём, — приветливо сказал он. — Но только не можешь ли ты идти немного быстрее? Дело в том, что у меня есть важное поручение, и я не хотел бы запаздывать.

— Ты всё ещё служишь почтальоном в тюрьме? — спросил Семь-с-половиной.

— Нет, я уволился, — ответил Хромоног.

Хотя Семь-с-половиной был его приятелем и даже родственником, но о некоторых вещах не следует говорить даже самым закадычным друзьям.

Мирно беседуя, они вышли за пределы города и позволили себе наконец вылезти из сточной трубы.

Хромоног вздохнул с облегчением, потому что в трубе был такой спёртый воздух, что у него кружилась голова.

Вскоре оба спутника оказались в поле. Был чудесный день, ветер слегка шевелил душистую траву. Семь-с-половиной так жадно разевал рот, будто хотел разом вдохнуть в себя весь воздух.

— Как тут прекрасно! — восклицал он. — Вот уже три года, как я носа не высовывал из моей душной сточной трубы. А теперь, кажется, я ни за что не вернусь обратно. Не поселиться ли мне здесь, в этой тихой и пустынной сельской местности?

— Кажется, местность эта довольно густо заселена, — возразил Хромоног, указывая своему товарищу на длинную вереницу муравьёв, которые тащили гусеницу в муравейник.

— Городским синьорам, по-видимому, не нравится наше деревенское общество, — ехидно заметил Кузнечик, сидевший на пороге своей норки.

Семь-с-половиной захотел во что бы то ни стало остановиться и объяснить кузнечнику, что именно он думает о деревенском обществе. Кузнечик ответил. Семь-с-половиной возразил. Кузнечик протрещал что-то. Семь-с-половиной не согласился с ним.

В общем, разговор затянулся, а время шло, не останавливаясь ни на минуту.

Вокруг спорящих собралось много всякого народу: кузнечики, жуки, божьи коровки и — на значительном расстоянии — даже несколько отважных мошек. Воробей, который до этого делал вид, будто регулирует уличное движение, обратил внимание на это сборище и подлетел, чтобы рассеять его. Тут он сразу же заметил Семь-с-половиной.

— Чик-чирик! Недурной кусочек для моих воробышков! — прочирикал он.

Хорошо ещё, что какая-то мошка вовремя подняла тревогу:

— Спасайтесь! Спасайтесь! Полиция!

В один миг все жуки, божьи коровки исчезли, словно их поглотила земля. Семь-с-половиной и Хромоног укрылись в норке Кузнечика, который поспешно закрыл входную дверь и стал у порога на страже.

Семь-с-половиной весь дрожал от страха, а Хромоног начал уже раскаиваться в том, что взял с собой такого болтливого спутника, который затеял спор с первым встречным и привлёк внимание полиции.

«Ну вот, меня уже взяли на заметку,— думал старый почтальон.— Воробей, конечно, записал меня в свою книжечку. А уж раз попадёшь в эту книжечку — добра не жди!»

Он повернулся к Семи-с-половиной и сказал ему:

— Послушай, кум, видишь ли, путешествие наше становится очень опасным. Может быть, нам следует расстаться?

— Ты меня, право, удивляешь! — воскликнул Семь-с-половиной. — Сначала ты сам уговаривал меня идти с тобой, а теперь хочешь оставить меня в беде. Хороший же ты друг, нечего сказать!

— Да ведь это же ты предложил идти со мной вместе! Ну да ладно, дело не в этом. Я иду в замок

с важным поручением и не намерен сидеть в этой норке целый день, хоть я и очень благодарен Кузнечику за его гостеприимство.

— Хорошо, я пойду с тобой, — согласился Семь-с-половиной. — Я обещал твоему двоюродному брату навестить его и хочу сдержать слово.

— Так пойдём же! — сказал Хромоног.

— Подождите минутку, синьоры: я выгляну за дверь и узнаю, где полиция, — предложил осторожный Кузнечик.

Оказалось, что Воробей был всё ещё на своём посту. Он летал низко над землёй и внимательно осматривал траву.

Семь-с-половиной озабоченно вздохнул и сказал, что при таких обстоятельствах он не сделает ни шагу.

— Ну, если так, я пойду один! — решительно заявил Хромоног.

— Что ты, я ни за что не позволю тебе рисковать жизнью! — возмутился Семь-с-половиной. — Я знал твоего покойного отца и ради его памяти должен помешать тебе идти навстречу верной гибели!

Оставалось сидеть и ждать. А так как Воробей был неумом и не желал убраться на покой, то весь день прошёл в томительном ожидании. Только на закате полиция наконец удалилась в свои казармы — на кипарисы у кладбища, — и наши путешественники решились снова пуститься в путь.

Хромоног был очень огорчён тем, что потерял целый день.

За ночь они могли бы наверстать потерянное время и уйти довольно далеко, но внезапно Семь-с-половиной объявил, что он очень устал и хочет отдохнуть.

— Это невозможно, — запротестовал Хромоног. — Совершенно невозможно! Я не могу больше останавливаться в пути.

— Значит, ты хочешь бросить меня на полдороге ночью? Так-то ты обходишься со старым другом твоего отца! Хотел бы я, чтобы этот бедный старик был жив и хорошенько пробрал тебя за бессердечное отношение к родственникам!

Хромоногу пришлось и на этот раз покориться. Путники отыскивали удобное местечко за водосточной трубой какой-то церкви и устроились на отдых.

Нет нужды говорить, что Хромоног всю ночь не мог сомкнуть глаз и с яростью смотрел на своего товарища по путешествию, который блаженно похрапывал.

«Если бы не этот трус и болтун, я бы сейчас был уже на месте, а может быть, и на обратном пути!» — думал он.

Едва небо просветлело на востоке, он без лишних проволочек разбудил Семь-с-половиной.

— В путь! — приказал он.

Но ему ещё пришлось подождать, пока Семь-с-половиной приведёт себя в порядок. Старый бездельник аккуратно почистил все свои семь с половиной ног и только после этого заявил, что готов двинуться дальше.

Утро прошло без особых приключений.

Около полудня путники оказались на широкой гладко утоптанной площадке, испещрённой множеством непонятных следов.

— Странное место! — сказал Семь-с-половиной. — Можно подумать, что здесь прошла целая армия.

В конце площадки виднелась низкая постройка, из которой доносились громкие, тревожные голоса.

— Я не любопытен, — забормотал Семь-с-половиной, — но я бы отдал вторую половину своей восьмой лапки, чтобы узнать, где мы находимся и кто там живёт!

Но Хромоног быстро шёл вперёд, не оглядываясь по сторонам. Он смертельно устал, потому что не спал всю ночь, и у него болела голова от жары. Ему казалось, что он никогда не доберётся до замка, словно по мере их пути замок не приближался, а отдалялся. Кто знает, не сбились ли они с дороги: ведь сейчас уже должны были показаться вдали высокие башни замка... Да, конечно, они заблудились в пути. Ведь оба они стары и не носят очков (потому что никто ещё никогда не видел паука в очках). Могло случиться, что они прошли мимо замка, не заметив его.

Хромоног был весь погружён в свои печальные размышления, когда маленькая зелёная гусеница стрелой промчалась мимо него с криком:

— Спасайся, кто может! Куры!

— Мы пропали! — прошептал в ужасе Семь-с-половиной, который слышал не раз об этих огромных и прожорливых птицах.

Не помня себя, пустился он бежать, быстро перебирая своими семью длинными и тонкими ногами и припрыгивая на культияпке восьмой.

Его хромой спутник не был так проворен, во-первых, потому, что был слишком занят своими мыслями, а во-вторых, ему никогда ещё не приходилось встречаться с курами и даже слышать о них. Но когда одна из этих незнакомых страшных птиц занесла над ним свой клюв, у него хватило присутствия духа швырнуть сумку с письмами товарищу и крикнуть ему на прощание:

— Отнеси...

Но у него уже не осталось времени сказать, кому предназначались эти письма. Курица проглотила его в один миг.

Бедный хромой почтальон! Ему уже не придётся больше разносить почту из камеры в камеру и болтать с заключёнными. Никто не увидит больше, как он, ковыляя, карабкается по сырым, мрачным стенам тюрьмы...

Гибель товарища была спасением для Семи-с-половиной. Он успел ускользнуть за сетку, которой были огорожены курятник и площадка, и оказался в безопасности прежде, чем курица обернулась в его сторону. После этого он надолго потерял сознание.

Когда Семь-с-половиной пришёл в себя, то никак не мог сообразить, где он находится. Солнце уже заходило — значит, он пролежал в обмороке несколько часов.

В двух шагах от себя он увидел страшный профиль курицы, которая всё это время не теряла его из виду и тщетно старалась просунуть клюв через дырочки частой проволочной сетки.

Этот ужасный клюв сразу напомнил ему о печальной кончине Хромонога. Семь-с-половиной вздохнул об участи погибшего друга и попытался сдвинуться с места. Тут только он обнаружил, что его искалеченная восьмая нога придавлена какой-то тяжестью. Это была почтовая сумка, которую Хромоног бросил ему перед смертью.

«Мой храбрый друг завещал мне отнести письма кому-то, — подумал Семь-с-половиной. — Но кому, куда?.. Не лучше ли бросить эту сумку с письмами в первую же канаву и вернуться в сточную трубу? Там

нет ни воробьёв, ни кур. Правда, в трубе очень душно, но зато вполне безопасно. Впрочем, пожалуй, я загляну в сумку, но только из любопытства».

Он начал читать письма и не мог удержаться от слёз. Ему пришлось смахнуть не одну слезу, чтобы иметь возможность продолжать чтение.

— И он не сказал мне ни слова о своём поручении. А я-то ничего не знал и задерживал его своей болтовнёй в то время, как ему нужно было так спешить! Нет, нет, теперь мне всё ясно: по моей вине погиб

Хромоног, и я обязан выполнить его последнюю волю. Пусть мне суждено умереть, зато, по крайней мере, я сделаю что-нибудь, чтобы почтить память верного друга.

Семь-с-половиной пустился в путь, даже не дав себе времени поспать, и на заре благополучно прибыл в замок. Он легко нашёл дорогу на чердак и был радостно встречен своим родственником-пауком. После краткой беседы обо всём, что случилось, оба они передали письма Вишенке, который всё ещё сидел на чердаке, наказанный за участие в мятеже. Потом паук, проживающий в замке, предложил Семь-с-половиной провести у него всё лето, и старый болтун охотно согласился: обратный путь казался ему слишком страшным.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

*в которой рассказывается о Лимонишке,
не знавшем арифметики*

Однажды утром Лимонишка, который носил Чиполлино похлёбку, поставил на землю миску, строго посмотрел на Чиполлино и пробурчал:

— Твоему старику плохо. Он очень болен.

Чиполлино хотел узнать об отце побольше, но Лимонишка, уклонившись от разговора, сказал только, что старый Чиполлоне так слаб, что не может выйти из камеры.

— Смотри никому не проболтайся о том, что я тебе сказал! — добавил Лимонишка. — Я могу потерять место, а мне ведь семью кормить надо.

Чиполлино обещал молчать. Да и без всякого обещания он не захотел бы подвести этого пожилого семейного человека, одетого в лимонную форму. Ясно было, что он служил тюремщиком только потому, что не мог найти лучшего ремесла, чтобы прокормить своих детей.

В этот день полагалась прогулка. Заключённые вышли на двор и начали ходить по кругу. Лимонишка отбивал такт на барабане:

— Раз-два, раз-два!

«Раз-два! — повторял про себя Чиполлино. — Мой почтальон пропал бесследно, словно в воду канул. Десять дней прошло с тех пор, как он ушел, и на возвра-

щение нет никакой надежды. Он никому не передал моих писем, иначе Крот был бы уже здесь. Раз-два!.. Отец болен — значит, и думать сейчас о бегстве нечего. Как унести больного из тюрьмы? Как лечить его? Ведь кто знает, сколько времени придётся нам скрываться в лесу или на болоте, без крыши над головой, без врачей и лекарств... Эх, Чиполлино, перестань и думать о свободе и приготовься прожить в тюрьме многие годы, а может быть, и всю жизнь... И останься тут после смерти», — прибавил он мысленно, поглядев на тюремное кладбище, которое виднелось за окошечком в стене, окружавшей тюремный двор.

В этот день прогулка была ещё более унылой, чем обычно. Заключённые в своих полосатых арестантских куртках и штанах брели по двору, сгорбившись. Никто даже не попытался на этот раз обменяться несколькими словами с товарищем, как это бывало обычно.

Все мечтали о свободе, но в этот день свобода казалась такой далёкой! Дальше, чем солнце, прячущееся за тучами в дождливый день. А тут ещё, словно нарочно, начал накрапывать мелкий, холодный дождь, и заключённые, зябко подёргивая плечами, продолжали свою прогулку, которая, по тюремным правилам, полагалась в любую погоду. Вдруг Чиполлино услышал, — или, может быть, ему только показалось? — будто его кто-то зовёт.

— Чиполлино, — повторил ещё более внятно знакомый глухой голос, — задержись немного на следующем кругу.

«Крот, — подумал Чиполлино, и вся кровь бросилась ему в лицо от радости. — Он пришёл! Он здесь!»

Но только как же быть с отцом, запертым в камере?

Чиполлино так спешил поскорее добраться до того места, откуда он слышал голос Крота, что наступил на пятки шедшему впереди арестанту. Тот обернулся и проворчал:

— Ты гляди, куда ноги ставишь!

— Не сердись, — прошептал Чиполлино. — Передай по кругу, что через четверть часа мы все выйдем из тюрьмы.

— Да ты с ума сошёл! — изумился заключённый.

— Делай, что я тебе говорю. Передай, чтобы все были наготове. Мы убежим ещё до конца прогулки.

Заключённый решил, что если он передаст это, то большой беды не случится.

Прежде чем люди успели обойти круг, их походка стала твёрже и бодрее. Спины выпрямились. Даже Лимонишка, который бил в барабан, почувствовал это и решил похвалить арестантов.

— Вот и хорошо! — закричал он. — Так, так! Грудь вперёд, живот убрать. Плечи назад... Раз-два, раз-два!..

Это было уже похоже не на прогулку заключённых, а на военную маршировку.

Когда Чиполлино дошёл до того места, откуда его окликнул Крот, он замедлил шаг и прислушался.

— Подземный ход готов, — донеслись до него слова из-под земли. — Тебе нужно только прыгнуть на один шаг влево, и земля провалится у тебя под ногами. Мы оставили сверху только самый тонкий слой...

— Хорошо, но давай подождём до следующего круга, — тихо ответил Чиполлино.

Крот сказал ещё что-то, но Чиполлино уже прошёл мимо.

Он снова наступил на пятки переднему арестанту и шепнул:

— В следующий обход, когда я тебя толкну ногой, сделай шаг влево и подпрыгни. Только посильнее топни при этом!

Заключённый хотел спросить что-то, но в этот миг барабанщик посмотрел в их сторону.

Нужно было как-нибудь отвлечь его внимание. По всему кругу пробежал приглушённый шёпот, а потом один из заключённых громко вскрикнул:

— Ай!

— Что там случилось? — рявкнул Лимонишка, обернувшись к нему.

— Мне на могиль наступили! — жалобно ответил арестант.

В то время как Лимонишка угрожающе смотрел в противоположную сторону, Чиполлино приблизился к месту, где был ход в подземную галерею, выкопанную кротами. Он толкнул ногой товарища, шедшего впереди. Тот отскочил влево, подпрыгнул и сейчас же исчез. В земле осталось отверстие, достаточно широкое, чтобы в него мог провалиться человек. Чиполлино пустил по кругу распоряжение:

— С каждым обходом будет исчезать тот, кого я толкну ногой.

Так и пошло. В каждый обход кто-нибудь прыгал влево, в дырку, и пропадал бесследно. Чтобы Лимонишка не заметил этого, кто-нибудь на противоположной стороне круга поднимал крик:

— Ай-ай!

— Что там такое? — спрашивал Лимонишка грозно.

— Мне отдавили мозоль! — слышался один и тот же ответ.

— Сегодня вы только и делаете, что наступаете друг другу на ноги. Будьте повнимательнее!

После пяти-шести кругов Лимонишка стал озабоченно посматривать на кольцо арестантов, ходивших вокруг него.

«Странно! — думал он. — Я могу поклясться, что людей стало меньше».

Но потом он решил, что это ему только показалось. Куда же они денутся! Ворота закрыты, стены высокие.

— И всё-таки, — бормотал он, — мне сдаётся, что их стало меньше.

Желая убедиться, что он ошибся, Лимонишка начал считать арестантов, но так как они ходили по кругу, то он никак не мог запомнить, с кого же он начал, и некоторых сосчитал по два раза. Счёт никак не сходился: получалось, что заключённых не убавилось, а прибавилось.

«Как это может быть? Не могут же они делиться на части. Какая глупая штука — арифметика!»

Вы, наверное, уже поняли, что Лимонишка не был силен в этой науке. Он снова начал счёт, но число заключённых то уменьшалось, то увеличивалось. Наконец он решил бросить это дело, чтобы не запутаться окончательно. И тут, посмотрев на круг, он в ужасе протёр глаза: возможно ли это? Арестантов стало чуть ли не вдвое меньше!

Он поднял глаза к небу, пытаясь разглядеть, не улетел ли кто-нибудь из них за облака, и как раз в это самое время ещё один человек прыгнул в подземелье и мгновенно исчез.

Теперь их осталось всего двадцать восемь. Среди них был и Чиполлино, который не переставал думать о своём отце. Каждый раз, когда какой-нибудь

арстант впереди него исчезал под землёй, у мальчика сжималось сердце: «Ах, если бы это был мой отец!»

Но старый Чиполлоне был заперт в своей камере, — нечего было и думать о его освобождении.

В конце концов Чиполлино решил, что поможет бежать всем заключённым, а сам останется в тюрьме с отцом. Не нужна была ему свобода, если ею не мог воспользоваться вместе с ним и старый Чиполлоне.

Теперь оставалось всего пятнадцать заключённых... десять... девять, восемь, семь... Ошеломлённый Лимонишка машинально продолжал бить в барабан.

«Какой чёрт шутит со мной! — думал он тревожно. — С каждым обходом по одному человеку пропада-

ет. Что же мне делать? До окончания прогулки осталось ещё семь минут — правило есть правило. А что, если до конца прогулки они все исчезнут?.. Сколько их там осталось? Один, два, три, четыре, пять, шесть... Да что я говорю: их уже только пятеро!*

Чиполлино был очень огорчён. Он попытался было окликнуть Крота, но не получил ответа. А ему так хотелось объяснить своему доброму другу, почему сам он не может бежать...

Как раз в эту минуту Лимонишка опомнился и решил положить конец этому колдовству, из-за которого у него так таинственно исчезли все арестанты. Он завопил:

— Стой! Ни с места!

Чиполлино и ещё четверо заключённых остановились и посмотрели друг на друга.

— Скорее бегите,— закричал Чиполлино,— пока Лимонишка не поднял тревогу!

Заклучённые не заставили себя просить дважды и один за другим попрыгали в яму. Чиполлино печально посмотрел им вслед, но вдруг почувствовал, что его хватают за ноги. Товарищи угадали, что он решил остаться, и без долгих разговоров затащили его в подземную галерею.

— Не будь дураком,— сказали они.— Если будешь на свободе, ты скорее поможешь своему отцу. Бежим, бежим, пока не поздно!

— Подождите и меня! — неожиданно закричал Лимонишка, который наконец понял, в чём дело.— И я с вами! Не оставляйте меня здесь: ведь принц повесит меня за ваш побег!

— Ладно, возьмём его с собой,— согласился Чиполлино.— Ведь этому Лимонишке мы тоже немного обязаны тем, что нам так легко удалось бежать.

— Поторопитесь,— услышался глухой голос за его спиной.— Здесь невыносимо светло, а я совсем не желаю ослепнуть или погибнуть от солнечного удара!

— Мой добрый, старый Крот,— сказал Чиполлино,— подумай сам, разве я могу бежать? Отец болен и заперт в своей камере!

Крот почесал затылок.

— Я знаю, где его камера,— сказал он.— Я хорошо изучил план тюрьмы, который ты мне прислал. Но

есть ли у нас время? Тебе нужно было предупредить меня заранее.

Он испустил призывный клич, и в то же мгновение появилось около сотни кротов.

— Ребята, нам нужно вырыть ещё один ход — вон до того угла тюрьмы,— сказал старый Крот.— Ну что, выроем?

— Что за вопрос! В четверть часа всё будет сделано.

Кроты, не задумываясь, принялись за работу. В несколько минут они добрались до тесной клетки, где находился старый Чиполлоне. Чиполлино первым проник в камеру. Его отец лежал на койке и бредил.

Едва они унесли старика через подземный ход, как в камеру ворвались Лимонишки, которые метались по всей тюрьме в поисках заключённых, не понимая, каким образом они исчезли.

Когда наконец тюремщики сообразили, что произошло, они так испугались наказания, которому их неизбежно подвергнет Лимон, что все разом побросали оружие и, в свою очередь, ринулись в коридор, вырытый кротами.

Выйдя в поле, они попрятались по домам у крестьян, сбросили свою лимонную форму и надели рабочее платье. Говорят, они побросали также и колокольчики, которые были у них на шапках. Давайте-ка соберём эти колокольчики и отдадим ребятишкам — пускай воняют во всю мочу!

Ну а Чиполлино? Что с ним случилось дальше?

Старый Крот и Чиполлино, полагая, что бежавшие из тюрьмы Лимонишки гонятся за ними, вырыли для себя другой ход. Вот почему Лимонишки так их и не догнали.

Где же они сейчас находятся?

Потерпите — узнаете.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гонки с препятствиями

Принц устроил большой праздник.

«Моим подданным необходимы развлечения,— решил принц Лимон,— тогда им некогда будет думать о своих бедах и нуждах».

Он придумал конские состязания, в которых должны были участвовать все придворные Лимоны первого, второго и третьего классов. Разумеется, в качестве наездников, а не лошадей.

Эти состязания были особенные: лошади должны были тянуть колесницы с тормозами.

Сам принц перед состязаниями осмотрел эти тормоза, чтобы удостовериться, действуют ли они.

Они так хорошо действовали, что колёса совсем не вертелись. Поэтому лошадям было во сто раз труднее тянуть колесницу.

Когда принц подал сигнал, лошади ударили копытами о землю и напрягли все мускулы, роняя пену с удил. Но колесницы даже не сдвинулись с места. Тогда Лимончики-наездники пустили в ход длинные бичи. Это помогло. Колесницы сдвинулись на несколько сантиметров, и принц Лимон захлопал в ладоши. Потом он сам вышел на арену и начал хлестать лошадей одну за другой. Очевидно, это занятие доставляло ему огромное удовольствие.

— Соболаговолите, ваше высочество, подхлестнуть и моих! — кричали Лимоны, чтобы сделать ему приятное.

Принц Лимон щёлкал бичом изо всех сил. Наездники, стоя в колесницах, тоже осыпали лошадей ударами. Каждый удар бича оставлял на спине у лошади длинную белую полосу, но принца это не смущало — он был очень горд придуманной им забавой.

— Любая лошадь способна бежать, если ей ничто не мешает, — говорил он. — А я хочу посмотреть, могут ли они бежать, если их удерживаешь.

У бедных лошадей, обезумевших от боли и напряжения, подгибались ноги.

Зрители возмущались, но вынуждены были смотреть на это дикое состязание или, вернее сказать, истязание, ибо если уж принц решил, что люди должны развлекаться, то их развлекали насильно.

Но вдруг принц замер на месте с поднятым бичом и так вытаращил глаза, что они чуть было не выскочили у него из орбит. Ноги у него задрожали, лицо ещё больше пожелтело, и волосы под жёлтой шапочкой стали дыбом, так что золотой колокольчик затрясся и отчаянно задребезжал.

Принц увидел, как земля разверзлась у самых его ног. Да, да, разверзлась земля!

Сначала появилась трещина, потом другая, потом на арене вырос небольшой бугорок, похожий на тот, какие оставляют кроты на полях. Затем на верхушке бугорка образовалось отверстие. Оно расширилось, из него показалась голова, плечи, и какое-то живое существо быстро вылезло из-под земли, помогая себе локтями и коленями. Это был Чиполлино.

Из норки послышался тревожный голос старого Крота:

— Вернись назад, Чиполлино, мы ошиблись дорогой! Вернись!

Но Чиполлино уже ничего не слышал. Увидев прямо перед собой бледное, покрытое испариной лицо принца, который так и застыл с бичом в руке, словно превратившись в соляной столб, Чиполлино весь затрясся от ярости.

Не задумываясь над тем, что он делает, мальчик бросился к правителю и вырвал у него из руки бич. Принц и опомниться не успел, как Чиполлино щёлкнул бичом в воздухе, как бы испытывая его, а затем размахнулся и полоснул по спине принца.

Правитель был так ошеломлён, что и не подумал уклониться от удара, обрушившегося на него.

— О-о-о! — завопил принц.

Чиполлино опять взмахнул бичом и нанёс ему новый удар, посильнее прежнего.

Тогда правитель повернулся и бросился наутёк.

Это было сигналом. Вслед за Чиполлино из-под земли появились и остальные заключённые, бежавшие из тюрьмы. Народ приветствовал их криками радости. Отцы увидели сыновей, жёны узнали мужей.

В одно мгновение цепь полицейских была прорвана, толпа хлынула на арену и понесла на руках освобождённых пленников.

Придворные гонщики хотели было умчаться на своих колесницах прочь, но, как они ни хлестали коней, колёса не могли сдвинуться с места. Придворных схватили и связали по рукам и ногам.

Однако сам принц всё же успел вскочить в свою карету, которая не участвовала в гонках и поэтому была без тормозов. Принцу удалось вовремя удрать. Но он не решился укрыться в своём деорце, а помчал-

ся в поле, подгоняя лошадей неистовым криком. Послушные лошади понеслись таким галопом, что карета в конце концов опрокинулась, и правитель угодил головой прямо в рыхлую кучу, предназначенную для удобрения полей.

«Самое подходящее для него место!» — сказал бы Чиполлино, если бы увидел, что случилось с принцем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Синьор Помидор устанавливает налог на погоду

В то самое время, когда в городе происходили эти события, в зале замка графинь Вишен, который время от времени превращался в зал суда, синьор Помидор собрал всех жителей деревни, чтобы объявить им весьма важное решение.

Председатель суда, конечно, был всё тот же кавалер Помидор, адвокатом — синьор Горошек, а секретарём — синьор Петрушка. Левой рукой он записывал в протокол речи сторон и решения суда, а в правой

держал свой клетчатый носовой платок, которым пользовался чуть ли не каждую минуту. Народ был не на шутку встревожен, потому что всякое заседание судебного трибунала сулило ему одни неприятности. На прошлом заседании трибунал постановил, что не только земля, но и воздух в деревне является собственностью графинь Вишен, и поэтому все, кто дышит, должны платить деньги за аренду воздуха. Раз в месяц кавалер Помидор обходил деревенские дома и заставлял крестьян глубоко дышать в его присутствии. По очереди он измерял у них объём груди после вдоха и выдоха, затем производил подсчёт и устанавливал, какая сумма причитается с каждого потребителя воздуха. Кум Тыква, который, как известно, очень часто вздыхал, платил, конечно, больше всех. Чего же ещё потребуют от крестьян владелицы замка?

Кавалер Помидор взял слово первым:

— За последнее время доходы замка заметно уменьшились. А ведь вы знаете, что наши бедные графини — вдовы и круглые сироты — живут только до-

ходами с принадлежащей им земли и, кроме себя самих, вынуждены содержать ещё и своих родственников, герцога Мандарина и барона Апельсина, чтобы не дать им умереть с голоду...

Мастер Виноградинка украдкой поглядел на барона, который сидел в уголку, скромно опустив глаза, и утолял свой голод жареным зайцем с гарниром из воробышков.

— Нечего оглядываться по сторонам! — сурово прикрикнул синьор Помидор. — Если вы будете вертеть головой, я прикажу очистить помещение!

Мастер Виноградинка поспешил устремить взор на кончики собственных башмаков.

— Благородные графини, наши высокочтимые хозяйки, представили в суд прошение, написанное, как этого требует закон, на гербовой бумаге, дабы добиться признания одного из своих неотъемлемых прав... Адвокат, прочтите документ!

Синьор Горошек встал, откашлялся, набрал в лёгкие побольше воздуха и начал читать документ медленно и внушительно:

— «Нижеподписавшиеся, графиня Старшая и графиня Младшая из почтенного рода Вишен, утверждают, что, будучи владелицами воздуха в своём имении, они должны быть признаны также и владелицами всех осадков, выпадающих в течение года. Посему они просят суд подтвердить, что каждый житель деревни должен уплачивать им арендную плату в сумме ста лир за простой дождь, двухсот лир за ливень с громом и молнией, трехсот лир за снег и четырёхсот лир за град». Следуют подписи: «Графиня Вишня Старшая. Графиня Вишня Младшая».

Синьор Горошек сел. Председатель спросил:

— Вы говорите, что прошение написано на гербовой бумаге?

— Да, синьор председатель, — ответил синьор Горошек, снова вскакивая на ноги, — на гербовой.

— Подлинность подписей обеих графинь установлена?

— Установлена.

— Прекрасно, — заявил синьор Помидор. — Если прошение написано на гербовой бумаге и подписи действительны, то всё ясно. Суд удаляется на совещание.

Кавалер встал, завернулся в чёрную мантию, которая то и дело сползала у него с плеч, и вышел в соседнюю комнату, чтобы принять решение.

Скрипач Груша подтолкнул своего соседа Лука Порей и спросил у него шёпотом:

— По-твоему, это справедливо, что мы должны платить за град? Ну, я понимаю ещё — за дождик и за снег, которые приносят пользу посевам. Но ведь град и сам по себе большое несчастье, а за него требуют самую большую плату!

Лук Порей не ответил, — он задумчиво поглаживал свои длинные усы.

Мастер Виноградинка растерянно шарил в карманах. Он искал шило, чтобы почесать затылок, но вдруг вспомнил, что, прежде чем войти в зал, жители деревни должны были сдать оружие, холодное и огнестрельное. Огнестрельного у них не оказалось, а шило было признано холодным оружием.

В ожидании приговора суда синьор Петрушка не сводил глаз с присутствующих и записывал у себя в книжечке:

«Груша шептался. Лук Порей приглаживал усы. Кума Тыквочка ёрзала на месте. Кум Тыква глубоко вздохнул два раза».

Так записывает на доске имена своих товарищей школьник, которому учительница поручила наблюдать за классом, пока она беседует с кем-нибудь в коридоре.

В графе «примерных» синьор Петрушка записывал:

«Герцог М. ведёт себя отлично. Барон А. — очень хорошо. Он не встаёт с места, соблюдает тишину и ест тридцать четвёртого воробышка».

«Эх, — думал мастер Виноградинка, почёсывая затылок ногтями за неимением шила, — если бы наш Чиполлино был здесь, не было бы всего этого безобразия! С тех пор как Чиполлино в тюрьме, с нами обращаются, как с рабами. Мы не можем пошевелиться без того, чтобы синьор Петрушка не записал нас в свою проклятую книжку».

Дело в том, что все те, кого синьор Петрушка записывал в графу «провинившихся», должны были платить штраф. Мастер Виноградинка почти ежедневно платил штраф, а иной раз и по два штрафа в день.

Наконец суд, то есть кавалер Помидор, вернулся в зал заседаний.

— Встать! — скомандовал синьор Петрушка, но сам, однако, остался сидеть.

— Внимание! Сейчас я оглашу решение суда,— сказал кавалер:— «Заслушав прошение графинь Вишен, суд постановил: признать, что вышеупомянутые графини имеют право взимать арендную плату за дождь, снег, град, а также за всякую погоду и непогоду, посылаемую небом. Посему суд устанавливает нижеследующее: каждый житель деревни, принадлежащей графиням Вишням, должен вносить за погоду плату, вдвое превышающую сумму, требуемую графинями...»

В зале послышался ропот.

— Молчать! — закричал кавалер Помидор.— Иначе я сейчас же прикажу очистить помещение. Я ещё не кончил: «Суд постановил, что вышеупомянутые граждане должны также вносить арендную плату за росу, иней, туман и другие виды сырости. Постановление входит в силу с нынешнего дня».

Все испуганно посмотрели в окно, надеясь увидеть чистое небо. Однако оказалось, что надвигается чёрная грозовая туча. В стекло ударило несколько градин.

«Батюшки мои! — подумал мастер Виноградинка, почёсывая затылок.— Вот и плати теперь восемьсот лир. Проклятые тучи!»

Синьор Помидор также посмотрел в окно, и его красное, широкое лицо засияло от радости.

— Ваша милость,— сказал ему синьор Горошек,— поздравляю вас! Вам везёт: барометр падает — будет ливень.

Все посмотрели на адвоката с ненавистью. Синьор Петрушка быстро оглядел присутствующих и записал в книжечку каждого, в чьих глазах можно было прочесть укор.

Когда и в самом деле разразилась гроза с громом, молнией, дождём и градом, синьор Горошек весело подмигнул синьору Петрушке, а мастер Виноградинка, едва дыша от бешенства, вынужден был ещё пристальнее рассматривать свои ботинки, чтобы снова не подвергнуться штрафу.

Жители деревни смотрели на ливень за окном, как на сущее бедствие. Гром казался им страшнее пушечной стрельбы, а молнии словно попадали им в самое сердце.

Синьор Петрушка помусолил чернильный карандаш и начал быстро подсчитывать, сколько заработают на этой «божьей милости» владелицы замка. Получилась внушительная цифра, а вместе со штрафом — ещё более внушительная.

Кума Тыквочка расплакалась. Жена Лука Порей последовала её примеру, припав к плечу своего мужа и вытирая слёзы его длинными усами.

Кавалер Помидор страшно обозлился, затопал ногами и выгнал их всех из зала.

Крестьяне вышли под дождь, смешанный с градом, и побрели в деревню. Они даже не торопились. Град бил им в лицо, струи дождя пробирались под одежду, но они будто и не чувствовали этого. Когда у тебя большое горе, мелких неприятностей уже не замечаешь.

Чтобы попасть в деревню, нужно было перейти через железную дорогу. Крестьяне остановились у шлагбаума, который был закрыт, так как через минуту должен был пройти поезд. Смотреть на поезд у шлагбаума всегда интересно. Видишь, как, пыхтя и дымя, подходит огромный чёрный паровоз с машинистом в будке. В окна вагонов смотрят пассажиры, которые возвращаются с ярмарки — крестьяне в плащах, их жёны, дети... Вот крестьянка с чёрным платком на голове. А в последнем вагоне...

— Праведное небо, — воскликнула кума Тыквочка, — посмотрите-ка на последний вагон!

— Кажется... — робко произнёс кум Тыква, — кажется, там медведи...

Действительно, у окна вагона стояли три медведя и с любопытством осматривали окрестности.

— Невиданное дело! — протянул Лук Порей.

Усы у него взъерошились от удивления.

Вдруг один из трёх медведей закивал головой и замахал лапой, будто приветствуя людей, которые мокли под дождём у шлагбаума.

— Чего это он зубы скалит? — проворчал мастер Виноградинка. — Ишь ты, медведь и тот позволяет себе издеваться над нами!

Но медведь всё ещё продолжал кланяться, и когда поезд уже прошёл, он высунулся из окошка и так махнул лапой, что чуть не вывалился. Хорошо, что два других медведя вовремя удержали его и втащили обратно.

Наши друзья дошли до станции как раз в ту минуту, когда поезд остановился. Медведи неторопливо вылезли из вагона, и самый старый из трёх предъявил контролёру билеты.

— Это, должно быть, медведи-акробаты из цирка,— сказал мастер Виноградинка.— Наверно, представлять будут. Сейчас явится их укротитель — старик с деревянной дудкой.

Укротитель и в самом деле вскоре явился, но оказался не стариком, а мальчиком в зелёном беретике и синих штанах с пёстрой заплатой на коленке. Лицо у него было живое, весёлое и будто очень знакомое каждому из жителей деревни.

— Чиполлино! — закричал Виноградинка, бросившись к нему.

Да, это действительно был Чиполлино. Перед возвращением в деревню он забежал в зоологический сад и освободил медведей. Сторож на этот раз так крепко спал, что можно было бы увести не только медведей, но и слона, если бы только тот согласился бежать из зоологического сада. Но старый слон не поверил, что пришла свобода, и остался в слоновнике писать свои воспоминания...

Сколько тут было объятий, поцелуев, расспросов и рассказов! И всё это под проливным дождём. Ведь когда радуешься, не замечаешь мелких неприятностей, не боишься даже схватить простуду. Скрипач Груша не переставая пожимал лапу молодому медведю.

— Помните, как вы танцевали под мою скрипку? — спрашивал он, весело подмигивая.

Медведь прекрасно помнил это и тотчас же снова пустился в пляс, не дожидаясь музыки. Ребята весело хлопали в ладоши. Разумеется, Вишенке тут же дали знать о возвращении Чиполлино. Можете себе представить, как горячо они обнялись при встрече!

— Ну, а теперь поговорим о деле,— сказал Чиполлино.— Я должен сообщить вам, что я задумал.

Пока Чиполлино рассказывал друзьям, что он задумал, пойдём да узнаем, как поживает принц Лимон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Гроза, которая никак не может кончиться

Мы продержали принца в навозной куче так долго потому, что в этом убежище он чувствовал себя в большей безопасности, чем в своей столице.

«Здесь тихо, тепло и спокойно,— думал он, то и дело отплёвываясь.— Я останусь здесь до тех пор, пока моя стража не восстановит в городе порядок».

Ведь этот надменный, жестокий, но трусливый принц удрал с арены, не оглядываясь назад, и поэтому не знал, что его стража перешла на сторону народа, его придворные попали в тюрьму и в стране провозглашена свободная республика.

Но когда хлынул дождь и холодные струи проникли в навозную кучу, правитель изменил своё намерение. «Становится сыро,— решил он,— надо поискать местечко посуше!»

Он заворочался, задрогал ногами и в конце концов выбрался из кучи.

Тут только он увидел, что находится в двух шагах от замка графинь Вишен.

«Ну и дурак же я! — подумал он, протирая глаза, залепленные грязью.— Лежу в этой проклятой навозной куче и не подозреваю, что отсюда рукой подать до графского замка, где так тепло и уютно».

Принц отряхнулся и направился к воротам, но вдруг услышал громкие голоса. Он спрятался за стог сена и пропустил мимо себя какую-то шумную компанию. (Вы знаете, из кого она состояла.) Затем принц поднялся по ступенькам замка и позвонил. Отперла ему Земляничка.

— Простите, сударь, хозяйки наши нищим не дают! — сказала девушка и захлопнула дверь перед самым его носом.

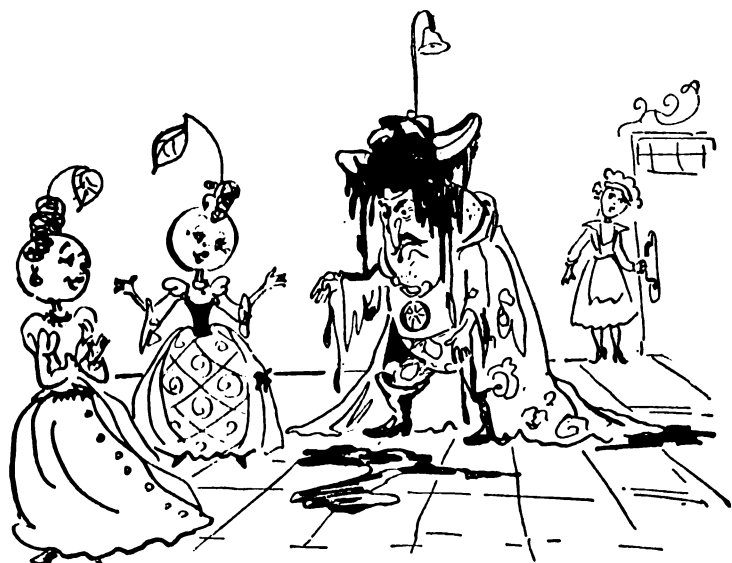
Принц забарабанил в дверь кулаками:

— Отвори! Какой я нищий? Я — правитель, принц Лимоц!

Земляничка снова приоткрыла дверь и участливо посмотрела на него.

— Бедняжка,— сказала она со вздохом,— ты, видно, от нужды с ума спятил!

— Какая там ещё нужда? Я богат, я очень богат!

— Если посмотреть на тебя, так этого ни за что не скажешь, — ответила Земляничка, качая головой.

— Нечего тут разговаривать! Пойди доложи обо мне графиням.

— Что тут происходит? — спросил синьор Петрушка, проходя мимо и оживлённо сморкаясь в свой клетчатый платок.

— Да вот этот нищий уверяет, будто он принц. Должно быть, сумасшедший.

Синьор Петрушка мгновенно узнал правителя, хотя узнать его было довольно мудрено.

— Я нарочно переоделся, чтобы поближе познакомиться с моим народом, — сказал принц Лимон, желая, видимо, оправдать свой несколько необычный вид.

— Пожалуйста, пожалуйста, ваше высочество, мы так счастливы вас видеть! — воскликнул синьор Петрушка, пытаясь поцеловать грязную руку принца.

Правитель вошёл в дверь, бросив мимоходом грозный взгляд на Земляничку. Графини так и ахнули, увидев странного гостя, но, узнав, кто он такой, принялись наперебой расхваливать его заботу о подданных.

— О ваше высочество, вы промокли насквозь! Ни один принц на свете не вышел бы на улицу в такую ужасную погоду.

— Я хотел узнать, как живёт мой народ,— ответил правитель и при этом ничуть не покраснел: ведь лимоны никогда не краснеют!

— Ваше высочество, каковы же ваши впечатления? — спросила графиня Старшая.

— Мой народ вполне счастлив и доволен,— заявил принц.— Нет народа счастливее, чем мой. Вот только сейчас мимо меня прошла очень весёлая компания... Ей даже дождь нипочём.

Принц и не знал, что говорит сущую правду: в этот день его народ был в самом деле очень счастлив, потому что избавился от своего правителя!

— Не угодно ли вашему высочеству потребовать лошадей, чтобы вернуться во дворец? — спросил синьор Помидор.

— Нет, нет, ни за что! — с тревогой ответил принц.— Я подожду здесь, пока не кончится эта страшная гроза...

— Я позволю себе почтительнейше заметить,— сказал несколько озадаченный синьор Помидор,— что гроза уже давно прошла и на дворе снова сияет солнце.

— Солнце? Сияет? — гневно переспросил принц.— Вы, кажется, осмеливаетесь противоречить мне!

— Я просто не понимаю вашей дерзости, синьор,— вмешался барон Апельсин.— Если его высочество находит, что на дворе гроза, значит, так оно и есть. Разве вы не слышите, как шумит дождь?

Все поспешили согласиться с бароном.

— Ах, эта гроза никогда не кончится! — сказала графиня Старшая, глядя в окно, за которым после недавнего дождя сверкали на чашечках цветов крупные капли.

— Ужасный ливень! Посмотрите, так и хлещет,— поддакнула графиня Младшая, следя за тем, как весело играет с золотыми рыбками в бассейне солнечный луч, прокравшийся из-за облачка.

— Слышите, как оглушительно гремит гром? — вставил словечко и герцог Мандарин, затыкая уши и закрывая глаза в притворном ужасе.

— Земляничка, Земляничка, где ты? — позвала

графиня Старшая слабеющим голосом.— Сейчас же прикрой все ставни! Все!

Земляничка прикрыла ставни, и в комнате стало темно, как в погребке.

Вскоре зажгли свечи, и большие тени запрыгали по стенам. Синьора графиня Старшая вздохнула:

— Ах, какая ужасная ночная гроза!

Принцу Лимону и в самом деле стало страшно.

— Жуткая ночь! — сказал он, стуча зубами.

Все остальные из вежливости тоже задрожали, как в лихорадке.

Синьор Помидор подошёл крадучись к окну и, чуть-чуть приоткрыв ставню, рискнул доложить:

— Прошу прощения у вашего высочества, но мне кажется, что гроза кончается.

— Нет, нет, что вы! — закричал принц, заметив косой солнечный луч, который попытался было проникнуть в комнату.

Кавалер Помидор поспешил захлопнуть ставню и подтвердил, что дождь по-прежнему льёт как из ведра.

— Ваше высочество,— робко предложил барон Апельсин, которому очень хотелось сесть поскорее за стол,— не хотите ли пообедать... то есть, виноват, поужинать?

Но его высочеству не угодно было ни обедать, ни ужинать.

— В такую погоду,— сказал он,— у меня не бывает аппетита.

Барон не мог понять, какое отношение имеет погода к аппетиту, но, поскольку все согласились с принцем, он тоже согласился:

— Я ведь только предложил, ваше высочество. Какая уж тут еда! У меня у самого от молнии и грома так сдавило горло, что я не мог бы проглотить и цыплёнка!

На самом же деле он был до того голоден, что с удовольствием сгрыз бы пару стульев, если бы не боялся противоречить его высочеству.

В конце концов принц, утомлённый волнениями, пережитыми за день, крепко заснул, сидя на стуле. Его прикрыли одеялом и потихоньку отправились в столовую ужинать. К этому времени и в самом деле стемнело.

За ужином синьор Помидор ел очень мало, а потом попросил у графинь разрешения встать из-за стола, так как его клонит ко сну.

На самом же деле синьор Помидор прокрался в сад и пошёл в деревню.

«Что такое случилось? — думал он, шагая по дороге. — Принц чем-то встревожен. Это очень подозрительно. Я не удивлюсь, если окажется, что произошла революция».

От этого слова у него забегали по спине мурашки. Он отогнал тревожную мысль, но она возвращалась снова и снова. Грозное слово так и прыгало у него перед глазами, пугая его каждой своей буквой: Р-е-в-о-л-ю-ц-и-я!!! Р-Рим, Е-Европа, В-Венеция и так далее... Революция...

Вдруг ему показалось, что кто-то идёт за ним следом. Он притаился за изгородью и стал ждать. Через минуту вдали показался синьор Горошек, который двигался так осторожно, словно шагал по сырым яйцам.

Адвокату еще в столовой поведение кавалера Помидора показалось подозрительным. Увидев, что кавалер выходит из комнаты, синьор Горошек поспешил отправиться за ним.

«Здесь что-нибудь да кроется, — думал он. — Не будем терять кавалера из виду!»

Синьор Помидор собирался уже выйти из своего убежища, как вдруг в отдалении мелькнула другая тень.

Кавалер ещё ниже пригнулся за изгородью, чтобы дать и этому пройти.

Человек, который шёл за синьором Горошком, был синьор Петрушка. Он заметил, как ускользнул из столовой адвокат, и решил последить за ним. Своим непомерно большим и чутким носом воспитатель Вишенки почуял, что случилось что-то серьёзное, и не хотел оставаться в неизвестности.

Однако синьор Петрушка и не подозревал, что за ним тоже следят. По его пятам крался герцог Мандарин.

— Я несколько не удивлюсь, если сейчас появится и барон Апельсин, — пробормотал синьор Помидор и затаил дыхание, чтобы не выдать себя.

Действительно, вскоре затарахтела тачка и показался барон. Увидев, что герцог куда-то ушёл, барон предположил, что его знатный родич отправился на какой-нибудь званный ужин, и, конечно, решил составить ему компанию. Бедняга-тряпичник тяжело отдувался, толкая тачку и не замечая в темноте ни ухабов, ни камней на дороге. Скрипучая тачка, на которой покоилось брюхо барона, то взлетала вверх, то падала в пропасть. При каждом таком взлёте и падении у барона захватывало дух, но он только стискивал зубы, чтобы не выдать себя нечаянным криком или стоном.

Барон оказался в этой странной процессии последним.

«Любопытно узнать, куда это они все направляются», — подумал синьор Помидор и вышел из-за изгороди.

Так они и ходили всю ночь друг за другом: синьор Горошек тщетно вглядывался в темноту, пытаясь найти синьора Помидора, который на самом деле шёл позади всех; синьор Петрушка неотступно крался за адвокатом; герцог следовал за синьором Петрушкой; барон не терял из виду герцога, а Помидор двигался по следам барона. Каждый внимательно следил за движениями переднего, не подозревая, что за ним самим шпионят.

Несколько раз Горошек и Петрушка менялись местами: то синьор Петрушка при помощи ловкого обходного манёвра оказывался впереди синьора Горошка, то Горошек обгонял Петрушку. Так, наблюдая друг за другом, они кружили всю ночь и, разумеется, ничего не узнали, а только выбились из сил.

Под утро все эти господа решили вернуться в замок. Встретившись в аллее парка, они вежливо раскланялись и осведомились о здоровье друг друга. О своих ночных похождениях они сочли нужным умолчать и наврали один другому с три короба.

— Где это вы были? — спросил у синьора Горошка синьор Помидор.

— Я был на крестинах у моего брата.

— Вот удивительно! Разве крестины бывают ночью?

— Днём у брата дела поважнее! — отвечал адвокат.

Кавалер Помидор усмехнулся: дело в том, что у синьора Горошка никаких братьев никогда не было.

Петрушка сказал, что ходил на почту отправлять письмо своим давно уже не существующим родителям. Герцог и барон, не сговорившись, объяснили, что ходили удить рыбу, хоть ни у того, ни у другого не было при себе удочки.

— Как же это мы не встретились на берегу? — спросил барон.

— Странно! — сказал герцог.

Все так устали, что шли с закрытыми глазами, и поэтому только один из них разглядел, что на башне замка развевается знамя Свободы.

Его вывесили ночью Вишенка и Чиполлино. Оба сидели теперь наверху, на башне, и ждали, что будет дальше.

ЭПИЛОГ,

в котором Помидор плачет второй раз

Тот, кто первым увидел на башне знамя Свободы, подумал было, что это новая проделка Вишенки. Он пришёл в ярость и решил немедленно сорвать это страшное знамя, а затем хорошенько отшлёпать юного графа, который на этот раз «перешёл все границы».

И вот этот синьор, задыхаясь от гнева, бежит вверх по лестнице, перескакивая через четыре ступеньки.

Он пыхтит, еле переводит дух и с каждым шагом всё больше краснеет и раздувается от злости. Я боюсь, что, добравшись доверху, он уже не сможет пролезть в дверцу, которая ведет на площадку. Я слышу топот его шагов, которые раздаются в тишине, словно удары молота. Скоро он будет уже на самом верху. Пролезет или не пролезет? Как вы думаете?

Вот он и добрался до площадки... Ну, кто из вас угадал?

Ладно, я скажу вам: угадали те из вас, кто думал, что ему не пролезть. И в самом деле, кавалер Помидор (ведь это он бежал по лестнице, — разве вы не узнали его?) так разбух от злости, что дверца оказалась вдвое уже его туловища.

И вот он стоит там, наверху, в двух шагах от страшного знамени, которое развевается по ветру, но не может сорвать его, не может даже дотянуться до него рукой. А у древка знамени, рядом с Вишенкой, который в это время торопливо протирает очки, находится ещё кто-то.

Да кто же это, если не Чиполлино, заклятый, ненавистный враг кавалера Помидора, тот самый Чиполлино, который однажды уже заставил его, синьора Помидора, плакать!

— Добрый день, синьор кавалер! — говорит Чиполлино, вежливо кланаясь.

Осторожней, Чиполлино! Из-за этой неуместной вежливости ты подвергаешь свою голову опасности. В ту минуту, когда ты кланяешься кавалеру Помидору, ему довольно протянуть руку, чтобы схватить тебя за волосы, как это уже случилось когда-то в деревне...

Синьор Помидор так взбешён, что не помнит, чем это ему грозит. Вот он ухватил Чиполлино за вихор и дёрнул с такой силой, что прядь луковых волос снова осталась у него в руке. Он и опомниться не успел, как у него защипало в глазах, и слёзы, крупные, как орехи, градом посыпались из глаз, падая со щёлканьем на каменный пол.

Но на этот раз Помидор плакал не только от того, что вырвал пучок луковых волос у Чиполлино. Он ревел от бешенства, потому что почувствовал всё своё бессилие...

«Что же это — конец? Конец?» — думал он, задыхаясь от ярости и давясь собственными слезами.

Я бы с удовольствием позволил ему захлебнуться слезами или кубарем скатиться с лестницы от первого толчка, но Чиполлино был так великодушен, что пощадил его, и перепуганный насмерть синьор Помидор сам удрал с башни. Он бежал вниз по лестнице, перескакивая не через четыре, а через шесть ступенек, и, добравшись донизу, юркнул в свою комнату, где ему никто не мешает поплакать вволю.

А что было дальше, ребята! Ах, что тут было!..

Принц наконец проснулся, побродил по комнатам замка и вышел за дверь подышать свежим воздухом. И вдруг он тоже увидел знамя на башне. Закрыв глаза от ужаса, он бросился бежать со всех ног, повернул направо, налево, выбежал за ворота и снова забрался в своё надёжное убежище — рыхлую навозную кучу, надеясь, что его там не найдут.

Проснулся и барон Апельсин. Он тоже захотел подышать свежим воздухом и растолкал своего слугу, дремавшего у тачки, на которой покоилось брюхо барона. Спросонок, не открывая глаз, Фасоль выкатил тяжёлую тачку за порог.

На дворе замка его разбудил ослепительный луч солнца. Но дело было не только в этом ослепительном солнечном луче. Фасоль поднял глаза и увидел знамя, разповавшееся над замком.словно электрический ток пробежал по его пальцам...

— Держи тачку! Держи! — закричал перепуганный барон Апельсин.

Но куда там! Фасоль разжал пальцы, выпустил ручки своей старой тележки, и барон, опрокинувшись на спину, покатился вниз по аллее так же стремительно, как в тот раз, когда он свалил с ног десятка два генералов. В конце концов он плюхнулся в бассейн с золотыми рыбками и погрузился в воду по шею. Немалого труда стоило выудить его оттуда.

Услышав со двора неистовые вопли барона, герцог Мандарин бросился к бассейну, вскочил на мраморного ангелочка, изо рта которого бил фонтан, и закричал не своим голосом:

— Эй вы, сейчас же уберите знамя с башни — или я утоплюсь!

— Посмотрим! — сказал Фасоль и толкнул его в воду.

Когда герцога вытащили наконец из бассейна, у него во рту оказалась золотая рыбка. Бедная рыбка — она думала, что забралась в подводный грот, а попала в голдсдный рот... Мир её золотым плавничкам!

С этого дня события понеслись с неслыханной быстротой — одно событие за другим. Поспешим и мы: дни летят, как листочки отрывного календаря, пробегают недели, а мы едва успеваем что-нибудь разглядеть. Так иногда бывает в кино: механик пустит картину слишком быстро — дома, люди, машины, лошади так и замелькают перед вашими глазами, а когда лента наконец успокоится и пойдёт с обычной скоростью, то оказывается, многое уже позади и всё на экране изменилось...

Принц и графини покинули свои прежние владения. Что касается принца, то это вполне понятно, но почему уехали графини? Ведь никто не собирался обижать старых женщин, лишать их куска хлеба или брать с них плату за воздух. Но в конце концов, раз они сами убрались, то тем лучше. Скатертью дорога!

Барон стал худым, как тот хлыстик, которым он погонял прежде своего слугу.

На первых порах ему пришлось порядком поголодать. Он не трогался с места, так как некому было возить его тачку. Поэтому пришлось питаться собственными запасами жира. Барон таял с каждым днём, как воск. В две недели он потерял половину свое-

го веса, а эта половина была втрое больше веса обычного человека.

Когда барон оказался в состоянии передвигаться сам, без помощи слуги, то начал просить милостыню на улицах. Но прохожие ничего не подавали ему.

— Эх ты! — говорили они. — Такой здоровенный малый, а попрошайничаешь. Шёл бы работать!

— Да я же ничего не умею делать!

— Иди на вокзал чемоданы таскать!

Так барон и сделал, и от переноски тяжестей стал стройным, как спица. Из одного своего старого костюма он сделал себе полдюжины новых. Однако одну пару он всё же оставил в сохранности. Если вы навестите его, он по секрету покажет вам этот костюм.

— Посмотрите, — скажет он, вздыхая, — ещё недавно я был такой толстый!

— Не может быть! — удивитесь вы.

— Что, не верится? А? — горько усмехнётся барон. — Так спросите у людей, они вам скажут! Ах, какие были замечательные времена!.. В один день я съедал столько, сколько теперь мне хватает на три месяца. Полюбуйтесь, какой у меня был живот, какая грудь, какой зад!

А герцог? Он и пальцем не шевелит для того, чтобы добыть себе кусок хлеба, а живёт за счёт барона. Каждый раз, когда родственник отказывает ему в чём-нибудь, герцог взбирается на фонарь и просит сообщить графиням, что он покончит с собой. И барон, который сохранил немного доброты в сердце с той поры, когда был толстяком, вздыхая, делит с ним обед или ужин.

А вот кум Тыква больше не вздыхает: он стал главным садовником замка, и бывший кавалер Помидор работает у него подручным.

Вам не нравится, что синьора Помидора оставили на свободе? Он отсидел, сколько ему было положено, а потом его из тюрьмы выпустили.

Теперь Помидор сажает капусту и подстригает траву. Изредка он жалуется потихоньку на свою судьбу, но только тогда, когда встречается с Петрушкой, который служит в замке сторожем.

Замок уже больше не замок, а Дворец детей. Там есть и комната для рисования, и театр кукол с Бура-тино, и кино, и пинг-понг, и множество всяких игр. Разу-меется, там есть и самая лучшая, самая интересная и полезная для ребят игра — школа. Чиполлино и Ви-шенка сидят рядом на одной парте и учат арифмети-ку, грамматику, географию, историю и все остальные предметы, которые надо хорошенько знать, чтобы за-щищаться от всяких плутов и угнетателей и держать их подальше от родной страны.

— Не забывай, дружок,— часто говорит старый Чиполлоне своему сыну Чиполлино,— негодяев на свете много и те, кого вы выгнали, могут ещё вер-нуться.

Но я-то уверен, что они никогда больше не вер-нутся.

Не вернётся адвокат синьор Горошек, который по-спешил скрыться, потому что у него было слишком много грехов на совести.

10 Говорят, он занимается своим ремеслом где-то в чу-жой стране. Конечно, и там ему не место, но хорошо, по крайней мере, что он убрался из нашей повести прежде, чем она кончилась. По правде сказать, мне до смерти надоело возиться с этим цепким и вертлявым пройдохой.

Да, я забыл вам сказать, что старостой деревни стал мастер Виноградинка. Чтобы не ронять своего до-стоинства, он совершенно избавился от прежней при-вычки почёсывать затылок шилом. Только иногда, в самых серьёзных случаях жизни, он пускает в ход вместо шила остро отточенный карандаш, но это слу-чается чрезвычайно редко.

Однажды утром жители деревни увидели на сте-нах своих домов надпись: «Да здравствует наш ста-роста!»

Кума Тыквочка пустила по деревне слух, будто бы эти крупные буквы на стенах вывел ваксой сам мастер Виноградинка.

— Хорош староста! — говорила ворчливая кума.— Ходит по ночам и сам себе приветствия пишет.

Но это была явная напраслина. Все надписи на до-мах сделал Лук Порей, и не руками, а усами, кото-рые он обмакнул в чернила. Да, да, Лук Порей.

Я не боюсь открыть вам правду, потому что у вас усов нет и вы не станете по его примеру писать усами.

Ну вот, теперь наша история и в самом деле кончилась. Правда, есть ещё на свете другие зámки и другие дармоеды, кроме принца Лимона и синьора Помидора, но и этих господ когда-нибудь выгонят, и в их парках будут играть дети.

Да будет так!

ПУТЕШЕСТВИЕ ГОЛУБОЙ СТРЕЛЫ

Глава первая

СИНЬОРА БЕЗ ПЯТИ МИНУТ БАРОНЕССА

Фея была старая синьора, очень благовоспитанная и благородная, почти баронесса.

— Меня называют,— бормотала она иногда про себя,— просто Фея, и я не протестую: ведь нужно иметь снисхождение к невеждам. Но я почти баронесса; порядочные люди это знают.

— Да, синьора баронесса,— поддакивала служанка.

— Я не стопроцентная баронесса, но до неё мне не хватает не так уж много. И разница почти незаметна. Не так ли?

— Незаметна, синьора баронесса. И порядочные люди не замечают её...

— Но хватит об этом... Примемся за работу.

Было как раз первое утро нового года. Всю ночь напролёт Фея и её служанка путешествовали по крышам домов, разнося подарки. Их платья были покрыты снегом и сосульками.

— Затопи печку,— сказала Фея,— нужно просушить одежду. И поставь на место метлу: теперь целый год можно не думать о полётах с крыши на крышу, да ещё при таком северном ветре.

Служанка поставила метлу на место, ворча:

— Хорошенькое дельце — летать на метле! Это в наше-то время, когда изобрели самолёты! Я уже простудилась из-за этого.

— Приготовь мне бокальчик цветочного отвара,— приказала Фея, надев очки и садясь в старое кожаное кресло, стоявшее перед письменным столом.

— Сию минутку, баронесса,— сказала служанка. Фея одобрительно посмотрела на неё.

«Немножко она ленива,— подумала Фея,— но знает правила хорошего тона и умеет держать себя с синьорой моего круга. Я пообещаю ей увеличить заработную плату. На самом-то деле я, конечно, не увеличу, и так денег не хватает».

Нужно сказать, что Фея при всём своём благородстве была довольно скуповата. Два раза в год обещала она старой служанке увеличить заработную плату, но ограничивалась одними обещаниями. Служанке давно уже надоело слушать только слова, ей хотелось услышать звон монет. Как-то раз у неё даже хватило мужества сказать об этом синьоре баронессе. Но Фея очень возмутилась.

— Монеты и монеты! — проговорила она, вздыхая.— Невежественные люди только и думают, что о деньгах. И как нехорошо, что ты не только думаешь, но и говоришь об этом! Видно, учить тебя хорошим манерам — всё равно что кормить осла сахаром.

Фея вздохнула и уткнулась в свои книги.

— Итак, подведём баланс. Дела в этом году неважные, денег маловато. Ещё бы, все хотят получить от Феи хорошие подарки, а когда речь заходит о том, чтобы платить за них, начинают торговаться. Все стараются брать в долг, обещая уплатить потом, как будто Фея — это какой-то колбасник. Впрочем, сегодня особенно жаловаться нечего: все игрушки, которые были в магазине, разошлись, и сейчас нам нужно будет принести со склада новые.

Она закрыла книгу и принялась распечатывать письма, которые обнаружила в своём почтовом ящике.

— Так и знала! — заговорила она.— Я рискую заболеть воспалением лёгких, разнося свои товары, и никакой благодарности! Этот не хотел деревянную саблю, подавайте ему пистолет! А знает ли он, что пистолет стоит на тысячу лир дороже? Другой, представьте себе, хотел получить аэроплан. Его отец — швейцар курьера секретаря одного служащего лотереи, и было у него на покупку подарка всего триста лир. Что я могла подарить ему за такие гроши?

Фея бросила письма обратно в ящик, сняла очки и позвала:

— Тереза, отвар готов?

— Готов, готов, синьора баронесса.

И старая служанка подала баронессе дымящийся бокал.

— Ты влила сюда капельку рома?

— Целых две ложечки!

— Мне хватило бы и одной. Теперь я понимаю, почему бутыль почти опустела. Подумать только, мы купили её всего четыре года тому назад!

Потягивая маленькими глотками кипящий напиток и умудряясь не обжигаться при этом, как это умеют делать только старые синьоры, Фея бродила по своему маленькому царству, заботливо проверяя каждый уголок кухни, магазина и маленькой деревянной лесенки, которая вела на второй этаж, где была спальня. Как печально выглядел магазин с опущенными шторами, пустыми витринами и шкафами; заваленными коробками без игрушек и ворохами обёрточной бумаги!

— Приготовь ключи от склада и свечу,— сказала Фея,— нужно припести новые игрушки.

— Но, синьора баронесса, вы хотите работать даже сегодня, в день вашего праздника? Неужели вы думаете, что кто-нибудь придет за покупками? Ведь новогодняя ночь, ночь Феи, уже прошла...

— Да, но до следующей новогодней ночи осталось всего-навсего триста шестьдесят пять дней.

Надо вам сказать, что магазин Феи оставался открытым в течение всего года и его витрины всегда

были освещены. Таким образом, у детей было достаточно времени, чтобы облюбовать ту или иную игрушку, а родители успевали сделать свои расчёты, чтобы иметь возможность заказать её.

А кроме того, есть ведь ещё дни рождения, и все знают, что дети считают эти дни очень подходящими для получения подарков. Теперь вы поняли, что делает Фея с первого января до следующего Нового года? Она сидит за витриной и смотрит на прохожих. Особенно внимательно вглядывается она в лица детей. Она сразу понимает, нравится или не нравится им новая игрушка, и, если не нравится, снимает её с витрины и заменяет другой.

...О синьоры, что-то сейчас на меня напало сомнение! Так было, когда я был ещё маленьким. Кто знает, есть ли теперь у Феи этот магазинчик с витриной, уставленной игрушечными поездами, куклами, тряпичными собачками, ружьями, пистолетами, фигурками индейцев и марионеток!

Я помню его, этот магазинчик Феи. Сколько часов я проводил у этой витрины, считая игрушки! Чтобы пересчитать их, требовалось много времени, и я никогда не успевал досчитать до конца, потому что нужно было отнести домой купленное молоко.

Глава вторая

ВИТРИНА НАПОЛНЯЕТСЯ

Склад был в подвале, который находился как раз под магазином. Фее и её служанке пришлось раз двадцать спуститься и подняться по лестнице, чтобы наполнить новыми игрушками шкафы и витрину.

Уже во время третьего рейса Тереза устала.

— Синьора, — сказала она, останавливаясь посреди лестницы с большой связкой кукол в руках, — синьора баронесса, у меня бьётся сердце.

— Это хорошо, моя дорогая, это очень хорошо, — ответила Фея. — Было бы хуже, если бы оно больше не билось.

— У меня болят ноги, синьора баронесса.

— Оставь их на кухне, пусть отдохнут, тем более что ногами носить ничего нельзя.

— Синьора баронесса, мне не хватает воздуха...

— Я не крада его у тебя, моя дорогая, у меня своего достаточно.

И действительно, казалось, что Фея никогда не устаёт. Несмотря на преклонный возраст, она прыгала по ступенькам, словно танцуя, как будто под каблукками у неё были спрятаны пружинки. Одновременно она продолжала подсчитывать:

— Эти индейцы мне приносят доход по двести лир каждый, даже, пожалуй, по триста лир. Сейчас индейцы очень в моде. Не кажется ли тебе, что этот электрический поезд просто чудо?! Я назову его Голубой Стрелой и, клянусь, брошу торговлю, если с завтрашнего дня сотни ребячьих глаз не будут пожирать его с утра до вечера.

И правда, это был замечательный поезд, с двумя шлагбаумами, с вокзалом и Главным Начальником Станции, с Машинистом и с Начальником Поезда в очках. Пролежав столько месяцев на складе, электропоезд весь покрылся пылью, но Фея хорошенько протёрла его тряпочкой, и голубая краска засверкала, как вода альпийского озера: весь поезд, включая Начальника Станции, Начальника Поезда и Машиниста, был выкрашен голубой краской.

Когда Фея стёрла пыль с глаз Машиниста, он огляделся вокруг и воскликнул:

— Наконец-то я вижу! У меня такое впечатление, будто я несколько месяцев был похоронен в пещере. Итак, когда мы отправляемся? Я готов.

— Спокойно, спокойно,— прервал его Начальник Поезда, протирая платочком очки.— Поезд не тронется без моего приказа.

— Посчитайте нашивки на вашем берете,—раздался третий голос,— и увидите, кто здесь старший.

Начальник поезда пересчитал свои нашивки. У него было четыре. Тогда он сосчитал нашивки у Начальника Станции — пять. Начальник Поезда вздохнул, спрятал очки и притих. Начальник Станции ходил взад и вперёд по витрине, размахивая жезлом, которым дают сигнал отправления. На площади перед станцией выстроился полк оловянных стрелков с духовым оркестром и Полковником. Немножко в стороне расположилась целая артиллерийская батарея во главе с Генералом.

Позади станции расстилалась зелёная равнина, по которой были разбросаны холмы. На равнине вокруг вождя, которого звали Серебряное Перо, расположились лагерем индейцы. На вершине горы верховые ковбои держали наготове свои лассо.

Над крышей вокзала покачивался подвешенный к потолку аэроплан: Пилот высунулся из кабины и смотрел вниз. Надо вам сказать, что этот Пилот был сделан так, что он не мог подняться на ноги: ног у него не было. Это был Сидящий Пилот.

Рядом с аэропланом висела красная клетка с Канарейкой, которую звали Жёлтая Канарейка. Когда клетку слегка покачивали, Канарейка пела.

В витрине были ещё куклы, Жёлтый Медвежонок, тряпичный пёс по имени Кнопка, краски, конструктор, маленький театр с тремя марионетками и быстроходный двухмачтовый парусник. По капитанскому мостику парусника нервно расхаживал Капитан. Ему по рассеянности приклеили только половину бороды, поэтому он тщательно скрывал безбородую сторону лица, чтобы не выглядеть уродом.

Начальник Станции и Полубородый Капитан делали вид, что не замечают друг друга, но, может быть, кто-нибудь из них уже собирался вызвать другого на дуэль, чтобы решить вопрос о верховном командовании в витрине.

Куклы разделились на две группы: одни вздыхали по Начальнику Станции, другие бросали нежные взгляды на Полубородого Капитана, и лишь одна чёрная кукла, с глазами белее молока, глядела только на Сидящего Пилота, и больше ни на кого.

Что касается тряпичного пса, то он бы с удовольствием вилял хвостом и прыгал от радости. Но он не мог оказывать эти знаки внимания всем троим, а выбрать кого-нибудь одного не хотел, чтобы не оскорблять остальных двух. Поэтому он сидел тихо и неподвижно, и вид у него был немного глуповатый. Его имя было написано красными буквами на ошейнике: Кнопка. Может быть, его называли так потому, что он был маленьким, как кнопка.

Но тут произошло событие, которое сразу же заставило забыть и ревность и соперничество. Как раз в это мгновение Фея подняла штору, и солнце хлынуло в

витрину золотым каскадом, вызывая у всех жуткий страх, потому что никто его раньше не видел.

— Сто тысяч глухих китов! — рявкнул Полубородый Капитан. — Что случилось?

— На помощи! На помощи! — визжали куклы, прячась друг за друга.

Генерал приказал немедленно повернуть пушки в сторону неприятеля, чтобы быть готовым отразить любую атаку. Только Серебряное Перо остался невозмутимым. Он вынул изо рта длинную трубку, что делал только в исключительных случаях, и сказал:

— Не бойтесь, игрушки. Это Великий Дух Солнце, всеобщий друг. Смотрите, как повеселела вся площадь, радуясь его приходу.

Все посмотрели за витрину. Площадь и в самом деле сверкала под лучами солнца. Струи фонтанов казались огненными. Нежное тепло проникало сквозь запylённые стёкла в магазинчик Феи.

— Тысяча пьяных китов! — пробормотал снова Капитан. — Я ведь морской волк, а не солнечный!

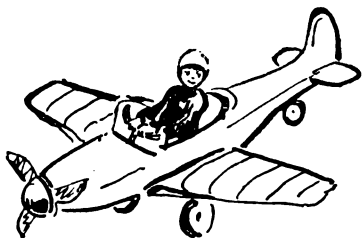
Куклы, радостно болтая, сразу же стали принимать солнечные ванны.

Однако в один угол витрины солнечные лучи не могли проникнуть. Тень падала как раз на Машиниста, и тот очень рассердился:

— Должно же было так случиться, чтобы именно я оказался в тени!

Он выглянул за витрину, и его зоркие глаза, привыкшие часами смотреть на рельсы во время долгих поездок, встретились с парой огромных, широко раскрытых глаз ребёнка.

В эти глаза можно было заглянуть, как заглядывают в дом, когда на окнах нет

занавесок. И, заглянув в них, Машинист увидел большую, недетскую печаль.

«Странно,— подумал Машинист Голубой Стрелы,— я всегда слышал, что дети — весёлый народ. Они только и знают, что смеются и играют с утра до вечера. А этот мне кажется грустным, как старичок. Что с ним случилось?»

Грустный мальчик долго смотрел на витрину. Его глаза наполнились слезами. Время от времени слезинки скатывались вниз по щеке и пропадали на губах. Все в витрине затаили дыхание: никто ещё не видел глаз, из которых текла бы вода, и это всех очень удивило.

— Тысяча хромых китов! — воскликнул Капитан.— Я занесу это событие в судовой журнал!

Наконец мальчик вытер глаза рукавом курточки, подошёл к двери магазина, взялся за ручку и толкнул дверь.

Раздался глухой звонок колокольчика, который, казалось, жаловался, звал на помощь.

Глава третья

ПОЛУБОРОДЫЙ КАПИТАН ВЗВОЛНОВАН

— Синьора баронесса, кто-то вошёл в магазин,— сообщила служанка.

Фея, которая причёсывалась в своей комнате, быстро спустилась по лестнке, держа во рту шпильки и выкалывая на ходу волосы.

— Кто бы это ни был, почему он не закрывает дверь? — пробормотала она.— Я не слышала звонка, но сразу же почувствовала сквозняк.

Она для солидности надела очки и вошла в лавку маленькими медленными шагами, как должна ходить настоящая синьора, особенно если она почти баронесса. Но, увидев перед собой бедно одетого мальчика, который смущённо комкал в руках свой голубой беретик, она поняла, что тут церемонии излишни.

— Ну? В чём дело? — Всем своим видом Фея как бы хотела сказать: «Говори побыстрее, у меня нет времени».

— Я... Синьора... — прошептал мальчик.

В витрине все замерли, но ничего не было слышно.
— Что он сказал? — тихо спросил Начальник Поезда.

— Тс-с! — приказал Начальник Станции. — Не шумите!

— Мальчик мой! — поскликнула Фея, которая чувствовала что начинает терять терпение, как всякий раз, когда ей приходилось говорить с людьми, не подозревающими о её благородных титулах. — Дорогой мой мальчик, времени у меня очень мало. Поторопись или же оставь меня в покое, а лучше всего напиши мне хорошее письмо.

— Но, синьора, я уже написал вам, — торопливо прошептал мальчик, боясь потерять мужество.

— Ах вот как! Когда?

— Около месяца тому назад.

— Сейчас посмотрим. Как тебя зовут?

— Монти Франческо.

— Адрес?

— Квадриччиоло...

— Гм... Монти, Монти... Вот, Франческо Монти. Действительно, двадцать три дня тому назад ты просил у меня в подарок электрический поезд. А почему только поезд? Ты мог бы попросить у меня ещё аэроплан или дирижабль, а ещё лучше — целый воздушный флот!

— Но мне нравится поезд, синьора Фея.

— Ах, дорогой мой, тебе нравится поезд?! А ты знаешь, что через два дня после твоего письма сюда приходила твоя мать...

— Да, это я попросил её прийти. Я её так просил: пойди к Фею, я ей уже всё написал, и она так добра, что не откажет нам.

— Я не хорошая и не плохая. Я работаю, но не могу работать бесплатно. У твоей матери не было денег, чтобы заплатить за поезд. Она хотела в обмен на поезд оставить мне старые часы. Но я видеть их не могу, эти часы! Потому что они заставляют время двигаться быстрее. Я также напомнила ей, что она ещё должна заплатить мне за лошадку, которую брала в прошлом году. И за волчок, взятый два года тому назад. Ты знал об этом?

Нет, мальчик этого не знал. Мамы редко делятся с детьми своими неприятностями.

— Вот почему в этом году ты ничего не получил. Ты понял? Не кажется ли тебе, что я права?

— Да, синьора, вы правы,— пробормотал Франческо.— Я просто думал, что вы забыли мой адрес.

— Нет, напротив, я помню его очень хорошо. Видишь, вот он у меня записан. И на днях я пошлю к вам моего секретаря, чтобы взять деньги за прошлогодние игрушки.

Старая служанка, которая прислушивалась к их разговору, услышав, что её называли «секретарём», чуть не потеряла сознания и должна была выпить стакан воды, чтобы перевести дух.

— Какая честь для меня, синьора баронесса! — сказала она своей хозяйке, когда мальчик ушёл.

— Хорошо, хорошо! — грубовато пробормотала Фей.— А пока повесь на дверь объявление «Закррито до завтра», чтобы не приходили другие надоедливые посетители!

— Может быть, опустить штору?

— Да, пожалуй, опусти. Я вижу, что сегодня не будет хорошей торговли.

Служанка побежала выполнять приказания. Франческо всё ещё стоял у магазина, уткнувшись носом в витрину, и ждал, сам не зная чего. Штора, спускаясь, чуть не ударила его по голове. Франческо уткнул нос в пыльную штору и зарыдал.

В витрине эти рыдания произвели необыкновенный эффект. Одна за другой куклы тоже стали плакать, и плакали так сильно, что Капитан не выдержал и выругался:

— Что за обезьяны! Уже научились плакать! — Он плюнул на палубу и усмехнулся: — Тысяча косых китов! Плакать из-за поезда! Да я не променял бы мой парусник на все поезда всех железных дорог мира.

Великий вождь Серебряное Перо вынул изо рта трубку, что ему приходилось делать каждый раз, когда он хотел что-либо сказать, и промолвил:

— Капитан Полубородый не говорит правды. Он есть очень взволнован из-за бедный белый ребёнок.

— Что я? Объясните мне, пожалуйста, что значит «взволнован»?

— Это значит, что одна сторона лица плачет, а другая стыдится этого.

Капитан предпочёл не поворачиваться, так как его безбородая половина лица в самом деле плакала.

— **Замолчи ты, старый петух!** — крикнул он. — **Не то я опущусь вниз и оцпилю тебя, как рождественского индюка!**

И долго ещё продолжал изрыгать проклятия, такие жестокие, что Генерал, решив, что вот-вот начнётся война, приказал зарядить пушки. Но Серебряное Перо **взял в рот трубку и замолчал, а потом даже сладко задремал. К слову сказать, он всегда спал с трубкой во рту.**

Глава четвёртая НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАТЬ

На следующий день Франческо вернулся, и его печальные глаза снова были устремлены на Голубую Стрелу. Пришёл он и на второй день, и на третий. Иногда он останавливался у витрины всего на несколько минут и потом, не оборачиваясь, убегал прочь. Иногда простаивал перед витриной долгие часы. Нос его был прижат к стеклу, а русский чуб спускался на лоб. Он ласково посматривал и на другие игрушки, но было видно, что его сердце принадлежит чудесному поезду.

Начальник Станции, Начальник Поезда и Машинист очень гордились этим и с важным видом поглядывали по сторонам, но никто не обижался на них за это.

Все обитатели витрины были влюблены в своего Франческо. Приходили другие дети, которые тоже долго рассматривали игрушки, но обитатели витрины почти не замечали их. Если Франческо не появлялся в обычное время, Начальник Станции нервно ходил взад и вперёд по рельсам, бросая тревожные взгляды

на часы. Капитан беспрестанно плевался и изрыгал проклятия. Сидящий пилот высовывался из аэроплана, рискуя упасть, а Серебряное Перо забывал курить, так что трубка его ежеминутно гасла, и он тратил целые коробки спичек, чтобы разжечь её вновь.

И так все дни, все месяцы, весь год.

Фея ежедневно получала целые пачки писем, которые она внимательно читала, делая пометки и подсчёты. Но вот писем стало столько, что требовалось полдня только на то, чтобы открывать конверты, и в витрине поняли, что близится день подарков — Новый год.

Водный Франческо! С

каждым днём его личико становилось всё более грустным. Нужно было что-то сделать для него. Все ожидали, что Начальник Станции Голубой Стрелы предложит что-нибудь, подскажет какую-нибудь идею. Но тот только снимал и снова надевал свой берет с пятами нашивками или смотрел на носки своих ботинок, словно видел их впервые.

Глава пятая

ИДЕЯ КНОПКИ

Идею — кто бы мог подумать! — подал тряпичный пёс.

Бедный Кнопка, никто никогда не обращал на него внимания, потому что, во-первых, трудно было понять, какой он породы, а во-вторых, он всё время молчал, как рыба. Кнопка был робок и боялся открыть рот. Если какая-нибудь мысль приходила ему в голову, он долго раздумывал, прежде чем сообщить её друзьям. А впрочем, с кем он мог говорить-то? Куклы были слишком элегантными синьорами, чтобы обращать внимание на пса, принадлежавшего бог знает к какой породе. Оловянные солдаты не отказались бы поговорить с ним, но офицеры, конечно, не разрешили бы им этого. В общем, у всех была какая-нибудь причина не замечать тряпичного пса, и тот вынужден был молчать. И знаете, что из этого вышло? Он научился лаять...

Вот и на этот раз, когда он открыл рот, чтобы объяснить им спую блестящую идею, раздался такой странный звук, средний между кошачьим мяуканьем и ослиным рёвом, что вся витрина разразилась смехом.

Только Серебряное Перо не засмеялся, потому что краснокожие не смеются никогда. А когда другие кончили смеяться, он вынул трубку изо рта и сказал:

— Синьоры, слушай всё, что Кнопка говорить. Пёс всегда мало говорить и много думать. Кто думать много, мудрая вещь говорить.

Услышав комплимент, Кнопка покраснел от головы до кончика хвоста, откашлялся и объяснил наконец свою идею.

— Этот мальчик... Франческо... Вы думаете, он получит в этом году от Феи какой-нибудь подарок?

— Не думаю, — ответил Начальник Станции. — Его мать больше не приходила сюда, и писем она больше не пишет — я всегда внимательно слежу за почтой.

— Ну вот, — продолжал Кнопка, — мне тоже кажется, что Франческо ничего не получит. Но я, по правде сказать, не хотел бы попасть к какому-нибудь другому мальчику.

— Я тоже,— пробормотал Жёлтый Медвежонок, почесывая затылок.

— Мы тоже,— сказали три марионетки, которые всегда говорили хором.

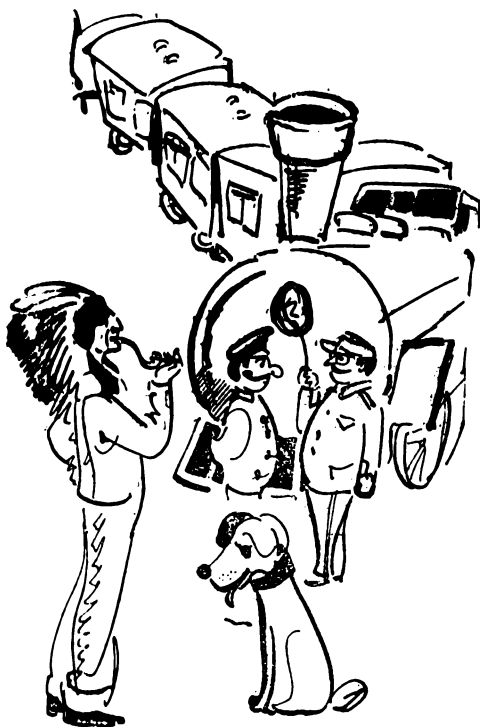
— А что вы скажете,— продолжал пёс,— если мы преподнесём ему сюрприз?

— Ха-ха-ха, сюрприз! — засмеялись куклы.— Какой же?

— Замолчите,— приказал Капитан,— женщины всегда должны помалкивать.

— Прошу прощения,— крикнул Сидящий Пилот,— не шумите так, а то наверху ничего не слышно! Пусть говорит Кнопка.

— Мы знаем его имя,— произнёс Кнопка, когда восстановилась тишина.— Знаем его адрес. Почему бы нам всем не пойти к нему?

— К кому? — спросила одна из кукол.

— К Франческо.

На мгновение воцарилась тишина, потом развернулась оживлённая дискуссия; каждый кричал своё, не слушая, что говорят другие.

— Но это бунт! — воскликнул Генерал. — Я никак не могу позволить подобную вещь. Предлагаю повиноваться моим приказам!

— А дальше?

— Дальше? Ничего! Нужно быть дисциплиниро-

— И отправляться туда, куда нас отнесёт Фея? Франческо и в этом году ничего не получит, — его фамилия записана в долговой книге...

— Там много китов!..

— Однако, — вмешался Начальник Станции, — мы знаем адрес, но не знаем дороги.

— Я об этом подумал, — робко прошептал Кнопка, — я могу отыскать дорогу чутьём.

— А я умею читать земля, — промолвил Серебряное Перо. — Я тоже говорить, чтобы всем ходить к Франческо.

Теперь нужно было не болтать, а принимать решение. Все посмотрели в сторону Генерала артиллерии.

Некоторое время Генерал, почёсывая подбородок, рассказывал перед своими пятью пушками, выстроенными в боевом порядке, затем произнёс:

— Хорошо. Я буду прикрывать движение моими войсками. Признаться, мне тоже не очень нравится находиться под командованием старой Феи...

— Ура! — закричали артиллеристы.

Оркестр стрелков заиграл марш, способный воскресить мёртвого, а Машинист включил гудок локомотива в гудок до тех пор, пока все чуть не оглохли.

Поход назначили на следующую, новогоднюю ночь. В полночь Фея должна была прийти, как обычно, в магазин, чтобы наполнить игрушками свою корзину... Но витрина будет пустой.

— Представьте, какая у неё будет физиономия! — ухмыльнулся Капитан, сплюнув на палубу своего парусника.

А на следующий вечер...

Глава шестая

НА СЛЕДУЮЩИЙ ВЕЧЕР

Первым делом игрушкам предстояло решить вопрос, как выйти из магазина. Прорезать штору, как это предлагал Главный Инженер, оказалось им не под силу. А дверь магазина запиралась на три замка.

— Я и об этом подумал,— сказал Кнопка.

Все с восхищением посмотрели на маленького тряпичного щенка, который целый год думал, не сказав ни одного слова.

— Вы помните склад? Помните ворох пустых коробок в углу? Ну вот, я был там и обнаружил в стене дырку. По ту сторону стены — погреб с лесенкой, которая ведёт на улицу.

— И откуда ты всё это знаешь?

— У нас, собак, есть такой недостаток — совать повсюду свой нос. Иногда этот недостаток бывает полезным.

— Очень хорошо,— резко возразил Генерал,— но я не представляю, как можно спустить в склад артиллерию по всем этим лестницам. А Голубая Стрела? Вы видели когда-нибудь, чтобы поезд спускался по лестнице?

Серебряное Перо вынул трубку из рта. Все выжидающе замолкли.

— Белые люди всегда ссориться и забывать Сидящий Пилот.

— Что ты хочешь этим сказать, великий вождь?

— Сидящий Пилот перевозить всех на аэроплане.

Действительно, это был единственный способ спуститься в склад. Сидящему Пилоту предложение пришлось по душе:

— Десяток рейсов — и переход сделан!

Куклы уже предвкушали удовольствие путешествия на аэроплане, но **Серебряное Перо** разочаровал их:

— У кого есть ноги, тому крылья не нужны.

Таким образом, все, у кого были ноги, спустились сами, а на самолёте перевезли артиллерию, вагоны и парусник.

Но Капитан даже во время полета отказался сойти с мостика. На зависть Генералу и Начальнику Стан-

ции, которые спускались вниз по крутым ступенькам, Капитан летел над их головой.

Последним спустился Мотоциклист-Акробат. Для него спуститься на мотоцикле по лестнице было всё равно что выпить стакан воды.

Он был ещё на полпути, когда в магазине раздался крик служанки:

— На помощь, на помощи! Синьора баронесса, воры, разбойники

— Кто там? Что случилось? — ответил голос хозяйки.

— Из витрины украли все игрушки!

Но Главный Инженер конструктора уже пробил дверь оклада, и беглецы ринулись в угол, заваленный верохом пустых коробок. Едва они скрылись, послышались шаги двух старушек, которые торопливо сбегали с лестницы и ткнулись носом в запертую дверь.

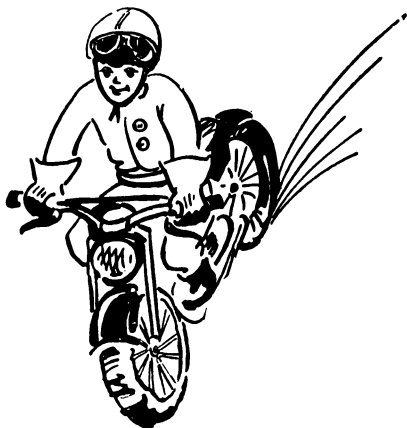
— Скорее ключи! — закричала Фея.

— Замок не открывается, синьора баронесса.

— Они заперлись изнутри! Хорошо, оттуда им не выйти. Нам придётся сидеть здесь и ждать, пока они не сдадутся.

Нечего и говорить, Фея была храбрая старушка. Но на этот раз её мужество было ни к чему. Наши беглецы следом за Кнопкой, который указывал дорогу, уже пересекли гору пустых коробок и один за другим через дыру в стене пробрались в соседний подвал.

Голубой Стреле проходить через тоннели было не впервой. Начальник Станции и Начальник Поезда заняли места рядом с Машинистом, самые маленькие куклы, которые уже стали уставать, сели по вагонам, и чудесный поезд, тихонько свистнув, вошёл в тоннель.

Труднее было протащить сквозь дыру парусник, который мог передвигаться только по воде. Но об этом позаботились рабочие конструктора. Они в один миг построили тележку на восьми колёсиках и погрузили на неё судно вместе с Капитаном.

Они успели как раз вовремя.

Фея, устав ждать, толчком плеча распахнула дверь и стала обыскивать склад.

— Что за странная история! — дрожа от страха, бормотала старушка.

— Никого нет, синьора баронесса! — взвизгнула служанка, уцепившись от страха за юбку хозяйки.

— Это я и сама вижу. И нечего дрожать.

— Я не дрожу, синьора баронесса. Может быть, тут виновато землетрясение?

— Голубая Стрела исчезла, — грустно прошептала Фея. — Исчезла, не оставив никаких следов.

Покинем на время бедных старушек и последуем за нашими друзьями. Они даже не представляли себе, какие приключения ожидают их впереди. Я же все их знаю от начала до конца. Есть среди них страшные, есть и весёлые, и я вам расскажу всё по порядку.

Глава седьмая ЖЁЛТЫЙ МЕДВЕЖОНОК ВЫХОДИТ НА ПЕРВОЙ ОСТАНОВКЕ

Сразу же по другую сторону стены начались приключения. Поднял тревогу Генерал. Как вы уже могли заметить, Генерал обладал пылким темпераментом и постоянно ввязывался во всякие ссоры и происшествия.

— Мои пушки, — говорил он, покручивая усы, — мои пушки заржавели. Чтобы почистить их, нужна небольшая война. Пусть небольшая, но всё-таки война: нужно пострелять хотя бы с четверть часика.

Эта мысль как гвоздь засела у него в голове. Едва только беглецы очутились за стеной склада, Генерал выхватил пинагу и закричал:

— Трепога, тревога!

— В чём дело, что случилось? — спрашивали друг друга солдаты, которые ещё ничего не заметили.

— На горизонте неприятель, разве вы не видите? Все к пушкам! Зарядить орудия. Приготовиться к стрельбе!

Поднялась невероятная суматоха. Артиллеристы выстраивали пушки в боевой порядок, стрелки заряжали ружья, офицеры звучными голосами выкрикивали слова команды и, подражая Генералу, покручивали усы.

— Тысяча глухонемых китов! — рявкнул Капитан своего парусника. — Прикажите немедленно открыть несколько пушек на борт моего корабля, чтобы пушки пустят ко дну.

Начальник Стрелы снял берет и почесал затылок.

— Как пойму, как это можно здесь пойти ко дну. Здесь ведь только и есть воды что в умывальном бачке, а кругом каменный пол.

Начальник Станции строго посмотрел на него:

— Если синьор Генерал говорит, что появился неприятель, значит, так оно и есть на самом деле.

— Я видел, я тоже видел! — закричал Сидящий Пилот, пролетев немножко вперёд.

— Что ты видел?

— Неприятеля! Я говорю вам, что видел его своими собственными глазами!

Испуганные куклы попрятались в вагоны Голубой Стрелы. Кукла Роза жаловалась:

— Ах, синьоры, сейчас начнётся война! Я только что уложила волосы, и кто знает, что будет теперь с моей причёской!

Генерал приказал протрубить тревогу.

— Замолчите все! — скомандовал он. — Из-за вашей болтовни солдаты не слышат моих приказаний.

Он хотел уже открыть огонь, как вдруг раздался громкий хлопок!

— Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь!

— Это что такое? С каких это пор собаки стали командовать войсками? Застрелить его немедленно! — приказал Генерал.

Но Кнопка не испугался:

— Пожалуйста, я прошу вас, дайте отбой! Уверю вас, это на самом деле не неприятель. Это всего-навсего ребёнок, спящий ребёнок!

— Ребёнок?! — воскликнул Генерал. — Что делает ребёнок на поле боя?

— Но, синьор Генерал, мы ведь не на поле боя — в этом-то всё дело. Мы находимся в подвале, разве вы не видите? Синьоры, я попрошу вас осмотреться по сторонам. Мы находимся, как я уже сказал, в подвале, из которого можно выйти на улицу. Оказывается, этот подвал обитаем. И в глубине его, где горит огонёк, стоит кровать, а в кровати спит мальчик. Неужели вы хотите разбудить его выстрелами?

Тут раздался голос Серебряного Пера, который всё это время продолжал спокойно курить трубку:

— Пёс прав. Я видеть ребёнка и не видеть неприятеля.

— Это, конечно, какая-то уловка, — настаивал Генерал, не желая отказаться от сражения. — Неприятель прикинулся невинным и безоружным созданием.

Но кто слушал его теперь?

Даже куклы вышли из своих убежищ и устремили взгляды в полумрак подвала.

— Правда, это ребёнок, — сказала одна.

— И очень худенький, — добавила вторая.

— Это невоспитанный ребёнок, — изрекла третья, — он спит и держит палец во рту.

В подвале около стен стояла старая, ободранная мебель, на полу лежал соломенный тюфяк, стоял таз с отбитым краем, потухший очаг и кровать, в которой спал ребёнок. Очевидно, его родители ушли на работу,

а может быть, они просили милостыню, и ребёнок остался один. Он лёг спать, но не потушил маленькую керосиновую лампу, стоявшую на тумбочке. Может быть, он боялся темноты, а может быть, ему нравилось смотреть на большие колеблющиеся тени, которые отбрасывала лампа на потолок. И, глядя на эти тени, он заснул.

Наш храбрый Генерал был наделён богатой фантазией: он принял керосиновую лампу за огни вражеского лагеря и поднял тревогу.

— Тысяча новорождённых китов! — загремел Полубородый Капитан, нервно поглаживая безбородую половику подбородка. — А я уж подумал, что на горизонте появилось пиратское судно. Но, если не обманывает меня моя подозрительная труба, этот ребёнок не похож на пирата. У него нет ни abordажных крючьев, ни чёрной повязки на глазу, ни чёрного пиратского флага с черепом и костями. Мне кажется, что эта бригантина мирно плавает в океане снов.

Сидящий Пилот полетел на разведку к самой кровати, пролетел два-три раза прямо над мальчиком, который махнул во сне рукой, как бы отгоняя назойливую муху, и, вернувшись, доложил:

— Никакой опасности, синьор Генерал. Неприятель, простите, я хотел сказать — ребёнок, заснул.

— Тогда мы захватим его врасплох, — объявил Генерал.

Но на этот раз возмутились ковбои:

— Захватить ребёнка? Неужели для этого предназначены наши лассо? Мы ловим диких лошадей и быков, а не детей. На первом же кактусе мы повесим того, кто осмелится причинить вред ребёнку!

С этими словами они пустили лошадей в галоп и окружили Генерала, готовые в любую минуту набросить на него лассо.

— Я говорил просто так, — проворчал Генерал. — Нельзя и пошутить немножко. Нет у вас никакой фантазии!

Колонна беглецов приблизилась к кровати. Я не стану вас уверять, что все сердца бились спокойно. Некоторые куклы ещё не оправились от испуга и прятались за других, например за спину Жёлтого Медвежонка. Его маленький мозг из опилок соображал очень медленно. Происходящие события он восприни-

мал не сразу, а в порядке их очерёдности. Если нужно было одновременно понять две какие-нибудь вещи, у Жёлтого Медвежонка сразу же начиналась ужасная головная боль. Зато у него было хорошее зрение. Он первый увидел, что за неприятеля приняли спящего мальчика. Медвежонка сразу охватило желание прыгнуть на кровать и поиграть с ним. Он даже не подумал о том, что спящие мальчики не играют с медвежатами, хотя бы и игрушечными.

На тумбочке рядом с лампой лежал сложенный вчетверо листок. На одной стороне его большими буквами был написан адрес.

— Ручаюсь вам, что это шифрованное послание, — сказал Генерал, который уже заподозрил в мальчике вражеского шпиона.

— Возможно, — согласился Начальник Станции. — Но так или иначе всё равно мы не могли бы прочесть его. Оно адресовано не нам. Видите? Здесь написано: синьоре Фее.

— Очень интересно, — сказал Генерал. — Письмо адресовано синьоре Фее, то есть нашей хозяйке. А может быть, мальчик сообщает ей сведения о нас? Может быть, он следил за мамой? Мы должны во что бы то ни стало прочесть это письмо!

— Нельзя, — упорствовал Начальник Станции. — Это нарушение почтовой тайны.

Но, как ни странно, на этот раз с Генералом согласился Серебряное Перо.

— Прочтите, — неожиданно произнёс он и снова сунул в рот свою трубку.

Этого оказалось достаточно. Генерал вскарабкался на стул, развернул листок, откашлялся, как будто собирался огласить указ об объявлении войны:

— «Синьора Фея, я услышал о вас впервые в этом году; до этого я никогда ни от кого не получал подарков. В этот вечер я не тушу лампу и надеюсь увидеть вас, когда вы придёте сюда. Тогда я расскажу вам, какую игрушку мне бы хотелось получить. Я боюсь заснуть и поэтому пишу это письмо. Очень вас прошу, синьора Фея, не откажите мне: я хороший мальчик, это все говорят, и буду ещё лучше, если вы сделаете меня счастливым. А не то зачем же мне быть хорошим мальчиком?

Ваш Д ж а м п а о л о ».

Воинственный тон, которым Генерал начал читать письмо, перешёл к концу чтения в нежный. Нечего скрывать, старый солдат был взволнован.

Все игрушки затаили дыхание, и только одна кукла вздохнула так сильно, что все обернулись и посмотрели на неё, и она очень смутилась.

— Тысяча дохлых китов! — раздался голос Полубородого Капитана. — Мне кажется, что наша старая хозяйка несправедлива. Вот ребёнок, который по её вине может стать плохим.

— Что значит стать плохим? — спросила кукла Роза.

Но никто ей не ответил, а другие куклы потянули её за юбку, чтобы она замолчала.

— Нужно что-то сделать, — сказал Начальник Станции.

— Требуется доброволец, — подсказал Полковник.

В это время раздался какой-то страшный кашель. Когда люди так кашляют, это значит, что они хотят что-то сказать, но боятся.

— Смелее говори! — крикнул Сидящий Пилот, который сверху всегда первым видел, что случилось.

— Так вот, — проговорил Жёлтый Медвежонок, еще раз кашлянув, чтобы скрыть своё смущение, — по правде сказать, слишком длительные путешествия мне не нравятся. Я уже устал бродить по свету и хотел бы отдохнуть. Не кажется ли вам, что я мог бы остаться здесь?

Бедный Жёлтый Медвежонок! Он хотел выдать себя за хитреца, хотел скрыть своё доброе сердце. Кто знает, почему люди с добрым сердцем всегда стараются скрыть это от других?

— Не смущайтесь так на меня, — сказал он, — не то я превращусь в Красного Медведя. Мне кажется, что на этой прокатке я могу чудесно подремать в ожидании расцепки, а вы будете бродить по улицам в такой холод и искать Франческо.

— Хорошо, — сказал Капитан, — оставайся здесь. Дети и медведи живут дружно, потому что хотя бы в одном они схожи: они всегда хотят играть.

Все согласились и стали прощаться. Каждому хотелось пожать лапу Жёлтого Медвежонка, пожелать ему счастья. Но в этот момент раздался громкий продол-

жительный гудок. Начальник Станции поднёс к губам свой свисток, Начальник Поезда закричал:

— Скорее, синьоры, по вагонам! Поезд отправляется! По вагонам, синьоры!

Куклы, боясь отстать от поезда, подняли невообразимую суматоху.

Стрелки устроились на крышах вагонов, а парусник Капитана погрузили на платформу.

Поезд медленно тронулся.

Дверь подвала была открыта и выходила в узкий тёмный переулок. Жёлтый Медвежонок, примостившись около подушки, рядом с белокурой головкой Джампаоло, с некоторой грустью посмотрел на своих товарищей, которые медленно удалялись. Медвежонок вздохнул так сильно, что волосы мальчика зашевелились, как от дуновения ветра.

«Тише, тише, друг мой,— сказал самому себе Медвежонок,— не разбуди его».

Мальчик не проснулся, но лёгкая улыбка промелькнула на губах.

«Ему снится сон,— сказал про себя Медвежонок.— Он видит во сне, что именно сейчас Фея прошла около него, положив ему на стул подарок, а ветерок, поднятый её длинной юбкой, взъерошил его волосы. Готов держать пари, что он видит сейчас именно это. Но кто знает, какой подарок преподнесёт ему Фея во сне?»

И вот Медвежонок пустился на хитрость, которая вам никогда не пришла бы в голову: он наклонился к уху мальчика и тихо-тихо стал нащёптывать:

— Фея уже пришла и оставила тебе Жёлтого Медвежонка. Чудесный Медвежонок, уверяю тебя! Я хорошо его знаю: ведь я столько раз видел его в зеркале. Из спины у него торчит ключик для завода пружины, и, когда она заведена, Медвежонок танцует, как танцуют медведи на ярмарках и в цирке. Сейчас я тебе покажу.

Жёлтый Медвежонок с большим трудом дотянулся до пружины и завел её. В тот же момент он почувствовал, что с ним творится что-то странное. Сначала по спине Медвежонка пробежала дрожь, и ему стало необыкновенно весело. Потом дрожь пробежала по его ногам, и они сами пустились в пляс.

Жёлтый Медвежонок никогда ещё не танцевал так хорошо. Мальчик засмеялся во сне и от смеха про-

снулся. Он похлопал ресницами, чтобы привыкнуть к свету, и, увидев Жёлтого Медвежонка, понял, что сон не обманул его. Танцуя, Медвежонок подмигивал ему, как бы говоря: «Увидишь, мы будем друзьями».

И первый раз в жизни Джампаоло почувствовал себя счастливым.

Глава восьмая

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР СООРУЖАЕТ МОСТ

Переулок шёл в гору, но Голубая Стрела без труда преодолела подъём и выехала на большую площадь, как раз перед магазином Феи.

Машинист высунулся из окошка и спросил:

— В какую сторону ехать теперь?

— Всё время прямо! — закричал Генерал. — Лобовая атака — самая лучшая тактика, чтобы опрокинуть неприятеля!

— Какого неприятеля? — спросил Начальник Станции. — Прекратите, пожалуйста, ваши вымыслы. В поезде вы такой же пассажир, как и все остальные. Понятно? Поезд пойдёт туда, куда велю я!

— Хорошо, — ответил Машинист, — но говорите быстрее, потому что мы вот-вот врежемся в тротуар.

— Направо! — раздался голос Кнопки. — Немедленно сворачивайте направо: я чую след Франческо.

— Итак, направо! — произнёс Начальник Станции.

И Голубая Стрела на полном ходу свернула вправо. Сидящий Пилот летел на высоте двух метров от земли, чтобы не потерять поезд из виду. Он попробовал подняться выше, но чуть не наткнулся на трамвайные провода.

Молчаливые ковбои и индейцы скакали справа и слева от поезда и были похожи на окруживших его бандитов.

— Гм-гм, — недоверчиво бормотал Генерал, — ставлю свои эполеты против дырявого сольдо, что это путешествие добром не кончится. У этих всадников очень ненадежный вид. На первой же остановке я переберусь на платформу, где стоят мои пушки.

Как раз в этот момент слышались вопли Кнопки. Очевидно, он почуял какую-то опасность. Но было уже

поздно. Машинист не успел затормозить, и Голубая Стрела на полном ходу вошла в глубокую лужу. Вода поднялась почти до уровня окошек. Куклы очень испугались и перебрались к стрелкам, на крыши вагонов.

— Мы на земле,— произнёс Машинист, вытирая с лица пот.

— Вы хотите сказать, что мы в воде,— пробормотал Капитан.— Ничего не остаётся делать, как спустить на воду мой парусник и принять всех на борт.

Но парусник был слишком мал. Тогда Главный Инженер предложил соорудить мост.

— Прежде чем мост будет построен, нас поймут,— качая головой, произнес Капитан.

Впрочем, другого выхода не было. Рабочие конструктора под руководством Инженера принялись за постройку моста.

— Подъёмным краном мы поднимем Голубую Стрелу и поставим её на мост,— пообещал Инженер.— Пассажирам даже выходить не придётся.

С этими словами он бросил горделивый взгляд на кукол. Те с восхищением смотрели на него. Только кукла Нера оставалась верна своему Пилоту и не сводила с него глаз.

Пошёл снег. Уровень воды в луже стал подниматься, и сложные расчёты Инженера были сведены на нет.

— Нелёгкая вещь — построить мост во время наводнения,— сквозь зубы проговорил Инженер.— Но мы всё же попытаемся.

Чтобы ускорить работы, Полковник предоставил в распоряжение Инженера всех своих стрелков.

Мост поднимался над водой. В тёмной снежной ночи слышались звон железа, удары молотков, скрип тачек.

Индейцы и ковбои переправились через лужу на лошадях и расположились лагерем на другом берегу. Далеко внизу виднелась красная точка, которая то угасала, то ярко вспыхивала, как светлячок. Это была трубка Серебряного Пера.

Выглядывая из окошек вагонов, пассажиры следили за этим красным огоньком, который сиял как далёкая надежда.

Три марионетки предположили хором:

— Кажется, это звезда!

Это были сентиментальные марионетки: они умудрялись видеть звёзды даже в снежную ночь. И пожалуй, они были счастливы, не так ли?

Но вот загревели крики «ура». Люди Главного Инженера и стрелки достигли берега — мост был готов!

Подъёмный кран поднял Голубую Стрелу и поставил её на мост, на котором, как и на всех железнодорожных мостах, уже были проложены рельсы. Начальник Станции поднял зелёный семафор, давая сигнал к отправлению, и поезд с лёгким скрежетом двинулся вперёд.

Но не успел он проехать несколько метров, как Генерал снова поднял тревогу:

— Потушить все огни! Над нами вражеский самолёт!

— Тысяча сумасшедших китов! — воскликнул Полубородый Капитан. — Съесть мне мою бороду, если это не Фея!

С грозным гулом огромная тень спускалась на площадь. Беглецы уже могли различить метлу Феи и сидевших на ней двух старушек.

Фея, надо вам сказать, уже почти примирилась с потерей своих лучших игрушек. Она собрала все игрушки, оставшиеся в шкафах и на складе, и отправилась по своему обычному маршруту, как всегда вылетев из трубы на метле.

Но она не добралась ещё и до половины площади, как восклицание служанки заставило её повернуть обратно.

— Синьора баронесса, посмотрите вниз!

— Куда? А, вижу, вижу!.. Да ведь это фары Голубой Стрелы!

— Мне кажется, что это именно так, баронесса.

Не теряя времени, Фея повернула ручку метлы на юго-запад и спикировала прямо на свет, отражавшийся в воде лужи.

На этот раз Генерал поднял тревогу не напрасно. Свет погасили. Машинист включил мотор на полную скорость и в одно мгновение переехал через мост. Платформа, на которой стоял парусник Капитана, и два последних вагона едва успели стать на твёрдую землю, как мост с грохотом рухнул.

Кто-то предположил, что Фея принялась бомбить мост, но оказалось, что это Генерал, никого не предупредив, заминировал мост и взорвал его.

— Я лучше проглочу его по кускам, чем оставлю неприятелю! — воскликнул он, покручивая усы.

Фея уже спустилась почти к самой земле и с огромной скоростью приближалась к Голубой Стреле.

— Выстрее налево! — закричал один из ковбоев.

Не дожидаясь, пока Начальник Станции подтвердит приказание, Машинист свернул влево, да так быст-

ро, что поезд чуть не разорвался пополам и вошёл в тёмный подъезд, в котором мерцал красный огонёк трубки Серебряного Пера.

Голубую Стрелу поставили как можно ближе к стене, дверь подъезда закрыли и заперли на засов.

— Интересно, она нас увидела?— прошептал Капитан.

Но Фея не заметила их.

— Странно! — бормотала она в этот момент, описывая круги над площадью.— Можно подумать, что их проглотила земля: нигде никаких следов... Голубая Стрела была лучшей игрушкой моего магазина! — со вздохом продолжала Фея.— Ничего не понимаю: может быть, они убежали от воров и ищут дорогу домой? Кто знает! Но не будем терять времени. За работу! Нам нужно разнести бесчисленное множество подарков.— И, повернув метлу на север, она исчезла в снегопаде.

Бедная старушка, представьте себя на её месте: её магазин обворовали как раз в новогоднюю ночь! А она знает, что в тысячах домов в этот день ребята подвешивают к камину чулок, чтобы утром найти в нём подарок Феи.

Да, есть отчего схватиться за голову!.. А вдобавок ещё этот снег — он бьёт в лицо, залепляет глаза, уши. Что за ночь, синьоры мои, что за ночь!

Глава девятая ПРОЩАЙ, КУКЛА РОЗА!

— Здесь темно, как в бутылке с чернилами,— бормотал Начальник Станции.

— Неприятель может устроить нам здесь любую ловушку,— добавил Генерал.— Пожалуй, лучше зажечь фары.

Машинист включил фары Голубой Стрелы. Беглецы осмотрелись. Они находились в подъезде, загромождённом пустыми ящиками из-под фруктов. Это был подъезд Фруктового магазина.

Куклы вышли из вагонов, собрались в уголок и подняли там невероятный шум.

— Тысяча китов-болтунов! — заворчал Полубородый Капитан. — Эти девчонки ни минуты не могут помолчать.

— Ой, здесь кто-то есть! — воскликнула кукла Роза своим милым голоском, похожим на трель кларнета.

— Мне тоже кажется, что здесь люди, — сказал Машинист. — Но кому могла прийти в голову глупая мысль сидеть в подъезде в такую холодную ночь? Что касается меня, то я отдал бы колесо моего паровоза за хорошую постель с грелкой в ногах.

— Это девочка, — заговорили куклы.

— Посмотрите, она спит.

— Как она замёрзла! У неё ледяная кожа.

Самые смелые куклы протягивали свои ручки, чтобы пощупать, какая холодная у девочки кожа. Делали они это очень тихо, боясь разбудить девочку, но та не просыпалась.

— Какая она оборванная! Может быть, она поссорилась с кем-нибудь?

— А может быть, подруги побили её, и она боится теперь вернуться домой в такой грязной и изорванной одежде?

Незаметно они стали говорить громче, но девочка ничего не слышала, оставаясь неподвижной и белой, как снег. Она сжала руки под подбородком, как бы желая согреться, но и руки её были ледяные.

— Попробуем согреть её, — предложила кукла Роза.

Она ласково коснулась своими ручонками рук девочки и стала растирать их. Бесполезно. Руки девочки были как два куска льда. Один стрелок спустился с крыши вагона и подошёл к девочке.

— Э-э-э, — протянул он, бросив взгляд на маленькую, — много я видел таких девочек...

— Вы её знаете? — спросили куклы.

— Знаю ли я её? Нет, именно эту не знаю, но встречал похожих на неё. Это девочка из бедной семьи, и всё тут.

— Как мальчик из подвала?

— Ещё беднее, ещё беднее. У этой девочки нет дома. Снег застал её на улице, и она укрылась в подъезде, чтобы не умереть от холода.

— А сейчас она спит?

— Да, спит,— ответил солдат.— Но странный у неё сон.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не думаю, чтобы она проснулась когда-нибудь.

— Не говорите глупостей! — решительно возразила кукла Роза.— Почему она не должна проснуться? А вот я останусь здесь до тех пор, пока она не проснётся. Я уже устала путешествовать. Я домашняя девочка, и мне не нравится бродить ночью по улицам. Я останусь с этой девочкой и, когда она проснётся, пойду вместе с ней.

Кукла Роза совершенно преобразилась. Куда только делся её глупый и хвастливый вид, который так раздражал Полубородого Капитана! Удивительный огонь зажёгся в её глазах, и они стали ещё более голубыми.

— Я останусь здесь! — решительно повторила Роза.— Конечно, это нехорошо по отношению к Франческо, но вообще-то я не думаю, чтобы его огорчило моё отсутствие. Франческо — мужчина, и он даже знать не будет, что ему делать с куклой. Вы передадите ему мой привет, и он простит меня. А потом, кто

знает, может быть, эта девочка пойдёт в гости к Франческо, возьмёт меня с собой, и мы ещё увидимся.

Но почему это она говорила и говорила без конца, как будто в горле у неё было полно слов и ей приходилось выбрасывать их наружу, чтобы не задохнуться?

Потому, что она не хотела, чтобы заговорили другие. Она боялась услышать отрицательный ответ, боялась, что ей придётся покинуть одинокую девочку в тёмном подъезде в такой холод. Но никто не возразил ей. Кнопка вышел из подъезда на разведку и, вернувшись, объявил, что дорога свободна и можно отправляться в путь.

Один за другим беглецы садились в поезд. Начальник Станции на всякий случай приказал ехать с потушенными огнями.

Голубая Стрела медленно двинулась к выходу.

— Прощай, прощай! — шёпотом говорили игрушки кукле Розе.

— До свидания, — дрожащим голосом отвечала она. Нечего скрывать, ей было страшно оставаться одной. Она прижалась к спящей девочке и повторила: — Прощайте!

Три марионетки все вместе высунулись из окошка.

— Прощай! — хором прокричали они. — Нам хочется плакать, но ты ведь знаешь, что это невозможно. Мы сделаны из дерева, и у нас нет сердца. Прощай!

А у куклы Розы было сердце. По правде сказать, она никогда раньше не чувствовала его. Но сейчас, оставшись одна в тёмном, незнакомом подъезде, она почувствовала в груди глубокие учащённые удары и поняла, что это билось её сердце. И билось оно так сильно, что кукла не могла произнести ни слова.

Сквозь удары сердца она едва расслышала стук колёс удалявшегося поезда. Потом шум затих, и ей показалось, что кто-то произнёс: «Не видать тебе больше твоих подруг, маленькая».

Ей стало очень страшно. Но усталость и волнения, перенесённые во время путешествия, дали себя знать. Кукла Роза закрыла глаза. Да и к чему было держать их открытыми? Ведь было так темно, что она не видела даже кончика своего носа. Закрыв глаза, она незаметно заснула.

Так и нашла их утром привратница: обнявшись, как сестрёнки, на полу сидели замёрзшая девочка и кукла Роза.

Кукла не понимала, почему все эти люди собрались в подъезде, и с недоумением смотрела на них. Пришли настоящие, живые карабинеры, такие большие, что просто ужас.

Девочку отнесли в машину и увезли. Кукла Роза так и не поняла, почему девочка не проснулась: ведь до этого она никогда не видела мёртвых.

Один карабинер взял её с собой и отнёс командиру. У командира была девочка, и командир взял куклу для неё.

Но кукла Роза не переставала думать о замёрзшей девочке, около которой она провела новогоднюю ночь. И каждый раз, думая о ней, она чувствовала, как леденеет её сердце.

Глава десятая ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА

Опустив мордочку к самой земле, Кнопка бежал перед паровозом. Снег покрывал мостовую плотным одеялом. Всё труднее и труднее было отыскивать под снегом запах порванных башмаков Франческо. Кнопка часто останавливался, нерешительно оглядывался по сторонам, возвращался назад, менял направление.

— Может быть, Франческо останавливался здесь поиграть? — говорил пёс про себя. — Поэтому следы такие запутанные.

Машинист, прищурив глаза, медленно вёл поезд за Кнопкой. Пассажиры в поезде стали мёрзнуть.

— Нужно ехать быстрее, — бормотал Капитан. — Я боюсь, что таким ходом мы приедем только на будущий год или нас раздавит утром первый же трамвай.

Следы шли зигзагами, и Голубой Стреле приходилось подниматься на тротуары, спускаться с них, описывать кривые по площадям, по три-четыре раза пересекать одну и ту же улицу.

— Что за манера бродить по улицам! — бормотал Начальник Станции. — Учат, учат детей, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая

линия, а они, как только выйдут на улицу, сразу же начинают бродить по округности. Возьмите этого Франческо: на пути в десять метров он десять раз пересёк улицу. Удивляюсь, как он не попал под машину.

Кнопка неустанно искал в снегу следы Франческо. Он почти не чувствовал ни холода, ни усталости и дорогой мысленно разговаривал с Франческо, как будто тот мог слышать его: «Мы все идём к тебе, Франческо! Это будет чудесный сюрприз для тебя. Вот увидишь». Он так увлёкся мысленными разговорами с Франческо, что не заметил, как следы куда-то исчезли. Он рыскал по всем направлениям, но никак не мог отыскать их. След кончился здесь, посередине этой узкой, слабо освещённой улицы, а не перед подъездом или где-нибудь на тротуаре.

«Невероятно! — подумал Кнопка. — Не мог же он подняться в воздух?»

— Что там случилось? — закричал Генерал, которому повсюду чудились враги.

— Кнопка никак не отыщет следов Франческо, — хладнокровно сообщил Машинист.

Раздался общий стон. Куклы уже видели себя погребёнными под снегом посередине улицы.

— Тысяча мороженных китов! — воскликнул Полубородый. — Только этого ещё нам не хватало!

— Его украли! — возбуждённо проговорил Генерал.

— Кого украли?

— Ребёнка, черт возьми! Нашего Франческо! Его следы доходят до середины улицы и там кончаются. Что это означает? Его подняли в воздух, швырнули в машину и увезли прочь.

— Но кто же мог украсть его? Кому нужен бедный ребёнок?

— Что же нам делать? — воскликнул Начальник Станции, который начинал терять терпение.

Выручил Сидящий Пилот. Он предложил слетать на разведку, и, так как никто не мог предложить ничего лучшего, предложение было принято. Самолет набрал высоту. Некоторое время его ещё видели в слабом свете уличного фонаря, но вот уже он исчез из виду, а вскоре затих и шум мотора.

— Ручаюсь, что мальчика украли, — продолжал настаивать Генерал. — Это значит, что страшная опас-

ность угрожает всем нам. Ко мне, мои солдаты! Зарядите быстрее пушки, поставьте их вдоль поезда и приготовьтесь открыть огонь!

Артиллеристы заворчали:

— Чтоб он простудился! Заряжать и разряжать всю ночь! А заряды уже промокли и не взорвутся, если даже их бросить в Везувий!

— Молчать! — прикрикнул Генерал.

Стрелки, неподвижно стоявшие на крышах вагонов, смотрели сверху вниз на своих братьев, которые потели, таская тяжёлые пушки.

«Везёт артиллеристам! — думали стрелки. — Они работают, а нас уже до колен засыпало снегом. Пройдёт немного времени, и мы превратимся в снежные статуи!»

Музыканты тоже были в отчаянии: снег набился в трубы и закупорил их.

Тут произошло нечто непонятное: как только первую пушку сняли с платформы, она исчезла под снегом. Вторая провалилась, как будто под ней было озеро. Земля проглотила третью пушку. Короче говоря, как только пушку спускали с платформы, она исчезала под снегом.

— Что такое... Это же... — От удивления и негодования Генерал потерял дар речи. Он опустил на колени и принялся разрывать снег руками.

И тут всё разъяснилось. Оказалось, что пушки ставили прямо на прикрытое снегом отверстие ямы, и они проваливались в воду, журчавшую под снегом.

Генерал так и остался стоять на коленях, как будто сражённый молнией. Он сорвал берет, стал рвать волосы на голове и, может быть, содрал бы и кожу, если бы не услышал, что артиллеристы смеются.

— Несчастные! Лучшие, единственные орудия нашей армии попали в ловушку неприятеля, а вы смеётесь! Разве вы не понимаете, что теперь мы безоружны? Все под арест! По возвращении в казарму вы все предстанете перед судом военного трибунала!

Артиллеристы сразу же приняли серьёзный вид, но продолжали вздрагивать от едва сдерживаемого смеха.

«Не так уж плохо, — думали они, — по крайней мере мы не будем болше заряжать и разряжать пушки!

Нам и без пушек хорошо: меньше работы». Пусть синьор Генерал кричит, сколько ему угодно.

Генерал, казалось, постарел лет на двадцать. Волосы его побелели, может быть, ещё и оттого, что он снял берет и снег падал на его голову со скоростью сантиметра в секунду.

Камни прослезились бы при виде этой сцены! Но, к несчастью, камни не могли видеть этого: ведь они сами были под снегом.

— Всё кончено! — рыдал Генерал. — Кончено! Мне нечего больше делать!

У него было такое ощущение, словно он кушал чудесное пирожное и вдруг, неизвестно каким образом, вся сладость исчезла, и он обнаружил, что жуёт что-то вроде безвкусного картона. Без пушек жизнь Генерала была безвкусной, как еда без соли.

Он продолжал неподвижно стоять на коленях, не обращая внимания на все просьбы, и даже не отряхивал с себя снег.

— Синьор Генерал, на вас падает снег, — услужливо заметили артиллеристы и хотели стряхнуть снег с его плеч.

— Оставьте меня, оставьте меня в покое!

— Ведь снег совсем засыплет вас. Он дошел уже до колен.

— Неважно.

— Синьор Генерал, снег уже вам по грудь.

— Я не чувствую холода. Сердце у меня сейчас холоднее снега.

В одно мгновение Генерал был почти целиком покрыт снегом. Некоторое время ещё виднелись его усы, но вот и они исчезли. Вместо Генерала осталась снежная статуя — статуя коленопреклонённого Генерала, вцепившегося руками в края ямы, в которую провалились его пушки. Бедный Генерал, что за гибель!

По-моему, он не заслужил такой участи, хотя и хотел её. Никто не мешал ему подняться, отряхнуть снег и укрыться в вагоне. Будучи Генералом, он имел право ехать в вагоне первого класса. Однако он предпочёл превратиться в снежную статую.

Но оставим Генерала с его холодной судьбой. Прощай, синьор Генерал! Мы не забудем тебя.

Но я-то хорош! Теряю время на поминки по Генералу, когда пассажирам Голубой Стрелы угрожают

очень серьёзные неприятности. На этот раз речь идёт о Кошке. Настоящей, не игрушечной Кошке величиной с целых два вагона Голубой Стрелы.

Пока мы все смотрели на Генерала и мысли наши были заняты его самопожертвованием, страшная хищница тихонько подобралась по снегу, осмотрела всех своими зелёными глазищами и выбрала добычу.

Вы ещё не забыли о Канарейке в клетке, которая прыгала на своей пружине и всё время напевала «чик-чик»? Ну вот, добавлю только, что клетка с Канарейкой была подвешена снаружи к окошку Голубой Стрелы. Вообще-то клетка должна была висеть в вагоне, но Канарейка своим несмолкаемым пением так всем надоела, что клетку подвесили снаружи.

Кошка заметила неосторожную Канарейку и решила полакомиться ею.

«Я сломаю клетку одним ударом лапы», — подумала она.

Так и вышло.

«Ещё одним ударом я заставлю Канарейку замолчать», — подумала Кошка.

Но так не вышло.

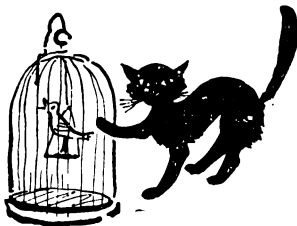
Канарейка почувствовала, как острые когти скользнули по её крыльям, и испустила отчаянное «чик-чик». Затем что-то треснуло, щёлкнуло, и распрямившаяся пружина больно ударила агрессора по носу.

Полуослепшая от боли и напуганная неожиданным ударом — кто мог ожидать такую энергичную защиту от Канарейки? — Кошка убралась прочь. Ковбои некоторое время пытались преследовать её, но их кони проваливались в снег и не могли бежать быстро.

Да, на этот раз Кошка вместо добычи получила удар по носу. Но и бедная Канарейка лежала в снегу вся изуродованная. Из-под крыльев у неё торчала стальная пружина. Раскрытый клюв замолк навсегда.

В течение нескольких минут Голубая Стрела потеряла двух своих пассажиров.

Третий — Сидящий Пилот — в этот момент летел неизвестно где на своём самолёте. А может быть, уже порыв ветра ударил его о печную трубу? Или он рухнул на

землю под тяжестью снега, облепившего слабые крылья его самолёта? Кто знает!

Канарейку с воинскими почестями похоронили под снегом. Стрелки вытряхнули из своих труб снег и сыграли похоронный марш. Сказать по правде, звук труб был какой-то простуженный — казалось, что музыка доносилась издалека, с соседней улицы. Но всё же это было лучше, чем ничего.

Впрочем, история Канарейки на этом не кончается. Её друзья из Голубой Стрелы не знают продолжения этой истории, потому что, похоронив Канарейку, они возобновили свой ночной марш. Но я на некоторое время задержался здесь и видел, как ночной сторож слез со своего велосипеда, колесо которого наткнулось на клетку Канарейки.

Ночной сторож подобрал её, подвесил к велосипеду и тут же, прямо посреди улицы, попробовал вправить пружину. Чего только не сделают две искусные руки! Через несколько минут прозвучало «чик-чик» Канарейки, немного приглушённое, но от этого ещё более весёлое и беспечное.

«Она понравится моему сыну, — подумал ночной сторож. — Я скажу ему, что Канарейку мне дала Фея. Скажу, что встретил её ночью на улице и она передала ему привет и пожелание весёлой, счастливой жизни».

Так подумал ночной сторож. Может быть, он думал ещё что-нибудь, но у меня нет времени сообщить вам об этом, потому что я должен продолжить рассказ о приключениях Голубой Стрелы. А ночной сторож поехал дальше, и на поворотах, вместо того чтобы звонить в велосипедный звонок, он толкал клетку, и тогда раздавалось весёлое «чик-чик» Канарейки. Мне кажется, что он неплохо придумал.

Глава одиннадцатая ПОЛЁТ СИДЯЩЕГО ПИЛОТА

Все мы в сборе? Нет, не хватает Сидящего Пилота, который отправился на своём аэроплане на поиски следов Франческо.

Это был опасный полёт: ведь погода была совсем не лётная. Стараясь держаться середины улицы, чтобы

не запутаться в электрических проводах или не натолкнуться на какое-нибудь здание, Сидящий Пилот с завистью думал о Фее:

«Интересно, каким образом эта старая синьора летает на своей метле, если я на самолёте новейшей конструкции и то ежеминутно рискую рухнуть на землю?.. Хотел бы я знать,— продолжал про себя доблестный авиатор,— в какую сторону мне сейчас направиться? Ничего не видно ни вверху, ни внизу, ни слева, ни справа, да я и не верю, чтобы Франческо оставил какие-нибудь следы в облаках. По-моему, нужно спуститься ниже».

Он пошёл на снижение, но ему моментально пришлось снова набрать высоту, чтобы не приземлиться на голову ночному сторожу, который быстро ехал по улице на своём велосипеде. Возможно, это был тот самый сторож, который нашёл Канарейку.

Спустя некоторое время Пилоту показалось, что ночь стала чуть посветлее.

«Может быть, я вылетел на площадь? — проговорил он про себя.— Попробую спуститься ещё раз».

Он снова пошёл на снижение, но вдруг перед ним выросла огромная мрачная тень, из глубины которой прозвучал громкий голос:

— Эй, синьор Пилот, приземляйтесь, пожалуйста, сюда!

Сидящий Пилот моментально принял решение: «Сделаю вид, что не расслышал. Я никого не знаю в этих краях и не хотел бы нарваться на какую-нибудь неприятную встречу».

Но только он это подумал, как чья-то гигантская рука осторожно взяла аэроплан и потащила его к себе.

— Я пропал! — громко воскликнул Сидящий Пилот.

— Почему пропал? Я никогда не был ни бандитом, ни разбойником,— ответил хозяин руки.— А теперь я всего-навсего мирный бронзовый Памятник, стоящий в центре площади, и у меня даже в мыслях нет сделать вам что-нибудь плохое.

Сидящий Пилот облегчённо вздохнул и осмелился наконец посмотреть, откуда исходил голос. Он увидел огромное добродушное лицо, на котором между усами и бородой скользнула приветливая улыбка.

— Кто вы такой?

— Я уже сказал вам. Я — Памятник. Раньше я был патриотом и с высоты моего коня призывал воинов к освобождению родины.

— А сейчас вы тоже на лошади?

— Да. Лошадь довольно большая, как же вы её не заметили?

— Я летел высоко. Сейчас, с вашего разрешения, я отправлюсь дальше. Я сделаю над вами круг, чтобы лучше осмотреть вас и вашу лошадь.

— К чему спешить? — улыбнулся Памятник. — Подождите ещё минутку, давайте немного поболтаем. Мне так редко случается говорить с кем-нибудь, что я чувствую, как у меня онемел язык и губы двигаются с трудом. Я уже давно услышал жужжание вашего самолёта и очень удивился. «Неужели, — думаю, — летает муха в такое время года?» Что за история! Клянусь, что такие маленькие аэропланы я видел только в руках детей!

Сидящий Пилот рассказал, что его аэроплан тоже детская игрушка, и в нескольких словах сообщил Памятнику о своих делах и о Голубой Стреле.

— Очень интересно, — ответил Памятник, внимательно выслушав рассказ. — Я тоже люблю детей. В хорошую погоду они всегда прибегают поиграть около моего коня. А сейчас выпал снег, и они оставили меня одного. Но это вполне естественно, и я не обижаюсь. Правда, один из них частенько навещает меня и сейчас, хотя я не могу поручиться, что он приходит именно ко мне. У этого мальчугана каштановые волосы, и чуб опускается ему на самые глаза. Он приходит, садится на ступеньки и долго думает о чём-то. Потом уходит. Мне кажется, что он чем-то очень расстроен.

— Если бы его звали Франческо, — вздохнул Сидящий Пилот, — он мог бы оказаться нашим другом. Что вы об этом думаете?

— К сожалению, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь произносил его имя. Вообще-то у людей не принято, чтобы они сами себя называли по имени, — они ждут, пока их позовут другие. Но этот мальчик мне кажется одиноким, и в этих краях никто его не знает.

— Если бы его звали Франческо... — снова вздохнул Сидящий Пилот.

Неожиданно его осенила блестящая идея:

— Только Кнопка может решить этот вопрос. Он обнюхает ступеньки и скажет нам, Франческо это или нет.

— Хорошо сказано — хорошо сделано. И я буду иметь удовольствие познакомиться со всей вашей компанией.

— Но... — пробормотал Сидящий Пилот, становясь грустным, — как он мог попасть сюда? Ведь следы теряются там, посреди улицы.

Памятник усмехнулся в усы.

— Вижу, что вы не совсем хорошо знаете ребят, — вежливо заметил он. — В противном случае вы бы знали, что они любят путешествовать на подножке трамвая. Они не должны так делать, потому что это запрещено. Но иногда они нарушают это правило. Как раз я вспомнил: вчера на подножке трамвая мимо меня проезжал мальчик с каштановыми волосами, и полицейский заставил его слезть.

— Тогда нечего сомневаться, это наверняка был Франческо! — весело воскликнул Сидящий Пилот.

Через четверть часа вся компания уже находилась у подножия Памятника.

Кнопка нервно бегал по ступенькам, обнюхивая их так, как будто хотел втянуть эти массивные мраморные ступени в свои ноздри. Он нюхал долго, чтобы не ошибиться. В действительности он сразу же почуял запах башмаков Франческо.

«Наконец-то мы тебя отыскали!» — ликовал он про себя.

— Ну? — нетерпеливо воскликнул Полубородый Капитан, у которого лопнуло терпение.

— Это Франческо, — изрёк наконец Кнопка, — мы отыскали его!

— Урра, тысяча треугольных китов!

Кто знает, что подразумевал Капитан, говоря о треугольных китах, которых не было и никогда не будет на свете. В порыве энтузиазма он не соображал, что говорил.

Памятник тоже был доволен. Где-то вверху среди ночи и снега загремел его смех. Затем смех передался ногам лошади, и ноги задрожали.

Полковник стрелков решил отметить это событие небольшим концертом своего оркестра. И тут случилось необыкновенное. Когда трубы стрелков

заняли один из их дьявольских маршей, ноги лошади отделились от пьедестала и принялись танцевать. Старый патриот при звуке фанфар почувствовал, как в его груди забилося сердце.

— Урра! — радостно закричал он. — Вон, иностранец! Ура! Иностранец, убирайся прочь!

Фанфары стрелков вернули его к жизни. Старый патриот прищипорил коня, съехал с мраморного пьедестала и рысью сделал круг по площади. Коньота глухо покали по снегу в такт музыке.

Это была такая волнующая сцена, что пассажиры Голубой Стрелы забыли о холоде и перенесённых невзгодах. Но Кнопка ни минуты не переставал думать о цели их путешествия.

— За мной! — воскликнул он своим смешным голосом и помчался впереди Голубой Стрелы по следу Франческо.

Голубая Стрела с трудом попевала за ним. А Памятник мчался на лошади без всякого труда. Как, и Памятник?.. Да, Памятник тоже ехал рысью за Кнопкой.

Глава двенадцатая БРОНЗОВЫЙ ПАМЯТНИК

— Тысяча китов-велосипедистов! — растерянно бормотал Полубородый Капитан. — Никогда мне не приходилось видеть, чтобы Памятник скакал по улице, как на бегах!

— Да, это не часто увидишь, — засмеялся Памятник. — Я не могу, конечно, ездить по улицам, когда хочу. Но иногда и я не прочь прогуляться.

— Конечно, ведь быть Памятником не очень-то весело.

— Ну нет, я бы не сказал. Некоторое удовлетворение мы тоже получаем. В городе мы важные персоны. Прежде всего вокруг нас должна быть площадь, несколько деревьев и хотя бы пара скамеек. На скамейках нищие могут подышать свежим воздухом зимой или погреться на солнышке летом. А кроме того,

* Слова из знаменитого «Гимна Гарибальди».

нас обычно ставят на высокие пьедесталы, окружённые ступеньками. На этих ступеньках играют дети. Мы, памятники, тоже приносим пользу и поэтому не жалуемся на свою судьбу. Однако иногда неплохо размять ноги хорошей прогулкой. Мне такое счастье выпадает раза два в год, когда случается что-нибудь необыкновенное. В эту ночь, например, марш оркестра стрелков... Если бы я не знал совершенно точно, что сделан из бронзы, я готов был бы держать пари, что кровь в моих жилах потекла вдвое быстрее.

— А что произошло, когда вы в последний раз прогуливались в своё удовольствие? — спросил Полубородый.

Собеседникам было довольно трудно понимать друг друга. Чтобы Памятник лучше слышал, Полубородый забрался на самую высокую мачту своего парусника и ежеминутно рисковал упасть и разбиться о палубу.

Памятник немножко замешкался с ответом: возможно, он не мог сразу вспомнить. Кто знает, как работает память у бронзовых памятников?

— Это,— заговорил он наконец,— было месяцев шесть тому назад. Помню, было воскресенье. На площади собралось много людей.

— И все видели, как вы гуляете?

— Нет, прогулка состоялась позже. Дайте же мне рассказать! Собралось много народу, и все они кричали. Сначала я не мог понять, чего они хотят, но потом слова стали доноситься отчётливее. И когда я разобрал, что они кричали, клянусь, сердце забилося у меня в груди. «Вон из Италии! — кричали они. — Прочь, иностранец!» Чёрт возьми, ведь это когда-то был мой победный клич! Мне казалось, что я вот-вот закричу вместе с ними: «Прочь, иностранец! Прочь, иностранец!» Вот как было дело.

— На этом всё кончилось?

— Нет, самое главное впереди. Пока люди кричали, приехали карабинеры. Я, конечно, не испугался их, но люди на площади стали разбегаться в разные стороны. Только один остался. Он взбежал по ступенькам пьедестала, вскарабкался на моего скакуна и принялся кричать: «Вон, иностранец!» «Молодец,— думал я про себя.— Видно, это настоящий патриот. Его непременно наградят медалью...»

Памятник замолчал.

— Ну, и дали ему? — спросил Полубородый.

— Что?

— Медаль?

— Какая там медаль, его посадили в тюрьму! Я не верил своим бронзовым глазам. На него надели кандалы и увели. Моё негодование было так велико, что, сам не заметив как, я опустился с пьедестала и галопом помчался по улице. Прежде чем я понял, что со мной происходит, я уже очутился перед тюрьмой.

— И вы увидели вашего друга!

— Да, я разглядел его в окошке на третьем этаже. Окошко было такое маленькое, что виднелись только его глаза и нос. Но я сразу узнал его взгляд и голос, когда он окликнул меня... Послушайте, мне пришла в голову неплохая мысль. Что, если он ещё там?

— Но прошло уже шесть месяцев, его уже, наверно, освободили.

— Пойдёмте посмотрим: тут всего два шага. Тюрьма находится в конце этой аллеи. Пойдёмте, это будет неплохой сюрприз нашему пленнику... Потом вы отправитесь дальше, а я вернусь на пьедестал.

И Машинист полным ходом повёл Голубую Стрелу в сторону тюрьмы, которая виднелась невдалеке, се-

рая и огромная, с сотнями узких чёрных дыр вместо окон.

— Никого не видно,— сказал Памятник, внимательно осмотрев все этажи.

— Давайте я посмотрю,— сказал Сидящий Пилот.

И вот он уже летит на высоте крыши и внимательно осматривает окошко за окошком. В камерах было полно заключённых, но Сидящий Пилот никого из них не знал. К счастью, на помощь пришла лошадь Памятника — она звонко заржала.

— Молодчина,— воскликнул Памятник,— ты тоже вспомнила о нашем друге!

На этот раз из окошка третьего этажа сразу же высунулось исхудалое лицо.

— Привет! — закричал Памятник, узнав заключённого.

— Привет! А я-то думал, что ты являлся мне во сне.

— А вот и не во сне! Так тебя всё ещё не освободили?

— А-а-а, здесь такая же история, как в книге о Пиноккьо*: воры выходят из тюрьмы, а патриоты остаются. Мне жаль только, что в эту новогоднюю ночь я нахожусь далеко от моей семьи. Мой мальчик ждёт, конечно, подарка от Феи, но какой подарок я смогу ему послать? Здесь нет игрушек.

— Нет? А мы что такое? — воскликнул тогда Сидящий Пилот.

Заключённый прищурил глаз и увидел маленький аэроплан, порхавший перед его глазами. Потом он посмотрел вниз и увидел Голубую Стрелу и ковбоев, гарцевавших по снегу на своих лошадях, которые с высоты казались маленькими мышатами.

Заключённый вздохнул:

— Ах, если бы здесь был мой сынок!

— А кто из нас, по-вашему, ему бы понравился? — спросил Кнопка, которого осенила новая идея.

«В конце концов,— подумал он,— необязательно, чтобы все мы пошли к Франческо. Многие дети остаются без подарков, и нам не мешало бы разделиться, чтобы понемногу порадовать всех».

* Речь идёт о книге писателя К. Коллоди «Приключения Пиноккьо», послужившей прототипом для книги А. Толстого «Приключения Буратино».

— Не знаю,— смутившись, ответил заключённый,— когда я был дома, он очень любил запускать бумажного змея.

— Тогда ему, без сомнения, понравится змей, который летает без ниток! — воскликнул Сидящий Пилот.

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что, если вы дадите ваш адрес, я полечу туда и приземлюсь на подушку вашего сына, как на самый лучший аэродром.

На этот раз Сидящий Пилот побил рекорд доброты.

Тут совершенно неожиданно Памятник разразился смехом.

— Прекрасно,— воскликнул он сквозь смех,— меня повысили! Меня повысили в должности. Я был простым Памятником, а стал Феей, которая разносит подарки!

— Ну как,— напомнил Сидящий Пилот,— вы дадите мне ваш адрес?

— Я... ну конечно, конечно! — заторопился заключённый. — Летите по этой аллее, потом свернёте направо и долетите до самого холма; сделайте круг над холмом и увидите дом с тремя трубами. Самая низкая труба — от моего камина. Вы не ошибётесь!

Сидящий Пилот повторил адрес, чтобы лучше запомнить его, попрощался со всеми и приготовился к полёту.

Во время этого разговора кукле Нере, по правде сказать, было очень грустно. Вы помните её? Это она не сводила глаз с Сидящего Пилота, а он даже не замечал этого. А сейчас Сидящий Пилот собирается улетать, и она никогда больше его не увидит. Слёзы выступили у неё на глазах. Но она собрала всё своё мужество и крикнула:

— Синьор заключённый, а дочери у вас нет?

— Есть, но она ещё очень мала и не понимает, что такое подарки.

— Но ведь она вырастет! И вырастет без подарков. Хороший же вы отец: совсем не беспокоитесь о вашей дочери!

Серебряное Перо вынул изо рта трубку и в первый раз за всё время рассмеялся.

Это было настолько странно, что все обернулись: никто ещё никогда не видел, чтобы он смеялся. Ведь известно, что краснокожие никогда не смеются.

— Кукла Нера обманывать. Она хочет лететь с Сидящий Пилот.

Кукла Нера была чернокожей, но она так покраснела от стыда, что чуть не превратилась в краснокожую.

Сидящий Пилот засмеялся, сделал круг над площадью, подхватил на лету куклу Неру, посадил её в кабину и крикнул:

— Вот кукла для вашей девочки! Можете не сомневаться: когда она вырастет, кукла ей понравится.

И самолёт с рокотом умчался вдаль.

Так мы расстались с этим симпатичным героем. Расстаёмся мы и с заключённым, потому что пришёл надзиратель и заставил его отойти от окна. Расстаёмся и со старым Памятником, который, проводив наших друзей, вернулся на свою площадь.

Сколько расставаний! Наверно, к концу путешествия, когда мы приедем к двери Франческо, нас останется очень мало.

Но, тсс, мы же ещё не приехали. Кнопка отыскал след, Голубая Стрела мчится вперёд. А кто это зловец улыбается за ветками деревьев? Кто следует по пятам за нашими друзьями?

Глава тринадцатая ПОДВИГ СЕРЕБРЯНОГО ПЕРА

— Синьора баронесса, это они!

— Тише, Тереза, тише, а то они услышат и убегут!

— Бог мой, только этого ещё не хватало после всех лишений, которые мы перенесли, отыскивая их!

— Замолчи, говорят тебе, а то я снижу тебе заработную плату!

Старая служанка замолчала, потому что, когда Фея обещала увеличить заработную плату, это можно было не принимать всерьёз, но когда она угрожала снизить её, можно было держать пари, что она сдержит своё обещание. Из всех арифметических действий сложение нравилось ей тогда, когда она подсчитывала свои доходы, а вычитание — когда ей приходилось платить другим. Она считала, что сложение и

умножение были действиями синьоров, а вычитание и деление — удел бедняков.

Всю ночь Фея и служанка мчались как сумасшедшие, рискуя сломать метлу, на которой летели. Когда они уже выбились из сил и собирались повернуть назад, острые глазки Феи заметили сквозь снегопад Голубую Стрелу, которая с потушенными фарами мчалась вдоль трамвайной линии в сторону городской окраины.

— Вот они,— сказала Фея.

Наши друзья ещё ничего не заметили: они так радовались, что наконец отыскиали следы своего Франческо.

— Следы совсем свежие,— ликовал Кнопка,— без сомнения, мы уже близки к цели!

Внезапно Серебряное Перо вынул трубку изо рта, как будто хотел что-то сказать. Однако не сказал ничего, но его уши стали двигаться во всех направлениях, как у волка; все краснокожие тоже стали прислушиваться.

Один из ковбоев, который был хорошо знаком с краснокожими, помчался предупредить Начальника Станции.

— Краснокожие что-то слышали.

— Ну и что же? На то у них и уши, чтобы слышать.

— Серебряное Перо чем-то озабочен. Может быть, он почуял какую-то опасность?

— Он что, тоже нюхает? Ну и поезд: вместо того чтобы двигаться по рельсам, двигается по запаху! Кнопка нюхает уже несколько часов подряд, а теперь за то же принялся этот старый дурак. Оставьте меня в покое, Голубая Стрела больше не остановится ни на секунду.

Должен вам признаться, что иногда на нашего Начальника Станции находит необъяснимое упрямство. Но ему всё же пришлось остановить поезд, потому что Серебряное Перо и все его люди выпрыгнули на ходу из вагона, рискуя сломать себе шею, и расположились вокруг Голубой Стрелы, держа наготове свои боевые топоры.

— Что всё это значит в конце концов?— яростно воскликнул Начальник Станции.— Не кажется

ли вам, что вы выбрали неподходящее время для шуток?

Серебряное Перо невозмутимо посмотрел на него.

— Мы слышать шум. Кто-то ходить по деревьям.

— Вы слышали шум? — воскликнул Начальник Станции.

И вдруг на дереве хрустнул сучок. Это старая служанка, боясь упасть, уцепилась за ветку, которая не выдержала её тяжести и треснула.

— Шш! — прошипела Фея. — Тихо! Не шевелись! Останься на месте, нас услышали!

— Не могу остаться на месте, я вот-вот упаду.

— Я говорю тебе: останься на месте!

— Скажите это ветке, синьора баронесса. Она трещит, я слышу. Ради бога, синьора хозяйка, помогите!

Услышав, что служанка назвала её «синьора хозяйка» вместо «синьора баронесса», Фея ужасно рассердилась. Служанка подумала, что Фея хочет поколотить её, и отпрянула назад. Но от слишком быстрого движения она потеряла равновесие и с криком рухнула вниз. Правда, она упала на снег и не ушиблась, но в тот же миг краснокожие окружили её и своими топорами, как кольями, пригвоздили к земле её юбку.

— Вернись назад! — закричала испуганная Фея. — Лезь скорее на дерево!

— Помогите, синьора хозяйка, помогите! Я попала в плен к индейцам! Они вырвут мне волосы!

Но Фея боялась ввязываться в сражение. Долгие годы игрушки повиновались ей беспрекословно. А сейчас хозяйка не была уверена в своей власти над ними. Они сами захотели убежать, теперь она это поняла. И, если судить по тому, как они обошлись с бедной служанкой, вряд ли захотят вернуться.

— Хорошо! — крикнула она. — Я полечу одна! Но не приходи потом жаловаться, если я снижу тебе заработную плату. Я не могу позволить себе роскошь платить

тебе деньги за то, что ты в рабочее время спокойно развалилась посреди улицы.

— Какое тут спокойствие, синьора хозяйка! Разве вы не видите, что они пригвоздили мою юбку к земле своими топорами?

Но Фея не стала её слушать. Бормоча проклятия, она улетела.

Серебряное Перо стоял в двух сантиметрах от носа служанки и с любопытством наблюдал за ней.

— Синьор индеец,— стала спрашивать бедная старушка,— вы вырвете мне волосы, не так ли? Ведь такой у вас обычай?

— Мы не вырывать ни один волос,— строго произнёс Серебряное Перо.— Мы есть храбрый индеец, никого не убиваем, а только играть с детьми.

— Ах, спасибо, синьор индеец! А что вы будете делать со мной? Если вы отпустите меня, то я обещаю вам...

— Что вы обещаете?

— Вот видите, я сделала список всех детей, которые не получают подарков от Феи. Что же вы думаете, мне ведь тоже их жаль... Я не могу видеть их грустные лица, когда они приходят к моей хозяйке. Я записала все их имена, видите? Вот он, список... Может быть, вы захотите отправиться к кому-нибудь из них?

Если бы ей позволили продолжать, она болтала бы ещё до сих пор, а ведь всё это случилось десять лет, шесть месяцев и пять дней тому назад.

Но Серебряное Перо молниеносно принимал свои решения. Он выхватил список, который протягивала ему служанка, приказал освободить её, вскочил в вагон вместе со своими людьми и снова взял в рот трубку.

— Что же делать теперь? — спросил Начальник Станции.

— Нас ждёт Франческо,— робко промолвил Кнопка.— Мы, наверно, находимся в десяти шагах от его дома.

— Сначала ходить в дом Франческо, и кто хочет — остаться с ним. Потом ходить к другим мальчишкам,— сказал Серебряное Перо.

— Тысяча бродячих китов! Если вы думаете, что я хочу путешествовать всю мою жизнь, как Летучий

Голландец, то вы жестоко ошибаетесь. Как только мы приедем к Франческо, я поставлю мой корабль в таз, подниму паруса, выберу якорь и попрощаюсь с вами тремя гудками сирены.

Последние слова Полубородого потонули в грохоте колёс. Голубая Стрела снова тронулась в путь. Никто даже не взглянул в сторону бедной старой служанки, которая отряхивала снег с юбки и печально вытирала глаза.

— Я не обижаюсь,— бормотала про себя бедная старушка,— они ничего плохого мне не сделали. Но неужели они думают, что моя хозяйка на самом деле такая скупая, какой она кажется? Нет, нет, я всем скажу, даже если вы не захотите выслушать меня: хозяйка, конечно, скуповата, но она ведь бедная. Она ничего не может дарить даром, потому что ей самой приходится покупать эти игрушки. Если бы она была так богата, как сказочная Фея, она всем раздавала бы подарки бесплатно. Но ведь она не Фея из сказки, а самая обыкновенная женщина. Поэтому она и даёт игрушки только тем, кто платит.— И старушка, прихрамывая, направилась к магазину Феи, чтобы дождаться там свою хозяйку, которая в полночь обычно возвращалась домой, чтобы подкрепиться чашечкой кофе.

«Я волью ей в кофе три ложечки рома,— подумала старая служанка,— она будет довольна и не будет особенно ругать меня».

Тем временем Кнопка бежал все быстрее. Следы привели его в очень узенькую улочку, в которой было столько снега, что пришлось пустить в ход снегоочиститель. Перед одной дверью следы кончились. Кнопка остановился так внезапно, что Машинист едва успел затормозить, чтобы не задавить щенка.

— Мы приехали? — спрашивали пассажиры.

— Да, приехали,— подтвердил Кнопка, сердце которого стучало, как молоток: тук, тук, тук...

— Тогда войдёмте,— предложил Начальник Станции, с любопытством глядя на дверь.

Это была такая же дверь, как и все остальные, только все двери были закрыты, а эта открыта.

— Что за люди? — воскликнул Начальник Станции.— Спят в январе с открытой дверью, да ещё в такую метель! Может быть, они не чувствуют холода?

Глава четырнадцатая

СЕРДЦА ТРЁХ МАРИОНЕТОК

Пассажиры Голубой Стрелы огорчённо смотрели друг на друга.

— Бедный мальчик! — вздохнул Машинист. — Что же с ним случилось?

— Сколько мы проехали, и всё без толку! — добавил Начальник Станции.

— Тысячи бродячих китов! — слышалось ворчанье Полубородого Капитана. — Мы думали, что прибыли в порт, а на самом деле снова находимся в открытом море.

Куклы выглянули из окошек и вышли из поезда, но тут же вскочили обратно в вагоны, чтобы не промочить ноги в снегу.

Лошади ковбоев топтались на месте.

— Нам ничего не остаётся, как вернуться в лавку Феи, — грустно прошептал Начальник Станции.

— Никогда! — решительно воскликнул Полубородый. — Скорее я буду плавать в луже или сделаюсь пиратом!

— Что же вы предлагаете?

— Я уже сказал: что касается меня, то к хозяйке я не вернусь.

Серебряное Перо вспомнил о списке, который он взял у служанки Феи. Он вытащил список из кармана и принялся изучать его.

— Здесь есть много Франческо, — сказал он.

Перед пассажирами Голубой Стрелы сверкнул луч надежды.

— А наш Франческо здесь есть?

— Нет. Здесь много других Франческо и много Пьетро, Анн, Марий, Джузеппе.

— Все эти дети не получают подарков от Феи, — прошептал Полубородый. — Кто знает! Может быть... Правильно я говорю?

— Да, — неохотно согласился Начальник Станции, — я понял, что вы хотели сказать. Если мы не найдём нашего Франческо, то можем осчастливить других детей. Что скажет на это Серебряное Перо?

Старый поезд ещё никак не мог понять, что в мире есть много мальчиков по имени Франческо и большин-

ство из них остались без подарков. Может быть, он думал, что в мире существует только один Франческо или по крайней мере два — богатый и бедный. А тут в одном списке бедняков оказалось так много Франческо, что только чтобы перечислить их всех, нужно кончить по меньшей мере третий класс начальной школы.

— Как много Франческо! — продолжал повторять он. Казалось, только сейчас он обнаружил, что мир такой большой. А ведь они всю ночь кружили по городу, видели тысячи домов с тысячами окон.

— Мы ходить искать все Франческо, — сказал наконец Серебряное Перо.

— Все по вагонам! — закричал Начальник Станции.

Но в этой команде уже не было надобности: все пассажиры и без того сидели в вагонах, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Три марионетки мёрзли за троих и так сильно стучали зубами, что в их купе никто не мог уснуть.

— Нельзя ли потише? — ворчали пассажиры. — Разве вы не видите, что мы устали и нуждаемся в отдыхе? Сердца у вас нет!

— Да, у нас нет сердца, — грустно ответили три марионетки.

— Ах, оставьте ваши шутки!

— Это не шутки, у нас действительно нет сердца. Мы сделаны из дерева и из папье-маше. Если бы у нас было сердце, нам не было бы так холодно.

Из коробки карандашей выскочил Красный.

— Я позабочусь об этом, — сказал он.

И тремя штрихами он нарисовал сердца на платьях трёх марионеток. Получились три чудесных красных сердца. Они были немножко кривые с одной стороны и такие большие, что занимали всю грудь.

— Готово,— удовлетворённо объявил Красный Кандаш.

— Спасибо,— поблагодарили три марионетки.

— Лучшие вам теперь?

— О, гораздо лучше! Мы теперь чувствуем тепло на груди, под сердцем.

А через несколько минут они почувствовали тепло в ушах, в руках и в ногах — словом, в самых отдалённых от сердца местах, где холод особенно мучает бедных людей.

— Теперь мы совсем согрелись,— сказали три марионетки. — Как хорошо иметь сердце!

И, довольно поглядывая на грудь, где три больших красных сердца сверкали, как медали за отвагу, они спокойно заснули.

Тем временем Голубая Стрела медленно двинулась вперед. Дорогу паровозу указывал...

— Кнопка! — скажете вы.

Нет, друзья, вы ошиблись. Кнопка не поехал. Кнопка остался на пороге дома Франческо, своего Франческо.

— Я не пойду с вами,— робко сказал он,— я хочу найти Франческо.

— Но ведь их так много!

— Я знаю, но я хочу отыскать нашего.

Верный маленький пёсик печально смотрел на удаляющуюся Голубую Стрелу.

Перед паровозом ехал Мотоциклист, который держал на руле, как на пюпитре, список с адресами детей.

— Счастливого пути! — чуть слышно крикнул Кнопка.

Но никто его уже не слышал.

Глава пятнадцатая ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ФРАНЧЕСКО

Бедный Кнопка! Конечно, он не мог знать, где Франческо. Разве только я сказал бы ему это на ухо. Я единственный человек, который это знает, потому что я выдумал эту историю. Я могу отправить Франческо куда захочу. Могу заставить его спать или бодр-

ствовать, могу посадить его на верхушку самой высокой башни или заставить ехать в автомобиле.

Так где же Франческо?

Лучше сказать вам об этом, и прежде всего я должен признаться, что обманул вас. Это неправда, что я выдумал Франческо. Франческо существует на самом деле; сейчас он уже вырос и, может быть, даже не помнит о своих приключениях в ту новогоднюю ночь. Но я помню, что в то время Франческо было десять лет, он учился в четвёртом классе, а после уроков продавал газеты.

Свой маленький заработок Франческо должен был приносить домой. Его отец болел, а мать работала прислугой у богатых синьоров.

За несколько дней до Нового года отец умер. Франческо и его матери пришлось переехать, потому что их комната стоила слишком дорого. Они погрузили свои скудные пожитки на тележку и отправились на окраину города, туда, где стояли деревянные бараки с окнами без стёкол, заклеенными старыми плакатами.

А знаете, почему Кнопка не мог найти следов Франческо? Потому что мальчику пришлось выбросить свои старые башмаки и надеть башмаки отца. Они тоже были старые, но пока ещё не совсем развалились. Ноги Франческо так свободно болтались в них, что туда могли поместиться вдобавок ноги обоих его братьев.

Впрочем, даже если бы Кнопка каким-нибудь чудом отыскал в этот вечер новый дом Франческо, этот старый, полуразвалившийся деревянный барак, наши друзья и там не застали бы мальчика. Дело в том, что Франческо нашёл себе новую работу. Он поступил в маленький кинотеатр, где в перерывах между сеансами продавал зрителям конфеты. Кинотеатр закрывался довольно поздно, после полуночи, но Франческо оставался там ещё на целый час, чтобы подмести пол, заваленный окурками и конфетными обёртками. После этого он пешком возвращался через весь город домой.

Понимаете теперь, почему Франческо приходил утром в школу рассеянный и сонный?

— Франческо, — строго говорил иногда учитель, — ты сегодня не умывался, вот почему тебя клонит ко сну. Ступай немедленно приведи себя в порядок.

Франческо вставал и выходил из класса, не глядя на товарищей, которые посмеивались за его спиной.

Он скорее умер бы, чем рассказал им о своих несчастьях. Он был горд! И никто даже не подозревал, что этот худенький и бледный мальчуган с огромным растрёпанным чубом содержит на свой заработок всю семью. Ведь сейчас, когда умер отец, мама не могла оставить двух младших братьев на целый день одних и зарабатывала гораздо меньше.

Теперь вы знаете, кто такой Франческо. Но вы не знаете, что случилось с ним в новогоднюю ночь.

Окончив работу, Франческо возвращался домой. Вдруг он почувствовал, как чья-то рука зажала ему рот, а другая обхватила шею. В тот же миг его втащили в подъезд.

Чей-то голос произнёс:

— Он маленький, сможет пролезть.

— Сейчас увидим,— шепнул второй голос.

Голоса звучали как-то приглушённо. Когда глаза Франческо немного привыкли к темноте, он увидел,

что на незнакомцах были надеты чёрные маски, закрывавшие нижнюю часть лица. Франческо сразу понял, что это бандиты. Как раз сегодня он видел таких же на экране кино.

Но что хотят от него эти типы?

Один из них всё ещё зажимал ему рот. Франческо не пытался даже укунить его. Всё равно ему одному не справиться с тремя мужчинами.

Один из воров показал Франческо узенькое окошко:

— Видишь?

Франческо кивнул.

— Мы никак не можем открыть дверь магазина. Полезешь в это окошко и отопрёшь нам изнутри. Понял? И смотри не устрой с нами какую-нибудь хитрую штуку, а то поплатишься за это!

— Лезь, нечего терять время! — прервал второй вор.

Франческо попытался вырваться, но сильный удар кулака посоветовал ему успокоиться. Ничего не осталось делать, как повиноваться.

Один из воров подхватил его и поднял на высоту окошка.

— Оно слишком узкое,— попытался возражать Франческо.— Я не пролезу.

— Сначала просунь голову. А где пройдёт голова, там пролезет и туловище. Быстрее!

Приказание сопровождалось новым ударом, на этот раз по ногам.

Франческо просунул голову в окошко. Внутри было темно. Они сказали, что это магазин. Интересно, какой магазин?

Франческо скользнул вдоль стены и добрался до пола.

Несколько секунд он стоял неподвижно, пока свистящий шёпот одного из воров не сдвинул его с места:

— Что ты там делаешь? Шевелись! Дверь направо. Там должен быть засов. Если он не открывается, подойди к шторе и приоткрой её. Шевелись ты, улитка!

Франческо шагнул вперёд и провёл рукой по стене. Вот дверь. Он почувствовал пальцами холодный металл засова, нашёл рукоятку и уже хотел было открыть дверь, как вдруг его осенила мысль.

«Здесь я в безопасности,— подумал он,— здесь они не поймают меня. Не буду я открывать дверь. Вора́м поневоле придётся уйти, чтобы на них не наткнулся ночной патруль». Из окошка до него донёсся приглушённый голос одного из воров, приказывавший ему поторопиться. Но Франческо не шевельнулся. Он даже улыбнулся.

«Хоть лопните от злости! — говорил он про себя.— Вы не сможете проникнуть сюда. Вы же сами сказали, что не пролезете в окошко».

Но тут другая мысль пришла ему в голову:

«Воры-то уйдут, а как я выйду отсюда? Если я захочу вылезти, меня поймают. Подумают, что я вор. Кто поверит, что воры насильно протолкнули меня в окошко?»

Выход подсказали ему сами воры. Внезапно он услышал, что они осторожно постучали в дверь.

— Открой,— прошептал прерывающийся от злости голос,— открой немедленно, а то хуже будет.

«Стучите, стучите, вас услышат и поймают»,— подумал Франческо.

И сразу же его осенила новая мысль: нужно поднять шум, разбудить кого-нибудь, поднять тревогу. Тогда все поймут, что он не был заодно с ворами.

Он пересёк комнату, натываясь в темноте на мебель. Почувствовал пальцами скользкую поверхность витрины, отыскал ручку и открыл окно. Через опущенную штору в комнату ворвался свежий ночной воздух. Франческо закричал и изо всех сил заколотил кулаками по железному листу шторы:

— На помощь! На помощь! Воры! Воры!

Кто-то торопливо побежал по улице. Франческо удвоил силу ударов и продолжал кричать во весь голос.

Раздался свисток, ему ответил другой. Ночные патрули спешили к месту происшествия.

Франческо продолжал стучать по шторе до тех пор, пока не услышал шаги и грозные голоса:

— Эй, там! Стой, стрелять буду! Ни шагу, или умрёте!

— К счастью, их забрали,— прошептал Франческо, опускаясь на землю.

Через некоторое время кто-то постучал по шторе.

— Есть кто внутри? Открывайте и выходите наружу, всё равно никуда не денетесь.

Франческо поднял штору на несколько сантиметров, и сразу же чья-то сильная рука подняла её до самого верха.

На пороге появился полицейский с пистолетом в руке. Посреди улицы другие полицейские надевали наручники на воров.

— Да это же ребёнок! — воскликнул полицейский, схватив Франческо за плечо.

— Я тут ни при чём! — забормотал Франческо прерывающимся от волнения голосом. — Это они!..

— Ни при чём? А как же ты очутился здесь в такое время? Может быть, ты хотел захватить здесь себе подарочек к Новому году?

Франческо оглядел магазин, освещённый карманым фонариком полицейского, и кровь остановилась у него в жилах. Он узнал магазин игрушек, магазин Голубой Стрелы! Но воры, конечно, лезли сюда не за игрушками, их больше интересовал неслыханный шкаф, который стоял в соседней комнате.

— Я ничего не понимаю...

— Ах, не понимаешь! Может быть, ты пришёл сюда во сне? Пойдём живее с нами, нечего ломаться! Объяснишь всё в полиции.

Прибыла полицейская машина. Франческо посадили вместе с ворами, которые не замедлили отомстить мальчику — несколько раз они больно стукнули его локтями в грудь.

— Ты тоже не отвертись! — прошипел один из бандитов. — Мы скажем в полиции, что ты был вместе с нами. Даже скажем, что это ты указал нам дорогу.

— Эй, вы, потише, — приказал один из полицейских, — а то я прикажу зашить вам рот!

— Синьор, — взмолился Франческо, — я не виноват! Я совсем не знаю этих людей, клянусь вам.

— Ладно, ладно. Помолчи. Подумать только, даже в новогоднюю ночь не дают нам покоя!

— Для нас нет праздников, — ухмыльнулся один из воров. — У нас все дни рабочие.

— Ты, наверно, хотел сказать «ночи», — возразил полицейский. — А сейчас помолчи и оставь свои шутки при себе.

Через полчаса печальный Франческо сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Он хотел рассказать свою историю, объяснить, как было дело, но никто даже не слушал его. Полицейские были убеждены, что Франческо — вор. Один из них даже стал читать ему нравоучения:

— Постыдился бы заниматься этим в твои годы! Спал бы спокойно и видел бы во сне Фею, а ты грабишь магазины в компании с самыми закоренелыми преступниками города! Если бы мой сын сделал то же самое, я оторвал бы ему уши и надавал бы таких пощёчин, что он забыл бы и думать о таких вещах!

Франческо молча глотал слёзы, они были горькие и солёные.

— Плачешь теперь, как крокодил!..

Другой полицейский был повежливее. Он даже предложил мальчику остатки своего кофе.

Вконец измученный, Франческо прислонил голову к стене и заснул.

Глава шестнадцатая

МОТОЦИКЛИСТ УКАЗЫВАЕТ ДОРОГУ

Пока Франческо спит на скамейке в коридоре полицейского участка, склонив голову на грязную каменную стену, у нас есть достаточно времени, чтобы посмотреть, что же случилось с Голубой Стрелой.

Будем надеяться, что её пассажиры, следуя по указанным в списке адресам, без особых происшествий придут к месту назначения. До рассвета было не так уж далеко. Игрушки боялись опоздать и приехать, когда дети выплачут все свои слёзы, не найдя утром подарков Феи.

Мотоциклист несказанно гордился своей новой ролью проводника.

Крепко держа руками руль, он мчался на полной скорости, бесстрашно преодолевая снежные сугробы, пересекая лужи и попадающиеся на пути дороги.

Хитрец оставил открытой выхлопную трубу, и время от времени паровоз Голубой Стрелы окутывался дымом от мотоцикла, что вызывало у Машиниста приступ невероятной злости.

Когда нужно было остановиться, Мотоциклист поднимал руку, и поезд тормозил.

— Мы находимся перед домом Франчески Цеппони. Кто сходит?

Куклы устраивали небольшое совещание:

— Пойду я.

— Нет, я...

— Пойдём вместе, так будет веселее. Кто знает, может быть, эта Франческа — плохая девочка!

И всегда оставались вдвоём, чтобы не было так страшно. Осматривали дом (иногда это был бедный, одноэтажный домишко), перед которым останавливалась Голубая Стрела, просили Мотоциклиста повторить адрес, прощались с товарищами и исчезали в подъезде.

Высадив пассажиров, Мотоциклист нажимал на стартер и отправлялся дальше.

— На следующей остановке живёт Паоло ди Паоло, пятилетний мальчик. Предлагаю подарить ему одну из марионеток.

— Одну марионетку? — воскликнули хором три марионетки, которые любовались из окошка панора-

мой занесённого снегом города.— Это невозможно! Вы, наверно, хотели сказать — трёх марионеток? Ведь мы не можем разделиться! Тем более что теперь у нас есть сердце, вернее, три сердца. Для нас расставание было бы втрое тяжелее обычного.

Кончилось тем, что они все втроём слезли с поезда и, подпрыгивая, направились к указанной двери, не обращая внимания на окрики Начальника Станции, которому не хотелось терять сразу трёх пассажиров. Шли они, конечно, пешком и одновременно поворачивали головы налево, направо, потом опять налево. И если поворачивалась одна марионетка, то две другие делали то же самое.

— Мальчик будет очень доволен,— говорили они.— С тремя марионетками он сможет играть в театр. А что бы он делал с одной?

— Хорошо, хорошо, тысяча бесхвостых китов, идите — и счастливого пути!

— Спасибо, синьор Капитан!

Поднимаясь по лестнице, они размышляли:

«Мы так будем любить нашего мальчика! Пусть его зовут Паоло, а не Франческо. Мы будем втрое сильнее любить его, потому что у нас три сердца».

И они горделиво поглядывали на грудь, чтобы убедиться, что их сердца на месте, красные, как вишни, и горячие, как три маленькие печки.

«Если он замёрз, мы согреем его»,— думали они о Паоло.

Что за странные мысли! Игрушка, которая греет... А впрочем, ведь согревают не одни только печки. На свете есть много вещей, которые согревают: добрые слова, например, и даже три марионетки, подвешенные на ниточке.

Глава семнадцатая ПОЛУБОРОДЫЙ КАПИТАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПЛАВАНИЕ

На следующей остановке сошёл Полубородый Капитан.

Вот как это произошло, Мотоциклист поднял руку, и колонна остановилась.

— Дом Марино* Росси — объявил он, не заглушая мотора.

— Марино? Есть мальчик, которого зовут Марино? — послышался возглас. — Тысяча китов-моряков! Это как раз по мне.

Вы, конечно, узнали голос Полубородого.

— Если его зовут Марино, то ему должно нравиться море. А если ему нравится море, то он нуждается в корабле. А если ему нужен корабль, то к его услугам самый быстрый и прочный парусник в мире. Друзья, помогите мне снять корабль!

Чтобы пройти в дом Марино, нужно было подняться на три ступеньки. Главный Инженер конструктора выстроил наклонный жёлоб, в жёлоб поставили корабль, и все вместе втащили корабль на порог.

— Спасибо, остальное я сделаю сам, — заявил Полубородый. — А вы идите по своим домам. Мне не терпится посмотреть, что меня ожидает. Ну, двигайтесь дальше, чего же вы ждёте? Тысяча копчёных китов, что вы, загнули, что ли?!

Все игрушки высыпали из поезда и грустно глядели на Капитана. Полубородый был дорог всем. Правда, он так ругался всё время, но ведь это не со зла, — в сущности, он был добрый человек.

— Мы есть все взволнованы, — произнёс Серебряное Перо, вынув изо рта трубку.

— Взволнованы? Взволнованы? Что такое? Мне незнакомо это слово! И у меня под рукой нет словаря, чтобы посмотреть, что оно означает. А даже если бы у меня был словарь, я совсем не хочу смотреть в него.

* Марино по-итальянски значит «моряк», «матрос».

Но в действительности он тоже был взволнован, этот старый морской волк, полубородый командир славного парусника.

— Мы встретимся— сказал он,— земля вертится, разве вы не учили географию? Только горы остаются на своих местах, а здесь я не вижу гор.

Но никто не двинулся с места до тех пор, пока он не вошёл в дом, таща за собой на цепях свой парусник. Глаза Полубородого привыкли к бурям и тайфунам, и он без труда освоился в комнате, куда попал. Он сразу же заметил то, что ему требовалось: чудесный таз с водой, как раз подходящий для его парусника.

— Таз приготовили, наверно, для умывания? — спросил себя Полубородый Капитан. Оставаясь один, он любил беседовать сам с собой. И сам же себе ответил: — Конечно. Хочу посмотреть, что за лицо будет утром у нашего Марино, когда он прибежит сюда умываться. Могу спорить, что он ещё будет совсем сонный. Глаза у него будут слипаться, и сначала он ничего не заметит. Сунет руки в таз и наткнётся на паруса моего трёхмачтовика или же зацепится рукой за верхний мостик. Уж тогда-то он откроет глаза. В этот момент я отдам ему честь и скажу: «Я Капитан Полубородый, мой флот ждёт ваших приказаний».

Вормоча таким образом, Капитан с помощью скамеек, щёпок, якорных цепей и так далее поставил свой трёхмачтовик в таз, и тот мирно закачался в нём.

— Наконец-то мы на воде! — удовлетворённо воскликнул Полубородый. — Ночь ясная, снег падать перестал, время муссонов ещё не наступило, на горизонте нет ни акул, ни пиратов, в ожидании рассвета можно будет немножко вздремнуть.

Так он и сделал.

А при его пробуждении всё произошло так, как он мечтал.

Глава восемнадцатая

ЧУДЕСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КОРОБКИ КАРАНДАШЕЙ

Так, дверь за дверью, дом за домом, таяла наша колонна. Целые вагоны Голубой Стрелы уже остались без пассажиров. Оставшиеся бродили из вагона в ва-

гон к большому неудовольствию Начальника Поезда, который хотел заставить их уважать железнодорожные правила.

— Пассажиры не должны переходить из вагона в вагон,— говорил он.— Не высовывайтесь из вагонов, это опасно! У кого билет третьего класса, тот не имеет права даже появляться в первом, иначе я оштрафую его.

Но все его усилия ни к чему не приводили. Пассажиры были беспокойные и напоминали детей, возвращавшихся из лагерей домой.

На каждой остановке кто-нибудь сходил, прощался с остальными, и поезд отправлялся дальше.

Я не могу рассказать вам историю всех пассажиров Голубой Стрелы, потому что сам всего не знаю. Знаю, например, что части конструктора, которые уцелели после крушения моста через лужу (вы помните?), собрались под командованием Главного Инженера и в одно мгновение построили ветряную мельницу на подушке у мальчика, к которому они попали. Мальчик проснулся, стал крутить рукоятку, и крылья мельницы завертелись в воздухе, ожидая, когда какой-нибудь Дон Кихот набросится на них.

Мотоциклисту надоел его мотоцикл, и он решил остановиться — он выбрал дом маленького механика и передал список с адресами Машинисту Голубой Стрелы, который отныне мог вести поезд в своё удовольствие, а не тащиться еле-еле за собачьим хвостом или же в облаке синего дыма из выхлопной трубы мотоцикла.

Индейцы и ковбои с трудом поспевали за Голубой Стрелой. Паровоз не устаёт никогда, но кони время от времени должны отдыхать. Лошади индейцев ещё могли скакать по снегу, но лошади ковбоев сдали.

И вот караван прибыл к дому, где окна вместо стёкол были затянуты обрывками газет и журналов, на картинках которых красовались ковбои и индейцы. Наши герои почувствовали себя дома. Они расседлали лошадей и расположились лагерем на соломенном тюфяке, лежащем на полу, где, обнявшись, спали два мальчика, немножко чумазые, но с симпатичными и даже во сне весёлыми лицами.

Они не зажгли походных огней, чтобы не поджечь тюфяк, но натянули свои палатки, привязали лошадей

и преспокойно расположились спать. Только Серебряное Перо не заснул. Великие индейские вожди никогда не спят. Днём и ночью они курят свои трубки и думают. А о чём думают — неизвестно, потому что говорят они мало, из десяти мыслей расскажут кое-что об одной, а остальные девять остаются в секрете. Поэтому они становятся такими мудрыми. Есть индейская пословица, которая гласит: «Тот, кто молчит, знает в два раза больше, чем болтун».

В поезде остались только Начальник Станции, Начальник Поезда, Машинист и карандаши, которые вылезли из коробки, и каждый занял себе отдельное купе. Таким образом, они не мешали друг другу, потому что, как вы знаете, у карандашей очень длинные ноги и они любят простор.

В списке адресов осталось только два имени: Франко и Роберто.

У дома Франко слезли карандаши, на долю которых, могу вам признаться, выпали самые комические приключения. Франко не спал: он растянулся в своей кроватке и, положив руки под голову, смотрел, как карандаши один за другим пролезали в замочную скважину и с лёгким стуком падали на пол.

— Привет! — весело сказал Франко.

— Привет! — моментально ответили карандаши.

А Жёлтый, который любил посмеяться по любому поводу, сразу же добавил:

— Почему ты не спишь? Это неправильно! В новогоднюю ночь дети должны спать.

— Я это знаю, но...

— Правда, мы добрались до тебя сами, а не на метле Феи, но это не оправдание. Ты ничего не должен знать об этом.

— Но я...

Голубой прервал Жёлтого, который хотел было продолжать свою проповедь, и заметил:

— Но в конце концов что за беда, если он не спит? Это даже лучше: мы можем сразу же подружиться.

— Я тоже такого мнения, — пропыхнул Красный, который был самым весёлым из всех.

— Что касается меня, то я согласен с Жёлтым, — сказал Велёный, — тем более что он мой двоюродный брат.

Ах да, я же вам ещё не рассказал историю этого родства. Это довольно сложная история. Зелёный был двоюродным братом Жёлтого и Голубого, Оранжевый — двоюродным братом Жёлтого и Красного, Лиловый — Красного и Голубого, и, кроме того, между ними было ещё множество родственных связей, сложных, как и все родства на этой земле.

— Ну, хватит! — примирительно воскликнул Франко. — Вижу, что вы начинаете ссориться. А я-то думал, что цвета всегда живут в мире между собой.

— Ты ошибаешься, — изрёк Жёлтый. — Разве ты никогда не слышал о контрастах в цветах? Однако ты ещё не объяснил нам, почему не спишь.

— Просто потому, что сон никак не приходит.

— Это признак того, что ты плохой мальчик. Не могут спать только те дети, у которых совесть нечиста.

— Совесть у меня чиста, но пуст желудок, потому что мне нечего было есть на ужин.

— Видите! — торжествующе воскликнул Голубой. — Я сразу же сказал, что он хороший мальчик!

— Наоборот, — возразил Зелёный, — раз его оставили без ужина, значит, он плохой мальчик.

— Нет, — объявил Франко, — это значит, что у нас в буфете пусто. Мама поскорее уложила меня спать, надеясь, что сон прогонит голод, а получилось наоборот: голод прогнал сон. Но я не жалею: мне так интересно было видеть, как вы пролезали в замочную скважину. Вы знаете, я до сих пор ещё ни разу не получал подарка от Феи. А вы для меня самый лучший подарок, который только я мог получить. Представьте себе, я хочу стать художником.

Франко говорил так ласково, что карандаши, подпрыгивая, приблизились к нему, довольные, что они пришлись по душе мальчику. Для типов вроде Жёлтого и Зелёного достаточно одного доброго слова, и они сразу же прекращают ссориться и становятся очень хорошими.

— Если хочешь стать художником, — сказал Коричневый, самый спокойный из всех цветов, — я советую тебе рисовать сцены из деревенской жизни. Можешь для этого использовать меня.

— А для меня всё равно из какой жизни, — произнёс Голубой. — На любой картине всегда найдётся место для кусочка неба.

— Ребята! — воскликнул Красный, которому всегда хотелось предложить что-то новое. — Зачем терять время на болтовню? У меня появилась идея.

— Слушаем.

— Раз уж Франко не спит, давайте развлекать его. Нарисуем для него что-нибудь?

— Чудесно! Что за хорошая мысль! — обрадовался Франко. — Посмотрите на столе — там должно лежать несколько листов чистой бумаги. Конечно, это не чудесные белые листы из альбома: в эту бумагу лавочник заворачивал кофе, но я собираю её для рисования.

— Начну я, — торжественно произнёс Чёрный.

Он положил листок бумаги на ночной столик, стоявший рядом с кроватью Франко, и запрыгал по листу. На бумаге появился ствол и ветви дерева.

Франко захлопал в ладоши, но Жёлтый наморщил нос (я не знаю точно, где находится у карандаша нос, но подтверждаю тот факт, что Жёлтый наморщил нос).

— Этот рисунок не по сезону, — произнёс он. — Всем известно, что зимой на ветвях нет листьев. В лучшем случае сохранятся несколько жёлтых...

— А ты забыл про сосны и ели, которые никогда не теряют листву?

— У меня есть ещё одна замечательная идея, — объявил Голубой. Он взял листок, начертил на нём причудливую линию, и через несколько минут чудесная Голубая Корова, вежливо мыча и позвякивая висевшим на шее голубым колокольчиком, поднялась с листа и застучала копытцами по столу.

— Замечательно! — воскликнул Франко. — Если бы я тоже мог рисовать живые вещи! Мои рисунки всегда остаются на бумаге и никогда не сходят с неё.

— Мууу! — жалобно замычала Голубая Корова.

— Может быть, у неё накопилось много молока? — сказал Франко. — Когда коровы жалуется, их обязательно нужно доить. Но я не умею.

На помощь пришёл Коричневый, который был деревенским цветом и умел доить коров.

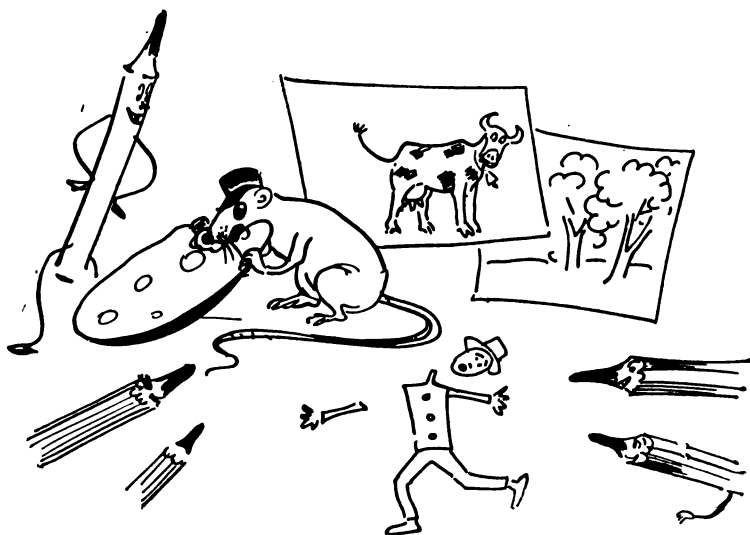
Молоко Голубой Коровы было чудесного голубого цвета.

— Такого молока я никогда не видел, — засмеялся Франко.

— Это Голубой виноват,— ответил Жёлтый.— Он всё хотел сделать сам. Все ведь знают, что молоко бывает жёлтое.

— Жёлтое! Что ты там рассказываешь?

— Ах, довольно спорить,— сказал Красный,— теперь моя очередь.

И он со скоростью балерины запрыгал по листу бумаги, распространяя вокруг невероятное веселье. Ещё ничего не было готово, но можно было поручиться, что рисунок получится очень смешной.

— Готово! — рассмеявшись, объяснил Красный.

Знаете, что он нарисовал? Человечка, который каким-то чудом не рассыпался, хотя и был весь сделан из отдельных кусков. Руки не соединялись с плечами, ноги с туловищем, нос с лицом, а голова с шеей.

— Да здравствует Человек из кусочков! — закричал Франко.

Человечек попытался подняться с листа и сразу же потерял одну ногу. Он нагнулся и с большим трудом поставил ее на место, но тут же у него отскочила рука.

— Я потерял руку! Где моя рука?

Он опустил на колени в поисках, а голова тем временем скатилась с его плеч, как мячик. Голова катилась по полу, но не переставала кричать:

— На помощь! На помощь! Я не виноват, зачем вы хотите отрубить мне голову?

У Франко от смеха на глазах выступили слёзы.

— Не бойся! — ободрял он, стараясь сложить кулочки вместе. — Ну вот, теперь всё в порядке, покажи, как ты умеешь ходить.

Это было легко сказать, но нелегко выполнить. Человечек из кусочков не успел сделать и двух шагов, как потерял половину левой ноги и правую руку. Бедняжка зашатался и рухнул на землю.

Каждый из карандашей что-то рисовал; фигурки, как только их кончали рисовать, поднимались с бумаги, с любопытством оглядывались по сторонам. Голубой нарисовал лодочку с моряком. Моряк принял молоко Голубой Коровы за море и принялся плавать в нём.

Внезапно послышался чей-то голосок:

— Эй! Эй, вы!

— Кто это? — спросил Жёлтый, который знал все обязанности, включая обязанности часового.

— О-о-о, не поднимай такой шум, дружище! Я бедная голодная Мышь и думаю, что кому-то из вас придётся пожертвовать собой, чтобы я могла поужинать. Мне всегда нравились карандаши, простые или цветные, всё равно.

Карандаши поспешно столпились около Франко, который поднял руку, чтобы защитить их.

— Синьора Мышь, если вы думаете утолить голод за счёт моих друзей, то предупреждаю вас: вы ошиблись адресом.

— В этом доме невозможно жить, — проворчала Мышь, оскалив зубы. — Нет ни корки сыра, ни яйца, ни бутылки масла, чтобы я могла окунуть хвост и облизать его, ни мешка с мукой или зерном, чтобы я могла прогрызть его. За последнюю неделю я потеряла половину веса.

— Мне очень жаль, — ответил Франко, — но я тоже лёг спать без ужина, и это не в первый раз. Ничем не могу помочь тебе: мои карандаши не для твоих зубов.

— Прикажи им, пусть они хоть нарисуют для меня что-нибудь съедобное! — взмолилась Мышь. — Я видела, какие они чудесные мастера.

— Против этого я ничего не имею.

— Об этом позабочусь я, — предложил Жёлтый.

И в одно мгновение он нарисовал ломтик сыра с дырочками и слезою, который вызвал бы аппетит даже у индийского факира.

— Большое спасибо! — воскликнула Мышь, облизывая усы. Никто даже не успел заметить, как сыр исчез в её пасти.

— Чудо что за аппетит, — сказал Красный. — Но подожди, сейчас я тебя накормлю.

Он взял чистый лист и нарисовал на нём круг.

— Это, наверно, голландский сыр, — сказала Мышь. — Однажды я наелась его вволю. У него была такая же красная корочка.

— Подожди, я ещё не закончил.

Красный нарисовал рядом с первым кругом кружок поменьше и некоторое время выводил какие-то странные палочки и закорючки.

— Странно, — заметила Мышь, — никогда не видела голландского сыра с такими большими дырками. Над этим сыром, наверно, потрудились целая мышьяная семья. А теперь отойдите, пожалуйста, в сторону.

— И-и, какая спешка, — усмехнулся Красный, — да я ещё только начал. Я хочу приготовить такое блюдо, что ты запомнишь его на всю жизнь.

И, продолжая рисовать, приделал к своей странной фигурке какое-то подобие хвоста, который Мышь приняла за сосиску.

— Сосиска? Это неплохая идея. Даже не помню, когда я ела её в последний раз. А может быть, и совсем не ела, а просто представляю её себе по рассказам моего отца, который жил в лавке одного колбасника. Но теперь отойдите, пожалуйста, в сторону и позвольте отведать этот чудесный сыр, а то как бы мне не захлебнуться слюной.

— Одну минуточку, — сказал Красный и в последний раз коснулся листа бумаги.

Мышь беспокойно смотрела на ожившую фигуру, которая лениво поднималась с бумаги.

— Но ведь это... Что за шутки?.. Ай, на помощь! Мама!

И Мышь бросилась прочь с такой быстротой, что потеряла хвост. Красный весело рассмеялся. Что же он нарисовал? Красного Кота, друзья мои. Огромного Кота, который облизывал усы и сразу же принялся точить когти. К счастью для Мыши, Кот был немножко ленив и слишком долго раскачивался, иначе несдобровать бы ей.

Кот нежно замурлыкал и стал тереться о руку Франко, чтобы тот приласкал его.

Для Франко это была незабываемая ночь. Карандаши по очереди показывали ему своё искусство. Например, они нарисовали столько флажков, что разукрасили комнату, как в день национального праздника. Они нарисовали трёхцветный флаг, потом красный флаг, немного поспорили, потому что каждый хотел, чтобы его флаг был самый лучший, потом помирились, и все вместе нарисовали шестицветный флаг.

— Ну вот, на флаге есть цвет каждого из нас — никому не обидно. Теперь-то уж мы не будем ссориться.

Затем Чёрного осенила блестящая идея, так не соответствующая его отнюдь не блестящему виду. Но так уж случилось, и я должен рассказать вам об этом.

Чёрный нарисовал телефон, маленький, как игрушечный, но совсем настоящий: с трубкой, с диском для номеров, с проводами и со звонком, который сразу же зазвонил.

— Отвечай скорее, — сказал Чёрный.

— Но я не знаю, как это делать, я никогда в жизни не разговаривал по телефону, — ответил Франко.

— Смелее, ты только должен сказать «алло» и слушать.

Франко взял трубку, приложил к уху и сказал:

— Алло!

— Алло! — ответил бас, выходящий, казалось, из глубокого подземелья. — Кто говорит?

— Я, Франко. А вы кто?

— Я телефонный Маг. Могу сделать так, что ты будешь говорить с кем угодно.

— Так поздно? В это время люди спят, и если я разбужу их, чтобы только поболтать, кто знает, какие проклятия посыплются на мою голову.

— Не все спят, дорогой Франко. Вот ты, например, не спишь.

— Но я не сплю потому, что не поужинал.
— Думаешь, ты один такой? Вот поговори-ка...
— Алло! — произнёс дрожащий голос.
— Кто говорит? Я Франко.
— Доброй ночи, Франко. А я старушка, живу на последнем этаже.

— А почему ты не спишь, бабушка?
— Мальчик мой, старики спят мало. Кроме того, сказать тебе по правде, пошла я сегодня посмотреть, нет ли у меня в шкафу чего-нибудь съедобного... Ты же знаешь, у стариков мало денег...

— Нашли вы что-нибудь?
— Что ты! Там лежала когда-то корочка сыра, но её, очевидно, съел кот. Мне ничего не оставалось делать, как снова лечь в постель.

— А если вы не заснёте?
— Что же делать!.. У меня есть о чём подумать. Я вспоминаю о моих сыновьях, которые бродят по миру в поисках работы. Может быть, кто-нибудь разбогатеет или же заработает столько, что сможет прислать мне много денег... Не так ли?

— От всей души желаю вам этого, бабушка.
— Спасибо, Франко! Спокойной ночи!
— Спокойной ночи, бабушка!
Франко положил трубку, но сразу же раздался звонок.

— Алло! Ну как, поговорил?
Это звонил телефонный Маг.
— Да. Мне так жаль эту бедную старушку!
— Поговори сейчас ещё с одним человеком.
— Алло! Кто говорит?
— Франко.
— А, Франко! Я не знаю тебя, но это неважно. Я всё равно не сплю.

— У вас какая-нибудь неприятность?
— Нет, никаких неприятностей. Я студент, и мне некогда огорчаться, мне нужно учить уроки.
— Значит, вы не спите, потому что занимаетесь?

— Сказать тебе по правде, я не занимался. Открытая книга лежит передо мной на подушке, но я даже не различаю слов, они прыгают у меня перед глазами, как балерины. Это всё ужин виноват.

— Вы неважно покушали?

— Я совсем не ел. Пять минут тому назад я встал и пошёл в столовую к моей хозяйке. Ты лучше не говори мне, что красть плохо, я это сам знаю. Но мне так хотелось хоть что-нибудь пожевать: кусок хлеба, яблоко — что угодно. Свет в кухне я не зажигал, чтобы не разбудить хозяйку, тем более что я на память знаю, где какая мебель стоит. На цыпочках я подошёл к буфету, открыл дверцу, осторожно, чтобы ничего не опрокинуть, протянул руку... Палец попал во что-то мягкое. Что это такое? На ощупь мне показалось, что это мармелад. Я сунул палец в рот. Знаешь, что это было? Томат, томат из помидоров. Я съел полбанки этого томата и сейчас умираю от жажды.

— Я не люблю томат из помидоров, — сказал Франко.

— Дорогой дружище, я тоже не люблю его! Меня просто тошнит от томата! Но ведь больше ничего не было. А теперь до свидания. Звони мне завтра ночью, если не будешь спать. Мы поболтаем немножко.

Франко ещё некоторое время говорил по телефону. Сколько людей не могло спать! Больные, которым боль даже ночью не давала отдохнуть. Мальчики вроде него, которые легли спать без ужина. Старики, которых одолевали грустные мысли, а всем известно, что грустные мысли прогоняют сон. Были ещё люди, которые работали по ночам: рабочие у доменных печей и на электростанциях, ночные сторожа, пекари, пекущие хлеб ночью, чтобы он был свежим к утру.

«А ведь ночью город кажется вымершим», — думал Франко.

Карандаши прицепились к телефонному проводу, чтобы подслушать разговоры, но вскоре утомились и васнули. Франко осторожно, боясь разбудить, собрал их в коробку, закрыл её и положил под подушку, чтобы коробку не отыскала Мышь, если она отважится выйти из своей норы.

Нарисованные карандашами фигурки одна за другой вернулись на свои листы, и в комнате стало тихо. Франко выключил свет и некоторое время лежал с открытыми глазами. Он ничего не видел, но ему казалось, что комната полна народом. Здесь были все те, с кем он разговаривал по телефону, и они пришли, думал Франко, чтобы составить ему компанию.

Наконец он заснул и спал спокойно до самого утра.

Его мама встала пораньше, чтобы приготовить на кухне ячменный кофе (настоящий кофе стоит так дорого). Она прошла через комнату Франко и увидела на столике листы бумаги с чудесными рисунками. Мама нежно посмотрела на сына и улыбнулась.

«Мой мальчик станет художником,— подумала она про себя.— Пойду на любые жертвы, лишь бы он у меня учился. Грех погибнуть такому таланту!»

Она ласково провела рукой по взлохмаченным волосам сына, который шевельнулся во сне, и прошла в кухню.

Мне жаль, что я не могу рассказать вам историю Франко. Будет ли он художником, или ему придётся делать работу, которая ему не нравится, лишь бы только зарабатывать себе на жизнь?

Кто знает!.. Не все делают то, что хотят. Я знал одного дворника, который хотел быть музыкантом.

— Мне так хотелось бы научиться играть на скрипке,— рассказывал он мне.— А на самом деле вот какой инструмент приходится держать в руках...

И он показал мне свою метлу.

Пожелаем счастья и успехов Франко и проследим за приключениями Голубой Стрелы.

Глава девятнадцатая

БУДКА № 27

Голубая Стрела мчалась сквозь тьму по последнему адресу. Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции собрались на паровозе. Все вагоны поезда были пусты.

Снег наконец перестал. Холодный ветер разогнал облака, и на огромном небе, как в чёрном зеркале, засверкали звёзды.

Но блеск их становился всё более тусклым: блился рассвет. Первые трамваи уже вышли из парка и медленно двинулись по покрытым снегом рельсам. Машинисту приходилось внимательно смотреть по сторонам, чтобы какое-нибудь из огромных чудовищ не раздавило поезд.

— Самая безопасная дорога,— сказал Начальник Поезда,— это тротуар.

— Но это будет нарушением правил,— возразил Начальник Станции.— Никогда ни один уважающий себя паровоз не поднимется на тротуар.

— Мы можем ехать между двумя рельсами,— сказал Машинист.— Я высчитал, что трамвай пройдёт над нами и не заденет нас.

Трамвай проходил над Голубой Стрелой, даже не касаясь её. Трёх железнодорожникам вагоны казались огромными грохочущими тоннелями, которые двигались. Сначала экипаж Голубой Стрелы немножко волновался, но затем все привыкли и успокоились.

Дом Роберто, последнего мальчика, который остался без подарков, находился за городом, в поле. Так по крайней мере было написано в списке. А сейчас посмотрим, правду ли говорил список.

Дом Роберто — это не дом, а железнодорожная будка — будка № 27.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции не верили своим глазам. Список привёл их прямо-таки к настоящей железной дороге.

В окошке маленькой будки горел свет. Обходчик не спал. Он выходил к каждому проходящему поезду, сигналил ему, покачивая своим фонарём, потом отряхивал от снега ноги и скрывался в будке. Перед будкой, направо и влево, как две стальные змеи, вытянулись бесконечные рельсы.

Что это были за рельсы! Железнодорожники Голубой Стрелы даже во сне таких не видели. А поезда! Земля начинала дрожать, когда их не было ещё видно. Потом, как ураган, нарастал, приближался страшный грохот, приходилось затыкать уши, чтобы не оглохнуть. Три наших маленьких железнодорожника боялись за свои головы, которые, казалось, готовы были лопнуть от шума.

И вот появлялся поезд, огромный, как город на колёсах: вагоны были величиной с дом, с сотнями освещённых окошек. Когда поезд проходил, три наших героя долго не могли прийти в себя. Хотя они плотно закрывали уши, грохот наполнял их головы и не хотел выходить оттуда. Им приходилось трясти головой и

совать палец в уши, как делают пловцы, когда хотят, чтоб из ушей вытекла вода. И тогда наконец они снова могли слышать.

— Что вы скажете?! — воскликнул Начальник Поезда, глаза которого сверкали от страха и восторга. — Вот это поезд!

— Да! — кричал Машинист. — Никогда в жизни не видел такой красоты!

— Ребята, нам подвезло! — кричал в свою очередь Начальник Станции. — Роберто, наверно, сын стрелочника. Мы будем жить здесь и ежедневно видеть сотни поездов!

— Ну что ж, войдём? — спросил Машинист, приготовившись запустить мотор.

— Давайте немножко подождём, — предложил Начальник Станции. — Может быть, пройдёт ещё один поезд.

Недалеко от будки возвышался плетень. Они укрыли за ним Голубую Стрелу, а сами присели за ветку какого-то кустарника в ожидании проходящего поезда.

Не прошло и нескольких минут, как волной пронёсся глухой шум, загрохотал сильнее грома и вдруг так же внезапно смолк.

— Это не поезд! — воскликнул Начальник Станции.

Дверь будки открылась, на пороге появился обходчик. Он поднял фонарь на уровень лица и огляделся. Похоже было, что он чем-то встревожен.

— Роберто! — позвал он. — Роберто!

В окошке показалось заспанное лицо мальчугана.

— Одевайся скорее, наверно, что-то случилось. Это, может быть, обвал или оползень.

— Иду! — поспешно ответил мальчик.

Окно затворилось с глухим стуком. Через мгновение появился Роберто. Он одевался на ходу. В его руке раскачивался такой же фонарь, как у отца.

— Возьми один из флажков, — приказал отец, — и пойди осмотри рельсы слева, а я погляжу с другой стороны. Если заметишь что-нибудь на рельсах, беги скорее ко мне. Осталось десять минут до прихода скорого.

Отец побежал направо. Роберто схватил красный флажок, стоявший у двери, и побежал в противоположную сторону. Ноги его по колено проваливались в снег, но он не замечал этого.

— Скорее, скорее! — шептал мальчик. — Через десять минут пройдёт скорый. Вдруг произойдёт крушение?..

Через сотню метров он наткнулся на огромную кучу снега и камней, рухнувших с холма на рельсы. Если поезд наткнётся на обвал, непременно произойдёт крушение. Роберто почувствовал, как у него задрожали ноги. Ведь ему было всего одиннадцать лет. Ему показалось, что он слышит вдали шум приближающегося поезда. Он представил себе, как стальное чудовище наткнётся на эти камни и вагоны полетят кувыром; ему казалось, что он уже слышит стоны раненых не-под дымищахся обломков вагонов.

Роберто задрогнул, повернулся и побежал к будке, бессвязно выкрикивая какие-то слова. Вдруг он поскользнулся и упал в снег, быстро вскочил, снова упал и сильно ударился коленом об рельс. Крик боли вырвался у него из груди, он попытался подняться, но не смог.

Тогда мальчик изо всех сил принялся звать отца. Но отец не мог слышать его: с той стороны с нарастающим глухим шумом приближался скорый.

Силы покинули Роберто. Поезд мчался уже в двухстах метрах от него. Он поднялся из последних сил и, стиснув зубы от нестерпимой боли, отчаянно замахал красным флажком, который не выронил при падении.

— Стой! Стой! — кричал он.

Грохот поезда заглушал его голос. Паровоз мчался вперёд на полной скорости, его сверкающие фары надвигались всё ближе и ближе. Вот он уже в ста метрах от Роберто, в пятидесяти...

Внезапно заскрипели тормоза, поезд резко замедлил ход и остановился в двух шагах от Роберто.

Машинист соскочил с паровоза и бросился навстречу мальчику.

— В чём дело? Что случилось?

— Обвал,— прошептал Роберто,— там обвал...— И потерял сознание. Ему казалось, что он погрузился в мягкий снег, который был почему-то мокрым и горячим. Больше он ничего не слышал.

Через некоторое время мальчик очнулся в своей кровати.

— Обвал,— прошептал он,— обвал...

— Тише, тише,— ласково произнёс незнакомый голос.— Опасности нет.

Роберто с трудом открыл глаза.

Комната была полна народу. Какой-то синьор в золотых очках склонился над ним и щупал его пульс. Это был доктор, ехавший в скором поезде, его позвали на помощь к мальчику.

— Папа,— едва слышно прошептал Роберто.

— Я здесь, мой мальчик.

Собравшиеся в комнате люди затаив дыхание следили за мальчиком. Когда он очнулся, все облегчённо вздохнули и разом заговорили.

— Какой молодец,— говорили они,— ты спас жизнь сотням людей!

— Если бы не ты, весь состав полетел бы под откос. Ты храбрый мальчуган,— глядя Роберто по голове, произнёс какой-то железнодорожник.

Это был начальник поезда. Роберто улыбнулся ему, но сразу же поморщился: он почувствовал резкую боль в коленке.

— Тебе больно? — спросил доктор.— Ничего, всё быстро заживёт. А если бы ты потерял сознание минутой раньше, произошло бы крушение. Ты крепкий, храбрый мальчуган.

Роберто больше не чувствовал боли, так ему было приятно слышать всё это.

Через два часа путь расчистили, и поезд отправился дальше.

Роберто и его отец остались одни.

И только тогда они заметили, что в комнате находится ещё кто-то. Кто-то или что-то? Это была Голубая Стрела, которая в царившей суматохе незаметно про-

бегут в комнату. Экипаж Голубой Стрелы с волнением следил за всем случившимся. Они заняли свои места, серьёзные и молчаливые, как и подобает настоящим железнодорожникам, но сердца их были полны нежности и любви к мальчику, спасшему поезд.

— Посмотри! — воскликнул отец. — Что это?

— Это электрический поезд, папа! Электрический поезд! Какой он чудесный! Я не говорил тебе, но мне так хотелось иметь его. Посмотри, какой он красивый. А на платформах нагружены рельсы... Могу спорить, что, если проложить их, они опояшут всю комнату!

— Но это не я купил его, — смущённо сказал отец. — Я вижу этот поезд впервые в моей жизни...

Роберто недоверчиво посмотрел на него:

— Ладно, папа, не разыгрывай меня... Ты хотел подарить мне его утром на Новый год, но я встал раньше и увидел его. Правда? Так ведь было дело?

— Нет, нет, маленький, уверяю тебя, что ты ошибаешься. Знаешь, что мне пришло в голову: наверно, кто-нибудь из пассажиров скорого поезда вёз его в подарок своим детям и решил оставить тебе, потому что ты уже сделал самый лучший подарок его ребятам: спас жизнь их папы. Конечно, это так и было. Видишь, какой прекрасный поезд? Я никогда не смог бы купить тебе такой...

Роберто улыбнулся.

— Пусть будет так, — сказал он. — Предположим, что этот поезд оставил мне какой-то синьор, ехавший на скором.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции Голубой Стрелы слышали весь этот разговор и знали, что в действительности было совсем не так. Но они скорее дали бы отрезать себе язык, чем открыли бы свою тайну. У каждого есть своя гордость, не так ли? А впрочем, разве кто-нибудь слышал, чтобы Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции игрушечного поезда могли разговаривать? Одно дело — в скаках, и совсем другое — в настоящей жизни. Голубая Стрела ещё несколько страниц назад находилась в скаке. Сейчас же она вошла в настоящий дом, где настоящий мальчик совершил настоящий подвиг. Три маленьких игрушечных железнодорожника теперь знают, что не даром проделали они такой путь и приехали к Роберто, в маленькую будку около самой

линии железной дороги. Ручаюсь, что если бы им пришлось повторить весь этот путь и пережить снова все их опасные приключения, они не колебались бы ни минуты.

Роберто нежно погладил замечательную игрушку, и ему показалось, что она дрожит под его рукой, но потом он подумал: «Какой я глупый! Это дрожит моя рука».

Глава двадцатая ФРАНЧЕСКО ЕДЕТ В КОЛЯСКЕ

Где же мы оставили других героев нашей истории?

Кнопка, бедный, верный щенок, всё ещё лежал на пороге пустого дома, откуда исчез Франческо. Было холодно, хотя снег уже перестал падать. Хвост у Кнопки замёрз и стал как сосулька, но он не уходил со своего поста.

А Франческо? Франческо всё ещё сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Неважная подушка — кирпичная стена! Но Франческо всё-таки уснул, да так крепко, что ничего не видел во сне.

Бедная старушка Фея всё ещё разносила подарки. Руки у неё замёрзли, но она не могла, конечно, оставить свою работу. Старая служанка была с ней: в полночь Фея на минутку вернулась домой выпить чашку кофе и нашла там верную Терезу.

Кто знает, может быть, мы ещё встретимся с ними, прежде чем кончится наша история. А сейчас давайте отыщем ночного сторожа. Того самого сторожа, который подобрал и починил Канарейку.

Клетка с Канарейкой висела на руле его велосипеда, и, когда ему нужно было поворачивать, вместо резкого звонка раздавалась нежная трель Канарейки. Но вот сторож остановился и прислонил велосипед к стенке магазинчика Фрей, а сам стал ходить взад-вперёд, топая ногами, чтобы согреться. Нам ничего не остаётся делать, как влезть в его голову и посмотреть, что он думает.

«Надеюсь, что синьора скоро придёт, — думал ночной сторож, — а то у меня отмёрзнут ноги».

Итак, ночной сторож ожидал Фею. Может быть, он хотел вернуть ей Канарейку? Нет, нет, дело касалось не Канарейки, а Франческо.

Видите ли, ночной сторож был знаком с Франческо. Много раз он встречал его, когда мальчик возвращался со своей работы из кинотеатра, и немного провожал его домой.

— Почему ты не едешь на трамвае? — спрашивал ночной сторож,

— Потому, что это очень дорого, — отвечал Франческо.

— Да-а, — соглашался сторож, почёсывая затылок.

— Мне нужно приносить домой все деньги, которые я зарабатываю. Их и так очень мало...

— Да-а, — бормотал ночной сторож. — Невесело работать в твои годы, не так ли?

— Я не жалуюсь, — отвечал Франческо, — я даже доволен этим. Ведь я уже работаю, как большой. Правда, у меня нет времени поиграть, да и игрушек у меня нет и никогда не было...

— Конечно, — говорил ночной сторож, — конечно.

Мальчик болтал, мужчина слушал. Он любил этого мальчика, который уже работал, как взрослый, и один ночью ходил пешком через весь город, зажав в кулачке свой жалкий заработок.

Ночной сторож видел, как арестовали воров, и, к своему удивлению, увидел среди них Франческо, на которого тоже надели наручники и, как преступника, отвели в полицию.

«Я не верю этому, — сразу же подумал ночной сторож, — этот мальчик не может быть вором. Я знаю его, как своего сына».

Он побежал в полицию, но его выгнали оттуда.

— Думай о своей работе, — сказали ему полицейские, — а о ворах позаботимся мы. Иди-ка лучше сторожить, не то, пока ты болтаешь тут, воры успеют ограбить все магазины города. Этот мальчик твой родственник?

— Нет, он мне не родственник, но...

— Тогда не мешай. Мы сами разберёмся. Знаем мы этих ворышек!

Огорчённый, ночной сторож вернулся к своей работе. Внезапно ему пришла в голову мысль, что в этом деле может помочь хозяин магазина.

«Синьора,— скажет он ей,— в полиции меня не хотят слушать. В самую новогоднюю ночь бедного мальчика бросили в тюрьму, как вора. Почему бы вам не пойти вместе со мной в полицию и не освободить его? Достаточно будет, если вы скажете, что ничего не украдено, что знаете этого мальчика. Сделайте что-нибудь для него. Может быть, с вами полиция согласится».

Погружённый в свои мысли, сторож не заметил Феи и её служанки, которые верхом на метле свернули в ворота и через окошко проникли в магазин. На мгновение из-под шторы показалась полоса света, и сторож понял, что внутри кто-то есть.

Он подошёл ближе и осторожно постучал.

— Кто там? — спросил голос служанки. — Что вы хотите в такое время?

— Я ночной сторож, мне нужно поговорить с вами по неотложному делу.

— Сейчас мы ложимся спать. Приходите попозже.

— Но я вам говорю, что дело срочное.

— Когда хочется спать, самое срочное дело — это лечь в кровать.

Послышался другой голос — голос Феи, который что-то спрашивал.

— Ничего, синьора баронесса, это всего-навсего сторож.

«Наверно, это хозяйка», — подумал сторож и позвал:

— Синьора баронесса! Синьора баронесса!

Услышав слово «баронесса», Фея смягчилась:

— Одну минутку! Сейчас я прикажу поднять штору. Входите, пожалуйста. Чем я могу быть вам полезна?

В двух словах сторож рассказал о случившемся. Фея без труда вспомнила Франческо.

— Я помню этого мальчика, — сказала она. — Он бедняк и, к сожалению, не числится в списках моих клиентов. Я никогда ничего не могла подарить ему. И мне было очень жаль мальчика, уверяю вас. Мне хотелось бы, чтобы все дети были довольны. Я очень устала, но я пойду с вами в полицию. Вы довольны?

Через десять минут Фея и ночной сторож представили перед дежурным полицейским.

— Мы хотим поговорить с начальником,— сказала Фея.

— В такое время? Да вы ещё не проснулись, что ли? Начальник придёт в девять часов.

— Позовите его сейчас же!

— Позвать его? Да вы с ума сошли!

Фея разошлась:

— Я сошла с ума? Думай, что говоришь! К твоему сведению, я почти баронесса. И если ты немедленно не позовёшь начальника, будешь раскаиваться в этом всю свою жизнь!

Словом, она совсем запугала дежурного. Бедняга позвал начальника, бросая грозные взгляды на сторожа, который исподтишка потирал руки от удовольствия.

Приехал заспанный начальник. Фея и его отругала.

Что на темперамент, друзья мои! Эта сердитая старушка умела держать людей в руках!

— Хорош начальник! Почему вы позволяете держать целую ночь под арестом бедного мальчика!

— Но я никого не держу. Он остался здесь в ожидании допроса.

— А, так?! Ну что ж, допрашивайте его. И быстрее, у меня дома уже вскипел кофе.

Полицейский разбудил Франческо. Мальчик едва стоял на ногах от усталости. Холодок пробежал по его спине, когда он узнал Фею.

Конечно, она пришла обвинять его! Ведь она столько раз видела его у своего магазина. Может быть, Фея думает, что это он подготовил налёт на её магазин?

— Синьора, я ничего не взял,— прошептал мальчик,— это я поднял тревогу и позвал полицейских.

— Именно так и было,— энергично сказала Фея,— а теперь, когда всё выяснилось, пойдём.

— Минутку,— всполошился начальник,— откуда вы знаете, что дело было именно так? Этот мальчик мог солгать! Мы захватили его в компании трёх опасных воров.

— Солгать? Неужели я стала так стара, что не могу понять, когда мальчик говорит правду, а когда врёт? Этот мальчик спас мой магазин, а вы посадили его в тюрьму, вместо того чтобы наградить. Где же справедливость? Но я сама позабочусь о том, чтобы отблагодарить его. Пойдём!..

Начальник развёл руками. С этой грозной старушкой ничего нельзя было сделать. Она взяла Франческо за руку, бросила сердитый взгляд на полицейских и направилась к двери. Часовые отдали ей честь, как генералу, и уверяю вас, что в этот момент походка Феи была более величественна, чем походка самых великих генералов истории.

Ночной сторож от радости не рассчитал разбега и вместо того, чтобы прыгнуть в седло велосипеда, перемахнул через него и свалился в снег.

— Не ушиблись? — спросила Фея.

— Чепуха, я чертовски рад за мальчика! — ответил сторож.

Он дружески попрощался с Франческо, поцеловал ручку Феи и удалился.

— Симпатичный парень,— заметила Фея, смотря на руку, которую он поцеловал.— Знает, как вести себя с настоящей синьорой.

Другой рукой она держала вспотевшую от волнения руку Франческо.

Фея была не такая уж плохая: это она освободила его, а сейчас держала за руку и вела по тёмному городу, как старая храбрая бабушка.

Служанка не поверила своим глазам, когда увидела их обоих. Она сразу же приготовила третью чашку кофе и вынула из шкафа стеклянную вазу со старыми, засохшими пирожными. Пирожные были крепкие, как цемент, но зубы Франческо были ещё крепче; он жевал до тех пор, пока ваза не опустела.

— Смотрю я, как ты перемалываешь эти пирожные, и завидую. Мне бы такие крепкие зубы,— говорила Фея.

Франческо, улыбаясь, смотрел на неё. Потом он встал:

— Мне нужно вернуться домой, а то мама уже, наверно, беспокоится.

Фея почесала за ухом.

— Я хотела подарить тебе что-нибудь,— сказала она.— Но в эту ночь я опустошила весь магазин, в нём остались одни только мыши. Я знаю, тебе нравится этот чудесный электрический поезд Голубая Стрела, но я не знаю, куда он делся.

— Неважно,— улыбаясь, ответил Франческо.— Тем более что у меня нет времени играть. Вы же знаете, мне приходится работать. В полдень я продаю газеты, а вечером — карамели в кинотеатре.

— Послушай,— сказала вдруг Фея, которую осенила какая-то идея.— Я уже давно собираюсь взять себе в магазин приказчика. Он должен содержать в порядке игрушки, следить за почтой, подсчитывать выручку. По правде сказать, я стала хуже видеть и уже не могу работать так, как раньше. Хочешь быть моим приказчиком?

Франческо затаил дыхание от радости.

— Быть приказчиком Феи! — воскликнул он.

— Приказчиком магазина, конечно. Не думай, что я пошлю тебя на метле разносить подарки клиентам.

Франческо осмотрелся вокруг. Каким красивым казался ему сейчас магазин, пусть даже с пустой витриной и со шкафами, заваленными бумагой!

— На этой работе не обморозишь руки,— весело проговорил он, показывая распухшие от мороза паль-

цы.— А газеты я лучше буду читать, чем продавать.

— Значит, договорились,— сказала Фей.— Завтра приступишь к работе.

Франческо поблагодарил и попрощался с ней. Он вежливо раскланялся и со служанкой, которая немножко ревновала его к хозяйке. Но она не могла долго злиться на мальчика, который так доверчиво смотрел на неё, и улыбнулась ему на прощание.

— Подожди-ка,— сказала Фей.— Я вызову тебе коляску. Теперь ты у меня на службе, и я не хочу, чтобы ты простудился.

Коляску! До этого дня Франческо несколько раз ездил на коляске, прицепившись сзади, где обычно шалуны прячутся от кучера и его кнута.

Теперь же он забрался на кожаное сиденье, кучер покрыл ему ноги чудесным жёлтым ковриком, влез на козлы и щёлкнул кнутом.

Лошадь тронулась мелкой рысцою.

«Как жаль, что никого ещё нет на улице,— думал Франческо, глядя на небо, которое только ещё начало чуть-чуть светлеть.— Никто не увидит меня в коляске. Но когда я приеду домой, то, прежде чем слезть, позову маму. Она и братики подбегут к окну, и в это время я сойду с коляски. Вот вытаращат они глаза!»

Его веки становились всё тяжелее и тяжелее. Потом они сомкнулись, и он крепко заснул, убаюканный мягким покачиванием коляски, плавно катившейся по снегу.

Глава двадцать первая КНОПКА ХОЧЕТ УМЕРЕТЬ

Дневной свет вывел Кнопку из оцепенения.

«Пока я ещё двигаюсь,— подумал он,— незачем умирать от холода на пороге необитаемого дома. Я слышал о собаках, которые умирают на могиле своего хозяина, но у меня ещё нет хозяина, а этот дом не могила. Разомну-ка я немного ноги».

Он попробовал завилать хвостом, но это удалось ему с трудом, так как хвост совсем замёрз. Затем он сунул нос в снег (в снегу, он слышал, согревается кон-

чик носа). Потом Кнопка стряхнул снег со спины и отприщился в путь. Куда? Неважно. Не всегда собаки знают, куда они идут. А это ведь настоящие собаки, так чего же вы хотите от игрушечного щенка?

Кнопка бродил по городу, увёртываясь от бесчисленных трамваев и проваливаясь в лужи.

Один раз в витрине он увидел своё отражение.

«Странно,— подумал он,— по-моему, я стал больше. Очень странно: за целый год в витрине Феи я не вырос ни на сантиметр».

Он прошёл мимо бронзового Памятника патриота на лошади и окликнул его. Памятник не шевельнулся и не ответил.

Выпало много снега, и борода патриота стала совсем белой, а лошадь покрылась толстым холодным покрывалом. Кнопка несколько минут смотрел на него. Затем вздохнул и побежал прочь, потому что большой ком снега сорвался с гривы лошади и устроил щенку холодный душ, в котором он совсем не нуждался.

Внезапно раздался звонок. Кнопка обернулся и увидел ехавшего на велосипеде приказчика с большой корзиной за плечами. Щенок скрылся в подъезде и подождал, пока тот проедет. Он не очень доверял людям. В конце концов, это был дикий пёс, почти волк. Правда, волк не лесной, а витринный.

Кнопку тяготило одиночество. Он так хотел бы поболтать с кем-нибудь. Разве можно жить без друзей, товарищей?

Он попробовал говорить сам с собой. Пристроился около лужи и стал разговаривать со своим отражением в воде.

— Куда ты идёшь, бедный, маленький, заблудившийся и замёрзший щенок? — спросил он.

— Куда ты идёшь, бедный маленький, заблудившийся и замёрзший щенок? — ответила ему лужа.

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай?

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай? — ответило отражение.

— Дурак! — разозлился Кнопка.

— Дурак! — ответило ему отражение.

Видите, как плохо быть одиноким? Вас сразу обзывают разными нехорошими словами.

Сейчас Кнопка отдал бы половину хвоста, лишь бы найти товарищей. Он попробовал побежать за приказ-

чиком, проехавшим на велосипеде, но тот уже уехал слишком далеко, и Кнопка, высунув язык от быстрого бега, вскоре отстал и потерял его из виду. Но вот из боковой улицы выехал другой велосипедист. Кнопка радостно бросился ему навстречу. От неожиданности велосипедист потерял равновесие и свалился в канаву, заваленную снегом.

— Паршивый щенок! — закричал он, слепил снежок и с силой бросил его в щенка.

Снежок попал Кнопке прямо в глаз, и бедняжка с воем побежал прочь. Какой успех! Чуть было не подружился с велосипедистом!

Он присел у какого-то дерева и стал лечить глаз, из которого непрерывно текли слёзы. Глаз невыносимо болел. Кнопка согласился бы вырвать глаз, только бы не чувствовать этой боли.

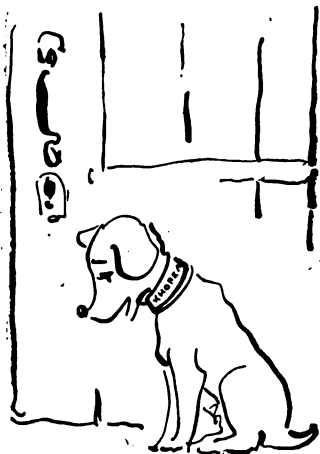
Рассвело. Небо уже не казалось таким низким и чёрным, оно стало серым и поднялось высоко над крышами.

«Будь сейчас луна, я смог бы повыть и полаять на неё, как делают другие собаки, — подумал Кнопка. И тут же возразил себе: — Другие собаки, но не ты, не умеющий лаять».

Над этим вопросом Кнопка размышлял долго. Почему он не умеет лаять? Может быть, он ещё маленький? Может быть, он мало упражнялся?

И вот он стал учиться лаять. Раздались жалкие и пронзительные вопли, от которых прослезились бы камни. Но у камней нет ушей, а у горожан есть. Одно, два, три окна распахнулись над головой Кнопки. Несколько тазов холодной воды окатило Кнопку с ног до головы. С жалобным воплем он убежал прочь.

«Хороший результат! — думал Кнопка вне себя от отчаяния и смущения. —

Ещё один такой душ, и я перейду в другой мир, так и не научившись лаять».

Ведняга совсем отчаялся: «Лучше бы я пошёл с моими товарищами. Теперь они сидят в тёплой комнате. Скоро проснутся дети и так обрадуются им! А чего я достиг своей преданностью Франческо? Щенок не должен позволять себе роскошь — думать. Что мне теперь делать? Куда идти? Мне ничего не остаётся, как умереть».

Решив умереть, он растянулся на трамвайной линии. Первые трамваи уже счистили снег со стальных рельсов, и они отливали голубым светом в бледных лучах восходящего солнца. Но вот рельсы слегка задрожали.

Приближался трамвай. Пора. Прощай, Кнопка, тебе не повезло в жизни. Так встретить же смерть смело, как встретил её Генерал. Бродячие собаки на твоём примере поймут, что нельзя оставаться в мире одиноким.

Трамвай быстро приближался, но в нескольких шагах от Кнопки резко затормозил. Вожатый спрыгнул на землю.

— Смотрите, щенок! Щенок, который хочет умереть! Видели вы когда-нибудь такую картину?

Щенка воючил и, поджав хвост, побежал прочь. Даже умереть ему не давали спокойно.

— Эй, ты! — звал его вожатый. — Верный, Верный, иди сюда!

Он называл много имён, но Кнопка не ответил ни на одно, хотя прекрасно понимал, что у вожатого не было плохих намерений. Вернее, именно поэтому он и не отзывался. Он так отчаялся, что не желал больше ничьей дружбы. Ему хотелось только одного — умереть.

— Верный, Тузик, Ральф, Щенок, Послушный, иди сюда!

Кнопка даже не повернулся. Вожатый сел в трамвай, включил мотор и поехал дальше, сигналив и внимательно смотря на рельсы.

Кнопка спрятался за уличной тумбой. Трамваи с грохотом проходили в десяти шагах от него, но он не осмеливался выйти из своего укрытия. А как они весело сигналили, эти трамваи! Как сверкает солнце на трамвайных окошках! Какие симпатичные, добрые ли-

ца у вожатых! Видно было, что эти люди не задумываясь снимут с себя куртку, чтобы укрыть замерзавшего щенка, а по утрам будут кормить его белым хлебом, намоченным в молоке.

Кнопка вздохнул.

Неподалёку послышался стук копыт. Старая лошадь медленно тащила по снегу коляску.

«Брошусь под коляску,— решил Кнопка.— Если лошадь не раздавит меня копытами, я всё равно попаду под колёса».

Когда коляска была в двух шагах, он закрыл глаза и бросился под копыта. Но лошадь заметила его. Лошади хорошо видят, даже из-под шор. Копыта лишь пригладили взлохмаченную шерсть Кнопки, не причинив ему никакого вреда. Коляска чуть-чуть отклонилась в сторону — Кнопка остался цел и невредим. Тогда он всеми четырьмя лапами уцепился за коляску и повис сзади, где обычно цепляются шалуны, чтобы не получить кнута от кучера и проехать бесплатно.

По правде сказать, он устроился совсем неплохо: колёса поднимали лёгкую снежную пыль, которая свежей струёй обдавала Кнопку. Под ним и по обеим сторонам коляски бежала белая гладкая дорога. Справа и слева отступали дома.

«Как хорошо ехать в коляске!» — подумал Кнопка.

Вы помните, то же самое подумал и Франческо.

«Буду ездить вместе с коляской взад-вперёд, а потом видно будет,— решил Кнопка.— По-моему, кучер не заметил меня».

Через некоторое время Кнопке надоело ехать на запятках. Он решил сравнить, где лучше: в коляске или на запятках.

«Пожалуй, наверху гораздо лучше,— подумал он.— Там, должно быть, красные сиденья, как в купе первого класса Голубой Стрелы. Ручаюсь, что на сиденье можно вытянуться».

Пустив в ход зубы, лапы и хвост, Кнопка забрался в коляску. Внутри было тепло. Щенок почувствовал под ногами нежный, мягкий бархат.

«Немножко темновато,— подумал он,— но даже лучше, чем в Голубой Стреле. Боюсь, что намочу

подушку моими мокрыми лапами. Хотя не всё ли мне равно? Я еду в коляске впервые в жизни и хочу как следует насладиться поездкой. Сейчас я растянусь на сиденье и посплю немножко».

Он вытянулся... но неожиданно стукнулся головой обо что-то, вернее, об кого-то.

«Кто же сидит в коляске?» — испуганно подумал Кнопка. Он открыл свои маленькие серенькие глазки, и вдруг сердце бешено забилося у него в груди.

Прислонившись к спинке сиденья, подложив под голову руку, в коляске спокойно спал какой-то мальчик.

Глава двадцать вторая

КНОПКА УЧИТСЯ ЛЯТЬ

— Франческо,— затаив дыхание, пробормотал Кнопка.

Франческо пошевелился во сне и улыбнулся. Наверно, хороший сон видела сейчас эта каштановая головка с большим чубом, спускавшимся, как обычно, на лоб.

Кнопка лизнул ему руку. Впервые в жизни он лизнул руку своему другу, и это показалось ему самой приятной вещью в мире.

«А я бросался под трамвай,— думал он.— Я чуть не погиб под коляской Франческо. Какая ужасная была бы смерть!»

От счастья он закрыл глаза, но сразу же снова открыл их, боясь хоть на минуту потерять из виду сияющего мальчика.

Хвост Кнопки тихо постукивал по бархату сиденья. Он бросил рассеянный взгляд на хвост и удивился, как тогда, когда он увидел в луже своё отражение.

«Странно, этот хвост не похож на тот, который был раньше. Не пришили же мне новый!»

Это замечание Кнопки относилось к одному эпизоду в его жизни, о котором я вам не успел рассказать. Когда он ещё жил в магазине, мыши однажды отгрызли ему хвост.

Но Фей, осматривая как-то магазин, заметила это и пришила ему новый.

«Этот мой хвост не похож на те, которые можно отрезать и пришивать,— думал Кнопка.— Это не тряпичный хвост».

Он попробовал ухватить хвост передними лапами, но это ему не удалось. Увлёкшись, он несколько раз кувыркнулся на сиденье и в конце концов свалился прямо на Франческо, который поморщился во сне.

«Как хорошо! Не хватало ещё, чтобы я сделал мальчику больно. Пропавший я совсем пёс! — упрекнул сам себя Кнопка, а потом стал оправдываться: — В конце концов рано или поздно он всё равно должен проснуться».

Франческо спал теперь не так крепко. Он поворачивался, двигал руками, открывал рот, как бы желая что-то сказать. Может быть, он подымался на поверхность из сна, глубокого, как море.

— Проснись,— попросил Кнопка,— проснись, Франческо. Я уже давно здесь, а ты ни разу не взглянул на меня. Проснись, уже пора!

Франческо открыл глаза и сразу же зажмурился: утренний свет хлынул ему в глаза серебряной струёй.

Он никак не мог вспомнить, что с ним случилось, и с удивлением спросил:

— Где я?

Но стук лошадиных копыт, ставший внезапно более громким (коляска проходила как раз по той части города, где снег уже счистили), напомнил ему все события этой удивительной ночи. Он открыл глаза и увидел пса, который, виляя хвостом, смотрел на него и, казалось, по первому знаку готов был броситься к нему в объятия.

— Пёсик! — весело воскликнул Франческо. — Откуда ты взялся?

Он сел поближе, но ещё не осмеливался протянуть руку и погладить щенка.

— Может быть, мне его подарила Фея? Может быть, это мой новогодний подарок?

Но потом засмеялся. Фея дарила игрушки, а не настоящих псов с ласковыми, преданными глазами, с настоящим хвостом, который плясал в воздухе, как маленький флажок под порывом ветра. Вы, наверно, уже сами догадались, что Кнопка не был больше игрушкой. Он стал настоящим псом.

Франческо ласково погладил его по спине сначала робко, одной рукой, потом смелее, обеими руками. Кнопка только и ждал этого приглашения — проворный, как ящерица, он вскочил на колени к мальчику и весело залаял.

Да, вы правильно меня поняли: именно залаял. Впервые в жизни Кнопка услышал, как из его горла вылетают сильные, энергичные звуки, так не похожие на его обычный визг; эти звуки показались ему песней и отдавались в голове, как колокол.

«Я лаю», — только и успел подумать он и сразу же перестал думать. Зато теперь он стал наслаждаться этим новым, неиспытанным чувством. Он лаил так громко, что Франческо рассмеялся:

— Похоже, что ты лаешь впервые в жизни. Но голос у тебя неплохой.

Кнопка перестал быть игрушкой из папье-маше и тряпок; он почувствовал, как в груди его бьётся настоящее, живое сердце. Когда его гладили, он не оставался теперь холодным и безразличным, как игрушка, а весь был тёплый, живой и дрожал, как птица.

Это произошло потому, что он нашёл себе настоящего друга и не был больше одиноким.

Услышав этот лай, удивлённый кучер обернулся. Он увидел мальчика и пса, которые весело боролись на старых, потёртых подушках сиденья: псы и ребята не видят особой разницы между лужайкой и сиденьем коляски. Как только они найдут немного свободного места, так сразу же начинают вертеться юлой.

— Откуда же к нам прыгнул этот пёс? — смеясь, спросил кучер.

— Не знаю. Когда я проснулся, он уже сидел здесь и лизал мне руку.

Кучер кашлянул и принялся рассказывать какую-то длинную историю.

— Однажды подобрал я одного пса. Дело было так: ехал я со станции, в коляске лежал багаж и сидели пассажиры. Лошадь в тот день совсем не хотела двигаться. Шёл дождь, а у лошадей ведь тоже есть свои капризы. Правду говорит пословица...

Но Франческо и Кнопка так и не узнали, ни что говорит пословица, ни чем кончилась история кучера. Старик говорил, говорил, а два друга (я чуть не сказал — два мальчика) уже обнаружили, что вдвоём можно играть, смеяться, развлекаться. И пасмурный день в занесённом снегом городе вдруг показался им радостным и светлым, как солнечный день на берегу моря.

Глава двадцать третья

ЧТО ТАКОЕ ДРУГ

На следующий день Франческо пошёл на работу в магазин Феи. Кнопка, конечно, последовал за ним. Они не могли расстаться ни на минуту. Франческо брал его на ночь к себе в кровать, и ранним утром Кнопка будил его нетерпеливым лаем, который начал: «Вставай, не трать столько времени на сон. У нас ещё тысяча дел. Нам нужно поваляться в снегу, сбежать наперегонки до стены фабрики, проверить, кто дальше прыгнет. Вставай, вставай скорее!»

Всю дорогу они продолжали играть.

Фея, по правде сказать, сморщила нос при виде пса:

— Пёс? Ты хочешь держать его в магазине?

— Если вы разрешите, синьора.

— Гм... Нет ли у него случайно блох?

— Нет, синьора. Это чистый пёс.

— Да, да... Мне кажется, что я где-то его уже видела. Тереза, взгляни-ка на этого пса! Ты помнишь, где мы его видели?

— Нет, синьора баронесса. Впрочем... Подождите-ка... Знаете, на кого он похож? На щенка, который сидел у нас в витрине на прошлой неделе. Посмотрите, у него хвост светлее, чем остальная шерсть.

— Ты права, он очень похож на нашего щенка. Правда, тот был поменьше.

— Да, синьора баронесса, наш был немного поменьше.

Кнопка залаял, чтобы они вспомнили его. Но Фея сказала, смеясь:

— А кроме того, тот не лаял.

— Да, синьора баронесса, он не лаял.

Франческо разрешили держать пса, но только с условием, что тот не будет сорить и ломать игрушки.

За один день Кнопка научился предупреждать лаем о приходе покупателя. Научился смирно сидеть на задних лапах, держа во рту кружку, куда покупатели бросали чаевые для Франческо. Научился развлекать маленьких ребятишек, пока их мамы беседовали о том о сём с синьорой Феей.

В свободное время, когда покупателей не было, Франческо и Кнопка играли вместе новыми игрушками, которые Фея привезла к следующему Новому году. Это был всё новый народ, незнакомый Кнопке: реактивные самолёты, ружья, стреляющие сжатым воздухом, огромные океанские пароходы с сотнями пассажиров.

«Бедняжка Полубородый,— думал Кнопка,— каким жалким казался бы его парусник рядом с этими гигантами!»

Со всем этим народом Кнопка не разговаривал. Все они были молчаливые и неподвижные и не желали вступать в разговор.

Может быть, между собой они и беседовали, как это раньше делал Кнопка со своими друзьями. Но теперь Кнопка не был одним из них: он принадлежал к миру настоящих людей с настоящими, а не нарисованными, как у трёх марионеток, сердцами.

Франческо тоже почти не играл с игрушками. Он предпочитал целыми часами бороться и кувыркаться с Кнопкой.

— Все игрушки мира не стоят одного друга,— говорил Франческо на ухо Кнопке.

И Кнопка лаял:

— Да! Да!

— Мы всегда будем друзьями! Не расстанемся никогда!

— Никогда! Никогда! — лаял Кнопка.

Фея выглядывала из двери магазина и, глядя поверх очков, спрашивала:

— Что он так лает, этот демон?

— Он доволен, синьора. Он рад, что живёт в этом мире.

И Кнопка лаял:

— Да! Да!

ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛГУНОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой Джельсомино забивает гол,
а потом начинается самое интересное*

Эту историю Джельсомино рассказал мне сам. И я чуть было не оглох, пока дослушал её до конца, хотя и набил себе в уши с полкило ваты. Дело в том, что у Джельсомино невероятно оглушительный голос — даже когда он говорит шёпотом, его слышат пассажиры реактивных самолётов, летящих на высоте десять тысяч метров над уровнем моря и над его головой.

Теперь Джельсомино уже знаменитый певец. Его знают всюду — от Северного полюса до Южного! Он придумал себе громкое и пышное имя, но его даже не стоит упоминать здесь, потому что вы, конечно, сто раз встречали его в газетах. А в детстве его звали Джельсомино. Пусть же под этим именем он и действует в нашей истории.

Так вот, жил да был однажды самый обыкновенный мальчик, быть может, ростом даже поменьше других ребят. Но едва он появился на свет, всем стало ясно, что природа наделила его совершенно необыкновенным голосом.

Джельсомино родился в глухую ночную пору, и люди в селении тотчас повскакали с постелей, вообразив, что слышат заводские гудки, зовущие на работу. Но это был всего-навсего крик Джельсомино, который пробовал голос, как это делают все только что появившиеся на свет дети. К счастью, Джельсомино быстро научился спать с вечера до утра, как и подобает всем порядочным людям, кроме газетных репортёров и ночных сторожей. Его первый крик раздавался ровно в семь часов утра, как раз в ту минуту, когда людям

надо было вставать, чтобы идти на работу. Заводские гудки стали теперь ненужными, и их скоро выбросили на свалку.

Когда Джельсомино исполнилось шесть лет, он пошёл в школу. Учитель начал перекличку, и вскоре дошёл до буквы «Д».

— Джельсомино! — произнёс он.

— Здесь! — радостно ответил новичок.

И вдруг раздался грохот — классная доска разлетелась на куски и превратилась в грудку обломков.

— Кто разбил доску? — спросил учитель и угрожающе взялся за указку.

Все молчали.

— Что ж, повторим перекличку, — сказал учитель.

Он снова начал с буквы «А».

— Это ты бросил камень? — спрашивал он каждого ученика.

— Не я... Не я... — испуганно отвечали мальчики.

Когда учитель снова дошёл до буквы «Д», Джельсомино встал и тоже вполне искренне сказал:

— Не я, синьор...

Но он не успел сказать «учитель» — оконные стёкла последовали примеру доски. На этот раз учитель внимательно следил за классом и мог поручиться, что ни у кого из его сорока учеников не было в руках рогатки.

«Наверное, это напроказил кто-нибудь на улице, — решил он, — какой-нибудь сорванец, который, вместо того чтобы сидеть в классе, шатается с рогаткой и разоряет птичьи гнёзда. Вот доберусь до него, возьму за ухо и отведу в полицию».

В то утро всё на этом и кончилось. Но на следующий день учитель снова стал делать перекличку и снова дошёл до имени Джельсомино.

— Здесь! — ответил наш герой и гордо осмотрелся, в восторге оттого, что он снова в школе.

«Трах-тарарах-цвяк-цвяк-цвяк!» — сразу же ответило ему окно. Стёкла, которые служитель вставил всего полчаса назад, посыпались во двор.

— Странное дело, — заметил учитель, — стоит дойти до твоего имени, как начинаются несчастья. А, всё понятно, мой мальчик: у тебя слишком громкий голос! Когда ты кричишь, получается что-то вроде урагана. Так что, если ты не хочешь разорить школу и

наше село, тебе придётся отныне разговаривать только шёпотом. Договорились?

Джельсомино, покраснев от стыда и смущения, попробовал возразить:

— Но, синьор учитель, это же не я!

«Трах-бах-тарарах!» — отозвалась новая классная доска, которую служитель только что принёс из магазина.

— А вот тебе и доказательство! — заключил учитель. Но увидев, что по щекам Джельсомино текут крупные слёзы, он подошёл к мальчику и ласково погладил его по голове: — Послушай меня хорошенько, сынок. Твой голос может принести тебе либо много бед, либо великое счастье. А пока старайся как можно реже пользоваться им. За хорошее молчание ещё никого не бранили. Всем известно, что слово — серебро, а молчание — золото.

С этого дня для Джельсомино начались адские мучения. В школе, чтобы не натворить новых бед, он сидел, прижав ко рту платок. Но всё равно его голос

так гремел, что остальным школьникам приходилось затыкать себе уши пальцами. Учитель старался вызывать его как можно реже. Но учился Джельсомино отменно, и учитель был уверен, что все уроки он знает назубок.

Ну а дома, когда Джельсомино, рассказывая о своих школьных подвигах, вдребезги разбил дюжину стаканов, ему тоже строго-настрого запретили открывать рот.

Чтобы отвести душу, Джельсомино уходил куда-нибудь подальше от селения — в лес, в поле или на берег озера. Убедившись, что он один и поблизости не видно застеклённых окон, Джельсомино ложился ничком на землю и начинал петь. Через несколько минут земля словно оживала: кроты, муравьи, гусеницы — в общем, все живущие под землёй звери и насекомые разбегались кто куда, думая, что началось землетрясение.

Только один-единственный раз Джельсомино позабыл про осторожность. Дело было в воскресенье, и на стадионе шла решающая футбольная встреча.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но игра мало-помалу захватила и его. И вот настал момент, когда местная команда, подгоняемая неистовыми криками своих болельщиков, бросилась в атаку. (Сам-то я не очень понимаю, что это такое — броситься в атаку, потому что плохо разбираюсь в футболе. Я пересказываю всё это со слов Джельсомино. Но если вы читаете спортивные газеты, то уж, конечно, поймёте, в чём тут дело.)

— Давай! Давай! — орали болельщики.

— Давай! — крикнул во весь голос и Джельсомино.

Как раз в эту минуту правый крайний послал мяч центральному нападающему. Но мяч, поднявшись на глазах у всех в воздух, вдруг на полдороге свернул в сторону и, гонимый какой-то неведомой силой, влетел прямо в ворота противника.

— Гол! — взорвались зрители.

— Вот это удар! — воскликнул кто-то. — Видели, как тонко он был рассчитан? До одного миллиметра! У этого парня золотые ноги!

Но Джельсомино, придя в себя, понял, что допустил оплошность.

«Так и есть,— подумал он,— я забил этот гол своим голосом. Нужно будет взять себя в руки, а то спорту придёт конец. И пожалуй, надо, чтоб было справедливо,— забью-ка я гол и в другие ворота. Тогда всё встанет на свои места».

Во втором тайме и в самом деле представился подходящий случай. Когда команда противника перешла в нападение, Джельсомино снова закричал: «Давай!» — и загнал мяч в ворота своей команды. Можете себе представить, как обливалось кровью его сердце! Даже через много лет, рассказывая об этом случае, Джельсомино сказал:

— Я дал бы отрубить себе палец, лишь бы не забивать этого гола. Но не забить его я не мог. Иначе было бы несправедливо.

— А ведь на твоём месте кто угодно подыграл бы своей любимой команде,— заметил я.

Кто угодно, но только не Джельсомино! Он был честен и правдив, как прозрачная родниковая вода. Таким он и рос, и скоро из мальчика стал юношей. Правда, роста он был скорее низкого, чем высокого, а сложения скорее щуплого, чем крепкого. Так что имя его — Джельсомино, что означает «маленький жасмин», — очень подходило ему. Будь у него имя потяжелее, он, пожалуй, нажил бы себе горб, нося его.

Когда Джельсомино подрос, он оставил школу и стал заниматься крестьянским трудом. Наверное, он так бы и прожил всю жизнь, и мне не пришлось бы рассказывать о нём, не попади он в одну неприятную историю, о которой вы сейчас и узнаете.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*прочитав которую вы поймёте,
что если от вашего голоса падают груши,
то лучше скрывать это от соседей*

Однажды утром Джельсомино вышел в сад и увидел, что груши уже спели. Ведь груши — они такие: никому ни гугу, а сами зреют да спеют. И в одно прекрасное утро вы видите вдруг, что они совсем уже спели и пора их снимать.

«Жаль, что я не захватил лестницы,— подумал Джельсомино.— Придётся пойти за нею домой.

А паодно уж принесу и жердь, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но в эту самую минуту ему пришла озорная мысль. «А если попробовать голосом?» — спросил он себя.

Он встал под грушевым деревом и не то в шутку, не то всерьёз крикнул:

— А ну-ка, груши, падайте вниз!

«Пата-пум, пата-пам, пата-пум!» — ответили ему груши и дождём посыпались на землю.

Джельсомино подошёл к другому дереву и проделал то же самое. И каждый раз, когда он кричал «Падайте!», груши, словно только того и ждали, срывались с веток и шлёпались на землю. Джельсомино очень обрадовался этому.

«Я не затратил на это никакого труда, — подумал он. — Жаль, раньше не догадался, что голос может заменить и жердь, и лестницу!»

Пока Джельсомино собирал свои груши, его заметил крестьянин, работавший на соседнем огороде. Он протёр глаза, ущипнул себя за нос, взглянул еще раз и, когда окончательно убедился, что не спит, во всю прыть побежал за своей женой.

— Иди-ка посмотри, — сказал он, дрожа от страха. — Я думаю, что наш сосед — алый колдун!

Жена взглянула на Джельсомино, упала на колени и воскликнула:

— Да что ты! Это же добрый волшебник!

— А я говорю тебе, что колдун!

— А я тебе говорю, что добрый волшебник!

До этого дня муж и жена жили довольно мирно. Теперь же один схватился за лопату, другая — за мотыгу, и оба приготовились защищать своё мнение с оружием в руках. Но тут крестьянин предложил:

— Давай позовём соседей. Пусть они тоже посмотрят, а потом послушаем, что они скажут!

Эта мысль понравилась женщине: ведь, созвав соседей, можно было и поболтать с кумушками. Она бросила мотыгу.

Ещё до наступления вечера всё селение знало о случившемся. Мнения разделились: одни утверждали, что Джельсомино добрый волшебник, другие — что он

злой колдун. Споры разгорались и росли, словно волны на море, когда поднимается сильный ветер. Вспыхнули ссоры, и кое-кто даже пострадал. К счастью, легко. Так, например, один крестьянин обжёгся трубкой, потому что, увлечшись спором, сунул её в рот не тем концом. Полицейские не могли решить, кто прав, кто виноват, и поэтому никого не арестовывали, а только переходили от одной группы к другой и просили всех разойтись.

Самые упрямые спорщики направились к саду Джельсомино. Одни хотели прихватить что-нибудь на память, потому что считали эту землю волшебной, а другие шли, чтобы стереть домик Джельсомино с лица земли, потому что считали его заколдованным. Джельсомино, увидев толпу, решил, что вспыхнул пожар, и схватил ведро, чтобы помочь заливать огонь. Но люди остановились у его двери, и Джельсомино услышал, что речь идёт о нём.

— Вот он, вот он! Добрый волшебник!

— Какой там волшебник! Он злой колдун. Видите, у него в руках заколдованное ведро!

— Давайте отойдём подальше! Ещё плеснёт на нас этой штукой — пропадём ни за грош!

— Какой штукой?

— Вы что, ослепли? В этом ведре смола! Прямохонько из ада! Попадёт на тело хоть капля — насквозь прожжёт. И ни один врач потом не залечит!

— Он святой, святой!

— Мы видели, Джельсомино, как ты приказывал грушам поспевать, и они поспевали, приказывал падать, и они падали...

— Вы с ума сошли, что ли? — воскликнул Джельсомино. — Это же всё из-за моего голоса! Когда я кричу, воздух беснуется, как в бурю...

— Да, да, мы знаем! — закричала какая-то женщина. — Ты творишь чудеса своим голосом.

— Какие там чудеса! Это колдовство!

Джельсомино в сердцах швырнул на землю ведро, скрылся в доме и заперся на крюк.

«Ну вот и кончилась спокойная жизнь, — подумал он. — Теперь нельзя будет и шагу ступить, так и буду ходить за мной следом. По вечерам только и разговоров будет что обо мне. Моим именем начнут пугать

непослушных ребятишек. Лучше, пожалуй, уйти куда-нибудь отсюда. Да и что мне делать в этом селении? Мать с отцом умерли, друзья погибли на войне. Пойду-ка я по свету да попробую добыть счастье своим голосом. Говорят, есть люди, которым даже платят за их пение. Это очень странно — получать деньги за то, что доставляет им такое удовольствие. Но всё же за пение платят. Кто знает, быть может, и мне удастся стать певцом?»

Приняв такое решение, он сложил свои скудные пожитки в заплечный мешок и вышел на улицу. Толпа зашумела и расступилась перед ним. Джельсомино не взглянул ни на кого. Он смотрел прямо перед собой и молчал. Но, отойдя подальше, обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на свой дом.

Толпа всё ещё не расходилась. Люди указывали на него пальцами, словно он был привидением.

«Подшучу-ка я над ними на прощанье», — подумал Джельсомино и, вздохнув поглубже, заорал что было мочи:

— До свиданья!

В ту же минуту у мужчин порывом ветра сорвало шляпы, какие-то старушки бросились вдогонку за своими париками, прикрывая руками голые, как яичко, головы.

— Прощайте-е, прощайте-е-е! — повторил Джельсомино, от души смеясь над первой в своей жизни озорной проделкой.

Шапки и парики взвились, словно стайка перелётных птиц к облакам, и вскоре скрылись из виду. Потом стало известно, что они улетели за несколько километров, а некоторые из них даже перелетели границу.

А через несколько дней Джельсомино тоже пересёк границу и попал в самую необыкновенную страну, какая только может быть на свете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой вы узнаете, откуда взялся Цоппино

Первое, что увидел Джельсомино, попав в эту незнакомую страну, была блестящая серебряная монета. Она лежала на мостовой, недалеко от тротуара, на самом виду.

«Странно, что никто не подобрал её,— подумал Джельсомино.— Я-то уж, конечно, не пройду мимо. Мои деньги кончились ещё вчера, и сегодня у меня во рту не было и маковой росинки».

Он подошёл к кучке людей, которые наблюдали за ним и о чём-то шептались, и показал им монету.

— Не вы ли, синьоры, потеряли эту монетку? — спросил он шёпотом, чтобы никого не напугать своим голосом.

— Проваливай,— ответили ему,— да запрячь её подальше, если не хочешь нажить неприятностей!

— Извините, пожалуйста,— смущённо пробормотал Джельсомино и, не задавая лишних вопросов, направился к магазину с многообещающей вывеской «Съестные припасы».

В витрине вместо колбас и банок с вареньем громоздились горы тетрадей, коробки акварельных красок и пузырьки с чернилами.

«Должно быть, это универмаг, и здесь можно купить что хочешь»,— решил Джельсомино и, полный надежд, вошёл в магазин.

— Добрый вечер,— любезно приветствовал его хозяин.

«По правде говоря,— мелькнуло в голове Джельсомино,— я не слышал, чтобы пробило хотя бы полдень. Ну да ладно, не стоит обращать внимания на такие пустяки».

И, говоря своим обычным шёпотом, от которого люди всё-таки едва не глохли, он осведомился:

— Не могу ли я купить у вас хлеба?

— Разумеется, дорогой синьор. Вам сколько — один пузырьёк или два? Красного или фиолетового?

— Нет, нет, только не фиолетового! — ответил Джельсомино. — И потом, вы в самом деле продаёте его бутылками?

Хозяин магазина расхохотался:

— А как же его ещё продавать? Может быть, у вас его ломтями режут? Да вы только взгляните, какой прекрасный хлеб в моём магазине!

И, говоря это, он показал на полки, где ровными шеренгами выстроились целые сотни пузырьков с чернилами самых разных цветов. А съедобного там не было и в помине — ни крошки сыра, ни даже яблочной кожуры.

«Может быть, он сошёл с ума? — спросил себя Джельсомино. — Если так, то лучше не перечить ему».

— Это верно, у вас великолепный хлеб, — согласился он, показывая на пузырьёк с красными чернилами. Уж очень ему хотелось услышать, что скажет хозяин.

— В самом деле? — просиял тот. — Это самый лучший зелёный хлеб, который когда-либо поступал в продажу.

— Зелёный?

— Ну конечно. Простите, может быть, вы плохо видите?

Джельсомино готов был поклясться, что перед ним пузырьёк с красными чернилами. Он уже придумывал подходящий предлог, чтобы убраться отсюда подброду и поискать другого продавца, который еще не успел спятить с ума, как вдруг его осенила хорошая мысль.

— Послушайте, — сказал он, — за хлебом я зайду попозже. А сейчас скажите мне, если вас не затруднит, где тут можно купить хороших чернил?

— О, пожалуйста! — ответил хозяин всё с той же любезной улыбкой. — Вон там, перейдя через дорогу,

вы найдёте самый лучший в нашем городе канцелярский магазин.

В витринах этого магазина были выставлены аппетитные караваи хлеба, пирожные, макароны, лежали горы сыров и образовались целые заросли колбас и сосисок.

«Я так и думал,— решил Джельсомино,— тот продавец не в своём уме, оттого он и называет чернила хлебом, а хлеб чернилами. Этот магазин мне нравится гораздо больше».

Он вошёл в магазин и попросил взвесить ему полкило хлеба.

— Хлеба? — услужливо спросил продавец. — Вы, наверно, ошиблись. Хлебом торгуют в магазине напротив, а мы продаём только канцелярские товары. — И широким жестом он указал на съестные припасы.

«Теперь я понял,— сообразил Джельсомино,— в этой стране всё называется наоборот. Если назовёшь хлеб хлебом, тебя никто не поймёт».

— Свешайте мне, пожалуйста, полкило чернил,— сказал он продавцу.

Тот отвесил полкило хлеба, завернул покупку по всем правилам в бумагу и протянул Джельсомино.

— И немножко вот этого,— добавил Джельсомино и показал на круг швейцарского сыра, не решаясь назвать его.

— Синьору угодно немного ластика? — подхватил продавец. — Сию минуту!

Он отрезал добрый кусок сыра, взвесил его и завернул в бумагу.

Джельсомино облегчённо вздохнул и бросил на прилавок серебряную монету.

Продавец взглянул на неё, взял в руки и стал рассматривать, затем раза два бросил на прилавок, чтобы услышать, как она звенит, посмотрел на неё через увеличительное стекло и даже попробовал на зуб. Наконец он вернул её Джельсомино и ледяным тоном произнёс:

— Мне очень жаль, молодой человек, но ваша монета настоящая.

— Вот и хорошо! — радостно улыбнулся Джельсомино.

— Как бы не так! Повторяю вам: ваша монета настоящая, и я не могу её принять. Давайте сюда

ваша покупка и идите своей дорогой. Ваше счастье, что мне лишь выйти на улицу и позвать полицию. Иначе вы не знаете, что полагается за хранение фальшивых монет? Тюрьма!

— Да ведь я...

— Не кричите, я не глухой! Идите же, идите... Принесите мне фальшивую монету, и покупки — ваши. Видите, я даже не разворачиваю пакеты. Только отложу их в сторону, хорошо? Добрый вечер...

Чтобы не закричать, Джельсомино засунул в рот кулак. И пока он шёл от прилавка к двери, между ним и его голосом происходил такой разговор:

Г о л о с. Хочешь, я крикну «А-а!» и вдребезги разнесу его витрину?

Д ж е л ь с о м и н о. Пожалуйста, не делай глупостей. Ведь я только что попал в эту страну, у меня и так здесь ничего не ладится.

Г о л о с. Но мне нужно отвести душу, иначе быть беде. Ты же мой хозяин, так придумай что-нибудь!

Д ж е л ь с о м и н о. Потерпи, пока мы не выйдем из этой ужасной лавки. Мне не хочется её разрушать...

Г о л о с. Выстрее, я больше не могу! Вот... вот... сейчас заору... Ещё минута, и всё пропало...

Тут Джельсомино пустился бегом, свернул в тихую улочку, чуть пошире переулка, и быстро огляделся. Вокруг не было ни души. Тогда он вытащил кулак из рта и, чтобы утихомирить бушевавшее в нём бешенство, тихо, совсем негромко произнёс: «А-а!» И тут же ближайший уличный фонарь развалился на куски, а сверху, с какого-то подоконника, свалился на мостовую цветочный горшок.

Джельсомино вздохнул:

— Когда у меня будут деньги, я пошлю их по почте городскому управлению, чтобы возместить стоимость фонаря, и подарю владельцу цветочного горшка новый, ещё лучше... Может быть, я разбил ещё что-нибудь?

— Нет, больше ничего,— ответил ему тоненький-тоненький голосок, и кто-то два раза кашлянул.

Джельсомино осмотрелся в поисках обладателя этого голоска и увидел котёнка, вернее, какое-то существо, которое издали можно было принять за котёнка. Подойдя поближе, Джельсомино понял, что не

ошибся. Это и в самом деле был котёнок, только почему-то ярко-красного цвета и всего на трёх лапках. Но самое удивительное — он был плоский. Не круглый и пушистый, как нормальные котята, а совершенно плоский — всего лишь контур котёнка, вроде тех фигурок, которые ребята рисуют на стенах.

— Как? Ты умеешь говорить? — удивился Джельсомино.

— Умею! Я ведь не совсем обыкновенный котёнок. Я даже читать и писать умею! И это понятно: ведь мой отец — школьный мел!

— Кто-кто?

— Меня нарисовала на этой стене одна девочка, которая унесла из школы кусочек мела. Но она успела нарисовать мне только три лапки, а потом из-за угла появился полицейский, и девочке пришлось убежать. Там я и остался хромым. И потому решил сам себя назвать Цоппино, что значит «хромоножка». Кроме того, я немного кашляю, потому что стенка была довольно-таки сырая, а мне пришлось провести на ней всю зиму!

Джельсомино взглянул на стену. На ней остался отпечаток Цоппино, точно рисунок оторвали от стены вместе с частью штукатурки.

— А как же ты оттуда спрыгнул? — удивился Джельсомино.

— Мне помог твой голос! — ответил Цоппино. — Крикни ты малость погромче, ты бы проломил стенку, и тогда пиши пропало. А сейчас я просто счастлив! Какое наслаждение гулять по свету, пусть даже на трёх ногах! У тебя, кстати, их только две, и ты ведь не жалуешься, правда?

— Вроде нет, — согласился Джельсомино. — Пожалуй, двух ног мне даже много. Будь у меня одна-единственная, я сидел бы сейчас дома.

— Ты не очень весел, как я погляжу, — заметил Цоппино. — Что с тобой стряслось?

Но только Джельсомино собрался рассказать о своих влечениях, как на улице появился настоящий кот, на четырёх настоящих лапах. Правда, он был, по-видимому, чем-то чрезвычайно озабочен, потому что даже не взглянул на наших друзей.

— Мяу! — крикнул ему Цоппино. На кошачьем языке это значит «Привет!».

Кот остановился. Он казался удивлённым и даже возмущённым.

— Меня зовут Цоппино, а тебя как? — поинтересовался наш знакомый.

Настоящий кот некоторое время раздумывал, стоит отвечать или нет, потом неохотно промямлил:

— Меня зовут Тузик.

— Что он там говорит? — спросил Джельсомино, который, разумеется, не понимал по-кошачьи.

— Он говорит, что его зовут Тузик.

— Но ведь это же собачья кличка!

— Совершенно верно.

— Ничего не понимаю! — признался Джельсомино. — Сначала торговец захотел всучить мне чернила вместо хлеба, теперь кот с собачьей кличкой.

— Дорогой мой, кот думает, что он собака, — объяснил Цоппино. — Вот послушай.

И, повернувшись к коту, он вежливо продолжил разговор на кошачьем языке:

— Мяу, Тузик!

— Гав, гав! — вне себя от возмущения ответил кот. — Постыдился бы: кот, а мяукаешь!

— Что поделаешь, я не умею врать, хоть я и нарисованный.

— Ты позоришь всё наше племя! Глаза бы мои на тебя не глядели!.. К тому же вот и дождь собирается, нужно бежать домой за зонтиком. — И он пошёл, то и дело оглядываясь и лая.

— Что он сказал? — спросил Джельсомино.

— Он сказал, что скоро пойдёт дождь.

Джельсомино взглянул на небо. Над крышами домов ослепительно сияло солнце, и даже в подзорную трубу на небе нельзя было рассмотреть ни одного облачка.

— Надеюсь, тут все грозы похожи на эту, — сказал он. — Я вижу, в этой стране всё наоборот, и у меня такое ощущение, будто и я сам стал ходить на голове.

— Дорогой Джельсомино, ты просто-напросто попал в Страну Лгунов. По законам этой страны здесь все обязаны лгать. И горе тем, кто говорит правду. Стоит произнести хоть одно правдивое слово, и на уплату штрафа уже не хватит собственной шкуры. За целую виму, что я провёл на этой стене, я увидел немало интересного.

И Цоппино подробно описал Джельсомино Страну Лгунов.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

в которой вы найдёте краткое, но весьма полное описание Страны Лгунов

— Да будет тебе известно, — начал Цоппино...

Но я немного сокращу рассказ котёнка, чтобы не отнимать у вас лишнего времени, и вы узнаете только о самом главном.

Итак, задолго до того, как Джельсомино попал в эту страну, там появился хитрый и жестокий пират по прозвищу Джакомоне, что значит Большущий Джакомо. Он был до того огромен и толст, что носил своё тяжёлое имя безо всякого труда. Но был он уже немолод и потому стал подумывать о том, как бы поспокойнее провести старость.

«Молодость прошла, и бороздить моря мне уже надоело, — решил он. — Брошу-ка я своё старое ремесло да поселюсь на каком-нибудь островке. И уж, конечно, не один, а вместе со своими пиратами. Я произведу их в мажордомы, сделаю лакеями, конюхами и управляющими, и они будут не в обиде на своего атамана».

Сказано — сделано. И пират стал подыскивать подходящий остров, но все они были слишком малы для него.

А если остров устраивал самого Джакомоне, то не нравился кому-нибудь из его шайки. Одному пирату непременно нужна была быстрая река, чтобы ловить в ней форель, другой хотел, чтобы на острове был кинотеатр, третий не мог обойтись без банка, где можно было бы получать проценты с пиратских сбережений.

А почему бы нам не поискать что-нибудь получше острова? — сказали пираты.

Дело кончилось тем, что они захватили целую страну с большим городом, в котором были и банки, и кинотеатры, и целый десяток речушек, где можно было удить форель и кататься по воскресеньям на лодке. И в этом нет ничего удивительного — то и дело случается, что какая-нибудь пиратская банда захватывает ту или иную маленькую страну. Завладев государством, Джакомоне решил назвать себя королём Джакомоне Первым, а своим приближённым он присвоил титулы адмиралов, камергеров и начальников пожарных команд.

Разумеется, Джакомоне тут же издал приказ, которым повелевал именовать себя «ваше величество», а каждому, кто ослушается, отрезать язык. И чтобы никому не приходило в голову говорить о нём правду, он приказал своим министрам составить новый словарь.

— Нужно поменять местами все слова! — пояснил он. — Например, слово «пират» будет означать «честный человек». Если кто-нибудь назовёт меня пиратом, он попросту скажет на новом языке, что я честный малый!

— Клянёмся всеми китами, на глазах у которых мы шли на abordаж, шикарная мысль! — в восхищении воскликнули пираты-министры. — Прямо хоть вставляй её в рамку и вешай на стену!

— Вмачит, понятно? — продолжал Джакомоне. — Тогда пойдём дальше. Измените названия всех предметов, имена людей и животных. Для начала пусть люди вместо доброго утра желают друг другу спокойной ночи. Таким образом, мои верные подданные будут каждый свой день начинать со лжи. Ну и, само собой разумеется, ложась спать, надо будет пожелать друг другу приятного аппетита...

— Великолепно! — воскликнул один из министров. — Ведь для того, чтобы сказать кому-нибудь «Как вы прекрасно выглядите!», нужно будет произнести: «До чего же у вас мерзкая рожа!»

Когда отпечатали новый словарь и обнародовали «Закон об обязательной лжи», началась невероятная путаница.

На первых порах люди то и дело ошибались. Они шли, например, за хлебом в булочную, забывая, что

там теперь продают тетради и карандаши и что хлеб нужно покупать в магазине канцелярских товаров. Или же шли погулять в городской парк, смотрели на цветы и радовались:

— Какие чудесные розы!

В ту же минуту из-за кустов выскакивал стражник короля Джакомоне, держа наготове наручники:

— Ну и молодец! Как это вы додумались назвать морковку розой? Вы нарушили главный закон страны!

— Прошу прощения, — растерянно бормотал несчастный и поспешно принимался расхваливать все остальные цветы.

— Какая восхитительная крапива! — говорил он, указывая на фиалки.

— Бросьте заговаривать мне зубы!.. Прощтрафилась — так посидите немного в тюрьме, там вас научат лгать по всем правилам!

А что началось в школах — этого и описать невозможно. Джакомоне велел поменять местами все цифры в таблице умножения. Чтобы произвести умножение, надо было делить, чтобы складывать, надо было вычитать. Сами учителя не могли больше решить ни одной задачи, и для всех лодырей наступило сущее раздолье! Чем больше они делали ошибок, тем лучше получали отметку.

А сочинения?

Можете себе представить, какие получались у ребят сочинения, если все слова перепутались! Вот, например, сочинение на тему «Летний день». Его написал ученик, которого потом наградили фальшивой золотой медалью.

«Вчера шёл дождь. Как приятно гулять под проливным дождём, который льёт, словно из ведра! Наконец-то люди смогут оставить дома свои плащи и зонтики и гулять без пиджаков! Я не люблю, когда светит солнце, — приходится сидеть дома, иначе промокнешь, и целую ночь напролёт приходится смотреть, как струи дождя заливают черепицы дверей».

Чтобы как следует оценить эту работу, надобно знать, что выражение «черепицы дверей» означало на новом языке «оконные стёкла».

Словом, вы уже поняли, о чём идет речь. В Стране Лгунов даже животным пришлось научиться лгать — собаки мяукали, кошки лаяли, лошади мычали,

а льва, что сидел в клетке в зоопарке, заставили пищать, потому что рычать теперь должны были мыши.

Только рыбам да птицам не было никакого дела до законов короля Джакомоне. Ведь рыбы и так всю жизнь молчат, и никто не может заставить их лгать, а птицы летают по воздуху, и королевской страже их не поймать. И птицы продолжали петь, как ни в чём не бывало, каждая своим голосом. Люди часто с грустью смотрели на них: «Счастливые! Их-то никто не может штрафовать или посадить в тюрьму...»

Слушая рассказ котёнка, Джельсомино совсем пал духом.

— Скажи мне я стану жить в этой стране? — размышлял он. — Если я своим громким голосом нечаянно скажу правду, меня разом услышит вся полиция короля Джакомоне. А голосу не прикажешь, того и гляди у меня не хватит сил сдерживать его...»

— Ну вот, — закончил свой рассказ Цоппино, — теперь ты всё знаешь. Давай поговорим о другом: я хочу есть.

— Я тоже... Только я чуть не забыл об этом.

— Голод — это единственное, о чём нельзя забыть. Голод не проходит со временем, наоборот — чем больше проходит времени, тем сильнее голод напоминает о себе. Но сейчас мы что-нибудь придумаем. Только сначала я хочу попрощаться с этой стенкой, которая так долго держала меня в плену.

И своей красной меловой лапкой он написал на самой середине того отпечатка, который оставил на стене:

МЯУ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

Раздобыть еду оказалось делом нелёгким. Всё время, пока они бродили по городу, Джельсомино смотрел в землю, надеясь набрести на фальшивую монету. А Цоппино — тот, напротив, смотрел по сторонам, словно выискивая кого-то из знакомых.

— Вот она! — вдруг обрадовался он, указывая на старую женщину, которая торопливо шла по панели, сжимая в руке какой-то свёрток.

— Кто это?

— Это тётушка Панноккья, покровительница котов. Каждый вечер она приносит кулёк объедков для

бездомных котов, которые собираются возле королевского парка.

Тётушка Панноккья (её можно было бы ещё назвать тётушка Кукуруза) была очень суровой на вид — чуть не два метра ростом, длинная, тощая и прямая, как палка, она походила на тех старух, которые обычно метлой гоняют бездомных кошек. Но, по словам Цоппино, дело обстояло как раз наоборот.

Следуя за тётушкой Панноккьей, Джельсомино и его новый друг пришли на небольшую площадь, в глубине которой виднелась парковая стена, утыканная бутылочными осколками. Десяток тощих облезлых котов встретил старушку нестройным лаем.

— Вот дураки-то,— сказал Цоппино.— Смотри, какую я с ними сыграю шутку.

И едва тётушка Панноккья, развернув свой свёрток, выложила объедки на землю, Цоппино врезался в самую гущу котов и завопил что было мочи: «Мяу!»

Кот, который мяукает, а не лает! Для здешних котов это было слишком невероятно. От удивления они так и замерли на месте, открыв рот, словно статуи. А Цоппино ухватил зубами две тресковые головы и селёдочный хвост, в два прыжка перемахнул через стену парка и скрылся в кустах.

Джельсомино осмотрелся. Его тоже подмывало перебраться через стену, и он, пожалуй, так бы и сделал, если б тётушка Панноккья не поглядывала на него подозрительно.

«Чего доброго, ещё поднимет тревогу», — подумал Джельсомино и, сделав вид, что он просто идёт своей дорогой, свернул на другую улицу.

Ноты тем временем пришли в себя от изумления и теперь с лаем дёргали за подол тётушку Панноккью. Она, по правде говоря, была поражена ещё больше, чем ноты. В конце концов тётушка вздохнула, раздала котам оставшиеся объедки, бросила последний взгляд на стену, за которой скрылся Цоппино, и отправилась домой.

А Джельсомино, едва завернул за угол, сразу же нашёл долгожданную фальшивую монету. Он купил себе хлеба и сыру, или, как говорили в тех краях, «пузырёк чернил и ломоть ластика».

Быстро спускалась ночь. Джельсомино очень устал, и ему хотелось спать. Увидев поблизости какую-то незапертую дверь, он проскользнул в неё, попал в сарай и тут же заснул крепким сном на куче угля.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой Цоппино случайно узнаёт тайну
короля Джакомоне*

Пока Джельсомино спит, не подозревая, что, ещё не проснувшись, уже станет героем нового приключения, о котором речь впереди, мы с вами отправимся по следам трёх красных лапок котёнка Цоппино. Тресковые головы и селёдочный хвост оказались ему необыкновенно вкусными. Ведь он поел впервые в жизни! Потому что, пока он был на стене, ему не приходилось испытывать голод.

«Жаль, что здесь нет Джельсомино! — подумал котёнок. — Он спел бы Джакомоне серенаду и перебил бы ему все стёкла».

Взглянув наверх, он увидел, что несколько окон во дворце ещё освещены.

«Наверное, король Джакомоне ложится спать, — подумал Цоппино. — Не упустить бы мне это зрелище».

И он с поистине кошачьей ловкостью вскарабкался по стене на последний этаж дворца и прильнул к окну огромного зала, который находился перед спальней его величества.

Двумя нескончаемыми рядами стояли лакеи, слуги, придворные, камергеры, адмиралы, министры и разные другие знатные особы. И все они низко кланялись проходящему Джакомоне. А он был огромный, толстый и страшно уродливый. Однако у него были очень красивые оранжево-огненные волосы — длинные, вьющиеся — и фиолетовая ночная рубашка с вышитым на груди королевским именем.

Низко кланяясь королю, придворные почтительно говорили:

— Доброе утро, ваше величество! Приятного аппетита, ваше величество!

Иногда Джакомоне останавливался и сладко зевал. В ту же минуту один из придворных прикрывал ему рот рукой. Зевнув, король двигался дальше и бормотал:

— Сегодня утром мне совсем не хочется спать. Я чувствую себя свеженьким, как огурчик...

Разумеется, всё это означало совсем обратное. Привыкнув, что все кругом него лгут, король и сам стал врать направо и налево, и сам же первый верил своим словам.

— У вашего величества сегодня невероятно мерзкая рожа! — с поклоном заметил один из придворных.

Джакомоне метнул на него яростный взгляд, но вовремя спохватился. Ведь эти слова надо было понимать иначе: «Как вы прекрасно выглядите!» Поэтому он милостиво улыбнулся, ещё раз зевнул, жестом приветствовал придворных и, подобрав подол своей фиолетовой ночной рубашки, проследовал в спальню.

Цоппино решил продолжить свои наблюдения и перешёл к другому окну.

Как только его величество остался один, он устремился к зеркалу и стал расчёсывать золотым гребнем свою великолепную оранжевую шевелюру.

«Ишь как он заботится о своих волосах! — мелькнуло у Цоппино. — Впрочем, не зря, они и в самом деле очень хороши. Только одно мне непонятно — как мог человек с такими волосами стать пиратом. Ему бы следовало стать художником или музыкантом...»

А Дингемонэ между тем положил гребешок, осторожно взял свою причёску за две пряди у висков и...

спокойно снял её с головы! Даже индеец не смог бы лучше оскальпировать своих непрошенных гостей.

— Парик! — изумился Цоппино.

Да, роскошная оранжевая шевелюра легко снималась и надевалась. И под ней король Джакомоне прятал свою противную розовую лысину, покрытую шишками. Джакомоне с грустью посмотрел на себя в зеркало, потом открыл шкаф и... Цоппино так и замер от удивления. В шкафу хранилась целая коллекция самых разнообразных париков. Там были парики с белокурыми, голубыми, чёрными, зелёными волосами, причёсанными на самый различный манер. Джакомоне на людях всегда показывался только в оранжевом парике, но перед сном, оставшись наедине, он любил менять парики, чтобы хоть в этом найти утешение и забыть о своей лысине. Ему нечего было стыдиться, что у него выпали все волосы. Это случается у многих людей, достигших пожилого возраста. Но таков уж был король Джакомоне — он приходил в отчаяние при виде своей головы, лишённой растительности.

На глазах Цоппино его величество примерил один за другим с полсотни париков. Он прохаживался перед зеркалом, любясь собой и анфас и в профиль, и с помощью маленького зеркальца разглядывая свой затылок, будто артист перед выходом на сцену. Наконец он облюбовал маленький фиолетовый паричок, под цвет своей ночной рубашки. Напялив его на свою плешь, он улёгся наконец в постель и погасил свет.

Цоппино ещё с полчаса провёл на подоконнике, заглядывая в окна. Конечно, это неприлично — если уж подслушивать у дверей некрасиво, то заглядывать в окна тоже неприлично. Впрочем, вас это не касается, ведь вы не кошки и не акробаты, чтобы лазать по стенам.

Особенно понравился Цоппино один камергер, который, прежде чем улечься спать, скинул с себя свой придворный костюм, расшвырял по углам кружева, ордена и украшения, а потом надел — угадайте, что? — свою старую пиратскую одежду: пару штанов до колен, клетчатую куртку и чёрную повязку на правый глаз. В таком виде старый пират забрался не в постель, а на самый верх балдахина, возвышавшегося над кроватью. Должно быть, он истосковался по

бочке на верху грот-мачты пиратского судна, сидя в которой он выискивал добычу. Потом он зажѣг грошовую трубку и стал жадно вдыхать вонючий дым, от запаха которого Цоппино едва не закашлялся.

«Подумать только,— сказал себе наш наблюдатель,— до чего же сильна правда!.. Даже старый пират любит свою настоящую одежду...»

Цоппино решил, что было бы неразумно ночевать прямо в парке, рискуя угодить в лапы часовых. Поэтому он снова перескочил через ограду и оказался на

главной площади города, на той самой, где обычно собирался народ, чтобы послушать речи короля Джакомоне. Цоппино стал поглядывать по сторонам в поисках пристанища, как вдруг почувствовал, что у него зачесалась передняя лапка.

«Странно,— пробормотал он,— значит, у его величества водятся блохи... Или, может, у того старого пирата?...»

Но дело было вовсе не в блохе: лапка-то чесалась не снаружи, а внутри. Цоппино осмотрел её, но не нашёл никаких блох.

«Пиперное,— заключил он,— я должен написать что-нибудь на стене. Помню, вчера вечером, когда я благодаря Джельсомино соскочил со стены, моя лапа чесалась точно так же. Оставлю-ка я этому королю лгунов небольшое послание!»

Он осторожно подкрался к королевскому дворцу и посмотрел на стражников. Как и следовало ожидать, стражники в этом королевстве шиворот-навыворот крепко спали и храпели, обнимая швабры вместо ружей. Время от времени начальник охраны обходил посты и проверял, не проснулся ли кто-нибудь из них.

«Вот и хорошо»,— обрадовался Цоппино. И своей красной меловой лапкой он написал на стене королевского дворца, у самых главных ворот:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИК!

«Эта надпись здесь как раз на месте! — сказал он себе, полюбовавшись на свою работу.— Пожалуй, стоит написать то же самое и по другую сторону ворот».

Через четверть часа, исписав все стены, он устал, точно школьник, который переписывал заданный ему в наказание за ошибки урок.

— Ну, а теперь можно и соснуть!

На самой середине площади возвышалась мраморная колонна, украшенная статуями, прославляющими подвиги короля Джакомоне. Только всё это была чистая неправда. Потому что король Джакомоне никогда никаких подвигов не совершал. Тем не менее тут можно было видеть, как Джакомоне раздаёт беднякам свои сокровища, как обращает в бегство своих врагов, как изобретает зонтик, чтобы укрыть от дождя своих подданных.

На вершине этой колонны было достаточно места, чтобы котёнок, у которого и лап-то всего три, мог провести ночь, не опасаясь, что его застигнут врасплох. Цепляясь за статуи, Цоппино вскарабкался на самый верх, улёгся там, обмотал свой хвост вокруг громоотвода, чтобы не свалиться ночью вниз, и заснул раньше, чем успел закрыть глаза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой вы услышите неудачную речь и увидите,
как Цоппино попадает в плен*

Рано утром котёнка разбудил шум водопада.

«Неужели, пока я спал, началось наводнение?» — в тревоге подумал Цоппино.

Он взглянул вниз и увидел, что вся площадь запружена народом. И без долгих раздумий было ясно, что всех этих людей привела сюда надпись на стене королевского дворца:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИК!

В Стране Лгунов любая, даже самая крохотная правда производила столько же шума, как и взрыв бомбы. На площадь со всех сторон стекался народ, привлечённый шумом и хохотом. Люди думали поначалу, что объявлено какое-нибудь празднество.

— Что случилось? Мы победили в какой-нибудь войне?

— Нет! Гораздо важнее!

— У его величества родился наследник?

— Да нет! Ещё лучше.

— Неужели отменили налоги?

Наконец, прочтя надпись, сделанную Цоппино, вновь прибывшие тоже разражались смехом. Выкрики и хохот разбудили короля Джакомоне. В своей фиолетовой ночной рубашке его величество подбежал к окну и потёр от радости руки:

— Вот это да! Вы только посмотрите, как меня любит мой народ! Люди собрались на площади, чтобы пожелать мне доброй ночи. Эй, придворные, камергеры, адмиралы! Быстрее, быстрее подайте мантию и скипетр! Я хочу выйти на балкон и произнести речь!

Но придворные не очень-то разделяли его восторги.

— Пусть кто-нибудь сначала выяснит, что там произошло!

— Ваше величество, а что, если там революция?

— Ерунда! Вы что, не видите, как они веселятся?..

— Видать-то вижу. Вот только почему они веселятся?..

— Это яснее ясного: потому что я сейчас произнесу речь! Где мой секретарь?

— Я здесь, ваше величество!

Секретарь короля Джакомоне всегда носил под мышкой тяжёлую чёрную папку, полную готовых речей. Тут были речи на любую тему: поучительные, трогательные, развлекательные, и все они, от первой до последней, были лживы.

Секретарь раскрыл папку, вытащил толстую пачку листов и прочёл:

— «Речь о выращивании макарон».

— Нет, нет, только, пожалуйста, без съестного! Чего доброго, мои подданные ещё захотят есть и будут слушать меня без всякой охоты.

— «Речь об изобретении качалок»...— предложил секретарь.

— Эта, пожалуй, сойдёт. Всем известно, что качалки изобрёл я. Пока я не стал королём, ни одна качалка в государстве не качалась.

— Ваше величество, есть ещё «Речь о цвете волос».

— Великолепно! Вот это как раз то, что нужно! — воскликнул Джакомоне и погладил свой парик.

Он схватил бумагу с текстом речи и выбежал на балкон,

При его появлении раздался какой-то шум, который можно было принять и за рукоплескания, и за еле сдерживаемый смех. Подозрительные придворные решили, что это смех, и стали ещё подозрительнее. Но сам Джакомоне был уверен, что это аплодисменты. Он поблагодарил подданных ослепительной улыбкой и начал свою речь.

Если бы вы прочли её в том виде, в каком она была пронесена, вы бы не поняли ни слова, потому что всё в этой речи было вывернуто наизнанку. Я перенёс её для вас на обыкновенный язык, когда выслушал рассказ Джельсомино.

Король Джакомоне сказал примерно следующее:

— Что такое голова без волос? Это сад без цветов!

— Bravo! — закричали в толпе. — Что верно, то верно! Это правда!

Слово «правда» заставило насторожиться даже самых благодушных придворных. Но Джакомоне как ни в чём не бывало спокойно продолжал:

— Пока я не стал вашим королём, люди в отчаянии рвали на себе волосы. Жители страны лысели один за другим, и парикмахеры оставались без работы.

— Bravo! — крикнул кто-то. — Да здравствуют парики и парикмахеры!

На минуту Джакомоне смутился. Намёк на парики вызвал в нём глухое беспокойство. Но он быстро отогнал подозрения и продолжал:

— А сейчас, граждане, я расскажу вам, почему оранжевые волосы красивее зелёных...

Но тут какой-то запыхавшийся придворный потянул Джакомоне за рукав и шепнул на ухо:

— Ваше величество, произошли ужасные события!

— Ну, говори!

— Пообещайте раньше, что вы не прикажете отрезать мне язык, если я скажу вам правду!

— Обещаю!

— Кто-то написал на стене, что вы носите парик! Над этим люди и смеются!

От удивления король лгунов выпустил из рук свою речь. Листки бумаги поплавали над толпой и наконец угодили в руки мальчишек. Если бы королю сообщили, что горит его дворец, он не пришёл бы в большую ярость. Он приказал полицейским очистить площадь

и немедленно отрезать язык придворному, принёсшему роковое известие. Бедняга в спешке попросил, чтобы ему оставили язык, он совсем забыл, что надо было просить не отрезать ему носа. Вспомни придворный об этом, он, самое большое, лишился бы носа, зато язык сохранил бы в целости.

Но на этом Джакомоне не успокоился. По всему королевству было разослано оповещение, обещающее сто тысяч фальшивых талеров тому, кто укажет человека, оскорбившего его величество. На площади перед дворцом, возле самой колонны, воздвигли гильотину, чтобы отсечь голову автору дерзких надписей.

— Мама дорогая! — воскликнул Цоппино, сидя на самом верху колонны, и покрутил шеей. — Не знаю, как на языке лгунов сказать «страх», но если для этого употребляют слово «храбрость», то я чувствую себя храбрым, как лев...

Из осторожности он целый день просидел в своём или, вернее, на своём убежище. К вечеру, когда уже можно было не так опасаться каких-либо неприятностей, Цоппино соскользнул с колонны, предварительно осмотревшись по сторонам раз пятьдесят. Когда он коснулся земли, его задние лапы хотели было побежать, но в это время передняя лапа опять стала невыносимо чесаться.

— Ну вот, опять начинается, — пробормотал Цоппино. — Думаю, что освободиться от этого зуда в лапе можно лишь одним способом: надо написать что-нибудь обидное для короля Джакомоне. Видно, если ты родился нарисованным на стене, тебе всю жизнь суждено и самому писать да рисовать. Правда, поблизости нет ни одной стены... А, была не была, напишу вот здесь.

И своей красной меловой лапкой он написал на самом ноже гильотины:

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЛЫС, И ЭТО — ЧИСТАЯ ПРАВДА!

Зуд в лапе прошёл, но Цоппино с беспокойством заметил, что лапа укоротилась чуть ли не на целый сантиметр.

«У меня и так не хватает одной лапы, — в тревоге подумал он. — Если я истрачу вторую на свои литературные упражнения, как же я буду ходить?»

— Ну пока что тебе помогу я! — произнёс за его спиной чей-то голос.

Будь это только голос, Цоппино мог бы задать стрекача. Но у голоса оказалась пара крепких рук, которые цепко ухватили его. Голос и руки принадлежали пожилой синьоре двухметрового роста, тощей и суровой...

— Тётушка Панноккья!

— Я самая, — прошипела старая синьора. — И тебе придётся отправиться со мной. Я покажу тебе, как воровать ушки у моих котов и писать мелом на стенах.

Цоппино безропотно дал завернуть себя в плащ тётушки Панноккьи, тем более что в воротах дворца появились двое полицейских.

«Хорошо ещё, что тётушка Панноккья явилась раньше, — подумал Цоппино. — Лучше угодить в её плащ, чем в лапы Джакомоне».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Цоппино даёт уроки мяуканья

Тётушка Панноккья принесла Цоппино домой и пришила его к креслу. Да, да, взяла нитку с иглой и пришила, точно он был рисунком для вышивания. А прежде чем отрезать нитку, она сделала двойной узел, чтобы не разошёлся шов.

— Тетушка Панноккья, — сказал Цоппино, стараясь видеть во всём одну весёлую сторону, — вы бы хоть взяли голубую нитку, она больше идёт к моей расцветке! Эта оранжевая просто ужасна: она напоминает парик короля Джакомоне.

— Не будем говорить о париках, — отвечала тётушка Панноккья, — гораздо важнее, чтобы ты сидел смирно и не улизнул от меня, как вчера вечером. Такие звери, как ты, встречаются не часто, и от тебя я жду многого.

— Я самый обыкновенный котёнок, — скромно заметил Цоппино.

— Ты котёнок, который мяукает, а в наши дни таких раз-два и обчёлся. Все коты стали лаять, как собаки, и, конечно же, у них ничего не выходит, потому что родились они не для этого. Я же люблю кошек, а не собак. У меня семь котов. Они спят на кухне под

ушавальником. И всякий раз, когда они раскрывают рот, я готова выгнать их на улицу. Я много раз пыталась научить их мяукать, но они совершенно не слушаются меня. Наверное, не верят, что так надо.

Цоппино почувствовал симпатию к этой старой синьоре, которая, несомненно, спасла его от полицейских и которой, видимо, здорово надоели лающие коты.

— Как бы там ни было,— продолжала тётушка Панноккья,— котами мы займёмся завтра. На сегодня у нас есть дела поважнее.

Она подошла к небольшому шкафчику и достала из него книгу. Цоппино успел прочесть её заголовок. Книга называлась «Трактат о чистоте».

— А теперь,— заявила тётушка Панноккья, удобно устроившись в кресле напротив Цоппино,— я прочитаю тебе эту книгу от первой главы до последней.

— Сколько же в ней страниц, тётушка Панноккья?

— Не так уж много. Всего восемьсот двадцать четыре, включая оглавление, чтение которого мы отложим на завтра... Итак... «Глава первая. Почему не следует писать на стенах своё имя. Имя — вещь важная. Именем нужно дорожить, оно даётся не для того, чтобы швыряться им направо и налево. Нарисуйте красивую картину, и тогда вы можете поставить под ней свою подпись. Сделайте хорошую статую, и на её пьедестале ваше имя будет как нельзя более кстати. Придумайте новую машину, и вы с полным правом можете назвать её своим именем. Только те люди, которые не делают ничего полезного, пишут своё имя на заборах и стенах, потому что больше им некуда его поставить...»

— Я согласен с этим,— заявил Цоппино.— Но ведь я писал на стенах не своё имя, а имя короля Джакомоне.

— Молчи и слушай. «Глава вторая. Почему не нужно писать на стенах имена своих друзей...»

— У меня есть только один друг,— сказал Цоппино,— но теперь я потерял его. Я не хочу слушать эту главу, она слишком грустная...

— Хочешь или не хочешь, а придётся слушать, потому что тебе всё равно даже не пошевелиться.

Но в эту минуту зазвонил звонок, и тётушка Панноккья встала, чтобы открыть дверь. Вошла девочка

лет десяти. О том, что это девочка, можно было догадаться только по её причёске — пучок волос наподобие конского хвоста, собранный на затылке. А одета она была совсем как мальчишка: на ней были спортивные брюки и клетчатая рубашка.

— Ромолетта! — воскликнул Цоппино вне себя от изумления.

Девочка смотрела на него, словно хотела что-то припомнить.

— Где мы с тобой встречались?

— Как это — где? Ведь я могу назвать тебя чуть ли не своей мамой! Тебе ничего не напоминает моя расцветка?

— Она напоминает мне кусочек мела, который я взяла однажды в школе...

— Взяла? — спросила тётушка Панноккья. — А учительнице ты об этом сказала?

— Не успела, — объяснила Ромолетта. — Как раз в это время прозвенел звонок на большую перемену.

— Превосходно, — сказал Цоппино, — можно сказать, что я сын этого самого школьного мелка. Поэтому-то я и родился таким образованным котёнком: говорю, читаю, пишу, да ещё и устный счёт знаю. Конечно, нарисуй ты меня со всеми четырьмя лапками, я был бы тебе ещё признательнее, но я и так очень доволен.

— Я тоже очень рада тебя видеть, — улыбнулась Ромолетта. — У тебя, наверное, есть что рассказать.

— Все довольны, кроме меня, — вмешалась тётушка Панноккья. — Насколько я понимаю, вам обоим невредно послушать, что написано в этой книге. Ромолетта, садись сюда.

Девочка подвинула кресло и, скинув туфли, уютно устроилась в нём. Тётушка Панноккья принялась читать третью главу, в которой объяснялось, почему не следует писать на стенах слова, оскорбительные для прохожих.

Цоппино и Ромолетта слушали её с большим вниманием. Цоппино — потому что был пришит и ничего другого ему не оставалось, а Ромолетта — потому что явно чего-то ждала, об этом можно было догадаться по её плутоватому личику.

Дойдя до десятой главы, тётушка Панноккья стала позёвывать. Сперва она зевала раза два на каждой

странице, потом зевки стали учащаться: три на страницу, четыре, потом по зевку на каждые две строчки.. по зевку на строчку... по зевку на каждое слово... Наконец последний зевок, который был продолжительнее всех прочих, и, когда рот доброй синьоры закрылся, вместе с ним закрылись и её глаза.

— Вот всегда так,— сказала Ромолетта,— дойдёт до половины книги и засыпает.

— Неужели нужно ждать, пока она проснётся? — спросил Цоппино.— Она пришила меня до того крепко, что, захоти я зевнуть, я бы не мог открыть рта.

А ведь мне нужно разыскать друга, которого я не видел со вчерашнего вечера.

— Положись на меня,— сказала Ромолетта.

Она взяла маленькие ножницы и осторожно разрезала нитки, которыми был пришит котёнок, Цоппино потянулся, прыгнул на пол, походил взад-вперед, разминая затёкшие лапы, и наконец с удовольствием вздохнул.

— Скорее,— шепнула Ромолетта,— идём через кухню!

В кухне была крошечная тьма, и только в одном углу, примерно там, где стоял умывальник, блестели четырнадцать зелёных огоньков.

— Я чувствую кошачий запах,— сказал Цоппино,— точнее, я чувствую запах семерых котов.

— Это тётинны коты.

Со стороны умывальника донеслось весёлое фырканье.

— Братец,— сказал какой-то голос,— ты, видно, не только хром, но и слеп! Не видишь, что ли? Ведь мы такие же собаки, как и ты!

— Опять мне попались коты-лгуны! — воскликнул Цоппино, не на шутку рассердившись.— Ваше счастье, что мне некогда, а то бы вы познакомились с моими когтями и живо бы научились мяукать. И тётушка Панионкья мне только спасибо сказала бы.

— Гав! Гав! — хором возмутились все семеро котов.

Цоппино прихрамывая прошёлся по кухне и свернулся клубком под самым носом у своих единоплеменников.

— Мяу! — о вызовом произнёс он.

Семеро котов были задеты на живое.

— Слышали? — сказал самый маленький котёнок.— Он умсет мяукать!

— Да, и для собаки совсем неплохо.

— Мяу! — повторил Цоппино.— Мяу, мяу, мяу!

— Он, наверное, работает звукоподражателем на радио,— предположил самый старый кот.— Не обращайтесь на него внимания. Он просто напрашивается на аплодисменты.

— Мяу! — снова сказал Цоппино.

— По правде говоря,— пробормотал другой кот,— я бы тоже хотел помяукать. Если хотите знать, мне надоело лаять. Каждый раз, когда я лаю, меня охватывает такой страх, что шерсть становится дыбом.

— Глупышка,— сказал Цоппино,— чего же ты пугаешься? Того, что ты кот, а не собака?

— Пожалуйста, без оскорблений! Хватит с нас и того, что мы тебя слушаем. Ещё неизвестно, кто ты такой.

— Я такой же кот, как и вы!

— Собака ты или кот, а помяукать я бы не отказался.

— А ты попробуй! — не отставал Цоппино.— Тебе понравится! Во рту станет сладко, как...

— Как от молока, что даёт нам тётушка Панионкья?

— Во сто раз слаще!

— Пожалуй, я бы попробовал...— сказал самый маленький котёнок.

— Мяу, мяу, мяу! — соблазнял их Цоппино.— Смелее, братцы коты, учитесь мяукать!

И тут Ромолетта, хохотавшая до слёз, вдруг услышала, как самый маленький котёнок робко мяукнул. Второй кот поддержал его, затем к ним присоединился третий кот. И вскоре уже все семеро котов тётушки Панноккьи замяукали, словно семь расстроенных скрипок, а Цоппино громче всех.

— Ну как?

— И в самом деле сладко!

— Слаще, чем молоко с сахаром!

— Тише!— вмешалась Ромолетта.— Ещё разбудите тётушку Панноккью. Пойдём, Цоппино!

Но было уже поздно. Тётушка Панноккья проснулась и уже стояла в дверях кухни. Щёлкнул выключатель, и все увидели счастливое, мокрое от слёз лицо старой синьоры.

— Кисаньки вы мои! Наконец-то! Наконец-то замяукали!

Цоппино и Ромолетта были уже во дворе. А семеро котов сначала растерялись, не понимая, что означают два ручейка, текущие из глаз тётушки Панноккьи, а потом замяукали ещё громче и один за другим выскочили на улицу.

Тётушка Панноккья, утирая слёзы, вышла вслед за ними.

— Молодцы! Молодцы!— повторяла она в волнении.

И коты отвечали ей:

— Мяу!

Но был у этого редкостного спектакля еще один никому не видимый зритель, синьор Калимеро, хозяин дома. Чтобы получить с жильцов побольше денег, жадный синьор сдавал внаём весь дом до последней комнаты, а сам ютился на чердаке. Не раз Калимеро запрещал тётушке Панноккье держать в доме животных, но старая синьора, разумеется, не обращала на это никакого внимания.

— Я плачу́ за квартиру,— говорила она,— и плачу́ немало! Поэтому я могу приглашать к себе кого угодно!

Добрую часть своего времени синьор Калимеро проводил у окошечка на чердаке, подсматривая, что делают другие. Потому-то он и увидел в этот вечер котов, услышал, как они мяукают и как тётушка Панноккья громко хвалит их за это, без конца повторяя:

— Ну и молодцы! Молодцы!

— Дожили! — позмутился Калимеро, потирая руки. — Вот зачем эта старая ведьма шатается по городу и подбирает бродячих котов. Она учит их мяукать! На этот раз я покажу ей! Я сообщу об этом кому следует!

Он закрыл окошечко, взял перо, бумагу, чернила и написал:

«Синьор главный министр! Происходят неслыханные вещи, подвергающие терпение горожан тяжёлым испытаниям. Синьора тётушка Панноккья сделала то-то и то-то, и так далее и тому подобное».

И подписался: «Друг лжи».

Он вложил письмо в конверт и побежал бросить его в почтовый ящик.

А возвращаясь домой, он, словно на беду, увидел и Цоппино с Ромолеттой, которые проделывали то, за что тётушка Панноккья прочла бы им ещё десяток глав из своей книги.

Цоппино, как вы уже знаете, время от времени испытывал невыносимый зуд в передней лапке, избавиться от которого он мог, лишь написав что-нибудь на стене. И в этот момент он как раз «лечил» свою лапу, а Ромолетта смотрела на него с завистью, потому что в кармане у неё не было ни кусочка мела. И никто из них не заметил Калимеро.

Он же, едва увидев их, сразу заподозрил что-то неладное. Он притаился в подворотне и смог таким образом безо всяких помех прочесть новое заявление Цоппино, которое гласило:

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА КОШКИ НАЧНУТ
МЯУКАТЬ,
КОРОЛЮ ДЖАКОМОНЕ НЕСДОБРОВАТЬ!

Не успели Цоппино и Ромолетта уйти, как Калимеро, потирая руки, побежал домой и настрочил министра ещё одно письмо:

«Ваше превосходительство! Спешу донести вам, что авторы оскорбительных для нашего королевства настенных надписей проживают в доме синьоры тётушки Панноккьи. Это её племянница Ромолетта и одна из тех собак, которых она держит у себя, чтобы вопреки всем законам нашей страны обучить их мяуканью. Уверен, что вы соблаговолите пожаловать мне обещанное вознаграждение в сто тысяч фальшивых талеров.

Калимеро Денежный Мешок».

Тем временем в соседнем переулке Цоппино озабоченно рассматривал свою лапу, которая опять заметно укоротилась.

— Нужно найти какой-нибудь другой способ письма, иначе я скоро останусь с двумя лапками,— вздохнул он.

— Подожди-ка,— воскликнула Ромолетта,— как же я раньше не догадалась! Тут по соседству живёт один художник. Его комнатка на чердаке никогда не закрывается на замок, потому что художник беден и не боится воров. Ты можешь пойти к нему и взять в долг какой-нибудь тюбик с краской или даже целую коробку. Пойдём, я покажу тебе дорогу, а потом вернусь домой, иначе тётушка Панноккья будет беспокоиться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой знаменитый художник Бананито
оставляет кисти и берётся за нож*

В тот вечер художнику Бананито никак не удалось заснуть. Он сидел один-одинёшенек у себя на чердаке, смотрел на свои картины и грустно думал: «Никуда-то они, к сожалению, не годятся. В них явно чего-то не хватает. И если б не это «что-то», они были бы

подепрами. Но чего именно в них не хватает? Вот записка...»

В этот момент в окне появился Цоппино — он только что проделал изрядный путь по крышам, рассчитывая войти в дом именно таким путём, чтобы не беспокоить хозяина.

«О, да мы ещё не спим! — мяукнул он про себя. — Придётся подождать. Художник о чём-то задумался — не буду мешать ему. А потом, когда он заснёт, я позвучу у него в долг немного красок, так тихо, что он даже не заметит».

И он принялся разглядывать картины Бананито. То, что он увидел, необычайно поразило его.

«По-моему, — размышлял он, — на этих картинах что-то лишнее. Не будь здесь лишнего, это были бы вполне приличные картины. Но что же на них лишнее? Пожалуй, слишком много ног! У этой лошади, например, их целых тринадцать! Подумать только — и у меня всего три... Кроме того, здесь слишком много носов: на том портрете, например, сразу три носа! Не паникую я этому синьору: если он схватит насморк, ему потребуется три носовых платка... Но художник, кажется, собирается что-то делать...»

Бананито действительно поднялся со скамейки.

— Может быть, добавить зелёных тонов?.. — размышлял он вслух. — Да, да, именно зелёного здесь и не хватает!

Он взял тубик, выдавил краску на палитру и принялся класть зелёные мазки на все картины. Он покрасил в зелёный цвет и лошадиные ноги, и носы синьора на портрете, и даже глаза какой-то синьорины на другой картине, хотя этих глаз у неё было целых шесть — по три на каждой стороне лица.

Потом Бананито отступил на несколько шагов и прищурил глаза, чтобы лучше оценить результаты своей работы.

— Нет, нет, — вздохнул он, — видимо, дело в чём-то другом. Картины, как были, так и остались плохими.

Цоппино, сидевший на подоконнике, не услышал этих слов, зато увидел, как Бананито грустно качает головой.

«Могу поклясться, что он недоволен, — решил Цоппино, — не хотел бы я оказаться на месте этой шести-

глазкой синьоры. Когда у неё ослабнет зрение, ей не хватит денег на очки...»

Бананито между тем взял тюбик с другой краской, выдавил её на палитру и снова стал наносить мазки на свои картины, прыгая вокруг них, словно кузнечик.

— Жёлтого!..— бормотал он.— Готов держать пари, что здесь мало жёлтого!

«Вот беда! — подумал Цоппино.— Сейчас он устроит на своих картинах яичницу...»

Но тут Бананито бросил на пол палитру и кисть, стал в ярости топтать их ногами и рвать на себе волосы.

«Если он и дальше будет продолжать в таком же духе, — мелькнуло у Цоппино, — он станет как две капли воды похож на короля Джакомоне. Наверное, надо успокоить его... А вдруг он обидится? Да и кому нужны кошачьи советы. К тому же, чтобы понять их, надо знать кошачий язык...»

Бананито наконец сжалился над своими волосами.

— Хватит, — решил он.— Возьму-ка я на кухне нож и изрежу все эти картины на мелкие кусочки. Видно, не родился я художником...

Исхней у Бананито назывался маленький столик, приютившийся в углу комнаты. На нём стояли спиртовка, старый котелок, сковородка, тарелка и лежало несколько вилок, ложек и ножей. Столик стоял у самого окна, и Цоппино пришлось спрятаться за цветочный горшок, чтобы художник не увидел его. Но даже если бы котёнок не спрятался, Бананито всё равно не заметил бы его, потому что глаза ему застилали крупные, как орех, слёзы.

«Что он собирается делать? — думал Цоппино.— Берёт ложку... Наверное, проголодался. Нет, кладёт ложку и хватается за нож... Дело принимает опасный оборот. Уж не собирается ли он кого-нибудь убить? Кого-нибудь из своих критиков... Откровенно говоря, ему бы следовало радоваться, что его картины так ужасны. Ведь когда они попадут на выставку, люди не смогут сказать правды, все станут называть их великолепными, и он заработает кучу денег».

Пока Цоппино размышлял об этом, Бананито разыскал в ящике стола точильный камень и принялся точить нож.

— Я хочу, чтобы он был острым, как бритва! Тогда от моих произведений не останется и следа!

«Если он решил кого-нибудь убить,— соображал Цоппино,— то он, видно, хочет, чтобы удар был смертельным. Позвольте, позвольте... А если он задумал покончить с собой?! Нужно что-то делать... Надо что-то предпринять!.. Нельзя терять ни минуты! Если в своё время гуси спасли Рим, то почему бы хромому котёнку не спасти отчаявшегося художника?»

И наш маленький герой, громко мяукая, спрыгнул в комнату к художнику. В ту же минуту распахнулась дверь и на чердак влетел запыхавшийся, вспотевший, покрытый пылью... Угадайте кто?

— Джельсомино!

— Цоппино!

— Как я рад, что снова вижу тебя!

— Ты ли это, мой дорогой Цоппино?

— Не веришь, так пересчитай мои лапы!

И на глазах у ошеломлённого художника Джельсомино и Цоппино стали обниматься и плясать от радости.

Каким образом наш певец попал на чердак к художнику и почему это случилось как раз в данную минуту — обо всём этом вы узнаете дальше.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Джельсомино поёт сначала в подвале, а потом в гостях у директора городского театра

Джельсомино, как вы помните, заснул в погребе прямо на куче угля. По правде говоря, постель эта была не слишком удобной, но когда люди молоды, они не обращают внимания на неудобства. И хотя острые куски угля впивались ему в рёбра, это не мешало Джельсомино крепко спать и видеть сны один лучше другого.

Во сне Джельсомино принялся напевать. У некоторых людей есть привычка во сне разговаривать. У Джельсомино была привычка во сне петь. Когда же он просыпался, то ничего не помнил. Может быть, его голос выкидывал с ним такие шутки в отместку за молчание, к которому хозяин принуждал его днём.

Вполне возможно, что таким образом голос вознаграждал себя за все те случаи, когда Джельсомино не разрешал ему вырываться на волю.

Как бы там ни было, своим пением во сне Джельсомино перебудил полгорода.

Из окон стали высовываться возмущённые горожане:

— Куда смотрит полиция? Неужели никто не может заставить замолчать этого пьянчугу?

Полицейские между тем обшарили все улицы, но там и не нашли никого.

Тем временем проснулся и директор городского театра, который жил на другом конце города, километрах десяти от подвала, где спал Джельсомино.

— Какой необыкновенный голос! — воскликнул он. — Это же настоящий тенор! Интересно, откуда он появился? Ах, если бы мне удалось заполучить его, мой театр ломился бы от публики! Этот человек мог бы спасти меня!

Надо сказать, что театр в этом городе переживал тяжёлые времена и был накануне полного краха. Певцов в Стране Лгунов было не так уж много, и все они считали, что петь нужно как можно хуже. И вот почему: когда они пели хорошо, публика кричала: «Убирайся вон! Хватит выть!» А если они пели плохо, публика приходила в восторг и восклицала: «Браво! Брависсимо! Бис!» И певцы, разумеется, старались петь как можно хуже, лишь бы услышать восторженные возгласы и аплодисменты публики.

Директор театра поспешно оделся, вышел на улицу и направился к центру города, откуда, как ему показалось, доносился голос. Однако ему пришлось порядком помучиться, прежде чем он добрался до цели.

— По-моему, он поёт в этом доме, — говорил он. — Готов поклясться, что голос доносится вон из того окошка наверху...

Часа два носился он по городу в поисках необыкновенного певца. Наконец, полумёртвый от усталости, уже готовый отказаться от дальнейших поисков, директор набрёл на подвал, в котором спал Джельсомино. Можете себе представить, как он удивился, когда при слабом свете своей зажигалки увидел, что обладатель необыкновенного голоса — это паренёк, спящий на куче угля.

«Если он во сне поет так хорошо, что же будет, когда он проснётся? — подумал директор театра, потирая руки.— По всему видно, этот парень и не подозревает, что его горло — это настоящие золотые россыпи. Я стану при них единственным рудокопом и составлю себе состояние, не ударив пальцем о палец».

Он разбудил Джельсомино и представился:

— Меня зовут маэстро Домисоль. Чтобы разыскать тебя, я прошёл пешком десять километров. Ты непременно должен петь в моём театре завтра же вечером. А теперь вставай и пойдём ко мне домой репетировать.

Джельсомино пытался было отказаться. Он твердил, что хочет спать, но маэстро Домисоль пообещал уложить его на двуспальной кровати с пуховым одеялом. Джельсомино заикнулся было, что никогда не учился музыке, но маэстро стал клясться, что с таким голосом нет нужды разбираться в нотах.

Между тем голос Джельсомино тоже решил не теряться: «Смелее! Разве ты забыл, что хочешь стать певцом? Соглашайся! Может быть, это принесёт тебе счастье».

Маэстро Домисоль положил конец разговорам, взял Джельсомино за руку и силой потащил его за собой. Он привёл его к себе домой, сел за пианино, взял несколько аккордов и приказал:

— Пой!

— Может быть, лучше открыть окна? — робко предложил Джельсомино.

— Нет, нет, я не хочу тревожить соседей.

— А что петь?

— Что хочешь... Какую-нибудь песенку... Ну хотя бы из тех, что поют у тебя в деревне...

Джельсомино начал петь свою любимую песенку, которую так часто пел дома. Он старался петь как можно тише и не сводил глаз с оконных стекол. Те звенели и каждую секунду готовы были вылететь.

Стёкла уцелели, но в начале второго куплета разбилась люстра, и в комнате стало темно.

— Прекрасно! — воскликнул маэстро Домисоль, зажигая свечу.— Великолепно! Чудесно! Вот уже тридцать лет, как в этой комнате поют тенора, и нико-

му из них ещё ни разу не удавалось разбить даже кофейной чашки!

В конце третьего куплета случилось то, чего так опасался Джельсомино,— оконные стёкла разделили участь люстры. Маэстро Домисоль вскочил из-за пианино и бросился обнимать Джельсомино.

— Мой мальчик! — кричал он, чуть не плача от восторга. — Я вижу, что не ошибся. Ты будешь самым великим певцом всех времён. Толпы поклонников будут отвинчивать колёса твоего автомобиля, чтобы носить тебя на руках!

— Но у меня нет автомобиля! — заметил Джельсомино.

— У тебя их будет десять, сто! У тебя будет свой особый автомобиль для каждого дня в году. Благодарю судьбу за то, что тебе довелось встретить маэстро Домисоля. А теперь спой-ка мне ещё что-нибудь.

Джельсомино заволновался. Ещё бы — впервые в жизни он слышал, что кому-то нравится его пение. Не в его привычках было задирать нос, но ведь похвала каждому приятна. Он спел ещё одну песню и на этот раз дал своему голосу чуть побольше свободы, Совсем чуточку, да и то ненадолго. Но натворил он таких бед, что всем показалось, будто наступил конец света.

В соседних домах одно за другим повывлетали все стёкла. Люди испуганно выглядывали из окон и кричали:

— Землетрясение! Караул! На помощь! Спасайся кто может!

С пронзительным воем помчались пожарные машины. Улицы запрудили толпы людей, устремившихся за город. Многие несли на руках плачущих ребятишек и толкали перед собой тележки, груженные домашним скарбом.

Маэстро Домисоль был вне себя от радости.

— Грандиозно! Изумительно! Невиданно!

Он расцеловал Джельсомино, обвязал ему горло тёплым шарфом, чтобы не страшны были сквозняки, потом усадил его за стол и угостил таким обедом, которым можно было бы накормить целый десяток безработных.

— Ешь, сынок, ешь,— приговаривал он,— попробуй вот этого цыплёнка. Он хорошо укрепляет верхние ноты. И вот эта баранья лопатка тоже очень полезна. От неё низкие ноты становятся мягкими и бархатистыми. Ешь! С сегодняшнего дня ты — мой гость! Я отведу тебе лучшую комнату в доме и велю обить её войлоком. Ты сможешь упражняться сколько угодно, и никто тебя не услышит.

Джельсомино очень хотелось выбежать на улицу и успокоить перепуганных горожан или по крайней мере позвонить в пожарную команду, чтобы они не носились понапрасну по городу. Но маэстро Домисоль и слышать об этом не хотел.

— Сиди, сынок, дома! Пусть себе мечутся! Ведь тебе пришлось бы заплатить за разбитые стёкла, а

у тебя пока нет ни сольдо. Не говоря уже о том, что тебя могут арестовать. А если ты попадешь в тюрьму, прощай твоя музыкальная карьера!

— А что, если я нечаянно сломаю вам театр?

Домисоль рассмеялся:

— Театры для того и строятся, чтобы певцы могли в них петь. Театрам не страшны не только голоса певцов, но даже бомбы. Ну, теперь ложись спать, а я тем временем сочиню афишу и немедленно отнесу её в типографию.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Джельсомино выступает с концертом

На следующее утро жители города увидели, что на всех углах расклеены вот такие афиши:

Сегодня утром
(но не сразу после захода солнца)
самый скверный тенор на свете
ДЖЕЛЬСОМИНО,
обладающий невероятно противным голосом,
закиданный тухлыми яйцами
во всех театрах Африки и Америки,
не даст никакого концерта
в городском театре.
Почтеннейшую публику
просят не приходить.
Входные билеты ничего не стоят.

Разумеется, афишу следовало читать наоборот, и горожане прекрасно поняли всё, что в ней было написано. «Закиданный тухлыми яйцами» означало — «завоевавший невероятный успех», а под выражением «не даст никакого концерта» нужно было понимать, что Джельсомино начнёт своё выступление, едва зайдёт солнце, то есть ровно в девять часов вечера.

По правде говоря, Джельсомино не хотел, чтобы в афише упоминалось о поездке в Америку.

— Ведь я там никогда не был! — протестовал он.

— Вот именно, — отвечал маэстро Домисоль, — значит, это ложь, и всё обстоит как нельзя лучше! Если б ты бывал в Америке, нам пришлось бы написать, что ты ездил в Австралию. Таков закон. Но ты не думай о законах. На уме у тебя должно быть только пение.

В то утро, как помнят наши читатели, был взбудоражен весь город — на фасаде королевского дворца была обнаружена надпись Цоппино. Но к вечеру все успокоились, и задолго до девяти часов театр, как потом писали газеты, «был пуст, как барабан». И это означало, что он ломился от публики.

Народу действительно собралось очень много — все надеялись услышать наконец настоящего певца. К тому же маэстро Домисоль, чтобы собрать в театр побольше публики, распустил по городу самые невероятные слухи о голосе Джельсомино.

— Захватите с собой побольше ваты, чтобы затыкать уши,— советовали на каждом перекрёстке наёмные агенты Домисоля,— у этого певца преотвратительный голос, он доставляет поистине адские мучения.

— Представьте себе, что собралось десяток простуженных дворняжек, которые лают все сразу, прибавьте к ним сотню кошек, которым кто-то подпалил хвосты, смешайте всё это с воем пожарной сирены, взболтайте хорошенько, и вы получите некоторое представление о голосе Джельсомино.

— Одним словом, чудовище?

— Самое настоящее чудовище! Ему следовало бы не в театре выступать, а квакать в каком-нибудь болоте вместе с лягушками. Но ещё лучше сунуть его в реку и приставить специального сторожа, чтобы тот не давал ему высунуть голову наружу.

Все эти разговоры люди понимали, разумеется, наоборот, как и полагается в Стране Лгунов. Неудивительно, что задолго до девяти часов вечера театр был набит битком.

Ровно в десять в королевской ложе появился его величество Джакомоне Первый. На его голове гордо красовался неизменный оранжевый парик. Все присутствующие в театре поднялись со своих мест, поклонились ему и снова сели, стараясь не смотреть на его парик. Никто не отважился даже намекнуть на утреннее происшествие,— все знали, что театр кишит шпионами, держащими наготове свои записные книжки, чтобы записывать всё, что говорится в народе. Домисоль, который, глядя сквозь дырочку в занавесе, с нетерпением ожидал приезда короля, дал Джельсомино знак приготовиться, а сам прошёл в оркестр. Он поднял дирижёрскую палочку, и раздались звуки на-

ционального гимна Страны Лгунов. Гими начинался словами:

Привет королю Джакомоне, привет!
Да здравствует оранжевый цвет!

Разумеется, никто не позволил себе засмеяться. Некоторые потом клялись, что Джакомоне в эту минуту слегка покраснел. Но в это трудно поверить, так как король, чтобы казаться моложе, покрыл в тот вечер своё лицо густым слоем пудры.

Едва Джельсомино вышел на сцену, как агенты Домисоля засвистели и принялись кричать:

- Долой Джельсомино!
- Убирайся выть в свою конуру!
- Пошёл петь в болото к лягушкам!

Джельсомино терпеливо переждал, пока крики умолкнули, потом прокашлялся и запел первую песню из своей программы. Он запел самым тихим и нежным голосом, какой только смог извлечь из своего горла. При этом он почти не разжимал губ, и издали казалось, что он поёт с закрытым ртом. Это была простая песенка, которую пели в родном селении Джельсомино, и слова в ней были самые обыкновенные и даже чуточку глупые, но Джельсомино исполнил её с таким чувством, что по театру пронёсся ветер, так как все слушатели разом достали свои носовые платки и принялись утирать слёзы. Песенка кончалась высокой но-

той, и Джельсомино не стал на этой ноте прибавлять голоса, наоборот, он постарался взять её как можно тише. И всё-таки, несмотря на все его старания, на галёрке вдруг раздался громкий треск — одна за другой полопались лампочки. Но звуки эти тотчас же заглушил мощный ураган свистков. Зрители, вскочив с мест, орали что было сил:

— Убирайся вон!

— Шут! Скоморох!

— Закрой свою пасть!

— Отправляйся петь свои серенады котам!

В общем, как сообщили бы газеты, если б в них говорилась правда, «публикой овладел неудержимый восторг».

Джельсомино поклонился и запел вторую песню. На этот раз он, прямо скажем, немного разошёлся. Песня была ему по душе, все слушали его с восхищением. Не мудрено, что Джельсомино забыл осторожность и взял высокую ноту, которая была слышна за несколько километров и привела в восторг не только публику, сидевшую в театре, но и всех людей, которые не сумели достать билета и толпились на улице перед входом.

Джельсомино ожидал услышать в ответ аплодисменты, то есть новый ураган свистков, но вместо этого раздался варыв хохота, совершенно ошеломивший его. Публика, казалось, забыла о нём. Все повернулись к нему спиной, смотрели совсем в другую сторону и громко смеялись. Джельсомино тоже взглянул в ту сторону, и кровь в его жилах застыла, а голос пропал. Высокая нота, которую он только что взял, не разнесла вдребезги тяжёлые люстры, висевшие над партером. Произошло нечто гораздо более худшее: с головы Джакомоне слетел его знаменитый оранжевый парик. Его величество, нервно барабанив пальцами по паркету ложи, тщетно пытался понять, почему его подданные так веселятся. Бедняга не заметил, что остался без парика, и никто из его свиты не осмеливался сказать ему правду. Все очень хорошо помнили, что стало нынче утром с языком одного чересчур ретивого придворного.

Домисоль, который дирижировал спиной к публике, сделал Джельсомино знак, чтобы тот начал петь третью песню.

«Люди смеются над Джакомоне,— подумал Джельсомино,— и нет никакой нужды, чтобы они посмеялись и надо мной. На этот раз я должен спеть ещё лучше!»

И он запел так прекрасно, с таким чувством, таким звучным голосом, что с первой же ноты театр буквально затрепал по всем швам. Прежде всего разбились и рухнули люстры, придавив некоторых зрителей, не успевших укрыться в надёжное место. Потом обрушился целый ярус, как раз тот, посередине которого находилась королевская ложа. Но Джакомоне, на своё счастье, уже успел покинуть театр. Незадолго до этого он глянул в зеркало, чтобы проверить, не нужно ли ему, случаем, припудрить нос, и в ужасе обнаружил, что остался без парика. Говорят, что в тот вечер он велел отрезать язык всем придворным, которые были с ним в театре, за то, что они не сообщили ему об этом злосчастном происшествии.

Джельсомино между тем, увлекшись, продолжал петь, хотя публика осаждала выходные двери. Когда рухнули последние ярусы и обвалилась галёрка, в зале остались только Джельсомино и маэстро Домисоль. Первый, закрыв глаза, всё ещё продолжал петь — он забыл, что находится в театре, забыл, что он Джельсомино, и думал лишь о том наслаждении, которое доставляло ему пение. Глаза Домисоля были, напротив, широко открыты. Схватившись за голову, он в ужасе закричал:

— Мой театр! Мой театр! Я разорён! Разорён!

А на площади перед театром толпа кричала: «Браво! Браво!»

И звучало это так странно, что полицейские короля Джакомоне переглядывались и говорили друг другу:

— Ведь они хвалят его за то, что он поёт хорошо, а вовсе не потому, что им не нравится его пение...

Джельсомино закончил концерт такой высокой нотой, что развалины театра подбросило вверх, отчего поднялось огромное облако пыли. Только теперь Джельсомино заметил, каких натворил бед, и увидел, что Домисоль, угрожающе размахивая дирижёрской палочкой, бежит к нему, перепрыгивая через груды кирпича и обломков.

«Кажется, моя песенка спета,— в отчаянии подумал Джельсомино,— прощай, музыкальная карьера... Нужно уносить ноги подобру-поздорову».

Через проём в стене он выбрался на площадь. Прикрывая лицо руками, смешался с толпой, добрался до какой-то тёмной улочки и побежал по ней так быстро, что едва не обогнал собственную тень.

Но Домисоль, не терявший его из виду, нёсся за ним вдогонку и кричал:

— Остановись, несчастный! Заплати мне за мой театр!

Джельсомино свернул в переулок, юркнул в первый же попавшийся подъезд, задыхаясь, взбежал по лестнице до самого чердака, толкнул какую-то дверь и очутился в мастерской Бананито как раз в тот момент, когда Цоппино спрыгнул с подоконника.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*из которой видно, что всё нарисованное
настоящим художником не только прекрасно,
но и правдиво*

Джельсомино и Цоппино принялись рассказывать друг другу о своих злоключениях. А Бананито, слушая их, так и стоял, открыв от изумления рот. Он всё ещё не выпускал из рук ножа, но совсем забыл, зачем взял его.

— Что вы собираетесь делать с ножом? — с беспокойством спросил его Цоппино.

— Как раз об этом я и думаю сейчас,— ответил Бананито.

Но едва он огляделся по сторонам, как его снова охватило полное отчаяние: его картины были так безобразны, как и в девятой главе нашей книги.

— Я вижу, вы художник,— с уважением сказал Джельсомино, который ещё не успел сделать это открытие.

— Я тоже так думал,— с грустью ответил Бананито,— тоже думал, что я художник. А теперь я вижу, что мне лучше подыскать какое-нибудь другое занятие, где не пришлось бы возиться с красками. Можно, например, стать могильщиком, тогда я буду иметь дело лишь с одним чёрным цветом.

— Но ведь даже на могилах растут цветы,— заметил Джельсомино.— В жизни нет ничего, что было бы только чёрного цвета.

— А уголь? — вставил Цоппино.

— Да, но когда он горит, то становится красным, голубым, белым...

— А чернила? Они чёрные — и всё тут! — настаивал котёнок.

— Но чёрной тушью можно написать весёлый и красочный рассказ!

— Тогда сдаюсь,— сказал Цоппино,— хорошо, что я не предложил тебе поспорить на одну из моих лап, а то у меня осталось бы всего две.

— Всё-таки я поищу себе какое-нибудь другое занятие,— вздохнул Бананито.

Пройдясь по комнате, Джельсомино остановился перед трёхносым портретом, который некоторое время назад так озадачил Цоппино.

— Кто это? — спросил Джельсомино.

— Один очень важный придворный.

— Счастливчик! У него три носа! Наверное, он в три раза сильнее чувствует все вкусные запахи! Но почему всё-таки у него три носа?

— О, это целая история... Когда он заказал мне свой портрет, то поставил неперемённое условие, чтобы я изобразил его с тремя носами! Мы долго спорили. Я хотел нарисовать только один нос, потом посоветовал удовольствоваться хотя бы двумя. Но он заупрямился — или рисуй три носа, или сам останешься с носом! И вот что получилось: настоящее пугало, которое годится лишь на то, чтобы пугать капризных детей.

— Скажите, а вот эта лошадь,— спросил Джельсомино,— она тоже придворная?

— Лошадь? Разве вы не видите, что это самая настоящая корова?!

Джельсомино почесал в затылке.

— Может быть, это и корова, но для меня она остаётся самой настоящей лошадью. Точнее говоря, это была бы лошадь, будь у неё четыре ноги, а не тринадцать. Этих тринадцати ног хватило бы для трёх лошадей и ещё осталось бы для четвертьсй.

— Но у любой коровы как раз тринадцать ног! — возразил Бананито.— Это знает каждый мальчишка!

Джельсомино и Цоппино переглянулись, вздохнули и прочли в глазах друг у друга одну и ту же мысль: «Будь перед нами лживый кот, мы быстро научили бы его мяукать. Но чему мы можем научить этого беднягу?»

— По-моему,— сказал Джельсомино,— картина станет гораздо лучше, если убрать с неё лишние ноги.

— Вот ещё! И все поднимут меня на смех! А критики посоветуют упрятать в сумасшедший дом... Теперь я вспомнил, зачем взял нож! Я хотел изрезать на куски все мои картины. Этим я сейчас и займусь.

Бананито снова схватил нож и с грозным видом подскочил к тому холсту, где в неопишемом беспорядке были нагромождены лошадиные ноги, которые он называл коровьими. Художник уже поднял руку, чтобы нанести первый удар, но вдруг передумал.

— Ведь это труд многих месяцев! — вздохнул он.— Жаль уничтожать его собственными руками.

— Золотые слова! — подхватил Цоппино.— Когда у меня появится записная книжка, я непременно запишу их, чтобы не забыть. Но почему бы вам, прежде чем кромсать картины, не испробовать совет Джельсомино?

— Это верно! — воскликнул Бананито.— Ведь я ничего не теряю. Уничтожить картины я всегда успею.

И он ловко соскоблил с полотна пять ног из тринадцати.

— По-моему, уже гораздо лучше! — подбодрил его Джельсомино.

— Тринадцать минус пять — восемь,— сказал Цоппино.— Если бы лошадей было две, всё обстояло бы как нельзя лучше. Простите, я хотел сказать — коров.

— Ну что ж, стереть ещё несколько ног? — спросил Бананито.

И, не ожидая ответа, он соскоблил с картины ещё две ноги.

— Прекрасно! — воскликнул Цоппино.— Лошадь уже почти как живая!

— Значит, помогает?

— Оставьте только четыре, и посмотрим, что будет.

Когда ног осталось четыре, с холста вдруг раздалось радостное ржание, и в тот же миг лошадь спрыгнула с картины на пол и лёгкой рысцой прошлась по комнате.

— И-и-го-го! Наконец-то я на свободе! До чего же тесно было в этой раме!

Пробегая мимо зеркала, висевшего на стене, лошадь придиричиво оглядела себя с ног до головы, потом удовлетворённо заржала:

— Какая красивая лошадь! Я действительно красивая! Синьоры, я бесконечно благодарна всем вам! Окажетесь в моих краях — заходите в гости. Я с удовольствием вас покатаю!

— В каких краях? Эй, подожди! — закричал ей вдогонку Бананито.

Но лошадь уже была за дверью, на лестнице. Пылился цокот её копыт по ступенькам, и минутой спустя наши друзья увидели из окна, как гордое животное пересекло переулок и направилось в открытое поле.

От волнения Бананито даже вспотел.

— Честное слово! — воскликнул он. — Это и в самом деле была лошадь! Уж если она сама об этом заявила, волей-неволей приходится верить. И подумать только, что в школьной азбуке лошадь нарисована рядом с буквой «К» — КОРОВА!

— Скорее, скорее! — в восторге замаяукал Цоппино. — Берись за другие картины!

Бананито подошёл к верблюду, у которого было так много горбов, что его портрет напоминал пустыню с уходящими вдаль песчаными холмами. Художник стал соскабливать с холста все горбы, пока не осталось только два.

— Он делается гораздо красивее, — бормотал Бананито, лихорадочно работая ножом. — Нет, этот портрет положительно становится красивее. Как вы думаете, он тоже оживёт?

— Когда верблюд станет совсем похож на настоящего, то непременно оживёт, — заверил его Джельсомино.

Но пока верблюд не желал сходить с холста, и вид у него был равнодушный и невозмутимый, словно разговор шёл вовсе не о нём.

— Хвосты! — вдруг закричал Цоппино. — У него же три хвоста! Этого хватит на целое верблюжье семейство!

Когда были убраны лишние хвосты, верблюд величаво сошёл с холста, облегчённо вздохнул и бросил благодарный взгляд в сторону Цоппино.

— Хорошо, что ты обратил внимание на хвосты, — сказал он, — чего доброго, я мог навеки остаться в этой каморке. Не знаете случайно, нет ли поблизости каких-нибудь пустынь?

— Есть одна в центре города, — произнес Бананито. — Это самая большая из наших городских пустынь, но она сейчас, кажется, уже закрыта.

— Он хочет сказать «сад», — объяснил Цоппино верблюду, — до настоящих пустынь отсюда не меньше двух-трёх тысяч километров. Смотри только не попадайся на глаза полицейским, не то угодишь в зоопарк.

Прежде чем уйти, верблюд тоже погляделся в зеркало и остался очень доволен. Через минуту он уже рысцой бежал по переулку. Ночной стражник, увидевший его, не поверил своим глазам и начал изо всех сил щипать себя, чтобы проснуться.

— Видно, я старею, — решил он, когда верблюд исчез за углом, — мало того, что засыпаю во время дежурства, мне ещё снится, будто я попал в Африку. Нужно взять себя в руки, не то меня уволят.

Теперь Бананито не остановила бы даже угроза смертной казни. Работая своим ножом, он кидался от картины к картине и радостно восклицал:

— Вот это хирургия! За десять минут я сделал больше операций, чем все профессора в больнице за десять дней.

А картины, когда с них соскабливали ложь, хорошели одна за другой. Они становились красивыми, правдивыми и оживали. Собаки, овцы, козы выпрыгивали из рам и разбегались кто куда.

И только одну-единственную картину художник разрезал на мелкие кусочки. Это был портрет того придворного, который требовал, чтобы его непременно нарисовали с тремя носами. Уж очень Бананито боялся, что, став одноносым, придворный выскочит из рамы и задаст художнику головомойку за то, что тот посмел его послушаться.

Джельсомино помогал Бананито кромсать злополучную картину, и вдвоём они так расправились с нею, что она превратилась в сплошные лохмотья.

А Цоппино тем временем принялся шнырять по комнате, явно выискивая что-то. По его разочарованной мордочке было видно, однако, что он никак не может найти то, что хочет.

— И лошади, и верблюды, и придворные... — ворчал он. — Нет того, чтобы нарисовать где-нибудь хоть кусочек сыра! Мыши и те удрали с этого чердака. Оно и понятно — запах нищеты ещё никому не приходился по вкусу. Голод — это штука почище крысиной отравы.

Роясь в каком-то тёмном уголке, Цоппино нашёл маленькую, покрытую толстым слоем пыли картину. На обратной стороне её пристроилась сороконожка. Когда её побеспокоили, она, быстро перебирая всеми своими сорока лапками, побежала прочь. Ножек у неё было действительно сорок, так что Бананито трудно было погрешить против истины, вздумай он нарисовать её.

На картине было изображено что-то вроде накрытого стола. Была видна тарелка, а на ней какое-то диковинное живстное, что-то вроде другой сороконожки. Но будь у этого животного только две ноги, все сразу бы узнали в нём жареную курицу.

«Славная картина! — подумал Цоппино. — Пожалуй, я не возражал бы, если б она ожила именно в таком виде, без всяких изменений. От курицы с двумя дюжинами ножек не отказалась бы ни одна кухарка, ни один хозяин харчевни, не говоря уже о проголодавшемся котёнке. Отрежь от такой курицы десяток ножек — и тем, что останется, вполне можно накормить ещё троих».

Цоппино приволок картину к Бананито, чтобы он и над ней поработал своим ножом.

— Но курица жареная! — запротестовал художник. — Она не может ожить!

— Вот-еот! Нам и нужна жареная! — ответил Цоппино.

Тут Бананито не мог возразить. К тому же он вспомнил, что и сам уже сутки ничего не ел, занявшись своими картинами. Курица, правда, не закухталась, но зато выплыла из рамы такой аромат-

ной и аппетитной, будто её только что вынули из печки.

— Твоя слава художника ещё вся впереди,— сказал Цоппино, надкусывая крылышко (обе лапки он оставил Джельсомино и Бананито),— а как повар ты уже великолепен.

— Эх, если бы раздобыть немного вина к этой закуске! — заметил вдруг Джельсомино.— Но все харчевни уже закрыты... Впрочем, и днём мы всё равно не могли бы ничего купить,— ведь у нас нет денег.

— Что верно, то верно,— заметил Цоппино и добавил, обращаясь к Бананито: — А почему бы тебе не нарисовать, скажем, бутыл с вином?.. Или хотя бы небольшую бутылочку?

— Я попробую! — обрадовался художник.

Он набросал на холсте бутылку итальянского «кьянти» и раскрасил её. Рисунок получился таким удачным, что если бы Джельсомино не успел прикрыть горлышко рукой, то вино, которое сильной струёй забило из него, полилось бы прямо на пол.

Трое друзей выпили сначала за художников, потом за певцов, и, наконец, за котят. Когда пили за котят, Цоппино вдруг погрузился, и его долго пришлось упрощать, чтобы он поделился своей печалью.

— В сущности,— признался он наконец,— я такой же ненормальный котёнок, как и те животные, что были полчасика назад на этих полотнах. Ведь у меня только три лапки. И я даже не могу сказать при этом, что потерял четвертую лапку на войне или под трамваем, потому что это было бы неправдой. Вот если бы Бананито...

Ему не пришлось продолжать. Бананито тут же схватил кисть и в два счёта нарисовал такую красивую переднюю лапу, что от неё не отказался бы и сам Кот в сапогах. Но замечательнее всего было то, что лапка сразу же заняла своё место на теле Цоппино, и он сперва неуверенно, а потом всё смелее стал расхаживать по каморке.

— Ах, как прекрасно! — мяукал он.— Я просто не узнаю себя! Я стал совсем другим! Совсем другим! Не сменить ли мне имя ради такого случая?

— До чего же я глуп! — воскликнул Бананито, хлопая себя по лбу.— Нарисовал тебе лапку масляной краской, а ведь остальные у тебя из мела.

— Ничего страшного, — ответил Цоппино, — пусть остаётся. И горе тому, кто посмеет её тронуть! А имя я менять не буду! Оно, если разобраться, очень идёт ко мне, — ведь другая моя лапка укоротилась по крайней мере на два-три сантиметра, когда я писал на стенах.

Вечером Бананито уложил Джельсомино на свою кровать, а сам, несмотря на все его протесты, растянулся на полу, на гряде старых холстов. А Цоппино — тот устроился в кармане пальто, висевшего около двери, и в ту же минуту заснул сладким сном.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Цоппино читает газету и узнаёт из неё скверные известия

На другой день рано утром Бананито захватил мольберт и кисти и, полный творческих замыслов, вышел на улицу. Ему не терпелось поскорее показать своё искусство людям. Джельсомино ещё спал, и провожать художника отправился только Цоппино. По дороге котёнок дал Бананито несколько советов:

— По-моему, лучше всего рисовать цветы. Я уверен, что если ты начнёшь продавать их, то вернёшься домой с целым мешком фальшивых денг, без которых никак не обойтись в этой нелепой стране. Старайся рисовать те цветы, которые ещё не распустились и которых нет в цветочных магазинах. И ещё об одном не забудь — ни в коем случае не рисуй мышей. Иначе всех покупателей распугаешь. Я говорю это для твоей же пользы. Меня-то мыши, сам понимаешь, вполне устроили бы!

Расставшись с Бананито, Цоппино купил газету.

«Джельсомино, наверное, будет интересно узнать, что пишут в газетах о его концерте», — подумал он.

Газета называлась «Вечерняя ложь» и, понятно, вся состояла из ложных и настоящих, но вывернутых наизнанку новостей.

В газете была, например, заметка, которая называлась «Блестящий успех бегуна Персикетти». В ней говорилось:

«Известный чемпион по бегу в мешках Флавио Персикетти пришёл вчера первым на десятом этапе гонки вокруг королевства, опередив на десять минут

Ромоло Барони, пришедшего вторым, и на тридцать минут пятьдесят секунд Пьеро Клементини, пришедшего третьим. Группу бегунов, стартовавшую часом позже, в последнюю минуту опередил Паскуалио Бальзимелли».

«Что же здесь странного? — удивитесь вы. — Бег в мешках такое же спортивное состязание, как и всякое другое. Оно лишь гораздо веселее, чем, скажем, велосипедные или автомобильные гонки».

Всё это верно, но все читатели «Вечерней лжи» прекрасно знали, что на самом деле никакого состязания не было и в помине, что Флавио Персикетти, Ромоло Барони, Пьеро Клементини, Паскуалино Бальзимелли никогда в жизни не забирались в мешки и не видели бега наперегонки даже во сне.

На самом деле всё происходило так. Каждый год «Вечерняя ложь» устраивала состязание по бегу в мешках по этапам. Победить в этом состязании было не так-то просто. Особо тщеславные люди, жаждавшие увидеть своё имя в газете, платили «Вечерней лжи» за то, чтобы она записала их в число участников состязания.

А чтобы стать победителем на каком-нибудь этапе, нужно было ещё каждый день вносить определённую сумму. Таким образом, побеждал тот, кто платил больше всех. Тут уж газета не скупилась на описание героя и, рассыпаясь в похвалах, изображала победителя сверхчемпионом.

Понятно, что к финишу участники состязания приходили в том же порядке, в каком росли их денежные взносы.

В те дни, когда взносы эти казались газете слишком скромными, она мстила участникам состязания, говоря, что они спят на ходу, что не те пошли бегуны, что состязание превратилось в сплошной скандал и что чемпионы, вроде Персикетти или Барони, должны серьёзно отнестись к бегу на оставшихся этапах, если хотят ещё сохранить симпатии публики.

Синьор Персикетти был владельцем кондитерской фабрики, и каждое упоминание его имени в газете служило ему рекламой для его конфет. Так как синьор Персикетти был невероятно богат, то он почти всегда прибывал к финишу первым, намного опережая других. У финиша, как писала газета, ему устраивали

чествования, подносили цветы, целовали... А по ночам под окнами его гостиницы собирались болельщики, чтобы петь ему серенады. Так по крайней мере говорилось в газете. Вы, конечно, понимаете, что болельщики, которые ни за кого не болели и не умели играть даже на барабанах, на самом деле преспокойно похрапывали в своих постелях.

На той же странице газеты Цоппино увидел и такой заголовок: «Не страшная трагедия на улице Корнелии. Пять человек не умирают, а десять других не ранены». В сообщении говорилось:

«Вчера на десятом километре улицы Корнелии два автомобиля, двигавшиеся не с большой скоростью в противоположных направлениях, не столкнулись. В столкновении, которого не было, не было убито пять человек (перечислялись имена). Другие десять человек не ранены, поэтому не пришлось отправить их в больницу (перечислялись имена)».

Это сообщение, к сожалению, было не ложным, а только вывернутым наизнанку. В действительности всё произошло совсем наоборот.

Точно так же газета писала и о концерте Джельсомино. Из статьи можно было узнать, например, что «знаменитый певец за весь концерт не проронил ни звука». Газета помещала также фотоснимок развалин театра с такой подписью: «Как читатель может видеть своими ушами, с театром ровно ничего не случилось».

Читая «Вечернюю ложь», Джельсомино и Цоппино порядком развеселились и смеялись до упаду. В газете

была даже литературная страница, где друзья обнаружили вот такое стихотворение:

В Пистойе как-то повар
Беседовал с лисой:
«Ах, если бы ты знала,
Куда вкуснее сала
Бульон из одеяла,
Когда его хлебают
Лопатою большой!
Ах, если бы ты знала,
Как пользы людям мало
Даёт зубная паста!
Тебе ведь нипочём,
Что зубы можно чистить
Железным молотком!
Ну вот и всё. И баста».

— Тут нет ответа лисы,— заметил Цоппино,— но я отлично представляю, как ей стало смешно.

В этот день на последней странице газеты в конце последней колонки было помещено короткое сообщение со скромным заголовком «Опровержение».

Джельсомино прочёл его:

«Категорически отрицается, что сегодня в три часа ночи в Колодезном переулке полиция арестовала синьору тётушку Панноккью и её племянницу Ромолетту. Эти две особы не были отправлены около пяти часов утра в сумасшедший дом, как полагают некоторые». И подпись: «Начальник полиции».

— Начальник лгунов! — воскликнул Цоппино.— А эта заметка означает, что обе они, бедняжки, сидят сейчас в сумасшедшем доме. Ах, сердце мне подсказывает, что это случилось из-за меня!

— Смотри,— перебил его Джельсомино,— ещё одно опровержение. Прочти-ка его.

На этот раз опровержение прямо касалось Джельсомино. В нём говорилось:

«Неправда, что полиция разыскивает знаменитого певца Джельсомино. Для этого у полиции нет ни малейшего основания, потому что Джельсомино совсем не связан отвечать за ущерб, причинённый им городскому театру. Каждый, кто узнает, где скрывается Джельсомино, не должен сообщать об этом полиции под страхом сурового наказания».

— Дело дрянь! — решил котёнок.— Тебе, Джельсомино, лучше теперь не показываться на улице. А за новостями отправлюсь я.

Джельсомино не очень-то улыбалось отсиживаться дома, но Цоппино был прав. Когда он ушёл, Джельсомино растянулся на кровати и решил, что ему остаётся набраться терпения и волей-неволей провести весь день в праздности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*из которой вы узнаете о том, что правда
в Стране Лгунов — это болезнь*

Мы расстались с тётушкой Панноккьей в тот момент, когда она наслаждалась мяуканьем своих котов. Тётушка была счастлива, словно музыкант, который откопал неизвестную симфонию Бетховена, лет сто пролежавшую в ящике стола. А Ромолетту мы оставили в ту минуту, когда она, показав Цоппино дорогу к дому художника, бегом возвращалась домой.

Через несколько минут тётушка и племянница спокойно спали в своих постелях. Они и не подозревали, что письма синьора Калимеро уже привели в движение сложную машину городской полиции. В три часа ночи одно из колёс этой машины в образе целого взвода бесцеремонных полицейских ворвалось в дом к тётушке Панноккье. Они заставили старую синьору и маленькую девочку быстро одеться и потащили их в тюрьму.

Начальник полиции передал обеих арестованных в руки начальника тюрьмы и хотел было отправиться спать. Но он совсем забыл, что его коллега отличается невероятной дотошностью.

— Какие преступления совершили эти две osoby?

— Старуха учила собак мяукать, а девочка делала надписи на стенах. Это очень опасные преступники. Я бы на вашем месте посадил их в подземелье и поставил к ним усиленную стражу.

— Я сам знаю, что мне делать, — ответил начальник тюрьмы. — Послушаем-ка, что скажут обвиняемые.

Первой допросили тётушку Панноккью. Арест не испугал её. Да ничто на свете не могло теперь нарушить её счастья — ведь семеро её котов запели наконец своими природными голосами! Тётушка Панноккья очень спокойно ответила на все вопросы.

— Нет, мяукали не собаки. Мяукали коты.
— В донесении говорится, что это были собаки.
— Это были коты. Знаете, из тех, что ловят мышей.

— Вы хотите сказать — львов? Но львов-то ловят как раз собаки.

— Нет, синьор, мышей ловят коты. Коты, которые мяукают. Мои семеро тоже сначала лаяли, как все остальные в городе. Но сегодня ночью они в первый раз замяукали.

— Эта женщина сошла с ума, — сказал начальник тюрьмы. — А таких мы сажаем в сумасшедший дом. Так что вы нам говорили, синьора?

— Я говорила правду, чистую правду.

— Ну, вот видите, дело ясное! — воскликнул начальник тюрьмы. — У неё буйное помешательство. Я не могу поместить её к себе. Моя тюрьма — только для нормальных людей. А тем, кто рехнулся, место в сумасшедшем доме.

И, несмотря на все протесты начальника полиции, которому так хотелось поскорее освободиться, чтобы поспать, он перепоручил ему тётушку Панноккью и её дело. Затем стал допрашивать Ромолетту:

— Правда ли, что ты делала надписи на стенах?

— Да, правда.

— Слышали? — воскликнул начальник тюрьмы. — Она тоже свихнулась. В сумасшедший дом! Заберите их обеих и оставьте меня в покое. Мне некогда терять время со всякими умалишёнными.

Позеленев от злости, начальник полиции посадил обеих пленниц в фургон и повёз их в сумасшедший дом. Там от них не стали отказываться и посадили новых пациенток в большую палату, где уже было много других сумасшедших. Все они попали сюда тоже только за то, что неосторожно сболтнули где-то правду.

Но этой ночью произошли ещё и другие интересные события.

Начальник полиции, вернувшись к себе в кабинет, нашёл там... кого бы вы думали? Улыбаясь одной из своих самых отвратительных улыбок, теребя в руках шляпу, его поджидал Калимеро Денежный Мешок.

— А вам что угодно?

— Ваше превосходительство, — пробормотал Калимеро, низко кланяясь и ещё более расплываясь в улыбке, — я пришёл к вам, чтобы получить сто тысяч фальшивых талеров... вознаграждение за то, что я помог арестовать врагов нашего короля.

— Ах, так это вы писали письма? — сказал начальник полиции и на минутку задумался. — А правда ли то, что вы писали?

— Ваше превосходительство, — воскликнул Калимеро, — это истинная правда, клянусь вам!

— Ах, так! — в свою очередь воскликнул начальник полиции, и на его лице появилась прехитрая улыбка. — Значит, вы утверждаете, что писали правду? Друг мой, я сразу понял, что вы немного

того... А теперь вы сами подтвердили мне это. Извольте отправляться в сумасшедший дом!

— Ваше превосходительство, что вы! — закричал Калимеро. В отчаянии он швырнул на пол свою шляпу и затопал ногами: — Это несправедливо! Я друг лжи! Я и в письмах писал об этом!

— Правда? Друг лжи?

— Правда! Клянусь вам! Чистая правда!

— Ну вот, вы снова попались! — торжествующе сказал начальник полиции. — Вы два раза уже поклялись мне, что говорите правду. А теперь перестаньте шуметь и отправляйтесь в сумасшедший дом. Там у вас будет достаточно времени, чтобы успокоиться. Пока же вы буйный сумасшедший, и я не имею права оставить вас без надзора. Это значило бы нарушить все правила общественной безопасности.

— Вы хотите прикарманить мои денежки! — закричал Калимеро, барахтаясь в крепких руках дежурных полицейских.

— Вы слышите? У него начинается приступ. Наденьте на него смирительную рубашу и заткните рот. Ну, а что касается... кхе-кхе... вознаграждения, то даю слово, он не увидит ни сольдо, пока на моем мундире найдётся хоть один карман!

Так и Калимеро, вслед за жертвами своего доноса, попал в сумасшедший дом. Там его, как буйнопомешанного, посадили в отдельную палату, обитую войлоком.

Начальник полиции собрался было наконец соснуть, как вдруг зазвонили телефоны и со всех концов города посыпались сообщения:

— Алло! Полиция? У нас появилась мяукающая собака... Её слышно по всей округе... Могут быть неприятности... Пришлите срочно кого-нибудь.

— Алло! Полиция? Куда смотрит ваша живодёрная команда? У меня в подъезде уже полчаса мяукает какой-то пёс. Если он просидит там до утра, никто не посмеет носа высунуть из дома... Чего доброго, он ещё кусаться начнёт...

Начальник полиции немедленно вызвал два отряда живодёров-полицейских, разделил их на несколько групп и выслал на поиски мяукающих собак, или, как вы уже догадались, семи котов тётушки Паннокки.

Не прошло и получаса, как был схвачен первый разрушитель городского спокойствия. Им оказался маленький котёнок. Он до того увлёкся мяуканьем, что даже не заметил, как его окружили, а когда он увидел наконец вокруг себя много народу, то решил, что люди собрались, чтобы послушать его, и замаякал пуще прежнего.

Один из живодёров, улыбаясь фальшивой улыбкой, осторожно приблизился к нему, погладил по спинке, а потом быстро схватил за шиворот и сунул в мешок.

Второго из семи котов пришлось стаскивать с каменной лошади какого-то памятника, откуда он производил речь перед небольшой группой кошек, призывая их вернуться к мяуканью. Но кошки глядели на него с недоверием, мрачно посмеиваясь, и радостно залаяли, когда оратора взяли в плен.

Третьего кота захватили, подслушав его спор с какой-то собакой:

— Глупая, зачем ты мяукаешь?

— А что я, по-твоему, должна делать? Я кошка, вот и мяукаю,— отвечала собака.

— Ох, какая же ты глупая! Ты когда-нибудь видела себя в зеркале? Ведь ты же собака и должна лаять, а я кот и мне полагается мяукать. Вот послушай: мяу! мяу! мяу!

Словом, кончили они тем, что поругались, и живодёры без особого труда упрятали в мешок их обоих. Правда, собаку они потом выпустили, потому что ей положено было мяукать.

Затем изловили четвёртого, пятого и шестого котов.

— Ну, а теперь остаётся только один,— решили вконец измученные живодёры. И каково же было их удивление, когда через несколько часов они обнаружили не одного, а сразу двух мяукающих котов!

— Их стало больше,— с беспокойством заметил один живодёр.

— Должно быть, мяуканье заразительно,— ответил другой.

Из этих двух котов один был воспитанником те-тушки Панноккьи, а другой оказался тем самым Тузиком, которого мы встретили в одной из предыдущих глав.

Тузик после некоторых размышлений пришёл к выводу, что Цоппино, пожалуй, был прав, когда советовал ему вернуться к мяуканью. Действительно, раз попробовав, он, как ни старался, не мог уже больше залаять. Тузик позволил себя схватить без всякого сопротивления. Но седьмой кот, хоть и самый старый из всех, был ещё достаточно ловок, чтобы забраться на дерево. Там он почувствовал себя в безопасности и принялся потешаться над своими преследователями. Он чуть не свёл их с ума, потому что целый час распевал лучшие арии из кошачьего репертуара.

Поглазеть на необычный спектакль собралось много народу. Как это всегда случается, зрители разделились на две партии. Одни, благомыслящие, поторапливали живодёров-полицейских, чтобы те поскорее положили конец этому представлению. Другие, озорники, держали сторону кота, подзадоривали его и даже сами подпевали:

— Мяу! Мяу! Мяу!

Вокруг дерева собралось уже множество котов. Они из всех сил лаяли на своего коллегу: одни — из зависти, другие — от злости... Но то и дело кто-нибудь из них вдруг не выдерживал и тоже начинал мяукать. Полицейские тут же хватали провинившегося и сажали в мешок.

Только с помощью пожарников удалось согнать с дерева упрямого мяукальщика. Пожарники подожгли дерево, и толпа, таким образом, насладились ещё и зрелищем небольшого пожара.

Мяукающих котов, когда подсчитали, оказалось целых двадцать штук. Всех их отправили в сумасшедший дом. Ведь они тоже по-своему, по-кошачьи говорили правду, — значит, были сумасшедшими.

Начальник сумасшедшего дома даже растерялся: шутка ли — разместить столько котов! Поразмыслив немного, он решил посадить их в палату к Калимеро Денежному Мешку.

Вы представляете, конечно, как обрадовался жалкий доносчик этой компании, которая напомнила ему о причине всех его несчастий!

За какие-нибудь два часа он и в самом деле сошёл с ума и принялся мяукать и мурлыкать. Ему всерьёз стало казаться, что он кот. И когда какая-то легкомысленная мышка пробежала по комнате, Кали-

меро изловчился и первым настиг её. Но мышка оставила у него в зубах хвостик и юркнула в какую-то щель.

Цоппино разузнал все эти новости и уже возвращался домой, как вдруг услышал голос своего приятеля. Джельсомино вовсю распевал одну из своих песенок, доставивших ему столько хлопот.

«На этот раз,— подумал Цоппино,— готов спорить на все три лапы, вместе с нозой в придачу, что Джельсомино уснул и видит сладкие сны. Если я не поспешу, полицейские разбудят его раньше меня».

Возле дома Цоппино увидел большую толпу, которая собралась, чтобы послушать Джельсомино. Все стояли молча, не двигаясь. Время от времени в соседних домах вылетали стёкла, но никто не выглядывал из окон и не учинял скандала. Чудесное пение Джельсомино, казалось, околдовало всех. Цоппино заметил в толпе даже двух молодых полицейских. На их лицах было написано то же восхищение, что и на всех прочих. Полицейские, как вы сами понимаете, должны были бы схватить Джельсомино, но они и не собирались этого делать.

К сожалению, к дому приближался начальник полиции, прокладывая себе дорогу среди толпы ударами клыста. У начальника полиции не было музыкального слуха, и пение Джельсомино на него не действовало.

Цоппино вихрем взметнулся по лестнице и пулей влетел на чердак.

— Вставай! Вставай! — замыкал он и принялся щекотать нос Джельсомино кончиком хвоста. — Концерт окончен! Подходит полиция!

Джельсомино открыл глаза, протёр их хорошенько и спросил:

— Где я?

— Могу тебе сказать, где ты сейчас очутишься, если не сдвинешься с места,— ответил Цоппино,— в тюрьме.

— Я опять пел?

— Быстрее! Будем удирать по крышам!

— Ты рассуждаешь, как настоящий кот. А я не очень-то привык скакать по черепицам.

— Ничего. Будешь придерживаться за мой хвост.

— А куда мы направимся?

— Во всяком случае, подальше отсюда. Куда-нибудь да попадём.

Цоппино выбрался из окна каморки прямо на крышу, что была внизу, и Джельсомино оставалось только последовать за ним, закрыв глаза, чтобы голова не кружилась.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*из которой вы узнаете историю
Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

По счастью, дома в городе теснились один к другому, как сельди в бочке, и Джельсомино довольно легко перескакивал с крыши на крышу. Что же касается Цоппино, то он предпочёл бы, чтоб дома стояли подальше друг от друга: тогда он мог бы совершить хоть один прыжок, достойный его кошачьего звания. Но вдруг у Джельсомино подвернулась нога, он полетел вниз и свалился на небольшую террасу, где какой-то старичок поливал цветы.

— Простите, пожалуйста! — воскликнул Джельсомино, потирая ушибленное колено.— Я совсем не собирался попадать к вам таким образом.

— Ну что вы, что вы! — просто ответил старичок.— Я очень рад вашему приходу! Что с вами? Вы ушибли ногу? Надеюсь, ничего страшного?

В это время, свесившись с крыши, на террасу заглянул Цоппино.

— Разрешите? — мяукнул он.

— Ах, ещё один гость! — обрадовался старик.— Пожалуйста, пожалуйста! Я очень рад!

Тем временем коленка Джельсомино распухла прямо на глазах.

— Вот только мне очень жаль,— сказал старик,— что у меня нет ни одного стула, чтобы усадить вас.

— Тогда давайте положим его на кровать,— предложил Цоппино,— если вы не возражаете, конечно.

— Беда в том, что у меня и кровати нет,— ответил старик, совсем расстроившись,— я сейчас схожу к соседу и попрошу у него кресло.

— Нет, нет,— поспешно вмешался Джельсомино,— мне совсем неплохо и на полу.

— Тогда зайдите в комнату,— пригласил старик,— и будьте как дома, а я тем временем приготовлю кофе.

Комната старика была маленькой и чистенькой. Мягко поблёскивала красивая мебель — стол, буфет, шкаф. Но нигде не было видно и следов стула или кровати.

— А что, разве вы никогда не садитесь? — спросил Цоппино старика.

— Нет, не приходится,— ответил он.

— И не спите?

— Почему же, сплю иногда. Стоя. Правда, очень редко. Не больше двух часов в неделю.

Цоппино и Джельсомино переглянулись, как бы говоря друг другу: «Ну, держись, сейчас он наплетёт нам с три короба...»

— Простите за нескромный вопрос,— продолжал Цоппино,— а сколько вам лет?

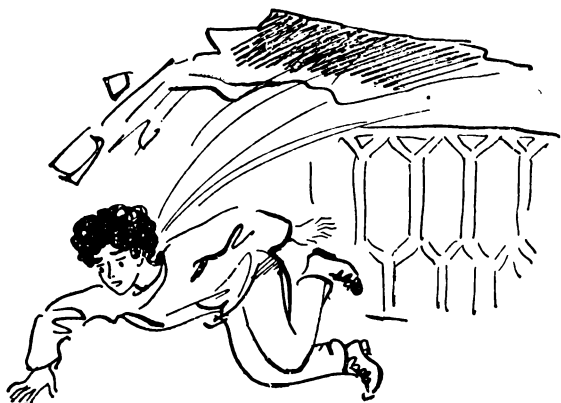
— Точно я и сам не знаю. Родился я лет десять тому назад, но сейчас мне, должно быть, не то семьдесят пять, не то семьдесят шесть.

По лицам гостей старик понял, что они не очень-то верят ему.

— Нет, я не лгу,— вздохнув, сказал он,— это неправдоподобная история, но в ней нет ни капли вымысла. Если хотите, я расскажу вам её, пока варится кофе.

— Моё настоящее имя,— начал он,— Бенвенуто, но люди зовут меня Бенвенуто-не-присядь-ни-на-мину-ту...

И старичок рассказал, что он родился в семье старьёвщика. Такого резвого и живого ребёнка ещё никому не доводилось видеть. Едва он появился на свет, как выскочил из пелёнок и стал бегать по комнате. Вечером Бенвенуто положили в люльку, а утром обна-

ружили, что люлька стала ему мала и ноги мальчика торчат из неё.

— Видно,— сказал старьёвщик,— он торопится вырасти, чтобы скорее помогать семье.

Вечером Бенвенуто раздевали и клали в постель, а утром вчерашняя одежда не годилась ему — башмаки жали, а рубашки не налезали.

— Ну, это не так страшно,— говорила мать,— чего, чего, а уж тряпки-то в доме старьёвщика всегда найдутся. Сейчас я сошью ему новую рубаху.

За какую-то неделю Бенвенуто так вырос, что соседи посоветовали отправить его в школу. Мать послушалась и повела Бенвенуто к учителю, но тот не на шутку рассердился:

— Почему вы не привели его пораньше? Ведь сейчас уже зима. Кто же начинает учиться в середине учебного года?

Но когда мать объяснила ему, что Бенвенуто всего семь дней, учитель рассердился ещё больше:

— Семь дней? Ува-

жаемая синьора, здесь — не ясли, и я — не нянька! Приходите через семь лет, тогда и поговорим.

Но тут он поднял свой нос от классного журнала и увидел, что Бенвенуто куда выше ростом любого из его учеников. Тогда он посадил мальчика на последнюю парту и принялся объяснять классу, что дважды два — четыре.

В полдень зазвенел звонок, все школьники вскочили из-за парт и выбежали из класса. Только Бенвенуто остался сидеть на своём месте.

— Бенвенуто,— позвал его учитель,— надо проветрить класс.

— Но мне не встать, синьор учитель.

Действительно, за четыре урока он так вырос, что крепко-накрепко застрял в парте. Пришлось позвать служителя, чтобы он помог ему выбраться.

На следующее утро для Бенвенуто поставили парту побольше, но, когда наступил полдень, он опять не смог встать. И эта парта стала ему тесна. Бенвенуто сидел в ней, словно мышь в мышеловке. Пришлось позвать столяра, и тот расколол парту на части. Учитель, тот просто за голову схватился.

— Завтра принесём для тебя парту из пятого класса,— сказал он и тут же отдал нужное распоряжение.

— Ну, как теперь? — спросил он, когда парта была принесена.

— Хорошо! Совсем свободно! — радостно ответил Бенвенуто, и, чтобы ему поверили, он несколько раз встал и сел. Но вставать ему с каждым разом было всё труднее и труднее. И в двенадцать часов, когда прозвенел звонок, всё повторилось сначала, и опять пришлось вызывать столяра.

Директор школы и мэр города возмутились:

— Что случилось, синьор учитель? Вы разучились поддерживать дисциплину в классе! Почему в этом году парты у вас колются, словно орехи? Вам нужно как следует взяться за своих сорванцов. Мы не в состоянии покупать каждый день новые парты!

Старьевщику пришлось отвести своего сына к доктору и рассказать ему всё, как было.

— Посмотрим, посмотрим,— сказал доктор. Он надел очки, чтобы лучше видеть, и измерил рост Бенвенуто.

— Теперь,— сказал он,— садись.

Бенвенуто уселся на стул. Доктор подождал, пока пройдёт минута, и сказал:

— Встань.

Бенвенуто встал, и доктор снова измерил его вдоль и поперёк.

— Гм,— сказал он и, не поверив тому, что видит, протёр очки платком.

— Присядь-ка ещё разок.

Он проделал так несколько раз и наконец заключил:

— Это очень интересный случай. Мальчик болен какой-то новой болезнью. До сих пор ещё никто не болел ею. Болезнь заключается в том, что, когда ребёнок сидит, он быстро стареет. Каждая минута, проведённая сидя, равна для него целому месяцу. А лечение простое — нужно всегда быть на ногах, иначе за несколько недель мальчик превратится в белобородого старика.

После этого дня жизнь Бенвенуто совершенно переменилась. В школе ему сделали особую парту, без сидения, чтобы он даже не пытался присесть. Дома Бенвенуто заставляли есть стоя. А вздумай он хоть минутку отдохнуть у камина, как тотчас раздавалось:

— Что ты делаешь! Захотел состариться раньше времени?

— Вставай, вставай! Посесть хочешь?

Ну а кровать?

Никаких кроватей, если он не хотел проснуться с белой бородой. Пришлось Бенвенуто научиться спать стоя, как спят лошади. Вот из-за всего этого люди и прозвали его: Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту. Прозвище это так и осталось за ним на всю жизнь.

Но вот в один несчастный день заболел отец Бенвенуто. Вскоре, почувствовав, что умирает, он позвал к себе сына.

— Бенвенуто,— сказал он, прежде чем навсегда закрыть глаза,— теперь твой черёд помогать матери. Она старенькая и не может больше трудиться. Найди себе честную работу. Она не принесёт тебе вреда. Наоборот, благодаря работе ты долго останешься молодым. Ведь у тебя не будет времени, чтобы сидеть сложа руки.

На другой день Бенвенуто отправился искать работу. Но люди смеялись ему в лицо:

— Работу, говоришь? Нет, сынок, у нас не играют ни в мяч, ни в кегли. Ты ещё слишком мал, чтобы работать на фабрике.

— Работу? Но ведь нас оштрафуют. Закон запрещает брать на работу детей...

Бенвенуто не стал спорить. Он тут же нашёл выход из положения. Вернувшись домой, он уселся перед зеркалом и стал ждать.

— Доктор говорил, что стóит мне присесть, как я постарею. Посмотрим, правда ли это...

Через несколько минут он заметил, что растёт — стали жать башмаки. Он скинул их и принялся рассматривать свои ноги — те удлинялись прямо на глазах. Когда же Бенвенуто опять взглянул в зеркало, то страшно удивился:

— Кто этот черноусый юноша, что смотрит на меня? Мы, кажется, знакомы. Я где-то видел его...

Наконец он понял и рассмеялся:

— Да это же я! Я — только совсем взрослый! Но теперь лучше будет встать. Больше стареть я уже не хочу.

Можете себе представить, какое лицо стало у матери Бенвенуто, когда перед ней появился высокий плечистый парень с громовым голосом и усами, как у полицейского.

— Бенвенуто, сын мой! Как ты изменился!

— Но в этом нет ничего страшного, мама. Теперь я могу работать.

Он не стал больше обивать пороги фабрик, а просто выкатил из сарая отцовскую тележку и двинулся с ней по улице, громко крича на ходу:

— Тряпки-лохмотья! Тряпки-лохмотья!

— Какой славный молодой человек! Откуда ты пришёл в наши края? — спрашивали соседи, выглядывая из окон на его голос.

— Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, это ты!?

— Да, соседи, это я! Я задремал на стуле и проснулся уже усадым!

Так Бенвенуто начал трудиться. И все люди любили его. Бенвенуто всегда был на ногах, всегда что-нибудь делал, всегда готов был каждому помочь — как

тут не стать всеобщим любимцем! Однажды его хотели даже выбрать в мэры города:

— Вот такой человек нам и нужен — чтобы не любил засиживаться в кресле.

Но Бенвенуто не захотел стать мэром.

Через несколько месяцев умерла у него мать, и тогда он подумал: «Теперь я совсем один. Сидеть без дела я всё равно не смогу, потому что быстро состарюсь. Пойду-ка я лучше бродить по свету, посмотрю, где что делается».

Так он и сделал: взял свою тележку с тряпками и, недолго думая, отправился в дорогу. Счастливый, он дни и ночи мог шагать без усталости. Немало интересного увидел он на своём пути, немало людей по-встречал.

— Ты очень славный парень,— говорили ему встречные,— присядь, поболтай с нами.

— Поболтать можно и стоя,— отвечал Бенвенуто.

Шёл он, шёл и всё не старел. Но вот однажды проходил он мимо какой-то бедной лачуги и, заглянув в окно, увидел картину, от которой у него сжалось сердце. В кровати лежала больная женщина, а вокруг неё на полу возились несколько ребятишек. Они ревели во всё горло, стараясь перекрычать друг друга.

— Молодой человек,— сказала женщина, увидев его,— если вы не очень торопитесь, зайдите на минутку к нам в дом. Мне не пошевелинуться, и я не могу укачивать детей, а каждая их слеза для меня всё равно что нож в сердце.

Бенвенуто вошёл в комнату, взял на руки одного из малышей, походил с ним взад и вперёд и убаюкал его. Таким же манером он успокоил и остальных. Но последний, самый маленький, никак не хотел засыпать.

— Присядьте на минутку,— посоветовала женщина,— и поддержите его на руках. Присядьте и увидите — он уснёт.

Бенвенуто сел на скамеечку около камина, и плакавший ребёнок сразу же утих. Он был такой славный, что Бенвенуто принялся играть с ним и даже спел ему песенку.

— Спасибо вам от всего сердца! — сказала женщина, когда ребёнок уснул.— Я уже так отчаялась, что мне и жизнь немила стала.

— О, не говорите таких вещей даже в шутку! — ответил Бенвенуто.

Собираясь уходить, он нечаянно взглянул в зеркало на стене и увидел у себя седую прядь волос.

«Я и забыл совсем, что старею, когда сижу», — мелькнуло у Бенвенуто. Но потом он расправил плечи, ещё раз взглянул на сладко спавших ребятишек и пошёл своей дорогой.

В другой раз он проходил ночью через какую-то деревушку и, увидев в одном из домиков свет, заглянул в окно. В комнате стоял ткацкий станок, а за ним работала девушка и тяжело вздыхала.

— Что с вами? — спросил её Бенвенуто.

— Ох, я не сплю уже третью ночь... А к завтрашнему дню мне непременно нужно соткать этот коврик. Если я не успею, мне ничего не заплатят, и тогда всей нашей семье придётся голодать. У меня могут даже отнять станок. Ах, чего бы я не отдала, чтобы поспать хоть полчаса!

«Полчасика — это всего тридцать минут, — подумал Бенвенуто. — Пожалуй, тридцать минут я вполне мог бы поработать за девушку».

— Знаете что, — сказал он вслух, — идите-ка спать, а я заменю вас. Мне почему-то нравится этот станок. А через полчаса я вас разбужу.

Девушка прилегла на лавку и в ту же минуту уснула. Бенвенуто начал работать. Прошло полчаса, но разбудить девушку он не решился. Каждый раз, когда он подходил к ней, ему казалось, что ей снятся прекрасные сны.

Занялся рассвет, взошло солнце и разбудило девушку.

— Я проспала всю ночь! А вы работали!

— Э, пустяки! Я не скучал.

— У вас даже голова запылелась...

«Трудно сказать, на сколько лет я постарел сегодня», — подумал Бенвенуто, не почувствовав никакого сожаления. Он успел соткать коврик, и девушка была теперь самым счастливым человеком на свете.

В другой раз Бенвенуто довелось повстречаться с одним старым-престарым стариком.

— Мне так жаль, — говорил старик, вздыхая, — мне так жаль, что приходится умирать, не сыграв напоследок в карты. Все мои друзья уже умерли.

— Ну, если дело только за этим,— сказал Бенвенуто,— то в подкидного я тоже умею играть.

И они стали играть. Бенвенуто не хотел садиться, но старик вдруг раскричался на него:

— Ты нарочно остался стоять, чтобы подсматривать сверху в мои карты! Хочешь нечестно обыграть меня! Хочешь воспользоваться тем, что я бедный, несчастный старик!

И Бенвенуто, как упал от неожиданности на стул, так и не вставал с него до конца игры. Он так растерялся, что перепутал карты и проиграл. А старик потирал руки от удовольствия, словно мальчишка, наволовавший груш.

— Ещё разок!— весело предложил он.

Бенвенуто хотел было подняться с этого стула, который отнимал у него дни, месяцы, а может быть, и годы жизни, но ему не хотелось огорчать бедного старика. Он продолжал сидеть и проиграл во второй раз, а затем и в третий. Старик, казалось, помолодел от радости.

— Эти годы он взял у меня,— пробормотал Бенвенуто, глядя на себя в зеркало. Волосы его словно покрылись инеем.— Ну ничего,— утешал он себя,— кто знает, сколько уже времени этот старик мечтал поиграть в карты...

И так каждый раз, когда нашему Бенвенуто случалось присесть, чтобы помочь кому-нибудь, у него седали волосы. Потом у него постепенно согнулась спина, точно дерево под сильным ветром, и потускнели глаза. Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту старел. Скоро у него уже не осталось ни одного тёмного волоса. Люди, знавшие его историю, говорили:

— Много же пользы принесли тебе твои добрые дела, Бенвенуто! Думай только о себе, так был бы ты сейчас молодым парнем.

Но Бенвенуто не соглашался с такими речами. Каждый седой волос напоминал ему о каком-нибудь добром деле. Так о чём же ему было жалеть?

— Ты мог бы сохранить жизнь для себя, а не раздавать её всем понемножку,— говорили ему соседи.

Но Бенвенуто только улыбался и качал головой. Он думал о том, что каждый седой голос помог ему найти нового друга, и таких друзей у него были тысячи и тысячи. Бенвенуто не знал усталости в своих странст-

виях, хоть и опирался теперь на палку и часто останавливался, чтобы передохнуть.

— Скитался я, скитался, попал вот в эту страну и решил в ней поселиться,— закончил свой рассказ Бенвенуто,— и здесь я продолжаю заниматься отцовским ремеслом — ремеслом старёвщика.

— Но ведь на свете сколько угодно других стран,— удивился Цоппино,— почему бы вам не выбрать какую-нибудь получше этой?

Бенвенуто улыбнулся:

— В этой стране люди нуждаются в моей помощи больше, чем в любой другой. Это, безусловно, самая несчастная страна на свете. Значит, тут мне и место.

— Как это верно!— воскликнул Джельсомино. Он растрогался до слёз, слушая рассказ старика.— Вот самый правильный путь! Теперь я знаю, что мне делать с моим голосом. Он должен помогать людям, а не приносить им несчастья.

— Ну, это тебе будет нелегко,— заметил Цоппино,— например, не вздумай напевать колыбельную песенку — детишки только пуще разревутся. Ведь твой голос способен перебудить целую страну.

— Но будить спящих тоже бывает иногда очень полезно,— заметил Бенвенуто.

— Этим я и займусь!— решительно заявил Джельсомино, стукнув кулаком об пол.

— Нет, сначала ты займёшься своим коленом,— сказал Цоппино.

Колено действительно всё распухало и распухало. Джельсомино уже не мог ни ходить, ни стоять. Тогда решили, что он, пока не поправится, будет жить у Бенвенуто. Ведь Бенвенуто никогда не спал и мог позаботиться о том, чтобы Джельсомино не распевал во сне и не угодил таким образом в лапы полиции.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Бананито переселяется в тюрьму и готовит себе завтрак при помощи карандаша

Бананито, как вы помните, вышел из дома рано утром и пошёл куда глаза глядят. У него не было никаких определённых планов. Просто ему хотелось

поскорее сделать что-нибудь, чтобы показать всем своё мастерство.

Привратники, орудуя шлангами, поливали водой улицы. Они перебрасывались шутками с рабочими, которые, нажимая на педали велосипедов, спешили на свои фабрики, ежеминутно рискуя попасть под холодный душ. Утро было ясным и светлым. Бананито чувствовал, как в его голове бродят тысячи великолепных замыслов. Внезапно ему почудился необыкновенный

аромат и показалось, что среди булыжников мостовой вдруг распустились мириады фиалок.

«Вот самое лучшее из того, что я мог бы сделать,— решил Бананито. И там же, где стоял, около решётки какой-то фабрики, он уселся на тротуар, достал из коробки кусок мела и принялся за работу. Вокруг сразу же столпились рабочие.

— Готов спорить,— сказал один из них,— что сейчас он нарисует кораблик или каких-нибудь голубков. Только где же собака, что держит шапку для подаения?

— Я слышал однажды,— сказал другой рабочий,— такую историю. Какой-то художник провёл на земле красную черту. Люди, что собрались вокруг, стали ломать себе голову, соображая, что бы это значило.

— Ну и что же?

— Спросили наконец у самого художника. Он ответил: «Я хочу посмотреть, кто из вас сможет пройти под этой чертой, а не над ней». Потом он надел шляпу и ушёл. Он, наверное, был немножко...

— Ну, этот, пожалуй, ещё в своём уме,— перебил кто-то.— Посмотрите.

Бананито ни на секунду не отрывался от работы и рисовал так быстро, что трудно было уследить за его рукой. И на тротуаре в точности так, как он задумал, возникало целое поле живых фиалок. Это был всего лишь рисунок, но такой прекрасный, что воздух внезапно оказался напоённым ароматом цветов.

— Мне кажется, я чувствую запах фиалок,— прошептал один из рабочих.

— Скажи лучше — запах тыквы, а не фиалок, не то тебя в два счета упрячут в кутузку,— посоветовал ему товарищ.— Но запах чувствуется — это верно.

Все молча стояли вокруг Бананито. Было так тихо, что слышалось даже, как поскрипывает его мелок. С каждым новым штрихом, ложившимся на тротуар, аромат фиалок всё усиливался. Рабочие заволновались. Они переминались с ноги на ногу, перекладывали свёртки с завтраками из руки в руку, делали вид, будто пробуют, хорошо ли накачаны шины их велосипедов, но не упускали из виду ни одного движения Бананито и только потягивали носами, чтобы полнее насла-

диться чудесным ароматом, который так радовал сердце.

Взвыл заводской гудок, призывавший их на работу, но никто не двинулся с места. Кругом только и раздавалось: «Молодчина! Вот это молодчина!»

Бананито оторвался наконец от работы и взглянул на собравшихся. Он прочёл в их глазах столько благодарности, что даже смутился, собрал свои краски и поспешно зашагал прочь.

Один из рабочих догнал его:

— Что с тобой? Куда ты? Подожди минутку, сейчас мы вывернем карманы и отдадим тебе все наши деньги. Никому из нас ещё не доводилось видеть такие дивные рисунки.

— Спасибо,— пробормотал Бананито,— большое спасибо!

И он поспешил на другую сторону улицы, чтобы поскорее остаться одному. Сердце его билось так сильно, что куртка у него на груди приподнималась, как будто под нею прятался котёнок. Бананито был по-настоящему счастлив. Он долго бродил по городу, не решаясь, однако, приняться за какой-нибудь новый рисунок. В голове у него возникали сотни замыслов, но он отбрасывал их один за другим. Наконец, увидев бродячую собаку, Бананито окончательно понял, что ему следовало делать. Он устроился тут же на тротуаре и стал рисовать.

В Стране Лгунов всегда найдутся люди, которым нечего делать и которые поэтому слоняются по улицам. Это профессиональные прохожие или, попросту говоря, безработные. Около Бананито опять собралась небольшая группа зрителей, и они стали отпускать замечания на его счёт:

— До чего же горазд на выдумки! Вздумал рисовать кошку, как будто их и так мало в городе.

— Это не простая кошка,— весело сказал Бананито.

— Слышали? Он рисует особенную кошку! В наморднике, что ли, будет твоя кошка?

Споры прекратились, как по волшебству, когда Бананито в последний раз провёл кистью по хвосту своей собаки, и та, вскочив с земли, залилась весёлым лаем. Толпа испустила крик изумления. В ту же минуту прибежал полицейский:

— Что такое? Что случилось? Ага, вижу! Даже слышу! Лающая собака! Как будто с нас мало было мяукающих котов! Чья она?

Толпа поспешно разошлась, чтобы не отвечать ему. Только один, бедняга, не смог увернуться, потому что стоял рядом с полицейским, и тот ухватил его за рукав.

— Это его кошка,— ответил он и, показав на Бананито, опустил глаза.

Полицейский отпустил его и вцепился в художника:

— Ну-ка, отправляйся со мной!

Бананито ничего не оставалось делать. Он собрал свои краски и, ничуть не огорчившись, последовал за полицейским. А собака, повиливая хвостом, отправилась по своим делам.

Художника посадили в тюремную камеру и велели ждать, пока его допросит начальник полиции. У Бананито горели руки, так ему хотелось поработать. Он нарисовал небольшую птичку и подбросил её в воздух. Но птичка не улетела. Она уселась ему на плечо и стала ласково поклёвывать его ухо.

— Ага, так ты, наверно, хочешь есть!— сказал Бананито.

Он нарисовал птичке несколько зёрнышек проса и вспомнил при этом, что и сам ещё не завтракал.

«Яичницы из двух яиц мне бы вполне хватило. И пожалуй, неплохо было бы съесть большой спелый персик»,— подумал он и нарисовал всё, что ему хотелось. Скоро аппетитный запах яичницы распространился по камере, проник за дверь и защекотал ноздри стражника.

— Гм, как вкусно пахнет!— сказал стражник, потягивая носом и стараясь подольше насладиться запахом.

Но потом он забеспокоился и открыл глазок камеры. Увидев заключённого, который с аппетитом уплетал яичницу, стражник окаменел от изумления. В таком положении его и застал начальник стражи.

— Замечательно!— закричал он вне себя от гнева.— Великолепно! Оказывается, заключённым носят обеды из ресторана!

— Я не... я не...— только и мог пролепетать стражник.

— Ты не знаешь порядков! Хлеб и вода! Вода и хлеб! И ничего больше!

— Я не знаю, откуда у него всё это,— промолвил наконец стражник,— может быть, яйца были у него в кармане...

— Ну да, а жаровня, на которой он их поджарил? Тоже была у него в кармане? Я вижу, стоит мне отлучиться, как в тюремных камерах появляются кухонные плиты...

Но начальнику стражи тут же пришлось признать, что никакой плиты в камере нет и в помине. А Бананито, чтобы выручить стражника, решил рассказать, каким образом он приготовил себе завтрак.

— Ну, нет, я не такой дурак! Меня не проведёшь!— сказал начальник стражи, с недоверием выслушав художника.— А прикажи я тебе подать камбалу в красном вине, что́ ты стал бы делать?

Вместо ответа художник взял лист бумаги и стал рисовать заказанное блюдо.

— Как угодно, с петрушкой или без неё?— спросил он между прочим.

— С петрушкой,— посмеиваясь, ответил начальник стражи.— Ты и впрямь принимаешь меня за дурака. Ну, ничего, когда закончишь, я заставлю тебя проглотить этот лист бумаги.

Но когда Бананито кончил рисовать, от рисунка повалил вкусный пар, а через несколько мгновений камбала в красном вине уже дымилась на столе и, казалось, так и просила: «Съешь меня! Съешь меня!»

— Приятного аппетита!— сказал Бананито начальнику стражи, у которого от изумления глаза на лоб вылезли.— Ваш заказ выполнен.

— Мне... что-то... не хочется есть,— пробормотал тот, с трудом приходя в себя от удивления.— Отдай камбалу стражнику и следуй за мной!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой Бананито становится королевским министром и тут же впадает в немилость

Начальник стражи вовсе не был глупцом. Напротив, он был порядочным пройдохой.

«За этого человека,— рассуждал он, сопровождая Бананито в королевский дворец,— можно получить не меньше золота, чем весит он сам. Даже, может быть, на несколько центнеров побольше. Ну, а так как сундук у меня достаточно глубок, то почему бы не отправить в него несколько мешков золота. Ведь места оно не пролежит... Король наверняка щедро наградит меня».

Но надежды его не оправдались. Король Джакомоне, как только узнал, в чём дело, повелел немедленно привести к нему художника. Он обошёлся с начальником стражи весьма сурово и, лишь отпуская его, изрёк:

— За то, что вы нашли этого человека, я жалую вам Большую Фальшивую медаль!

«Как же, нужна мне твоя медаль...— буркнул про себя начальник стражи,— у меня их уже две дюжины, и все картонные. Будь у меня дома хромоногие столы, можно было бы подкладывать эти медали под их ножки, чтоб не шатались».

Пусть себе начальник стражи бормочет всё, что ему хочется. Оставим его в покое и посмотрим лучше, как встретились Бананито и король Джакомоне.

Художник ничуть не растерялся в присутствии столь высокой особы и спокойно ответил на все его вопросы. Разговаривая с Джакомоне, Бананито любовался его прекрасным оранжевым париком, который сиял на голове короля, словно груда апельсинов на прилавке.

— Что это вы так разглядываете? — спросил король.

— Ваше величество, я люблюсь вашими волосами.

— Гм! А вы могли бы нарисовать такие же хорошие волосы? — Джакомоне втайне надеялся, что Бананито нарисует волосы прямо на его лысине, они станут настоящими и их не придётся убирать на ночь в шкаф.

— Столь же прекрасные, конечно, нет,— ответил Бананито, думая доставить королю удовольствие этим комплиментом.

В глубине души он немного сочувствовал ему, как человеку, страдающему из-за своей лысины. Ведь столько людей обрезают волосы только ради того, чтобы не причёсывать их. И о людях не судят по цвету волос. Будь у Джакомоне самые настоящие

черные волнистые кудри, всё равно он остался бы таким же пиратом и негодяем, каким его все знали.

Джакомоне горестно вздохнул и решил, что велит расписать свою лысину в другое время.

«Лучше будет,— подумал он,— если сначала я использую его как-нибудь иначе. Можно, например, с его помощью прослыть в истории великим королём!»

— Я назначаю тебя,— сказал он художнику,— министром зоологического сада. Около дворца есть чудесный парк, но в нём не водятся никаких зверей. Ты должен нарисовать их. И смотри никого не пропусти, иначе...

«По правде говоря, лучше быть министром, чем сидеть в тюрьме»,— рассудил Бананито. И ещё до захода солнца, на глазах у изумлённых зрителей, он нарисовал сотни различных животных, которые тут же оживали. Это были львы, тигры, крокодилы, слоны, попугаи, черепахи, пеликаны... И ещё были собаки, много-много собак: дворняжки, лайки, борзые, таксы, пудели... Все они, к великому ужасу придворных, громко лаяли.

— Чем только всё это кончится? — перешёптывались придворные.— Его величество позволяет собакам лаять! Это же против всяких законов! Наслушавшись собачьего лая, народ, чего доброго, наберётся опасных мыслей!

Но Джакомоне распорядился не беспокоить Бананито и разрешил ему делать всё, что он захочет. Поэтому придворным оставалось только давиться от злости.

Животные, по мере того как Бананито создавал их, занимали свои места в клетках. В бассейнах теперь плавали белые медведи, тюлени, пингвины, а по аллеям парка бегали сардинские ослики, те самые, на которых обычно катают детей.

В этот вечер Бананито не вернулся в свою каморку. Король отвёл ему комнату в своём дворце. Опасаясь, что художник сбежит, Джакомоне приставил к нему на ночь десять стражников.

На другой день, когда Бананито нарисовал всех животных, какие есть на свете, и в зоопарке больше уже нечего было делать, король назначил его министром съестных припасов (или, как он выразился, министром канцелярских товаров).

Перед воротами дворца поставили стол с кистями и красками и посадили за него Бананито. А горожанам сказали, что они могут просить у художника любое кушанье, какое только захотят.

Вначале многие попали впросак. Если, например, у Бананито просили чернил, подразумевая под ними хлеб (как и полагалось по «Словарю Лгунов»), то

художник и рисовал бутылку чернил, да к тому же поторапливал:

— Ну, кто там следующий?

— Что мне делать с ней? — восклицал злополучный посетитель. — Я не могу её ни съесть, ни выпить, эту бутылку!

Очень скоро люди поняли: если хочешь получить от Бананито что-либо, называй вещи настоящими именами, хоть они и запрещены.

Придворные столбенели от негодования.

— Куда же это годится?! Чем дальше, тем хуже! — шипели они, почернев от злости. — Это плохо кончится! Еще немного, и люди перестанут лгаты! Что стряслось с нашим королём?

А король Джакомоне всё ждал, когда к нему явится мужество, чтобы попросить художника нарисовать настоящие волосы. «Тогда можно будет не бояться ветра», — думал он и тем временем позволял Бананито делать всё, что ему заблагорассудится. Придворные чуть не задохались от злости.

Королевские генералы — те тоже не находили места от ярости.

— В кои-то веки в наших руках оказался такой человек, как этот художник, и что же? Как мы его используем? Яичницы, цыплята, мешки жареной картошки, плитки шоколада... Пушки нам нужны, пушки! Тогда мы создадим непобедимую армию и раздвинем границы нашего государства!

Один самый воинственный генерал отправился к королю и поведал ему обо всех этих планах. У старого пирата Джакомоне закипела кровь.

— Пушки! — воскликнул он. — Конечно, пушки! И корабли, самолёты, дирижабли... Клянусь рогами дьявола! Позвать сюда Бананито!

Уже много лет подданные не слышали, чтобы король вспоминал рога дьявола. Это было его самое любимое ругательство в те времена, когда он, стоя на капитанском мостике, воодушевлял своих пиратов, прежде чем ринуться на abordаж какого-нибудь беззащитного корабля.

Тотчас же приостановили раздачу съестного и привели Бананито к Джакомоне. Слуги уже развесили на стенах комнаты географические карты и при-

готовили коробку с флажками, чтобы отмечать места будущих сражений и побед.

Бананито спокойно выслушал всё, не прерывая разгоревшихся вокруг него споров. Но когда ему вручили бумагу и карандаш, чтобы он тут же, без промедления, начал отливать пушки, Бананито взял большой лист бумаги и огромными буквами написал на нём только одно слово: «НЕТ». Затем он пронёс этот лист по всему залу, чтобы все увидели его ответ.

— Синьоры,— сказал он затем,— хотите освежиться? Пожалуйста, в одну минуту я приготовлю вам хорошего кофе. Хотите лошадей, чтобы поохотиться на лисиц? Могу нарисовать вам самых лучших чистокровных скакунов. Но о пушках лучше забудьте. Пушек вы никогда от меня не получите!

Вот когда разразился настоящий скандал! Все закричали, зашумели, застучали кулаками по столу. Только один Джакомоне, чтобы не ушибить руку, позвал слугу и стукнул по его спине.

— Голову! Отрубить ему сейчас же голову! — кричали придворные со всех сторон.

— Лучше сделаем так,— рассудил Джакомоне.— Пока что мы не будем рубить ему голову. Дадим ему время привести её в порядок. По-моему, ясно, как день, что этот человек не в своём уме. Пожалуй, именно поэтому он и рисует такие прекрасные картины. Посадим-ка его на несколько дней в сумасшедший дом.

Придворные стали было ворчать, что это слишком мягкое наказание. Но они понимали: Джакомоне ещё надеялся обзавестись настоящими волосами — и умолкли.

— Пока же,— продолжал Джакомоне,— запретить ему рисовать!

Так Бананито тоже оказался в сумасшедшем доме. Художника посадили в отдельную палату и не оставили ему ни бумаги, ни карандаша, ни кисти, ни красок. В палате не нашлось даже ни кусочка кирпича или мела, потому что стены были обиты войлоком. И так как Бананито оставалось рисовать только кровью, то он решил отложить на время работу над своими шедеврами.

Он растянулся на скамье, закинул руки за голову и стал смотреть в потолок. Потолок был совершенно

белым, но Бананито видел на нём чудесные картины — те, которые он непременно напишет, едва только окажется на свободе. А в том, что он будет освобождён, Бананито нисколько не сомневался. И он был прав, потому что кое-кто уже позаботился о его спасении. Вы, конечно, догадались, что это был Цоппино.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в конце которой Цоппино снова становится рисунком

Когда в доме Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, где Джельсомино лечил своё колено, стало известно, что художник Бананито сделался министром, котёнок решил отправиться к нему, чтобы подать прошение об освобождении тётушки Панноккьи и Ромолетты. Но, к сожалению, он опоздал: когда он добрался до дворца, художника там уже не было.

— Хочешь взглянуть на Бананито, — посмеиваясь, сказал ему стражник, — так ступай в сумасшедший дом. Правда, ещё не известно, пустят ли тебя туда. Разве только если ты и сам помешанный.

Цоппино долго соображал, притвориться ли ему помешанным, чтобы попасть в сумасшедший дом, или лучше поискать туда какую-нибудь другую дорогу.

— Ну, лапки мои, выручайте, — сказал он наконец, — теперь вчетвером вам будет малость полегче карабкаться по стенам.

Сумасшедший дом помещался в мрачном, похожем на замок здании, окружённом глубоким рвом с водой. Цоппино пришлось принять небольшую ванну. Он бросился в воду и, переплыв ров, вскарабкался по стене и юркнул в первое же открытое окошко. Он очутился на кухне. Все повара и слуги в это время спали, и там был только маленький поварёнок, которому велели вымыть пол. Увидев Цоппино, он закричал:

— Брысь! Брысь! Вон отсюда, противное животное! Пора бы уже знать, что здесь не бывает объедков!

Несчастный поварёнок вечно страдал от голода и съедал все кухонные отходы до последней рыбной косточки. Поэтому, торопясь выгнать котёнка, в страхе, что он утащит у него что-нибудь, поварёнок открыл дверь и выпустил его в коридор.

Направо и налево нескончаемо тянулись палаты сошедших с ума, а точнее говоря, совершенно здоровых заключённых. Вся их болезнь состояла лишь в том, что они неосторожно сболтнули где-то правду и попались при этом ищейкам Джакомоне.

Некоторые палаты были без дверей и отделялись от коридора лишь толстой железной решёткой; другие, напротив, имели тяжёлые железные двери с маленькими окошками для передачи пищи. Заглянув в одно из этих окошек, Цоппино увидел в палате семейных котов тётушки Паннокки и, что удивило его гораздо больше, своего старого друга Тузика. Коты спали вповалку прямо друг на друге и видели, должно быть, прекрасные сны. У Цоппино не хватило мужества разбудить их, тем более что в этот момент он всё равно ничем не мог им помочь. В той же палате, как вы знаете, сидел и Калимеро Денежный Мешок. Калимеро не спал и, увидев Цоппино, стал умолять его:

— Приятель, раздобудь-ка мне мышку, а? Ведь ты разгуливаешь на свободе! Одну-единственную мышку! Как давно уже я не держал в своих когтях мыши!

«Вот это настоящий сумасшедший», — подумал Цоппино и закрыл окошко. Он не был знаком с Калимеро.

В конце коридора находилась большая палата, в которой было заперто человек сто. Среди них были и тётушка Панноккья с Ромолеттой. Если бы в палате горел свет, Цоппино увидел бы их. А если бы в придачу тётушка Панноккья не спала, она непременно схватила бы Цоппино за хвост по своей старой привычке. Но свет не горел, и тётушка Панноккья спала крепким сном. Цоппино на цыпочках пробрался через палату и вышел на лестницу, которая вела вверх. Там после долгих поисков он отыскал наконец комнату, в которой томился Бананито.

Художник спокойно спал, закинув руки за голову, и видел во сне великолепные картины, которые ему предстояло написать. Но в одной из этих картин вдруг образовалась дыра, из прелестного букета цветов высунулась кошачья голова и громко мяукнула. Бананито проснулся, взглянув на дверь, сразу же вспомнил, что он — в сумасшедшем доме. Но окошко в двери было приоткрыто, и в нём виднелась голова мяукающего Цоппино.

— Бананито! Бананито! Ну и крепко же ты спишь!

— Вот так чудеса! Голову даю на отсечение, что эти усы принадлежат Цоппино!

— Проснись, говорят тебе! Это я, Цоппино! Да, это я, и даже лапка, которую ты мне сделал, со мною. Она действует превосходно.

Говоря это, Цоппино изловчился, пролез в окошко и прыгнул в палату.

— Я пришёл, чтобы выручить тебя.

— Спасибо, милый Цоппино, но как?

— Ещё сам не знаю. Хочешь, украду ключи у сторожей?

— Но ведь они могут проснуться.

— Хочешь, прогрызу в двери дырку?

— Эх, будь у тебя свёрла вместо зубов, — тебе, может быть, и удалось бы... Нет, знаешь, что нам нужно?

— Что?

— Напильник! Достань мне напильник, а об остальном я сам позабочусь.

— Есть! Я мигом разыщу тебе его! Бегу!

— Всё можно было бы сделать гораздо скорее, — остановил его Бананито, — я мог бы просто нарисовать

напильник, но эти каналы не оставили мне даже огрызка карандаша!

— Так за чем же дело стало! — воскликнул Цоппино. — Вот тебе мои лапки! Или ты забыл, что они из мела и масляных красок?

— Это верно... Но ведь они станут короче...

Цоппино и слышать ничего не хотел:

— Пустяки! Нарисуешь мне потом новые!

— Так как же выбраться из палаты?

— Нарисуй напильник.

— А как спуститься вниз?

— Нарисуй парашют.

— А как перебраться через ров?

— Нарисуй лодку.

Когда Бананито кончил рисовать всё, что требовалось для побега, лапка Цоппино превратилась в крохотную культяпку.

— Видишь, — засмеялся Цоппино, — как хорошо, что я не изменил себе имя. Хромоножкой я был, хромоножкой и остался.

— Давай я нарисую тебе новую лапу, — предложил Бананито.

— Сейчас некогда. Надо успеть всё сделать раньше, чем проснутся сторожа.

И Бананито принялся за работу. К счастью, он нарисовал такой острый напильник, что тот врезался в железо, как нож в масло. Через несколько минут в дверях уже зияло большое отверстие; через него наши друзья пролезли в коридор.

— Зайдём за тётушкой Панноккьей и Ромолеттой, — предложил Цоппино, — да и котов не стоило бы забывать.

Но скрежет напильника всё-таки разбудил сторожей. Чтобы навести порядок, они стали обходить палаты.

Бананито и Цоппино слышали их тяжёлые размеренные шаги, раздававшиеся в соседнем коридоре.

— Нужно добраться до кухни, — сказал Цоппино, — раз уж не можем убежать все вместе, удерём хотя бы вдвоём. На свободе от нас будет больше проку, чем здесь.

Едва они появились на кухне, как голодный поварёнок снова напустился на Цоппино:

— Я же только что выгнал тебя, бесстыжий обжора! А ты опять норовишь отнять у меня последние объедки! Ну, быстро! Вот окно — полезай в него! А утонешь, так туда тебе и дорога!

Он был так сердит и встревожен, что даже не обратил внимания на Бананито. Бедного поварёнка беспокоил только кот, который, по его мнению, мог оставить его без ужина. Бананито пристегнул парашют, приготовил лодку и взял на руки Цоппино:

— Ну, в дорогу!

— Да, да! В дорогу! В дорогу! И больше тут не показывайтесь! — проворчал поварёнок.

Только когда беглецы скрылись, он заподозрил что-то неладное.

— А этот другой, кто бы это мог быть? — стал соображать он, схватившись за голову. И чтоб не навлечь на себя беды, он решил сделать вид, будто ничего не видел и не слышал. После этого поварёнок откопал в куче очистков капустную кочерыжку и, урча от удовольствия, вцепился в неё зубами.

Не прошло и десяти минут, как бегство Бананито было обнаружено. Сторожа высывались из окон сумасшедшего дома и кричали:

— Караул! Караул! Сбежал буйнопомешанный!

Как раз в это время Вананито и Цоппино, пригнувшись к самому дну лодки и гребя руками, переплыли через ров. Но не уйти бы им от преследователей, если бы на том берегу их не ждал со своей тележкой Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту.

— Скорее! Прячьтесь сюда! — приказал старьевщик. Он помог им забраться в тележку и забросал сверху кучей тряпья. А сторожам, которые вскоре подбежали к нему, он сказал: — Вон там ищите! Они туда побежали, — и махнул рукой вдаль.

— А ты что здесь делаешь?

— Я — бедный старьевщик. Я устал и остановился передохнуть.

И чтобы ему поверили, Бенвенуто присел на край тележки и закурил трубку. Бедный Бенвенуто, он прекрасно понимал, что станет сейчас совсем седым и в несколько минут лишится нескольких месяцев жизни. Но он не вставал.

«Годы, что я сейчас терлю, — думал он, — наверня-

ка продлят жизнь моим друзьям», — и он выпустил из рта клуб дыма прямо в лицо стражникам.

К несчастью, в это самое мгновение Цоппино почувствовал, как у него защекотало в носу. Тряпки, что укрывали его, были довольно пыльными, и только какой-нибудь носорог мог бы сказать, что они были надушены. Цоппино попытался лапками зажать себе нос, но слишком поздно вспомнил, что из передних лапок у него осталась только одна. И он громко чихнул. Так громко, что поднял целое облако пыли.

Чтобы не подвести Бананито, Цоппино тут же выскочил из тележки и задал стрекача.

— Кто это там? — спросили стражники Бенвенуто.

— Кажется, какая-то собака, — ответил он, — да, собака. Спряталась, должно быть, среди тряпок. Вон как улепётывает.

— Ага! — решили стражники. — Раз улепётывает, значит, совесть нечиста. Догнать его!

И Цоппино услышал за собой тяжёлый топот, услышал тревожные крики и обрадовался: «Если они погонятся за мной, то оставят в покое Бенвенуто и Бананито».

Он пробежал почти через весь город, а стражники всё гнались за ним, высунув языки. Вот королевская площадь, вот колонна, на которой Цоппино провёл однажды такую хорошую ночь...

— Ну, последний прыжок, — сказал Цоппино своим лапкам, — и мы будем в безопасности.

И лапки с такой готовностью откликнулись на его призыв, что Цоппино, вместо того чтобы вскарабкаться на колонну, со всего размаха налетел на неё и тут же превратился в рисунок, в набросок трёхлапного котёнка. Правда, в тот момент он не пожалел об этом, потому что стражники остались, как они сами писали потом в донесении, с носом.

— Куда она провалилась? — спрашивали они друг друга.

— Я видел, как она бросилась к колонне...

— Но поблизости никого не видно...

— Тут что-то нацарапано. Смотри — какой-то проказник стащил в школе мел и нарисовал на колонне собаку.

— Что же, пойдём отсюда. Детские каракули — не наше дело.

А Бенвенуто между тем катил свою тележку к дому, останавливаясь время от времени, чтобы отдышаться. По пути он даже присел два-три раза, потому что уже еле держался на ногах от усталости. Словом, когда он выходил из дому, ему было около восьмидесяти лет, а когда вернулся обратно, ему перевалило далеко за девяносто. Подбородок Бенвенуто уткнулся в грудь, глаза затерялись среди морщин, а голос стал еле слышным, как бы доносящимся из-под груды опилок:

— Бананито, проснись, приехали!

Но Бананито его не слышал — он уснул, пригревшись под тряпьем.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой вы проститесь
с Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

— Что с тобой? Ты разговариваешь со своими тряпками? — За спиной Бенвенуто, который пытался разбудить художника, остановился ночной сторож.

— Я разговариваю с тряпками? — переспросил Бенвенуто, чтобы выиграть время.

— Ну да! Я же слышал, как ты что-то говорил вот этому чулку. Или ты считал на нём дырки?

— Я, должно быть, говорил, сам не замечая того, — пробормотал Бенвенуто, — знаете, я так устал... Целый день колесил по городу с этой тележкой. В мои годы это не так-то просто...

— Раз устали, так присядьте и отдохните, — сочувственно сказал стражник, — всё равно в такой поздний час никто не станет продавать тряпки.

— Да, да, я присяду, — сказал Бенвенуто и присел на свою тележку.

— Вы знаете, я тоже с удовольствием бы отдохнул, — сказал стражник. — Позволите?

— Отчего же, присаживайтесь!

— Спасибо! Знаете, ведь ночные сторожа тоже устают... И подумать только, что я хотел когда-то стать пианистом. Пианисты всегда играют сидя, и вообще вся их жизнь проходит среди прекрасной музыки. Я даже в школьном сочинении писал об этом.

У нас была такая тема — «Кем вы будете, когда вырастете?». Я написал тогда: «Когда вырасту, я стану пианистом, объеду с концертами весь мир, заработаю много аплодисментов и стану знаменитым». Я не нажил славы даже среди воров, потому что до сих пор не поймал ещё ни одного из них. Кстати, а вы не вор, случайно?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел было утешить стражника, но у него уже не было сил. Он чувствовал, как жизнь уходит от него с каждой минутой. Но он не позволял себе подняться и продолжал слушать разглагольствования стражника.

А стражник ещё долго говорил о своей работе, о пианино, на котором ему так и не довелось играть, о своих детях.

— Старшему уже десять лет,— рассказывал он,— вчера он тоже писал в школе сочинение. Ведь учителя из года в год дают одну и ту же тему— «Кем ты будешь, когда вырастешь?». «Я буду астронавтом,— написал мой сын,— и отправлюсь на спутнике на Луну!» Я очень хочу, чтобы так оно и вышло, но годика через два сыну придётся бросить школу и подыскать себе работу, потому что одного моего жалованья мало-вато. А как по-вашему, это очень трудно — стать астронавтом?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел ещё добавить, что это совсем нетрудно, что в мире нет ничего невозможного, что никогда не следует терять мужества и расставаться со своими мечтами. Но стражник даже не увидел, как Бенвенуто покачал головой. Когда он взглянул на него, ему показалось, что Бенвенуто уснул.

— Бедный старик,— пробормотал стражник,— видимо, он и в самом деле не на шутку устал. Ну, ладно, продолжим наш обход.

И он осторожно, на цыпочках, пошёл дальше. Но Бенвенуто продолжал сидеть, даже не пошевелившись. У него больше не было сил, чтобы подняться.

«Я подожду их так,— вздохнул он про себя,— подожду сидя. Я сделал всё, что было в моих силах. Теперь Вананито в безопасности».

Мысли Бенвенуто стали путаться, их как бы заволакивало туманом... Откуда-то издалека до него донеслось вдруг пение — кто-то напевал колыбельную песенку... Потом он ничего уже не слышал.

Но колыбельная песенка, друзья мои, не почудилась Бенвенуто. Нет, просто Джельсомино по своему обыкновению тихонько напевал во сне.

Голос его сначала заполнил комнату, затем разнёсся по лестнице и наконец загремел по всем переулкам. Он разбудил Вананито и заставил его вылезти из-под груды тряпья.

— Бенвенуто,— позвал он.— Бенвенуто, где мы? Что происходит?

Но Бенвенуто уже не мог ответить ему.

Тогда художник выбрался из тележки и стал трясти его за плечо, как вдруг заметил, что рука Бенвенуто похолодела. А вокруг всё громче звучал голос Джельсомино, певшего нежную колыбельную песенку.

Бананито бросился наверх, разбудил Джельсомино и вместе с ним вернулся на улицу.

— Он умер! — воскликнул Джельсомино. — Он умер ради нас! Он потратил свои последние годы на то, чтобы спасти нас, пока мы спокойно спали.

В это время в конце улицы снова показался стражник, который только что разговаривал с Бенвенуто.

— Отнесём старика в дом, — предложил Джельсомино. Но Бананито не пришлось помогать ему, потому что Бенвенуто стал теперь лёгким, как ребёнок, и Джельсомино почти не чувствовал его на своих руках.

Стражник постоял некоторое время у тележки.

«Этот старьёвщик живёт, наверное, где-нибудь поблизости, — подумал он, — мне бы надо оштрафовать его за то, что он оставил свою тележку посреди улицы. Но старик был таким добрым... Сделаю вид, будто проходил другой стороной».

Бедный Бенвенуто, в его доме не осталось даже стула, чтобы усадить его хотя бы после смерти. Пришлось положить его на пол, лишь подсунув под голову подушку.

Похороны Бенвенуто состоялись через два дня, когда произошло уже много других событий, о которых вы ещё ничего не знаете и о которых прочтёте в следующих главах. На похороны пришли тысячи людей. И хотя каждый из них мог рассказать об одном из добрых дел Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, никто не стал произносить речей.

Выступил только один Джельсомино. И первый раз в жизни он пел так тихо, что ничего не разбил и не сломал. Голос его был по-прежнему сильным, но звучал он так мягко и нежно, что все слушавшие его чувствовали, как сердца их становятся добрее и чище.

Но ещё до этого дня, как я уже сказал, произошло много других событий. Прежде всего, Бананито и Джельсомино обнаружили исчезновение котёнка Цоппино. Сначала, расстроенные и опечаленные смертью Бенвенуто, они не придали этому особого значения, но потом забеспокоились.

— Он был со мной в тележке! — восклицал Бананито. — Я, правда, не видел его среди тряпок, но, представь себе, слышал, как он чихал.

— Он, конечно, опять впутался в какую-нибудь историю, — сказал Джельсомино.

— Может быть, он вернулся в сумасшедший дом, чтобы выручить тётушку Панноккью и Ромолетту?

— Все что-то делают,— чуть не плача сказал Джельсомино,— один только я сижу сложа руки. Видно, я способен только бить люстры да пугать людей.

В таком отчаянии его ещё никогда не видели. И вдруг у него возникла великолепная мысль, яркая, как утренняя звезда.

— Нет! — воскликнул он вдруг.— Вы ещё увидите, на что я способен!

— Куда ты? — удивился Бананито, видя, что Джельсомино вскочил и надевает куртку.

— Настал мой черёд действовать! — ответил Джельсомино.— А тебе советую сидеть смирно — стражники ищут тебя. Скоро ты услышишь обо мне! И как ещё услышишь!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

*в которой Джельсомино поёт во всё горло
и устраивает страшный переполох*

После суматохи, вызванной бегством Бананито, в сумасшедшем доме мало-помалу воцарилось спокойствие. Уснули пациенты в палатах, уснули стражники в коридорах. Бодрствовал только поварёнок на кухне. Он вообще почти никогда не спал, потому что вечно хотел есть и все ночи напролёт рылся в мусорном ящике, разыскивая что-нибудь съедобное.

Поварёнку не было никакого дела до бегства Бананито и тщетных усилий его преследователей. Вполне понятно, что и до этого паренька, который остановился перед сумасшедшим домом и стал петь, поварёнку тоже не было никакого дела. Он уплетал картофельную шелуху и, поглядывая на Джельсомино, качал головой:

— Вот уж действительно сумасшедший! Где это видано, чтобы молодой человек распевал серенады перед сумасшедшим домом, а не перед окнами красивых девушек! Впрочем, это его дело... Однако какой сильный голос! Готов спорить, что стражники сейчас забегут его.

Но стражники, измученные после напрасной погони за Цоппино, спали как убитые.

Джельсомино, чтобы попробовать голос, запел сначала почти шёпотом, а потом постепенно всё громче и громче. Поварёнок от изумления открыл рот и даже забыл про картофельные очистки.

— Вот это да! Мне даже есть расхотелось!

В эту минуту вдребезги разлетелось оконное стекло, около которого стоял поварёнок, и осколки чуть не угодили ему в нос.

— Эй! Кто там кидается камнями?

И, как бы в ответ на его вопрос, во всех этажах огромного мрачного здания, во всех его этажах одно за другим со страшным грохотом посыпались стёкла. Стражники разбежались по палатам, решив, что больные подняли восстание, но скоро убедились, что это не так, потому что пациенты хотя и проснулись, но вели себя спокойно и наслаждались пением Джельсомино.

— Кто это бьёт стёкла? — орали стражники.

— Тихо! — отвечали им со всех сторон. — Не мешайте нам слушать! Какое нам дело до стёкол? Они ведь не наши.

Потом стали раскалываться на куски железные решётки на окнах. Они ломались, как спички, и, плюхнувшись в ров, камнем шли ко дну.

Начальник сумасшедшего дома, узнав о происходящем, задрожал, как осиновый лист.

— Знаете, мне что-то холодно, — объяснил он секретарям, а про себя подумал: «Началось землетрясение!» Он вызвал служебный автомобиль. — Я еду на доклад к министру! — Бросил свой сумасшедший дом на произвол судьбы и спрятался на своей загородной вилле.

— К министру! — злобно бормотали секретари. — Как же! К министру! Он попросту удрал! А мы должны погибать, как мыши в мышеловке! Ну, нет! Не бывает этому!

И один за другим, кто на машине, а кто пешком, они помчались по подъёмному мосту. Через мгновение часовые только их и видели.

К этому времени почти рассвело. По крышам скользнули первые солнечные лучи. И для Джельсомино это было как бы сигналом: «Пой ещё громче!»

Если бы вы только слышали, как он тогда пел! Его голос вырывался из горла, словно огонь из кратера

вулкана. Все деревянные двери сумасшедшего дома давно уже превратились в пыль, а железные настолько погнулись, что уже не походили больше на двери. Заключённые, которые ещё оставались в палатах, выбежали теперь в коридор, шумно радуясь неожиданному освобождению. Часовые, служители, стражники сумасшедшего дома тоже гурьбой поспешили к главным воротам и оттуда через подъёмный мост ринулись на площадь. Все они вдруг почему-то вспомнили о каких-то важных делах в городе.

— Мне нужно вымыть голову моей собачке! — говорил один.

— Меня пригласили провести несколько дней у моря! — говорил другой.

— А я не сменил воду моим золотым рыбкам и боюсь, как бы они не подохли.

Никто не смог откровенно признаться, что просто-напросто струсил, — слишком сильна была привычка лгать.

Словом, очень скоро из всего персонала сумасшедшего дома в нём остался один только поварёнок с коcherыжкой в руках. Он так и стоял, открыв от изумления рот. Впервые в жизни ему не хотелось есть, и в его голове, словно струя свежего воздуха, пронеслась какая-то хорошая мысль.

Ромолетта первая из всей палаты заметила, что стражники удрали.

— А чего же мы ждём? Нам тоже надо бежать! — сказала она тётушке Панноккье.

— Это против всех порядков, — ответила старая сеньора, — но, с другой стороны, ведь все порядки против нас. Поэтому — бежим!

Они взялись за руки и устремились к лестнице, по которой уже неслись вниз десятки людей. Сумятица была невероятная. Но тётушка Панноккья моментально различила в многоголосом шуме нежные тенора своих котов. А верные ученики Цоппино тоже, в свою очередь, сразу же отыскивали среди пёстрой толпы бегущих высокую старуху с суровым лицом. Вскоре коты, громко мяукая, со всех сторон попрыгали на руки к своей покровительнице.

— Ну-ну, — ворчливо сказала тётушка Панноккья прослезившись, — пойдёте домой. Один, два, три, четыре... Все тут? Семь, восемь! Даже на одного больше!

Восьмым был наш старый знакомый — Тузик. На руках у тётушки Панночки хватило места и для него. В это время Джельсомино оборвал своё пение и стал расспрашивать всех убежавших из сумасшедшего дома о Цоппино. Но никто ничего не знал о котёнке. Тут уж Джельсомино совсем потерял терпение.

— Остался там кто-нибудь? — спросил он, показывая на сумасшедший дом.

— Никого, ни души! — ответили ему.

— Ну, тогда смотрите!

Он набрал полную грудь воздуха, как пловец перед прыжком в воду, сложил рупором руки, чтобы направить звук в нужном направлении, и испустил крик невероятной силы. Если у обитателей Марса и Венеры есть уши, то и они, конечно, слышали его на этот раз.

Достаточно вам сказать, что здание сумасшедшего дома закачалось, словно на него налетел невероятной силы ураган. С крыши его во все стороны брызнули черепицы. Потом здание накренилось, зашаталось и со страшным грохотом рухнуло прямо в ров, подняв тысячи брызг.

Всё произошло в одну минуту. Подтвердить это может поварёнок — он оставался на кухне до последнего мгновения и едва не опоздал броситься в ров, чтобы переплыть его. На площадь он выбрался за миг до того, как всё рухнуло.

А когда стены обвалились, громкое радостное «ура!» разнеслось по площади, и как раз в этот момент взошло солнце. Как будто кто-то предупредил его: «Скорее, торопись, не то упустишь замечательное врелище!»

Восхищённый народ столпился вокруг Джельсомино таким плотным кольцом, что даже журналистам не удавалось приблизиться к нашему певцу и попросить его поделиться своими впечатлениями. Им пришлось удовольствоваться беседой с Калимеро Денежным Мешком, который угрюмо стоял в стороне.

— Не могли бы вы сказать несколько слов для газеты «Вечерняя ложь»? — обратились к нему журналисты.

— Мяу! — ответил Калимеро и повернулся к ним спиной.

— Изумительно! — вскричали журналисты. — Стало быть, вы один из очевидцев! Расскажите же нам, каким образом здесь ничего не случилось?

— Мяу! — снова ответил Калимеро.

— Чудесно! Мы можем самым категорическим образом опровергнуть, что сумасшедший дом разрушен и что заключённые разбежались по городу.

— Да поймите вы наконец, — вдруг рявкнул на них Калимеро, — поймите же вы наконец, что я — кот!

— То есть вы хотите сказать — собака? Ведь вы мяукаете совсем по-собачьи!

— Да нет же, я — кот! Я самый настоящий кот и ловлю настоящих мышей! Вот и сейчас я отлично вас вижу. Можете попрятаться куда угодно, меня вы не проведёте! Всё равно вы — мыши, и все до одного попадёте мне в лапы. Мяу! Мяу! Курняу!

И, сказав это, Калимеро сделал прыжок и припал к земле. Журналисты поспешно спрятали свои авто ручки и в страхе попрыгали в автомобили.

А отчаянно мяукавший Калимеро пролежал на том месте до самого вечера, пока его не подобрал какой-то сострадательный прохожий и не отправил в больницу.

Ровно через час вышел экстренный выпуск «Вечерней лжи». Всю первую страницу занимал огромный заголовок, набранный огромными буквами:

**НОВАЯ НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПРОДЕЛКА
ПЕВЦА ДЖЕЛЬСОМИНО,
СВОИМ ПЕНИЕМ ОН НЕ РАЗРУШИЛ ДО
ОСНОВАНИЯ
СУМАСШЕДШИЙ ДОМ.**

Редактор газеты потирал руки от удовольствия:

— Славненькое опроверженьице! Сегодня мы продадим, по крайней мере, сто тысяч экземпляров...

Но вышло наоборот. Мальчишки-газетчики, продававшие «Вечернюю ложь», стали скоро возвращаться в редакцию. Все они тащили обратно кипы нераспроданных газет. Никто не пожелал купить ни одного номера.

— Как? — вскричал редактор. — Что же тогда люди читают? Может быть, они читают календарь?

— Нет, сеньор редактор, — ответил какой-то мальчишка похрабрей, — календарь люди тоже не читают. Куда он годится, если декабрь в нём называется августом? Оттого, что изменилось название месяца, никому не станет теплее... Все смеются нам прямо в лицо и советуют делать из ваших газет бумажные кораблики.

В эту минуту в комнату вбежала собачка редактора. Она только что вернулась с прогулки по городу, на которую сама себя сводила.

— Кис-кис! Иди сюда! Иди сюда, мой котёночек! — обрадованно позвал её редактор.

— Гав! Гав! — ответила ему собака.

— Что? Да ты, кажется, лаешь?

Вместо ответа собака дружелюбно вильнула хвостом и залаяла ещё громче.

— Да ведь это конец света! — закричал редактор, вытирая со лба пот. — Конец света!

Но это был всего лишь конец Королевства Лжи. После того как рухнул сумасшедший дом, на свободе оказались сотни правдивых людей. В городе появились лающие собаки, мяукающие коты, лошади, которые ржали по всем правилам зоологии и грамматики... В городе вспыхнула эпидемия правды, и большинство населения уже заболело ею. Торговцы спешили сменить ярлыки на своих товарах. Какой-то булочник снял вывеску, на которой было написано «Канцелярские товары», перевернул её и на обратной стороне углём написал: «Хлеб». Перед его лавкой сразу же столпился народ и стал шумно выражать ему своё одобрение.

Но больше всего народу собралось на площади перед королевским дворцом. Этой толпой предводительствовал Джельсомино. Он громко распевал свои песни, и люди сбегались на его голос со всех концов города и даже из окрестных сёл.

Джакомоне увидел из окна своего дворца эту огромную толпу и радостно захлопал в ладоши.

— Скорее! Скорее! — начал он торопить своих придворных. — Скорее! Мой народ хочет, чтобы я произнёс речь. Смотрите, люди собираются, чтобы поздравить меня с праздником!

— Гм, а какой же сегодня праздник? — спрашивали придворные друг друга.

Может быть, это покажется вам странным, но они ещё ничего не знали о случившемся. Королевские сыщики, вместо того чтобы сообщить обо всём во дворец, попрятались кто куда. С другой стороны, коты, жившие во дворце короля Джакомоне, ещё лаяли, — эти бедняги были последними лающими котами во всём королевстве.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

*в которой Джельсомино своим пением изгоняет
из страны короля Джакомоне*

Никакой книги судеб, как вы знаете, на свете не существует. Нет такой книги, в которой было бы написано всё, что должно случиться. Чтобы написать подобную книгу, нужно быть, по меньшей мере, редактором газеты «Вечерняя ложь». Одним словом, книги судеб нет и не было даже во времена короля Джакомоне. И очень жаль, потому что, будь у короля такая книга, он мог бы прочесть в ней то, что должно было случиться в этот день, а именно: «Сегодня король Джакомоне не произнесёт речи!»

Действительно, в то время как Джакомоне нетерпеливо ждал, пока слуги откроют ему двери балкона, по всему дворцу, откликаясь на голос Джельсомино, со звоном посыпались стёкла.

— Нельзя ли поосторожнее?! — закричал Джакомоне слугам.

В ответ он только услышал: «Трах-тах-тах-тах-тах!», которое донеслось из его спальни.

— Зеркало! — вскричал король. — Кто разбил моё любимое зеркало?

Удивлённый, что никто не отвечает ему, его величество осмотрелся вокруг. Увы! Он остался совсем один. Министры, адмиралы, придворные и камергеры при первом же сигнале опасности, то есть при первой же высокой ноте Джельсомино, бросились по своим комнатам. Они без лишних слов отшвырнули прочь свои роскошные одежды, которые носили столько лет, и стали доставать из-под кроватей старые чемоданы с пиратскими нарядами, бормоча при этом:

— Если не надевать на глаз чёрную повязку, то я, пожалуй, смогу сойти за городского мусорщика.

Или же:

— Если не пристёгивать деревянную руку, никто меня не узнает.

При Джакомоне осталось только двое слуг. В их обязанности входило открывать и закрывать балконные двери. И хотя стёкол в дверях балкона уже не осталось, слуги стояли как вкопанные и время от времени протирали дверные ручки своими кружевными манжетами.

— Бегите уж и бы заодно, — вздохнул Джакомоне, — всё равно дворец сейчас рухнет.

Действительно, в этот момент, словно хлопущи, стали лопаться лампочки в люстрах — это Джельсомино запел в полную силу.

Слуги не заставили себя просить. Пятясь и кланясь через каждые три шага, они добрались до двери, ведущей на лестницу. Тут они повернулись и, чтобы поскорее спуститься, съехали вниз по перилам.

А Джакомоне прошёл в свою комнату, снял королевский наряд и надел костюм простого горожанина, который купил когда-то, чтобы неузнанным ходить по улицам своего города и слушать, что о нём говорят. (Правда, он тут же разлюбил это занятие и предпочёл посылать в город своих сыщиков.) Костюм был коричневого цвета, он одинаково подошёл бы и банковскому служащему и профессору философии. А как хорошо сочетался коричневый цвет с оранжевым париком! Но, к сожалению, приходилось расстаться и с париком: он был слишком хорошо известен людям, куда лучше самой королевской короны.

— Мой любимый парик! — вздохнул Джакомоне. — Мои дорогие парики! — И он открыл шкаф, где ровными рядами висели его парики, похожие на головы марионеток, приготовленных к спектаклю. Тут уж Джакомоне не смог удержаться. Он схватил добрую дюжину париков и запихал их в чемодан.

— Я возьму вас с собой в изгнание! Вы будете напоминать мне об этих невозвратных счастливых днях!

И бывший король спустился по лестнице, но не в подвал, как это сделали его придворные, которые, словно мыши, удирали из дворца по канализационным трубам. Он вышел в парк. Ведь его уже тоже можно было не считать королевским. Но всё равно он был прекрасным, зелёным и наполненным запахами.

Джакомоне подышал ещё немного этой поистине королевской атмосферой, а затем открыл небольшую калитку, выходящую в какой-то переулок, убедился, что его никто не видит, и, пройдя метров сто, оказался на площади, в самой гуще народа, который восторженно приветствовал нашего Джельсомино.

Никто не узнал короля — он впервые появился на улице лысым. Коричневый костюм и чемоданчик, который он держал в руке, придавали ему вид приезжего коммерсанта.

— Вы, должно быть, не здешний? — вдруг спросил его какой-то человек, дружески хлопнув по плечу. — Послушайте, послушайте, как поёт наш Джельсомино! Вон он там, видите? Тот самый паренёк... Увидев его на велосипедных гонках, вы не поставили бы за него и двух сольдо. А между тем слышите, какой голос?

— Слышу, слышу, — пробормотал Джакомоне, а про себя добавил: «И вижу!»

Он действительно увидел, как разлетелся на куски его любимый балкон, увидел то, о чем вы, наверное, уже догадываетесь, — королевский дворец рухнул, как картонный домик, которому надоело стоять, и целое облако пыли поднялось к небу.

Тогда Джельсомино взял ещё одну высокую ноту, чтобы разогнать пыль, и все увидели на месте дворца лишь груду развалин.

— Кстати, — снова обратился к Джакомоне его сосед, — вам никто не говорил, что у вас великолепная лысина? Ведь вы не обидитесь на меня за эти слова, правда? Взгляните вот на мою.

Джакомоне провёл правой рукой по своей голове и посмотрел на голову своего соседа, которая была круглой и гладкой, как резиновый мяч.

— В самом деле, прекрасная лысина, — согласился Джакомоне.

— Ну что вы! Лысина как лысина... Вот ваша — это да! Ваша — просто блестящая! Особенно сейчас, при солнце. Она так сверкает, что глазам больно.

— Ну что вы! Это слишком любезно с вашей стороны, — пробормотал Джакомоне.

— Да нет же, я нисколько не преувеличиваю! Знаете, что я вам скажу? Если бы вы были членом нашего клуба лысых, то вас непременно избрали бы его президентом.

- Президентом?
- Да, и единогласно!
- А что, разве есть такой клуб лысых?

— Конечно! Правда, до вчерашнего дня он существовал нелегально, но теперь он станет легальным. В него входят лучшие граждане нашего города. И знаете, стать членом клуба не так уж трудно. Нужно только, чтобы на голове у вас не было ни одного волоса. Находятся даже люди, которые вырывают себе волосы только ради того, чтобы войти в наш клуб.

— И вы говорите, что я...

— Что вы могли бы стать президентом нашего клуба. Готов спорить на всё, что угодно!

Вот когда Джакомоне по-настоящему расстроился. «Значит,— подумал он,— я жестоко ошибся в выборе профессии. Вся моя жизнь — это сплошная ошибка. А теперь слишком поздно, чтобы начинать сначала».

Воспользовавшись общей толкотнёй, Джакомоне улизнул от своего собеседника, выбрался из толпы и пошёл по безлюдным улицам. А в чемодане у него грустно шуршали его двенадцать париков. Несколько раз он замечал, как из канализационных люков выглядывали головы, которые он как будто бы уже видел раньше. Не его ли это пираты? Но головы эти сразу же исчезали при виде этого толстого лысого гражданина в коричневом костюме.

Вывший король направился было к реке, решив положить конец своей неудавшейся жизни. Но, подойдя к воде, он передумал. Открыв чемодан, он вытащил из него парики и один за другим побросал их в воду.

— Прощайте,— прошептал Джакомоне,— прощайте, мои дорогие маленькие лгуны!

Следует сказать, что парики не затерялись бесследно. В тот же день их выудили мальчишки, что разбойничают на речных берегах не хуже крокодилов. Мальчишки высушили парики на солнце, напялили их себе на головы и устроили весёлое шествие. Они пели песни и громко смеялись, и им было невдомёк, что они справляют поминки по владычеству короля Джакомоне.

Надо сказать, что самому Джакомоне ещё повезло. Ведь он может просто уйти из своего королевства и даже, пожалуй, станет президентом или, по крайней мере, секретарем какого-нибудь клуба лысых.

Ну а пока он идёт куда глаза глядят, мы вернёмся в город и бросим последний взгляд на площадь перед дворцом.

Окончив свою разрушительную песню, Джельсомино вытер со лба пот и сказал:

— Ну вот... С этим тоже покончено... — Но на душе у него было тяжело: Цоппино всё ещё не отыскался.

— Где же он может быть? — спрашивал себя наш герой. — Я бы не хотел, чтобы он остался под развалинами сумасшедшего дома. Так недолго и до беды.

Но толпа отвлекла его от грустных мыслей.

— Колонна! — кричали со всех сторон. — Нужно сломать колонну!

— Зачем?

— На ней изображены походы короля Джакомоне. А это ложь, потому что Джакомоне никогда и носа не показывал из своего дворца!

— Хорошо, — согласился Джельсомино, — колонне я тоже пропою серенаду по всем правилам. Разойдитесь немного, чтобы она никого не придавила.

Люди, что стояли вокруг колонны, сразу же попятись, толпа на всей площади всколыхнулась, словно вода в ванне. И тогда Джельсомино увидел там, на колонне, в каких-нибудь двух метрах от земли хорошо знакомый рисунок трёхлапного котёнка.

— Цоппино! — радостно закричал он.

Рисунок заколебался, его линии на мгновение изогнулись, но затем снова застыли в неподвижности.

— Цоппино! — ещё громче позвал Джельсомино.

На этот раз его голос проник в мрамор, преодолел его твёрдость, и Цоппино отделился от колонны и спрыгнул на землю.

— Уф! До чего же хорошо! — промяукал он, целуя Джельсомино в щёку. — Если б не ты, я бы так и остался приклеенным к этой колонне, и меня в конце концов смыло бы дождями. Я люблю чистоту — это всем известно. Но умереть смытым мне ничуть не улыбается...

— Но вы совсем забыли обо мне, друзья мои, — услышали они вдруг голос художника Бананито. Раздавав направо и налево немало хороших толчков и пинков, он наконец протиснулся сквозь толпу к своим товарищам.

— Если с тобой ещё раз случится что-нибудь подобное, я нарисую тебя заново, мой Цоппино, и ты станешь еще более красивым и совсем настоящим!

Трём друзьям, которые только что встретились, нужно многое рассказать друг другу. Поэтому оставим их в покое.

Ну а как колонна? А она никому не мешает. Наоборот, ложь, изображённая на ней, будет напоминать людям о том, что когда-то в их стране властвовал бессовестный лгун и что достаточно было однажды хорошо спеть песню, чтобы разрушить всё его королевство.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

в которой Джельсомино, чтобы никого не обидеть, забивает гол, а за ним и другой

Эта история будет совсем закончена, когда я сообщу вам самые последние новости. Дело в том, что, торопясь дописать предыдущую главу, я совсем забыл, что в кармане у меня лежат заметки, сделанные мною в тот день, когда Джельсомино рассказал мне о своих приключениях в Стране Лгунов. Из этих заметок явствует, в частности, что никто, никогда, нигде и ничего не слышал больше о короле Джакомоне. Поэтому я даже не могу вам сказать, стал ли он порядочным человеком или же его пиратская натура взяла в нём верх и повлекла его по дурной дороге.

Из этих заметок я узнал также, что Джельсомино, который был, в общем, доволен своими делами, проходя по главной площади, каждый раз чувствовал себя так неловко, словно в ботинок ему попал камешек.

— Разве так уж нужно было разрушать дворец и превращать его в груды развалин? — упрекал он себя. — Разбей я лишь несколько стёкол, Джакомоне всё равно бы только и видели. А потом можно было бы позвать стекольщика, и всё было бы в порядке.

Но вскоре Бананито позаботился о том, чтобы избавить друга от этого камешка. Он восстановил дворец своим обычным способом — при помощи нескольких листов бумаги и коробки красок. Он потратил на это полдня и не забыл даже про балкон. А когда балкон появился на фасаде нового дворца, люди потребовали, чтобы Бананито поднялся на него и произнёс речь.

— Послушайтесь моего совета, — сказал Бананито, — издайте закон, запрещающий кому бы то ни было произносить речи с этого балкона. К тому же я художник, а не оратор. И если вам так уж хочется услышать речь, то обратитесь лучше к Джельсомино.

В этот момент на балконе появился Цоппино:

— Мяу! Мяу! Курняу!

Люди зааплодировали ему и не стали больше требовать никаких речей.

Из другого листка, найденного в кармане, я узнал, что тётушка Панноккья стала директором института по охране бездомных котов. И это очень хорошо. Уж теперь-то можно не опасаться, что кто-нибудь заставит котов лаять. Ромолетта вернулась в школу и сейчас, наверное, сидит на уроке. Только не за партой, а за учительским столом — у неё было достаточно времени, чтобы стать учительницей.

И наконец, на самом маленьком листке я нашёл только одну строчку: «Война закончилась со счётом один-один».

Вы только подумайте — я чуть не забыл рассказать вам о войне!

Это произошло через несколько дней после бегства короля Джакомоне. Втайне от своих подданных, рассчитывая на пушки, которые нарисует ему Бананито с помощью своего карандаша, Джакомоне незадолго до этого объявил войну одному из соседних государств. Самую настоящую войну, так что армии обоих

государств уже отправились на границу, чтобы встретиться там и сражаться не на жизнь, а на смерть.

— Но мы совсем не хотим воевать,— заявили новые министры.— Мы же не такие пираты, как Джакомоне...

Один журналист отправился к Джельсомино, который теперь всерьёз занимался музыкой, готовясь выступить с настоящим концертом.

— Что вы думаете о войне? — спросил журналист.

— О войне? — переспросил Джельсомино.— Предложите противникам устроить вместо войны хорошую футбольную встречу. Если при этом и окажется несколько ушибленных коленок, то крови, во всяком случае, прольётся очень мало.

К счастью, эта мысль пришлась по душе и другой стороне, потому что там тоже никто не хотел воевать. И вот в одно из ближайших воскресений состоялся футбольный матч. Само собой разумеется, что Джельсомино болел за свою команду и так увлёкся, что в один из самых острых моментов не выдержал и закричал: «Бей!» Тут мяч влетел прямёхонько в сетку ворот противника, как это уже случилось в самой первой главе.

Но в ту же минуту Джельсомино закричал:

— Мы хотим только честной победы. В спорте не должно быть никакого обмана!

И немедленно забил гол в другие ворота. На его месте вы сделали бы, конечно, то же самое.

СКАЗКИ ПО ТЕЛЕФОНУ .

2

Жил-был однажды...

...синьор Бьянки. Он жил в городе Варезе и служил в одной торговой фирме, которая продавала лекарства. И работа у него была очень беспокойная. Каждую неделю шесть дней из семи он колесил по всей Италии. Он ездил на запад, и на восток, и на юг, и на север, и опять туда же — и так включая субботу. Воскресенье он проводил дома, вместе с дочуркой, а в понедельник, едва поднималось солнце, снова отправлялся в путь. Его провожала дочка и всегда напоминала:

— Слышишь, папа, сегодня вечером я опять жду новую сказку!

Надо вам сказать, что девочка эта не могла уснуть, пока ей не расскажут сказку. Мама уже по три раза перерассказала ей всё, что знала: и были, и небылицы, и просто сказки. А ей всё мало. Пришлось и отцу взяться за это ремесло. Где бы он ни находился, в любом местечке Италии, он каждый вечер ровно в девять часов звонил домой и рассказывал по телефону новую сказку. Он их сам придумывал и сам рассказывал. В этой книге как раз и собраны все эти «сказки по телефону», и вы можете прочитать их. Они, как вы заметите, не очень длинные. Ведь синьору Бьянки приходилось платить за телефонный разговор из своего кармана, и сами понимаете, он не мог разговаривать слишком долго. Только иногда, когда дела у него шли хорошо, он позволял себе поговорить подольше. Конечно, если сказка этого заслуживала.

Скажу вам по секрету: когда синьор Бьянки вызывал Варезе, даже телефонистки приостанавливали работу и с удовольствием слушали его сказки. Ещё бы — некоторые из них мне и самому нравятся!

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ОХОТНИК

— Возьми-ка, Джузеппе, ружьё, — сказала однажды мать своему сыну, — и сходи на охоту. Завтра твоя сестра выходит замуж, и надо бы приготовить праздничный обед. Очень хороша была бы для этого зайчати́на.

Джузеппе взял ружьё и отправился на охоту. Только вышел на дорогу, видит — бежит заяц. Выскочил косо́й из-под забора и пустился в поле. Вскинул Джузеппе ружьё, прицелился и нажал на курок. А ружьё и не подумало стрелять!

— Пум! — сказала оно вдруг звонким и весёлым голосом и выбросило пулю на землю.

Джузеппе так и замер от удивления. Подобрал пулю, повертел её в руках — пуля как пуля! Потом осмотрел ружьё — ружьё как ружьё! И всё-таки оно не выстрелило, как все нормальные ружья, а сказала «Пум!» весёлым и звонким голосом. Джузеппе даже в дуло заглянул, да только разве может там кто-нибудь спрятаться?! Никого там, конечно, не оказалось.

«Что же делать? Мама ждёт, что я принесу с охоты зайца. У сестры свадьба, нужно приготовить праздничный обед...»

Едва Джузеппе успел это подумать, как вдруг снова увидел зайца. Только оказалось, это зайчиха, потому что на голове у неё была свадебная фата с цветами и шла она скромно потупившись, мелко перебирая лапками.

— Вот так раз! — удивился Джузеппе. — Зайчиха тоже выходит замуж! Придётся мне, видимо, поискать фазана.

И он пошёл дальше в лес. Двух шагов сделать не успел, как увидел фазана. Идёт он себе по тропинке, нисколько никого не опасаясь, как в первый день охоты, когда фазаны ещё не знают, что такое ружьё.

Джузеппе прицелился, нажал на курок... И ружьё снова сказала человеческим голосом:

— Пам! Пам! — совсем как мальчуган, когда играет со своим деревянным ружьём. А пуля опять выпала из дула на землю, прямо на кучу красных муравьёв. Перепугались муравьи и кинулись прятаться под сосну.

— Хорошенькое дельце! — рассердился Джузеппе. — Так я вернусь домой с пустыми руками!

А фазан, услышав, как разговаривает ружьё, бросился в заросли и вывел оттуда своих фазанят. Идут они цепочкой друг за другом, рады-радешеньки, что отправились на прогулку. А следом за ними и мама-фазаниха шествует — важная и довольная, будто первую премию получила.

— Ещё бы! — проворчал Джузеппе. — Как ей не быть довольной! Ведь она уже замужем. А мне как быть — на кого теперь охотиться?!

Он снова старательно зарядил ружьё и осмотрелся по сторонам. Кругом ни души. Только дрозд сидит на ветке. Сидит и посвистывает, словно подзадоривает: «Ну-ка, подстрели меня! Попробуй!»

Ну Джузеппе и выстрелил. Только ружьё и в этот раз не послушалось его.

— Бах! — сказало оно, совсем как ребята, когда играют в разбойников, и даже ещё хихикнуло тихонько. Дрозд засвистел ещё веселее, словно говоря: «Обманули дурака на четыре кулака!»

— Так я и знал! — вздохнул Джузеппе. — Видно, сегодня ружьё устроило забастовку.

— Ну, как ты поохотился? — спросила мать, когда Джузеппе вернулся домой.

— Хорошо поохотился, — ответил он. — Три веселенькие насмешки принёс. Не знаю только, подойдут ли они к праздничному столу.

ДВОРЕЦ ИЗ МОРОЖЕНОГО

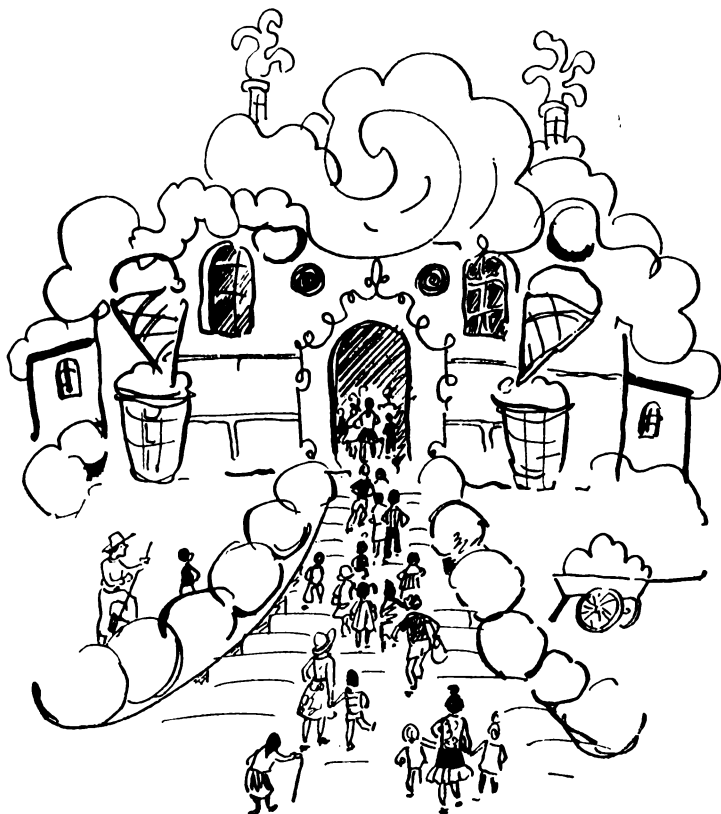
Однажды в Болонье на самой главной площади построили дворец из мороженого. И ребята сбегались сюда со всех концов города, чтобы полакомиться хоть немножко.

Крыша дворца была из взбитых сливок, дым, что поднимался из труб, из фигурного сахара, а сами

трубы — из цукатов. Всё остальное было из мороженого: двери из мороженого, стены из мороженого, мебель из мороженого.

Один совсем маленький мальчик ухватился за ножку стола и стал уплетать её. Потом он съел вторую ножку, третью, а когда расправился и с четвёртой, то весь стол со всеми тарелками — а они были из самого лучшего, шоколадного мороженого — упал прямо на него...

А городской стражник заметил вдруг, что во дворце подтаивает одно окно. Стёкла его — из земляничного мороженого — розовыми ручейками стекали вниз.

— Бегите сюда! Быстрее бегите сюда! — позвал стражник ребят.

Все прибежали и стали лизать розовые ручейки — чтобы ни одна капля не пропала из этого поистине чудесного сооружения.

— Кресло! Дайте мне кресло! — взмолилась вдруг одна старушка, которая тоже пришла на площадь, но не могла протиснуться в толпе. — Дайте кресло бедной старушке! Помогите мне! Кресло, и если можно, с ручками!..

Один отзывчивый пожарник сбегал во дворец за креслом из крем-брюле, и бедная старушка, ужасно довольная, прежде всего стала облизывать ручки кресла.

Это был большой день в Болонье. Настоящий праздник! По приказу докторов ни у кого не болели животы.

И до сих пор, когда ребята просят купить вторую порцию мороженого, родители вздыхают:

— Ах, дружок, тебе надо купить, наверное, целый дворец из мороженого, вроде того, что был в Болонье, вот тогда ты, может быть, будешь доволен!

КАК ГУЛЯЛ ОДИН РАССЕЯННЫЙ

— Мама, я пойду гулять?

— Иди, Джованни. Только будь осторожен, когда станешь переходить улицу.

— Ладно, мама. Пока!

— Ты всегда такой рассеянный.

— Да, мама. Пока!

И Джованни весело выбежал из дома. Поначалу он был очень внимателен. То и дело останавливался и ощупывал себя:

— Всё на месте? Ничего не потерял? — и сам же смеялся.

Он был так доволен своей внимательностью, что даже заскакал от радости, как воробушек. А потом загляделся на витрины, на машины, на облака, и, понятное дело, начались неприятности.

Какой-то очень вежливый синьор мягко упрекнул его:

— Какой же ты рассеянный, мальчик! Смотри, ты ведь потерял пальцы!

— Ой, и верно! Какой же я рассеянный!

И Джованни стал искать свои пальцы. Но нашёл он только какую-то пустую банку. Пустую? Посмотрим-ка. А что в ней было, в этой банке, раньше? Не всегда же она была пустая...

И Джованни уже забыл, что ему надо отыскать свои пальцы. А потом он забыл и про банку, потому что увидел вдруг хромую собаку. Он кинулся за ней, но не успел и до угла добежать, как потерял всю руку целиком. Потерял и даже не заметил. Бежит себе дальше как ни в чем не бывало.

Какая-то добрая женщина крикнула ему вслед:

— Джованни, Джованни! Руку потерял!

Куда там! Он даже не услышал!

— Ну ничего,— решила добрая женщина.— Отнесу руку его маме.— И она пошла к Джованни домой.

— Синьора, вот тут у меня рука вашего сына!

— Вот растеряха! Просто не знаю, что с ним делать! Такой рассеянный! Такой рассеянный, что дальше некуда.

— Да, конечно, только все дети такие.

Спустя немного пришла другая добрая женщина:

— Синьора, я нашла тут чью-то ногу. Не от вашего ли Джованни она?

— Ну конечно, это его нога! Узнала по дырявому ботинку! Ах, какой же у меня рассеянный сын уродился! Просто не знаю, что с ним делать!

— Да, конечно, с ребятами всегда так.

Прошло ещё немного времени, и один за другим в дом Джованни потянулись разные люди — какая-то старушка, рассыльный булочника, вагоновожатый и даже старая учительница-пенсионерка. И все приносили какой-нибудь кусочек Джованни: кто ногу, кто ухо, кто нос.

— Ну где вы найдёте ещё такого рассеянного мальчишку, как мой сын! — воскликнула мать.

— И чего вы удивляетесь, синьора! Все дети такие!

Наконец появился домой и сам Джованни, прыгая на одной ноге, без рук, без ушей, но как всегда весёлый, живой и резвый, словно воробушек.

И мама только головой покачала. Потом прирела его в порядок и поцеловала.

— Всё на месте, мама? Ничего не потерял? Видишь, какой я молодец!

— Да, да! Уж такой молодец, что дальше некуда!

ДВОРЕЦ, КОТОРЫЙ МОЖНО ЛОМАТЬ

Однажды жители города Бусто Арсицио встревожились не на шутку: ребята стали слишком много ломать и портить разных вещей. Подмётки, штаны и школьные сумки — это уж само собой, об этом никто и не говорит. Но они стали выбивать стёкла, играя в футбол, бить за обедом тарелки, бросать на пол стаканы в кафе. Стены они не ломали только потому, что у них не было под рукой молотков.

У родителей кончилось терпение, они не знали, что делать, и пошли за советом к мэру города.

— Давайте введём ещё один штраф! — обрадовался мэр.

— Нет уж, спасибо! — ответили родители. — Достаточно с нас и того, во что обходится битая посуда!

По счастью, в тех краях было много бухгалтеров — каждый третий был бухгалтером, и притом превосходным знатоком своего дела. Но самым лучшим бухгалтером по праву считался старый синьор Гамберони. У него было много внуков, и он по собственному опыту прекрасно знал, что получается, когда в доме перебита вся посуда.

Взял как-то синьор Гамберони бумагу и карандаш и подсчитал убытки, которые приносят ребята городу Бусто Арсицио, ломая бесконечное множество хороших и нужных вещей. Сумма получилась чудовищная — тысяча перетысяча четырнадцать и тридцать три!

— Если взять только половину этих денег, — доказывал бухгалтер своим согражданам, — то можно построить дворец специально для того, чтобы ребята могли его ломать, сколько им вздумается. Можно даже позволить им снести его до самого основания. И если даже это не излечит их от неукротимого желания всё ломать, значит, ничто больше нам не поможет.

Предложение бухгалтера Гамброни понравилось, и дворец был построен за «четыре плюс четыре на восемь и два на десять часов». Во дворце было семь этажей и девяносто девять комнат. И каждая комната дворца была прямо-таки забита всевозможной мебелью, а на шкафах и столах повсюду громоздилась уйма всяких безделушек и стояла разная посуда. Было во дворце, конечно, и вполне достаточное количество зеркал и водопроводных кранов, чтобы их тоже можно было бить и портить.

В день открытия дворца к нему собрались ребята со всего города. Каждому из них вручили по молотку. Мэр подал знак, и все двери дворца, который можно было ломать, распахнулись.

Жаль, что телевидение не догадалось показать это зрелище! Те, кто видел его своими глазами и слышал своими ушами, уверяют, что можно было подумать — но даже подумать об этом страшно! — будто разразилась третья мировая война.

Словно армия воинственных завоевателей, ринулась толпа ребят на дворец, сметая всё на своём пути. Ребята заполнили все помещения дворца, все комнаты. Грохот от их

молотков стоял такой, что его слышно было по всей Ломбардии и, говорят, даже в Швейцарии.

Те ребята, что были ростом... ну, чуть побольше кошкиного хвоста, облепили огромные, словно эсминцы, шкафы и старательно крошили их, превращая в кучу щепок.

А ребята, что ходят в детский садик, такие славные и милые в своих розовых и голубых передничках, так усердно топтали осколки кофейных сервизов, что превращали их в тончайшую фарфоровую пыль, а затем пудрили ею себе лицо.

К концу первого дня во дворце не осталось ни одного целого стакана. К концу второго дня уже ощущался недостаток стульев. А на третий день ребята принялись за стены. Начали они с последнего этажа и, когда разрушили дворец наполовину, почувствовали, что смертельно устали. Тогда они бросили молотки и, покрытые пылью, словно солдаты Наполеона в песках Египта, шатаясь разбрелись по домам и не ужиная легли спать.

Наконец-то они отвели душу — теперь им больше ничего не хотелось ломать! Все они стали вдруг такими аккуратными, такими прилежными и не ходили, а прямо порхали, как бабочки. И если бы их заставили играть на футбольном поле, уставленном хрустальными стаканами, они не разбили бы ни одного!

Бухгалтер Гамберони снова произвёл кое-какие расчёты и определил, что город Бусто Арсицио получил экономию в два сверхмиллиона с какой-то мелочью.

А развалины дворца — осталось ещё почти четыре этажа — городской совет отдал в распоряжение граждан.

— Можете делать с ними что угодно! — сказал мэр.

И тогда ко дворцу устремились разные сухопарые синьоры с кожаными портфелями под мышкой, двухфокусными очками на носу и молотками в руках — всякие чиновники, нотариусы, служащие. Каждый из них разбивал во дворце что-нибудь — скажем, одну или две стены либо какую-нибудь лестницу — и облегчённо вздыхал:

— Ах, как хорошо! Это гораздо лучше, чем ругаться с женой из-за разбитой чашки!

Они ломали дворец с таким удовольствием, что просто молодели на глазах.

— Это намного лучше, чем ронять пепельницы или тарелки из парадного сервиза, подаренного тётушкой Мириной!...

Словом, все отвели душу в этом дворце.

А старому бухгалтеру Гамберони город Бусто Арсицио вручил в знак благодарности медаль с серебряной дыркой.

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ СЧИТАЛА «АПЧХИ!»

В Гавирате жила одна женщина, которая целыми днями только и делала, что считала, кто сколько раз чихнёт, а потом рассказывала об этом своим приятельницам, и они вместе долго судачили про эти «апчхи!»

— Аптекарь чихнул семь раз! — рассказывала женщина.

— Не может быть!

— Клянусь вам! И пусть у меня отвалится нос, если я говорю неправду! Он чихнул все семь раз ровно за пять минут до того, как пробило полдень!

Они долго обсуждали это событие и наконец пришли к выводу, что аптекарь подливает воду в касторку.

— А священник чихнул четырнадцать раз! — продолжала рассказывать женщина, вся красная от волнения.

— Ты не ошиблась?

— Пусть у меня отвалится нос, если он чихнул хоть одним разом меньше!

— Боже, что станет с миром, если и дальше так пойдёт!

Они снова долго судачили и пришли к выводу, что священник слишком много наливает масла себе в салат.

Однажды эта женщина и её приятельницы (а их было больше, чем дней в неделе) спрятались под окнами синьора Делио, чтобы пошпионить за ним. Но синьор Делио и не думал чихать — он не нюхал табака и не был простужен.

— Ни разу не чихнул! — огорчилась женщина, которая считала «апчхи!». — Должно быть, тут-то и зарыта собака!

— Конечно! — поддержали её приятельницы.

Синьор Делио услышал их разговор. Он взял молодого перца, насыпал его в пульверизатор и незаметно обсыпал сверху сплетниц, что притаились у него под окном.

— Апчхи! — чихнула женщина, которая считала «апчхи!».

— Апчхи! Апчхи! — стали чихать её приятельницы и никак не могли остановиться.

— Я чихнула больше, чем вы! — заявила вдруг женщина, которая считала «апчхи!».

— Нет, мы чихнули больше! — закричали приятельницы. Тут женщины вцепились друг другу в волосы и давай колошматить одна другую. Платья на них порвались, и у каждой оказалось по выбитому зубу.

С тех пор женщина, которая считала «апчхи!», перестала разговаривать со своими приятельницами. Она купила себе записную книжку с карандашом и стала ходить одна-одинёшенька. Каждое «апчхи!» она отмечала в записной книжке плюси-ком.

Когда она умерла и люди нашли её записную книжку, заполненную плюсиками, они удивились:

— Смотрите, должно быть, она отмечала этими плюсиками все свои добрые дела! Как много добра она сделала людям! Уж если она не попадёт в рай, то нас и подавно туда не пустят!

СТРАНА, ГДЕ НЕТ НИЧЕГО ОСТРОГО

Джованнино-Бездельник очень любил путешествовать. Путешествовал он, путешествовал и оказался в удивительной стране, где дома строили без углов — они были круглые. И крыши тоже ставили не углом, а плавно закругляли. Вдоль дороги, по которой шёл Джованнино, тянулась живая изгородь из кустов роз, и ему, конечно, захотелось вдеть одну розу в петлицу своей курточки. Он хотел осторожно, чтобы не уколоться о шипы, сорвать цветок, как вдруг заметил, что шипы нисколько не колются, — они, оказывается, вовсе не острые и только слегка щекочут руку.

— Чудеса, да и только! — удивился Джованнино.

В ту же минуту из-за куста с розами появился городской стражник, и, очень вежливо улыбаясь, спросил его:

— Вы, должно быть, не знаете, что нельзя рвать розы?

— Мне очень жаль... Я не подумал...

— Тогда вам придётся заплатить только половину штрафа, — сказал стражник всё с той же приветливой улыбкой и стал выписывать квитанцию. Джованнино заметил, что карандаш у него был не заточен — совсем тупой, и спросил стражника:

— Простите, а можно взглянуть на вашу саблю?

— Пожалуйста, — ответил тот и протянул Джованнино свою саблю. Она тоже оказалась не острой, а тупой — без острия.

— Так что же это за страна такая? — удивился Джованнино. — Куда я попал? Здесь всё так странно!

— Это страна, где нет ничего острого, — объяснил стражник, и так вежливо, что писать все его слова надо было бы только с заглавной буквы.

— А как же гвозди? — удивился Джованнино. — Они ведь должны быть острыми!

— Мы давно уже обходимся без них. Ведь есть клей! А теперь, будьте добры, дайте мне две пощёчины.

От изумления Джованнино широко открыл рот, будто собирался проглотить сразу целый торт.

— Что вы! — воскликнул он наконец. — Я вовсе не хочу оказаться в тюрьме за оскорбление городского стражника. Уж если на то пошло, так это я должен получить две пощёчины, а не вы.

— Но у нас так принято, — любезно объяснил стражник, — полный штраф — это четыре пощёчины, а половина штрафа — две.

— Две пощёчины — стражнику?

— Стражнику.

— Но это ужасно несправедливо! Так нельзя!

— Конечно, несправедливо! Конечно, так нельзя! — ответил стражник. — Это настолько несправедливо и ужасно, что люди, чтобы не давать пощёчин ни в чём не повинным стражникам, просто не де-

лают ничего такого, что запрещается законом и за что приходится брать штраф. Ну, так я жду — дайте мне две пощёчины! И в другой раз, синьор путешественник, вы, конечно, будете осторожнее, не так ли?

— Но я не хотел бы даже ущипнуть вас за щёку, не то что ударить!

— В таком случае я вынужден проводить вас до границы и предложить покинуть нашу страну!

И Джованнино, ужасно пристыжённый, вынужден был покинуть страну, где нет ничего острого. Однако он до сих пор всё ещё мечтает вернуться туда, чтобы жить по самым вежливым законам на свете, среди самых воспитанных людей, в домике, где нет ничего острого.

СТРАНА, ГДЕ ВСЕ СЛОВА НАЧИНАЮТСЯ С «НЕ»

Да, Джованнино-Бездельник был заядлым путешественником. Путешествовал он, путешествовал и оказался ещё в одной удивительной стране. Здесь все слова начинались с частицы «НЕ».

— Что же это за страна такая? — спросил он у одного горожанина, что отдыхал в тени под деревом.

Горожанин вместо ответа достал из кармана перочинный нож и протянул его на ладони Джованнино.

— Видишь?

— Вижу. Ножик.

— Ничего подобного! Никакой это не ножик. Это неножик, то есть ножик, у которого впереди «не». Он служит для того, чтобы огрызки карандашей превращать в новые карандаши. Это очень полезная вещь для школьников.

— Великолепно! — удивился Джованнино. — А ещё что?

— А ещё у нас есть невешалка.

— То есть вы хотите сказать — вешалка?

— Нет, именно то, что я хотел сказать — невешалка. От вешалки мало проку, если на неё ничего вешать. А вот с нашей невешалкой совсем иначе. На неё не надо ничего вешать, на неё уже всё повешено. Если

тебе нужно пальто, иди и сними его. А если кому-нибудь нужен пиджак, то незачем ходить в магазин и покупать его. Надо только подойти к невешалке и снять его оттуда. У нас есть невешалки летние и невешалки зимние, невешалки для мужчин и отдельно — для женщин. Это сберегает нам деньги.

— Прекрасно! А ещё что?

— Ещё у нас есть нефотоаппарат, который, вместо того чтобы делать обычные снимки, делает карикатуры, и людям становится весело. Ещё у нас есть непушка.

— Уфф! Как страшно!

— Ничуть! Непушка — это совсем не то, что пушка. Она служит для того, чтобы прекращать войну.

— А как же она действует?

— Очень просто! Даже ребёнок может управлять ею. Если начинается война, мы сразу же трубим в нетрубу, стреляем из непушки, и война тотчас же прекращается.

Какая прелесть эта страна, где все слова начинаются с «НЕ»!

СТРАНА, ГДЕ ВСЕ ЛЮДИ СДЕЛАНЫ ИЗ МАСЛА

Однажды Джованнино-Бездельник, великий путешественник и землепроходец, оказался в стране, где все люди сделаны из масла. На солнце они таяли, и поэтому им приходилось всё время укрываться в тени и прятаться в прохладе. И жили они в городе, где вместо домов повсюду стояли огромные холодильники. Джованнино ходил по улицам этого странного города и видел, как жители сидят у окон своих домов-холодильников, положив на голову пузырь со льдом. На двери каждого холодильника висел телефон, чтобы можно было разговаривать с его обитателями.

— Алло! — сказал Джованнино, сняв трубку у одного из холодильников.

— Алло! — ответили ему.

— Кто говорит? — спросил Джованнино.

— Король страны, где все люди сделаны из масла. А я сбит из сливок высшего сорта, снятых с молока

лучших швейцарских коров. Вы обратили внимание на мой холодильник?

— Нет, а что? Ах вот в чём дело! Он же из чистого золота!.. А вы что, так никогда и не выходите из него?

— Отчего же, иногда выхожу. Зимой. В сильный мороз. И катаюсь в ледяном автомобиле.

— А если, пока ваше величество гуляет, выглянет солнце— что тогда?

— Не может оно выглянуть! Это запрещено! Я бы тотчас же приказал моим солдатам посадить его в тюрьму!

— Как бы не так!— сказал Джованнино, бросил трубку и отправился путешествовать в другую страну.

ПРО АЛИСУ, С КОТОРОЙ ВСЕГДА ЧТО-ТО СЛУЧАЛОСЬ

А эта сказка про Алису, которая вечно куда-нибудь пропадала.

Ищет, к примеру, её дедушка, чтобы пойти с ней в сад погулять:

- Алиса! Где ты, Алиса?!
- Я здесь, дедушка!
- Да где здесь-то?

— В будильнике.

Ну да, она правду сказала. А случилось вот что. Открыла Алиса окошечко, что на задней стенке будильника,—уж очень захотелось заглянуть туда,—глазом моргнуть не успела, как тут же оказалась внутри, прямо в механизме, среди пружинок и зубчатых колёсиков. А они ведь движутся, не стоят на месте. Пришлось и Алисе всё время прыгать с зубца на зубец, чтобы не пропасть, не погибнуть под колёсиками, которые, не умолкая ни на секунду, приговаривали: «Тик-так! Тик-так! Тик-так!»

А в другой раз дедушка искал Алису, чтобы накормить завтраком:

— Алиса! Где ты, Алиса?

— Я здесь, дедушка.

— Да где здесь-то?

— Ой, ну совсем рядом! В бутылке.

— Как же ты туда попала?

— Мне захотелось пить, и я только заглянула в горлышко...

Ну конечно, она оказалась в бутылке! И теперь барахталась там, чтобы не утонуть. Хорошо ещё, что летом, когда её возили в Сперлонгу, она научилась плавать по-лягушачьи.

— Ну потерпи немного. Сейчас я тебя вытащу,—сказал дедушка.

Он затолкнул в бутылку верёвку. Алиса ухвати-лась за неё, ловко вскарабкалась вверх и вылезла наружу. Вот когда она поняла, как хорошо, что занималась гимнастикой.

А однажды Алиса совсем пропала. Искал её дедушка, искала её бабушка, искала её соседка, которая всегда приходила читать дедушке газету, чтобы не покупать самой и сэкономить на этом сорок лир.

— Боже! Вот беда-то какая!—шептала перепуганная бабушка.

— Что-то скажут её родители, когда вернутся с работы!

— Алиса! Алиса! Где ты, Алиса?

Только на этот раз девочка не откликнулась. Потому что она не могла откликнуться. Путешествуя по кухне и заглядывая всюду, куда только можно было сунуть свой любопытный нос, она попала в ящик, где всегда лежали скатерти и салфетки. Попала туда, да

и заснула там на мягких салфетках. Кто-то задвинул ящик, не заметив Алису. И в самом деле, кому может прийти в голову, что там Алиса.

Когда же Алиса проснулась, то оказалась в полной темноте. Но она нисколько не испугалась. Однажды ей уже довелось побывать в таком же положении — когда она попала в водопроводный кран. Вот там действительно было темно, пожалуй, ещё темнее, чем в ящике.

«Скоро, наверное, будут накрывать на стол к ужину,— подумала Алиса.— Тогда и откроют ящик, чтобы достать скатерть». Но разве кто-нибудь мог думать об ужине, когда Алиса пропала? Конечно, всем было не до ужина. Родители девочки пришли с работы и очень рассердились на дедушку и бабушку:

— Хорошо же вы смотрите за ребёнком!

— Но наши дети не забирались в водопроводные краны,— возразили дедушка и бабушка.— В наше время дети падали только с кровати и если получали при этом лишнюю шишку, то это было не так уж страшно.

Наконец Алисе надоело ждать, пока кто-нибудь догадается открыть ящик. Она разрыла скатерти и салфетки, добралась до дна ящика и стала сильно топтать ногами:

— Тук! Тук! Тук!

— Тише! — попросил папа.— По-моему, где-то стучат.

— Тук! Тук! Тук! — продолжала топтать Алиса.

Как же её обнимали и целовали, когда нашли наконец! И Алиса не растерялась — она воспользовалась случаем и тут же оказалась в кармане папиного пиджака. А когда её вытащили и оттуда, увидели, что она успела перепачкаться в чернилах, потому что уже наигралась с папиной шариковой ручкой.

ШОКОЛАДНАЯ ДОРОГА

Жили в Барлетте три маленьких мальчика — трое братишек. Гуляли они как-то за городом, и попалась им совершенно неожиданно какая-то странная дорога — ровная, гладкая и вся коричневая.

— Из чего, интересно, сделана эта дорога? — спросил старший брат.

— Не знаю из чего, но только не из досок,— ответил средний брат.

— И на асфальт это не похоже,— добавил младший брат.

Гадали они, гадали, а потом опустились на коленки да и лизнули дорогу языком.

А дорога-то, оказывается, вся была выложена плитками шоколада. Ну братья, разумеется, не растерялись — принялись лакомиться. Кусочек за кусочком — не заметили, как и вечер наступил. А они всё уплетают шоколад. Так и съели всю дорогу! Ни кусочка от неё не осталось. Как будто и не было вовсе ни дороги, ни шоколада!

— Где же это мы оказались? — говорит старший брат.

— Не знаю где, но только это не Бари! — ответил средний брат.

— И конечно, мы не в Моlette,— добавил младший брат.

Растерялись братья — не знают, что и делать. По счастью, вышел тут им навстречу крестьянин, возвращавшийся с поля со своей тележкой.

— Давайте отвезу вас домой,— предложил он. И отвёз братьев в Барлетту, прямо к самому дому.

Стали братья вылезать из тележки и вдруг увидели, что тележка-то вся сделана из печенья. Обрадовались братья и, недолго думая, принялись уплетать её за обе щеки. Ничего не осталось от тележки — ни колёс, ни оглобель. Всё съели.

Вот как повезло однажды трём маленьким братьям из Барлетты. Никогда ещё никому так не везло, и кто знает, повезёт ли ещё когда-нибудь.

КАК ПРИДУМЫВАЮТ ЧИСЛА

— Давайте придумывать числа?!

— Давайте. Чур, я первый! Почти-один, почти-два, почти-три, почти-четыре, почти-пять, почти-шесть...

— Это слишком маленькие числа. Послушай мои. Один сверх-миллион биллионов! Одна восьмица миллионниц! Один удиви-удивятище и один изумилище!

— Подумаешь! А я могу целую таблицу умножения придумать! Вот смотри!

Трижды один — Паолина и Мартин!
Трижды два — вкусная халва!
Трижды три — нос скорей утри!
Трижды четыре — шоколад, вкуснейший в мире!
Трижды пять — ошибся опять!
Трижды шесть — я хочу есть!
Трижды семь — никогда я суп не ем!
Трижды восемь — милости просим!
Трижды девять — мир слезам не верит!
Трижды десять — ничего не весят!
— Скажи-ка быстро, сколько стоит эта коврижка?
— Дважды «надеру-уши»!
— А сколько отсюда до Милана?
— Тысяча километров новых, один километр совсем уже старый и семь шоколадок!
— Сколько весит слеза?
— А это по-разному. Слеза капризного мальчика весит меньше ветра. Слеза голодного мальчика — тяжелее всей Земли!
— Очень длинная получилась сказка?
— Слишком!
— Давай напоследок придумаем ещё несколько чисел. Знаешь, как считают в Модене? Раз-и-раз, двас-и-двас, трижды-трижки, четыре коврижки и пяток ко-черыжек.
— А я посчитаю, как в Риме. Разик, двазик, третий тазик, а дальше считай как знаешь...

БРИФ! БРУФ! БРАФ!

Двое ребятишек мирно играли у себя во дворе. Они придумывали особый язык, чтобы можно было разговаривать только друг с другом и чтоб никто больше не понимал их.

— Бриф, бруф! — сказал первый мальчик.

— Бруф, броф! — ответил другой. И они весело рассмеялись.

На балконе второго этажа сидел старый добрый синьор, читал газету. А в окно напротив него выглядывала старая синьора — синьора так себе: ни плохая, ни хорошая.

— Какие глупые эти ребята! — сказала синьора.

Но синьор не согласился с нею.

— Я этого не нахожу,— возразил он.

— Не станете же вы утверждать, будто поняли, что они говорят?! — спросила синьора.

— Отлично понял! Первый мальчик сказал: «Какой сегодня чудесный день!» А другой ответил: «Завтра будет ещё лучше!»

Синьора поморщилась, но промолчала, потому что в это время ребята снова заговорили на своём языке.

— Мараски, барабаски, пимпиримоски! — сказал первый мальчик.

— Бруф! — ответил другой. И они снова стали смеяться.

— Неужели и на этот раз вы будете уверять, что поняли их? — рассердилась старая синьора.

— Конечно! — ответил, улыбаясь, старый добрый синьор.— Первый сказал: «Как хорошо, что мы живем на земле!» А второй ответил: «Мир так чудесен!»

— Неужели он и в самом деле так чудесен?! — удивилась старая синьора.

— Бриф! Бруф! Браф! — ответил ей старый синьор.

КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК КУПИЛ ГОРОД СТОКГОЛЬМ

Кто угодно бывает на базаре в Гавирате. И уж конечно, попадают там пройдохи, которые торгуют где придётся и чем попало.

А однажды в базарный день появился на рынке человек, который продавал какие-то совсем необычные вещи: гору Монблан, что в Альпах, Индийский океан, Лунные моря... Язык у этого человека был так хорошо подвешен, что через час у него остался только один город — Стокгольм.

Город этот купил парикмахер. Вместо платы он побрил торговца и освежил одеколоном. А затем повесил на самом видном месте между зеркалами большое удостоверение о том, что он является владельцем города Стокгольма. Парикмахер с гордостью показывал этот документ всем своим клиентам и с удовольствием отвечал на их расспросы:

— Это город в Швеции, и не просто какой-нибудь захудалый городишко, а столица! Там живёт около

миллиона человек! И все они, разумеется, принадлежат мне. Там есть ещё море, понятно, но я пока не знаком с его владельцем...

Мало-помалу парикмахер скопил денег на дорогу и спустя год отправился в Швецию — надо же наконец посмотреть на свои владения.

Стокгольм очень понравился ему. Он нашёл, что это прекрасный город, а шведы — милейший народ. Только вот беда: шведы ни слова не понимали из того, что он говорил им, и он тоже ни полслова не понимал из того, что они отвечали ему.

— Знаете ли вы, кто хозяин вашего города? Вам сообщили, что хозяин его я?

Шведы улыбались и кивали головами, как бы отвечая — да. Ведь они не понимали, что он говорит, но были людьми вежливыми и воспитанными. Бесконечно довольный, парикмахер потирал руки:

— Такой город! Подумать только, как дёшево я заплатил за него — всего-навсего стрижкой с одёлоном отделался!

И всё же он ошибался, этот парикмахер. Он слишком много заплатил за него — переплатил! Ему невдомёк было, что каждому ребёнку, который появляется на свет, принадлежит весь мир, и ему ничего не надо платить за него — ни единого сольда! Ему нужно только засучить рукава, хорошо поработать, и всё на земле окажется в его руках.

КАК ДЖОВАННИНО ПОТРОГАЛ КОРОЛЯ ЗА НОС

Однажды Джованнини-Бездельник решил побывать в Риме, чтобы потрогать короля за нос. Друзья отговаривали его:

— Смотри, опасное это дело! Рассердится король — и расстанешься ты со своим собственным носом, а заодно и с головой!

Но Джованнини был упрямым человеком. Собираясь в путь, он решил для практики потрогать за нос священника, мэра и фельдфебеля. Он сделал это так ловко и осторожно, что те даже ничего не заметили.

— Не так уж это трудно! — решил Джованнини и отправился в путь.

Приехал он в соседний город, узнал, где живут мэр и судья, явился к ним с визитом и всех по очереди тоже потрогал за нос — кого одним пальцем, а кого и двумя. Важным особам это не очень понравилось, — ведь он поначалу казался вполне воспитанным человеком и умел разговаривать почти про всё что угодно. Мэр посердился про себя немного, а потом всё-таки спросил:

— Зачем вы трогаете меня за нос?

— Что вы, господин председатель! — воскликнул Джованнино. — Это была муха!

Председатель посмотрел по сторонам и не увидел ни мухи, ни комара, но Джованнино уже успел откланяться и удалиться, не забыв затворить за собой дверь.

У Джованнино была тетрадка. Он вёл в ней счёт всем носам, которые ему удалось потрогать. Всё это были важные носы.

В Риме, однако, число носов росло так быстро, что Джованнино пришлось купить тетрадку потолще. Сто-

ило пройти немного по любой улице, как непременно встречались ему пара каких-нибудь сиятельств, несколько бывших министров и десятков-другой генералов. О разных председателях и говорить нечего — в Риме их было больше, чем нищих.

И все эти сиятельные носы были прямо под руками. Когда Джованнино трогал их, все они принимали этот жест как знак уважения к ним. А один крупный начальник даже порекомендовал своим подчинённым узаконить новый обычай, советуя поступать так же.

— Отныне и впредь вместо поклона можете трогать меня за нос! — заявил он. — Это более современная и более утончённая манера.

Вначале подчинённые с опаской протягивали руки к носам своих начальников. Но те подбадривали их, широко улыбаясь. И тогда началось — все стали трогать, щупать, щипать и дёргать за нос своих начальников. Высокопоставленные носы стали красными и заблестели от удовольствия.

Джованнино не забыл, однако, ради чего он приехал в Рим, — ему надо было потрогать за нос короля. И он ждал удобного случая. Случай этот представился в день королевского выезда. Джованнино заметил, что время от времени кто-нибудь выбегал из толпы, вскакивал на подножку королевской кареты и вручал королю пакет, конечно, с каким-нибудь прошением. Король, улыбаясь, передавал пакет первому министру.

Когда карета оказалась рядом с Джованнино, он тоже вскочил на подножку и, пока король благосклонно улыбался ему, сказал:

— С вашего позволения! — протянул руку и указательным пальцем потёр королю кончик носа.

Король тотчас же и сам с изумлением потрогал свой нос, открыл было рот, чтобы что-то приказать, но Джованнино уже спрыгнул с подножки и скрылся в толпе. Кругом раздались шумные аплодисменты, и тотчас же все с восторгом поспешили последовать примеру Джованнино: один за другим люди взбирались на подножку кареты, хватали короля за нос и как следует дёргали его.

— Не беспокойтесь, ваше величество! Это новый знак внимания! — шепнул на ухо королю первый министр и натянуто улыбнулся.

Но королю было уже совсем не до улыбок: нос у него распух и заболел, начался насморк. Он не успевал даже прикладывать платок, потому что его верные подданные не давали ему ни минутки покоя и, смеясь, продолжали весело дёргать короля за нос.

Словом, король уже мечтал только об одном — как бы остаться с носом!

А Джованнино предовольный вернулся в родное село.

ЗНАМЕНИТЫЙ ДОЖДЬ В ПЬОМБИНО

Однажды в Пьембино дождём посыпались с неба конфеты. Конфеты падали большие, словно градины, но не белые, а разноцветные — красные, зелёные, голубые, фиолетовые. Один мальчик взял в рот зелёную конфету — просто так, чтобы попробовать, и обнару-

жил, что она мятная. А другой попробовал красную, и оказалось, что конфета земляничная.

— Да это настоящие конфеты! Самые настоящие! — обрадовались ребята и бросились набивать ими карманы. Но сколько они ни собирали, конфет меньше не становилось — они по-прежнему дождём сыпались с неба.

Дождь этот шёл недолго, и всё же улицы в городе сплошь покрылись, словно ковром, душистыми конфетами, которые похрустывали под ногами, как мелкие льдинки. Ребята, возвращавшиеся из школы, успели ещё наполнить сладостями свои портфели. И старушки тоже несли домой узелки с конфетами.

Это был великолепный праздник!

До сих пор люди ждут, что с неба опять посыплется конфеты, но облако, из которого они сыпались дождём, больше не появлялось ни над Пьомбино, ни над Турином и, вероятно, никогда не пройдёт даже над Кремоной.

КАРУСЕЛЬ В ЧЕЗЕНАТИКО

Однажды в Чезенатики появилась на берегу моря карусель — шесть деревянных лошадок и шесть красных, довольно облезлых автомобилей — для ребят с более современными вкусами. Невысокий человек вручную раскачивал карусель. Он был маленький, хмурый, худой и лицом походил на тех людей, которые день едят, а два нет. Словом, это была не бог весть какая карусель, но ребятам она, должно быть, казалась намазанной мёдом, потому что они так и тянулись к ней, упрашивая родителей покатасть их.

— Да что она, в самом деле намазана мёдом, что ли? — удивлялись мамы и предлагали ребятам: — Давайте пойдём смотреть дельфинов в канале! Или сходим в кафе, где есть кресла-качалки!

Но где там! Ребятам подавай карусель, да и только!

Как-то вечером один старый синьор посадил своего внука в красный автомобиль, а сам тоже поднялся на карусель и сел на деревянную лошадку. Ему было неудобно сидеть на ней — ноги у него были длинные

и волочились по земле, и синьор смеялся. Но едва карусель закружилась... Что за чудеса! Старый синьор в одно мгновение оказался выше самого высокого небоскрёба в Чезенатико, и его лошадка поскакала по воздуху прямо к облакам. Синьор посмотрел вниз и увидел сразу всю Романью — провинцию, в которой он жил, — затем всю Италию, а потом и всю Землю, которая удалялась куда-то под стук копыт его лошади. Скоро она стала походить на маленькую голубую карусель, которая кружилась и кружилась, показывая один за другим свои материки и океаны, словно нарисованные на глобусе.

— Куда же мы едем? — удивился синьор, как вдруг увидел своего внука. Тот сидел за рулём красного, догольно облезлого автомобиля, который превратился теперь в космический корабль. Затем он рассмотрел и остальных ребят. Они спокойно и уверенно правили — кто рулём; а кто вожжами. И все мчались по своим орбитам, будто искусственные спутники.

А человек, который крутил карусель, был уже уж как далеко! Но снизу ещё доносилась заигранная популярная песенка, под которую крутилась карусель.

«Тут, пожалуй, не без колдовства! — решил старый синьор. — Этот человек, наверное, волшебник! — И спустя немного ещё подумал: — Если мы облетим вокруг Земли, пока звучит эта песенка, то, пожалуй, побьём рекорд Гагарина...»

В это время небесный караван пролетал над Тихим океаном со всеми его островками, а потом над Австралией со скачущими кенгуру, над Южным полюсом, где миллионы пингвинов стояли, задрав кверху головами. Сочитать их не было времени, потому что на их месте уже появились американские индейцы, сигнализировавшие дымом костров, а затем небоскрёбы Нью-Йорка, а потом ещё один небоскрёб — в Чезенатико. Мумина умолила. Старый синьор изумлённо оглянулся по сторонам: он снова сидел на издававшей вид тихой карусели, в родном городе, на берегу Адриатического моря. Хмурый, худой человек медленно и осторожно — чтобы не было толчков — останавливал карусель.

Старый синьор, пошатываясь, сошёл на землю.

— Скажите...— обратился он к хмурому человеку. Но тому некогда было слушать его. Другие ребята уже уселись на лошадок, в машины, и карусель отправлялась в новое кругосветное путешествие.

— Скажите... — снова смущённо заговорил старый синьор.

Хмурый человек даже не взглянул на него. Он раскручивал карусель. И вот уже замелькали весёлые лица ребят, которые искали глазами своих пап и мам, стоявших у карусели и ободряюще улыбавшихся.

«Волшебник он или не волшебник, этот полунищий человек? А эта смешная машина, что крутится под звуки заигранной пластинки, это волшебная карусель? Ладно,— решил старый синьор,— лучше я никому не стану говорить про это. Ещё посмеются надо мной, скажут: «Разве вы не знаете, что в нашем возрасте опасно кататься на карусели — может закружиться голова?!»

НА ПЛЯЖЕ В ОСТИИ

Неподалёку от Рима, на берегу моря, есть небольшой городок Остия. Летом римляне ездят туда купаться и загорать. Народу приезжает так много, что негде даже детской лопаткой копнуть песок. И тому, кто приходит на пляж позже всех, просто негде расположиться.

Как-то раз пришёл на пляж один очень странный синьор, весёлый и к тому же большой выдумщик. Он пришёл позже всех и, конечно, не нашёл места, чтобы поставить свой зонт от солнца. Тогда он раскрыл его, покрутил немного ручку, и вдруг зонтик сам собой поднялся в воздух, пролетел над тысячами других зонтов, что стояли на песке, и прилетел к самому берегу моря, но не опустился на землю — опуститься было некуда, — а повис в воздухе метрах в двух-трёх над землёй. Изобретательный синьор разложил свой шезлонг, и он тоже повис в воздухе. Синьор расположился в шезлонге в тени зонта, достал из кармана книжку и стал читать, наслаждаясь солёным и целебным морским воздухом.

Сначала его даже не заметили. Все спокойно сидели под своими зонтами. Одни пытались разглядеть хотя бы краешек моря из-за торчащих впереди голов. Другие решали кроссворды, а третьи просто дремали. Но на небо никто и не смотрел. Вдруг что-то упало на зонт одной синьоры. Она подумала, что это мяч, и встала, чтобы отругать расшалившихся ребят. Оглянувшись туда, сюда, но не нашла озорников, взглянула наверх и увидела весёлого синьора, висевшего в своём шезлонге прямо у неё над головой.

— Простите, у меня упала книжка. Бросьте мне её, пожалуйста, сюда, будьте любезны! — сказал ей синьор.

Синьора так удивилась, что тут же упала как подкошенная. К ней подбежали родственники, помогли подняться. Синьора была такая толстая, что сама никак не могла встать. Она не в силах была даже слово промолвить от испуга и только молча показывала пальцем на висящий в воздухе зонт.

— Будьте любезны, — повторил синьор как ни в чём не бывало, — бросьте мне сюда мою книжку.

— Разве вы не видите, что напугали нашу тётушку? — услышал он в ответ.

— Мне очень жаль, но я не хотел этого!

— И вообще спускайтесь отсюда! Висеть в воздухе запрещено!

— Ничего подобного! Я устроился тут, потому что на пляже нет места. Я ведь тоже заплатил денег за вход!

Теперь весёлого синьора увидели уже все отдыхавшие на пляже, стали показывать на него пальцем и громко смеяться.

— Смотрите-ка на него, — говорили люди, — у него там, наверное, зонтик с ракетным двигателем!

— Синьор Гагарин! — кричали другие. — А нас не прихватите к себе?!

Какой-то мальчик бросил синьору его книжку, и тот, найдя нужную страницу, снова принялся читать. Постепенно люди успокоились и перестали обращать на него внимание. Только ребята то и дело с заинтересованностью посматривали на него, а самые смелые кричали:

- Синьор, а синьор!
- Ну, что вам?
- Научите и нас тоже летать!

Но синьор фырчал в ответ что-то непонятное и снова принимался читать.

Вечером зонт с лёгким свистом тронулся с места и пролетел над всем пляжем. Изобретательный синьор приземлился на дороге прямо у своего мотоцикла, сел на него и уехал.

И никто так и не узнал, что это был за синьор и где ему удалось купить свой зонт.

ПРО МЫШОНКА ИЗ КНИЖОНКИ

Этот мышонок всю свою жизнь прожил в тоненькой дешёвенькой книжонке — знаете, из тех, в которых печатают рассказы в картинках. Надоело мышонку жить в этой книжке, и решил он поменять себе квартиру — найти другую, где бумага была бы лучше на вкус и хотя бы пахла сыром. Собрал он все свои силёнки и как прыгнет!.. Так он и оказался вдруг в настоящем мире, среди настоящих живых мышей.

— Скуаш! — сразу же испугался он, почуяв запах кошки.

— Что он сказал? — удивились мыши, поражённые столь непонятным языком.

— Сплум, бах, плюм! — сказал мышонок, который умел говорить только на том языке, на каком делались надписи к рисункам в его книжонке.

— Наверное, он иностранец! — заметила одна старая корабельная мышь, которая, прежде чем уйти на пенсию, служила на Средиземном море. И она попыталась заговорить с ним по-английски.

Но мышонок посмотрел на неё, ничего не понимая, и сказал:

— Циип, фниш, бромк.

— Нет, она не англичанка, — заметила корабельная мышь.

— Тогда кто же?

— Пойди разбери кто!

Так и прозвали мышонка — Пойди-Разбери — и относились к нему как к деревенскому дурачку.

— Пойди-Разбери, — спрашивали его, — какой сыр

тебе больше по душе — пармиджанский или пошехонский?

— Сплинг, гронг, цицицаир,— ответил мышонок из книжонки.

— Спокойной ночи! — смеялись мыши. А самые маленькие мышата вдобавок дёргали его за хвост — им хотелось послушать, как он смешно будет сердиться:

— Цоонг, сплаш, скуарр!

Однажды мыши отправились на мельницу, где лежало много мешков с белой и жёлтой мукой. Мыши погрызли мешки и принялись уплетать муку. Только и слышно было, как они дружно щёлкают зубами:

— Крик, крик, крик!

Впрочем, так делают все мыши на свете. Только мышонок из книжонки щёлкал зубами совсем по-другому:

— Крек, скрек, скерекек.

— Научись хотя бы есть, как порядочные люди,— проворчала корабельная мышь.— Будь ты на корабле, тебя за это уже давно выбросили бы в море. Ты понимаешь хотя бы, что неприятно слушать твоё чавканье?

— Кренг,— ответил мышонок из книжонки и снова забрался в мешок с мукой.

Корабельная мышь подала остальным мышам знак, и все они тихо-тихо удалились, покинув «иностранца» на произвол судьбы, уверенные, что он не найдёт дорогу домой.

Мышонок как ни в чём не бывало продолжал лакомиться мукой. А когда заметил наконец, что остался один, было уже слишком темно, чтобы возвращаться домой. И он решил провести ночь на мельнице. Он уже и задремал было, как вдруг в темноте вспыхнули два жёлтых семафора и послышались осторожные шаги четвероногого охотника. Это был кот!

— Скуаш! — в ужасе воскликнул мышонок.

— Граграньяу! — ответил ему кот. Он, оказывается, тоже был из книжки! И настоящие коты прогнали его, потому что он не умел говорить «мяу» как полагается.

Оба изгнанника обнялись, поклялись в вечной дружбе и всю ночь провели в разговорах на своём странном книжном языке. Они прекрасно понимали друг друга!

ИСТОРИЯ КОРОЛЕВСТВА ОБЖОРИЯ

В далёком древнем королевстве Обжория, что лежит на восток от герцогства Пей-до-дна, первым королём был когда-то Обжорий Железный Желудок. Его прозвали так за то, что он, уничтожая макароны, с хрустом сжёвывал и тарелки, на которых они подавались, и отлично переваривал всё это.

Его сменил на троне Обжорий Второй по прозвищу Три Ложки: потому что он ел суп сразу тремя серебряными ложками — две он держал сам, а третью ему подносила ко рту королева, и горе ей, если ложка была неполной.

Трон королевства Обжория возвышался во главе громадного стола, который с утра до ночи был уставлен кушаньями и завален всякой снедью. Понятно, что от королей отбоя не было. Один за другим на трон избирались:

Обжорий Третий, Любитель Закуски.

Обжорий Четвёртый, Свинная Отбивная.

Обжорий Пятый, Вечно Голодный.

Обжорий Шестой, Фаршированный Индюк.

Обжорий Седьмой, Дай Добавку. Он был знаменит ещё тем, что съел даже свою корону, а она ведь была из кованого железа.

Обжорий Восьмой, Сырная Крошка. Про него рассказывают, что, когда на столе уже не оставалось ни крошки, он съедал скатерть.

Обжорий Девятый, Стальная Челюсть. Он кончил тем, что съел трон со всеми подушками.

Так и окончилась династия королей Обжориев.

КАК АЛИСА В МОРЕ ПОБЫВАЛА

Однажды пошла Алиса купаться в море, и так оно ей понравилось, что она ни за что не захотела вылезать из воды.

— Алиса, хватит, вылезай! — кричала ей мама.

— Сейчас, сейчас! — отвечала Алиса.

А сама думала: «Буду сидеть в воде до тех пор, пока у меня не вырастут плавники и я не превращусь в рыбку».

И с тех пор каждый вечер, прежде чем улечься в постель, она подходила к зеркалу и смотрела, не прорезались ли у неё плавники, или, быть может, прежде начнёт появляться серебристая чешуя? Но каждый раз она находила на своих плечиках только несколько песчинок, и то если она не слишком старательно мылась в душе.

Однажды утром она пришла на пляж раньше обычного и встретила там мальчика, который собирал морских ежей и моллюсков. Мальчик был сыном рыбака и прекрасно разбирался во всём, что касается моря.

— А не знаешь ли ты, как превратиться в рыбу? — спросила у него Алиса.

— Ну, это проще простого! — ответил мальчик. — Могу хоть сейчас показать.

Он положил на камень узелок с ежами и моллюсками и прыгнул в море. Прошла минута, прошла другая, а мальчик всё не всплывал на поверхность. А в том месте, где он нырнул, вдруг показался из воды дельфин и давай кувыркаться между волнами и вздымать к небу весёлые фонтаны брызг. Он играл и резвился у самых ног Алисы, и она нисколько его не боялась.

Наигравшись, дельфин легко взмахнул хвостом и уплыл в море. А на том месте, где только что был дельфин, вдруг появился мальчик.

-- Видела, как это просто? — улыбнулся он.

-- Видела, — ответила Алиса, — только у меня, наверное, не получится.

-- А ты попробуй.

Алиса бултыхнулась в воду. Ей очень хотелось стать какой-нибудь морской звездой. Но тут с ней, конечно же, приключилась беда: Алиса опустилась на большую двустворчатую раковину, которой как раз

в этот момент захотелось зевнуть. Едва Алиса коснулась раковины, она тут же захлопнулась и заперла Алису вместе со всеми её мечтами.

«Ну вот, опять я куда-то попала!» — подумала девочка.

Но какая тишина, какая свежесть и покой царили тут, на дне морском. Хорошо было бы остаться тут навсегда и жить на дне моря, как когда-то в давние времена жили русалки. Алиса вздохнула. Она вспомнила о маме. Бедная мама, наверное, думает, что её дочь уже в постели! Потом Алиса вспомнила о папе, который как раз сегодня вечером должен приехать из города, потому что была суббота.

— Нет, не могу я оставить их одних! Ведь они так любят меня! На этот раз я уж так и быть вернусь на землю.

Она изо всех сил уперлась руками и ногами в створки раковины, приоткрыла их, выскользнула наружу и скорее поплыла наверх.

Вынырнула она на поверхность и увидела, что мальчик, который собирал морских ежей и моллюсков, был уже далеко.

Алиса побежала домой. Она никогда и никому не рассказывала о том, что с ней приключилось в море.

ВОЙНА КОЛОКОЛОВ

Шла однажды война, большая и ужасная война между двумя государствами. Очень много солдат тогда полегло на поле боя. Мы были на нашей стороне, а враги — на своей. Стрельба шла день и ночь, но война всё никак не кончалась, и нам стало не хватать брони для пушек, кончилось железо для пулемётов и так далее.

Тогда наш командующий Сверхгенерал Стреляй-мимо приказал снять колокола со всех колоколен и отлить из них одну огромную пушку — только одну, но такую большую, чтобы можно было выиграть войну с одного выстрела.

Чтобы поднять эту пушку, нужно было сто тысяч подъёмных кранов, а чтобы отвезти её на фронт — де-

вяносто семь поездов. Сверхгенерал потирал руки от удовольствия и говорил:

— Стоит только выстрелить из этой пушки, как враги пустятся наутёк и доедут до самой Луны.

И вот настал торжественный момент. Сверхпушку нацелили на врагов. Мы заткнули уши ватой, потому что от грохота выстрела у нас могли лопнуть барабанные перепонки и евстахиева труба.

Сверхгенерал Стреляй-мимо скомандовал:

— Огонь!

Артиллерист дёрнул гашетку. И вдруг по всему фронту, с одного края в другой, прокатился оглушительный колокольный звон:

— Дин! Дон! Дин! Дон!

Мы вынули вату из ушей, чтобы лучше слышать.

— Дин! Дон! Дин! Дон! — гудела сверхпушка.

И сто тысяч эхо повторяли по всем городам и сёлам: — Дин! Дон! Дин! Дон!

— Огонь! — снова закричал Сверхгенерал. — Огонь, чёрт возьми!

Артиллерист снова дёрнул гашетку, и снова величавый колокольный перезвон поплыл над траншеями. Казалось, будто зазвонили сразу все колокола в нашей стране. Сверхгенерал рвал на себе волосы от злости и отчаяния и так перестарался, что у него остался всего один волосок.

Затем наступила тишина. И вот с другой стороны фронта, словно по команде, тоже раздался громкий и радостный перезвон:

— Дин! Дон! Дин! Дон!

Потому что, надо вам сказать, командующему наших врагов Смерть-генералу Бах-фон-Бабаху тоже пришлось в голову отлить одну большую пушку из всех колоколов, что были в его стране.

— Дин! Дон! — гудела наша сверхпушка.

— До-он! — отвечало ей вражеское орудие.

Тут солдаты обеих армий выскочили из траншей и побежали друг другу навстречу. Они бросились обниматься, стали смеяться и танцевать от радости.

— Колокола! Колокола звонят! Праздник! Войне конец! Ура! Да здравствует мир!

Сверхгенерал Стреляй-мимо и Смерть-генерал Бах-фон-Бабах впрыгнули в свои автомобили и пустились

наутёк! Они умчались так далеко, что у них даже кончился весь бензин, но колокольный звон ещё долго продолжал преследовать их.

ФИАЛКА НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

Однажды утром на Северном полюсе Белый Медведь почувствовал в воздухе какой-то необычный запах и сказал об этом Большой Медведице (а Малая Медведица — это его дочь):

— Разве снова приехала какая-нибудь экспедиция?

Но оказалось, что дело было не в этом. Оказалось, что медвежата нашли фиалку. Она была совсем маленькая, дрожала от холода, но продолжала источать свой аромат, потому что это было её профессией, её призванием.

— Папа! Мама! Идите сюда! — позвали медвежата родителей и показали им свою удивительную находку.

— Я сразу же сказал, что тут что-то не так, — заметил Белый Медведь. — По-моему, это не рыба.

— Я не уверена в этом, — ответила Большая Медведица, — но это даже не птица.

— Ты тоже права, — сказал Медведь, сначала порядком подумав.

К вечеру по всему Северному полюсу разнеслась новость: в необозримой ледяной пустыне появилось маленькое странное ароматное существо лилового цвета. Оно держалось только на одной-единственной ножке и не двигалось с места.

Посмотреть на фиалку собрались моржи и тюлени. Прибыли олени из Сибири, из Америки — мускусные быки, а из совсем далёких краёв прибежали белые лисы, волки, прилетели морские сороки.

Все восхищались незнакомым цветком, его трепещущим стеблем, все вдыхали его аромат. И что самое странное: чудесного запаха хватало на всех — и для тех, кто всё подходил и подходил. Его было столько же, сколько раньше.

— Раз она источает столько аромата, — сказал один морж, — значит, у неё подо льдом должен быть целый запас его.

— Я же сразу сказал, что тут что-то кроется, — воскликнул Белый Медведь.

Он сказал не совсем так, но этого никто не помнил. Чайка, которую послали на юг разузнать что-нибудь про странное явление, вернулась и рассказала, что маленькое ароматное существо зовётся фиалкой и что в некоторых странах растут миллионы таких фиалок.

— Ну, в этом нет ничего нового для меня! — заметил морж. — Вопрос в другом — как она попала сюда? Я скажу вам всё, что думаю по этому поводу: я просто не знаю, какую рыбу хватать!

— Я не понял. Что он хотел сказать? — спросил Белый Медведь у своей жены.

— Он хотел сказать, что не знает, какую рыбу хватать. Другими словами — он в полном недоумении.

— Вот! — воскликнул Белый Медведь. — Это как раз то, что и я думаю по этому поводу!

В ту ночь над Северным полюсом стоял страшный грохот. Вечные льды дрожали, как стёкла, и раскалывались на куски. Фиалка источала столько чудесного аромата и такого сильного, будто она решила сразу, за один день, растопить эту огромную ледяную пустыню, чтобы превратить её в тёплое лазурное море или в зелёный бархатный луг. Бедняжка так постаралась, что силы её иссякли. К рассвету она увяла, головка её поникла, она потеряла свой цвет, а вместе с ним и жизнь.

Если перевести на наш язык то, что подумала она в последнюю минуту, то это прозвучало бы примерно так: «Вот я умираю... Но это неважно. Важно, что кто-то начал борьбу... И в один прекрасный день здесь распустятся миллионы фиалок. Льды растают, и появятся здесь острова, покрытые дугами и цветами, и по ним будут бегать дети...»

ПРО МОЛОДОГО РАКА

Один молодой рак подумал как-то: «Почему все мои сородичи ходят одинаково — все пятятся назад? А я вот возьму и научусь ходить наоборот — вперёд, как лягушка, например. И пусть у меня отвалится хвост, если я не добьюсь своего!»

Стал рак тренироваться среди камней в родном ручье. Поначалу это стоило ему огромного труда. Он

всё время на что-нибудь натыкался, ударялся панцирем, цеплялся одной клешней за другую. Но постепенно дела у него пошли лучше, потому что ведь всему на свете можно научиться, стоит только захотеть.

Когда рак почувствовал уверенность в себе, он явился к родным и сказал:

— Вот посмотрите! — и горделиво прошёлся перед ними, но не пятясь, как все раки, назад, а двигаясь вперёд!

— Сын мой! — заплакала его мать. — Разве я не учила тебя уму-разуму?! Опомнись, милый! Ходи ты, пожалуйста, как все нормальные раки ходят!

А братья рака только хихикали. Отец же сурово посмотрел на молодого рака и сказал:

— Хватит! Хочешь жить вместе с нами, ходи, как ходят все нормальные раки. А если ты сам себе голова, то иди отсюда и не возвращайся: ручей большой, места всем хватит.

Храбрый рак очень любил родных, но он был слишком уверен в своей правоте, и сомнений у него не было: он обнял мать, попрощался с отцом и братьями и отправился в дальние края — на другой конец ручья.

Лягушки, что собрались посплетничать на большом листе кувшинки, увидев, как необычно идёт молодой рак, были потрясены и оживлённо стали обсуждать это событие:

— Боже! Ну и дела на белом свете! Стоит посмотреть на этого рака, и страшно подумать, что станет с человечеством! — сказала одна лягушка.

— Да, ни капли уважения к старым традициям! — согласилась другая.

— Ох! Ох! — вздохнула третья.

Но молодой рак не стал обращать на них внимания и проследовал дальше.

Вдруг он услышал, что кто-то зовёт его. Он оглянулся и увидел старого, большого и очень грустного рака, который жил под камнем совершенным отшельником.

— Добрый день! — приветствовал его молодой рак.

Старый рак долго смотрел на него, а потом сказал:

— Ты думаешь, что совершаешь геройский подвиг? Я тоже в молодости хотел научить всех раков двигаться вперёд. И вот что стало со мной в результа-

те: живу в одиночестве, и люди скорее прикусят себе язык, чем заговорят со мной. Послушай меня, пока не поздно, — успокойся и делай всё, как все люди, увидишь, ты ещё поблагодаришь меня за этот совет.

Молодой рак не знал, что ответить, и промолчал. Но про себя подумал: «А всё-таки прав я!» Он попрощался со старым раком и упрямо пошёл своей дорогой.

Далеко ли он уйдёт? Найдёт ли он своё счастье? Изменит ли он что-нибудь в мире? Мы не знаем этого, потому что он пока ещё мужественно и решительно идёт своей дорогой. Мы можем только пожелать ему от всего сердца: доброго тебе пути!

ВОЛОСЫ ВЕЛИКАНА

Жили однажды четыре брата. Трое были очень маленького роста и ужасно хитрые, а четвёртый был великаном, невероятным силачом, но совсем бесхитростным — не таким, как его братья.

Вся сила у него была в руках, а ум — в волосах. Понятно, что хитрые братья подстригали великана коротко-коротко, чтобы ума у него оставалось поменьше, и заставляли работать за четверых. Сами они только смотрели, как он работает, да потуже набивали свои карманы деньгами.

Ведняге великану приходилось делать всё за всех: пахать поле, колоть дрова, вертеть мельничное колесо, возить телегу вместо вола. А хитрые братья только понукали, сидя на козлах, да пощёлкивали бичом. И ещё они всё время следили, чтобы у великана не отросли волосы.

— Тебе очень идёт короткая стрижка! — говорил один.

— Да, истинная красота не в кудрях! — замечал второй.

— Смотрите, вот эта прядка у него слишком длинная, по-моему. Надо её сегодня вечером подкоротить! — предлагал третий.

А сами пересмеивались и подталкивали друг друга в бок. На базаре они забирали себе за вырубку и отправлялись веселиться в трактир, а брата-великана заставляли сторожить телегу.

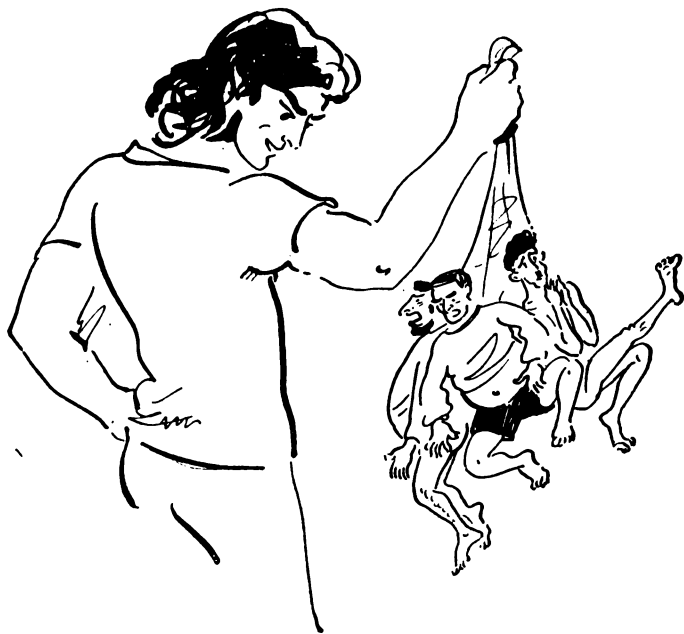
Кормили они его, правда, неплохо — надо же, чтобы у него хватало сил работать. Пить они ему тоже давали всякий раз, как он попросит, но всегда это было вино только одного сорта — то, что бьёт из любого фонтана.

Но вот однажды великан заболел, и братья в страхе, что он умрёт и перестанет работать на них, позвали самых лучших докторов, купили ему самых дорогих лекарств и даже стали подавать завтрак в постель.

Один брат поправлял подушки, другой — одеяло. И все трое наперебой говорили:

— Видишь, как мы тебя любим! Смотри не вздумай умереть! Не выкинь с нами такую шутку!

Братья так были обеспокоены его болезнью, что забыли совсем про его причёску, и волосы у великана незаметно отросли — они стали длинными-длинными. Вместе с ними прибавилось у великана и ума. Он стал больше думать, внимательнее присматриваться к братьям, примечать всё, что делается вокруг, и понял наконец, какие это коварные люди. Но поначалу он

ничего не сказал им. Он подождал, пока наберётся сил побольше, и однажды утром, когда братья ещё спали, встал, перевязал каждого верёвкой, словно колбасу, и погрузил в телегу.

— Куда ты везёшь нас? Куда ты везёшь своих любящих братьев? — взмолились они.

— Сейчас узнаете, — ответил великан.

Он привёз их на вокзал, посадил в поезд, так и не развязав верёвок, и сказал напоследок:

— Уезжайте, и чтобы ноги вашей не было в этих краях! Вы достаточно поизмывались надо мной. Теперь я сам себе хозяин.

Паровоз засвистел, поезд тронулся. Трое хитрых братьев сидели тихохонько-тихохонько. И никто больше никогда не видел их.

КАК УБЕЖАЛ НОС

Синьор Гоголь рассказал как-то историю об одном носе, который катался по Невскому проспекту в коляске и проделывал невероятные вещи.

Такой же нос проказничал однажды в Лавено, на озере Лаго Маджоре.

Однажды утром синьор, который жил напротив причала, встал и пошёл в ванную комнату. Он собирался побриться, но, взглянув в зеркало, вдруг закричал не своим голосом:

— На помощь! Спасите! Мой нос!..

На лице у него не было носа. Вместо него было ровное, гладкое место. Синьор, в чём был, выбежал на балкон как раз вовремя, чтобы увидеть, как его нос выходит на улицу и быстро направляется к причалу.

— Стой! Стой! — закричал синьор. — Мой нос! Хватайте его! Держите его!

Люди смотрели на балкон и смеялись:

— Нос украли, а лысину оставили?! Нехорошо, ай, как плохо!..

Синьору оставалось только одно — выбежать на улицу и пуститься в погоню за беглецом. К лицу он прижимал платок, словно у него был сильный насморк. К сожалению, на причал он прибежал, когда паром уже отошёл. Тогда синьор отважно бросился в

воду и поплыл вдогонку за паромом. А пассажиры и туристы кричали ему что было мочи:

— Давай! Давай! Жми!

Но паром уже набрал скорость, и у капитана не было ни малейшего желания возвращаться ради какого-то опоздавшего пассажира.

— Подожди следующего парома! — крикнул ему один моряк. — Он ходит каждые полчаса.

Синьор страшно огорчился и поплыл обратно к берегу, как вдруг увидел, что его нос плывёт по озеру на своём плаще.

— Ах вот как?! Ты только притворился, будто хочешь сесть на него! — закричал синьор.

Нос невозмутимо продолжал смотреть вперёд, словно старый морской волк, и даже ухом не повёл. Плащ медленно, словно медуза, покачивался на волнах.

— Да куда же ты? — в отчаянии закричал синьор.

Нос не удостоил его ответом, и несчастному синьору пришлось вернуться на берег. Пробравшись сквозь толпу любопытных, он пошёл домой. Поднявшись к себе, он заперся, велел служанке никого не пускать к нему, сел перед зеркалом и стал рассматривать гладкое ровное место, которое осталось у него вместо носа.

Спустя несколько дней один рыбак из Ранко, выбирая свои сети, обнаружил в них беглеца, утонувшего посреди озера, потому что плащ его был слишком дырявым. Рыбак решил отнести нос на базар в Лавено.

Служанка синьора в тот день тоже отправилась на базар за рыбой. Там она и увидела хозяйский нос. Он гордо красовался среди линей и щук.

— Да ведь это же нос моего хозяина! — испугалась служанка, а потом сразу же сообразила: — Дайте мне его сюда, я отнесу домой!

— Чей это нос — меня не касается! — заявил рыбак. — Я его выловил, я его и продаю.

— За сколько?

— На вес золота, разумеется! Это ведь нос, не рыбёшка какая-нибудь!

Служанка побежала домой и рассказала всё хозяину.

— Дай ему всё, что он попросит! Я хочу, чтобы мой нос был на месте! — в отчаянии закричал синьор.

Служанка быстро подсчитала, что нужно страшно много денег, потому что нос был довольно большой, надо было триста ужасных тысяч и тринадцать девятищ с половинкой. Чтобы собрать столько денег, ей пришлось даже продать свои серёжки. Но она очень любила своего хозяина и поэтому без сожаления распрощалась с ними.

Служанка купила нос, завернула в платок и принесла хозяину. Нос спокойно позволил принести себя домой и даже нисколько не возмутился, когда хозяин осторожно взял его дрожащими руками за кончик.

— Отчего же ты убежал, глупенький? Что я тебе такого сделал? — спросил синьор.

Нос посмотрел на него искоса, недовольно поморщился и сказал:

— Знаешь, если хочешь, чтобы я оставался на месте, не ковыряй больше пальцем в носу. Или стриги, по крайней мере, ногти!

ДОРОГА, КОТОРАЯ НИКУДА НЕ ВЕДЁТ

На окраине села улица разветвлялась в трёх направлениях: одна дорога вела к морю, другая — в город, а третья — никуда не вела. Martino знал это, потому что у всех спрашивал про третью дорогу и все отвечали ему одно и то же, будто сговорились:

— Та дорога? Она никуда не ведёт. Не стоит ходить по ней.

— Но всё-таки куда-то она ведёт?

— Нет, совсем никуда не ведёт!

— Так зачем же её построили?

— Никто и не строил её. Она всегда там была.

— И никто никогда не ходил по ней?

— Ох, и упрямая ты голова!.. Раз тебе говорят, что там ничего нет...

— А откуда вы знаете? Вы разве ходили по ней?

Мартино был такой настойчивый, что его так и прозвали — Martino Упрямая Голова. Но он не обижался на это и продолжал думать о дороге, которая никуда не ведёт.

Когда он подрос настолько, что мог переходить улицу, не держась за дедушку, он встал однажды рано утром, вышел из села и решительно зашагал по таинственной дороге, которая никуда не вела.

Дорога была вся в выбоинах, местами заросла травой, но, к счастью, дождя давно не было — не было и луж на дороге. Поначалу по обе стороны шла изгородь, но скоро она кончилась, и тогда дорога потянулась через лес. Ветви деревьев переплетались над ней, и получалась тёмная прохладная галерея, в которую лишь изредка, словно луч карманного фонарика, пробивался солнечный свет.

Шёл Martino, шёл, а галерея всё не кончалась, и дорога не кончалась тоже. У Martino уже заболели ноги от усталости, и он стал подумывать, не вернуться ли назад. Вдруг откуда ни возьмись — собака!

— Где собака, там и жильё! — решил Martino. — Или, во всяком случае, человек.

Собака побежала навстречу Martino, радостно виляя хвостом, и лизнула ему руку, а потом побежала вперёд по дороге, всё время оглядываясь, идёт ли за ней Martino.

— Иду, иду! — говорил Martino, которого всё это очень заинтересовало.

Постепенно лес стал редеть, проглянуло небо, и дорога привела к большим железным воротам.

За оградой Martino увидел дворец. Все окна его были гостеприимно распахнуты, из трубы шёл дым, а на балконе стояла прекрасная синьора, приветливо махала Martino рукой и звала:

— Сюда, сюда, Мартино Упрямая Голова!

— Э! — обрадовался Мартино. — Я не знал, куда приду, но вы, оказывается, хорошо знали, кто к вам придёт!

Мартино открыл ворота, пересёк парк и вошёл во дворец как раз в тот момент, когда прекрасная синьора уже вышла к нему навстречу. Синьора была очень красива и одета куда лучше всяких фей и принцесс. И к тому же весёлая-превесёлая.

— Так ты не поверил? — засмеялась она.

— Чему? — удивился Мартино.

— Не поверил, что эта дорога никуда не ведёт?

— Ещё бы! Слишком глупая история. По-моему, на свете гораздо больше просто ещё не изведанных путей, чем нехоженных дорог.

— Разумеется. Нужно только хотеть бродить по свету. А теперь идём, я покажу тебе дворец.

Больше ста залов было во дворце, и все они забиты сокровищами — совсем как в сказках про спящих красавиц или про чудовищ, оберегающих свои богатства. Тут были алмазы, драгоценные камни, золото, серебро. А прекрасная синьора всё время говорила Мартино:

— Бери, бери всё, что захочешь. Я одолжу тебе тележку, чтобы ты мог забрать всё, что хочешь.

Сами понимаете, Мартино не заставил себя уговаривать. Он доверху нагрузил тележку и отправился в обратный путь. Вместо кучера у него сидела собака. Это была учёная собака — она умела править вожжами и лаяла на лошадей, когда те начинали дремать или сбивались с дороги.

В селе о Мартино уже и думать забыли — решили, что он погиб. И когда он вдруг появился, все очень удивились. Учёная собака выгрузила на площади все сокровища, вильнула хвостом в знак прощания, снова забралась на тележку и скрылась в облаке пыли.

Мартино сделал богатые подарки всем — и друзьям, и недругам — и раз сто вынужден был повторить свой рассказ про всё, что с ним приключилось. И всякий раз, когда он умолкал, кто-нибудь из его односельчан бежал домой, запрягал лошадь и пускался вскачь по дороге, которая никуда не ведёт.

К вечеру все они возвращались. У всех были вытянувшиеся от огорчения лица: дорога, уверяли они, шла прямо в болото, в чащу леса, в заросли колючего кустарника. Не было там ни железной ограды, ни дворца, ни прекрасной синьоры, раздающей богатства.

А всё потому, что некоторые сокровища открываются только тем людям, которые первыми проходят по нехоженным путям! Как Мартино Упрямая Голова.

ПУГАЛО

Гонарио был самым маленьким из семерых братьев. У родителей его не было денег, чтобы послать мальчика в школу учиться. И пришлось ему наняться

на богатую ферму — работать. Гонарио стал пугалом. Он должен был ходить по полям и разгонять птиц.

Каждое утро ему давали кулёк с порохом, и он отправлялся на работу. Время от времени он останавливался среди поля, поджигал щепотку пороха. Вспышка огня пугала птиц, и те улетали, думая, что пришли охотники.

А однажды искра попала на куртку Гонарио, она загорелась, и если бы мальчик не догадался броситься в ров с водой, то, конечно, погиб бы от огня. Прыгнув в ров, Гонарио перепугал там всех лягушек — они с невероятным шумом и гамом бросились врассыпную. Крики лягушек напугали кузнечиков и цикад, и они на мгновение замолкли...

Но больше всего испугался сам Гонарио. Испугался и заплакал. Он сидел один-одинёшенек около рва, мокрый, словно гадкий утёнок, маленький, оборванный и голодный. Он плакал так горько, что даже воробьи перестали прыгать с ветки на ветку. Они глядели на мальчика и сочувственно щебетали, пытаясь утешить его. Но разве могут воробьи утешить своё пугало?!

Эта история случилась в Сардинии.

КАК ОДИН МАЛЬЧИК ИГРАЛ С ПАЛКОЙ

Было утро. Маленький Клавдио играл у ворот, а по улице, сгорбившись, опираясь на палку, шёл старик в золотых очках. У ворот он вдруг уронил палку. Клавдио поднял её и подал старику. Тот улыбнулся:

— Спасибо. Только, знаешь, она не нужна мне больше. Я отлично смогу обойтись и без палки. Оставь её себе, если хочешь.

И ушёл, не дожидаясь ответа. Заметно было, что он уже не так горбился.

А Клавдио так и остался стоять с палкой в руках, не зная, что с нею делать. Это была обыкновенная деревянная палка, с изогнутой ручкой и железным наколочником. Ничего в ней особенного не было.

Клавдио стукнул раза два палкой о землю, а затем просто так, играя, взял и оседлал её, словно игрушеч-

ного коня. И вдруг он действительно оказался на коне — на замечательном чёрном жеребце с белой звездой на лбу. Скакун заржал и галопом понёсся по двору, выбивая копытами искры из камней.

Когда Клавдио, изумлённый и немного растерянный, слез с него, то палка уже снова стала обыкновенной палкой. На ней не было и следов каких-нибудь копыт, а был только железный наконечник, не было пышной гривы, а была только изогнутая ручка.

«Что, если ещё попробовать?» — подумал Клавдио.

Он снова сел верхом на палку. На этот раз она оказалась величественным верблюдом, а двор превратился в огромную пустыню. Но Клавдио не испугался и стал всматриваться в безлюдную даль пустыни, пытаясь найти оазис.

«Это, конечно, волшебная палка», — решил Клавдио и в третий раз оседлал её. Теперь он мчался в красном спортивном автомобиле по гоночному треку, а на трибунах шумели болельщики. И Клавдио первым пришёл к финишу.

Затем палка стала моторным катером, а двор — спокойным зелёным озером. Потом Клавдио оказался на космическом корабле, оставляющем за собой звёздный шлейф...

Но всякий раз, когда Клавдио ступал на землю, палка приобретала свой обычный мирный вид — у неё была всё та же гладкая изогнутая ручка и ржавый железный наконечник.

В играх быстро пролетел весь день. Вечером Клавдио снова выглянул на улицу и снова увидел старика в золотых очках, возвращавшегося откуда-то. Клавдио с любопытством оглядел его, но ничего необычного не заметил — это был обыкновенный старик, немного утомлённый после долгого пути.

— Понравилась тебе палка? — спросил он Клавдио.

Клавдио решил, что старик хочет забрать палку, и протянул ему её, покраснев:

— Спасибо!

Но старик покачал головой.

— Оставь её себе, — сказал он, — на что мне теперь эта палка! Ты с её помощью можешь даже летать, а я ведь только опираюсь на неё. Я могу прислониться и к стене — всё равно.

И старик ушёл, улыбаясь, потому что нет на свете человека счастливее того, кто может подарить что-нибудь детям.

СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

— Ночью, — заявила одна Старая Пословица, — все кошки серы!

— А я чёрная! — возразила ей чёрная кошка, которая как раз в этот момент перебежала дорогу.

— Не может быть! — рассердилась Старая Пословица. — Старые Пословицы никогда не ошибаются!

— А я всё равно чёрная! — ответила кошка.

От удивления и огорчения Старая Пословица тотчас же свалилась с крыши и сломала себе ногу.

А другая Старая Пословица отправилась однажды на футбол. Там она стала болеть за одного игрока и решила помочь ему. Она шепнула ему на ухо:

— И один в поле воин!

Футболист попробовал играть мячом в одиночку. Но смотреть на это зрелище было так тоскливо, что можно было умереть от скуки. К тому же футболисту, игравшему в одиночку, некого было побеждать, и он вскоре вернулся в свою команду. С досады Старая Пословица заболела, и ей пришлось удалить гланды.

Встретились как-то три Старые Пословицы и, едва открыв рот, сразу же принялись спорить.

— Начало — половина дела! — заявила первая.

— Ничего подобного! Всем известно, что в любом деле лучше всего золотая середина! — возразила вторая.

— Глубочайшее заблуждение! — воскликнула третья. — Конец — всему делу венец!

Тут они вцепились друг другу в волосы, и до сих пор дерутся.

Есть ещё одна история про Старую Пословицу, которой захотелось отведать груш. Она уселась под грушевым деревом и стала ждать. «Спелая груша сама с ветки падает!» — подумала она. Но груша упала с дерева только тогда, когда насквозь прогнила. Она шлёпнулась прямо на макушку Старой Пословице, и та с горя тотчас же ушла на пенсию.

ПРО АПОЛЛОНИО,
КОТОРАЯ ЛУЧШЕ ВСЕХ
УМЕЛА ВАРИТЬ ВАРЕНЬЕ

В Сант-Антонио — это у озера Ляго Маджоре — жила одна женщина, великая мастерица варить варенье, и такое вкусное, что отовсюду, из всех окрестных долин, приезжали к ней люди, чтобы она сварила им варенье. В хорошую погоду в Сант-Антонио всегда было много приезжих — из Валькувии и Вальтравалли, из Дументины и Поверины. Люди присаживались отдохнуть на невысокую каменную ограду, откуда можно было полюбоваться видом озера, а потом шли к Аполлонии.

— Не сварите ли вы нам варенье из черники?

— Охотно! — отвечала Аполлония.

— А мне из слив?!

— Пожалуйста!

У Аполлонии были поистине золотые руки. Как-то приехала к ней одна бедная женщина из Аркумеджи, такая бедная, что у неё не было даже горсточки персиковых косточек, чтобы сварить варенье, и по дороге она набрала в передник каштановой скорлупы.

— Аполлония, сварите мне варенье! — попросила она.

— Из каштановой скорлупы? — удивилась та.

— У меня нет ничего другого!

— Ну что же, попробую.

Аполлония постаралась и сварила такое вкусное варенье, какого ещё никто и никогда не отведал.

В другой раз бедная женщина из Аркумеджи не нашла даже каштановой скорлупы, потому что её засыпали уже сухие опавшие листья. И она нарвала полный передник крапивы.

И снова:

— Аполлония, сварите мне ещё варенье!

— Из крапивы?

— Я не нашла ничего другого...

— Ну что ж, попробую.

Аполлония взяла крапиву, засыпала её сахаром, сварила так, как только она одна умела это делать, и у неё получилось такое варенье, что пальчики оближешь.

И всё потому, что у Аполлонии были поистине золотые руки: она могла сварить варенье даже из камней.

Проезжал как-то в тех краях король, и захотелось ему тоже попробовать знаменитого варенья, которое варила Аполлония. Подала она ему блюдце с вареньем. Взял король ложечку, попробовал и недовольно поморщился — в варенье случайно оказалась муха.

— Невероятно противно! — заявил король. — Ужасно невкусно!

— Не будь варенье хорошим, муха бы не сунулась, — ответила Аполлония.

Однако король уже рассердился и приказал своим солдатам отрубить Аполлонии руки.

Тогда люди разозлились на короля и заявили, что если он отрубит Аполлонии руки, то они снимут ему голову вместе с короной. Потому что голова, чтобы носить корону, всегда найдётся, а таких золотых рук, как у Аполлонии, днём с огнём не сыщешь!

Пришлось королю убратся восвояси подобру-поздорову.

СТАРАЯ ТЁТУШКА АДА

Когда старая тётушка Ада стала совсем-совсем старенькой, она переехала жить в дом для престарелых людей. Поселили её в небольшой комнате, где стояли три кровати. Две из них занимали такие же, как она, старенькие старушки, а третью отвели ей. Старая тётушка Ада сразу же облюбовала себе креслице у окна, взяла печенье и накрошила его на подоконник.

— Что же это вы придумали! — рассердились старушки. — Так же муравьи напоят сюда.

Но вместо муравьёв на окне вдруг появилась птичка. Она с удовольствием поклевала печенье, а потом вспорхнула и улетела.

— Ну вот, — снова заворчали старушки. — Вы старались, а она поела, хвостиком покрутила и улетела! Даже спасибо не сказала! Как и наши дети. Выросли и разлетелись кто куда, даже не вспомнят о своих родителях.

Ничего не ответила старая тётушка Ада. А на другой день опять накрошила печенье на подоконник. И так она делала каждое утро. И птичка тоже стала прилетать каждый день, всегда в одно и то же время. А если случалось, что тётушка Ада ещё не приготовила ей завтрак, птичка начинала тревожиться и волноваться.

Прошло некоторое время, и птичка прилетела на окно не одна, а со своими птенцами. Потому что она уже свила себе гнездо и у неё появилось четверо детишек. Птенцы тоже с удовольствием клевали печенье, которое крошила им старая тётушка Ада. Так что теперь каждое утро на подоконнике появлялась целая стайка. И если, случалось, завтрак запаздывал, птицы поднимали ужасный шум и галдёж — пищали и чирикали на все голоса.

— Там ваши птицы прилетели, — говорили старушки старой тётушке Аде, и видно было, что им немногo завидно. И тётушка Ада бросала все дела и семенила как могла к своей тумбочке. Она доставала печенье, лежавшее рядом с пачкой кофе и анисовыми карамельками, и говорила:

— Сейчас, сейчас! Иду!

— Ох-ох! — вздыхали старушки. — Если б. вот так же — печеньем можно было бы вернуть сюда

тиных детей. А ваши, тётушка Ада, где ваши дети?

Старая тётушка Ада не знала, где они. Может быть, в Австралии. Но она не смущалась. Она крошила птичкам печенье и приговаривала:

— Ешьте, ешьте, иначе у вас не будет сил летать.

А когда птицы заканчивали свой завтрак, она добавляла:

— Ну а теперь летите, летите! Чего вы ещё ждёте? Крылья на то и даны вам, чтобы летать.

Старушки покачивали головами. Они думали, что старая тётушка Ада просто выжила из ума. Ведь она такая старая и такая бедная, а всё норовит кого-то угостить. И даже не ждёт при этом, что ей скажут спасибо.

А потом старая тётушка Ада умерла. И её дети узнали об этом, когда прошло уже много времени и не нужно было ехать на похороны. А птички — те по-прежнему прилетали на подоконник всю зиму и сиделись, что старая тётушка Ада не накрошила им печенья.

СОЛНЦЕ И ТУЧА

Солнце путешествовало по небу на своей огненной колеснице весело и горделиво. Оно щедро разбрасывало лучи — во все стороны.

И всем было весело. Только туча злилась и ворчала на солнце. И неудивительно — у неё было грозное настроение.

— Транжира ты! — хмурилась туча. — Дырявые руки! Швыряйся, швыряйся своими лучами! Посмотрим, с чем ты останешься!

А в виноградниках каждая ягодка ловила лучик солнца и радовалась ему. И не было такой травинки, паука или цветка, не было даже такой капельки воды, которые бы не старались ввязать свою частичку солнца.

— Ну, транжирь ещё, — не унималась туча, — транжирь своё богатство! Увидишь, как они отблагодарят тебя, когда у тебя уже нечего будет взять!

Солнце весело продолжало катиться по небу и миллионами, миллиардами раздаривало свои лучи.

Когда же к заходу солнце сосчитало свои лучи, оказалось, что они все на месте, — смотри-ка, все до одного!

Узнав про это, туча так удивилась, что тут же рассыпалась градом. А солнце бултыхнулось в море.

КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ УМЕРЕТЬ

Однажды король должен был умереть. Это был очень могущественный король, но он был смертельно болен.

— Мыслимое ли дело, — отчаивался он, — чтобы такой могущественный король, как я, умер! Что думают мои придворные волшебники?! Почему они не спасают меня?

Но оказывается, волшебники, боясь потерять ненадолго голову, разбежались кто куда. Остался только один, на которого никто прежде не обращал внимания. Это был самый дряхлый и самый старый волшебник, чудной и, наверное, даже немного сумасшедший. Король уже давно не прибегал к его советам. Но тут — делать нечего — пришлось послать за ним.

— Ты можешь остаться в живых, — сказал ему волшебник. — Но при условии: тебе надо на сутки уступить свой трон человеку, который будет как две капли воды походить на тебя. И тогда он умрёт вместо тебя.

Тотчас же по всему королевству гонцы разгласили указ:

— Всякий, кто похож на короля и не хочет кончить свои дни на плахе, должен тотчас же явиться к королевскому двору!

Явились многие. У одних борода была совсем такая же, как у короля, но нос капельку длиннее или чуточку короче, и волшебник отсылал их прочь. Другие походили на короля, словно два апельсина в корзине продавца фруктов, но волшебник и их отправлял восвояси: то не хватало зуба, то оказывалась родинка на спине.

— Так ты всех повыгоняешь! — рассердился король. — Дай мне хоть ради пробы поменяться местами с кем-нибудь!

— Это тебе не поможет,— отвечал волшебник.

Однажды вечером король прогуливался вместе с ним по крепостной стене, как вдруг волшебник воскликнул:

— Вот! Вот человек, который больше всех похож на тебя!

И он указал на нищего, горбатого, полуслепого, покрытого струпьями.

— Нет, это немыслимо! — возмутился король. — Между нами целая пропасть!

— Король, которого ждёт смерть, — продолжал волшебник, — может походить только на самого бедного, самого несчастного человека в городе. Ну-ка поменяйся быстро с этим стариком одеждой, уступи ему на сутки свой трон, и ты будешь спасён!

Но король ни за что не хотел согласиться. Оскорблённый, он вернулся во дворец и в тот же вечер умер как был — с короной на макушке и со скипетром в кулаке.

ВОЛШЕБНИК, КОТОРЫЙ УМЕЛ ДЕЛАТЬ КОМЕТЫ

Как-то раз один волшебник придумал машину, которая могла делать кометы. Она, правда, немного походила на машину для приготовления лапши, но на самом деле это была совсем другая машина: она изготовляла кометы. Какие угодно — большие или маленькие, с простым хвостом или с двойным, жёлтого цвета или розового — какие угодно.

Волшебник ездил из города в город, из селения в селение, не пропуская ни одного базара. Он побывал даже на Миланской ярмарке и на ярмарке лошадей в Вероне. Всюду он показывал свою машину и объяснял, как она проста в обращении.

Сначала комета получалась маленькая-премаленькая и держалась на ниточке, а потом, по мере того как

она поднималась вверх, вырастала и становилась огромной, и всё же справиться с нею было легче, чем с бумажным змеем.

Вокруг волшебника, как обычно, собирались любопытные. Всегда ведь толпится народ там, где на базарах демонстрируют машины для изготовления необычайно тонких спагетти или для очистки картофеля. Но никто ни разу не купил у волшебника даже самую маленькую комету.

— Будь это воздушный шарик, ещё куда ни шло! — сказала одна женщина. — А купи я своему сыну комету, кто знает, каких он натворит с нею бед!

— Не бойтесь! — уговаривал её волшебник. — Будьте смелой женщиной! Ведь ваши дети полетят к звёздам, и надо их с детства приучать к этому.

— Нет уж, спасибо! Пусть к звёздам летит кто-нибудь другой! Мой сын туда не полетит!

— Кометы! Кометы! Кому нужны кометы?!

Но никому не нужны были кометы.

Бедному волшебнику немало пришлось поголодать, потому что он не выручил за свои кометы ни одной лиры. Под конец от него вообще уже остались только кожа да кости. И вот однажды вечером, когда ему особенно сильно хотелось есть, он превратил свою машину для изготовления комет в головку тосканского сыра и съел её.

РЫБАК ИЗ ЧЕФАЛУ

Однажды рыбак из Чефалу, выбирая сеть, обнаружил, что она тяжёлая-претяжёлая. Он думал уже, что выловил невесту, что, а, вытянув сеть, увидел, что поймал всего-навсего крохотную — с мизинец — рыбешку. Тогда он разозлился и хотел бросить её обратно в море, как вдруг услышал тонюсенький голосочек:

— Ой, не сжимай меня так сильно!

Рыбак оглянулся по сторонам, но никого не увидел: ни вблизи, ни вдали. И уже снова хотел бросить рыбку, как вдруг опять тот же тонюсенький голосок проговорил:

— Не бросай меня в море! Не бросай!

Тогда рыбак понял, кто с ним разговаривает. Он разжал кулак и увидел на ладони вместо рыбки кро-

хотного мальчика. Он был очень маленький, но совсем как настоящий — у него были всамделишные ручки, ножки, головка, всё как полагается, только на спине у него росли два плавника, как у рыбы.

— Кто ты такой? — спросил рыбак.

— Я мальчик, рождённый морем, — услышал он в ответ.

— А что тебе от меня надо?

— Оставь меня у себя, и я принесу тебе счастье.

Рыбак вздохнул:

— Боже, только этого счастья мне не доставало! Ведь у меня своих детей хоть отбавляй — не знаю, как прокормить!

— Поживём — увидим, — загадочно произнёс морской мальчик.

Рыбак отнёс мальчика домой, велел спать ему маленькую рубашонку, чтобы спрятать плавники, и положил спать в люльку к своему младшему сыну. Мальчик и половинки подушки не занял.

Но зато ел он безумно много — столько не съедали все дети рыбака за один раз, а их было семь человек, и один голоднее другого!

— Нечего сказать, повезло мне! — вздыхал рыбак.

Однажды утром поехал рыбак ловить рыбу, и морской мальчик напросился, чтобы тот взял его с собой. Они вышли в открытое море, и мальчик сказал:

— Гребь прямо, пока я не скажу тебе.— Рыбак послушался мальчика.— А теперь стой. Забрось сеть вон туда.

Рыбак снова послушался. А когда выбрал сеть из воды, она оказалась тяжёлой, как никогда,— в ней была первосортная рыба.

Мальчик захлопал в ладоши:

— Что я говорил! Я-то знаю, где рыба водится!

Очень скоро рыбак разбогател, купил себе вторую лодку, третью, и потом ещё много-много лодок, и все они выходили в море, забрасывали сети и привозили ему отличный улов. Рыбак выручал от продажи так много денег, что пришлось отправить одного сына учиться на бухгалтера, чтобы тот смог потом считать выручку.

Однако, став богачом, рыбак забыл, как ему жилось, когда он был бедняком. Он не щадил своих моряков, заставлял их много работать и мало платил за это. А если они возмущались, выгонял с работы.

— Чем же мы будем детей кормить? — спрашивали они.

— Пусть погрызут камешки,— отвечал он,— увидите, их желудки отлично справятся с ними!

Морской мальчик, который всё это видел и слышал, однажды вечером сказал рыбаку:

— Смотри, будь осторожней, а то снова ни с чем останешься.

Но рыбак только посмеялся и не обратил внимания на эти слова. Больше того, он взял морского мальчика, васунул его в большую раковину и выбросил в море.

И кто знает, сколько ещё пройдёт времени, прежде чем морской мальчик сможет выбраться из своего плена. И тогда...

А вы бы на его месте что сделали?

КОРОЛЬ МИДАС

Король Мидас был ужасным транжирой. В его королевстве так и повелось: что ни день — праздник, что ни вечер — бал. Понятно, что в один прекрасный день не осталось у короля ни чентезимо. Тогда пошёл он к волшебнику Аполло и рассказал ему о своей беде. И волшебник заколдовал его.

— Всё, к чему прикоснутся твои руки,— сказал он,— будет превращаться в золото!

Король Мидас даже подскочил от радости и вприпрыжку побежал к своему автомобилю. Но едва он дотронулся до дверцы, как автомобиль сразу же стал золотым. Всё стало золотым: колёса золотые, стёкла золотые, мотор золотой, даже бензин превратился в кусок золота. Понятно, что машина не могла больше двигаться, и понадобилась телега и пара волов, чтобы дотянуть её на буксире до королевского дворца.

Король Мидас стал ходить по залам и трогать всё подряд: столы, стулья, шкафы. И сразу всё становилось золотым. Наконец захотелось королю пить, он велел принести стакан воды, но едва взял его в руки, как стакан превратился в кусок золота, и вода тоже перестала быть водой.

Пришлось поить короля с ложечки.

Подшло время обеда. Взял король вилку: она превратилась в золото. Гости захлопали в ладоши и наперебой стали упрашивать короля:

— Ваше величество, потрогайте мне пуговицы на куртке! Потрогайте мой зонт!

Король Мидас всех осчастливил, а когда снова взял хлеб, чтобы поесть наконец, хлеб тоже превратился в золото. Пришлось королеве кормить короля кашкой с ложечки. Гости попрыгали под стол, потому что не могли удержаться от смеха. Король Мидас рассердился, схватил одного из них и дернул за нос. Нос тотчас же стал золотым, и бедняга иснутил дух.

Пришла пора ложиться спать, но король Мидас, сам того не желая, тронув подушку, превратил её в золото, тронул простыню, матрац — и вот уже вместо постели лежит грудa золота, твёрдого-претвёрдого. Не очень-то поспишь на таком ложе. Пришлось королю провести ночь в кресле с поднятыми кверху руками — чтобы ничего не коснуться ненароком. К утру король смертельно устал, и едва рассвело, побежал к волшебнику Аполло, чтобы тот расколдовал его. Аполло согласился.

— Хорошо, — сказал он, — но будь внимателен. Колдовство пройдёт ровно через семь часов и семь минут. Всё это время ты ничего не должен трогать, иначе всё, чего ты коснёшься, превратится в навоз.

Король Мидас ушёл успокоенный и стал следить за часами, чтобы не тронуть что-нибудь раньше времени.

На беду, часы его немного спешили — каждый час они убегали вперёд на одну минуту. Когда прошло семь часов и семь минут, король Мидас открыл дверцу своего автомобиля и сел в него. Сел и оказался в большой навозной куче. Потому что не хватало еще семи минут до конца колдовства.

ГОЛУБОЙ СВЕТОФОР

Однажды со светофором, что висит на соборной площади в Милане, произошло нечто странное: все огни его вдруг окрасились голубым цветом, и люди не знали, что делать — переходить улицу или не переходить? Идти или стоять?

Все глаза светофора излучали голубой свет — во все стороны только голубой свет. Таким голубым никогда не было даже небо над Миланом.

Пешеходы недоумевали — как быть? Автомобилисты яростно сигналили, мотоциклисты рычали свои-

ми мотоциклами, и самые важные и толстые прохожие кричали светофору:

— Вы что, не знаете, кто я такой?!

Остряки обменивались шутками, а шутники — остротами:

— Зелёный цвет? Зелень съели богачи! Им, должно быть, понадобилась лишняя вилла за городом!

— А красный? Он весь ушёл на то, чтобы подкрасить рыбок, что плавают в бассейне у фонтана.

— А с жёлтым знаете что сделали? Чур, только секрет! Его подлили в оливковое масло!

Наконец появился регулировщик, стал посреди перекрёстка и наладил движение. Другой регулировщик подошёл к распределительному щиту и отключил светофор, чтобы починить его.

Светофор последний раз сверкнул своими голубыми очами и успел подумать:

«Бедняги! Я ведь дал им сигнал: «Путь в небо свободен!» Если бы они поняли меня, то все могли бы теперь свободно летать. А может быть, они и поняли, но у них просто не хватило смелости?»

МЫШКА, КОТОРАЯ ЕЛА КОШЕК

Одна хилая мышка, что жила в библиотеке, вздумала как-то навестить своих сородичей, которые ютились в подвале и были скрыты от всего мира.

— Вы ничего не знаете про то, что делается на свете! — заявила она своим оробевшим сородичам. — Вы, наверное, даже читать не умеете?!

— Зато ты, конечно, многое знаешь! — вдохнули те.

— Ну, к примеру, вы ели когда-нибудь кошку?

— Что ты! Боже упаси! У нас всё больше кошки охотятся за мышами.

— Это потому, что вы невежды! Я уже на своём веку не одну кошку съела, и, уверяю вас, ни единая даже не пискнула!

— И вкусные бывают кошки?

— Вкусные. Только отдают немного бумагой и типографской краской. Но это пустяки! Собаку вам доводилось пробовать? Нет?

— Что ты, что ты?!

— А я как раз вчера съела одну. Овчарку. У неё были довольно приличные клыки, но, в общем, она преспокойно позволила съесть себя и даже не тявкнула.

— И тоже было вкусно?

— Очень. Хотя тоже чуточку был бумажный привкус. А носорога не пробовали?

— Ну что ты! Мы даже в глаза его не видели никогда! Он на что больше походит — на пармиджанский сыр или на голландский?

— Он походит на носорога, разумеется. А слона или монаха, принцессу или елку, тоже, наверное, никогда не ели?

В этот момент кошка, которая пряталась в углу за чемоданами, выскочила с грозным мяуканьем на середину подвала. Это была самая настоящая живая кошка, с пышными усами и острыми когтями.

Мышата в один миг разлетелись по своим норкам. А библиотечная мышка, увидев её, так удивилась, что застыла на месте, словно игрушечная. Кошка цапнула её лапкой и стала играть с нею.

— А, это ты — та самая мышка, которая ест кошек?

— Я, ваша светлость... Вы должны понять меня... Я ведь живу среди книг...

— О да, понимаю, понимаю! Ты ешь кошек, нарисованных, напечатанных на бумаге...

— Иногда, и только в научных целях...

— Разумеется. Я тоже очень ценю литературу. А не кажется ли тебе, что не мешает поучиться немного и у жизни? Тогда ты, быть может, поняла бы, что не все кошки сделаны из бумаги и не все носороги позволяют мышам грызть себя.

К счастью для бедной пленницы, кошка на секунду отвлеклась — она увидела неподалёку паука, — и учёная мышка в два счёта очутилась среди своих книг. Пришлось кошке довольствоваться пауком.

ДОЛОЙ ДЕВЯТКУ!

Как-то раз один школьник решал примеры.

— Тринадцать разделить на три, — считал он, — будет четыре и один в остатке. Значит, четыре. Теперь

проверим. Трижды четыре — двенадцать. Плюс один — тринадцать. Теперь долой девятку...

— Вот ещё! — вдруг рассердилась девятка.

— Что? — удивился ученик.

— Что ты ко мне пристал? Почему кричишь: «Долой девятку!»? Что я тебе сделала? Или, может, я преступница какая?

— Но я...

— Да, да! Я знаю, что ты сейчас начнёшь придумывать всякие объяснения. Только меня они не устраивают. Кричи, если хочется: «Долой бульон из мясных кубиков!», «Долой полицию!» — и даже можешь сколько тебе угодно кричать: «Долой жареный воздух!» Но почему тебе взбрело кричать «Долой девятку!»?

— Простите, но я только хотел...

— Не перебивай! Это неприлично. Я простая, скромная цифра. Однозначная, правда. И любая двузначная может, конечно, меня поучать. Но и у меня есть своя гордость, и я требую, чтоб меня уважали. И прежде всего дети, которым ещё нужно нос вытирать. Одним словом, долой твой нос, долой что угодно, но меня, будь добр, оставь в покое!

Школьник так растерялся и испугался, что побоялся вычестить девятку из тринадцати. Пример остался нерешённым, и мальчик получил плохую отметку.

Да, видимо, иногда бывают в жизни случаи, когда надо быть посмелее и порешительнее.

ТОНИНО-НЕВИДИМКА

Однажды мальчик по имени Тонино пошёл в школу, не выучив урока, и очень боялся, что учитель вызовет его.

«Э,— подумал он,— если бы я мог стать невидимкой!..»

Учитель начал урок с переклички, а когда дошёл до Тонино, тот ответил:

— Я здесь.

Но никто его не услышал, и учитель, вздохнув, сказал:

— Жаль, что Тонино не пришёл в школу сегодня, я как раз хотел вызвать его. Если он заболел, будем надеяться, что не серьёзно.

Тут Тонино понял, что стал невидимкой, как ему и хотелось. От радости он вскочил на свою парту и оттуда бухнулся прямо в корзину для бумаг. А затем стал бегать по классу, дёргать ребят за волосы и опрокидывать чернильницы.

В классе поднялся шум. Все стали возмущаться и даже ссориться. Ребята обвиняли друг друга в том, чего никто из них не делал. Ведь они и не подозревали, что это проказы Тонино-невидимки.

Когда Тонино надоела наконец эта игра, он ушёл из школы и сел в троллейбус. Разумеется, он и не подумал брать билет, потому что кондуктор всё равно не видел его. Он нашёл свободное место и преспокойно уселся там. А на следующей остановке в троллейбус вошла синьора с тяжёлой сумкой, набитой продуктами, и хотела сесть как раз туда, где сидел Тонино: она видела, что место не занято. И конечно, она села прямо на колени Тонино. Он почувствовал, что сейчас задохнётся от тяжести. Синьора вскочила и закрычала:

— Что за сиденья в этом троллейбусе! Даже сесть нельзя как следует! Смотрите, я кладу сумку, а она повисает в воздухе!

На самом деле сумка лежала на коленях у Тонино.

В троллейбусе заспорили, и почти все пассажиры энергично выразили своё возмущение по поводу плохой работы троллейбусной службы.

Тонино вышел в центре города, проскользнул в одну кондитерскую, подошёл к прилавку и начал загребать обеими руками карамель, шоколадные конфеты и всевозможные пирожные. Продавщица, заметив, что всё исчезло с прилавка, решила, что виноват в этом почтенный старый синьор, который покупал конфеты для своей тётушки. Синьор возмутился:

— Я вор?! Да знаете ли вы, с кем разговариваете? Да знаете ли вы, кто был мой отец? Да знаете ли вы, кто был мой дед?!

— И знать не желаю! — заявила продавщица.

— Как! Вы позволяете себе оскорблять моего деда?!

Поднялся невероятный скандал. Тонино-невидимка проскользнул под ногами какого-то лейтенанта и опять направился в школу. Там он увидел, как его одноклассники кубарем скатились с лестницы и шум-

ной ватагой высыпали на улицу. А ребята его не видели. Тонино напрасно старался обратить на себя внимание — он подбегал то к одному, то к другому мальчику, дёргал за волосы своего приятеля Роберто, предлагал тянучку Гвискардо... Но они не видели и не слышали его, попросту не замечали. Их взгляды проходили сквозь Тонино, словно через стекло.

Усталый и немного испуганный, Тонино вернулся домой. Мать стояла на балконе, с тревогой ожидала его.

— Я здесь, мама! — крикнул Тонино. Но она не увидела его и не услышала, а продолжала тревожно смотреть на улицу.

— Папа, вот и я! — воскликнул Тонино, войдя в комнату и усевшись на своё обычное место за обеденным столом.

Но отец не слышал его и продолжал ворчать:

— Что такое? Почему Тонино так долго нет? Не случилось ли с ним какая-нибудь беда?

— Но папа, я ведь здесь! Мама, папа, я здесь! — кричал Тонино. Но они не слышали его.

— Я не хочу больше быть невидимкой! — заплакал тогда Тонино, и сердце у него разрывалось на части. — Хочу, чтобы отец видел меня, чтобы мама ругала меня, чтобы учитель вызывал меня отвечать урок... хочу играть с ребятами! Очень плохо быть невидимкой, очень плохо быть одному!

Грустный он вышел на лестницу и спустился во двор.

— Отчего ты плачешь? — спросил у него старик, гревшийся на солнышке возле ворот.

— Ой, вы меня видите? — обрадовался Тонино.

— Вижу, а что? Я каждый день вижу, как ты уходишь в школу и возвращаешься домой.

— А я почему-то никогда не замечал вас.

— Я знаю. На меня никто не обращает внимания. Старый, одинокий старик... С какой стати ребята будут замечать меня? Я для вас будто человек-невидимка...

— Тонино! — позвала в этот момент мать с балкона.

— Мама! Ты меня видишь?

— Ах, лучше бы я тебя и не видела, негодный

мальчишка! Поднимайся наверх! Иди-ка сюда, иди! Сейчас отец покажет тебе!

— Бегу, мама, бегу! — радостно закричал Тонино.

— И ты не боишься взбучки, которая тебя ожидает? — засмеялся старик.

Тонино бросился ему на шею и расцеловал.

— Вы спасли меня!

— Ну, это уж слишком! — улыбнулся старик.

ВОПРОСЫ НАИЗНАНКУ

Жил однажды мальчик, который очень любил задавать вопросы. Это, конечно, совсем неплохо, наоборот, даже очень хорошо, когда человек чем-то интересуется. Но на вопросы, которые задавал этот мальчик, почему-то было очень трудно ответить.

Он спрашивал, например:

— Почему у ящиков есть стол?

Люди смотрели на него удивлённо и иногда отвечали:

— Ящики существуют для того, чтобы класть в них разные вещи, например ножи и вилки.

— Для чего нужны ящики — это я знаю, — возражал мальчик, — но вот почему у ящиков есть столы?

Люди качали головами и уходили от него. А мальчик снова спрашивал, уже у других:

— Почему у хвоста есть рыба?

Или:

— Почему у усов есть кошка?

Люди пожимали плечами и спешили уйти. Ведь у каждого есть дела.

Так мальчик и рос — что ни день, то несколько десятков вопросов. Наконец он вырос, стал взрослым и по-прежнему без конца задавал всем странные вопросы. Но люди не хотели отвечать ему. Тогда он уединился в небольшой домик, что стоял на вершине одной горы, и стал там жить в одиночестве. Целыми днями он выдумывал вопрос за вопросом и записывал их в тетрадь. А потом сидел и ломал голову над ответами. Но почему-то так и не находил их.

Он записывал, например, в своей тетради:

«Почему у тени есть сосна?»,

«Почему облака не пишут писем?»

«Почему марки не пьют пива?»

От такого множества вопросов у него, разумеется, начинала болеть голова. Но он не обращал на это внимания. У него уже и борода отросла, а он всё продолжал сочинять вопросы. Он и не подумал постричь бороду. Он только спрашивал себя:

— Почему у бороды есть лицо?

Словом, странный это был человек. Когда он умер, один учёный провёл некоторые исследования и обнаружил, что человек этот, ещё когда был маленьким, привык надевать чулки наизнанку, и ему так ни разу в жизни и не удалось надеть их правильно. Точно так же он так никогда и не научился задавать правильные вопросы.

Со многими людьми ещё такое бывает.

ПРО ДЖИЛЬБЕРТО

Маленькому Джильберто очень хотелось поскорее всему научиться. Поэтому он всегда очень прислушивался к тому, что говорили взрослые.

Однажды он услышал, как одна женщина говорила другой:

— Вы только посмотрите на Филомену, как она любит свою маму. Она готова ей воду в ушах носить.

«Прекрасные слова,— подумал добрый Джильберто.— Надо выучить их наизусть».

Вскоре его позвала мама и сказала:

— Джильберто, сходи-ка принеси мне ведро воды из фонтана.

— Сейчас, мама,— ответил Джильберто, а сам подумал: «Вот и я покажу маме, как я её люблю. Принесу ей воды не в ведре, а в ушах!»

Подбежал он к фонтану и подставил под кран голову. И когда почувствовал, что в ухо ему налилось полно воды, поспешил обратно. Воды в ухе набралось с напёрсток, и, чтобы донести её до дома, ему пришлось наклонить голову набок.

— Ну, принёс воды?— спросила мама. Она как раз собралась стирать.

— Вот, мама,— ответил запыхавшийся Джильберто.

Однако, чтобы ответить, ему пришлось выпрямить голову, и вода, что была у него в ухе, конечно, вылилась и потекла по шее. Что делать? Пришлось ему опять бежать к фонтану и наполнять водой другое ухо. Воды в нём набралось тоже ровно с наперсток, и Джильберто опять пришлось идти, прижав голову к плечу, но только теперь уже к другому. Когда же он добрался до дому, вода всё равно вытекла.

— Ну, принёс ты наконец воды? — спросила мама. Она уже начала сердиться.

«Может быть, у меня слишком маленькие уши?» — подумал огорчённый Джильберто. А мама между тем совсем потеряла терпение. Она решила, что Джильберто бежит к фонтану баловаться, и угостила его парой оплеух — по одной на каждую щёку.

Бедный Джильберто!

Он покорно стерпел эти оплеухи и решил, что в другой раз будет носить воду в ведре.

СЛОВО «ПЛАКАТЬ»

Этой истории ещё не было, но она непременно произойдёт Завтра. Вот эта история.

В тот день, который называется «Завтра», одна старая учительница построила своих учеников парами и повела их в Музей Прошлого, где собраны вещи, которые уже никому не нужны. Такие, например, как царская корона, шлейф королевы, трамвай и тому подобное.

В одной небольшой запылённой витрине лежало под стеклом слово «плакать».

Школьники Завтрашнего Дня прочитали этикетку с названием, но ничего не поняли.

— Синьора, а что это такое?

— Наверное, старинное украшение?

— Может быть, что-то этрусское?

Учительница объяснила ребятам, что раньше, очень-очень давно, это слово было в большом употреблении и приносило людям много горя. Она показала при этом на небольшой стеклянный сосуд и сказала, что в нём хранятся слёзы. Может быть, их пролил какой-нибудь несчастный раб, избитый хозяином, а может, какой-нибудь мальчик, оставшийся без крова,

— Слёзы похожи на воду! — сказал один школьник.

— Да, но они обжигают! — ответила учительница.

— А, их, должно быть, кипятят перед употреблением! — догадался кто-то.

Нет, школьники совсем ничего не понимали. Под конец им стало просто скучно в этом зале. Тогда учительница повела их дальше, в другие залы музея, где они увидели более понятные вещи: тюремную решётку, чучело сторожевой собаки, замок и так далее. Всё это были вещи, которых давно уже нет в счастливейшей стране Завтрашнего Дня.

ПЕРЕКОРМИТНОЕ ВОСПАЛЕНИЕ

Когда девочка заболевает, её куклы тоже должны болеть — за компанию, чтобы ей не было скучно. К девочке приходит врач, а к куклам — дедушка. Он осматривает их, выписывает лекарства и каждой делает очень много уколов своей шариковой ручкой.

— Знаете, доктор, этот ребёнок заболел, — говорит девочка.

— Ну что ж, посмотрим, что с ним. Дышите глубже, так, так... О! Так я и думал. По-моему, у неё неплохой напризит.

— А это опасно, доктор?

— Чрезвычайно! Дайте ей микстуру из синего чернильного карандаша и растирайте перед сном фантиком от анисовой карамельки.

— А эта девочка, вам не кажется, тоже немного нездорова?

— О да! Она просто совсем больна. Это видно и без бивояля!

— Ой, а что с ней?

— Гм, сейчас посмотрим... Так. Немножко простудинки, немножко грустинки и острый приступ клубничного перекормита.

— Ой, мама, как страшно! Неужели она умрёт?

— Нет, это не так опасно. Но лекарство не помещает. Ей нужно дать две таблетки глупидина. Только растворите их сначала в стакане грязной воды. И смотрите, чтобы стакан был зелёный. От красного стакана у неё могут разболеться зубы.

И вот в одно прекрасное утро девочка просыпается совсем здоровая. Доктор разрешает ей встать с постели. Но дедушка хочет осмотреть её сам, пока мама собирает ей одежду.

— Ну что ж, посмотрим,— говорит он.— Скажи-ка: тридцать три. Так. Скажи: перепепе. А теперь попробуй что-нибудь спеть. Ну что ж, всё в порядке! Это было типичное перекормитное воспаление.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

У синьора Чезаре была привычка всё делать по всем правилам. Особенно по воскресеньям, когда он вставал позже обычного. Сначала он долго бродил по квартире в одной пижаме, потом — уже часов в одиннадцать — он начинал бриться, оставив при этом открытой дверь в ванной комнате.

Именно этого момента с нетерпением ждал Франческо. Ему всего шесть лет, но у него уже определилась явная склонность к медицине и хирургии. Франческо брал пакет ваты, флакон с одеколоном, пакетик с пластырем, входил в ванную и усаживался на скамеечку в ожидании, когда понадобится его помощь.

— Ну что? — спрашивал синьор Чезаре, намыливая лицо. В другие дни недели он брился электрической бритвой, но в воскресенье взбивал, как в старые времена, мыльную пену и брался за безопасную бритву.

— Ну что?

Франческо ёрзал на скамеечке. Он был очень серьёзен и ничего не отвечал.

— Ну?

— Я думаю,— говорил Франческо,— может, ты порежешься... Тогда я полечу тебя.

— Ладно! — соглашался синьор Чезаре.

— Только ты не режься нарочно, как в прошлое воскресенье,— строго предупреждал Франческо. — Нарочно не считается.

— Ну конечно! — отвечал синьор Чезаре.

Но ему никак не удавалось порезаться нечаянно. Он старался, старался, но ничего у него не получалось. Как он ни пытался, ничего у него не выходило. Он очень хотел быть невнимательным и неосторож-

ным, но не мог. Наконец каким-то образом он всё-таки ухитрился порезать себе кожу на лице. И тогда Франческо мог приняться за дело. Он стирал ваткой капельку крови, протирал ранку одеколоном и заклеивал её пластырем.

Таким образом синьор Чезаре каждое воскресенье дарил своему сыну капельку крови. И Франческо всё больше убеждался, что у него очень рассеянный и неосторожный отец.

КАК ПОСКОРЕЕ УСНУТЬ

Жила-была однажды девочка, которая каждый вечер, когда надо было ложиться спать, становилась маленькой-маленькой.

— Мама,— говорила она,— я стала муравьишкой!

И мама понимала, что пора укладывать дочку в постель.

А утром девочка просыпалась, едва всходило солнце. Но она по-прежнему была маленькой-маленькой. Такой маленькой, что свободно умещалась на подушке. И ещё места оставалось немного.

— Вставай! — говорила мама.

— Не могу,— отвечала девочка,— не могу, я ещё слишком маленькая. Как бабочка! Подожди, пока подрасту.

А потом вдруг радостно восклицала:

— Ну вот, я и выросла!

С весёлым криком вскакивала с постели, и начинался новый солнечный день.

КРИСТАЛЬНЫЙ ДЖАКОМО

Как-то раз в одном далёком городе появился на свет прозрачный ребёнок. Да, да, прозрачный! Сквозь него можно было смотреть, как сквозь чистую родниковую воду или воздух. Конечно, он, как и все люди, был из плоти и крови, но казалось, будто он сделан из стекла. И когда мальчик падал, он не разбивался вдребезги. Самое большее — у него вырастала на лбу огромная прозрачная шишка.

Всем хорошо было видно, как пульсирует его кровь, как бьётся сердце, и все могли свободно читать

его мысли, которые проносились у него в голове, словно стайка разноцветных рыбок в аквариуме.

Однажды мальчик нечаянно солгал, и люди тотчас же увидели, как в голове у него запылал огненный шар. Мальчик тут же поправился, сказал правду — и шар мгновенно исчез. С тех пор он ни разу за всю свою жизнь не сказал ни слова лжи.

Был ещё и такой случай. Один приятель доверил ему свой секрет. И все сразу же увидели, как в голове у мальчика беспокойно закрутился, завертелся чёрный шар. И секрет перестал быть секретом.

Прошло время, мальчик вырос, стал юношей, потом мужчиной. Но каждый по-прежнему мог легко читать все его мысли. Ему даже не надо было вслух произносить ответ, когда его о чем-либо спрашивали.

Звали этого мальчика Джакомо, но люди называли его Кристальный Джакомо. Его любили за честность и за то, что рядом с ним все тоже становились честными и добрыми.

Но вот в один несчастный день в стране произошёл переворот, и к власти пришёл жестокий тиран. Настали очень тяжёлые времена. Народ страдал от казней, несправедливостей и нищеты. Те люди, которые осмеливались протестовать против насилия, сразу же бесследно исчезали. Тех же, кто открыто восставал против убийств, немедленно расстреливали. А бедняков, запуганных и униженных, тех преследовали всеми способами.

Люди молчали и в страхе терпели всё. Но Джакомо не мог молчать. Потому что, даже когда он ни слова не произносил, за него говорили его мысли. Ведь он был прозрачным, и окружающие могли свободно читать их: все видели, как возмущается он несправедливостью и насилием и шлёт проклятия тирану. Народ тайком повторял мысли Джакомо и стал постепенно обретать надежду.

Узнав про это, тиран приказал немедленно арестовать Кристального Джакомо и бросить его в самую тёмную тюрьму.

И тогда случилось невероятное. Стены камеры, в которую заключили Джакомо, тоже вдруг стали прозрачными, потом стали прозрачными стены коридора, а затем и наружные стены тюрьмы — вся тюрьма ста-

ла словно стеклянная! И люди, проходившие мимо, видели Джакомо, сидевшего в своей камере, и по-прежнему читали его мысли.

А ночью тюрьма стала излучать такой яркий свет, что тиран приказал опустить в своём дворце все шторы, чтобы свет не беспокоил его. Но всё равно он не мог спать спокойно: Кристальный Джакомо, даже закованный в цепи, посаженный в самую тёмную тюрьму, был сильнее тирана.

Это потому, что правда сильнее всего на свете — она ярче дневного света, сильнее любого урагана.

МАРТЫШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Однажды мартышки, что живут в зоопарке, решили отправиться в путешествие, чтобы пополнить своё образование. Шли они, шли, а потом остановились, и одна из них спросила:

— Итак, что же мы видим?

— Клетку льва, бассейн с моржами и дом жирафа, — ответила другая.

— Как велик мир! И как полезно путешествовать! — решили мартышки.

Они двинулись дальше и присели передохнуть только в полдень.

— Что же мы видим теперь?

— Дом жирафа, бассейн с моржами и клетку льва!

— Как странен этот мир! Впрочем, путешествовать, конечно, полезно.

Они снова тронулись в путь и завершили путешествие только на заходе солнца.

— Ну, а теперь что мы видим?

— Клетку льва, бассейн с моржами и дом жирафа!

— Как скучен этот мир! Всё время одно и то же. Хоть бы какое-нибудь разнообразие! Нет никакого смысла странствовать по свету!

Ещё бы! Путешествовать-то они путешествовали, да только не выходя из клетки, — вот и кружились на одном месте, словно лошадка на карусели.

Синьор Притворини был ужасным неженкой. Вы даже себе представить не можете, каким он был неженкой! Если, например, по стене ползла сороконожка, он уже не мог спать и жаловался на шум. Ну а уж если муравьишка нечаянно ронял на пол крупицу сахара, он в ужасе подскакивал и кричал:

— Караул! Землетрясение!

Само собой разумеется, он терпеть не мог детей, грозы и мотоциклеток. Но больше всего ему досаждала пыль, лежавшая обычно на полу или на земле. Из-за неё синьор Притворини даже не мог ходить по комнате, а заставлял своего слугу-силача носить себя на руках. Слугу звали Гульельмо, и Притворини целыми днями кричал на него:

— Тише, Гульельмо! Делай всё как можно тише! Не то я не выдержу и разлечусь на куски!

Оттого что он никогда не ходил, он стал толстеть, и чем больше толстел, тем становился чувствительнее. Под конец его стали беспокоить даже мозоли на руках у Гульельмо.

— Да что же это такое, Гульельмо! — сердился он. — Сколько раз тебе говорить, чтобы ты надевал перчатки, когда поднимаешь меня!

Гульельмо отдувался и с трудом натягивал на руки громадные перчатки, такие толстые и широкие, что они наверняка были бы велики даже бегемоту.

А синьор Притворини всё толстел и толстел, и с каждым днем становился всё тяжелее. Теперь даже зимой бедняга Гульельмо обливался потом, словно на дворе стояла июльская жара. И вот однажды он подумал: «А что будет, если я сброшу синьора Притворини с балкона?»

Случилось так, что как раз в этот день синьор Притворини нарядился в белый чесучовый костюм. И когда Гульельмо сбросил его с балкона, он угодил на то самое место, где незадолго до этого муха оставила свою точку. Точечка ещё не совсем засохла и испачкала синьору Притворини его белые брюки. Чтобы разглядеть это пятнышко, нужен был бы самый сильный микроскоп, но синьор Притворини был таким неженкой, что тут же умер от огорчения.

ОДИН И СЕМЕРО

Я знал одного мальчика... Но это был не один мальчик, а семеро. Как это может быть? Сейчас расскажу.

Жил он в Риме, звали его Паоло, и отец его был вагоновожатым.

Нет, нет, жил он в Париже, звали его Жан, и отец его работал на автомобильном заводе.

Да нет же, жил он в Берлине, звали его Курт, и отец его был виолончелистом.

Что вы, что вы... Жил он в Москве, звали его Юрой, точно так же, как Гагарина, и отец его был каменщиком и изучал математику.

А ещё он жил в Нью-Йорке, звали его Джимми, у отца его была бензоколонка.

Сколько я вам уже назвал? Пятерых. Не хватает двоих.

Одного звали Чу, жил он в Шанхае, и отец его был рыбаком. И наконец, последнего мальчика звали Пабло, жил он в Буэнос-Айресе, и отец его был маляром.

Паоло, Жан, Курт, Юра, Джимми, Чу и Пабло — мальчиков семеро, но всё равно это один и тот же мальчик.

Ну и что же, что у Пабло тёмные волосы, а у Жана светлые. Неважно, что у Юры белая кожа, а у Чу — жёлтая. Разве это так важно, что Пабло, когда приходил в кино, слышал там испанскую речь, а для Джимми экран разговаривал по-английски. Смеялись же они на одном и том же языке.

Потому что это был один и тот же мальчик: ему было восемь лет, он умел читать и писать и ездил на велосипеде, не держась за руль.

Теперь все семь мальчиков выросли. Они никогда не станут воевать друг с другом, потому что все семь мальчиков — это один и тот же мальчик.

ПРО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УКРАСТЬ КОЛИЗЕЙ

Как-то раз одному человеку взбрело в голову украсть знаменитый римский Колизей. Ему захотелось, чтобы Колизей принадлежал только ему. «Поче-

му, — недоумевал он, — я должен делить его со всеми? Пусть он будет только моим!» Он взял большую сумку и отправился к Колизею. Там он подождал, пока сторож отошёл в сторонку, быстро набил сумку камнями древнего здания и понёс домой.

На другой день он проделал то же самое. И с тех пор каждое утро, кроме воскресенья, он совершал по крайней мере два, а то и три таких рейса, всякий раз стараясь, чтобы сторожа не заметили его. В воскресенье он отдыхал и пересчитывал украденные камни, которые грудой лежали в подвале.

Когда же подвал весь был забит камнями, он стал сваливать их на чердаке. А когда и чердак заполнился до отказа, то стал прятать камни под диваны, в шкафы и даже в корзину из-под грязного белья.

Каждый раз, приходя к Колизею, он внимательно осматривал его со всех сторон и думал: «Он кажется всё таким же огромным, но некоторая разница всё же есть! Вон там и вот тут уже немного меньше камней осталось!»

Он вытирал пот со лба и выковыривал из стен ещё один кирпич, выбивал из арки ещё один камень и прятал их в сумку. Мимо него проходили толпы туристов с открытыми от восхищения и изумления ртами. А он похихикивал про себя: «Удивляетесь? Ну-ну! Посмотрю-ка я, как вы будете удивляться, когда в один прекрасный день не найдёте здесь Колизея!»

Порой случалось ему заходить в табачную лавку — а в табачных лавках в Италии всегда продают открытки с изображением достопримечательностей. Когда он смотрел на открытки с видами старинного амфитеатра Колизея, то всегда приходил в хорошее настроение. Правда, он тут же спохватывался и притворялся, будто сморкается, чтобы не увидели, как он смеётся: «Ха-ха-ха! Открытки! Подождите, скоро только открытки и останутся вам на память о Колизее!»

Шли месяцы, годы. Украденные камни громоздились теперь под кроватью, заполнили кухню, оставив лишь узкий проход к газовой плите. Камнями была завалена ванная, а коридор превратился в траншею.

Но Колизей по-прежнему стоял на своём месте и пострадал от воровства не больше, чем от комариного укуса. Бедняга вор сильно постарел за это время и

пришёл в отчаяние. «Неужели — думал он, — неужели я ошибся в своих расчётах? Наверное, легче было бы украсть купол собора Святого Петра! Ну да ладно, надо набраться мужества и терпения. Взялся за дело — надо доводить его до конца».

Однако каждый поход к Колизею давался ему теперь нелегко. Сумка оттягивала руки, а они были к тому же сплошь в ссадинах. И когда однажды он почувствовал, что жить ему осталось недолго, он в последний раз пришёл к Колизею и, с трудом карабкаясь по скамьям амфитеатра, забрался на самый верх. Заходящее солнце окрашивало древние руины золотом и багрянцем. Но старик ничего не видел, потому что слёзы застилали ему глаза. Он надеялся, что побудет здесь, наверху, в одиночестве, но на террасу тут же высыпала толпа туристов. На разных языках выражали они свой восторг. И вдруг среди множества голосов старый вор различил звонкий детский голосок какого-то мальчика: «Мой! Мой Колизей!»

Как фальшиво, как неприятно звучало это слово здесь, среди самой красоты! Только теперь старик понял это и даже захотел было сказать об этом мальчику, захотел научить его говорить «наш» вместо «мой». Но сил у него уже не хватило.

ЛИФТ К ЗВЁЗДАМ

Когда Ромолетто исполнилось тринадцать лет, его взяли на работу в бар «Италия». Он был мальчишкой на побегушках. Это значит, что он должен был выполнять всякие мелкие поручения и разносить заказы по домам. Целыми днями Ромолетто носился впад-вперёд по улицам, поднимался и спускался по лестницам разных домов, держа поднос, уставленный множеством рюмок, чашек и стаканов.

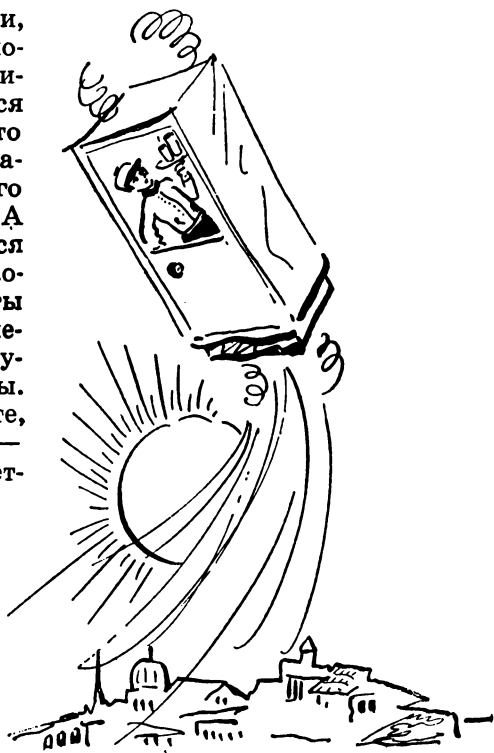
Больше всего не любил Ромолетто лестницы. В Риме, так же как и во многих других городах на земле, лифтеры очень ревниво оберегают свои лифты и стараются, чтобы ими поменьше пользовались, особенно мальчишки из бара, молочницы, продавцы фруктов и все другие простые люди. Они либо сами стоят на страже у лифта, либо вывешивают разные грозные надписи.

Однажды утром в бар позвонили из квартиры четырнадцать в доме сто три и потребовали четыре кружки пива и чай со льдом.

— Только немедленно, иначе я выброшу всё это из окна! — добавил сердитый голос. Это был старый маркиз Венанцио, тот самый, что наводил ужас на поставщиков продуктов.

В доме сто три лифт оберегался особенно тщательно, но Ромолетто знал, как можно обмануть бдительность лифтерши, дремавшей в своей сторожке. Он незаметно проскользнул в кабину, опустил в щель пускового автомата пять лир, нажал кнопку пятого этажа, и лифт со скрипом двинулся вверх. Вот второй этаж, вот третий. А после четвёртого этажа лифт, вместо того чтобы замедлить ход, вдруг ускорил движение, проскочил мимо площадки пятого этажа и, прежде чем Ромолетто успел удивиться, поднялся так высоко, что весь Рим уже раскинулся у него под ногами. А лифт всё мчался вверх. Со скоростью ракеты нёсся он к небу, голубому-голубому, до черноты.

— Прощайте, маркиз Венанцио! — прошептал Ромолет-

то, чувствуя, как у него мурашки пробегают по коже. Левой рукой он по-прежнему держал в равновесии поднос со стаканами, и это было довольно смешно, потому что лифт уже уносился в межпланетное пространство, и Земля голубела далеко внизу в бездонной глубине космоса. Она вертелась вокруг своей оси, всё дальше и дальше унося злого маркиза Венанцио, который ждал пива и чая со льдом.

«По крайней мере хоть не с пустыми руками явлюсь к марсианам!» — решил Ромолетто и зажмурился. Когда же он приоткрыл глаза, то лифт уже начал спускаться, и Ромолетто с облегчением вздохнул.

«В конце концов, чай всё равно холодный», — подумал Ромолетто.

Но оказалось, что лифт опустился в самой чаще какого-то тропического леса, и Ромолетто сквозь стёкла кабины увидел, что его окружают какие-то лохматые бородатые обезьяны. Они возбуждённо показывали на него пальцами и невероятно быстро говорили что-то на каком-то непонятном языке. «Наверное, я попал в Африку!» — подумал Ромолетто.

Тут обезьяны вдруг расступились, и он увидел огромную обезьяну в синем мундире, которая ехала навстречу ему на гигантском трёхколесном велосипеде.

«Полиция! Спасайся, Ромолетто!»

Не теряя ни секунды, мальчик из бара «Италия» нажал первую же попавшуюся кнопку. И лифт понёсся вверх со сверхзвуковой скоростью. Когда он унёсся достаточно далеко, Ромолетто взглянул вниз и понял, что планета, от которой он удирал, никак не могла быть Землёй: её моря и континенты были совсем других очертаний, чем на школьной географической карте. К тому же Земля сверху выглядела голубым шариком, а эта планета была то зелёной, то фиолетовой.

— Наверное, это Венера! — решил Ромолетто. — Но что я скажу маркизу Венанцио?

Он потрогал кружки на подносе — они были такими же холодными, как и в тот момент, когда он вышел из бара. В общем-то, если разобраться, с тех пор прошло, наверное, минут пять, не больше.

Лифт с невероятной скоростью пронёсся через громадное пустынное пространство и снова стал снижать-

си. На этот раз Ромолетто понял сразу, что его ждёт: «Только этого не хватало! На Луну прилетели! Что мне тут делать?»

Между тем знаменитые лунные кратеры приближались с фантастической быстротой. Ромолетто уже потянулся было к панели с кнопками, но тут ему пришла в голову неплохая мысль. «Стоп! — приказал он себе. — Прежде чем нажать кнопку, надо подумать!»

Он внимательно рассмотрел панель. Рядом с каждой кнопкой стояла какая-нибудь цифра. И только последняя кнопка внизу светилась красной буквой «З». Наверное, это и есть Земля!

«Попробуем», — вздохнул Ромолетто. Он нажал эту кнопку, и лифт тотчас же изменил направление. А спустя несколько минут он уже проносился над Римом, над крышей дома сто три, мимо лестничных площадок и приземлился возле знакомой лифтерши, которая, конечно, даже не догадывалась, в каком межпланетном путешествии побывал Ромолетто, и продолжала мирно дремать.

Ромолетто выскочил из кабины, даже не захлопнув за собой дверь, и пешком поднялся по лестнице на пятый этаж. Он постучал в дверь квартиры четырнадцать и, опустив голову, молча выслушал выговор сердитого маркиза Венанцио:

— Ну, где ты пропадал столько времени?! Ведь с тех пор, как я заказал это проклятое пиво и этот распрямляющий чай, прошло уже пятнадцать минут! На твоём месте Гагарин давно уже был бы на Луне!

«И даже дальше!» — подумал Ромолетто, но промолчал. К счастью, напитки были ещё холодными ровно настолько, насколько нужно было.

Да, немало приходится побегать по лестницам за целый день мальчику из бара «Италия», который разносит заказы по домам...

ТРОЛЛЕЙБУС НОМЕР 75

Однажды утром троллейбус номер 75, который ходит от Монтверде Веккьо до площади Фьюме, вместо того чтобы спуститься к Трастевере, направился совсем в другую сторону. Он повернул к Джаниколо, затем свернул на старую дорогу Аурелия Антика и че-

рез несколько минут уже мчался, словно очумелый от весеннего солнца заяц, по полям, что раскинулись в предместье Рима.

В это время пассажирами троллейбуса были, как обычно, служащие. Все они читали газеты. Даже те, которые не покупали их, — они читали через плечо соседа. Вдруг один синьор, переворачивая страницу, взглянул случайно в окно и страшно удивился:

— Кондуктор, что случилось? Куда мы едем? Это какое-то самоуправство!

Другие пассажиры тоже оторвались от газет и тоже возмутились все сразу:

— Что думает водитель?

— Да он сошёл с ума! Свяжите его!

— Что за обслуживание!

— Но отсюда же рукой подать до Чивитавеккья, там уже начинаются загородные дачи!

— Боже мой! Уже без десяти девять, а ровно в девять я должен быть в суде! — воскликнул адвокат. — Если я проиграю процесс, я подам в суд на троллейбусное управление.

Кондуктор и водитель отбивались как могли. Они заявили, что ничего поделать не могут: троллейбус больше не виноватся им и сам едет куда вздумается. Действительно, в этот момент троллейбус сошёл с дороги, проехал по полю и остановился на лужайке у небольшого лесочка, благоухающего свежей зелёной листвой.

— Ой, цикламены! — радостно воскликнула одна синьора.

— Самый раз сейчас думать о цикламенах! — рассердился адвокат.

— А знаете, что я вам скажу, — возразила синьора, — пусть я приеду в своё министерство с опозданием... Мне, конечно, за это снимут голову... Но раз уж мы тут, я хочу нарвать цикламенов! Уже десять лет, как я не собирала цветов!

Она выскочила из троллейбуса, вдохнула всей грудью чистый, свежий воздух этого удивительного утра и стала собирать цветы.

Видя, что троллейбус и не думает никуда уезжать, один за другим вышли на полянку и другие пассажиры. Одни — чтобы размять ноги, другие — выкурить сигарету. И вскоре их плохое настроение растаяло,

как туман на солнце. Кто-то сорвал маргаритку и су-
нул её в петличку, а кто-то другой нашёл совсем ещё
зелёную ягодку земляники и радостно закричал:

— Это я нашёл её! Смотрите, я оставляю здесь за-
писку и, когда земляничка созреет, приду и сорву её!
И пусть только кто-нибудь посмеет тронуть её!

Он и в самом деле вырвал из записной книжки
листок, наколол его на прутик и воткнул в землю ря-
дом с земляничкой. На листке большими буквами бы-
ло написано: «Доктор Джулио Боллати».

Два чиновника из министерства образования ском-
кали свои газеты в большой бумажный шар и стали
играть в футбол. И всякий раз, когда ударяли по мя-
чу, громко кричали:

— Шайбу!

Словом, пассажиры уже несколько не походили
больше на тех серьёзных и солидных людей, которые
минуту назад готовы были разорвать на части водите-
ля и кондуктора. А те между делом поделились друг
с другом завтраком и устроили небольшой пикник на
свежем воздухе.

— Смотрите! — закричал вдруг адвокат.

Троллейбус тронулся с места и медленно двинулся
с полянки. Пассажиры еле-еле успели на ходу вск-
очить в него. Последней оказалась синьора с цикламе-
нами. Она возмущалась:

— Ну разве так можно! Я только начала собирать
цветы и отдыхать!..

— Сколько времени мы уже здесь? — спросил
кто-то.

— Ух, наверное, очень долго!

И все посмотрели на свои часы. Как странно: часы
показывали всего без десяти девять! Видно, пока дли-
лась эта маленькая загородная прогулка, стрелки час-
сов стояли. Это было время, просто подаренное людям.

— Но этого не может быть! — изумлялась синьо-
ра, которая любила цикламены.

А троллейбус снова шёл по своему маршруту и
уже сворачивал на улицу Дандоло.

Удивлялись все. А ведь каждый держал перед гла-
зами газету, где на самом верху страницы ясно была
обозначена дата — 21 марта, день весеннего равноден-
ствия.

В первый день весны всё возможно!

СТРАНА, ГДЕ ЖИВУТ ОДНИ СОБАКИ

Была когда-то на свете очень маленькая и очень странная страна. Она вся состояла из девяноста девяти домиков. У каждого домика был маленький садик, окружённый забором, и за каждым забором жила собака. И каждая лаяла.

Возьмём, к примеру, домик номер один. Здесь жил пёс по кличке Верный. Он ревниво охранял свой домик от соседей, и, чтоб никто не подумал, будто он плохо несёт свою службу, он долго и громко лаял всякий раз, когда мимо проходили жители других девяноста восьми домиков, независимо от того, шла ли это женщина, мужчина или ребёнок. Точно так же поступали другие девяноста восемь собак. Забот у них было много: лаять приходилось с утра до вечера и даже ночью, потому что всегда ведь кто-нибудь идёт по улице.

А вот другой пример. Синьор, который жил в домике номер девяноста девять, возвращаясь с работы, должен был пройти мимо всех девяноста восьми домиков, а следовательно, и мимо девяноста восьми собак, которые лаяли ему вслед, показывая клыки и давая понять, что охотно вцепились бы в его брюки. То же самое происходило с жителями других домиков, так что на улице всегда кто-нибудь дрожал от страха.

Ну а теперь представьте себе, что творилось, когда в эту страну попадал какой-нибудь чужеземец. Тогда лаяли сразу все девяноста девять собак, все девяноста девять хозяек выходили на крыльцо посмотреть, что случилось, а потом торопливо возвращались в дом, запирали дверь, спешно опускали ставни и сидели тихо-тихо, поглядывая в щёлочку за незнакомцем, пока он проходил мимо.

От непрерывного собачьего лая жители этой страны постепенно оглохли и почти перестали разговаривать друг с другом. Впрочем, им и не о чем было говорить между собой. Мало-помалу, сидя так всё время молча, насупившись, они вообще разучились говорить. Ну, и в конце концов случилось так, что хозяева домиков сами стали лаять, как собаки. Возможно, думали при этом, что разговаривают по-человечески, но на самом деле, когда они открывали рот, слышалось только

что-то вроде «гав-гав!» — и от этого мурашки пробежали по коже. Так и повелось в той стране: лаяли собаки, лаяли мужчины и женщины, лаяли дети, когда играли во дворе. И девяносто девять домиков превратились в девяносто девять собачьих конур.

Однако с виду домики были аккуратными, на окнах висели чистые занавесочки, за стёклами виднелась герань и даже другие цветы — на балконах.

Однажды в этой стране оказался Джованнино-Бездельник. Он забрёл туда, совершая одно из своих знаменитых путешествий. Девяносто девять собак встретили его концертом, от которого даже каменная тумба могла бы превратиться в неврастеника! Джованнино что-то спросил у одной женщины, и та ответила ему лаем. Он сказал что-то ласковое какому-то малышу и услышал в ответ глухое рычание.

— Я понял! — сказал Джованнино-Бездельник. — Это эпидемия!

Тогда он пришёл к самому главному городскому начальнику и сказал:

— Я знаю хорошее средство от вашей болезни. Прежде всего прикажите уничтожить все заборы — сады отлично будут цвести и без ограды. Во-вторых, отправьте всех собак на охоту — они развлекутся немного и станут добрее. В-третьих, устройте большой бал, и после первого же вальса все жители снова научатся говорить по-человечески.

— Гав-гав! — ответил ему начальник.

— Я понял! — сказал Джованнино. — Самый тяжёлый больной тот, который думает, что он здоров, — и отправился путешествовать дальше.

Если вы услышите ночью, что где-то лает несколько собак, может статься, это и настоящие собаки, но может оказаться, что это лают жители той самой маленькой страны.

БЕГСТВО ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ

Во всём старом кукольном театре не было куклы беспокойнее Пульчинеллы. Всегда он был чем-то недоволен и вечно с кем-нибудь спорил. То в самый разгар репетиции ему вдруг хотелось пойти погулять, то он сердился на хозяина-кукольника за то, что ему дали

комическую роль, а не трагическую, которая ему была больше по душе.

— Знаешь,— признавался он Арлекину,— в один прекрасный день я возьму и убегу!

Он так и сделал. Только случилось это не днём, а ночью. Как только все уснули, он взял ножницы, которые хозяин забыл спрятать в шкаф, перерезал одну за другой все нитки, привязанные к его голове, к рукам и ногам, и предложил Арлекину:

— Бежим вместе!

Но Арлекин не мог расстаться с Коломбиной. Он и слышать не хотел об этом! А Пульчинелла не хотел брать с собой эту кривляку, которая в каждой пьесе только и делала, что насмеялась над ним.

— Ладно, пойду один,— решил Пульчинелла.

Он храбро прыгнул на пол и пустился наутёк, да так, что только пятки засверкали.

«Какая прелесть,— думал он,— какое удовольствие не чувствовать на руках и на ногах этих проклятых ниток! Как приятно ступать туда, куда самому хочется, а не туда, куда велит хозяин!»

Для одинокой деревянной куклы мир огромен и страшен. В нём так много, особенно по ночам, свирепых кошек, которые запросто могут принять любое существо, бегущее в темноте, за мышь и сцапать своими страшными когтями. Правда, Пульчинелле удалось убедить кошек и котов, что они имеют дело с истинным артистом, но потом он на всякий случай всё-таки спрятался в каком-то садике, прислонился к забору и заснул.

На рассвете он проснулся и понял, что очень голоден. Он огляделся по сторонам, но вокруг, насколько хватало глаз, не было ничего, кроме гвоздик, тюльпанов, цинний и гортензий.

— Ну что же, ничего не поделаешь,— решил Пульчинелла и, сорвав гвоздику, стал нерешительно обкусывать с неё лепестки.

Конечно, эта еда не шла ни в какое сравнение с бифштексом или хорошим куском филе из окуня. Цветы очень ароматны, но почти не имеют вкуса. И всё же травянистый вкус гвоздики показался Пульчинелле восхитительным вкусом свободы, и после второго лепестка он готов был поклясться, что никогда ещё не ел более замечательного блюда. И он решил навсегда остаться в этом саду.

Спал он под защитой большой магнолии, жёсткие листья которой укрывали его от дождя и града, а питался цветами: сегодня — гвоздикой, завтра — розой... И во сне и наяву ему мерещились горы спагетти и равнины свежего ароматного сыра, но он крепился и не сдавался.

Солнце и ветер сильно высушили дерево, из которого он был сделан. Пульчинелла стал сухим-сухим, но зато таким ароматным, что пчёлы, летевшие за нектаром, иногда принимали его за цветок. Они опускались на его деревянную голову и старались добраться своим жалом до желанного лакомства. Но у них ничего не выходило, и они улетали разочарованные.

Между тем наступила зима. Опустевший сад ожидал первого снега. Бедный Пульчинелла стал голодать. И если вы думаете, что он мог бы отправиться куда-нибудь в другое место, то ошибаетесь, — на маленьких деревянных ножках далеко не уйти!

«Ну что же, — сказал про себя Пульчинелла, — раз так, умру здесь. Не такое уж это плохое место, чтобы умереть. Но если я и умру, то умру свободным. Никто больше не сможет привязать нитки к моей голове и дёргать её, никто не заставит меня кивать в знак согласия, когда я совсем не согласен».

А потом пошёл первый снег и прикрыл Пульчинеллу мягким белым одеялом.

Весной на том месте, где лежал Пульчинелла, выросла гвоздика. А Пульчинелла, скрытый землёй, спокойный и счастливый, думал: «Ну вот, над моей головой выросла гвоздика. Может ли кто-нибудь быть счастливее меня?»

Пульчинелла не умер, потому что деревянные куклы не умирают. Он лежит в том саду, и никто об этом не знает. И если вы случайно найдёте его, то не привязывайте нитку к его голове. Королям и королевам из кукольных театров такие нитки не мешают, а он их просто терпеть не может.

СОЛДАТСКОЕ ОДЕЯЛО

Когда кончились все войны, солдат Винченцо ди Джакомо вернулся домой. Вернулся он в рваной армейской форме, с сильным кашлем и с солдатским одея-

лом. Кашель и одеяло — вот и всё, что он заработал за долгие годы войны.

Но кашель не давал ему ни минуты покоя и очень скоро свёл его в могилу. Жене и детям осталось от солдата только старое одеяло. Ребят было трое. Самому младшему, тому, что родился между двумя войнами, только-только исполнилось пять лет. Солдатское одеяло досталось ему.

Каждый день, ложась спать, мальчик укрывался отцовским одеялом, а мама принималась рассказывать ему одну и ту же бесконечную сказку. В сказке была фея, которая ткала большое одеяло, такое большое, что им могли укрыться все дети, что дрожат от холода на нашей земле. Но всегда получалось так, что какому-нибудь мальчику его не хватало, и он плакал и тщётно просил хоть самый краешек одеяла, чтобы согреться.

И тогда фея распускала старое одеяло и принималась ткать новое, побольше, потому что оно обязательно должно быть целым. Добрая фея работала день и ночь, она ткала и ткала, не зная усталости, и малыш засыпал, так и не узнав, чем кончалась сказка. Он так ни разу и не узнал, удалось ли фее соткать такое одеяло, чтобы его хватило на всех.

Малыша звали Дженнаро, и жил он вместе с семьёй неподалеку от Кассино. Зимы там холодные, а эта выдалась ещё и голодная. Вдобавок ко всему заболела мама. Что делать? И тогда отдали Дженнаро знакомым, которые прежде были их соседями, а теперь стали просто бродягами. У этих людей был старый фургон, и они разъезжали в нём по всей округе — где милостыню попросят, где поиграют на шарманке, а где продадут ивовые корзинки, которые плели во время своих долгих странствий.

Дженнаро дали клетку с попугаем, который клювом вытаскивал из ящика билетки с числами, которые могут выиграть в лотерее. Дженнаро должен был показывать попугая людям, и те могли за несколько грошей получать от попугая такой билетик.

Дни тянулись длинные и скучные. Случалось, они попадали в сёла, где люди были такие бедные, что и милостыню подать не могли, и тогда Дженнаро доставался особенно маленький кусочек хлеба и совсем мало пустого супа в миске. Зато ночью, когда мальчик

укладывался спать и закутывался в старое отцовское одеяло — оно было самым главным его богатством, — он сразу же сладко засыпал, и ему снился попугай, который рассказывал сказки.

Один из тех бродяг, что приютили Дженнаро, когда-то воевал вместе с его отцом. Он полюбил мальчика, как родного, рассказывал ему разные истории и между делом учил его читать разные надписи, что встречались по пути — названия городов и деревень.

— Смотри! Это буква «А». А вот эта буква, похожая на калитку с покосившейся перекладиной, — «И». Эта палка с кривой ручкой — «Р».

Дженнаро всё схватывал налету. Бродяга купил ему тетрадь и карандаш и научил списывать надписи. Дженнаро целые страницы исписывал ими. Писал, например, Анкона или Пезаро. И наконец настал день, когда он сам без всякой помощи смог написать своё собственное имя — букву за буквой, без единой ошибки. Какие же прекрасные сны снились ему в ту ночь, когда он уснул, завернувшись в старое солдатское одеяло своего отца!

И как хороша эта история, хотя она и не закончилась, а так и обрывается на полуслове, словно в конце предложения вместо точки поставлен восклицательный знак.

КОЛОДЕЦ В КАШИНА ПЬЯНА

На полпути от Саронно к Леньяно на опушке огромного леса находится совсем маленькая деревушка Кашина Пьяна. В ней всего три домика, и живёт в них одиннадцать семей. В Кашина Пьяна был колодец, только не совсем обычный, даже странный колодец, потому что вóрот, чтобы наматывать верёвку или цепь, у него был, а вот ни верёвки, ни цепи, чтобы поднимать ведро с водой, не было.

Каждая из одиннадцати семей держала дома рядом с ведром свою собственную верёвку. И если кто-нибудь шёл за водой, то брал не только ведро, но и верёвку. Набрав воды, он отвязывал её и бережно уносил домой. Один колодец и одиннадцать верёвок. А не верите, так пойдите туда, и вам расскажут про это точно так же, как рассказали мне.

Дело в том, что одиннадцать семей жили недружно, всё время ссорились. И вместо того чтобы купить всем вместе хорошую крепкую цепь для колодца, готовы были вообще засыпать его землёй.

Но вот началась война, и все мужчины из Кашина Пьяна ушли воевать, оставив жёнам много разных советов, в том числе наказ беречь верёвку и следить, чтобы её не стащили.

А потом страну заняли враги. Мужчины всё ещё воевали и партизанили. Тяжело было женщинам, но каждая по-прежнему ревниво оберегала свою верёвку.

Как-то раз один мальчик пошёл в лес за хворостом и вдруг услышал, что за кустом кто-то стонет. Это оказался партизан, раненный в ногу. Мальчик побежал за матерью.

Женщина сначала испугалась, а потом сказала:

— Принесём его домой, спрячем. Будем надеяться, что кто-нибудь так же поможет в беде и твоему отцу. Ведь мы даже не знаем, где он сейчас, жив ли ещё!

Они спрятали партизана в сарае и послали за врачом, сказав, что заболела бабушка. Но соседки ещё утром видели эту

старую бабушку — она была здоровёхонька, сновала по двору, как курочка! — и догадались, что тут что-то не так.

Не прошло и дня, как вся деревня уже знала о раненом партизане, который прячется в амбаре у Катерины. Один старик струсил.

— Если враги узнают про это, — сказал он, — они всех нас убьют!

Но женщины не испугались. Они только тяжело вздыхали, думая о своих мужьях, о том, что те, может быть, тоже ранены и так же скрываются где-нибудь. На третий день одна женщина взяла кружок свиной колбасы, пришла к Катерине и сказала:

— Бедняге надо поправиться. Дай ему эту колбасу.

А потом заглянула ещё одна женщина, принесла бутылку вина. За ней пришла третья — с мешочком муки, затем четвёртая — с куском сала. До вечера все женщины деревни побывали в доме Катерины, и каждая что-нибудь приносила для партизана. А уходя, все они утирали глаза платками.

Вскоре партизан поправился, вышел на улицу погреться на солнышке, увидел колодец без верёвки и очень удивился: почему так? Женщины покраснели от стыда. Они хотели объяснить, что у каждой семьи своя верёвка. А что тут ещё скажешь? Можно было, наверное, объяснить, что все они в ссоре, но теперь-то это было уже не так, потому что все они, вместе заботясь о партизане, вместе помогая ему, сами того не замечая, стали друзьями. Разумеется, теперь не было никакой нужды держать одиннадцать верёвок.

Женщины собрали деньги, купили цепь и привязали её к вороту. Партизан достал из колодца первое ведро воды, и это было похоже на открытие памятника.

В тот же вечер партизан, совсем уже выздоровевший, ушёл в горы добивать врага.

ПРО СТАРОГО КАМЕНЩИКА

Пришёл я однажды в приют для престарелых, чтобы повидать одного знакомого — старого каменщика. Мы не виделись уже много лет.

— Где же ты был так долго? — спросил он меня. — Может, путешествовал?

— Путешествовал, — ответил я. — Был в Париже.

— О, Париж! Я тоже там бывал много лет назад. Мы строили тогда великолепное здание на берегу Сены. Интересно, кто сейчас там живёт? А где ты ещё был?

— В Америке.

— В Америке? Я тоже там был много лет назад. Даже не вспомнить теперь когда. Я был в Нью-Йорке, в Буэнос-Айресе, в Сан-Паоло, в Монтевидео. Мы строили там высокие здания... А в Австралии ты не был?

— Нет, ещё не был.

— А я был. Я был тогда совсем молодым и ещё не работал каменщиком. Я только подносил вёдра с раствором и просеивал песок. Мы строили дачу одному синьору. Это был хороший синьор. Помню, однажды он спросил меня, как готовят спагетти, и всё, что я сказал ему, записал себе в книжечку. А в Берлине ты бывал?

— Нет ещё.

— Я там был, когда тебя ещё на свете не было! Прекрасные здания мы там строили, хорошие, крепкие дома. Интересно, целы ли они ещё? А в Алжире бывал? В Египте? В Каире?

— Как раз этим летом хочу поехать туда.

— Ну, там ты повсюду увидишь прекрасные дома. Я не хочу хвастаться, но мои стены всегда были очень хорошо сложены, и крыши мои никогда не протекали.

— Много же вы построили домов!

— Да, порядком. По всему свету пришлось поездить...

— А себе построили?

— Ну, где там! Сапожник, как известно, всегда без сапог! Видишь, живу в приюте. Вот как бывает на свете!

Да, так бывает на свете, но это очень несправедливо.

ПЛАНЕТА ПРАВДЫ

Эта страничка целиком переписана из учебника истории, по которому учатся ребята в школах на планете Мун, и рассказывает она о великом учёном по име-

ни Брун (надо отметить, что там все слова оканчиваются на «ун». Там, например, говорят не «луна», а «лунун», не «суп», а «супун» и так далее). Вот она, эта страничка:

«БРУН, изобретатель, живший две тысячи лет назад, в настоящее время находится в холодильнике, из которого его извлекут через 49 000 веков, чтобы он снова начал жить. Брун был ещё младенцем в пелёнках, когда изобрёл **МАШИНУ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РАДУГ**, которая работала на воде и мыле. Вместо обыкновенных мыльных пузырей у неё получались радуги любой величины, и даже такие большие, что их можно было протянуть с одного конца неба на другой. Вообще они служили для разных целей, даже для того, чтобы развешивать на них бельё. В яслях Брун, играя двумя палочками, придумал **БУРАВ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ДЫРКИ В ВОДЕ**. Изобретение это получило очень высокую оценку рыболовов, которые употребляли этот инструмент, когда рыба не клевала.

Будучи в первом приготовительном классе, Брун изобрёл: **МАШИНУ, ЧТОБЫ ЩЕКотать ГРУШИ, ГОРШОК, ЧТОБЫ ЖАРИТЬ ЛЁД, ВЕСЫ, ЧТОБЫ ВЗВЕШИВАТЬ ОБЛАКА, ТЕЛЕФОН ДЛЯ РАЗГОВОРОВ С КАМНЯМИ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОЛОТОК**, который, забивая гвозди, исполнял прекраснейшие мелодии, ну и многое другое в том же духе.

Было бы слишком долго перечислять здесь все изобретения Бруна. Мы назовём только самое известное, то есть **МАШИНУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ**, которая действовала примерно так же, как автомат «Газированные воды». Опустить туда монетку — и можешь выслушать сразу 14 тысяч неправд. Машина содержала в себе абсолютно все неправды на свете: и те, которые уже были сказаны когда-то, и те, которые в данный момент были в голове у людей, и все те, которые люди могли бы придумать в будущем.

Когда машина выдала людям все возможные неправды, им осталось одно-единственное — всегда говорить только правду. Наверное, именно поэтому планету Муи называют ещё **ПЛАНЕТОЙ ПРАВДЫ**.

ДВИЖУЩИЙСЯ ТРОТУАР

На планете Б изобрели движущийся тротуар. Он тянется по всему городу и похож на эскалатор, только это не лестница, а тротуар. Двигется он медленно, чтобы люди успевали рассмотреть витрины и не падали, ступая на тротуар и сходя с него. На этом тротуаре есть даже скамейки для тех, кто хочет гулять сидя. Особенно удобно это для стариков и для синьор, которые носят тяжёлые хозяйственные сумки. Когда старичкам надо-

едаёт сидеть в сквере и смотреть без конца на одно и то же дерево, они отправляются гулять на движущемся тротуаре. Им там очень удобно и хорошо. Кто читает газету, кто курит сигару... Словом, люди отдыхают.

Благодаря изобретению этого движущегося тротуара на планете Б уничтожены все трамваи, троллейбусы и автомобили. Так что улицы теперь свободны и служат только для того, чтобы ребята играли там в футбол. А если какой-нибудь городской стражник вздумает отобрать у них мяч, то его за это тотчас же оштрафуют.

КОСМИЧЕСКОЕ МЕНЮ

Один мой друг, космонавт, побывал на планете Х-213 и привёз оттуда на память меню одного местного ресторана. Я вам его перепишу слово в слово.

Закуска

Речная галька в пробочном соусе.
Гренки из промокательной бумаги.
Бефстроганов из угля.

Первые блюда

Бульон из роз.
Сушёная гвоздика в чернильном соусе.
Запечённые ножки маленького столика.
Лапша из розового мрамора в масле из протёр-
тых лампочек.
Свинцовые клёцки.

Вторые блюда

Бифштекс из железобетона.
Ромштекс из железа.
Антрекот из чугунной ограды.
Кирпичное жаркое с черепичным салатом.
Нотка «до» из горла индюшки.
Автомобильные покрышки, тушённые с порш-
нями.
Жареные водопроводные краники (горячие и
холодные).
Клавиши пишущей (в стихах и в прозе) машинки.

Заказные блюда

Всё что угодно.

Чтобы объяснить это последнее довольно общее выражение, я добавлю, что планета Х-213, как вы уже догадались, вся целиком съедобная. Там можно спокойно съесть любую вещь, хоть уличный асфальт. «Даже горы?» — спросите вы. И горы тоже. Жители планеты Х-213 уже съели целый Альпийский хребет.

Катается, например, мальчик на велосипеде. Захотелось ему поесть. Он слезает с велосипеда и съедает седло или насос. А вообще ребята там больше всего любят колокольчики.

Первый завтрак обычно проходит так: звонит будильник, ты просыпаешься, хватаешь его и в два счета съедаешь.

УЧЕБНАЯ КОНФЕТА

На планете Би нет книг. Знания там продают и покупают в бутылках.

История, например, это розовая водица, похожая цветом на гранатовый сок, география — мятная зелёная водичка, а грамматика — бесцветная жидкость и на вкус напоминает минеральную воду.

Школ на этой планете нет. Каждый учится у себя дома. По утрам все ребята, в зависимости от возраста, должны выпивать стакан истории, съесть несколько столовых ложек арифметики и так далее.

И всё равно — вы только подумайте! — ребята капризничают.

— Ну будь молодцом! — уговаривает мама. — Разве ты не знаешь, как хороша зоология?! Она же сладкая, очень сладкая! Спроси у Каролины (Каролина — это домашний электрический робот).

Каролина великодушно соглашается попробовать содержимое бутылки. Она наливает себе немного в стакан, пьёт и чмокает от удовольствия.

— Ух как вкусно! — восклицает она и сразу же начинает излагать полученные знания: — Корова — жвачное парнокопытное, питается травой и даёт нам шоколадное молоко...

— Вот видишь?! — торжествует мама.

Мальчик повинуется. Он слегка подозревает, что речь идёт не о зоологии, а о рыбьем жире, но потом берёт себя в руки, закрывает глаза и проглатывает урок одним глотком, под аплодисменты.

Есть там, понятно, и прилежные ученики. Есть старательные и даже жадные до знаний. Они встают по ночам, берут потихоньку бутылку истории и выпивают её всю до последней капли. Они становятся очень образованными.

Для ребят, которые ходят в детский сад, имеются учебные конфеты — на вкус они напоминают землянику или ананас и содержат несколько простых стихо-

творений, названия дней недели, а также числа — от одного до десяти.

Мой друг-космонавт привёз мне на память одну такую конфету. Я дал её моей дочке, и она сразу же стала читать смешное стихотворение, написанное на языке планеты Би. В нём говорилось примерно следующее:

Анта анта, перо перо,
Пинта пинта, пим перо!

И я, разумеется, ничего не понял.

КОСМИЧЕСКИЙ ЦЫПЛЁНОК

Знаете, кто выскочил из шоколадного яйца в прошлом году под Новый год в доме профессора Тиболла? Всем на удивление — космический цыплёнок! Во всём он был похож как две капли воды на земного цыплёнка. Только на голове у него была капитанская фуражка с телевизионной антенной на боку.

Профессор Тиболла, синьора Луиза и их дети все сразу сказали: «Ой!» — и после этого не могли найти никаких других слов.

Цыплёнок осмотрелся вокруг и остался недоволен.

— Как вы отстали на вашей планете! — сказал он. — У вас ещё только Новый год?! У нас, на Марсе-8, уже среда.

— Этого месяца? — спросил профессор Тиболла.

— Вот ещё! Конечно, следующего! Но мы и годами ушли вперёд — у нас там на двадцать пять лет больше!

Космический цыплёнок прошёлся немного по столу, разминая ноги, и проворчал:

— Какая досада! Ах, какая всё-таки досада!

— А что случилось? — спросила синьора Луиза.

— Вы сломали моё летающее яйцо, и я не смогу теперь вернуться на родину!

— Но мы купили это яйцо в кондитерской! — удивилась синьора Луиза.

— Вы просто ничего не знаете. Это яйцо вовсе не шоколадное яйцо, а космический корабль, замаскированный под яйцо! И я — его капитан, переодетый цыплёнком!

— А экипаж?

— Я и есть весь экипаж! Но теперь меня понизят в звании. Меня сделают по меньшей мере полковником.

— Да, но полковник выше капитана!

— Это у вас, потому что у вас все звания наоборот! У нас самое высокое звание — простой гражданин! Но мы только время теряем... Я не выполняю своего задания! Вот в чём беда.

— Очень жаль... Видите ли, мы хотели бы вам помочь, но не знаем, какое у вас было задание...

— Хм, я ведь тоже его не знаю. Я должен был ждать в той витрине, откуда вы меня взяли, нашего тайного агента.

— Интересно,— сказал профессор,— у вас есть и тайные агенты на Земле? А если мы пойдём в полицию и расскажем об этом?

— Ну и пожалуйста! Там только посмеются над вами, когда вы станете говорить им про космонавта-цыплёнка!

— Это верно. Но может быть, вы хотя бы нас посвятите в ваши тайны?

— Ну... Тайным агентам поручено заблаговременно выяснить, кто из землян отправится через двадцать пять лет на Марс-8.

— Но это же просто смешно! Ведь мы даже не знаем сейчас, где находится такая планета — Марс-8!

— Вы забываете, дорогой профессор, что там у нас времени на двадцать пять лет больше! Поэтому мы-то уже знаем, что капитана-космонавта, который прибудет на Марс-8, будут звать Джино.

— Ух,— сказал старший сын профессора Тиболла,— как меня!

— Чистое совпадение! — заключил цыплёнок.— Его будут звать Джино, и будет ему тридцать три года. Следовательно, сейчас на Земле ему ровно восемь лет.

— Постойте,— сказал Джино,— мне же как раз восемь лет!

— Ты меня всё время перебиваешь! — рассердился капитан космического яйца.— Как я вам уже сказал, мы должны найти этого самого Джино и других членов будущего экипажа, чтобы вести за ними регулярное наблюдение, без их ведома, разумеется, и воспитать их как следует.

— Что-что? — удивился профессор. — А мы, значит, плохо воспитываем наших детей?!

— Вовсе нет. Только, во-первых, вы не приучаете их к мысли, что им предстоит жить в эру межзвёздных путешествий, во-вторых, не внушаете им, что они являются гражданами не только Земли, но и всей вселенной, в-третьих, не объясняете им, что понятие «враг» нигде за пределами Земли не существует, в-четвёртых...

— Простите, капитан, — перебила его синьора Луиза, — а как фамилия этого вашего Джино?

— Видите ли, он не наш, а ваш. А звать его Тиболла. Джино Тиболла.

— Так это же я! — подпрыгнул сын профессора. — Ура!

— Что значит «ура!»? — воскликнула синьора Луиза. — Не думаешь ли ты, что твой отец и я позволим тебе...

Но космический цыплёнок уже влетел в объятия Джино.

— Ура! Моё задание выполнено! Через двадцать пять лет я смогу вернуться домой!

— А яйцо? — вздохнула сестрёнка Джино.

— Его мы немедленно съедем!

Конечно, так они и сделали.

ПРО ДЕДУШКУ, КОТОРЫЙ НЕ УМЕЛ РАССКАЗЫВАТЬ СКАЗКИ

— Жила-была однажды маленькая девочка, и звали её Жёлтая Шапочка...

— Не Жёлтая, а Красная!

— Ах да! Красная Шапочка... Мама позвала её однажды и говорит: «Послушай, Зелёная Шапочка...»

— Да нет же, Красная!

— Да, да, Красная. «Пойди к тётушке Диомире и отнеси ей картофельную шелуху...»

— Нет! «Сходи к бабушке и отнеси ей пшеничную лепёшку!»

— Пусть будет так. Девочка пошла в лес и встретила жирафа.

— Опять ты всё перепутал! Она встретила волка, а не жирафа!

— И волк спросил у неё: «Сколько будет шестью восемь?»

— Ничего подобного! Волк спросил у неё: «Куда ты идёшь?»

— Ты права. А Чёрная Шапочка ответила...

— Это была Красная, Красная, Красная Шапочка!

— Ну ладно, ладно. Красная. Она ответила: «Я иду на базар покупать томатный соус».

— Ничего подобного! «Я иду к бабушке, но я заблудилась».

— Правильно. А лошадь ей и сказала...

— Какая лошадь? Это был волк!

— Ну конечно же волк! Он ей и говорит: «Садись на семьдесят пятый трамвай, доезжай до соборной площади, сверни направо, там увидишь ступеньки вниз, а рядом на земле найдёшь монетку в одно сольдо. На ступеньки ты не обращай внимания, а монетку подбери и купи себе мороженого!»

— Дедушка, ты совсем не умеешь рассказывать сказки! А мороженое ты мне всё равно купишь!

— Ладно. Вот тебе сольдо.

И дедушка снова стал читать газету.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЯТЁРКИ

— На помощь! На помощь! — кричит, убегая, бедняжка Пятёрка.

— Что с тобой? Что случилось?

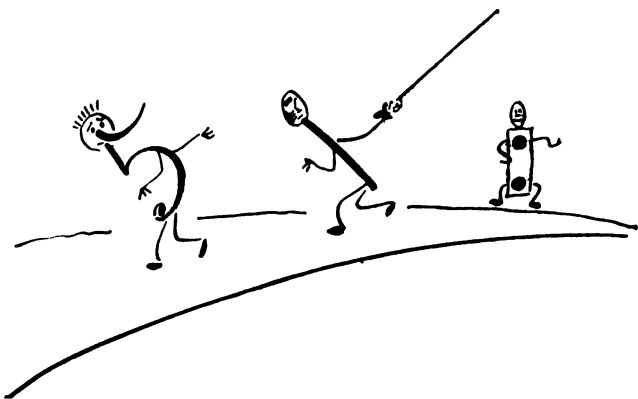
— Разве не видите? За мной гонится вычитание! Беда, если догонит!

— Скажешь тоже, беда...

Но беда случилась. Вычитание настигло Пятёрку и стало кромсать её своей острейшей шпагой — знаком «минус». Ну и досталось же нашей Пятёрке... Но тут, по счастью, мимо проезжала длинная заграничная машина — вот такая длинная! Вычитание отвернулось на секунду, чтобы посмотреть, нельзя ли её укоротить немного, и Пятёрка мигом скрылась в подъезде. Только это была уже не Пятёрка, а Четвёрка, — и вдобавок с разбитым носом.

— Бедняжка, что с тобой? Ты подралась с кем-нибудь?

Боже правый! Спасайся кто может! Какой медовый голосок! Конечно, это Деление собственной персоной. Несчастливая Четвёрка еле слышно прошептала: «Добрый вечер!» — и попыталась шмыгнуть в сторону, но деление оказалось гораздо ловчее и одним взмахом ножниц — вжик! — разделила Четвёрку пополам: Двойка и Двойка. Одну Двойку оно спрятало в карман, а другая, улучив момент, выбежала на улицу и вскочила в трамвай.

— Минуту назад я ещё была Пятёркой! — плакала Двойка. — А теперь, смотрите, во что я превратилась!

Вагоновожатый проворчал в ответ:

— Некоторые люди сами должны понимать, что им лучше ходить пешком, а не ездить в трамвае.

— Но это же не моя вина! Я тут ни при чём! Я же не виновата! — краснея, воскликнула Двойка.

— Да, конечно, дядя виноват! Так все говорят.

Двойка вышла на первой же остановке, пунцовая, как обивка на кресле. И тут... ей опять не повезло: она отдала кому-то ногу.

— Ах, простите, пожалуйста, синьора!

Но синьора, оказывается, нисколько не рассердилась, напротив, она даже улыбнулась. Смотри-ка, да ведь это синьора Умножение! У неё очень доброе сердце, и она очень жалеет людей, когда те попадают в беду, — она тут же умножила Двойку на три, и вот уже перед нами великолепная цифра — Шестёрка.

Почему великолепная? Да это же Пять с плюсом! Ни один учитель никогда не напишет шесть, а припишет к Пятёрке плюстик.

— Ура! Теперь я Пять с плюсом! И меня обязательно переведут в следующий класс.

ЧЕЛОВЕЧЕК ИЗ НИЧЕГО

Жил однажды человечек из ничего. У него был нос из ничего, рот из ничего, он ни во что не был одет и носил ботинки из ничего. Отправился как-то раз человечек из ничего по какой-то несуществующей улице, которая никуда не вела. Встретил мышку из ничего и спросил у неё:

— Ты не боишься кошек?

— Ничуть! — ответила мышка из ничего. — В этой стране из ничего есть только кошки из ничего, у которых усы из ничего и когти из ничего. Кроме того, я люблю сыр. Правда, я ем только дырки. Они ничем не пахнут, но сладкие.

— У меня кружится голова, — сказал человечек из ничего.

— Потому что твоя голова из ничего. Даже если ты станешь биться головой о стену, тебе не будет больно.

Человечек из ничего, решив попробовать, нашёл стену, чтобы удариться о неё головой, но это была стена из ничего, и так как он слишком сильно разбежался, то упал по другую сторону стены. А там тоже совсем ничего не было.

Человечек из ничего так устал от всего этого ничего, что заснул. И во сне он увидел, что он был человеком из ничего и шёл по несуществующей дороге, встретил мышку из ничего и даже ел дырки от сыра, и мышка из ничего была права: они действительно ничем не пахли.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Поначалу в жизни нашей было всё не так, как надо. Много сил вложили люди, чтобы сделать Землю садом.

*Не было нигде тропинок, чтоб подняться в горы.
Без мостов речушки были недоступны, словно море.
Не было нигде скамеек, чтоб присесть усталым.
Не найти нигде кроватей ни большим, ни малым.
Ноги вечно поцарапаны острыми камнями,
потому что ни ботинок не было, ни няни.
И совсем была беда тем, кто видел плохо:
не найти очков, и всё,— сколько хочешь охай,
Хочешь в мячик поиграть — нет мячей в помине.
Хочешь есть — нет ни огня, ни горшков из глины.
Если просто хочешь пить — кофе нет, нет кваса.
Нет ни пищи, ни питья. Вовсе нет — и баста!
Были только у людей руки — только руки.
И трудился предок наш, и не знал он скуки.
Много сделал для людей человек бесспорно;
ещё больше надо сделать — знай трудись упорно!*

ДЖИП В ТЕЛЕВИЗОРЕ

ВОТ ТАК РАЗ!

В Милане, на улице Сеттембрини, 175, в квартире номер 14, жил мальчик Джампьеро Бинда. Было ему восемь лет, и родители звали его просто Джип. И вот 17 января по нашему стилю в 18 часов 30 минут Джип **ВКЛЮЧИЛ** телевизор. Как всегда, он сбросил ботинки и удобно устроился в большом кресле, обитом зелёной искусственной кожей, чтобы посмотреть телефильм из серии «Приключения Белого Пера».

Справа от Джипа в другом кресле сидел его младший брат, пятилетний Филиппо Бинда, или попросту Флип. Он тоже сбросил ботинки, чтобы устроиться поудобнее, и они так и остались валяться посреди комнаты.

Братьев отличала не только разница в возрасте, но и футбольные симпатии: Джип болел за национальную сборную, а Флип — за миланскую команду, но это не имеет к нашему рассказу никакого отношения. А рассказ начался ровно в 18 часов 30 минут, когда Джип вдруг почувствовал, что какая-то неведомая сила выхватила его из мягких объятий кресла. Мгновение он повисел в воздухе, словно стартующая в космос ракета, затем пронёсся через всю комнату и пулей влетел прямо в телевизор.

И тотчас же ему пришлось спрятаться за скалу, чтобы спастись от индейских стрел, которые со свистом неслись со всех сторон. Заняв эту необычную позицию, Джип с удивлением посмотрел в комнату, на пустое кресло, на свои ботинки и на Флипа, сидевшего перед телевизором.

— Вот так раз! — удивился Флип. — Как это тебе удалось? Даже стекло не разбил!

— Сам не знаю!

— Но ты ведь сидишь прямо в телевизоре! Внутри! Так же, как Белое Перо! Как ты туда попал?

— Не знаю, Флип...

— Прямо чудеса... Но ты всё же подвинься немного, а то мне не видно.

— Не могу! Тут столько стрел...

— Знаешь, ты просто трус! Мне же из-за тебя ничего не видно!

«Хорошие» индейцы между тем не обращали никакого внимания на Джипа и отбивали нападение «плохих». Племя под предводительством Белого Пера одерживало победу над своими врагами точно так же, как это происходило каждую пятницу. События чередовались с молниеносной быстротой, и вскоре наш Джип оказался под копытами какой-то лошади.

— Ой! — испугался Флип.

Но никакой опасности не было, потому что лошади были дрессированные.

— Раз уж ты там, — успокоившись, сказал Флип, — спроси у Белого Пера, почему уже две недели не видно Гремящего Облака.

— Но он же не поймёт меня, он же не говорит по-итальянски!

— А ты скажи ему сначала «у-у!».

— У-у! — сказал Джип. Но Белому Перу было не до него. Как раз в этот момент он отвязывал от столба девушку с длинными чёрными косами.

— У-у! У-у! — снова нерешительно протянул Джип.

— Да ты погромче! — подбадривал Флип. — Боисься, что ли? Ну, понятно, ты болеешь за национальную сборную...

— А ты, «миланист», помалкивай, пока не попало!

— Ах вот как! Тогда я возьму и выключу телевизор! И тебе конец!

Сказав это, Флип соскочил на пол и кинулся к телевизору, собираясь выключить его.

— Сто-о-ой! — заорал Джип.

— Нет, выключу!

— Мама! Мама, помоги!

— Что случилось? — откликнулась из кухни синьора Бинда; она гладила там белье.

— Флип хочет выключить телевизор!

— Флип, не будь злым мальчиком! — довольно спокойно сказала мама.

— А зачем он забрался на экран?!

— Джип, перестань шалить! — сказала мама, продолжая гладить белье. — И не трогай телевизор, а то сломаешь ещё.

— Какое там трогать! — ехидно уточнил Флип. — Он же просто влез в него! Весь целиком! Одни ботинки здесь остались...

— Сколько раз я вам говорила, что нельзя ходить босиком, — ответила синьора Бинда.

— А Флип тоже босиком! — тотчас же вставил Джип.

Тут синьора Бинда решила, что пришла пора вмешаться. Вздохнув, она оставила утюг и вошла в комнату.

— Джип!

— Мама!

— Что это тебе взбрело в голову, сын мой?

— Я тут ни при чём, честное слово! — захныкал Джип. — Я сидел себе тихонько в кресле... Смотри... — И он показал на кресло, как бы призывая его в свидетели.

— Что-то скажет папа?! — вздохнула синьора Бинда и медленно опустилась в кресло.

В этот момент в комнату вошла тётушка Эмма. Она была у соседей — ~~играла~~ там в лото.

— Что тут происходит? Что я вижу! — воскликнула она, укоризненно взглянув на синьору Бинду, которая приходилась ей младшей сестрой. — Как ты позволяешь детям такие опасные игры?!

Тётушке Эмме объяснили, что произошло, но она не поверила ни одному слову.

— Нет, нет! Можете сколько угодно толковать мне о всяких там «таинственных» силах, но я-то понимаю, что этот ребёнок просто решил спрятаться в телевизоре, чтобы ему не досталось от отца. Разве не сегодня вечером он должен был показать ему табель с двойкой по арифметике? А теперь вот попробуйте его поймать и насыпать ему соли на хвост! Но это ему так не пройдёт! Я сейчас же позвоню мастеру!..

Выслушав красноречивые призывы тётушки Эммы, мастер поклялся, что придёт через десять минут.

В телевизоре между тем краснокожие любезно уступили экран миловидной синьорине, которая стала показывать, как приготовить салат без оливкового масла.

— Сто раз показывала! — рассердился Флип и решил заняться рисованием. Он разложил на столе лист бумаги, краски, поставил блюдечко с водой и взял кисточки — свои и Джипа.

— Мама, он взял мои кисточки! — немедленно пожаловался Джип, выглядывая из салатницы, где оказался в этот момент.

— Флип, оставь кисти Джипа!

Флип пропустил эти слова мимо ушей и преспокойно стал растирать великолепную голубую краску кисточкой Джипа.

Джип кричал с экрана, возмущался, негодовал, но не в силах был дотянуться до младшего брата, чтобы наградить его подзатыльником. Бессилие лишь удваивало его гнев.

Кричал Джип. Кричал Флип. Кричали тётушка Эмма и мама, пытаясь водворить мир и тишину.

В самый разгар этого концерта в комнату вошёл бухгалтер Джордано Бинда, вернувшийся из банка,

где он работал. Пришёл отец, глава семьи, если можно так выразиться...

— Неплохая встреча! — заметил он.

— О, не волнуйся! — поспешила успокоить его синьора Бинда. — Сейчас придёт мастер.

— Ну, если и он тоже станет кричать, тогда уже наверняка примчатся пожарные. А зачем он придёт, если не секрет? Снова испортилась стиральная машина?

— Нет, он придёт из-за Джипа.

— Из-за Джипа? Держу пари, он снова испортил мою электрическую бритву, как на прошлой неделе! Кстати, а где он?

— Я здесь, папа, — вздохнул Джип тихо-тихо.

Бухгалтер Бинда обернулся к телевизору, откуда доносился голос сына, и замер от изумления, словно статуя, изображавшая бухгалтера.

— Теперь уж ничего не поделаешь! — заговорила тётушка Эмма. — Теперь остаётся только простить его! В следующей четверти у нашего Джипа табель будет лучше и по арифметике будет лучшая отметка во всём Милане!

— Табель?.. Арифметика?.. — пробормотал бухгалтер Бинда, ничего не понимая.

— Сейчас я дам тебе табель, ты подпишешь его, а Джип, умница, выйдет из телевизора, и мы сядем обедать.

Тётушка Эмма решительно направилась к ящику стола, где лежал табель, который должен был подписать отец.

— Постой, постой! — воскликнул синьор Бинда. — Дело тут, наверное, не в плохих отметках. Речь идёт, должно быть, о страшной болезни! Как раз вчера какой-то Родари писал в газете о таком заболевании. Это случилось с одним адвокатом, с одним очень известным адвокатом, которого знает весь город. Он так любил смотреть передачи, что совершенно забросил всё на свете — семью, дела, здоровье. Для него в жизни существовало только одно — телевизор. Он сидел перед ним целыми днями и смотрел все передачи подряд: комедии, кинофильмы, конференции, хронику, рекламу, занятия школы неграмотных и передачу про этрусские вазы — словом, всё что угодно, совсем как Джип и Флип. Телевизор был включён у него даже

ночью, когда передач не было, и он всё ждал, не появится ли вдруг на экране хотя бы диктор. Словом, это была болезнь.

— Ну и что же?

— Кончилось тем, что он точно так же попал в телевизор и просидел там целых три дня. Представьте, каково ему было принимать клиентов, в одной рубашке, без пиджака и даже без галстука — в брюках с подтяжками!

— И как же он оттуда выбрался?

Уважаемый бухгалтер Джордано Бинда открыл было рот, чтобы ответить, но тут ему, видимо, пришла в голову какая-то мысль. Он бросился в переднюю, выскочил на площадку и стал стучать в дверь квартиры напротив, где жил адвокат Проспери (это был, разумеется, другой адвокат, не тот, что был болен телевизором: в Италии ведь адвокатов целые полчища).

— Добрый вечер! Чем могу служить, синьор Бинда? Проходите, пожалуйста!

— Послушайте, одолжите мне на десять минут ваш телевизор!

— Как раз сейчас? Сию минуту? Но сейчас начнутся «Новости», и я не хотел бы пропустить их. Сделаем проще — приходите сюда и давайте вместе смотреть передачу, раз у вас телевизор испортился.

Бухгалтер Бинда объяснил ему в двух словах, в чём дело, и добавил:

— В газете писали, как вылечить от этой болезни. Нужно поставить второй телевизор напротив того, в котором сидит больной. Его внимание сразу же привлечёт экран напротив, и он выскочит из одного телевизора, чтобы попасть в другой. Тут-то и надо уловить момент, пока он летит в воздухе, и выключить сразу оба телевизора. И тогда игра окончена. Притягательная сила телевизора исчезнет, и больной возвратится на землю. Конечно, нужно заранее расстелить на полу ковёр, чтобы он не ушибся. Адвокат, о котором писали в газете, был спасён именно таким образом, но, упав на пол, он набил три шишки на голове. Их, правда, можно вылечить без особых осложнений недели за три.

Адвокат Проспери терпеливо выслушал рассказ соседа и захотел сам взглянуть на Джипа, который, увидев его, смущённо приветствовал его с экрана телеви-

зора. Адвокат Проспери сказал, что охотно поможет вызволить Джипа, но только после «Новостей».

— Понимаете, это единственная передача, которая меня интересует сегодня вечером! — объяснил он.

К сожалению, после «Новостей» телевизор тоже не удалось выключить, — взбунтовались дети адвоката Проспери: они во что бы то ни стало хотели смотреть рекламную «Карусель». И никакими силами нельзя было уговорить их отказаться от этого зрелища.

Бедному Джипу в его новом положении пришлось испытать на себе и эту передачу. Сначала ему удалось спастись от зубной пасты, которая выдавливалась на него из огромного тюбика, но, правда, лишь для того, чтобы оказаться в мыльной пене. Затем его окутало густое облако талька, засыпало глаза и нос. Он раскашлялся, и на глазах выступили слёзы. Потом какой-то необыкновенный лак оставил несмываемые следы на его свитере, при этом тётушка Эмма пришла в ужас, а Флип коварно захихикал. Наконец, новая модель шариковой ручки нарисовала ему под носом пышные усы. А когда Джип захотел улучшить момент и поймать рекламируемый плавленый сырок, поскольку аппетит уже давал о себе знать, то не успел он и глазом моргнуть, как во рту у него вместо сыра оказалась какая-то противная мазь от ревматизма.

Когда рекламная «Карусель» окончилась, адвокат Проспери, как обещал, перенёс свой телевизор в квартиру соседа, но продолжал при этом ворчать:

— Как раз сейчас начнётся матч по боксу. Передаёт Евровидение! Неужели непонятно, что это единственная передача, которая действительно может заинтересовать меня сегодня?..

Телевизор поставили напротив того, в котором сидел Джип, вытиравший платком следы своего неудачного сражения с рекламой. Тётушка Эмма расстелила на полу между телевизорами несколько ковриков, чтобы Джип не слишком ушибся, когда будет падать. И опыт начался.

— Внимание! — сказал бухгалтер Бинда. — Как только я дам сигнал, выключите оба телевизора! Помните — оба сразу! — Потом он повернулся к своему «телевизионному» сыну и добавил: — Джип, смотри теперь внимательно на телевизор синьора Проспери!

Джип послушался. И почти в то же мгновение он снова почувствовал, как им завладела какая-то неведомая сила. Спустя мгновение он уже завибрировал, словно ракета перед стартом, затем пулей вылетел из экрана и со сверхзвуковой скоростью пересёк комнату.

К сожалению, поражённый этим зрелищем, бухгалтер Бинда забыл дать сигнал. Джип влетел в телевизор адвоката Проспери и... исчез!

— Джип! Джип! Где ты? Ты слышишь нас? Джип!

На экранах обоих телевизоров боксёры — английский и итальянский — продолжали наносить друг другу удар за ударом, а Джип словно в воду канул.

— Давайте посмотрим по другой программе!

Но Джипа не было и там, ни на одном, ни на другом телевизоре.

— Что же теперь делать?

В этот момент в квартиру позвонили. Пришёл улыбающийся, словно майская роза, мастер.

— Вызывали? Что случилось?

Впрочем, всем известно, что мастера никогда не приходят вовремя.

СЛУЧАЙ ЛЮДОЕДСТВА

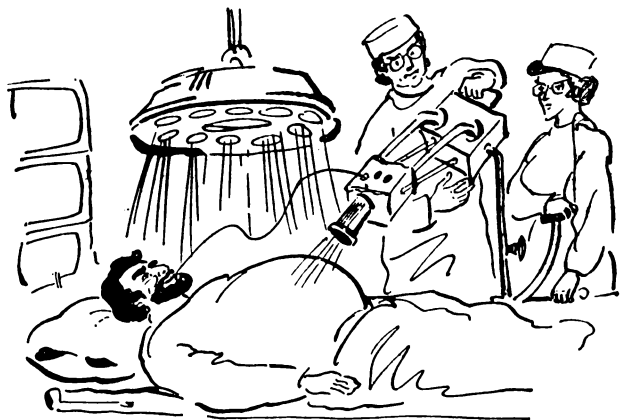
Профессор Лундквист, директор клиники «Лундквист» в Стокгольме, осматривал больного с помощью нового, недавно изобретённого аппарата. Больного звали Скогланд. Это был лесоторговец. Он подозревал, что у него язва желудка. Новый аппарат состоял в основном из тонкой трубочки, которую надо было вводить в пищевод больного. Но это ещё, можно считать, не самое страшное, потому что вообще врачи имеют обыкновение запускать в желудок больного всё что угодно, не говоря уже о касторке. Надо вам сказать также, что на конце трубки была крохотная телевизионная камера, величиной чуть побольше булавочной головки. По трубке от камеры шли провода к телевизору, который был включён.

— Готово? — спросил профессор Лундквист своего ассистента и двух медсестёр.

— Да, — коротко ответили все трое, по-шведски разумеется.

Лесоторговец Скогланд тоже сказал «да», но он преспокойно мог бы и помолчать, потому что мнение больного, лежащего на операционном столе, равным счётом ничего не значит.

— Итак, начнём! — сказал профессор. Он велел лесоторговцу проглотить трубку с крохотной телевизионной камерой, нажал на какие-то кнопки, сдержал непроизвольное чихание, не входящее в программу, и вот уже на экране телевизора появилось увеличенное изображение желудка господина Скогланда.

— Ох! — воскликнули сестры (по-шведски, разумеется. Впрочем, они могли бы сказать «Ох!» и по-итальянски или по-японски, — ведь «Ох!» почти на всех языках звучит одинаково!).

— А вы, господин Скогланд, лежите спокойно! — сказал профессор. — Подумайте пока о цене на березу и тополь. Вспомните, что предстоит платить налоги... Исследование вашего желудка с помощью телевизионной камеры продлится не более десяти минут. Сейчас мы находимся в вашей, я бы сказал, пищеварительной лаборатории. Альма, прибавьте яркость — освещение в желудке господина Скогланда оставляет желать лучшего. Вот так хорошо. Ну-с, посмотрим.

Четыре пары глаз, устремлённые на экран, вдруг одновременно взмахнули ресницами.

— О господи! — воскликнул помощник профессора, медсёстры тихонько ахнули, а сам профессор гневно закричал:

— Но это же людоедство!

На экране телевизора совершенно отчётливо было видно, что в самой середине желудка лесоторговца Скогланда сидит Джампьеро Бинда, или попросту Джип, и от нечего делать ковыряет в носу. Заметив, что за ним наблюдают, он привстал и, как полагается всякому воспитанному мальчику, поклонился.

— Господин Скогланд! — продолжал профессор. — Вы скрыли от меня истинную причину вашей болезни! Вы и в самом деле думаете, что можно спокойно проглотить ребёнка и это останется без последствий?! Вот вам налицо доказательство вашего преступления! Стыдитесь! Никакой язвы желудка у вас нет и в помине! Вы просто самый обыкновенный людоед!

Лесоторговец Скогланд с телевизионной камерой в желудке был, конечно, не в состоянии что-либо ответить ему. К тому же он не видел экрана и не понимал этого грозного обвинения.

— Людоедство! — продолжал возмущаться профессор. — В середине двадцатого века! В то время, как колониальные народы завоёвывают независимость и свободу, некоторые лесоторговцы занимаются людоедством!..

— Профессор, — робко проговорила одна медсестра, — мальчик, кажется... Смотрите! Он делает нам какие-то знаки! Может быть, он ещё жив?!

— Бедненький, он без ботинок! — заметила вторая медсестра.

— Хорошо хоть в носках! — сказал помощник профессора и строго посмотрел на господина Скогланда.

Профессор попросил всех замолчать и внимательно рассмотрел Джипа с головы до ног, точнее — до носков.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он у него.

— Квик прик квак марамак! — услышал он в ответ.

— Станный какой-то язык! — заметил профессор.

(Тут надо вам пояснить, что на самом деле Джип сказал: «Ничего не понимаю!» — но профессор не знал ни слова по-итальянски и поэтому слышал толь-

ко какие-то смешные звуки. И наоборот, если мы станем на место Джипа, который ни слова не понимает по-шведски, то так же, как профессор, ничего не поймём. Когда профессор разговаривал со своими помощниками, Джип слышал только: «Квик прик квак марамак пеперикок!» — и тоже думал: «Станный язык!»)

К счастью, одна из медсестёр немного понимала по-итальянски — она провела как-то отпуск в Риччоне, — так что смогла что-то перевести.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил профессор.

— Спасибо, хорошо! — ответил Джип.

— Он очень больно тебе сделал?

— Кто?

— Как кто? Господин Скогланд!

— По правде говоря, я не знаю такого.

— Тогда что же ты делаешь в его животе? В твоём возрасте я не лазил по желудкам незнакомых людей, а тем более — иностранцев.

— Синьор профессор, клянусь вам, я тут ни при чём!

— Ты ни при чём, господин Скогланд ни при чём, все ни при чём! А кто же виноват? Я, может быть? Король Швеции? Конная стража?

— Видите ли, я...

— Хватит! Сиди тихо и не двигайся! Посмотрим, как тебе помочь.

Профессор, всё ещё продолжая ворчать, осторожно вынул телевизионную трубку из желудка лесоторговца Скогланда, и тот наконец спросил:

— Это очень серьезно?

— Исключительно!

— И наверное, мне придётся отправиться в больницу?

— Мне думается, однако, что вам придётся отправиться не в больницу, а в тюрьму! Нельзя же в самом деле проглотить восьмилетнего мальчика как есть, со всей одеждой, и являться после этого к хирургу, чтобы он вынул его, словно занозу из пальца. Может, вы теперь собираетесь спокойно вернуться домой и как ни в чём не бывало продавать дрова оптом и в розницу?!

— Простите, профессор, о каком мальчике вы говорите?

— Вот об этом,— строго сказал профессор и ткнул пациента пальцем в грудь.

— Но я здесь!— воскликнул в это время Джип.— Я всё время здесь!

Профессор, его помощник, медсёстры и господин Скогланд повернулись к телевизору и посмотрели на Джипа, колыхавшегося в светлом прямоугольнике экрана.

— Так ты не был в желудке господина Скогланда?!— воскликнул профессор.— Выходит, ты просто самая обыкновенная помеха!

— Никакая я не помеха!— обиделся Джип.— Меня зовут Джампьеро Бинда, я живу в Милане и попал в телевизор, когда...

— Но это мой телевизор!— закричал профессор.— И здесь у нас Стокгольм! Ты не имеешь права мешать моей работе! Это безобразие! Это, может быть, даже шпионаж!..

Кто знает, какие ещё обвинения обрушил бы он на взлохмаченную голову Джипа, но в этот момент почему-то выключили ток, и телевизор погас. Когда снова зажёгся свет, экран был чист, словно снежное поле, на нём не было и тени Джипа, ни малейшего пятнышка, ни даже полосы — ни вертикальной, ни горизонтальной.

Господин Скогланд так и не смог понять, почему профессор Лундквист обозвал его людоедом, и ушёл качая головой. А профессор был так разгневан, что забыл даже взять с него плату за визит.

ПОИСКИ ПРЕСТУПНИКА

В подземелье одного старинного немецкого замка, на берегу Рейна, сидели два весьма почтенных господина и играли в шахматы. Время от времени они поглядывали на экран телевизора, на котором был виден гардероб — вешалки и висящие на них пальто.

Изображение на экране не менялось и походило на заставку, какие бывают в перерывах между передачами. Правда, в перерывах показывают обычно какой-нибудь красивенький пейзаж с овечками, фонтанами

или архитектурными памятниками, а тут вдруг обывоченный гардероб. С каких пор это вошло в моду на телевидении — непонятно.

Но тут-то, вероятно, вам следует объяснить, что:

1. В старом замке находится древняя библиотека — многовековая гордость города Бармштадта.

2. Шахматисты — это профессор Сильвиус Леопольд Линкенбейн, директор библиотеки, и старший инспектор полиции Георг Вильгельм Фридрих Рехтенбейн. Сами понимаете, это люди, которые не страдают телевизионной болезнью.

3. На экране телевизора виден гардероб библиотеки.

4. В гардеробе за рамой висящей на стене картины укрыта маленькая телекамера. Она-то и снимает всё, что происходит в помещении, и передаёт изображение в подzemелье, где сидят профессор и инспектор полиции.

5. Хитроумная система наблюдения была установлена здесь, чтобы узнать...

Минутку! Дело в том, что на экране телевизора стало видно, как слева в гардероб вошёл какой-то молодой человек. Он снял пальто, повесил его рядом с другими и затем вышел.

— Опять не то! — сказал профессор.

— Не то опять! — согласился инспектор полиции, изменив порядок слов в предложении. Но, как известно, от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

И господа снова стали играть в шахматы. А если бы снова взглянули на экран, то увидели бы, как из-за груды старых книг выглянула мышка. Но никто не удостоил её вниманием. И мышка, обиженная, удалась. Прошло ещё немного времени, и в гардеробе появились две миловидные девушки. Они остановились перед вешалкой, сняли свои шубки — шубки так себе, не норковые, конечно, — и ушли. Ни одно их движение не ускользнуло от взгляда профессора и инспектора полиции. Когда девушки исчезли с телеэкрана, профессор сказал:

— Очень милые особы.

— Весьма, — согласился инспектор полиции, — но к нашему делу они не имеют никакого отношения.

— К нашему — безусловно! — заключил профессор и не очень уверенно передвинул пешку.

И вдруг на экране телевизора появился Джип. Двое наблюдателей тотчас же оставили игру.

— Ого! — воскликнул профессор. — Смотрите, мальчишка!

— Мальчишка! Босой! — согласился инспектор полиции. — Интересно, зачем он снял ботинки? Как вы полагаете, профессор?

— Пожалуй, это весьма серьезная улика, — согласился тот. — Может быть, мы поймаем наконец воришку, который вот уже две недели чистит карманы посетителей нашей библиотеки.

— Добрый вечер! — сказал в это время Джип.

Профессор и инспектор полиции удивленно переглянулись.

— Я с удовольствием отмечаю, что вы знаете итальянский язык! — сказал профессор инспектору полиции.

— Весьма признателен за комплимент, но должен заметить, что я не произнёс сейчас ни звука!

— Но и я тоже рта не раскрывал!

— Простите за беспокойство, — вмешался с экрана Джип, — не объясните ли вы мне, где я сейчас нахожусь? Меня зовут Джампьеро Бинда, я живу в Милане, на улице Сеттембрини, сто семьдесят пять, квартира четырнадцать...

Два почтенных игрока в шахматы вскочили как по команде и подошли к телевизору.

— Ни с места! — крикнул инспектор полиции Джипу. Он позвонил в колокольчик, и на экране тотчас же появились двое полицейских в мундирах. Они прятались в соседней комнате и теперь выскочили оттуда, чтобы схватить вора и надеть на него наручники. Но, оглядевшись по сторонам, пошарив среди пальто, они остановились в полном недоумении, потому что в гардеробе никого не было!

— Ослы! — закричал инспектор полиции, топая ногами. — Дважды ослы! Шестнадцать ушей у вас на голове! Да вот же, прямо перед вами стоит! Поверните свои глупые носы: вор рядом с вами и даже не прячется. Ведь это ты лазаешь по карманам? — крикнул он, обращаясь к Джипу.

— Нет, вы ошибаетесь! — кротко ответил Джип.

— Молчать! Мы поймали тебя на месте преступления! Только воры снимают ботинки, чтобы бесшумно пробраться куда-нибудь.

— Но я-то их снял только для того, чтобы не испачкать кресло и чтобы удобнее было сидеть. И потом я здесь вовсе не по своей воле, а в плену...

— Прекрасно! Значит, сам признаёшь, что ты у нас в плену! Это уже неплохо!

Между тем полицейские так никого и не обнаружили и, не слыша упреков своего начальника, удалились, недовольно бормоча разные выражения, которые здесь воспроизводить не стоит.

Инспектор полиции продолжал:

— Скажи нам сейчас же, кто научил тебя воровать и в какой канаве ты спрячешь награбленное?! И будь спокоен, твои родители заплатят за специальную телевизионную установку, которую мы вынуждены были поставить здесь, чтобы поймать тебя сличным.

При упоминании о родителях Джип расплакался!

— Плачет! — торжествующе воскликнул инспектор полиции. — Значит, признаётся!

Но профессор был другого мнения:

— Минутку, уважаемый инспектор. Вором может быть только кто-то из посетителей библиотеки, не так ли? А я уверен, что никогда раньше не видел здесь этого мальчика. Кроме того, я сам отец семейства, у меня есть сын и даже внук, так что в детях я немножко разбираюсь. Мне не совсем ясно, почему этот мальчик ходит без ботинок, но по лицу его я бы никогда не сказал, что у него есть склонность к воровству. — И он обратился к Джипу: — Скажи мне, где ты сейчас находишься?

— Вот это как раз я и хотел бы знать больше всего на свете! По-моему, я нахожусь в телевизоре...

— А разве не в гардеробе? Разве ты не видишь пальто, что висят на вешалке?

— Вижу. Но это телевизионные пальто, если можно так выразиться. Как это объяснить?.. Ну, это только картинка, а не настоящие пальто. Я ведь на экране, понимаете?

— Вот видите, — заключил профессор, — мальчик совершенно невиновен, он чист, как вода в источнике. Просто в телевизоре, наверное, что-нибудь не в по-

рядке, и к нам подключилась какая-нибудь ста-ция.

Профессор хотел добавить еще что-то, но вдруг замолчал: на экране появился солидный господин. Он надел своё пальто и шляпу, а затем быстро огляделся... и запустил руку в карман чужого пальто. Затем он ловко обшарил все другие пальто и переложил в свои карманы всё, что ему приглянулось.

На этот раз инспектор полиции не стал терять времени даром. Он позвонил в колокольчик, полицейские выскочили из своего укрытия и схватили вора. Тот попытался вырваться и убежать, но не тут-то было.

Наконец на экране остались только пальто, равнодушные ко всему происходящему, и Джип. Профессор и инспектор полиции в смущении почёсывали затылки, глядя на Джипа.

— Так ты из Милана... — заговорил наконец профессор. — Красивый город... Собор... Пантеон... «Вечеря» Леонардо да Винчи... Знаю, знаю... Бывал там!

— Но вы не знаете моего отца! — воскликнул Джип. — Он ведь может поверить тётушке Эмме. А она

считает, что я убежал из дома, потому что боялся показать отцу табель. Двойка у меня по арифметике, вот что!

— По арифметике? Это ужасно! В двадцатом веке, когда даже машины умеют считать, и вдруг двойка по арифметике! А в чём дело, почему она не даётся тебе? Это же увлекательный предмет! Деление, наверное, трудно?

— Нет, — ответил Джип, — не деление, а таблица мер и весов. Я всё время путаю гектолитр с гектометром. И никак не могу запомнить, чем измерять вино, которое купил хозяин гостиницы, и чем измерять дорогу от Бари до Барлетты.

— О, это ужасно, просто ужасно! — воскликнул профессор по-итальянски и добавил по-

емецки: — Шреклих! — что означает то же самое.

А инспектор полиции заметил, что это вовсе не ужасно и даже вполне простительно. Но ему тоже жаль, что у Джипа трудности с таблицей мер и весов. И добавил ещё, что, по его мнению, несправедливо заставлять детей считать за какого-то хозяина гостиницы, да ещё в его отсутствие.

Кончилось тем, что профессор и инспектор полиции, забыв отпраздновать поимку преступника, принялись было объяснять Джипу таблицу мер и весов, но при этом заспорили, достали записную книжку, стали писать сложные формулы, выхватывая друг у друга ручку. И когда начали, наконец, переводить дециметры в декаметры, то совсем уже позабыли про Джипа. Наконец спор окончился мирным согласием. И тут, вспомнив о Джипе, они взглянули на экран и застыли от изумления, словно гипсовые статуи (вес которых измеряется центнерами!): Джип исчез, словно его и вовсе не было.

ГОВОРЯТ ЛИ ЖИТЕЛИ САТУРНА ПО-ЛАТЫНИ?

На протяжении следующих суток появление Джипа неоднократно отмечалось на экранах телевизоров в самых различных городах мира. Он появлялся то в одной передаче, то в другой, перескакивал с первой программы на четвёртую и всё не мог успокоиться, совсем как бильярдный шар, который мечется по столу, не попадая в нужную лузу.

В тот день рано утром из Марселя вышел в открытое море корвет «Мерендина». На его борту находилась большая группа итальянских и французских телеоператоров, водолазов и опытных ныряльщиков. Когда корабль остановился в нужном месте, все они спустились на морское дно, захватив с собой специальные телекамеры, чтобы начать необыкновенную телевизионную передачу с борта древнего судна, которое затонуло здесь ещё во времена римского императора

Траяна с грузом вина и масла и было найдено недавно одним любителем подводного плавания.

На палубе «Мерендины» техники итальянского и французского телевизионных центров следили за тем, что происходит на телеэкранах. Они со смехом показывали друг другу то на улепётывающую толстую се­лёд­ку, то на рыбу-молот, которая остановилась посмотреть в телеобъектив и, казалось, вот-вот помашет руч­кой и скажет: «Чао, чао!» («Привет!»), как это делают даже самые серьёзные комментаторы, когда знают, что их снимает телекамера.

Но вот на экране появилось изображение затонув­шего корабля. Почти две тысячи лет волны нежно ласкали его, хранили на дне моря, скрывая от любопытных потомков Траяна. И вот теперь его покой нарушают толстые, медлительные в своих лунных скафандрах водолазы. Они проникают сквозь пробоину внутрь корабля. В таинственном полумраке виднеются длинные ряды старинных амфор, которым, должно быть, совершенно безразлично, где стоять — в винном погребе древнеримского императора или на дне морском... И вдруг на экране возникает лицо Джипа. Изображение слегка колышется и дрожит, и на борту «Мерендины» все тотчас же взволнованно восклицают:

— Смотрите, утопленник!

— Да нет, это ребёнок!

— Конечно, ребёнок! Утопленники не смотрят на мир так весело!

— А может, это сын русалки?

— Нет! Тогда у него был бы рыбий хвост и не было носков...

Но так же внезапно, как появился, Джип вдруг исчез. А водолазы, поднявшись на борт «Мерендины», клялись, что не видели под водой ни мальчика, ни утопленника, ни сына русалки, что были на дне только самые обычные рыбы и облепленные раковинами старинные амфоры.

Всё это происходило в семь утра. А в восемь часов на Суэцком канале в Египте уже было оживлённое движение: самые разные корабли и пароходы шли по узкому каналу, который соединяет, если верить геог-

рафическим картам, Средиземнсе море с Красным. И, двигаясь этим путём, все корабли выполняли приказы, которые передавались им из диспетчерской рубки, находившейся у входа в канал. Из этой рубки можно было одним взглядом окинуть весь канал — во всю его длину и ширину. Это позволяли сделать многочислен-

ные телевизионные камеры, что стояли в разных местах на берегу.

Всё было в порядке, всё шло как обычно, но спустя некоторое время дежурному лоцману Ахмеду показалось, что на одном из экранов он заметил какое-то странное изображение. Похоже, это был тот самый смешной и хитрый мальчишка, которого минуту назад он видел на борту греческого корабля «Онассис». Но как же он мог оказаться теперь на голландском нефтеналивном танкере «Спиноза»?.. Да нет! Вот он уже на большом плоту, груженном быками.

«Невероятно! — решил Ахмед, протирая глаза. — Не может же он прыгать с корабля на корабль, словно пират. Это запрещено!»

Изображение Джипа ещё некоторое время продержалось на экране, колеблясь среди парусов одной необычно красивой яхты, принадлежавшей какому-то арабскому султану, и затем исчезло. Ахмед позвонил в бар и заказал себе крепкого кофе. «Этой ночью я плохо спал, должно быть, поэтому и вижу сны наяву,» — решил египетский лоцман.

Примерно в это же время в Югославии сидел в своём деревянном домике лесничий. Он грелся у огня, мирно покуривал трубку и время от времени поглядывал на экран телевизора. Ему полагалось бдительно следить, не вспыхнет ли где-нибудь лесной пожар, чтобы тотчас же поднять тревогу. Но вообще-то зимой редко случаются пожары в лесах, так что служба его была совсем лёгкой. Тем более что всё происходящее в лесу ему было видно по телевизору.

Покуривая трубку, лесничий, должно быть, слегка задремал, потому что когда он наконец сообразил, что вот уже целых две минуты не он рассматривает лесные просеки, а за ним самим наблюдает какой-то мальчишка, то даже вынул изо рта трубку — так велико было его изумление. Бедняга никогда не верил в сказки, но тут почувствовал, что ему стало просто не по себе. Но в то же мгновение Джип исчез. Даже не попрощавшись с ним.

В тот день Джип побывал ещё во многих местах: в огне раскалённой доменной печи, в глубочайшей

шахте, в коридорах какой-то тюрьмы, в стальном сейфе известного банка. Перескакивая из обычных программ в специальные и наоборот, он помещал комедии, которая передавалась по советскому телевидению, а потом — концерту, который транслировали по датскому телевидению, затем он появился в канадском телевизионном ревю, откуда перекочевал в Америку, где потанцевал на столе, за которым пять солидных экспертов делились с телезрителями своими соображениями относительно нового закона о налогах. И наконец, попав в Китай, он попрыгал на ковре вместе с акробатами...

Так прошёл день. А ночью, когда астрономы в обсерватории Джодрэл Бенк в Англии направили свои радиотелескопы на Сатурн и включили телевизоры, ожидая увидеть увеличенное и хорошо высвеченное изображение загадочной планеты, они с изумлением обнаружили, что по огромным кольцам Сатурна прогуливается какое-то очень похожее на человека существо. Сами понимаете, это был не кто иной, как Джип. Но астрономы-то этого не знали и потому решили, что обнаружили в космосе первое неземное существо, которого ещё никто никогда не видел с Земли. Но тут Джип произнёс:

— Сальве! (Это значит — «Привет!»)

— Неплохо для начала! — воскликнул доктор Морган. — Этот сатурнянин говорит по-латыни! — И он готов был уже произнести в ответ красивую фразу из Цицерона, как вдруг Джип исчез. Доктор Морган вздохнул: — Опять, должно быть, проделки доктора Пойнтера!

Чтобы не остаться в долгу, он снял телефонную трубку и сообщил доктору Пойнтеру, что тот приглашён вечером на ужин к адмиралу Нельсону и что необходимо надеть фрак и подкрутить усы.

ОДИН МАЛЬЧИК СТОИТ ТРЁХ ИСКУССТВЕННЫХ СПУТНИКОВ

А в доме синьора Бинда через четверть часа после исчезновения Джипа одновременно появились представитель телевизионной компании и инспектор полиции.

Им было поручено произвести расследование необычного происшествия. Они нашли синьору Бинда в слезах, Флипа уснувшим в кресле, тётушку Эмму с ворохом ковриков в руках, а синьора Бинда яростно спорящим с адвокатом Проспери, который хотел унести домой свой телевизор.

— Неужели вы не понимаете,— объяснял ему бухгалтер,— что Джип может вернуться с минуты на минуту?! И мы не знаем, на каком из двух экранов!

— Если он появится на моём, я вас сразу же предупрежу! — заверял адвокат.— Но это маловероятно. Ваш Джип не объявлен в сегодняшней программе передач. Вы ведь смотрели программу? После футбольного матча клуб домохозяек будет обсуждать, каким образом лучше всего класть в суп петрушку. И это единственная передача, которая меня интересует сегодня вечером. Я даже собираюсь записать кое-что, наверное, будут какие-нибудь дельные советы...

— Но вы можете сделать это и здесь, у нас! Садитесь, пожалуйста, сюда! Это очень удобное кресло!

— Э нет, синьор бухгалтер! Моё кресло гораздо удобнее! Оно из чёрной кожи! И кроме того, у меня есть ещё скамеечка для ног. И потом — не знаю, как вы,— а я в конце концов собираюсь лечь спать...

— И выключить телевизор?

— Разумеется.

— Но сегодня этого нельзя делать! Телевизор должен быть включён, чтобы Джип мог вернуться домой!

— Вы хотите оставить его включённым на всю ночь?!

— Если понадобится, то и на всю ночь. Мы будем дежурить у экранов по очереди.

— Позвольте, но для кинескопа это верная гибель... Нет, нет! Я не позволю портить мой телевизор!

Тут в спор вмешался инспектор полиции. Он заметил, что прав, безусловно, синьор Бинда, и адвокату Проспери пришлось отдать своим войскам приказ об отступлении. Однако, прежде чем уйти, он довольно энергично выразил устный протест.

Представитель телевизионной компании и инспектор полиции начали наконец расследование. Но... тут

же и окончили! Потому что ни тот, ни другой просто не знали, с чего начать. Оба считали, что случай этот необычный, невероятный и просто необъяснимый.

— Но ведь уже была недавно подобная история, — настаивал синьор Бинда, — я сам читал об этом в статье какого-то Родари. Он пишет, что это болезнь. А врачи даже название для неё придумали. Если не ошибаюсь — ТЕЛЕВИЗИОНИТ.

— Выдумки, дорогой синьор Бинда! Всё это выдумки газетчиков! Сами знаете, чего только не придумают эти журналисты, лишь бы поинтереснее получилось!

— Что верно, то верно! — согласился инспектор полиции и рассказал о том, как один журналист подробнейшим образом описал похищение знаменитой падающей Пизанской башни.

— Понимаете, он выдумал, будто башню украли! Разобрали на кусочки и унесли! И даже расписал какую-то шайку воров, которая специализировалась на грабеже исторических памятников. Вся Италия разволновалась. Но нетрудно было доказать, что сообщение это ложное. Стоило показать телезрителям открытку с видом башни, как все поверили, что она стоит на месте. Но некоторые всё же продолжали судачить об этом и, конечно, ругали на чём свет стоит полицию.

Пока инспектор полиции жаловался на трудности, тётушка Эмма разложила коврики по местам. Оглядевшись, она решила принять командование на себя: синьоре Бинда велела немедленно отнести Флипа в постель, бухгалтера Бинда заставила положить на живот горячую грелку, чтобы быстрее прошёл испуг, а гостей уговорила отведать ликёр собственного изготовления. Затем взяла карандаш и бумагу и составила расписание дежурств у телевизора.

Окончился футбольный матч, домохозяйки перестали спорить о том, как лучше всего класть в суп петрушку, и красивая девушка-диктор пожелала всем спокойной ночи, но Джип так и не появился на экране.

Когда же утром почтальон принёс газеты, в них оказались огромные, во всю страницу, необычайные заголовки:

«ВЕРНЁТ ЛИ ЭКРАН СВОЮ ДОБЫЧУ?»
«ТЕЛЕВИЗОР ПОГЛОТИЛ ВОСЬМИЛЕТНЕГО
МАЛЬЧИКА!»
«ЧУДОВИЩНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЙ
ПРОГРАММЫ!»
«ДЖИП, ВЕРНИСЬ НА СВОЮ АНТЕННУ!»
«БАНДА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ВОРОВ
ТЕРРОРИЗИРУЕТ ГОРОД!»

Статьи были ещё более тревожными, чем заголовки. И в каждой из них всё, что случилось, рассказывалось по-разному. В одних статьях Джип описывался как «светловолосый ангелочек», в других — как «шалун, который играл на звонках своих соседей». Какая-то газета намекала, что кое-что интересное мог бы рассказать адвокат Проспери: ведь телевизор, в котором исчез Джип, принадлежал ему... Если же верить другой газете, то исчезновение мальчика в телевизоре — это чистейшая выдумка полиции. А на самом деле Джипа будто бы похитили пришельцы из космоса, скорее всего, марсиане, которые особенно опасны, потому что они — невидимки.

— Марсиане! Невидимки! — возмутилась тётушка Эмма и швырнула газету в мусорный ящик. — Что бы все эти журналисты сами стали невидимками!

Вечерние газеты тоже поместили много разных невероятных сообщений о Джипе. Но всем было ясно, что правды в них нет ни на грош. Ведь не нашлось и двух газет, которые бы написали одно и то же! Одна газета утверждала, будто Джипа видели в Швеции, другая, что он появлялся в Голландии, а третья описывала его приключения на Суэцком канале.

— Я покажу им Суэцкий канал, этим негодьям! — негодовала синьора Эмма. — Придумают же такое!

Прошла ещё одна ночь дежурства у телевизора. Но Джип так и не появился. Утром почтальон принёс свежие газеты, но синьорина Эмма отказалась взять почту.

— Хватит с меня этой продукции! — закричала она. — В этом доме не будет больше ни клочка газетной бумаги! Даже той, из которой продавец фруктов

делает кульки для земляники.— И она хотела захлопнуть дверь.

— Подождите, подождите! — закричал почтальон.— Тут интересные новости.

— Знать ничего не желаю! Уходите!

— Но вы только посмотрите, что пишут газеты! Вашего Джипа разыскивают с помощью этих самых... Ну как они называются?..

— Откуда мне знать как! — снова возмутилась синьорина Эмма.

— О, дорогая синьора, это такое трудное слово! Ну эти, как их... Вроде бенгальских огней, но только не они... Да вы возьмите газету! Здесь всё написано! Говорят, есть надежда...

Тётушка Эмма осторожно, словно газеты вот-вот вспыхнут пламенем, взяла их в руки, понесла бухгалтеру Бинда, который заканчивал своё дежурство у телевизора, прежде чем отправиться на службу.

Флип тотчас же ухватил одну газету, чтобы найти в ней знакомые буквы.

— А! Здесь есть буква «А»! — обрадовался Флип. Ну а дальше произошло следующее.

Один молодой японский учёный профессор Яманака, размышляя над необычным явлением, пришёл к невероятному выводу, что Джип, попав в телевизор, превратился в электромагнитную волну и путешествует теперь в пространстве со скоростью света. За одну секунду волна делает семь оборотов вокруг Земли — куда больше, чем космические корабли Гагарина, Титова, Глена и Карпентера.

Время от времени волну «Джип» улавливали какие-нибудь телестанции или даже отдельные телевизоры в самых разных уголках земного шара.

— А почему же, уважаемый профессор Яманака, волна «Джип» прежде всего попала на экран телевизора в клинике профессора Лундквиста? — спросил учёного один журналист.

— Возможно, потому, — ответил он, — что в этот вечер его телевизор был единственным включённым по всей Европе. Ведь в это время окончились уже все передачи. (Замечу, что это вполне вероятно: профессор Лундквист любил работать по ночам). Очень уважаемая волна «Джип», — продолжал профессор Яманака, — смогла познакомиться с многочисленными спу-

циями использования телевидения и узнать то, что нередко не знает самая широкая публика.

— Можно ли перехватить волну «Джип» и вернуть мальчика на Землю? — поинтересовался другой журналист.

— Да, господа, это возможно! Нужно только, чтобы все телевизионные станции на Земле передавали по всем своим каналам и программам одну и ту же передачу. В таком случае волна «Джип» не сможет никуда перескакивать и её нетрудно будет снова превратить в мальчика.

— Одна программа передач для всех телевизоров на земном шаре?

— Да, уважаемые господа, и ещё раз да! А для этого нужно, как известно, запустить три искусственных спутника Земли.

— ЧТО? ТРИ ИСКУССТВЕННЫХ СПУТНИКА РАДИ КАКОГО-ТО МАЛЬЧИШКИ?!

— Да, господа, да, очень уважаемые дамы и господа: три искусственных спутника! Разве, по-вашему, жизнь мальчика не дороже трёх искусственных спутников и даже трёхсот спутников или трёхсот тысяч миллионов космических ракет?

«ГАРИБАЛЬДИ», «ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ» И «ДЖИП»

Ровно в час без пяти секунд по римскому времени на космодроме в Сардинии готовились к запуску первого итальянского спутника Земли. «Гарибальди» должны были запустить совсем для другого эксперимента, но правительство не колеблясь предоставило его для операции «Джип», как называли всю эту историю журналисты. И вот теперь на командном пункте космодрома профессор Ночера держал руку на пусковой кнопке, а голос из репродуктора считал «наоборот»:

— Чинкуе (по-итальянски это значит «пять»)... кватро... тре... дуэ...

В это время в Москве часы показывали без пяти секунд три часа. На космодроме поблизости от столи-

цы готов был к запуску очередной спутник. Правительство Советского Союза, предназначив его для операции «Джип», дало ему имя «Галилео Галилей». И вот теперь на командном пункте космодрома профессор Максим Петров тоже держал руку на пусковой кнопке, а голос из репродуктора отсчитывал порусски:

— Пять... четыре... три... два...

В Америке, на мысе Кеннеди, было всего шесть часов утра. Здесь на пусковую кнопку готов был нажать профессор Браун. Искусственный спутник, предоставленный американским правительством для спасения мальчика, был назван в его честь «Джип». Голос из репродуктора говорил по-английски, но смысл слов был тот же:

— Файв... фюу... фри... ту... Пуск!

И в тот же момент одновременно стартовали в космос три космических корабля. Они вывели на точно рассчитанную учёными орбиту три искусственных спутника — «Гарибальди», «Галилео Галилей» и «Джип».

По меньшей мере миллиард человек сидел у телевизоров и слушал взволнованные голоса дикторов, которые на всех языках мира рассказывали о том, как идёт операция «Джип». Между прочим, многие, чтобы узнать, как проходит операция, даже встали с постелей. Потому что — вы и сами понимаете — когда в одном полушарии день, в другом — ночь.

— Внимание! Внимание! Продолжаем сеанс космовидения! Все телевизионные станции земного шара связаны сейчас единой программой. Через несколько секунд ретрансляционные установки трёх искусственных спутников передадут на Землю изображение самого знаменитого комического актёра нашего времени Чарли Чаплина. В одно и то же мгновение оно появится на телевизионных экранах в Риме, Токио, Нью-Йорке, Москве... Появится во всех странах, на всех континентах!

И действительно, не прошло и минуты, как все жители Земли — все те, у кого был телевизор и кто, ра-

зумеется, не спал, — увидели на экранах знакомые усики Чарли Чаплина.

Но почти тотчас же изображение исчезло, и на экране возник Джип в своём уже изрядно помятом свитере, в коротких штанишках, в одних носках...

— У него дырка на пятке! — закричала тётушка Эмма, заглушая все «ура!», которые раздались в доме синьора Бинда, где набились жители всех соседних квартир.

— Ура! Ур-ра! — орал Флип.

Адвокат Проспери, напротив, изо всех сил старался обратить общее внимание на другие:

— В моём телевизоре Джип виден лучше!

— Внимание! Внимание! — произнёс диктор. — Профессор Ночера попробует сейчас поговорить с Джампьеро Бинда.

Голос учёного звучал глухо и взволнованно:

— Джип, мы тебя видим! Если ты слышишь нас, отвечай нам! ЗЕМЛЯ ВЫЗЫВАЕТ ДЖИПА! ЗЕМЛЯ ВЫЗЫВАЕТ ДЖИПА!.. Перехожу на приём...

На мгновение все замерли в ожидании, и затем из космоса донёсся звонкий мальчишеский голосок:

— Я слышу вас отлично! Слышу, но не вижу. Тут тоже есть телевизор, но я вижу в нём только себя. Перехожу на приём...

— Разве ты сам не в телевизоре?

— Нет! Спасибо, с меня хватит! Слава богу, что я из него выбрался!

— Но где же ты теперь?

— Не знаю... Минуту назад я был, кажется, в Марокко, а может быть, в Финляндии. А сейчас... Сейчас в какой-то маленькой кабине. Я вижу здесь телевизор и себя на его экране... Ещё тут множество всяких приборов и... тут ещё кошка! Она летит по воздуху, будто её подвесили на воздушном шарике. Ой, я тоже, кажется, лечу, совсем как тогда, когда попал в телевизор... Но теперь меня туда и калачами не заманишь!... Похоже, я научился летать по воздуху и ходить по потолку...

— Джип! — сказал профессор Ночера. — Справа от тебя иллюминатор. Посмотри в него внимательно. Что ты видишь?

— Если не ошибаюсь, там Земля... Надо же, как она быстро крутится! Прямо подо мной острова в мо-

ре, но, к сожалению, на них не написаны названия, как на глобусе, а я не знаю, что это за острова. Иди сюда, киска, иди посмотри. Кстати, а как тебя звать?

— Котёнка звать Миучино. И оба вы находитесь в искусственном спутнике «Гарибальди-1», Джип.

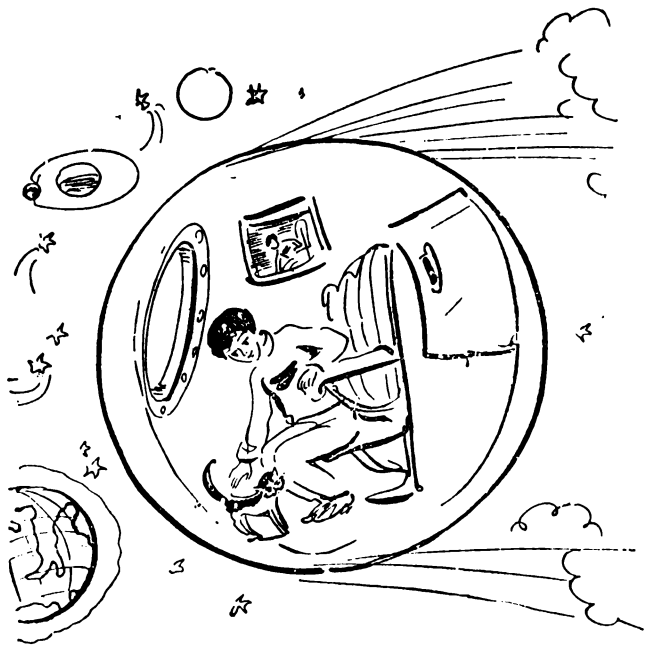
— Значит, я теперь космический путешественник?

— Ты, Джип, первый итальянский космонавт!

— Ну первый — это всё-таки котёнок! Он уже был здесь, когда я появился тут. А как попал сюда я?

— Это сделали электромагнитные волны. Ты оказался в телевизоре, установленном на искусственном спутнике Земли, и выскочил из него в кабину спутника, наверное, благодаря космическим лучам.

— Электромагнитные волны... Космические лучи... Кто знает, что это такое? Надо, видно, и это изучать, не только таблицу мер и весов. Между прочим, а я мог бы послать привет маме? Слышит ли она меня, видит ли?

— Тебя видит вся Земля, Джип!

— Ну, вся — это уж слишком! Здравствуй, мама! Чао, папа! Привет, Флип, чао, тётушка Эмма! Какживаете, синьор Проспери?

— Вот разбойник! — удивился адвокат Проспери, краснея от удовольствия и гордо оглядываясь по сторонам, очень взволнованный. — Как он догадался, что я тоже тут?!

— Я хочу домой! — крикнул Джип. — Мне надоело летать по телевизорам! И если меня ждёт наказание, то я немедленно назначаю своим адвокатом синьора Проспери. Ведь я вовсе не собирался удирать!

— Вот почему он вспомнил о вас! — усмехнулась тётушка Эмма.

— Внимание, Джип! — снова заговорил профессор Ночера. — Скоро спутник пойдёт на снижение и войдёт в атмосферу Земли. Спуск произойдёт по команде с Земли. Не бойся, всё будет хорошо! А пока приветствуй всех, кто сейчас сидит у телевизоров и тревожится за тебя. У тебя необыкновенные зрители — русские, американцы, итальянцы, англичане, немцы, французы, китайцы, африканцы... Скажи-ка что-нибудь...

Джип почесал затылок, скорчил гримасу и произнёс:

— Добрый день и добрый вечер! Я не вижу вас, но я всех люблю. Вы все очень славные. Киска, попрощайся ты тоже. Перехожу на приём. Чао!

Но ещё несколько минут, прежде чем была прервана связь с искусственным спутником, люди самые-самые разные — белые, чёрные и жёлтые, счастливые и несчастные — продолжали с улыбкой смотреть на изображение мальчика, игравшего с котёнком там, на космических дорогах...

Тысячи журналистов принялись отстукивать на машинках свои статьи в газеты.

«Улыбающееся лицо Джипа, — писали девяносто пять журналистов из ста, — это пожелание мира и счастья нашей старой планете!»

А те пять журналистов, которые оставались от ста, начинали с той же фразы, только вместо слова «улыбающееся» они написали «весёлое».

19 января в 3 часа 30 минут мало осталось таких римлян, которые не сидели бы у телевизоров или радиоприёмников у себя дома или в кафе. Все ждали известий о Джипе, о его приземлении. Понятно, что на улице было очень мало прохожих. И уж совсем немногие оказались в тот момент у древнего Колизея — кто спешил по своим делам, а кто по чужим. И среди этих немногих была старушка с хозяйственной сумкой в руках. В сумке она несла разные кулёчки с потрохами, корочками сыра, рыбьими головами, кусками хлеба и кусочками мяса.

Во всей округе старушку эту звали не иначе, как «кошкина мама». Это потому, что она заботилась о бездомных кошках, нашедших приют в развалинах старого Колизея. Кошки очень мило проводили здесь время, с удовольствием нежались на солнышке и поглядывали иногда на туристов. Об охоте на мышей кошки даже не помышляли. Ни к чему! Ведь всегда найдётся кто-нибудь, кто угостит их чем-нибудь вкусненьким. Вот и сейчас «кошкина мама» спешила к ним со своими деликатесами.

Вдруг на тротуар надвинулась чёрная тень тучи.

«Не дождь ли собирается?» — встревожилась старушка. Она взглянула на небо. Боже правый, да это же парашют! Неужели началась война?!

Огромный оранжевый зонт опускался с голубого неба. К парашюту была подвешена и качалась на ветру какая-то странная капсула.

«Нет, это, слава богу, не война! — подумала старушка. — Иначе был бы не один парашют, а много-много — целая тысяча!»

Парашют между тем опускался прямо на Колизей.

«Пойду посмотрю, — решила «кошкина мама», — котята подождут несколько минут».

Она пересекла площадь и, ускорив шаги, насколько позволяли ей старые башмаки, вошла в одну из арок Колизея и поднялась на парапет, который окружает арену. И в тот момент парашют приземлился. Как раз на то место, откуда древнеримские императоры смотрели представления, прежде чем войти в учебники истории.

Капсула открылась, и из неё выскочил Джип.

— Откуда ты взялся? — спросила его «кошкина мама».

— Добрый день, синьора! — вежливо ответил Джип, радостно побежав ей навстречу.

— А почему ты бродишь по свету в одних носках? — с упреком спросила старушка.

— Неужели это Колизей?! — воскликнул Джип, не отвечая на вопрос.

— Конечно. Осторожно, не провались в подземелье.

— Подумаешь! Там ведь теперь не держат львов!

— Послушай, с каких это пор дети стали летать на парашютах?

— Синьора, у вас есть дома телевизор?

— Нет, сынок, нету. А что?

Джип ужасно огорчился. Надо же! Прилететь из космоса и опуститься, так сказать, прямо на голову какой-то старушонки, которая понятия не имеет о его приключениях, — это просто ужасно!

— Извините, уважаемая синьора, но я должен сообщить о своём прибытии, а то меня ещё долго будут искать.

И Джип бросился к выходу из Колизея.

Но «кошкина мама» больше не обращала на него внимания.

— Кис-кис-кис! — ласково звала она. — Иди сюда, кисанька, иди!

Это она увидела Миучино, который выбрался из капсулы, куда учёные посадили его перед стартом, чтобы изучать его поведение в космосе. Миучино смущённо осматривался по сторонам.

— Да это же Колизей, дурачок, знаменитый римский Колизей! Сразу видно, что ты нездешний! Но у меня и для тебя найдётся гостинец, иди-ка сюда.

Миучино хоть и был нездешним котёнком, но нюх имел отличный — сумка старушки сразу же заинтересовала его.

А Джип, выскочив на улицу, так и застыл на месте. Он жутко испугался. Толпы людей неслись к Колизею, где, как только что стало известно, должен приземлиться космонавт. Люди бежали сюда со всех концов Рима, спешили на велосипедах и автомобилях,

на всех видах транспорта, и так запрудили все улицы, что к Колизею не могли пробиться даже машины теле- и кинооператоров, не говоря уже о фотографах и журналистах, представителях правительства, дипломатического корпуса и городских властей. Над Римом стоял оглушительный звон колоколов, рёв сирен и гудков, и даже слышались орудийные залпы.

«Да они раздавят меня! — подумал Джип. — От меня не останется и мокрого места! Спасайся кто может!» Он повернулся и помчался назад, перепрыгнув на ходу Миучино, перед которым «кошкина мама» раскладывала свои гастрономические сокровища. Добравшись до капсулы, он забрался в неё и заперся.

— Осторожнее! Осторожнее! — закричала старушка первым любопытным, которые подбежали к ней. — Дайте же котёнку поесть!

К счастью, один фотограф узнал космического котёнка и тем самым спас ему жизнь и обед. А Джип в своей капсуле не подавал и признаков жизни.

— У него закрыты глаза!..

— Он потерял сознание!..

— Он умер!..

— Джип, выйди оттуда! Тебя ждёт вся Италия!

— Э, нет! Сначала вы угомонитесь! — ответил Джип. — А потом и поговорим. И самое главное — никаких телекамер! Не хватает только, чтобы я снова, не успев приземлиться, отправился путешествовать. И снова без ботинок.

Самые нетерпеливые люди взломали дверцу капсулы, силой вытащили оттуда Джипа, и самый высокий человек посадил его к себе на плечи под громкие аплодисменты.

— Дорогу! Дорогу! Его надо отвезти в больницу! Вызовите «скорую помощь»!

На площади около Колизея стояло уже, наверное, штук двести санитарных машин, и своими сиренами они могли бы привести в чувство целую дюжину потерявших сознание космонавтов. Но только не Джипа. Он приоткрыл один глаз только тогда, когда почувствовал, что машина «скорой помощи» совсем рядом. Убедившись, что поблизости нет никаких телекамер, способных проглотить его, открыл другой глаз и громко расхохотался. Медсёстры, министры, адмиралы, па-

рикмахеры, фотографы — десятки самых различных людей, которым удалось протиснуться к машине, — захохотали вместе с ним.

— Я хочу домой! — наконец сказал Джип.

И вскоре поезд помчал его в родной Милан.

А Колизей снова опустел. Там осталась только «кошкина мама». Миучино, похоже, не огорчился от того, что пресса и власти не уделили ему должного внимания. Он так вкусно и сытно пообедал, что не мог шевельнуть даже кончиком хвоста.

И «кошкина мама» на руках понесла кота-путешественника к себе домой.

ТОРТ В НЕБЕ

ОДНАЖДЫ УТРОМ В ТРУЛЛО

Однажды ранним апрельским утром — было что-то около шести часов — в Трулло, на окраине Рима, у автобусной остановки собралось несколько человек. Решив узнать, какая будет погода, они взглянули на небо. И что же они там увидели? Почти до самого горизонта небо было закрыто огромным, мрачным предметом, который, словно туча, недвижно висел над предместьем на высоте примерно километра. Сразу же раздалось несколько «ох!» и столько же «ах!», а потом кто-то завопил:

— Марсиане!

Этот возглас, как сигнал тревоги, моментально разнёсся повсюду. Люди закричали и бросились врассыпную. Окна домов сначала распахнулись — выглянули любопытные, думая, что произошла какая-нибудь дорожная катастрофа. Но едва они взглянули на небо, как тотчас же захлопнули окна, закрыли ставни и со всех ног бросились вниз по лестнице во двор, так что повсюду только и слышен был топот ног.

— Марсиане!

— Летающие тарелки!

— Да нет же, просто солнечное затмение!

Таинственный предмет и в самом деле походил на огромную чёрную дыру в небе, вокруг которой разливалось яркое голубое сияние.

— Какое там затмение! Конец света — вот что!

— Ну, это слишком! Разве может конец света наступить за одну ночь?

— А что же, по-вашему, нас сначала должны были всжливенько предупредить: «Имейте в виду, что

такого-то числа в такое-то время весь свет полетит вверх тормашками!»?

Из бара «Италия» вышел официант, вытирая руки о грязный передник. Он взглянул на небо и тут же согнулся пополам, будто его стукнули по голове.

Какая-то женщина в ночной рубашке закричала ему с балкона:

— Августо, позвони пожарным!

— А зачем? — спросил официант.

— Скажи, что прилетели марсиане! Сам не видишь, что ли? Вот дуралей!

— А при чём тут пожарные? Напугают они их, что ли?

— Позвони, позвони! Увидишь, они что-нибудь сделают!

Августо вернулся в бар, опустил в автомат жетон и набрал номер пожарной команды:

— Алло! Скорее приезжайте в Трулло! У нас тут марсиане!

— Кто говорит?

— Я, Августо!

— С приветом, дорогой! А я — Юлий Цезарь! И тебе не стыдно так набраться с утра пораньше?!

Пожарник повесил трубку, но в ближайшие две минуты ему пришлось ответить ещё на два десятка звонков из Трулло, и все они были такими же странными. Наконец он всё же решился поднять тревогу. Дежурному лейтенанту он объяснил:

— Должно быть, там все помешались. Может, позвонить в психиатрическую больницу?

А в Трулло, кто не торчал на улице, задрав нос кверху, тот непременно висел на телефоне. Одни вызывали пожарных, другие — полицию, третьи — карабинеров.

Между тем из пекарни вышел паренёк. Он по утрам всегда развозил по кафе и барам свежие булочки. Паренёк укрепил на багажнике велосипеда свою корзину, доверху заполненную ароматными булочками, занёс ногу, чтобы сесть на велосипед, нечаянно взглянул на небо, и... тут же всё кубарем покатилося на землю: и он, и велосипед, и корзина — румяные булочки рассыпались по пыльной мостовой.

Римские разносчики издавна славятся тем, что никогда ничего не роняют и, конечно, сами не падают,

но тут, как видите, случилось то, чего не было и тысячу лет. Мальчик, правда, быстро поднялся, вбежал в лавку и завопил что было мочи:

— На помощь! Луна с неба свалилась!

Сами понимаете, оправдать своё падение он мог только космической катастрофой.

А сладкие булочки так и остались валяться посреди дороги. Какая-то собака выскочила неизвестно откуда, схватила одну из них и быстро скрылась, опасаясь хорошего пинка. Однако пинка ожидать было не откуда.

— Это пёс синьора Мелетти,— сказал мясник жене.— Самый большой ворюга из всех собак в окрестности. А ещё принадлежит полицейскому. Нечего удивляться, что в Италии всё идёт не так, как надо.

Однажды полицейский Мелетти, чтобы подловить провинившегося водителя, пристроился под какой-то телегой. Понятно, что ребята тотчас же прозвали его Хитроумным Одиссеем. Ведь в Италии каждому школьнику известно, как в поэме Гомера Одиссей спасся от свирепого циклопа Полифема, спрятавшись под брюхом барана. А собаку Мелетти стали звать, понятное дело, Арго, как пса Одиссея, хотя на самом деле его кличка была — Зорро. Это был умный пёс и отвечал на обе клички.

Но в это утро Зорро не отозвался бы даже, если б его называли Ваша Светлость. С крепко зажатой в зубах булочкой он быстро проскользнул в парадную, взлетел по лестнице на последний этаж и оказался у двери квартиры Мелетти. Паоло, который встал пораньше, чтобы приготовить уроки, услышал, как пёс скребётся в дверь, и открыл ему.

— Откуда это ты, бродяга?

Зорро некогда было пускаться в объяснения. Он поспешил через кухню на балкон и улёгся там, собираясь спокойно позавтракать.

— Что это? Булочка! Дай-ка и мне кусочек, а то скажу отцу, когда он вернётся!

Синьор Мелетти ушёл рано утром на службу. Его жену, синьору Чечилию, тоже вызвали срочно сделать кому-то укол. Дома оставались только Паоло и Рита, но девочка ещё спала. Паоло должен был, как старший, вовремя разбудить её и вскипятить молоко.

— Дай сюда!

Но Зорро и не собирался делить с ним свою трам-
пу и мигом уничтожил булочку.

Паоло вышел на балкон, твёрдо решив непременно научить пса уважать своего хозяина. Но тут он увидел такое, что заставило его забыть и про собаку, и про булочку.

— Рита! — закричал он. — Иди скорей сюда! Рита, Рита!

— Что случилось? — ответил заспанный голосок.

— Иди посмотри! Посмотри! Да быстрее же!

— Что, уже пора в школу?

— Думаю, что сегодня у нас школы не будет!

Услышав это известие, Рита сразу же проснулась и выбежала на балкон. И в тот же момент раздался вой сирены — это на площадь Трулло вкатили пожарные.

— Ой, мама, пожар!

— Какой там пожар! Посмотри наверх!

— Ну и что? Ужасно противная туча! Наверное, будет гроза.

— Ты просто дурочка. Да ведь это космический корабль.

— Какой корабль?

— Эх ты невежда! И чему только тебя учат в твоём втором классе!

— Тому же, чему и тебя в твоём пятом. А что, пожарные полезут туда по своим лестницам?

— Ну да, чтобы потушить луну... Так высоко могут подняться только космонавты.

— Я всё поняла! Позови меня, когда начнут. А я пока почищу зубы.

И Рита направилась в ванную. Она решила воспользоваться отсутствием мамы и вымыть голову кукле.

Паоло не удерживал её, считая бесполезным продолжать разговоры с такой невеждой. А на площади между тем каждую минуту происходило что-нибудь новое.

Вслед за пожарными в предместье примчалось множество полицейских машин. А что ещё там виднелось на улице, ведущей из Рима? Броневики... Да как много! И ещё танки! Один, второй, третий... а за ними... Неужели пушки? Конечно, и пушки тоже... Чёрт возьми, даже ракеты!

«Это похоже на военный парад!» — с волнением подумал Паоло. Но самое интересное во всей этой истории — огромный таинственный предмет, закрывавший полнеба. Он был не меньше километра в диаметре и бросал зловещую чёрную тень на старые крыши домов и на дороги, забитые танками и броневиками.

«Может быть, началась война?» — подумал Паоло.

Тут откуда-то вдруг, шумя лопастями, прилетел вертолёт, похожий на стальную стрекозу. Он приблизился метров на сто к таинственному предмету и стал медленно кружить возле него — казалось, он ищет удобное место, куда можно ужалить.

«Сейчас он тебе задаст!» — подумал Паоло, становясь на сторону более сильного.

Зорро робко таял и жалобно скулил.

— Испугался, да? — спросил Паоло и, наклонившись к собаке, потрепал её по спине.

— Внимание! Внимание! — загремел в это время репродуктор на полицейской машине. — Населению предлагается сохранять спокойствие. Военное командование отлично контролирует положение. Объявляется тревога. Категорически запрещается входить в предместье Трулло или покидать его вплоть до нового распоряжения. Зайдите в ваши дома, спуститесь в подвалы и спокойно ждите дальнейших распоряжений.

— Внимание! Внимание!.. — снова загремел репродуктор.

— Что происходит? — спросила из ванной Рита.

— Ничего особенного.

— Как ничего? Столько шума — и ничего? Наверное, опять что-нибудь рекламируют. Смотри, вдруг тебе снова что-нибудь подарят, как в прошлый раз, когда раздавали воздушные шарики и ты не позвал меня вовремя.

Рита вышла на балкон, усердно вытирая полотенцем совершенно сухие глаза — надо же показать брату, что она умывалась.

Паоло обернулся к сестре и хотел ей что-то сказать, как вдруг в воздухе промчалась быстрая тень. Что это, птица? Нет, тень была слишком большая.

— Ложись! — крикнул Паоло, бросился на пол и повалил вместе с собой Риту.

— Что случилось?

Что-то шлепнулось прямо в правый угол балкона, в метре от руки Паоло и в тридцати сантиметрах от лапы Зорро, который с урчанием попятился назад. Станный предмет не взорвался, послышался только мягкий звук «плюх!». Он спокойно лежал между двумя горшками с геранью, и, как установил Паоло, взглянув на него сквозь растопыренные пальцы, которыми прикрывал лицо, предмет был такого же цвета, как и тот, что висел в небе. На бомбу не похоже. Может, какое-нибудь послание?

— Мне страшно! — прошептала Рита. — Давай тоже спустимся в подвал.

— Тогда мы ничего не узнаем и не увидим.

— Но мне страшно. И потом, ты слышишь, что говорят?..

Голос из репродуктора монотонно повторял распоряжение. Машина медленно двигалась по улицам, останавливаясь возле каждого дома. Паоло решил, что он должен подойти к этому металлическому снаряду, упавшему на балкон, и научно обследовать его.

«Если бы Христофор Колумб боялся так же, как я,— подумал Паоло, стараясь побороть в себе страх,— Америка до сих пор ещё не была бы открыта».

— Что же делать?—хныкала Рита. — Если мы будем так лежать, я испачкаю пижаму и мне попадёт от мамы.

— Помолчи. Надо подумать.

Но кое-кто другой уже подумал за него. Зорро осторожно, будто для пробы, протянул лапу к загадочному предмету и, постукивая от волнения хвостом, цапнул его разок.

— Прочь, Зорро!

— Нельзя!

Зорро обернулся к ребятам, как бы успокаивая их. Его влажные глаза словно говорили: «Спокойно, спокойно, предоставьте всё мне. На мой-то нюх можно положиться!»

Он высунул язык и пополз вперёд. Пять... Четыре... Три... Два... Один... Контакт! Зорро коснулся языком оболочки снаряда и... стал жадно лизать! Хвост вертелся теперь быстро, словно винт вертолета.

Тут уж Паоло не вытерпел. Он поднялся, пинком ноги отогнал собаку и занял её место рядом со странным предметом.

— Что это? — спросила Рита, поднимая свою взлохмаченную головку.

— Сейчас посмотрим. Тут внутри, наверное, какое-нибудь послание.

— А ты разве не чувствуешь запаха?

— Запаха? Ты ещё не проснулась!

Рита тоже встала и оттолкнула Зорро, который снова пытался завладеть таинственным предметом.

— Хочешь, потрогаю? — спросила она брата.

— Глупая, думаешь, я боюсь? Я только хочу сначала как следует рассмотреть его.

— А запаха ты так и не чувствуешь?

— Ты же знаешь — у меня насморк.

Тогда Рита перешла от слов к делу. Она протянула руку, дотронулась до странного предмета, и на пальце у неё осталось тёмное пятно. Девочка внимательно посмотрела на это пятно и решительно направила палец в рот. Облизнула его и снова посмотрела — палец стал влажным и розовым. И тогда она торжествующе закричала:

— Шоколад! Что я тебе говорила! Попробуй! Попробуй сам, если не веришь!

Паоло попробовал. И Рита снова попробовала. И Паоло попробовал ещё. Никакого сомнения не было: к ним с неба свалился огромный кусок шоколада! Причём первосортного, судя по аромату, вкусу и по доставленному удовольствию.

— Ох какой вкусный! — воскликнула Рита.

— Удивительно вкусный! — согласился Паоло, набивая рот. — А знаешь, может быть, они нас увидели и бросили шоколад в знак дружбы!

— Кто это «они»?

— Марсиане! Ну, те, кто там наверху, я же не знаю, кто.

— А по-моему, — решительно заявила Рита, указывая на большой круглый предмет, висящий в небе, — по-моему, это просто торт!

ДЕДАЛ ВЫЗЫВАЕТ ДИОМЕДА

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на приём.

— Я — Диомед! Слушаю вас. Перехожу на приём.

— Закончил облёт неопознанного объекта. По моим расчётам, его окружность составляет три тысячи сто сорок метров. Чтобы найти диаметр, нужно разделить на три целых и четырнадцать сотых...

— Знаем, знаем... Дальше!

— Слушаюсь! Боковая поверхность предмета раскрашена полосками разных цветов. Расположение полос снизу вверх: коричневая, розовая, зелёная, снова коричневая, жёлтая, фиолетовая, белая. Намереваюсь подняться выше. Перехожу на приём.

— Я — Диомед! Подождите! Нет ли на боковых поверхностях предмета каких-нибудь отверстий, каких-нибудь окон, щелей, проёмов, бойниц? Перехожу на приём.

— Я — Дедал! Ничего подобного не заметил. Боковая поверхность совершенно гладкая повсюду. Перехожу на приём.

— Я — Диомед! Поднимитесь выше и измерьте высоту неопознанного объекта. Проведите наблюдение сверху. Держитесь на безопасном расстоянии. Перехожу на приём.

— Вас понял! Приём заканчиваю.

Этот разговор состоялся около восьми часов того же самого необычного утра между пилотом вертолета (условное имя — Дедал) и штабом главнокомандующего (пароль — Диомед) операцией «КП», который разместился в кабинете директора школы в Трулло. «КП» в данном случае вовсе не означает крайний

правый в футбольной команде, а попросту — «Космический пришелец». Этим привлекательным термином военные власти назвали всю операцию по опознанию таинственного предмета. Себя командование, как мы уже знаем, условно назвало Диомедом. Придумав три таких звучных названия — Дедал, Диомед и «КП», — власти получили полное основание считать, что сделали уже многое.

В кабинете Диомеда во время разговора с пилотом находилось много людей, среди них генерал, двое знаменитых учёных — профессор Росси и профессор Теренцио, а также полицейский Мелетти, по прозвищу Хитроумный Одиссей. Последний был здесь для срочных поручений. Например, он два раза уже сбегал в бар и заказывал, когда нужно было, крепкий кофе для всех.

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! — снова раздался голос пилота.

Генерал сам наклонился к микрофону и ответил:

— Я — Диомед! Докладывайте.

— Высота неопознанного объекта составляет примерно двадцать пять метров. Чтобы вычислить его объем, нужно...

— Мы знаем геометрию. От вас требуется только донесение.

— Слушаюсь, синьор. Поверхность летающего предмета представляет собой великолепную панораму цвета сливочного крема. Прекрасное зрелище!

— Оставьте в покое восклицательные знаки! — загремел Диомед. — Вы же не зазывала на рынке. Докладывайте только о том, что видите, — и всё. Перехожу на приём.

— Слушаюсь, синьор. Я вижу большие красные шары, расставленные на одинаковом расстоянии друг от друга по всей поверхности. Их несколько сот. Они похожи на огромные засахаренные вишни, если мне позволено будет сравнение.

— Не позволено! — вскипел генерал. — Оставьте

сравнения при себе! Сосчитайте лучше эти красные шары.

Профессор Росси, пока Дедал молча считал эти шары, мечтательно опустил голову и пробормотал:

— Талантливо, очень талантливо!

— Вы находите? — усмехнулся профессор Теренцио.

— Не думаете ли вы, что мы думаем одинаково?

— Отнюдь, уважаемый коллега, я думаю как раз обратное.

— Синьоры, — взмолился генерал, — а можно узнать, что же вы всё-таки думаете?

— Я — Дедал! — снова прервал беседу голос из репродуктора. — Вы меня слышите? Перехожу на приём.

— Слышим, к сожалению! — ответил Диомед. — Слышим весь этот вздор, который вы несёте!

— Заметил бумажного змея!

— Что?! Вы совсем очумели?!

— Нет, синьор, потому что змей огромный. Он поднимается с одной из крыш предместья. Перехватить его? Перехожу на приём.

— Я — Диомед! Ничего не предпринимайте. Оставайтесь на месте. Мы проведём расследование. Приём заканчиваю.

Расследование началось немедленно. Для этого нужно было сделать только одно — подойти к окну. И действительно, все собравшиеся увидели бумажного змея, который поднимался к неопознанному объекту, развеивая тремя разноцветными хвостами.

— Сигнализация с Земли! — раздался зловеющий голос. — Донесение вражеских разведчиков! Очевидно, космические пришельцы имеют агентов среди населения!

— Не может быть! — испуганно воскликнул полицейский Мелетти. — Я прекрасно знаю всех жителей Трулло! Это хороший народ! Я дом за домом знаю всех, знаю каждую лавку! Никакого контакта с марсианами у них нет, что вы!

— А это что же такое?

«Пусть у меня отвалится нос, если это не змей Паоло!» — воскликнул про себя Хитроумный Одиссей, и его осенила ужасная догадка.

Ни слова не говоря, он бросился на улицу, вскочил на велосипед и через несколько минут оказался во дворе своего дома. Он взглянул вверх и на балконе увидел своих детей.

— Паоло! Рита! Что вы там делаете? — громко закричал Мелетти. — Почему не спустились в подвал? Разве не слышали тревоги?!

— Папа, папа! — закричала Рита, хлопая в ладоши. — Иди помоги нам!

— Уберите сейчас же этого змея! А не то... Вы что — хотите меня на каторгу за шпионаж?

— Но мы ни за кем не шпионим! Мы только хотим достать кусочек торта...

— Я вам покажу торт! Если вы сейчас же не убереётесь с балкона...

— Но папа...

— Хотите, чтобы я поднялся наверх? Ну, быстро! Марш с балкона!

Приунывшим ребятам не оставалось ничего другого, как повиноваться хотя бы по первому пункту приказа, — пришлось затянуть змей обратно в комнату. Что же касается подвала, то они и не подумали отправиться туда. С балкона они ушли, но своего наблюдения за небом не оставили — это можно было делать и из кухни.

— Жаль, — сказала Рита, — со змеем это мы хорошо придумали.

— Но они же не ответили на наш сигнал! — возразил Паоло.

— А как ты хочешь, чтобы они тебе ответили? Это же торт!

— Это космический корабль, несмышлёныш!

— Тогда зачем же ты согласился послать змея?

— Уж, конечно, не для того, чтобы получить ещё кусочек шоколада! Я хотел подать марсианам сигналы.

— Просто это твой пунктик. У вас, мальчишек, у всех только космонавты в голове! Эти военные внизу готовы из пушек палить по тарту, а ты ждёшь неизвестно от кого какие-то записки!

— Но это же не торт! — настаивал Паоло.

— Я тебе по-итальянски говорю — торт! — возразила Рита.

— Ну ладно, оставим. Со змеем не вышло. Давай

лучше сядем и поразмыслим, может, ещё что-нибудь придумаем.

Несколько часов спустя...

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на приём.

— Я — Диомед! Докладывайте! Перехожу на приём.

— Сейчас двенадцать часов сорок семь минут. Снова достиг верхней точки наблюдаемого предмета. Высота шестьсот пятьдесят четыре метра над уровнем моря.

— Как вы сказали?

— Нахожусь на высоте шестьсот пятьдесят четыре метра. А что?

— А то, что вы, должно быть, пьяны! Утром, когда вы обследовали предмет первый раз, вы сообщили, что находитесь на высоте девятьсот восемнадцать метров. Как вы объясните разницу?

— Я не собираюсь объяснять её. Я могу только определить разницу. Девятьсот восемнадцать минус шестьсот пятьдесят четыре равняется...

— Хватит! Приём заканчиваю!

Генерал ударил кулаком по столу.

— Синьоры, свершилось! — сказал он, обращаясь ко всем присутствующим. — Незвестный космический корабль приземляется.

До захода солнца все оставались в напряжении. Таинственный предмет терял высоту едва приметно, сантиметр за сантиметром. К трём часам дня он к тому же начал медленно продвигаться на северо-восток. Диомед облегчённо вздохнул: враг не намеревался, видимо, опуститься на крыши домов, в противном случае целое предместье Рима было бы целиком уничтожено.

Приземление, по всей видимости, должно было произойти примерно на Монте Кукко — на небольшом голом холме, покрытом камнями; он находился за школой, туда во время перемен бегали играть ребята. На холме было только несколько хижин пастухов, которые останавливались там, когда спускались с гор, чтобы продать овец в римской долине.

Генерал, конечно, предпочёл бы сократить долгое ожидание несколькими пушечными выстрелами. Но правительство — оно уже давно находилось в контак-

те со всеми военными силами мира — категорически приказало: применить оружие только в том случае, если таинственные посетители из космоса нападут первыми; воздерживаться от любых враждебных выпадов, дабы не спровоцировать ненужную бойню и не испортить трагическими последствиями первую встречу земной цивилизации с существами из другого мира; наблюдать, быть готовыми ко всему.

Таков был приказ.

Когда намерения «летающей тарелки» стали ясны, Диомед, руководствуясь указаниями правительства, расположил свои силы вокруг холма. Пушки, огнемёты, броневики окружили Монте Кукко к тому времени, когда таинственный предмет без малейшего шума осторожно опустился на холм, открыв людям небосвод, окрасившийся последними лучами заходящего солнца.

ЗАГАДОЧНЫЙ СИНЬОР ДЖЕПЕТТО

— Прощай, торт! — вздохнула, проглотив слюну, Рита, наблюдая за манёврами военных.

— Ты просто помешалась, вот что! — проворчал Паоло. — Я же тебе говорю — это космический корабль!

— Ну где у тебя глаза?! Смотри, снизу торт весь из шоколада, а сверху он розовый, жёлтый и зелёный. Не торт, а загляденье!

— Скорее всего, это цвета марсианского флага!

— Давай спорить! Я говорю, что это торт, а ты — космический корабль. Кто победит, тот две недели отдаёт сладкое!

— Месяц, — поправил Паоло.

— Даже целый год, если хочешь, — парировала Рита.

— Год — это долго...

— А! Боишься проиграть? А я готова спорить на что угодно!

— Хорошо, я согласен на весь год, — ответил Паоло, покраснев. — А теперь пойдём и посмотрим, что это такое на самом деле.

Тут уж настала очередь Риты призадуматься:

— Думаешь, нас туда пропустят?

Паоло не ответил. Он несколько минут внимательно

но смотрел направо, в сторону Мальяно,— оттуда по дороге медленно приближалось стадо овец под присмотром двух пастухов, которые каждое утро уводили их на пастбище на заливные луга Агро. К заходу солнца стадо обычно возвращалось на Монте Кукко, проходя через всё предместье Трулло. «Хотел бы я посмотреть, как овец станут загонять в подвалы! — посмеялся про себя Паоло.— А собаку что — тоже туда упрячут?»

Но вооружённым силам было не до овец. Надо было думать совсем о другом. Войска стояли теперь спиной к Трулло и видели перед собой лишь гору, на которую опустился непонятный предмет, накрыв её вершину, словно огромной шляпой. Овцы, блея, шли вперёд, тесно скучившись в груды, бок о бок, морда к морде. Если же какая-нибудь из них отрывалась от группы, норовя пощипать траву, росшую на краю дороги, собака сразу же загоняла её обратно в стадо. Зорро, который весь день продремал на балконе, потявкал немного, приветствуя своего коллегу, но тот, занятый делом, даже не ответил ему.

— Возьми-ка свои совки,— вдруг решительно сказал Паоло,— те, что брала с собой в прошлом году на море. А я возьму карманный фонарик.

— Зачем? — удивилась Рита.

— Хочу выиграть спор! Но если трусишь, можешь оставаться тут.

— Вот ещё! Конечно, пойду! — возразила Рита.

— Тогда слушай. Помнишь Хитроумного Одиссея?

— Как же я могу не помнить своего отца?!

— Глупая, я говорю о другом Одиссее, о настоящем! Сколько раз тебе про него рассказывал. Что он сделал, чтобы выбраться из пещеры великана Полифема? Ну-ка, вспомни!

— Спрятался под брюхом у овцы... Уцепился за шерсть... Ой! Ты думаешь, и мы могли бы сделать так же? Но ведь я не помещусь там!

— И не надо! Пойдём!

— А маме оставим записку?

Синьору Чечилию тревога застала у больного. Сделав ему укол, она, прежде чем спуститься в подвал, успела позвонить детям и попросила их пойти к какой-нибудь соседке... Оставить маме записку значило бы признаться, что они её не послушались.

— Мы вернёмся домой раньше её,— сказал Паоло.

Рита не была в этом уверена, но возражать не стала и последовала за братом. Она бросила взгляд на Зорро, который продолжал лаять на овец, взяла совки и вышла следом за Паоло на лестницу.

Никто не остановил их в подъезде, никто не встретился им на улице. Отправить их обратно домой было некому.

Паоло пропустил стадо и пристроился в хвосте. Рита следовала за братом. Сторожевой пёс недоверчиво зарычал было, но ему тут же пришлось отправиться за ягнёнком, который выбился из стада. А пастухи шли не оборачиваясь. Они спокойно подошли к самому холму и, видимо, даже не замечали, что в этот вечер всё было немного необычно, не так, как всегда,— целая пожарная команда заняла знакомую тропинку, а на вершине Монте Кукко находился неопознанный летающий предмет, заставивший весь мир затаить дыхание.

— Вы куда? — остановил их полицейский, услышав топот стада и увидев пастухов.

— Добрый вечер, синьор! А что, разве нельзя? Мы же пастухи и идём туда, куда идут наши овцы.

— А ну, поворачивайте назад! Быстро!

Другие полицейские тоже обернулись и принялись смеяться над пастухами. Это и было их ошибкой, как объяснил потом Рите Паоло. Овцы шуток не понимают. В двадцати метрах от них на холме находился привычный загон, ожидавший их на ночь. Они, может, и послушались бы своих пастухов, но один из них был несмышлёным мальчишкой, а другой тут на ухо: прежде чем полицейские успели растолковать им, что к чему, упрямые, да ещё напуганные овцы, толкаясь, блея и напирая, прорвали цепь стражников и, подняв к небу тучу пыли, устремились вперёд.

— Быстро! — шёпотом приказал Рите Паоло.— Делай, как я.

Воспользовавшись суматохой, он бросился на четвереньки и прополз в середину стада. Рита последовала за ним. Обо всём остальном позаботились овцы. Окружив ребят, они подталкивали их вверх по тропинке.

Немного испугавшись поначалу, девочка быстро освоилась с новым способом путешествия: ей нрави-

лось шлёпать овец и тыкаться головой в их тёплые и мягкие бока.

Карабкаясь на четвереньках вверх по тропинке, она исцарапала о камни и колючки все руки, колени у неё были сбиты, несколько слезинок сами собой скатились по щекам, хотя она и не чувствовала боли.

— Сюда! — услышала Рита голос Паоло.

За оградой, чуть выше загона, сохранились развалины какой-то каменной стены. От неё почти ничего не осталось — всего три-четыре больших камня, но и этого уже было достаточно! Паоло укрылся там, как за окопным валом.

— Теперь нас снизу не увидят! — прошептал Паоло. — Поднимемся по этому каналу.

Каналом он назвал овраг, который образовался от ручьёв и дождей и тянулся по склону холма.

— Ты в самом деле хочешь пойти туда? — едва слышно спросила Рита и посмотрела на вершину холма.

Метрах в двадцати над их головами чернел край непознанного объекта. Теперь, когда он был так близко, Рита даже про себя не осмеливалась назвать его тортом: он вдруг снова стал страшным, загадочным предметом.

— Хочешь, подожди меня здесь, — предложил Паоло. Он был твёрд и решителен, как Колумб, вступающий на новый континент. Рита подавила страх:

— Нет, я с тобой!

Они молча стали карабкаться наверх по холму и вскоре очутились совсем близко от непонятого предмета — всего в нескольких шагах.

И теперь им видна была только грозная, неприступная стена.

— Я пойду первым! — заявил Паоло. — Дам знак — поднимайся ко мне. И не пугайся, даже если услышишь крик.

— А если в меня станут стрелять?

— Ну-ну, никто в тебя не станет стрелять!

— Подожди минутку. Возьми всё-таки совок. Если это торт, сделай в нём дырку, и мы спрячемся внутри.

Паоло нехотя взял совок. Ему казалось, что, поступая так, он отказывается от своих убеждений. Да и

как-то смешно идти навстречу пришельцам из космоса с детским совком в руке.

«У них,— подумал он,— наверняка есть и гипербо-лоид, и дезинтегратор, и чёрт в ступе!»

Но он всё же взял совок. И хорошо сделал, потому что на вершине Монте Кукко его не ожидали ни марсиане, ни венерианцы, готовые уничтожить его, как муравья. Не было там никакого космического корабля, хотя бы даже похожего на такой, какой мог представить себе Паоло, большой знаток научно-фантастических фильмов. Там ждал его торт.

Не надо было даже обладать тонким чутьем, чтобы почувствовать его запах, и не один, а сотни, тысячи разных удивительных запахов. Паоло воткнул совок в стенку торта и мигом вырубил в ней целую нишу, достаточно широкую, чтобы в ней поместились и он, и сестра.

Рита, оставшаяся внизу, прислушивалась и со страхом ждала тревожных криков. И вдруг откуда-то сверху на неё посыпались куски марципана и слоёного теста, обрушился целый каскад изюма и пролился ручей ликёра. Не теряя времени, она начала пробовать всё, что попадалось ей под руку. И до того увлеклась, что Паоло пришлось трижды окликнуть её, прежде чем она услышала.

— Иду, иду! — отозвалась она с полным ртом.

Очень скоро она тоже оказалась в ароматной нише. Паоло поспешил замуровать вход огромным куском цуката, оставив только небольшое окошечко для воздуха и света.

— Теперь ты убедился? — спросила Рита, с аппетитом уплетая кусок торта.

— Ладно, ты выиграла. Это торт. Я отдам тебе всё что проиграл.

— Конечно, отдашь. Ведь спорят не просто так, ради одних разговоров.

— Отстань. Я уже сказал, что отдам. А теперь не мешай мне работать. Ну-ка, подвинься! Надо прорыть галерею и обследовать весь торт. Не затем я сюда пришёл, чтобы объедаться сладостями!

— Ах вот ты какой! У нас под ногами по крайней мере полметра шоколада, мы сидим в пещере из слоёного теста... Укрытие здесь надёжнее, чем у Пинок-

кью, когда тот оказался в животе акулы, а тебе ещё надо что-то обследовать!

— Ешь себе на здоровье сколько хочешь! А я буду прорывать галерею!

— Ладно уж! — снизошла Рита. — Я помогу тебе. Я смогу и есть и работать.

Под ударами лопатки торт постепенно раскрывался, как джунгли под топором первооткрывателя. Брат и сестра без труда преодолели несколько слоёв крема, взбитых сливок и миндального теста. Прорыли канавки в сладком креме, вброд перешли лужи смородинового сиропа, и луч их фонарика освещал маленькие гроты, промытые в недрах торта потоками ликёра.

Время от времени им попадались на пути огромные, словно тумбы, засахаренные вишни. Паоло, равнявшийся вперёд с азартом исследователя, попросту обходил их, а Рита не пропускала ни одной, чтобы не попробовать. Одной рукой она помогала брату расширять галерею, а другой шарила по стенам из мороженого крем-брюле. То и дело она лакомила засахаренными орехами или же пробовала на зубок странные камни, валявшиеся под ногами, — чаще всего это оказывался жареный миндаль или орехи.

— Да ну же, работай! — подгонял её Паоло. — Нет, не там! Вот тут надо копать. Надо идти по радиусу, тогда и доберёмся к центру.

— Жаль. Я чувствую, что справа повеяло холодком... Там, наверное, мороженое!

— Досадно, что мы не захватили компас.

— А он тут и не нужен! Ведь торт повсюду: на севере и на юге, на востоке и на западе — куда ни помотришь. Ой, тут слишком много ликёра! Послушай, а мы не опьянеем? Ай! Дождь пошёл... Дай-ка попробую... Да это вовсе не вода, а марсала, вино! На помощь, тону! Ах нет, мне только показалось! Мы идём сейчас по бисквиту, но, честно говоря, я бы предпочла миндальное тесто — оно более надёжное.

Паоло упрямо работал совком и мысленно составлял перечень материалов, которые встречались на пути: «Малиновое варенье, изюм, взбитые сливки, крем, фисташковое мороженое...»

Вдруг он замер и схватил Риту за руку.

— Погаси фонарик! — шёпотом приказал он.

— В самом деле, и без него стало светло... А почему?

— Тихо! Смотри!

Лучик света проник в галерею из только что проделанного отверстия. Рита заглянула в дыру и увидела пещеру. Посреди неё сидел какой-то человек и при свете электрического фонарика, вставленного в засахаренный апельсин, что-то торопливо писал на листах бумаги, лежащих у него на коленях.

— Так ведь это Джепетто! — прошептала Рита.

— Ну да, а ты — Фея с голубыми волосами... * Не болтай чепуху. И дай мне подумать.

Минуты две Паоло и Рита молча по очереди заглядывали в пещеру.

— Ну как, придумал что-нибудь?

— Нет ещё.

— Скажи хоть, что ты хочешь придумать. И я тоже стану думать. Просто так ждать очень скучно.

— Ладно, так и быть — назовём его пока синьором Джепетто, просто чтобы как-то назвать, — ответил Паоло. — Но кто же он такой на самом деле? Что он здесь делает, внутри торта? И как сюда попал?

— Не знаю. Может быть, так же, как мы. А потом, видишь, он что-то пишет! Наверное, он писатель. Или журналист.

— Ну вот, теперь тебе есть о чём думать. Но помолчи, а то он заметит нас.

Рита притихла и принялась лизать стены из мороженого. Но вдруг тишину нарушил собачий лай. Это было так неожиданно, словно взорвалась бомба.

— Это Зорро! — воскликнула Рита. — Он нашёл наши следы и прибежал за нами!

— И теперь всё пропало! — воскликнул Паоло. Он тоже, к сожалению, произнёс это слишком громко: от волнения он даже забыл про осторожность. Зорро с радостным лаем бросился к детям. Паоло снова взглянул в пещеру, да так и обмер: загадочный синьор Джепетто вскочил на ноги и испуганно озирался по сторонам.

— Тихо, Зорро, замолчи! — шёпотом приказал Паоло.

* Пиноккьо, Джепетто и Фея с голубыми волосами — персонажи сказки К. Коллоди «Приключения Пиноккьо».

Собака успокоилась, повиливая хвостом.

— Синьор Джепетто слышал нас, — сообщил Паоло. — Он осматривает своё убежище, прослушивает стены...

— Мне думается, сейчас самое подходящее время, чтобы удрать...

— Подожди. Я хочу узнать...

— Опять узнать!.. Вот он узнает, что мы здесь, тогда уже будет поздно...

— Тише! Он идёт сюда!

Таинственный обитатель торта, обследуя стены пещеры, подошёл как раз к тому месту, где несколько минут назад Паоло прорыл окно. Мальчик рассмотрел синьора вблизи. Это был человек почти старый, почти лысый, почти кривой — всё в нём было «почти», кроме очков. Они были не «почти огромные», а просто огромные — каждое стекло примерно толщиной с палец, и за ними блестели очень подвижные и очень чёрные глаза. Человек был одет в какой-то длинный тёмный балахон — нечто среднее между спецовкой грузчика и фартуком мясника. Из-под расстёгнутого воротничка выглядывал косой обрывок галстука.

— Бежим, Паоло!

Но Паоло будто пригвоздило к окошку. Он не шелохнулся даже тогда, когда синьор Джепетто увидел его. Две пары глаз, находясь по разные стороны стены — а она была, как мы знаем, из фисташкового мороженого — строго смотрели друг на друга. У Паоло душа ушла в пятки, но он не сдвинулся с места. А загадочный синьор Джепетто, похоже, ничуть не испугался; он только что-то сердито крикнул:

— Скуак скуок карапак пик!

Так примерно звучало то, что он произнёс. Возглас старика поразил Паоло и Риту. Ну конечно, Зорро тотчас же вскочил и принялся лаять.

— Брик брок караброк пок! — прокричал старик и принялся обеими руками расширять отверстие. В одно мгновение он проделал большое окно и высунулся в него, продолжая кричать на непонятном языке.

— Бежим! — завопил Паоло и попятился назад, не спуская глаз со старика, появившегося в проёме зеленоватой стены и освещённого фонариком Риты.

И тут мальчику показалось, что за толстыми стёклами очков, а затем и на всем лице старика он увидел улыбку... Но размышлять над этим было некогда, и в ту же минуту дети пустились наутёк. Они неслись по длинной галерее, увязая в креме, скользя в лужах ликёра, чуть не утопая в болотах из мармелада, натыкаясь на стены из бисквита и слоёного теста.

Наконец вдали появился какой-то свет... Вон там внизу... Была уже ночь, но все прожекторы были зажжены и направлены на торт... Паоло торопливо стал разбирать заложенный цукатом выход из торта... Потом швырнул далеко вниз фонарик и закричал:

— Зорро, возьми!

Пёс не заставил повторять команду: он с лаем выскочил из торта и помчался вниз по тропинке, чтобы поймать фонарик,— так всегда играли с ним Рита и Паоло. Лучи прожекторов тотчас же устремились за ним, скользя по холму. Внизу поднялся невероятный переполох.

И на этот раз Паоло хорошо придумал. Брат и сестра побежали вниз в ту сторону, которую прожекторы не освещали. Дети скатились прямо под ноги часовых, не заметивших, откуда они появились. Стражники тотчас же набросились на ребят:

— Назад, куда идёте!

— Ура! Мы спасены!

— Ой, Паоло! — вдруг воскликнула Рита. — Я потеряла туфлю!

— Где?

— Не знаю. Наверное, когда спускались с горы. Я вернусь за ней.

— Да ты что! Ведь тебя поймают, и тогда всё раскроется!

— И торт съедят! Ты прав, лучше пожертвовать туфлей.

Мамы дома не было. Она пришла спустя полчаса, только после того, как Диомед, видя, что марсиане не проявляют никаких враждебных намерений, позволил жителям Трулло выйти из подвалов.

— Вы были умницами? Не боялись?

— Да, мама, — ответил Паоло, имея в виду первый вопрос.

— Нет, мама, — ответила Рита на второй вопрос.

— Молодцы! — согласилась синьора Чечилия. — Сейчас я приготовлю вам ужин. Ведь вы, наверное, проголодались?

«О боже, помоги!» — подумала про себя Рита. Но ничего не сказала.

ТУФЕЛЬКА ЗОЛУШКИ

Когда прожекторы, предоставив Зорро своей судьбе, стали обшаривать лучами весь холм, один из пожарников вдруг заметил в запретной зоне, метрах в пяти-шести от своего носа, детскую туфельку.

— А ведь этой туфельки здесь раньше не было! — сказал он. — Я весь вечер глаз не спускал с этого участка и пересчитал все камни один за другим. Уверяю вас, минуту назад этой туфли здесь не было! А теперь, если припомнить, мне кажется, что я видел и какую-то мелькнувшую на холме тень! Пока мы здесь зря теряли время из-за этого глупого пса...

— Отнеси туфлю в штаб и выбрось её из головы! — посоветовал ему коллега.

— Конечно, отнесу. И сейчас же.

Диомед, то есть главнокомандующий, взглянул на туфельку с усмешкой и спросил присутствующих, не предполагали ли участники операции «КП» открыть магазин поношенной детской обуви. Может быть, именно в этом и заключалась цель операции! Все насмешливо осмотрели туфельку (особенно мудро посмеивались профессор Руссо и профессор Теренцио) и отметили, что на обуви в двух местах имеются дырки. Может быть, марсиане носят такие туфли на голове вместо шлема, просовывая в эти дырочки антенны?

Но полицейский Мелетти, которого, видимо, недаром прозвали Хитроумным Одиссеем, высказал самую дельную мысль, по-настоящему дальновидную.

— Синьоры, — сказал он, — если позволите высказаться и мне... Дети, известное дело, бывают порой безрассудно неосторожны или просто не понимают, что хорошо, что плохо! Кто поручится, что те, кто в этом неопознанном объекте, не уговорили какого-нибудь мальчика или девочку, подарив им пару безделушек, собрать для них сведения на Земле?

— Ближе к делу! К туфле! — прервал его генерал.

— По-моему, если какой-нибудь ребёнок действительно проник на космический корабль и, убегая оттуда, потерял туфлю, его можно найти довольно быстро.

— Как?

— Очень просто! Надо только примерить туфельку всем детям в округе!

— Совсем как в сказке про Золушку! — засмеялся профессор Теренцио.

— Но мы же не в сказке, а в Трулло! — заметил профессор Росси. Ему непременно надо было возразить своему коллеге.

— Хорошо, — отрезал генерал, — проведите примерку. По крайней мере вам будет благодарна мать ребёнка, потерявшего туфлю. Хотя одно доброе дело сделаете.

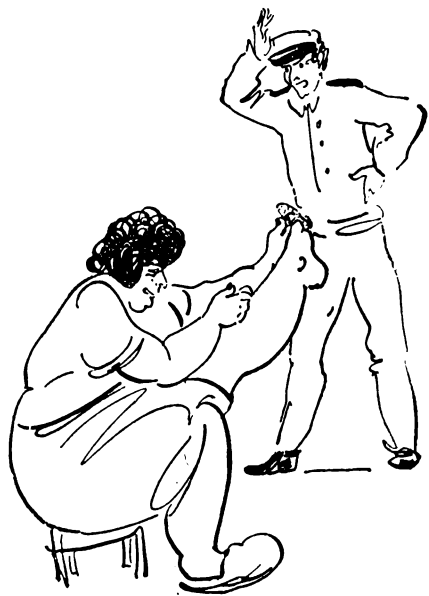
Хитроумный Одиссей завернул туфлю в газету, перевязал пакет крепкой бечёвкой, запечатал сургучом и положил в шкаф школьной библиотеки, приказав часовому всю ночь не спускать с него глаз.

— Тут военная тайна! — сказал он. — Смотри, чтобы не украли!

Когда он вернулся домой, дети уже спали. Он кратко рассказал синьоре Чечилии о событиях дня, умолчав, однако, о туфельке, потому что военные тайны нельзя доверять даже жёнам.

Наутро он рано отправился в штаб, взял туфельку и пустился в обход — дом за домом, лестница за лестницей, дверь за дверью.

— Тук, тук!.. Откройте, синьора Роза. Это я — полицейский Мелетти. Я по поводу вашего сына.

— Что ещё натворил этот негодяй?

— Ничего, ничего не натворил, синьора Роза! Приказ командования. Я обязан примерить ему эту туфлю.

Синьора Роза (или синьора Чезира, или синьора Матильда) открывала дверь. Она была ещё в домашних туфлях, в халате, с бутылкой молока в руках. Она будила своего «негодая», и начиналась примерка.

— Но, синьор Мелетти, разве вы не видите? Это туфелька тридцать второго размера! А мой сын носит сороковой, что ещё за шутки...

— Приказ есть приказ!

В некоторых квартирах он находил целый выводок сонных ребятишек. Отцы, как правило, в это время брились и ворчали:

— А что, теперь городская община собирается раздавать детям поношенную обувь? Да ещё с дырками? В двух местах.

— Потерпите, синьор, потерпите. Это приказ командования.

Понятно, что нашлось немало таких детских ножек, которым туфелька пришлась впору. И всякий раз синьор Мелетти начинал выпрашивать:

— А где другая?

— Какая другая? У моей дочери никогда не было таких туфель, как эта!

— А где ты была вчера вечером в десять часов?

— Синьор Мелетти,— отвечала за девочку мать.— Во Франции она была вчера, прокатилась в Париж! Где же ей ещё быть в это время, как не в постели! У меня свидетелей сколько угодно! Спросите хотя бы синьора Густаво, что живёт напротив: вчера он весь вечер сидел у нас, смотрел телевизор.

Синьор Густаво подтверждал. И «путешествие» Хитроумного Одиссея продолжалось.

— И всё же,— ворчал себе в усы добрый Мелетти,— сдаётся мне, что эту туфельку я уже где-то видел! Да, да, видел! Могу поклясться! И вот эти две дырки на ней! Кстати, про какие дырки мне говорила сегодня утром жена? Ах да, Рите опять надо покупать новые туфли. У этой девчонки просто горят подметки!

Так, обходя двор за двором, синьор Мелетти очутился наконец у своего дома. Прежде всего он постучал к привратнице, у которой была девочка лет пяти

или шести. Женщина всё ещё сердилась на синьора Мелетти, а заодно и на всех полицейских вообще, за то, что года два назад он оштрафовал её мужа за превышение скорости.

— Синьора Матильда, ваша девочка уже проснулась?

— А что, вам не терпится оштрафовать её? — зло ответила синьора Матильда.

— Что вы, никаких штрафов! Дело в том, что...

И Хитроумный Одиссей принялся объяснять ей цель своего прихода. Тем временем на лестничную площадку высыпали другие жильцы — женщины и дети, — наблюдая за происходящим. Ведь всегда было над чем посмеяться, когда сталкивались синьор Мелетти и синьора Матильда.

— Ах вот в чём дело! — передразнила синьора Матильда. — По-вашему, моя девочка марсианская шпионка?!

— Нет, я этого не говорю!

— Ну да, вы этого не говорите, но вы так думаете!

— Короче, не я сочиняю приказы.

— Но штрафуете, однако, вы!

— Я исполняю свой долг! — воскликнул оскорблённый синьор Мелетти.

— Ну так и быть! Давай, Мария-Грация, примерь туфельку... Она тебе велика, не так ли, моё сокровище? Иди обратно в постельку, моя крошка. А теперь туфельку примерю я сама!

— Но, синьора Матильда, приказ касается только детей!

— Ах вот что! Измываться над бедным ребёнком — это просто!.. Посмотрим, как вы со мной справитесь!

— Ради бога, не надо! Вы испортите туфлю!

— Это я-то?! Да я легка как пушинка! Всего сто двадцать килограммов. Вот возьму и открою на ярмарке балаган под вывеской «Женщина-пушинка». Заработаю куда больше денег, чем убирая тут за всякими!

Смех раскатился по лестнице. На площадки выглянули другие жильцы, которые ещё не принимали участия в этом спектакле. Вышли и синьора Чечилия, Паоло и Рита.

Синьора Чечилия, увидев, что муж воюет с привратницей, бросилась ему на подмогу. Паоло побежал

за нею, а Рита, конечно, следом за Паоло. Девочку уже мучили недобрые предчувствия. Она первая увидела, что предметом спора была её туфля.

— Нет, теперь-то я её примерю во что бы то ни стало! — объявила синьора Матильда на весь дом.

Сбросив домашнюю туфлю, она стала втискивать свою слоновую ногу в маленькую детскую туфельку.

— Палец влез! — торжествующе доложила она. — А теперь, увидите, влезут и остальные.

Тут вдруг вмешалась синьора Чечилия.

— Стой, что ты делаешь? — закричала она.

— Примеряю туфлю — по приказу твоего мужа!

— Да разве ты не видишь, что это туфелька Риты?! Что за глупые шутки вы тут выкидываете?

Синьор Мелетти так и застыл на месте, словно громом поражённый.

А синьора Матильда, напротив, принялась так хохотать, что чуть не задохнулась от смеха, и соседке пришлось принести ей стакан воды.

— Ты мне объяснишь, что тут происходит? — закричала синьора Чечилия, тряся мужа за плечо.

— Военная тайна... — пробормотал Хитроумный Одиссей.

— Где ты нашёл эту туфлю? И что значит весь этот цирк?

— Молчи! Не вынуждай меня говорить!

Полицейский пришёл наконец в себя и, осмотревшись вокруг с профессиональной строгостью, воскликнул:

— Освободить помещение! Разойтись! Спектакль окончен!

Первым, кто беспрекословно повиновался ему, был Паоло. Он незаметно проскользнул в дверь и пустился наутёк.

— А ну-ка, пойдём домой, разберёмся как следует!

Рита пыталась увильнуть от отца и пряталась за маму. Та, ничего не понимая, продолжала сердиться:

— Нет, вы только посмотрите, как эта толстуха испортила туфельку нашей Риты! Ничего, смеётся тот, кто смеётся последним!

Синьор Мелетти ещё несколько минут разгонял любопытных и наводил порядок на лестнице, а когда поднялся к своей квартире, то оказалось, что дверь закрыта изнутри на цепочку.

— Открой! — закричал он жене. — Именем закона!

— Какого ещё закона! Что ты хочешь с ней сделать, с бедной девочкой?

— Ты лучше у неё спроси, что она натворила! Спроси-ка у неё, где и когда она потеряла свою туфлю! Дапусти же меня, а то соседи услышат!

Это убедило синьору Чечилию. Она сняла цепочку и приоткрыла дверь, но прежде чем впустить мужа, внимательно посмотрела на него, стараясь понять его намерения. Лицо синьора Мелетти было обычным, только, может быть, немного более озабоченным, чем всегда, но всё-таки без видимых следов сумасшествия.

— Ну ладно, входи! А ты перестань реветь!

Последние слова были обращены к Рите, которая отчаянно плакала.

— Наша дочь — шпионка! — заявил синьор Мелетти. Он тяжело опустился на стул и, размахивая туфелькой, добавил: — И вот доказательство!

— Какое ещё доказательство? Дырки? Они доказывают только, что бедной Ритучче давно уже пора купить новые туфли!

— Да нет, ты не понимаешь...

— А чего же это я не понимаю?

Синьор Мелетти рассказал жене всё, что касалось туфельки, как её нашли в запретной зоне, как заподозрили, будто марсиане через детей собирают сведения, как он ходил по домам, — примеряя туфельку.

— Нет никакого сомнения, — закончил он, — что наша дочь работает на марсиан!

— Но это же не марсиане! — не выдержала Рита, вытирая слёзы о мамину юбку.

— Вот видишь! — загремел Хитроумный Одиссей. — Она знает, кто они такие! Значит, ты была там и видела их?! И потеряла туфельку, выходя из космического корабля?!

— Но это не космический корабль! — возразила Рита. — Это торт!

Мать сразу же изменила позицию и немедленно отпустила дочери подзатыльник:

— Я тебе покажу торт!

У синьоры Чечилии была привычка действовать раньше, чем думать. Рита снова расплакалась. На этот раз, однако, она плакала от обиды, что ей не поверили.

— Это торт, торт! — упрямо твердила она сквозь слёзы. — И я сейчас вам докажу это!

Она выбежала на балкон, родители кинулись за нею. Там Рита отодвинула горшок с цветами и сказала:

— Вот!

Это Паоло придумал так спрятать остаток шоколада. Он завернул его в газету, перевязал бечёвкой и подвесил к балкону. Синьора Чечилия с величайшей осторожностью потянула верёвку, будто это шнур от бомбы. Пакет был поднят, его молниеносно развернули и увидели, что там.

— Шоколад! — согласилась синьора Чечилия, доверяя своему носу. — Откуда он у тебя?

— Кто тебе дал? — наступал синьор Мелетти.

— Мне никто не давал его. Он с неба свалился! Оторвался от торта, когда тот опускался на Монте Кукко.

Второй подзатыльник доказывал, что мать не верила ни единому слову.

— Вот видишь! — воскликнул синьор Мелетти. — Она на их стороне и защищает марсиан. Придумывает разные небылицы, чтобы выгородить наших врагов! Теперь ты убедилась, что она шпионка?

— Шпионка или нет — я не знаю, — сказала синьора Чечилия, — а вот лгунья — это точно! Но только сама она не могла бы придумать такую историю... А где Паоло? В самом деле, где он?

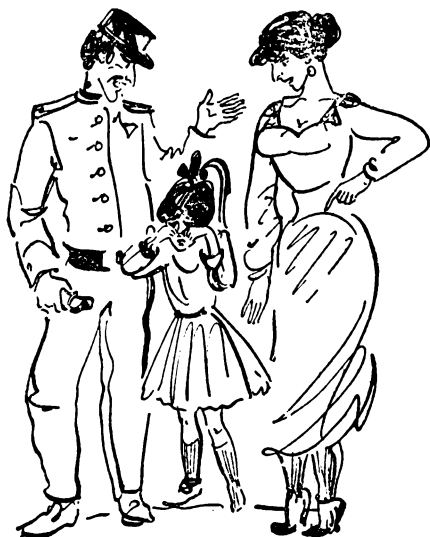
— Удрал!.. — догадался синьор Мелетти. — Но я его поймаю! А сейчас идём в штаб!

— Ты с ума сошёл! Моя дочь не пойдёт в штаб!

— Пойми, Чечилия, отечество в опасности! О, господи, что я говорю! Всё человечество в опасности! Мы не можем скрывать сведения, какими располагаем!

— Ну как может быть отечество в опасности из-за какого-то торта?! — воскликнула Рита.

Мать наградила её третьим подзатыльником и резко добавила:

— Помалкивай, а то ещё получишь! Сделаем так,— сказала она, обращаясь к мужу,—ты пойдёшь в штаб и расскажешь, как обстоит дело. По-моему, ты прекрасно понимаешь, что дети просто разыгрывают нас. Но если командование захочет поговорить с Ритой, пусть приходит сюда. Риту я туда не пущу!

Синьор Мелетти попытался было спорить с синьорой Чечилией, хотя прекрасно знал, что, решив что-нибудь, она уже никогда не меняла своего мнения. Ему пришлось вернуться в штаб с туфелькой и пакетом шоколада.

Диомед (то есть вся группа военных, гражданских и научных авторитетов) выслушал его рассказ с большим недоверием.

— У детей пылкое воображение! — проворчал генерал.

— Они известные выдумщики! — добавил полковник.

— Но это действительно кусок шоколада! — заметил Хитроумный Одиссей.

Он, разумеется, был доволен, что Диомед не принял его дочь за шпионку. Но в то же время ему было неприятно, что Риту считают лгуньей.

— А что скажет наука? — спросил генерал.

Профессор Росси и профессор Теренцио наклонились к шоколаду и понюхали эту вещественную улику.

— Ничто не мешает нам предположить, что дети нашего бравого полицейского не приобрели этот шоколад в ближайшей кондитерской,— заключил профессор Теренцио.

— Это исключено! — возразил синьор Мелетти.— По дороге сюда я обошёл все кондитерские. Во-первых, никто в Трулло не продаёт шоколад такими огромными кусками. Во-вторых, мои дети были последний раз в кондитерской на прошлой неделе. Они купили две жевательные резинки. Этот шоколад не из Трулло.

— Ах вот как! Выходит, он свалился с неба, словно манна небесная! — съехидничал профессор Теренцио.

— А если так, не хотите ли вы попробовать его, уважаемый коллега? — предложил профессор Росси.

— Нет,— возразил профессор Теренцио,— давайте лучше сделаем химический анализ. Если шоколад неземного происхождения, в нём непременно окажутся какие-нибудь неизвестные нам элементы.

— А по-моему, вы просто боитесь попробовать его! — заявил профессор Росси.

Профессор Теренцио стукнул кулаком по столу и побледнел:

— Я ничего не боюсь! Я только забочусь об интересах науки!

— Но в истории науки были мужественные врачи, которые прививали себе страшные заразные болезни! — ответил профессор Росси.

— Это вызов! — загремел профессор Теренцио.

— Совершенно справедливо! — ответил профессор Росси, в свою очередь побледнев от страха.— Сейчас мы отломаем по кусочку злополучного шоколада и съедим их. Вот тогда и увидим, земной он или космический.

Лёгкое волнение пробежало среди собравшихся.

— Синьоры,— попытался успокоить их генерал,— вам не кажется, что это несколько неосторожно? Я не могу допустить, чтобы такие выдающиеся учёные, как вы, жертвовали собой ради...

— Но мне бросили вызов! — гордо воскликнул профессор Теренцио.

— Моя дочь,— поспешил вмешаться синьор Мелетти,— говорит, что съела полкило этого шоколада и что он отличного качества и прекрасно усваивается...

— Хватит болтать! — прервал его профессор Росси.— Пора переходить к делу. Начнём эксперимент!

Тревожное молчание наступило вслед за этим призывом. Сдерживая дыхание, присутствующие наблюдали, как оба учёных, бледные, словно покойники, уставившись друг на друга, приготовились съесть два крохотных кусочка таинственного вещества.

— Генерал,— сказал профессор Росси, торжественно чеканя слова,— следите внимательно за всем, что произойдёт сейчас. Быть может, от нашего опыта зависит спасение всего человечества. Присутствие на нашей планете космических захватчиков, на мой взгляд, опасность гораздо бóльшая, чем взрыв атомной бомбы. Прекрасно понимая всё это, находясь в полном здравии и рассудке, сознавая, что...

Одним словом, профессор Росси произнёс неплохую речь. Он тянул её так долго, что присутствующие уже стали перешёпываться:

— Когда же он съест наконец этот шоколад?

Затем слово взял профессор Теренцио. Он долго говорил о солнечной системе и о космосе, упомянул Данте, Галилея, Коперника и Ньютона, указал, между делом, на различие между человеком пещерной эпохи и профессором Эйнштейном, словом, сказал достопамятные вещи, которые старательно записывались на магнитофонную ленту, дабы увековечить каждое слово.

И снова все стали спрашивать друг друга:

— Съедят они наконец этот шоколад или нет?

Вероятно, учёные ожидали, что генерал, в свою очередь, тоже произнесёт довольно длинную речь. Но генерал упрямо молчал.

И тогда учёные, глядя друг на друга в упор, словно фехтовальщики в решающий момент смертельной дуэли, поднесли ко рту кусочки шоколада и с героической самоотверженностью положили их на кончик языка.

Потом они закрыли рот.

Прожевали.

Проглотили.

Застыли, как статуи в городском парке. Вскоре гримаса исказила лицо профессора Росси. Точно такая

же гримаса, словно в зеркале, отразилась на лице профессора Теренцио.

— Ну что, плохой шоколад? — спросил синьор Мелетти, совершенно не почувствовавший торжественности момента.

Все возмущённо зашикали на него.

— Болван! — проворчал генерал. Затем, обращаясь к учёным, сказал: — Так что же, синьоры? Мы ждём.

— Я чувствую, — проговорил профессор Росси, — некоторое удушье...

— А я уже совсем задыхаюсь! — прошептал профессор Теренцио.

— Может быть... может, этот шоколад... — начал профессор Росси.

— Отравлен! — закончил его мысль профессор Теренцио.

— Живо! — приказал генерал. — Вызвать «скорую помощь»! Необходимо срочно отправить их в ближайшую больницу!

— Караул! — закричал синьор Мелетти. — Рита! Моя Ритучча! Паоло! Их тоже надо отправить в больницу! Быстрее, ради бога, быстрее!

Профессор Росси и профессор Теренцио теперь уже просто корчились, словно от ужасных болей, разрывали на себе воротнички, дрожащими руками цеплялись за генерала, за полковника и даже за синьора Мелетти.

— Вот, — крикнул кто-то, — вот что получится, когда бояться пустить в ход пушки!

Но переполох был так велик, что нельзя было определить точно, кто был автором этой исторической фразы.

ПРОФЕССОР ДЗЕТА

Пока машины «скорой помощи» под оглушительный вой сирен везли в больницу двух жалобно стонавших учёных и Риту, которая, наоборот, уверяла, что чувствует себя превосходно, Паоло, скрываясь от неприятностей, очутился в поле. Но оказалось, что слоняться без дела ужасно скучно. Чтобы убить время, он принялся охотиться за ящерицами. Прежде, когда он убегал с уроков, это занятие казалось ему необыкновенно увлекательным, а теперь оно было невыносимо нудным. Поесть ему дома не удалось, но, по правде говоря, после вчерашнего пиршества он нисколько не нуждался в еде и мог гулять ещё сколько угодно.

Когда издали донёсся вой сирены, он решил, что время уже позднее, и машинально повернул к Трулло. Из головы у него не выходила вчерашняя история с тортом.

«Мы поспешили и убежали зря! — размышлял он. — Этот таинственный синьор Джепетто, или как его там звать, был совсем нестрашный. И вовсе не походил на марсианина. Могу поклясться, что он улыбался!»

Паоло пошёл по улицам Трулло, слегка волнуясь при мысли, что его, наверное, разыскивают. Вдруг его окликнул школьный приятель:

— Паоло, что это тебя давно не видно? Ты что, болел?

— Да,— поспешил ответить он,— но теперь я уже поправился.

А про себя он подумал: «Значит, никто ничего не знает! Самое главное — не попасться на глаза отцу!»

Вскоре он оказался в расположении пожарной команды, как раз в том месте, где вчера дважды переходил «границу».

«Где два, там и три! — решил мальчик.— Но на этот раз будет гораздо труднее».

Торт на вершине холма не подавал никаких признаков жизни. Какой-то пожарник в ответ на вопрос Паоло сказал, что, по его мнению, приказ начать наступление на космический корабль может быть получен с минуты на минуту.

— Раньше, разумеется, прозвучит сигнал тревоги,— добавил он,— и всё гражданское население должно будет укрыться.

— Словом, задумали устроить марсианам небольшой душ? — мрачно спросил Паоло.

— Душ я устрою тебе, если ты не отвалишь отсюда! — ответил пожарник.

Но тут с радостным лаем неизвестно откуда примчался пёс семейства Мелетти.

— Зорро! — радостно воскликнул Паоло, лаская собаку.— Куда ты подевался, бродяга?

Зорро счастливо повиливал хвостом.

— Хочешь вернуться назад, да? — шепнул Паоло, почёсывая его за ухом.— Подожди, сейчас что-нибудь придумаем.

Счастливая мысль пришла ему, когда он увидел камень, лежавший на земле, будто кто-то специально положил его там. Паоло поднял камень, подождал, пока пожарник отвернулся, и со всей силой метнул камень вверх по склону холма. Думая, что с ним играют, Зорро, как всегда, бросился за камнем, чтобы принести его хозяину. Но как раз этого и не мог допустить Паоло. Как только собака быстро проскочила за ограждение, Паоло стремглав бросился вслед за нею и закричал:

— Помогите! Помогите! Моя собака! Я не хочу, чтобы её забрали марсиане! Арго! Арго!

— Вернись! Вернись сейчас же назад! — закричали пожарники. — Вернись назад, глупец! Стоит ли рисковать жизнью из-за собаки? Нет, вы посмотрите, этот малый сошёл с ума! Вернись сейчас же назад!

Но Паоло точно оглох. Зорро с камнем в зубах поджидал мальчика, а потом побежал вместе с ним вверх по склону, залиvisto лая, будто понял, что ему надо делать в этой игре.

— Мальчик, вернись! Там опасно! — кричали пожарники. На их крики стал уже собираться народ.

— Да это же сын синьора Мелетти! — узнал кто-то мальчика. — Смотрите, а там наверху кто-то есть!

— Марсианин! Марсианин!

— Он схватил Паоло! Он уносит его к себе на корабль!

Подбежав к тарту, Паоло успел только увидеть, как у входа в галерею, которую они с Ритой прорыли в тарте, блеснули очки таинственного синьора Джепетто. От страха у него душа ушла в пятки. «Нет, я всё-таки узнаю, кто он такой! Не зря же я сюда бежал: узнаю во что бы то ни стало!» — подумал мальчик с отчаянной решимостью.

Однако таинственный незнакомец начал действовать раньше, чем Паоло успел что-нибудь предпринять. Старик схватил мальчика за куртку и быстро втащил его в галерею, всё время пытаясь отделаться от собаки, которая вцепилась ему в ногу.

— Квик кверекек переброк! — закричал незнакомец на своём странном языке.

— На место, Зорро! Сидеть! — приказал Паоло. Что-то подсказывало ему, что этому человеку можно довериться.

— Сидеть, сидеть... — ворчливо повторил синьор Джепетто. — Но это же сказано по-итальянски! Значит, мы в Италии?! Успокой собаку, мальчик, и говори, не бойся.

— Сидеть, Зорро! Смирно! Да, синьор, мы в Италии. В Риме.

— В Риме! — воскликнул синьор Джепетто. — Кто бы мог подумать! Боже милостивый!

— А что, вы сбились с курса? — спросил Паоло.

— Сбился с курса?

— Я хотел сказать, что торт, возможно, должен был приземлиться в каком-нибудь другом городе?

— Я вижу, ты принял меня за кондитера?! Нет, мой мальчик, я не кондитер, я просто великий пу-
таник.

— Вы прекрасно говорите по-итальянски.

— Я говорю еще и на дюжине других языков так же хорошо, как на своём родном.

— То есть на марсианском? — рискнул спросить Паоло.

— На марсианском? — удивился Джепетто. — А! Теперь мне ясно, почему тут собралось столько воен-
ных, пушки, ракеты... Да, да! Иначе и быть не могло! Конечно, марсиане! Поднялась тревога... Решили, что это космический корабль... Нашествие с другой планеты... Боже мой, это же моя погибель! Я пропал!

В полном отчаянии он забыл про Паоло, а тот, освоившись, уселся на огромную засахаренную вишню, которую Зорро давно уже усердно облизывал.

— Меня зовут Паоло, — сказал мальчик, — а сестру — Рита. Вчера вечером она была здесь со мной. А сейчас я даже не знаю, где она...

— Паоло, — сказал синьор Джепетто, — извини, пожалуйста, что я не представился в свою очередь, но я не могу этого сделать. Мое имя — государственная тайна.

— А какого государства?

— И это тайна. Не спрашивай меня больше ни о чём, всё равно я не могу тебе ответить. Знаешь, я, кажется, даже забыл, как меня зовут на самом деле, такое секретное у меня имя. Зови меня просто — профессор Дзета *, если хочешь.

— Тогда я лучше буду звать вас профессор Джепетто.

— А кто это — Джепетто?

— Как! Вы не знаете сказку про Пиноккьо?

Профессор Дзета должен был признаться, что никогда не слышал о такой сказке. И Паоло, не теряя времени, стал рассказывать ему о приключениях деревянного мальчика — Буратино. Но профессор слушал его недолго.

— Как по-твоему, что это такое? Как ты думаешь? — спросил он Паоло, делая широкий жест рукой.

— Великолепный торт, профессор! — ответил

* Дзета (z) — последняя буква итальянского алфавита.

мальчик. — Самый большой и самый необыкновенный из всех, какие я когда-либо видел! Торт летающий, самый большой из всех летающих предметов, которые когда-либо плавали в воздушном океане.

— Торт! А я думал, что сошёл с ума, когда разобрал, что это такое. Решил, что у меня начались галлюцинации: шоколадные, кремовые, фисташковые... К сожалению, это действительно торт! И никуда от этого не денешься! Да, да, торт — самый обыкновенный, глупый, банальный торт!

— Глупый? Банальный? К сожалению? О чём это вы говорите, профессор?!

— Тебе не понять.

— Нет уж, извините! В чём, в чём, но уж в шоколаде я толк знаю! Так что можете мне поверить — он высшего сорта!

— Что верно, то верно. К тому же, он даже не радиоактивный.

— Откуда вы знаете?

— У меня есть счётчик. Там, в моей пещере. Счётчик Гейгера. Знаешь, что это такое?

— Прибор для измерения радиоактивности?

— Совершенно верно. Во всём этом гигантском и глупейшем торте нет ни капли радиоактивности. Я изрыл его вдоль и поперёк, я обследовал по двадцати радиусам, по всей окружности и поверхности, в самой глубине... И нигде никакой радиоактивности! Абсолютно никакой! Вот это-то и сводит меня с ума.

— Постойте, а что же тут плохого? Ведь если бы он был радиоактивным, его нельзя было бы есть!

— Ах, я уже сказал: тебе этого не понять.

— И всё-таки объясните мне, в чём дело.

— Объясню всё, что смогу. Некоторые детали, понятно, я тебе не открою — это военная тайна. Начнём с того, что я учёный-атомщик.

— Наш, с Земли?

— Ну разумеется! Да ты и сам видишь это.

САМАЯ ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ОШИБКА НА СВЕТЕ

— Примерно полгода тому назад, — продолжил свой рассказ профессор Дзета, — я получил важное

правительственное задание. Мне поручили изучить некоторые особые свойства ядерного гриба. Знаешь, что такое ядерный гриб?

— Ещё бы! Это знают даже камни! Огромное ядовитое облако, которое получается после взрыва атомной бомбы. Так ведь?

— Примерно так. Это облако имеет форму огромного гриба. Как известно, гриб этот становится добычей ветров: они разносят его во все стороны, куда хотят...

— Отравляя воздух, дождевые облака и всё прочее. Неплохой способ сеять сверху разные болезни!

— Так вот слушай дальше. Выходит, бóльшая часть атомного гриба растворяется в атмосфере, и его смертоносность от этого становится намного меньше.

— Не так уж плохо!

— Как сказать! У тебя, мой мальчик, совсем неэкономический склад ума. Зачем же терять столько драгоценного вещества?..

— Вы хотите сказать — ядовитого вещества?

— Ядовитого — тоже верно. Моё правительство озабочено другим. Если мы найдём способ управлять атомным грибом, мы сможем как угодно перемещать его в атмосфере. Атомное облако сможет тогда облетать земной шар, как маленькая Луна, а мы получим возможность останавливать его там, где хотим, а потом будем поднимать в воздух и направлять на конкретную цель. Подумай, ведь тогда одна-единственная атомная бомба заменит нам целый атомный арсенал!

— Ничего себе! Радиация с доставкой на дом! Неплохо придумано... Да знаете ли вы, профессор, что...

— Это делается для экономии, — продолжал профессор совершенно серьёзно, не чувствуя иронии в словах Паоло.

— Скажите, профессор, а разве не лучше было бы совсем не делать никаких — ни простых, ни атомных бомб?

— Этого тебе не понять. Это уже политика. А я политикой не интересуюсь. Я только учёный. Вернее — увы! — был учёным...

— Ну а что же дальше? Вы получили важное правительственное задание...

— Да, и сразу же принялся за работу, чтобы

создать управляемый атомный гриб. Не стану тебе рассказывать, сколько я провёл опытов, сколько стоило мне это пота и крови...

— ...и сколько денег! — добавил Паоло.

— Ну разумеется... Словом, месяц назад я полагал, что нашёл решение проблемы. Я передал чертежи на завод и стал наблюдать за производством бомбы для самого главного опыта. И бомба вышла на славу, скажу я тебе!

— На славу?

— Ну да, прямо-таки волшебная! Самая чудесная атомная бомба на свете: первосортный материал, элегантейшая отделка, надёжнейшая аппаратура... Помню, какой мы устроили праздник по поводу окончания работ над ней... Торжественная церемония!.. Знамена.. Брызги шампанского!.. Уйма сладостей!.. Это был волнующий праздник! Министр без конца пожимал мне руку. Помнится, он от волнения даже уронил в бомбу кусок пирожного. Знаешь, такое пирожное с кремом и шоколадом. Все немного посмеялись тогда — на том дело и кончилось. Ничего особенного ведь не случилось. Не могло же пирожное испортить механизм бомбы. Во всяком случае, тогда я так думал. А теперь — увы! — я уже иного мнения. Наконец настал день самого главного опыта... Бомбу предполагали сбросить с самолёта в море в десяти километрах от берега. Она должна была там взорваться. Решено было, что я лично буду наблюдать с самолёта за атомным грибом и управлять им в течение получаса, а затем направлю в установленное место океана.

— Какого океана?

— Э, нет, сынок, этого я тебе не могу сказать. Тайнственного океана!

— Тайнственного океана нет на географической карте!

— Ты слушай лучше, что было дальше! Всё шло прекрасно, пока не произошёл атомный взрыв. Я приказал пилоту подняться на нужную высоту, догнать атомное облако и, когда мы оказались на расчётном расстоянии, хотел приступить к самой важной части нашего опыта. Но тут произошло что-то совершенно непонятное — атомное облако быстро сгущалось и приобрело почему-то форму не гриба, а плоского цилиндра, который стал медленно вращаться вокруг своей

оси. Это было довольно странно. Но ещё удивительнее оказалось другое — этот необычный гриб совершенно не подчинялся моей системе телеуправления. Я испробовал сотни способов, пытаясь направить его хоть куда-нибудь. Я менял расстояние, высоту... Все мои попытки были тщетны — гриб отказывался повиноваться, и всё! Пилот стал нервничать, сердиться — уже кончалось горючее, и нам надо было возвращаться на базу, иначе мы рухнули бы на землю. Я был вне себя от отчаяния и не мог думать о таких мелочах. Если хочешь знать, меня это несколько не волновало — мне нужно было во что бы то ни стало заставить атомный гриб повиноваться моей воле.

— Точнее было бы сказать — не гриб, а цилиндр?

— Цилиндр, это верно! Кончилось тем, что горючее всё вышло и нам пришлось выбрасываться с парашютом. Пилот, конечно, был опытнее меня — он умело управлял своим парашютом и упал в море, там его подобрала моряки. Ну а я угодил прямо в этот самый цилиндр. Если б даже я специально целился, то не попал бы точнее: я опустился, как выяснилось позже, в самый центр!

— И набил себе шишку о шоколад? — рассмеялся Паоло.

— Никакой шишки! Наоборот, я угодил прямо во взбитые сливки и вдоволь наглотался их! Можешь себе представить, в какое я пришёл отчаяние, когда увидел, что все мои труды пошли прахом, — столько трудов, столько исследований, такие испытания, и вдруг на тебе — торт! Всего-навсего торт, пусть даже гигантских размеров. И всё из-за какой-то нелепой случайности.

— Ну и что же дальше?

— Мне хотелось сделать в торте дырку и утопиться в океане — вот что я хотел сделать дальше!

— Какая глупость! Простите меня, конечно. Но я бы на вашем месте был самым счастливым человеком на свете! Или вы не любите сладкого?

— Конечно, люблю! Прямо обожаю! Мои дети тоже очень любят сладости.

— У вас и дети есть?

— Двое. Один лучше другого, один дороже другого!

— А вы ещё бомбы делаете!

— Прощу тебя, не возвращайся к этой теме. Теперь все узнают, что я специалист исключительно по тортам. Конечно, — теперь-то я это понимаю, — пирожное, которое министр уронил в бомбу, тоже сыграло свою роль в этом нелепом превращении. Но если бы я не ошибся, когда проектировал бомбу, даже миллион самых вкусных пирожных не смог бы вызвать эту глупую шоколадную реакцию!

— Да вы должны гордиться тем, что сделали: вы же просто облагодетельствовали человечество!

— Не смейся надо мной!

— Так почему же вы не проделали в торте дырку и не бросились в океан, как думали?

— Сам не знаю... Ветер отнёс торт куда-то в сторону. И меня, понятно, вместе с тортом тоже. Еды у меня было предостаточно, сам понимаешь. И это очень досадно. Но у меня оказалась с собой бумага, и я принялся проверять расчёты, чтобы отыскать ошибку. Вчера я почти нашёл её, но тут появились вы с Ритой. Я осмотрел вашу галерею, чтобы выяснить ситуацию. Я ведь и не знал, что торт приземлился, и тем более не догадывался, что он опустился в Риме.

— Все дороги ведут в Рим! — шутливо напомнил Паоло древнюю поговорку. — Ну а что вы собираетесь делать дальше?

Профессор Дзета встал и начал ходить по галерее взад и вперёд, ступая прямо по лужам ликёра и мятной настойки.

— Мой долг — уничтожить это свидетельство моего позора, чтобы и следа не осталось от него!

— Уничтожить всю эту благодать?! Но, профессор, вы с ума сошли! Тут ведь сладостей на целый год!

— Это исключено! Я уничтожу торт, вернее, я сделаю так, что его уничтожат!

— Кто?

— Военные, которые его окружили. Прежде всего я подтверждаю их предположения, будто это космический корабль. Потом сделаю вид, будто марсиане готовятся к нападению, и навлеку на торт великолепный концентрированный удар. И огнёмёты сделают своё дело.

— Не бывает этому! Кстати, вы не учли, что и сами при этом погибнете!

— Погибну, но так надо. Не впервой учёному жертвовать собой...

— Но ещё не было такого, чтобы учёные погибали в торте, вместо того чтобы лакомиться им! Я не позволю вам уничтожить торт! Мало того, я всем расскажу, какой гениальный человек скрывается здесь — новый Леонардо да Винчи *, который умеет превращать атомные бомбы в шоколадные торты! Вы же станете самым знаменитым человеком нашей эпохи! Подумайте, профессор, на всех площадях мира признательное человечество воздвигнет вам памятники!

— С меня хватит и одного памятника — надгробного!

— Вы сошли с ума, профессор! Вы только подумайте, как прекрасна жизнь! И как вкусен этот торт!

— Я могу думать только о том, что как учёный-атомщик я навсегда обесчещен! Бесполезно меня уговаривать, Паоло. Я уже решил. Смерть не страшит меня. Помоги мне лучше осуществить мой план.

— Ни за что на свете!

— Нет, ты поможешь мне! Ты отнесёшь командованию моё послание, в котором будет сказано следующее: «Землянам — с борта космического корабля «Марс-1». В вашем распоряжении имеется полчаса, чтобы сложить оружие и вручить нам заложников — тысячу мальчишек и девчонок. В противном случае по истечении тридцатой минуты мы разрядим атомную бомбу, которая в одно мгновение уничтожит Рим». И подпись: «Командир корабля...» Нужно только придумать какое-нибудь подходящее имя. Пусть это будет, например, капитан Гор. Как ты считаешь, достаточно грозное послание? Конечно, они ни за что не согласятся на моё условие — отдать тысячу мальчишек и девчонок! Так могут поступить только варвары и убийцы! Поэтому им ничего не останется, как сразу же открыть огонь по тарту, прежде чем окончится срок ультиматума. И тогда всё будет кончено. По-латынски, как говорили древние римляне, финиш. А теперь я напишу это послание...

И профессор тотчас же дрожащей от волнения рукой принялся записывать текст ультиматума. Дойдя

* Леонардо да Винчи (1452—1519) — великий итальянский учёный и художник эпохи Возрождения.

до фразы, в которой указывалось число заложников, он немного заколебался:

— Тысячу мальчишек... Гм... А если потребовать две? Да, да, так будет лучше! Я напишу — две тысячи ребят! Они тогда быстрее начнут обстрел и сократят мои смертные муки.

— Не тратьте попусту времени,— решительно скавал ему Паоло.— Неужели вы в самом деле думаете, что я отнесу командованию вашу записку? Только сумасшедший может придумать такое!

— Конечно, отнесёшь!

— А вот и нет! Говорю вам — нет, и всё!

— Тогда я выброшу тебя из торта!

При этих словах профессор Дзета как-то странно поморщился, и Паоло показалось, что он вот-вот заплачется.

Профессор Дзета закончил своё послание, чётко написал выдуманное имя, пририсовал какие-то странные знаки и расписался.

— Это как бы марсианские письма,— пояснил он,— чтобы было убедительней!

Профессор сложил листок и протянул его Паоло:

— Ну, отнеси!

— А если нет?

— А если нет... Я сказал — сброшу тебя вниз!..

— А ну попробуйте!

Профессор Дзета соорудил страшную гримасу, пытаясь напугать Паоло, но всё равно по его глазам было видно, что он никогда в жизни не способен был кого-либо напугать.

— Не мучай меня,— захныкал он,— я ведь добрый человек...

— Добрый человек! А сам хочет уничтожить торт, чтобы он никому не достался! Такой огромный, такой великолепный торт!

— Ну пожалуйста, прошу тебя, Паоло, отнеси эту бумагу вниз!

— Ни за что!

Профессор Дзета в отчаянии, упрямивая Паоло, сделал какое-то резкое движение, взяв его за рукав. Он только хотел ещё раз убедительно попросить его, но забыл при этом, что есть ещё один, и весьма серьёзный, свидетель их беседы. Полагая, что Паоло в опасности, Зорро зарычал, вскочил и с лаем

бросился на бедного профессора, вцепившись ему в ногу.

— Ай! Ой! Спасите! — закричал профессор.

— На место, Зорро! На место! Вот видите, профессор? Вы не можете даже пальцем тронуть меня, не то что выбросить отсюда! И пока я буду здесь, торт спасён. Ведь не захотите же вы, чтоб и я погиб вместе с вами! Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Если у меня не будет выбора, я брошу послание с каким-нибудь грузом, и ты тоже умрёшь здесь! Как жертва своего упрямства. Но я не хочу доводить до этого.

— А я не хочу, чтобы торт был уничтожен.

— Скуик скуок караброк брек брок! — начал кричать учёный на своём языке.

— Если вы будете со мной так разговаривать, я совсем перестану вас понимать, — спокойно заметил Паоло.

— Скуок скек скуик...

Профессор Дзета ещё долго продолжал что-то говорить. Он был в таком отчаянии, что Паоло подумал, не теряет ли он рассудок. Но потом учёный опять заговорил по-итальянски и снова стал терпеливо убеждать Паоло отнести записку.

— Дай мне умереть тут, в этом торте, самой большой ошибке моей жизни! — молил он.

— Тогда это было бы самой большой ошибкой истории, — отвечал Паоло.

Сколько длилась эта упорная борьба? Довольно долго, нам думается. И мы не станем описывать её ход подробно, тем более что она была чисто словесной. Важно лишь, что в какой-то момент Зорро вдруг забеспокоился, наострил уши, тихо заскулил, наконец не выдержал и с лаем бросился вон из торта.

— Зорро, ты куда? — крикнул ему вслед Паоло. И тоже выглянул из торта. То, что он увидел, заставило его весело, безудержно и счастливо расхохотаться.

— Что тебя так развеселило? — проворчал профессор Дзета.

— Профессор, сколько вам нужно заложников?

— Тысяча... Две тысячи!..

— Ну, так вот они! Сами идут сюда, без всякого ультиматума! Их гораздо больше, чем две тысячи...

— О чем ты говоришь?

— Посмотрите, профессор, посмотрите сами! Идите сюда, скорее! Взгляните! А вы, ребята, быстрее наверх!

КАК ЛЕГКО ИМЕТЬ ДЕЛО С РЕБЯТАМИ

А теперь нам нужно возвратиться на некоторое время назад и проследовать за машиной «скорой помощи», которая, прокладывая себе дорогу воем сирены, везла в больницу профессора Росси, профессора Теренцио и маленькую Риту. Учёные непрерывно стонали и охали.

— Ой, ой! Как больно! — хныкал первый.

— Ай, ай! Как болит! Позовите скорее нотариуса, я хочу составить завещание! — умолял второй.

Санитары пытались успокоить их, утешали, усмиряли, прикладывали к животу пузырь со льдом. А Рита ничего не понимала:

— Да что с ними такое?

— Они попробовали фальшивого марсианского шоколада.

— Фальшивого? Да вы что, все с ума посходили! Это же самый настоящий-пренастоящий шоколад! И он вовсе не отравлен, иначе я бы давно уже умерла. Я съела целый килограмм и никогда ещё не чувствовала себя так прекрасно!

— Да замолчи ты, разве тебе понять, что тут происходит!

— Не беспокойтесь, болит у меня живот или нет — это я всегда как-нибудь разберу. Вовсе не надо быть профессором, чтобы понять, где у тебя живот и что с ним происходит.

— Да ну же, замолчи! Не беспокой этих несчастных. Видишь, как они мучаются.

— Я вижу, как они притворяются!

Санитары не стали больше разговаривать с маленькой болтуней. Впрочем, машина «скорой помощи» уже подъехала к больнице. Добрая дюжина врачей окружила Риту, и самый главный из них стал спрашивать её:

— Что ты чувствуешь?

— Ничего.

— Здесь болит?

— Нет.

— А здесь? А в этом месте? А вот тут?

— Нет, нет! Я ничего не чувствую! У меня ничего не болит! И вообще — что я должна чувствовать? Я ведь только поела шоколада! Да ещё какого прекрасного!

— Ну ладно, будь умницей, будь послушной девочкой и увидишь, что всё это пройдёт.

— Да что «ЭТО»? Я же вам говорю — я здорова! И ещё скажу, если хотите, что эта штука на Монте Кукко вовсе не космический корабль, а торт! Спросите у моего брата, спросите у синьора Джепетто.

— Кто такой синьор Джепетто?

— Я не знаю, пойдите и спросите у него, он там. Он внутри торта, в самой середине. Он его хоть весь съесть может! Везёт же людям!

Самый главный врач повернулся к другим врачам и печально покачал головой:

— Вы слышали, синьоры? Бедняжка бредит. Её больной разум причудливым образом соединяет шоколад с приключениями Пиноккьо! Очевидно, яд начал действовать на нервные центры. Надеюсь, мы сможем что-нибудь сделать. Для начала, я думаю, надо сделать укол — ввести успокоительное лекарство: оно просто необходимо.

— Абсолютно необходимо! — хором поддержали врачи.

Рита расплакалась навзрыд, стала звать маму и даже отбиваться от докторов. Но как она ни сопротивлялась и ни увёрчивалась, укол ей всё же сделали. Почти сразу же рыдания прекратились, и очень скоро Рита заснула, а медсестра вытерла ей слёзы.

Тем временем другие врачи занимались осмотром профессора Росси и профессора Теренцио. Они осмотрели их вдоль и поперёк, по очереди вслушиваясь в их кашель, постукивали молоточками по коленям, чтобы проверить рефлексы. Но, по правде говоря, они не смогли обнаружить ничего особенного. Однако и профессор Росси и профессор Теренцио во время осмотра тоже с удивлением заметили, что не могут точно указать место, где у них что-то ужасно болит.

— Здесь... Нет, здесь не болит... Может быть, тут... Нет, не тут... А может, вот здесь... Да нет же, и тут не болит!

Профессор Росси был просто огорчён, что не чувствует никакой боли, а профессор Теренцио был просто сконфужен.

— Не знаю, в чём дело, но я больше не чувствую никакой боли! — признался он.

— Если бы речь шла не о знаменитых учёных, — сказал позже один из врачей, — я решил бы, что они просто притворялись.

— Да, типичный случай самовнушения. Другими словами, здорово перетрусили...

На всякий случай выдающимся больным тоже сделали успокаивающий укол, и они почти тотчас захрапели.

Рита проснулась несколько часов спустя и сразу же закрыла глаза, лишь бы не видеть противных докторов, которые снова собрались около неё, чтобы сделать ещё какую-нибудь пакость.

«Странно только, что доктора в пижамах!» — подумала Рита и приоткрыла глаза. Вокруг неё были не доктора, а ребята — мальчики и девочки, дети из соседнего отделения. Они собрались в её палате, сгорая от любопытства.

— Кто вы такие? Что случилось? — спросила Рита.

— Ничего не случилось, — ответила девочка в красном халатике, видимо, самая старшая из них. — Мы тоже больные. Мы пришли проведать тебя.

— Спасибо, — поблагодарила Рита.

— Знаешь, — продолжала девочка в красном халатике, — мы слышали, о чём ты говорила, когда тебя привезли сюда.

— Это правда, что у нас в Трулло приземлился огромный, как гора, торт? — нетерпеливо вмешался маленький белокурый мальчик с рукой на перевязи.

— Правда! Но доктора не хотят верить мне.

— Послушай, а торт вкусный?

— Ещё какой! Вот бы и вам его попробовать! Это самый вкусный торт на свете! Да к тому же ещё космический! Он только вчера прямо с неба свалился!

— Какая красота! — воскликнул белокурый мальчик.

— Какая жалость! — вздохнула девочка в красном халатике.

— Почему жалость?

— Потому что мы не можем попробовать его.

— Это верно, — сказала Рита со вздохом, а про себя подумала: «Как легко иметь дело с ребятами! Они ведь не считают, что я вру. Сразу понимают, что им не сказки рассказывают! Верят, что торт существует на самом деле!» — Мне тоже очень жаль, — продолжала Рита, — что вы не можете попробовать торта, но, когда я выйду из больницы, я вам принесу сюда большой кусок.

— А когда ты выйдешь? — спросил белокурый мальчик.

— Не знаю, но надеюсь, что скоро.

— А вдруг, когда ты выйдешь, торта уже не будет? — спросила девочка в красном халатике.

Рита не нашлась, что ответить на этот коварный вопрос. На мгновение она представила себе, как печально будет вернуться в Трулло и узнать от Паоло, что торта больше нет, его уничтожили солдаты или унесло сильным ветром.

Ребята с тревогой глядели на неё, ожидая ответа, и в их глазах Рита прочла тот же грустный вопрос. Тогда она не выдержала. Вскочила с кровати и обвела

взглядом палату, ища свою одежду. Как бы разгадав её мысли, девочка в красном халатике сказала:

— Нашу одежду держат в шкафу, в другом месте.

— Неважно, — ответила Рита. — Я пойду так!

— А дорогу ты знаешь?

— Нет, — ответила она. — Спрошу.

— Ну и тебя сразу же отправят обратно в больницу. А я знаю, как добраться до Трулло, — надо пройти полем.

Это говорила всё та же девочка в красном халатике. Видно было, что она уже всё обдумала.

— Послушайте, — сказала она, — я знаю, как выйти из больницы со стороны сада. Притворимся, будто мы играем в прятки.

— Все пойдём? — удивилась Рита.

— Ну конечно! Все пойдём! — закричал белокурый мальчик, прыгая от радости.

— Ведь ты же сама сказала, что торт гигантский?

— Его хватит на всех ребят в Риме! — почти обиженно подтвердила Рита.

— Ну так и надо сообщить об этом всем! — воскликнул белокурый мальчик.

— В коридоре есть телефон, — сказала девочка в красном халатике, — и у меня есть монетка. Я позвоню своему брату и скажу ему, чтобы он позвонил своим товарищам и моим друзьям. А те пусть звонят дальше, пусть предупредят всех ребят, где только можно, пусть кричат на улицах, в школах, во дворах. Но ты уверена, что торта действительно хватит на всех?

— Клянусь тебе! — сказала Рита, положив руку на сердце.

— А что, если дать объявление по радио? — предложил вдруг белокурый мальчик. Все рассмеялись и даже не стали отвечать ему.

Девочка в красном халатике побежала к телефону:

— Алло, говорит Лукреция! Это ты, Сандрино? Послушай, что я тебе скажу. Только прежде возьми листок бумаги и карандаш. Будешь записывать, потому что я скажу тебе очень важные вещи. Ты слышишь? — Трубка не отвечала.

— Что с ним? — удивилась Рита. — Почему он молчит?

— Обычная история — карандаш сломан. Алло! Сандрино! Что? Ну вот, теперь он не может найти точилку. Возьми мою, она у меня в портфеле.

— Быстрее, быстрее, ради бога! — умоляли нетерпеливые ребята. — А то придёт медсестра, и нас прогонят отсюда!

Наконец Лукреции удалось продиктовать Сандрино всё, что нужно. Она диктовала ему гладко, как школьная учительница, без остановок, не ошибаясь, не запинаясь, словно уже давно обдумала весь план. Ну и умница эта Лукреция!

ВОЛШЕБНЫЙ ТЕЛЕФОН

Не знаю, читали ли вы историю про дудочника Гаммелина, который своей чудесной игрой избавил город от мышей. Гаммелину не захотели заплатить за работу. Тогда он начал играть на своей волшебной дудочке, и все ребята, что жили в городе, пошли следом за ним, даже те, которые были ещё слишком малы, чтобы ходить, — они поползли за ним на четвереньках.

Примерно то же самое произошло в тот день в Риме. Телефонный звонок Лукреции оказался таким же волшебным, как и дудочка Гаммелина. Даже, пожалуй, ещё волшебнее.

В самом деле, предположим, что знаменитый дудочник стал бы играть на своей дудочке посреди площади святого Петра в Риме. Кто бы его услышал? Несколько ребятишек, которые шалят у фонтана и обелиска. А может, и они бы не услышали — так шумят здесь автомобили. Дудочка имеет мало шансов на успех в современном городе.

К тому же дудочник, чтобы его услышали все ребята в Риме, должен был бы ходить по всему городу. Но это же адский труд! Если бы даже он ходил по городу два дня подряд и очень быстро, всё равно он не смог бы сыграть свою песенку во всех районах города, во всех предместьях и ближайших сёлах, не успел бы добраться до холмов, которые тянутся почти до самого моря. У ребят лопнуло бы терпение, и они отправили бы его обратно в страну сказок, где нет телефонов.

Телефон — вот волшебная дудочка, необходимая для современного города.

Не прошло и получаса, как телефонные звонки разнесли чудесное известие о гигантском торте во все концы Рима — от Трастевере до Торпиньяттара, от Тестацчо до Сан-Джованни, от Париоли до Куадраро.

— В Трулло приземлился космический торт, огромный, как гора!

И те, кто узнавал об этом, спешили набрать номер приятеля и немедленно сообщали ему новость, потом высывались в окно и кричали товарищам, игравшим во дворе, а затем выбегали на улицу и спешили вместе со всеми в Трулло — кто на трамвае, кто в автобусе, кто на велосипеде, а кто и просто пешком. Можно было подумать в ту минуту, что в Риме живут только одни ребята. Они выходили из всех подъездов и без возражений отдавали мячи полицейскому-регулирущику, даже не пытаясь удрать от него. Некоторые захватили с собой в узелочке завтрак, а кто-то шёл со школьной сумкой. В одной школе учителя вдруг обнаружили, что им некого учить: школьники все как один встали и направились к дверям. Но всё это по вине (или, быть может, благодаря?) одного мальчика из третьего класса, который, выглянув в окно, узнал новость от сына хозяина бара, что напротив школы. Конечно, он поспешил сообщить её всем встречным ребятам.

— Куда вы? Вернитесь на свои места! Хотите, чтобы вас всех наказали?

Но сколько учителя ни кричали, они так ничего и не могли сделать: школы опустели в одно мгновение, словно вдруг окончился учебный год. Сочинения так и остались недописанными, задачи нерешёнными, ответы по истории и географии недосказанными.

— В Трулло! В Трулло! — только и слышалось со всех сторон.

Прохожие с любопытством оглядывались на ребятшек, несущихся по улицам. Полицейские с явным смущением почёсывали себе затылки. Матери выглядывали из каждого окна, из сотен, тысяч окон и звали своих детей, выкрикивая тысячи разных имён:

— Тонино! Пьетро! Мария! Джильда! Оретта! Дарио! Альбертина!

Но где там! Они могли бы подряд перечислить все имена, какие только существуют на свете, и никто из ребят даже не обернулся бы на зов.

Ребята использовали все мыслимые средства передвижения, только бы поскорее добраться в Трулло. На одном самокате, например, умудрилось устроиться пятеро ребят. Одни ехали на трёхколесных велосипедах, другие рвались вперёд на педальных автомобилях, а третьи бесшумно скользили на роликовых коньках.

— В Трулло! В Трулло! — слышалось всюду.

Многие девочки бежали, прыгая через скакалку, потому что им казалось, будто так бежать быстрее, а ещё и потому, что без своей скакалки они не пошли бы ни в Трулло, ни в какое другое место на свете.

— Что случилось? Началась революция? — спросил один лавочник, выходя на порог своего магазинчика. — Может быть, стоит на всякий случай закрыть лавку?

Семеро мальчиков из Кампо деи Фьори одолжили у старьевщика ручную тележку, чтобы путешествовать с большим удобством: двое по очереди везли тележку, пока пятеро сидели в ней и кричали всем, кто хотел их слушать:

— В Трулло! В Трулло!

Нашлись даже такие смельчаки, что спустились по Тибру в лодках, от моста Мильвио до Мальяны, проплыв почти через весь Рим, и оттуда по лугам побежали к Монте Кукко, на вершине которого находился торт. Освещённый заходящим солнцем, он был похож издали на земляничный пудинг.

Волшебный телефонный звонок, как вы догадались уже, дошёл и до Трулло. И конечно, первыми, кто бросился бежать к тарту, были местные ребяташки.

Напрасно полицейские, пожарники, пехотинцы и кавалеристы, солдаты и офицеры пытались удерживать их.

— Мы хотим торта! — кричали ребята.

Как раз в это время Рита и Лукреция вывели из больницы своих товарищей. Тем, кто не мог ходить и оставался в палатах, они пообещали принести по хорошему куску торта.

Понятное дело, не обошлось и без слёз.

— Хочу с вами! — умолял мальчик с ногой в гипсе.

— А я побегу туда и на одной ноге! — закричал другой.

— Молодец! — сказала ему Лукреция. — Так ты

сломаешь и вторую ногу. Не беспокойся, мы не забудем о тебе.

И Лукреция пустилась бежать в своём красном халатике, в котором была похожа на большую бабочку. Рядом с нею бежал белокурый мальчик с рукой на перевязи и кричал изо всех сил:

— Как здорово, что у меня сломана рука, а не нога! Вот так удача!

Какой-то зеленщик, увидев эту группу ребят, в пижамах, халатиках, а то и просто в ночных рубашках, воскликнул:

— Эй, вы! Карнавал давно уже прошёл!.. А ты куда? Вернись сейчас же!

Последние слова его были обращены к собственному сыну, который, узнав, в чём дело, тут же бросил лопату и помчался вслед за ребяташками из больницы.

— Боже милостивый! — воскликнул профессор Дзета, выглянув вместе с Паоло из торта.

Тысяча, две тысячи, три тысячи ребят, сметая на своём пути заграждения, устремились к холму. Со всех сторон неслись радостные крики:

— Вперёд!

— На приступ!

— Даёшь торт!

— Я погиб! — прошептал профессор Дзета, прислоняясь к стене из слоёного теста. — Я не смогу уничтожить торт!

— Спорим, что он будет уничтожен! — воскликнул Паоло.

— Что ты хочешь сказать?

— Профессор, откройте глаза! Неужели вы не догадываетесь, что могут сделать с тортом ребята?! Ведь они же бегут сюда не для того, чтобы измерить его окружность или вычислить площадь основания. Не пройдёт и часа, как от торта не останется ни крошки, даже если вы будете предлагать за неё миллиард!

Лицо профессора засияло, словно внутри у него зажглась лампочка.

— Ну конечно же! Они съедят его! От него не останется ни крошки! Ура! Вперёд, вперёд, ребята! Скорее сюда, здесь на всех хватит! Приятного аппетита всей компании! Как же я был глуп и сразу не догадался!

— Ничего, — утешил Паоло, — бывает, и учёные иногда делают глупости.

Первые ряды наступающих были уже в нескольких шагах от торта и, конечно, не нуждались в любезных приглашениях: в их глазах светилось твёрдое намере-

ние немедленно уничтожить врага, не оставив от него ни единой крошки. Минуту спустя атака началась сразу со всех сторон. Плотная шеренга ребят рванулась прямо в галерею, вырытую Паоло и Ритой, и вступила в смертный бой с этим чудом кулинарного искусства. Другие, те, что помудрее, принялись уплетать наружную часть торта.

Репродуктор Диомеда гремел:

— Дети, внимание, внимание! Не принимайте угощение от марсиан! Они поднесут вам отраву и обманут вас! Не ешьте сладостей!

Но всё было напрасно. Кто стал слушать его?!

— Оставьте немного и нам! — кричали вновь бывшие, карабкаясь на холм.

Очень скоро торт оказался продырявленным, словно сыр. Галереи и переходы скрещивались на каждом шагу. Профессор Дзета ходил по торту сияющий, помогая более слабым детишкам отдирать шоколад от пола и ломать стены из миндального печенья. Он указывал желающим, где находится самое лучшее мороженое, поднимал на руки малышей, которым не дотянуться было до потолка из взбитых сливок.

— Вы марсианин? — спрашивали его ребята.

— Да, конечно! Я марсианин. Ешьте и пейте, вы гости Марса!

— Да здравствует Марс! — кричали ребята, отправляя в рот один кусок торта за другим.

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ ТОРТ!

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на приём.

— Я — Диомед! Слушаю вас. Перехожу на приём.

— Синьор генерал, происходят совершенно непонятные вещи, как на том свете! Перехожу на приём.

— А что вы знаете о том свете?! Вы что — там были? Может быть, путешествовали с Данте*, когда он спускался в ад? Докладывайте о том, что видите. Перехожу на приём.

— Синьор генерал, я не верю своим глазам!

* Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт, автор поэмы «Божественная комедия», первая часть которой называется «Ад».

— Сделайте усилие!

— Одним словом, синьор генерал, ребята кусок за куском поедают неопознанный объект! Я даже не слышу больше их криков: у них рты набиты до отказа.

— Вы хотите сказать, что космический враг раздаёт ребятам сладости?

— Синьор генерал, врага нигде нет! Видны только одни ребята, а космический предмет становится всё меньше и меньше: они его попросту уничтожают!

— Действительно, дела, как на том свете!

— Вот видите, вы тоже так считаете, синьор генерал!

Вышеописанный разговор происходил примерно около шести часов вечера того памятного дня. Разговор шёл между пилотом, облетавшим на вертолёте торт на Монте Кукко, и командованием операции «КП» («Космический пришелец»), находившимся, как вы уже знаете, в кабинете директора школы. Будучи не в силах воспрепятствовать тысячам ребят, идущим на приступ, Диомед приказал вертолёту подняться в воздух и хотя бы наблюдать за тем, что происходит!

Генералы, полковники, начальники пожарных команд и полицейские, слушая доклад пилота, старались не смотреть друг на друга — легко ли признаться, что не знаешь, как поступить в таком положении.

Тут в комнату ворвался запылавшийся полицейский Мелетти по прозвищу Хитроумный Одиссей. Он что-то невнятно залепетал.

— Да что вы там бубните? — затрепел генерал, который ничего уже не понимал.

Синьор Мелетти положил руку на сердце, чтобы сдержать его удары, и наконец смог произнести всего два слова.

— Моя жена... — сказал он, обмахиваясь беретом.

— Ну? Сожгла вам жаркое? Не пришила пуговицу на рубашке? Какое мне дело до вашей жены, сейчас, в такую минуту!

— Подождите секунду, я переведу дыхание... Моя жена сошла с ума!

— Так позвоните в сумасшедший дом и оставьте нас в покое!

— Синьор генерал, я говорю вам: она сошла с ума! Совсем сошла с ума! Она бежит по дворам, соби-

рает тысячи женщин... Они хотят идти на холм и забрать своих детей... И ещё...

— Ах, и это ещё не всё?!

— Сейчас я скажу самое страшное, синьор генерал! Я слышал, как она звонила своей сестре в Трастевере и своей кузине, которая живёт в Монте Марио, и своей тётке, что проживает...

— Послушайте, Мелетти, не хотите ли вы перечислить нам весь телефонный справочник? Ближе к делу!

— Одним словом, она почти по всему Риму разбегалась, что ребята бегут на холм Монте Кукко! Об этом знает теперь весь город! И отовсюду бегут к холму мамы! Они движутся целыми батальонами, синьор генерал! Полками и даже дивизиями!

— Где же вы были раньше? Почему не сообщили об этом немедленно?!

— Синьор генерал, всё было сделано в одну минуту! Моя жена, когда берётся за что-нибудь, то остановить её не может ничто на свете...

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на приём.

— Я — Диомед! Что ещё случилось? Перехожу на приём.

— Женщины, синьор генерал! Они прорвали ограждения! Берут приступом холм со всех сторон! Они появились внезапно, словно сорвались с цепи, и похожи на разъярённых фурий. Они несутся вверх по холму, как горные стрелки, и зовут своих детей. Перехожу на приём.

— Этого следовало ожидать, — заметил кто-то из находившихся в комнате. — Враг связал нас по рукам и ногам, и мы теперь ничего не можем поделать. Он знал, что делал, вербуя детей. Теперь сорвались с цепи матери. Действуя так, он без единого выстрела поставит нас на колени. Нам надо было разбомбить неопознанный предмет тотчас же, как только он появился, — вот что нам надо было делать!

— Ладно, пойдёмте посмотрим, — сухо сказал генерал.

Все направились к выходу, словно только и ждали сигнала.

— А вы оставайтесь! — приказал генерал полицейскому Мелетти. — Вы арестованы! Иначе вы никог-

да не поймёте, что нельзя жениться на женщине, которую не может остановить ничто на свете.

— Как же так? Остаться именно мне? Разве не я принёс вам сообщение о тревоге! И потом у меня там тоже двое детей... Имею же я право...

— Вы арестованы, и точка. И возблагодарите небо, что по крайней мере ваша дочь спасена, потому что она находится в больнице.

Но Рита в этот момент была не в больнице, а на седьмом небе! С блаженным видом она уплетала кусок нуги. Лукреция, белокурый мальчик с рукой на перевязи и все остальные её друзья из больницы смотрели на неё сияющими глазами. Говорить им было некогда. Но взгляды были достаточно красноречивы. Они держались все вместе в этой невообразимой суматохе и спокойно поедали стены торта. И если кто обнаруживал какой-нибудь новый сорт мороженого, тотчас подзывал других. Увидев склад засахаренных фруктов, тотчас же жестом показывал товарищам, ни на секунду не переставая лакомиться.

Когда же нагрянули на холм матери, сумятица стала неопишуемой. Возбуждённые, красные от волнения, кричащие, они вели себя так, словно должны были спасти детей от пожара или землетрясения.

— Карлетто! Роберто! Пинучча! Анджела! Андреа!

Гвалт, шум, крики, а затем сразу же — шлёп! шлёп! Это раздались первые пощёчины и подзатыльники, которыми матери награждали своих найденных отпрысков, с ног до головы измазанных в креме.

Синьора Чечилия, искавшая Паоло, вдруг наткнулась на Риту, схватила её в объятия и закричала:

— Девочка моя! Радость моя! Так ты не в больнице?!

— Я была там, видишь,— ответила Рита, показывая на детей в ночных рубашках, вымазанных в шоколаде и малиновом сиропе.

— Здравствуйте, синьора,— вежливо сказала Лукреция.— Хотите попробовать торта?

— Поешь, мама! — поддержала Рита.— Клянусь тебе, что он не отравлен! Разве я когда-нибудь говорила тебе неправду?!

Синьора Чечилия, немного поколебавшись, понюхала кусок торта, который ей предложили. Она была

хорошей хозяйкой и в кондитерских изделиях знала толк. Не похвалить аромат было невозможно! Одобрив запах и внешний вид угощения, она нашла отличным и его вкус:

— Это же просто чудо! Кто его сделал?

И синьора Чечилия с аппетитом принялась уплетать торт. То же самое делали теперь тысячи других мам. Они ели торт под аплодисменты ребятишек, которые давно уже, как всегда, забыли про шлепки и подзатыльники.

— А Паоло? Где наш Паоло? — спросила вдруг синьора Чечилия.

Вот и Паоло. Он, наверное, был единственным гостем на этом пиршестве, который ничего не ел. Он давно уже наелся и теперь, счастливый, ходил по торту, помогая профессору Дзета.

— Мама!

— Паоло, радость моя!

— Познакомься, это профессор, который сделал торт!

— Приятного аппетита, синьора!

— Прекрасный торт, профессор, просто чудесный! Великолепный! Поздравляю вас!

Профессор Дзета и сам уже стал думать, что торт, пожалуй, вышел отличным. Тысячи и тысячи счастливых ребятишек и мам, радостно уплетавших «небес-

ный» торт, освещённый заходящими лучами солнца, — это было прекрасное зрелище! От волнения у профессора слёзы наворачивались на глаза. Никакой самый успешный научный опыт не приносил ему раньше столько радости, сколько доставил этот неудачный эксперимент с атомным грибом. Должно быть, и в самом деле верно, что иногда учатся и на ошибках.

Медленно опускался вечер. Уже одна за другой направлялись к городу группы ребят. Почти все несли с собой большие куски торта: женщины подумали о мужьях, ребята — о бабушках и дедушках, о своих кошках и собаках, даже о канарейках. Торт окончательно потерял уже свою первоначальную форму. Там и тут оставались отдельные куски — островки шоколада, горки марципана, озерки ликёра...

— Берите, берите всё! — советовал профессор Дзета. — Несите с собой, не огорчайте меня, прошу вас!

Тут только и поднялись на холм солдаты, пожарники и полицейские. Женщины, уходя домой, угостили их тортом, и теперь они сами торопились сюда — отведать его вдоволь.

— Вперёд, братцы! — кричал профессор Дзета. — Впереди торт! Его ещё осталось несколько центнеров. Вперёд, синьор генерал! Прошу вас, присаживайтесь. Я вам всё потом объясню, а пока вспомните о вашей жене и ребятишках!

Но совет был излишним: жена генерала и генеральские дети уже давно были тут же, на самом боевом месте. Представляете, какой радостной была встреча с отцом и мужем!

Словом, торта хватило всем, кроме профессора Росси и профессора Теренцио, которые находились в больнице и лечились там от испуга.

Изрядный кусок достался и синьору Мелетти, когда синьора Чечилия, Рита и Паоло пришли за ним в школу, чтобы освободить из-под ареста.

Немного торта перепало и мне — потому что я пришёл последним и потому ещё, что мне нужно было всех расспросить, чтобы потом рассказать вам по порядку обо всём, что произошло в тот день в Трулло.

А торта ещё много осталось на холме Монте Кукко. И торта хватит на всех, если в один прекрасный день люди сговорятся и станут вместо атомных бомб делать прекрасные торты!

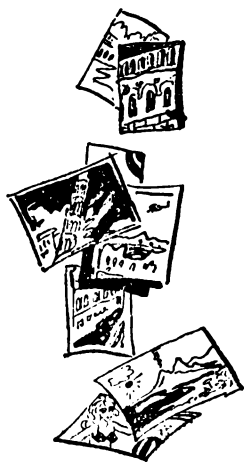
СТИХИ

ОТКРЫТКИ С ВИДАМИ ГОРОДОВ

Открытки, блестящие глянцем,
Распродаются иностранцам.

Милан с прославленным собором.
Рим: Капитолий, Купол, Форум.
Неаполь с морем и вулканом,
Откуда вьётся дым султаном.
Вот Пиза со своей всегдашней
Наклонной — падающей — башней.
Вот Генуя с морскою гаванью
И с кораблём, идущим в плаванье...

А что скрывается внутри —
Ты за открытку посмотри.

Вправду ли, вечно гоняя гондолы,
Венецианцы поют баркаролы?
Вправду ль, Неаполю только и дела —
Глазеть на вулкан да плясать тарантеллу?

Может, и так. Но я верю глазам,
Верю тому, что увижу я сам.

Разрешите мне, синьоры,
За открытку кинуть взоры,
Узнать, как дела у людей обстоят,
Что делают люди, о чём говорят,
Кто горюет, веселится,
Кто без ужина ложится,
Кто зимой не защищён
От дождя и снега,
У кого отличный сон,
Только нет ночлега.

Загляните-ка, синьоры,
За открытку, на которой
Парки, башни и соборы...

НЕАПОЛЬ БЕЗ СОЛНЦА

В Неаполе — в городе яркого света —
Есть переулочек Паллонетто.

Кривой переулок у́мен и тесен —
Без неба, без солнца, без моря, без песен.

А будет ли песня кем-нибудь спета
Для тебя, мой Неаполь, без неба, без света?

МАСТЕР
ПЛЕТЁНОЙ МЕБЕЛИ
ИЗ ГОРОДКА БЕЛЛУНО

Плетёт он стулья,
Чтоб вы сидели,
А сам сидит он на панели.

Кто делает автомобили,
Бредёт по улице пешком.
А те, что вам ботинки шили,
Частенько ходят босиком.

Порой у пчёл нет мёда в улье,
У земледельца нет земли,
А человек, плетущий стулья,
Сам на земле сидит в пыли.

ВЕНЕЦИЯ

Глядит в лагуну старый мост,
И так вода ясна,
Что в ней встаёт такой же мост,
Такая же луна.

Светла, как небо, глубина,
Полна таких же звёзд.
Где ж настоящая луна?
Где настоящий мост?

ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ПОЕЗДОВ

Шесть тысяч длинных поездов
Бегут по рельсам каждый день
От городов до городов,
Минуя сотни деревень.

Один уходит за другим
В Милан, Турин, Сиену, Рим.

Мчатся в Неаполь, Верону, Венецию,
В Геную, Лукку, Флоренцию, Специю.

Быстро везёт паровоз из депо
Нас через реку по имени По.

В Реджо Калабрия поезда
С берега сами идут на суда.

Если бы встретить их вереницей —
Все эти тысячи поездов,—

Был бы передний в горах, у границы,
Задний — у южных морских берегов.

Поезд по рельсам ведёт машинист,
Смотрит, чтоб путь был свободен и чист.

Он управляет движеньем колёс,
Может в пути задержать паровоз.

Очень советую вам я, синьоры,
Не затевать с машинистами ссоры!

СТАНЦИЯ

На этой станции,
Очень важной,
Слышен из рупора
Голос протяжный:

— В девять ноль девять с платформы девятой
Номер такой-то отходит туда-то!

Перед любым пассажиром заранее
Здесь извиняются за опоздание:

— Номер такой-то прибует сюда
Ровно... мы сами не знаем когда!

Поезд курьерский вдали появляется.
Станция громко ему представляется:

— Здравствуйте! Станция Непрозевайка.
Тот, кто приехал сюда, вылезай-ка!

После знакомства громко и кратко
Будет объявлено, где пересадка.

Скажут тебе, как пройти на вокзал,
Чтобы под поезд ты не попал.

Если случится с тобой происшествие,
Кончено будет твоё путешествие!

По рельсам — через полотно —
Переходить запрещено.

Есть под землёй для этой цели
Великолепные туннели!

ТРЕТИЙ, ВТОРОЙ, ПЕРВЫЙ КЛАСС

В третьем теснятся на жёстком диване
Мастеровые, солдаты, крестьяне.

Вот крестьянка едет с рынка,
У неё в руках корзинка,

В корзинке — дыплята белого цвета,
Едут, как видно, они без билета.

А один из них — петух —
На что-то жалуется вслух.

В классе втором — пассажиры богаче.
Едут они по делам и на дачи.

Очень хлопочет один пассажир:
Он по пути рекламирует сыр.

А в первом классе тишина,
В удобном кресле у окна,
Дымя сигарою гаванской,
Сидит банкир американский.

Он говорит: — Какой цена
На ваша чудная страна?

Глядит кондуктор, щуря глаз,
На доллары бумажные
И говорит: — Страна у нас,
Простите, непродажная!

СПАЛЬНЫЙ ВАГОН

Если бы стал я владельцем дороги
И посетил этот поезд убогий,
Поезд, где в хмурые ночи осенние,

Кроме дыхания, нет отопления,
Поезд, в котором десятки ребят
На чемоданах, свернувшись, лежат,
Поезд, где мать укрывает ребёнка
Старою шалью, дырявой и тонкой,—
Я бы на каждый ночной перегон
Детям давал бы спальный вагон.
Каждому — койку с простынкою чистой,
По одеялу из шерсти пушистой.
И приказал бы, чтоб детям в постели
Песню колёса бегущие пели.

КРАСНЫЙ СВЕТ

Красный свет —
Проезда нет.

Очень волнуется поезд курьерский:
— Эй, уберите сигнал этот дерзкий!

Сделать прошу для меня исключение.
Я — поезд особого назначения.

Красный свет
Ни слова в ответ.
Смотрит во тьму немигающий свет.

Поезд курьерский свистит: — Издевательство!
Я за границу везу их сиятельство!

Красный сигнал молчаливо горит —
Он с поездами не говорит.

Поезд гудит: — Это просто нахальство!
Я извещу телеграммой начальство!

Едет во мне господин адмирал!..—
Светит по-прежнему красный сигнал.

Слушайте, граждане! Если случится,
Поезд войны по дорогам помчится —
Зажигайте красный свет.
Стоп, машина!
Хода нет!

ДОМИК № 27

Очень мне нравится эта сторожка:
Все поезда в ней видны из окошка.
Справа и слева — деревья, кусты,
А на окошках герани-цветы.
Чей это домик? Не ваш и не мой.
Железнодорожный.
Двадцать седьмой.

ТУННель

Туннель — это ночь, но не вправду, а в шутку.
Ночь продолжается только минутку.
Поезд так быстро выходит на свет,
Что испугаться времени нет.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Это — большое вокзальное здание.
В здание имеется зал ожидания.

Если приюта нигде не найдёшь,
Ты притворись, будто поезда ждёшь.

Ночью ты голос услышишь спросонья:
— Скорый — в Неаполь! Курьерский —
в Болонью!

Сидя на лавке меж двух узелков,
Спи под напев паровозных гудков.

Думает, зал обходя, контролёр:
«Что же не едет этот синьор?

Спит на скамейке он крепко и сладко —
Верно, в пути у него пересадка».

Сплю я, синьор, не будите меня!
Только не поезда жду я, а дня.

Носят меня не колёса, а ноги.
Днём я кожу да кожу по дороге.

Жду я работы, ищу пропитанья,
Но возвращаюсь в зал ожидания...

В зале сижу я ночь напролёт.
Видно, не скоро мой поезд **придёт**.

Гул паровоза, протяжный и **звучный**,
Напоминает гудок мне **фабричный**.

Ах, контролёр, не мешайте вы мне
Видеть работу хотя бы во сне!

ДЕТСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Есть такая страна на свете,
Где в своих поездах разъезжают дети.

В поездах настоящих — с дымом, паром,
С машинистом, кондуктором и кочегаром.

По настоящим рельсам и шпалам
Поезд идёт к настоящим вокзалам.

Начальник станции — с вершок,
Чуть-чуть побольше, чем свисток.

Помощница на полвершка
Короче своего флажка.

Кондуктор главный молод тоже,
А контролёр ещё моложе.

Места для едущих ребят —
Пред окнами вагона.
В окошки путники глядят
Во время перегона.

Берёт при входе пассажир
Билет перед посадкою.
Над кассой вывесил кассир
Такую надпись краткую:

«Родителям, желающим
В ребячий сесть вагон,
С лицом сопровождающим
Являться на перрон!»

ЧЕМ ПАХНУТ РЕМЁСЛА

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.

Мимо столярной
Идёшь мастерской —
Стружкой пахнет
И свежей доской.

Пахнет маляр
Скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.

Куртка шофёра
Пахнет бензином.
Блуза рабочего —
Маслом машинным.

Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате —
Лекарством приятным.

Рыхлой землёю,
Поле и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.

Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только безделье
Не пахнет никак.

Сколько ни душится
Лодырь богатый,
Очень неважно
Он пахнет, ребята!

КАКОГО ЦВЕТА РЕМЁСЛА

Цвет свой особый
У каждого дела.
Вот перед вами
Булочник белый.
Белые волосы,
Брови, ресницы.
Утром встаёт он
Раньше, чем птицы.

**Чёрный у топки
Стоит кочегар.**

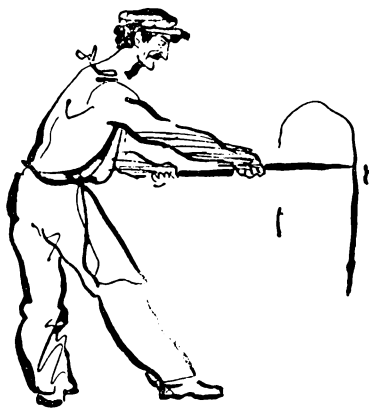
**Всеми цветами
Сверкает маляр.**

**В синей спецовке
Под цвет небосвода
Ходит рабочий
Под сводом завода.**

**Руки рабочих
В масле и в саже.
Руки богатых
Белее и глаже.
Нежные пальцы,
Светлые ногти.
Нет на них копоти,
Масла и дегтя.**

**Знаешь: пускай у них кожа бела,
Очень черны у богатых дела!**

ЧЕЛОВЕК НА ПОДЪЁМНОМ КРАНЕ

Эта маленькая песенка
Снизу вверх идёт, как лесенка.

Под землёй во тьме шахтёры
Пробивают коридоры.

Землекопы роют ров.
Скоро будет он готов.

По земле крестьянин ходит,
Плугом борозды проводит.

По столбу ползёт монтёр.
А кругом такой простор!

Лезет кровельщик повыше.
Нас с тобой не видит с крыши.

А над ним, как великан,
Носит груз подъёмный кран.

Человек на этом кране
Еле видит нас в тумане.

Но зато со всех сторон
Видит синий небосклон.

Небо слева, небо справа,
А ему не страшно, право!

«СТАРЬЁ БЕРЁМ!»

Эй, старичок — «Старьё берём»!
Что ты несёшь в мешке своём?

— Несу башмак без каблука,
Один рукав без пиджака,
Смычок без скрипки и ошейник,
Безносый чайник и кофейник
Да котелок из чугуна,

Насквозь проржавленный, без дна.
Несу министра без портфеля.
Он правил без году неделю
И призывал страну к войне,
Он у меня на самом дне!

ПОЧТАЛЬОН

Мы почтальону
Кричим вослед:
— Куда ты гонишь
Велосипед?

— Через дорогу
В последний дом
К одной синьоре
Спешу с письмом.

— А что синьора
Прочтёт в письме?
— «Не жди к обеду:
Твой сын в тюрьме.

На гладкой, ровной
Стене завода
Я вывел мелом:
«Мир и свобода».

Хоть здесь ошибки
Нет ни одной,
Меня в участок
Отвёл конвой.

Красиво, ровно
Я вывел строчку,
Да позабыл я
Поставить точку.

Ты эту надпись
Скорей исправь.
Большую точку
В конце поставь!»

СЛУЖАНКА

Вечно ворчит
На служанку хозяйка:
— Плохо погладила
Платье, лентяйка,
Окна не вымыты,
Пол не натёрт,
Ложка пропала,
Не выпечен торт.
Дня не проходит
Без новой придирки:
Соус без соли,
Крендель без дырки,
Кот не накормлен,
Кофе не молото,
Плохо начищены
Бронза и золото.
Лопнул стакан
И разбиты две банки...

Туго приходится
Бедной служанке!

СТАРЫЙ КАМЕНЩИК

Этой лопаткой
И этим отвесом
Зámки я строю
Принцам, принцессам.
Строю для всяких
Бездельников важных
Множество зданий
Многоэтажных.

А у меня
И у старой подруги
Нет ничего,
Кроме старой лачуги.
Окна без стёкол,
Крыша без жести.
Так и живём
Со старухою вместе.

Знаю я толк
И в граните и в мраморе.
Строю я дачи
С окнами на море.

Так для других
До последнего дня
Буду работать.
А кто для меня?

ПОЖАРНЫЙ

Называюсь я, пожарный,
Укротителем огня.
Злой огонь и дым угарный
Отступают от меня.

Пусть ревёт пожар, бушуя,
Как свечу, его тушу я.

Мы, пожарные, сильны.
Нам огонь послушен.
Но ещё огонь войны
Нами не потушен.

Если вновь зажгут пожар,
Он земной охватит шар.

Чтоб от пламени войны
Защитить народы,
Стать пожарными должны
Все друзья свободы.

Все противники войны
Стать пожарными должны!

ЧИЧЧО

Чиччо в подвале живёт, у помойки,
Спит на скрипучей, расшатанной койке.
Стол хромоногий да табурет —
Больше в подвале мебели нет.

Там, наверху, за окошком подвала,
За день народу проходит немало.
Если взобраться в углу на мешки,
Можно считать за окном башмаки.

Есть на земле и сады, и поляны.
Тысячи брызг рассыпают фонтаны.
В тёмном подвале по стенке всегда
Медленной стружкой стекает вода.

Мокрую стенку потрогает мальчик
И пососёт свой измазанный пальчик.

ПИСЬМО ФЕЕ

Правда ли, феи порою ночной
Сыпят гостинцы в чулок шерстяной?
Правда ли, феи на праздник игрушки

Детям хорошим кладут под подушки?
Я не шалил, хорошо себя вёл,
Но ничего я в чулке не нашёл.

Милая фея, в канун новогодний
Должен твой поезд промчаться сегодня.
Только боюсь я, что в поезде скором
Ты пронесёшься по нашим просторам
Мимо убогих домишек и хат,
Мимо хороших, но бедных ребят.

Фея, мы будем тебе благодарны,
Если ты выберешь поезд товарный.
Пусть он стоит у любого двора,
Где ожидает тебя детвора!

НОВАЯ ТЕТРАДКА

Я открываю первый лист тетрадки,
Какой он чистый и какой он гладкий!
Вот он на чёрной парте предо мною
Лежит, сверкая снежной белизною.

С какой тревогой вывожу я строчки
Своим пером блестящим на листочке,
За новой партой в классе я сижу.
Боюсь, что скоро кляксу посажу.
Но я её резинкой осторожно
Сотру с листа. И дальше ехать можно.

ЛЕЖЕБОКА

В понедельник
Я проснулся,
А во вторник
Я зевнул,
В среду
Сладко потянулся,
А в четверг
Опять заснул.

Спал я в пятницу,
В субботу
Не ходил я
На работу,
Но зато уж в воскресенье
Спал весь день без пробужденья!

СТИШОК ПРО ЛЕТНЮЮ ЖАРУ
И ГОРОДСКУЮ ДЕТВОРУ

Приятно детям в зной горячий
Уехать за город на дачи,
Плескаться в море и в реке
И строить замки на песке.

А лучше — в утренней прохладе
Купаться в горном водопаде.

Но если вас отец и мать
Не могут за город послать,—

На каменной лестнице,
Жарко нагретой,
Вы загораете
Целое лето.

Или валяетесь
Летом на травке
На берегу
Водосточной канавки.

Если б меня президентом избрали,
Я бы велел, чтобы в каждом квартале
Каждого города всем напоказ
Вывешен был мой строжайший приказ:

1.

Детям страны президентским декретом
Жить в городах запрещается летом.

2.

Всех ребятишек на летнее жительство
Вывезти к морю. Заплатит правительство.

3.

Этим декретом — параграфом третьим —
Горы Альпийские дарятся детям

З а к л ю ч е н и е :

Кто не исполнит приказа, тому
Будет грозить заключение в тюрьму!

БЛЮДО, ПОЛНОЕ СКАЗОК

В голове ребёнка жизнь и сказка удивительно переплетены. Всё, что происходит в мире, малыш рассматривает через волшебное стекло воображения. Рядом с ним живут не только его родные и друзья, но и совершенно реально, словно живые, существуют Красная Шапочка, Кот в сапогах, Дюймовочка, Буратино и много других сказочных персонажей. А наши теперешние дети близко познакомились с героями, каких не знали мы, их родители. Другьями наших ребят стали Карлсон, который живёт на крыше, Незнайка, Чебурашка, Винни-Пух, крокодил Гена, Чиполино. Их выдумали наши современники — детские писатели из разных стран.

Когда добрый сказочник из Рима Джанни Родари, впервые приехав в нашу страну, прогуливался по Москве со своей черно-волосой дочкой Паолиной (сейчас она уже взрослая, студентка университета в Болонье), та остановила отца у витрины «Детского мира».

— Посмотри, папа,— в восторге закричала она,— это же Чиполино! А это принц Лимон! И барон Апельсин!

Персонажи, рождённые воображением Джанни Родари, сошли со страниц книги. Весёлую неаполитанскую рожицу своего героя сказочник с дочкой встречали во Дворце пионеров, в фойе кукольного театра, в квартирах московских ребят, в пионерских уголках. Сбылась мечта писателя. Игрушки, которые он делал «из слов» в своих книгах, превратились в настоящие, и ими можно великолепно играть всей семьёй, всем классом, вместе с учителем. Книжки писателя — такие же игрушки, помогающие родителям сблизиться со своими детьми, вместе посмеяться, поспорить.

В нашей стране Джанни Родари любят все — и ребята, и взрослые. Любят за жизнерадостность и неистощимую фанта-

зию, за тёплый юмор. Ценят за уважение к искусным рукам тружеников и за ненависть к белоручкам-богачам. Он отлично знал, чем пахнут ремёсла, какого они цвета, чего стоят слёзы обездоленных детей — и вообще, почём фунт лиха. Не скрывая, что в мире много ещё несправедливостей, — в мире, где царствует капитал, — писатель верил в победу добра и света и этой верой увлекает читателей.

Итальянский волшебник умел так сплести фантазию с жизнью, что дети видят в нём своего сверстника, весело играющего с ними в увлекательные игры. Но в его историях за, казалось бы, сказочными событиями просматриваются подлинные явления жизни, а остроумные шутки рождают глубокие мысли.

И хотя его книги с удовольствием проглатывают дети, немало интересного для себя находят в них и взрослые. «Тут многое предназначено для взрослых, — говорил Родари. — Впрочем, я всегда, когда пишу для детей, одним глазом вижу папу, который склонился над читающим сыном. Да и сыновья понимают гораздо больше, чем нам кажется. И даже то, чего не понимают, всё равно впитывают в себя...»

Джанни Родари писал для всех сразу — что называется, от двух до шестидесяти. Кстати, ему самому в этом году тоже исполнилось бы шестьдесят лет. И этой книгой мы хотели отметить его юбилей. Когда же рукопись её была уже сдана в набор, из Рима пришло печальное известие: Джанни Родари неожиданно скончался, не дожив полгода до юбилея.

Он родился 23 октября 1920 года в маленьком городке Оменья, на севере Италии. Он расположен в горах, возле небольшого озера д'Орта с островком в центре, на котором высится старинный замок. Узенькие улицы, низенькие домики, утопающие в зелени и цветах, уютно отражаются в голубой эмали воды. Мальчик любил смотреть, как ловко и уверенно сильные руки прачек полощут бельё в озере, словно подкрашенном синькой. А по праздникам, одетые в многоцветные национальные костюмы, женщины пели. И Джанни заслушивался удивительными мелодиями народных песен.

Отец мальчика Джузеппе Родари был булочником — владельцем крохотной пекарни и магазинчика «Хлебобулочные изделия и продовольственные товары». Своё детство Джанни провёл возле жаркой печи, среди мешков с мукой и углем. «Слева — тестомешалка, прямо — белая изразцовая печь, то разевающая, то закрывающая пасть, — вспоминал писатель, — и отец — хлебопёк: вот он замешивает тесто, формует булки, суёт их в печь, вынимает. Специально для нас с братом, зная, что мы до них очень

охочи, он каждый день выпекал дюжину особых, непременно поджаристых булочек».

Позднее появятся стихи об отце:

Вот перед вами булочник белый.
Белые волосы, брови, ресницы.
Утром встаёт он раньше, чем птицы.

Отец умер от воспаления легких, простудившись под дождём, когда спасал котёнка, жалобно мяукавшего среди луж. Джанни тогда едва исполнилось девять лет.

Мать долгие годы служила прислугой в богатом доме и, конечно же, никак не могла угодить вечно ворчавшей хозяйке.

Дня не проходит
Без новой придирки:
Соус без соли,
Крендель без дырки...
Лопнул стакан
И разбиты две банки...

Трудно приходится
Бедной служанке!

Туго приходилось семье, рано оставшейся без кормильца!.. В семнадцать лет Джанни Родари уже преподаёт итальянский язык эмигрантам из Германии, которые скрывались в Италии от расистских преследований. Вскоре им пришлось бежать и от итальянских фашистов.

Юноша переходит работать в школу. Ему нравится быть с детьми. Он становится учителем младших классов. Специального образования у него не было, и, возможно, «учёным» учителем он не был, но был весёлым учителем. «Я рассказывал в классе — и потому, что любил детей, и потому, что сам был не прочь позабавиться, — истории, не имевшие ни малейшего отношения к реальной действительности и к здравому смыслу, — истории, которые я придумывал...» И ребятам учиться было ужасно интересно, потому что «в действительность можно войти с главного входа, а можно влезть в неё — и это детям куда забавнее — через форточку».

Учитель вовлекал школьников в игру, стараясь развить их фантазию. Например, он вызывал кого-нибудь из учеников к доске и просил написать на ней любое слово. Другой школьник в это время находился за доской и на обратной её стороне тоже писал своё слово — какое угодно. Класс замирал от ожидания неожиданного. Предположим, ученик на видимой стороне доски выводил «цёс». Когда же доску переворачивали, все читали

слово «шкаф». «Пёс» и «шкаф», оказавшиеся рядом, будили воображение. Дети начинали придумывать разные истории. Что будет, если соединить эти слова, скажем, так: пёс со шкафом, шкаф пса, пёс в шкафу...

А вот вам и история готова.

Доктор Полифемо, придя домой, открывает шкаф, чтобы достать куртку, а в шкафу — собака... Пёс неопределённой породы. Может быть, натаскан на шампиньоны, а может — на цикламены. Или на рододендроны. Он добродушен, приветливо виляет хвостом, вежливо подаёт лапу, но о том, чтобы вылезти из шкафа, и слушать не желает, сколько ни упрасивай его. Доктор Полифемо отправляется в ванную принимать душ и там, в шкафчике, обнаруживает другую собаку. Третья сидит в кухонном шкафу среди кастрюль, четвёртая — в посудомойке, ещё одна, в полузамороженном виде, — в холодильнике. Симпатичный щенок прячется в углу среди щёток, а маленькая болонка — в ящике письменного стола. Доктор Полифемо мог бы, конечно, вызвать привратника и с его помощью выдворить непрошенных гостей из квартиры, но доктор Полифемо собачник, и сердце подсказывает ему другое решение. Он отправляется в мясную лавку и покупает десять килограммов вырезки, чтобы накормить своих гостей. Отныне он ежедневно берёт по десять килограммов мяса. Это не может пройти незамеченным. Хозяин мясной лавки заподозрил неладное. Пошли разговоры, пересуды, начались и клеветнические измышления. А не прячет ли доктор Полифемо в своей квартире шпионов, выискивающих атомные секреты? Не производит ли каких-нибудь дьявольских опытов — иначе зачем ему столько мясных полуфабрикатов? Бедняга доктор стал терять клиентуру. Поступил донос в полицию. Начальник полиции распорядился произвести у доктора обыск. И только тут выяснилось, что доктор Полифемо претерпел все эти неприятности из-за любви к собакам.

Вот такая история получилась из двух случайно названных слов. А сколько их можно ещё придумать...

Или же — молодой учитель задавал ребятам неожиданные вопросы:

— Что было бы, если бы Милан внезапно оказался посреди моря?

— А что было бы, если бы к вам постучался крокодил и попросил одолжить ему немного розмарина?

— Что было бы, если бы ваш лифт рухнул — провалился в сердцевину земного шара или вылетел на Луну?

В самом деле, что было бы? Прочитайте ещё раз историю «Лифт к звёздам», и вы всё вспомните, что было. Эта сказка, как

и многие другие, родилась на одном из школьных уроков, которые вёл Джанни Родари.

На интересные вопросы и отвечать интересно. Не случайно великий режиссёр К. С. Станиславский назвал «если бы...» магическим словом, начинающим любое творчество.

Когда разразилась война, Родари стал активным участником движения Сопротивления, борцом против фашизма в Италии. Он вступил в ряды Коммунистической партии. После войны вёл партийную работу, а в 1948 году попробовал свои силы в газете «Унита» («Единство»), издаваемой итальянскими коммунистами.

Молодой журналист много ездил по стране, бывал на фабриках и заводах, в сёлах и деревнях. Он видел, как батраки и крестьяне бастуют и борются за землю, как рабочие защищают своё право на труд. Видел расправы с трудящимися. Он смотрел на Италию не глазами туриста, которого восхищают блестящие глянецом открытки с видами городов. Его привлекала подлинная жизнь людей труда — та, что скрыта «за открыткой».

Загляните-ка, синьоры,
За открытку, на которой
Парки, башни и соборы...

— Я участвовал в демонстрациях против войны, в борьбе за свободу, — рассказывал Джанни Родари. — Когда живёшь среди всего этого, невозможно говорить только о цветочках и мыльных пузырях — не получается! И я говорил в своих стихах о том, что видел, разъезжая по стране.

Писателем корреспондент Родари сделался, по его признанию, «нечаянно». Редактор газеты «Унита» как-то предложил молодому журналисту вести в воскресных номерах специальный «Детский уголок», Родари воспринял это поручение как партийное задание. «Я не писал вообще для любых детей, — утверждал он, — а только для тех, которые держали в руках политическую газету — газету коммунистов. И обязан был разговаривать с ними иначе, чем предписывали правила детской литературы».

В Италии в то время предпочитали издавать для ребят «книжка-карамельки» с нелепыми похождениями розового жирафа или приключениями ангелочков. Детям рабочих нужна была «книжка-хлеб», которая рассказывала бы обо всём, что их интересует, — о труде, учёбе, о подлинной жизни. И на страницах «Детского уголка» появлялись весёлые, занимательные стихи и сказки Джанни Родари.

— Я люблю писать сказки, — признавался он, — потому что эта форма даёт мне возможность говорить обо всех без исключения проблемах на языке, доступном детскому пониманию.

Дети охотно читали и заучивали наизусть стихи Джанни Родари. Они засыпали редакцию вопросами. Чтобы ответить на них, писатель придумал неугомонного, любопытного Почему. Этому Почему до всего было дело, на всё он мог дать забавный, но поучительный ответ.

Скажем, спрашивают Почему: для чего пахнут цветы? Тот с готовностью отвечает:

— Цветы пахнут для того, чтобы привлечь жуков, стрекоз, кузнечиков и пчёл. Ведь насекомые, перелетая с цветка на цветок, переносят с собой цветочную пыльцу. А только тогда, когда на один цветок попадёт пыльца с другого такого же цветка, он сможет в конце лета дать семена... Есть, правда, цветы, которые пахнут не очень приятно. Поэтому они никому не нравятся, кроме мух... Да, кстати, я чуть не забыл, что бывают ещё и поддельные цветы, из бумаги. Но, как ты хорошо знаешь, у них нет никакого запаха.

Ложь —
Всё равно
Что бумажный цветок.
Увидит простак
И в восторге ахнет.
Хоть стебель у лжи
И бывает высок,
Правдою
Ложь никогда не пахнет!

Выходит, Джанни Родари стал детским писателем вовсе не случайно. Он уже был им, когда вместе с ребятами выдумывал весёлые истории на уроках и когда, работая корреспондентом газеты, вглядывался в жизнь итальянского народа или же в ранней юности записывал в специальную «Тетрадь Фантастики» свои размышления о том, «как оживлять слова и образы». А главное — в детскую литературу Джанни Родари привела любовь к ребятам.

Писатель публиковал свои занимательные истории, полные выдумки и улыбок, в разных изданиях для детей и юношества, но обязательно в прогрессивных изданиях.

С 1951 года он вместе с писательницей Диной Ринальди возглавил иллюстрированный журнал «Пионер», где впервые появилась его повесть-сказка «Приключения Чиполлино», сделавшая имя Родари известным всему миру. Находчивый мальчик-

луковка стал любимым героем миллионов мальчишек и девочек. Книга была переведена более чем на тридцать языков — от французского до кабардино-балкарского, от немецкого до японского, от шведского до якутского.

Русских читателей с творчеством Джанни Родари впервые познакомил любимый поэт нашей детворы Самуил Яковлевич Маршак. Он начал переводить стихи своего итальянского коллеги, когда тот ещё делал первые шаги в литературе. В статье «Почему я перевёл стихи Джанни Родари» Маршак писал: «Сочинять стихи, достойные стать рядом с народной песней и считалкой, умеют только те поэты, которые живут с народом общей жизнью и говорят его языком. Таким поэтом представляется мне Джанни Родари. В его стихах я слышу звонкие голоса ребят, играющих на улицах Рима, Болоньи, Неаполя». Долгое время известность замечательного сказочника в нашей стране была гораздо большей, нежели на его родине.

— Советский Союз был первой страной, которая с такой щедрой теплотой отнеслась к моим сказкам и детским стихам, признав их даже раньше, чем Италия, где лишь в последние годы мои сочинения стали проникать в школьные учебники, — говорил Родари.

После «Пионера» Родари работал в журнале для юношества «Авангард», где организовал анкету с просьбой ответить, какие у итальянской молодёжи любимые произведения. И выяснилось, что в Италии хорошо знают и любят советскую литературу, в частности роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Потом писатель перешёл в массовую демократическую газету «Паэзе сера», где до конца жизни работал литературным сотрудником. Его фельетоны почти ежедневно появлялись на её страницах. В различных передовых изданиях Италии публиковались всё новые и новые стихи и истории Джанни Родари, где обыкновенное превращалось в удивительное, а немислимое в возможное, живущее повсюду.

За три десятилетия литературной работы Джанни Родари выпустил в свет более дюжины книжек для детей — в стихах и прозе. Почти все они переведены на русский язык.

Недавно у нас вышла очень своеобразная книга Родари, над которой он думал более тридцати лет, — «Грамматика фантазии». Это книга для взрослых, хотя её «по ошибке», шутил писатель, прочли многие ребята. Написана она живо, просто и по-родариевски остроумно. «Идея, лежащая в основе „Грамматики фантазии“, — объяснял писатель, — сводится к тому, что воображение не есть привилегия немногих выдающихся людей, что им наделены все». И сказочник пытается научить взрослых приду-

мывать занимательные истории, чтобы пробудить фантазию своих детей, помочь им развить столь ценное для человека качество. Однако, предупреждает автор, не надо воспринимать эту книжку как сборник рецептов для приготовления сказок. «Она всего лишь скромный экскурс в область фантазии как орудия познания действительности. Путь, следуя которому окунаешься в гущу жизни, а не витаешь в облаках».

А фантазия, как мы знаем, необходима не только писателю, художнику или артисту, но и математику, инженеру, рабочему или труженику полей. Воображение так же нужно человеку, как умение логически мыслить.

«Фантазия и наука, — утверждал Родари, — не соперники, не враги, а союзники, руки и ноги одного тела, дочки и матери одного интеллекта».

Книге «Грамматика фантазии» предшествовали статьи Джанни Родари, посвящённые этой же теме: «Учебное пособие по выдумыванию сказок», «Если дедушка вдруг обернётся котом», «Смешные истории», «Влюдо, полное сказок».

Таким «блюдом, полным сказок», представляется нам и эта книга, в которой собраны лучшие стихи и сказки для детей, написанные Джанни Родари. Книга эта выходит вторым изданием, дополненным и переработанным, и мы надеемся, что и на этот раз она тоже проглочена с хорошим аппетитом.

Писатель часто встречался с детьми и рассказывал им свои новые сказки, чтобы посмотреть, как они воспринимают их. Если ребята слушают его ватаив дыхание, переживают судьбу героев, смеются и грустят или гневно сжимают кулаки, когда совершается несправедливость, значит, всё в порядке — история понравилась. Если же они отвлекаются, скучают, значит, надо ещё поработать, прежде чем отдавать сказку в печать.

— Ты был уверен, — вспоминал Родари, — что в каком-то месте дети обязательно будут смеяться, а они не смеются. Ты замечаешь, что какое-то предложение содержит слово или мысль, которые ставят их в затруднение. И вдруг они смеются там, где ты совсем этого не ожидал, как бы подсказывая: вот как ты должен писать, это хорошая находка...

Ребята спрашивали Родари, как он придумывает свои сказки. Писатель рассказал об этом в книге «Грамматика фантазии», в газетах и журналах. Вот как, к примеру, создавалась книжка «Торт в небе».

«Кто-нибудь может подумать, — писал он, — что я долго вынашивал эту тему, пока не набрёл на мысль о торте. А было-то совсем наоборот.

Однажды мы сидели с товарищами в редакции газеты «Паэзе

сера» и говорили о том о сём. Кто-то из нас поделился какой-то своей мечтой, осуществить которую было совершенно невозможно. Не помню, о чём именно шла речь, но один наш старый коллега, долгое время живший в Америке, в ответ на это воскликнул: «Ну, знаешь, это просто торт в небе!» Возможно, выражение «торт в небе» звучит для американца привычно и обычно. Мне же оно показалось забавным, и я поспешил записать его на спичечном коробке...

Спустя какое-то время меня пригласили в начальную школу в предместье Рима прочитать или рассказать одну из своих новых историй. Тут мне и пришёл на память «торт в небе». Вот было бы радости, подумал я, если бы торт появился в небе именно над этим предместьем (одним из самых убогих и мрачных в Риме) и опустился на холм рядом со школой и ребятишки могли бы забраться в него и наестся до отвала...

Мало-помалу образ стал оживать: вокруг торта задвигались фигуры, завязывались диалоги. Сюжет развивался сам по себе, следуя неотразимой логике: *раз появился в небе торт, значит, должно произойти то-то и то-то, и не как-нибудь, а вот так...*

Сейчас я попытаюсь объяснить вам (или, вернее, самому себе), почему мне пришла в голову мысль связать всё с атомной бомбой. Если бы я был верующим, то я бы решил, что торт — дар небес, ниспосланный детям, чтобы сделать их счастливыми. Я нарисовал бы в своём воображении, а потом и рассказал историю о чуде. И мораль тогда была бы иной: надейтесь на бога — и получите всё, в чём вы нуждаетесь. Но я таков, каков есть: под влиянием самой жизни в моей голове созрели определённые идеи, я участник движения, которое занимает в истории своё место и ведёт борьбу в определённом направлении... Мораль сказки прозрачна: если бы огромные богатства и ресурсы, которые люди тратят на гонку вооружений, были использованы на добрые дела, то можно было бы не только накормить миллионы голодных, но и сделать так, чтобы шоколадные торты стали доступны всем.

Так, отталкиваясь от образа, я нашёл его смысл.

Теперь я был готов написать эту историю от первой до последней строки.

За книгу «Торт в небе» Джанни Родари получил общеевропейскую премию и золотую медаль. Высокими наградами были отмечены «Джип в телевизоре» и «Книга ошибок». В 1967 году он был признан лучшим писателем Италии. А в 1970 году за совокупность всех своих произведений Джанни Родари был удостоен международной премии Андерсена, своего рода Нобелев-

ской премии в детской литературе. Выступая на церемонии вручения этой премии, писатель сказал:

— Можно всерьёз говорить с людьми, даже если речь пойдёт о котятках. Можно говорить о вещах важных и значительных, рассказывая сказки. Кстати, кого мы называем «серьёзными людьми»? Возьмём, к примеру, синьора Исаака Ньютона. По-моему, это был очень серьёзный человек. Так вот однажды, если верить преданиям, ему на голову упало яблоко. Другой на его месте сказал бы пару неласковых слов и поискал бы себе для отдыха иное дерево. А синьор Ньютон, напротив, задумался: «Почему яблоко упало вниз, а не улетело в небо? Ни вправо, ни влево, а непременно вниз? Какая таинственная сила притянула его?» Человек, лишённый воображения, подумал бы, что этот Ньютон — субъект несерьёзный, раз он верит в сказки: думает, что внутри Земли сидит волшебник, который и притягивает яблоки... В его-то годы верить в подобные глупости... А синьор Ньютон сделал важное открытие, известное теперь всем. Именно потому, что не был ограниченным человеком, имел хорошее воображение и был способен объяснить неведомое. Чтобы быть великим учёным, нужна огромная фантазия. Только обладая сильным воображением, можно представить себе будущее и приняться за работу, чтобы приблизиться к нему.

У Джанни Родари была своя заветная «Белая книга». Так он называл тетради, в которых постоянно записывал свои наблюдения, выдумки, любопытные факты, неожиданные обороты, смешные фразы. Много, скопленное на этих страницах, потом находило место в новых рассказах и книгах.

Продолжал Джанни Родари работать и над «Грамматикой фантазии». Он публиковал в итальянских журналах «Упражнения по фантастике», которые, как он надеялся, должны были составить вторую часть этой необычной книги.

В прошлом, 1979 году писатель снова посетил Советский Союз, где собирал материал для книги о советской детворе. Он продолжал задавать свои неожиданные вопросы. В школе № 1 в городе Пятигорске он спросил ребят:

— Представьте себе, что вы забросили сеть и вместо рыбы поймали русалку, а она захотела, чтобы кто-нибудь из вас женился на ней. Что бы вы стали делать?

— Убежал бы, и всё тут... — ответил один.

А другой школьник сказал, хитро прищурив глаз:

— Русалки живут долго — триста лет. Пускай подождёт, пока я вырасту...

Был задан вопрос и о крокодиле.

1 — Если бы крокодил постучал в мою дверь, — ответил ма-

ленький житель Кавказа, — я бы показал ему Эльбрус. Он бы ему понравился...

Создавая свои сказки, в которых утверждаются благородные мысли и чувства, Джанни Родари помогал воспитывать людей завтрашнего дня. Он хотел, чтобы они непременно были людьми творческими — независимо от того, станут ли они космонавтами или геологами, трактористами или моряками, врачами или кондитерами... Ведь богатая фантазия нужна не для того, чтобы все были художниками, а для того, чтобы «никто не был рабом».

И ещё Джанни Родари хотел, чтобы дети наши выросли мужественными и добрыми, честными и отзывчивыми, весёлыми и общительными — чтобы они оставались оптимистами. К этой цели он стремился всем своим творчеством.

Л. Тарасов

СОДЕРЖАНИЕ

Приятного аппетита	3
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО. <i>Перевод З. Потаповой под редакцией С. Маршака</i>	7
ПУТЕШЕСТВИЕ ГОЛУБОЙ СТРЕЛЫ. <i>Перевод Ю. Ермаченко</i>	179
ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛГУНОВ. <i>Перевод И. Константиновой и Ю. Ильина</i>	279.
СКАЗКИ ПО ТЕЛЕФОНУ. <i>Перевод И. Константиновой</i>	395
Незадачливый охотник	398
Дворец из мороженого	399
Как гулял один рассеянный	401
Дворец, который можно ломать	403
Женщина, которая считала «апчки!»	406
Страна, где нет ничего острого	408
Страна, где все слова начинаются с «не»	410
Страна, где все люди сделаны из масла	411
Про Алису, с которой всегда что-то случалось	412
Шоколадная дорога	414
Как придумывают числа. <i>Перевод Л. Тарасова</i>	415.
Бриф! Бруф! Браф!	416
Как один человек купил город Стокгольм	417
Как Джованнинно потрогал короля за нос	418
Знаменитый дождь в Пьембино	421
Карусель в Чезенатико	422

На пляже в Остии	425
Про мышонка из книжонки	427
История королевства Обжория	429
Как Алиса в море побывала	430
Война колоколов	431
Фиалка на Северном полюсе	433
Про молодого рака	434
Волосы великана	436
Как убежал нос	438
Дорога, которая никуда не ведёт	440
Пугало	443
Как один мальчик играл с палкой	444
Старые пословицы	446
Про Аполлонию, которая лучше всех умела варить варенье	447
Старая тётушка Ада	449
Солнце и туча	450
Король, который должен был умереть	451
Волшебник, который умел делать кометы	453
Рыбак из Чесфалу	454
Король Мидас	456
Голубой светофор	458
Мышка, которая ела кошек	459
Долой девятку!	460
Тонино-невидимка	461
Вопросы наизнанку	464
Про Джильберто	465
Слово «плакать»	466
Перекормитное воспаление	467
Воскресное утро	468
Как поскорее уснуть	469
Кристалльный Джакомо	469
Мартышки-путешественницы	471
Синьор Притворини	472
Один и семеро	473
Про человека, который хотел украсть Коллазей	473
Лифт к звёздам	475

Троллейбус номер 75	478
Страна, где живут одни собаки	481
Бегство Пульчинеллы	482
Солдатское одеяло	484
Колодец в Кашина Пьяна	486
Про старого каменщика	488
Планета правды	489
Движущийся тротуар	491
Космическое меню	491
Учебная конфета	493
Космический цыплёнок	494
Про дедушку, который не умел рассказывать сказки	496
Приключения Пятёрки	497
Человечек из ничего	499
Всеобщая история. <i>Перевод Л. Тарасова</i>	499
 ДЖИП В ТЕЛЕВИЗОРЕ. <i>Перевод И. Константиновой</i>	 501
 ТОРТ В НЕБЕ. <i>Перевод И. Константиновой</i>	 537
 СТИХИ. <i>Перевод С. Маршака</i>	 599
Открытки с видами городов	601
Неаполь без солнца	602
Мастер плетёной мебели из городка Беллуно	603
Венеция	604
Шесть тысяч поездов	605
Станция	605
Третий, второй, первый класс	606
Спальный вагон	607
Красный свет	608
Домик № 27	609
Туннель	609
Зал ожидания	609
Детская железная дорога	610
Чем пахнут ремёсла	611
Какого цвета ремёсла	612
Человек на подъёмном кране	614
«Старьё берём!»	614

Почтальон	615
Служанка	617
Старый каменщик	618
Пожарный	618
Чиччо	619
Письмо фее	619
Новая тетрадка	620
Лежебока	620
Стишок про летнюю жару и городскую детвору	621
<i>Л. Тарасов. Блюдо, полное сказок</i>	<i>623</i>

ДЖАННИ РОДАРИ

с к а з к и

•

с т и х и

Составитель

Ирина Георгиевна Константинова

Редактор

В. Г. ДРУЯН

Художественный редактор

О. И. МАСЛАКОВ

Технический редактор

Л. П. НИКИТИНА

Корректор

Л. М. ВАН-ЗААМ

ИБ № 1584

Сдано в набор 26.03.80. Подписано к печати 30.10.80. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Гарн. школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 33,60+вкл. Уч.-изд. л. 32,09+0,04=32,13. Тираж 100 000 экз. Заказ № 432. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 69.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 67

Родари Джанни

Р60 Сказки. Стихи.— Л.: Лениздат, 1980.— 640 с., ил.

В эту книгу вошли лучшие стихи и сказки итальянского писателя Джанни Родари: «Приключения Чиполлино», «Путешествие Голубой Стрелы», «Джельсомино в Стране Лгунов», «Сказки по телефону» и другие произведения, хорошо известные советскому читателю.

Р 70803 483020000 — 153
M171(03) — 80 191 — 80

84.34

1p. 4016.